

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ



«ТАКОЙ, КАК ЕСТЬ...»

*Очерк жизни и творчества поэта
к 95-летию со дня его рождения*

МИХАИЛ НЕБОГАТОВ

«ТАКОЙ, КАК ЕСТЬ...»

Очерк жизни и творчества поэта
к 95-летию со дня его рождения

Кемерово
2015

*Выражаем признательность и благодарность
за помощь в издании книги
Губернатору Кемеровской области
ТУЛЕЕВУ АМАНУ ГУМИРОВИЧУ*

Небогатов, М. А. «ТАКОЙ, КАК ЕСТЬ...»: Очерк жизни и творчества поэта к 95-летию со дня его рождения. / Сост., компьютерный набор и вёрстка – Нина Инякина, дочь поэта. – Кемерово, 2015. – 311 с.: ил.

Обложка, художественное оформление – Павел Окунев, внук поэта.

ББК 84.Р7 + 83.3(2Р-4Кем)

Н 39

Предисловие

Как же незаметно летит время... Давно ли читающие кузбассовцы отмечали 90-летний юбилей поэта, который, как принято говорить, «стоял у истоков писательской организации» нашего Кузнецкого края. И вот новая «круглая» дата – 5 октября 2016 года Михаилу Александровичу Небогатову (5 октября 1921 – 21 марта 1990 гг.) исполнилось бы уже 95 лет.

Многое известно о его жизни и творчестве. Но его наследие столь велико, что есть ещё немало интересных фактов его биографии, которые можно и нужно сделать достоянием наших земляков. Именно с этой целью – приблизить отдалённые от нас временем события, некоторые подробности творческой и семейной жизни, показать неопубликованные ранее вещи этого необыкновенно скромного человека – мы, потомки Небогатова, и решили составить эту книгу в память о нём – нашем отце и деде.

Михаил Небогатов – признанный лирик. Его стихи о природе и о любви – самое лучшее в его поэтической «копилке». Однако он был и великолепным рассказчиком, и многолетним добровольным учителем и наставником начинающих поэтов, и строгим, но вместе с тем доброжелательным литературным критиком и рецензентом творчества собратьев по перу. Не последнее место в его творчестве занимала и работа журналиста: им написаны очерки в прозе и в стихотворной форме.

Мы положили в основу этой новой книги дневниковые записи, письма, произведения не только самого поэта, но и членов его семьи. Думается, читатели увидят и сумеют оценить, насколько творческой и талантливой была вся семья Небогатовых.

Для наглядности книга проиллюстрирована фотографиями, копиями рукописей с авторскими правками и правками редакторов.

Разумеется, здесь представлена лишь небольшая часть тех документов и материалов, которые хранятся в личном фонде Михаила Небогатова в государственном архиве Кемеровской области (ГКУ КО ГАКО. Фонд № Р-1250. ОП. 1 и ОП. 2) и в фонде областного краеведческого музея (КОКМ ОФ 21325). Но они послужат весомым дополнением к книге Светланы Небогатовой «Михаил Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет» 2006 года выпуска и станут своеобразным продолжением повествования о поэте.

Названа книга строчкой из стихотворения, которое выражает человеческую и творческую сущность Небогатова – всегда быть самим собой:

Такой, как есть, к читателям иду,
Не прячась за лирическим героем...

Составитель – Нина Инякина.

**ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ.
ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ЛИТЕРАТУРНОМ ПОПРИЩЕ**

Прежде чем начать эту главу, необходимо сделать короткое пояснение. О семье, о детских и юношеских годах будущего поэта расскажет он сам – своими стихами, очерком об учителе литературы и наброском своей родословной; поделится воспоминаниями друг детства Василий Цеханович, а жена Михаила Небогатова Мария Ивановна расскажет о первых годах совместной жизни с будущим «провинциальным классиком».

Михаил Небогатов

СТИХИ ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОЙ КНИГИ СОНЕТОВ

1972 – 1973 гг.

Немало строк забыл я на веку,
Где грусть и радость, мрак ночной
и зори,
Но помню в жизни первую строку
О лесе – о «зелёном чутком море»...
Как рысака поймал я на скаку –
Такой огонь горел в мальчишьем
взоре!
Листва казалась «чуткой»

к ветерку,
А лес казался «морем» на просторе.
Ни ямбов, ни хореев я не знал.
Родился сам и образ, и эпитет.
Как будто это кто-то подсказал:
Увидь всё то, чего другой не видит.
Когда я маме строчку прочитал,
Она – с улыбкой: «Голова микитит!»
31 октября 72 г.

Пристроюсь за обеденным столом
С карандашом простым наизготовку,
Родным своим о том, как мы живём,
Писал я письма мамы под диктовку.
Писал, что плохо стало с молоком,
Совсем, мол, заморила я коровку,
Но вот дождёмся лета и вздохнём,
Уже достала добрую литовку.

Задумавшись, клеёнку теребя,
«Живите дружно» – мама диктовала.
И улыбнувшись, посмотрев любя:
– Ну, всё, поди? Многонько накатала?
Многонько. И ни слова про себя –
Как трудно ей, как от нужды устала...
1 ноября 72 г.

О мудрости пословиц, поговорок
Узнал я не из книг и словарей –
От матери, чей образ сердцу дорог
С шагов начальных до последних
дней.
Казалось, даже вечер в щели шторок
Из-под седых заглядывал бровей –
Послушать, что сквозь морок,
вьюги шорох
Откроет память матери моей.

А это было памятью народа.
Я всё спешил в тетрадку занести.
Не лезь, мол, в воду, коль не знаешь
брода.
Мол, жизнь прожить – не поле
перейти...
И слышал я, как выюга-непогода
Шептала мне: – Запомни всё. Учти...
2 ноября 72 г.

Любовь к родной земле... Её начало,
Наверно, там, где отчее крыльцо,
Где на калитке по ночам стучало
От частых вьюг железное кольцо...
О, мама, жизнь твоя не отзвучала.

Всё в памяти: и острое словцо,
И как гостей радушно ты встречала,
Как в споре правду резала в лицо.
Как в жаркий полдень сено ты косила
С весёлой шуткой, на судьбу

не злась.
Откуда лишь бралась мужская сила,
Откуда нежность женская бралась!

Я помню, как на русской спал печи
В холодном, неудобном доме старом.
– Мам, где же папа? – Спи, сынок,
молчи...
Я засыпал, печным согретый жаром.
Но снова дверью хлопали в ночи,
Мороз, клубясь, врывается белым
паром.
Коптила лампа. Стыли кирпичи.

Владимир Палыч Алентов, о Вас
Я вспоминаю в ясный день
и хмурый.
Звенел звонок. И Вы входили
в класс
В костюме светлом, с пышной
шевелюрой.
И даже тополь замирал тотчас,
Перед окном клонясь листвою бурой,
Как только начинали Вы рассказ

Люблю густой, спокойный снегопад.
Заполонил он всё вокруг собою.
Он убаюкал сад – деревья спят,
Покрытые пушистой бахромою.
Как хорошо куда глаза глядят
Идти в обнимку с белой тишиною!
Я этой тишине, как в детстве, рад –
Она опять встаёт передо мною...
Я мимо дома мчался на коньках,

Любил я в детстве чистые тетради,
Бумажные листы, карандаши.
Всё это – при одном лишь беглом
взгляде –
Поистине отрада для души.
Пусть детство за плечами,
где-то сзади,
Но до сих пор – под тайный зов:
пиши! –
Приятно мне на ровной белой глади

Отец бухгалтер. Мать домохозяйка.
Похвастать родословною не мог.
Зато никто не скажет, что зазнайка
С холщовой сумкой этот паренёк.
Его богатство – бабки, балалайка,

Звенели птицы. Солнце жизнь дарило,
По-матерински ласково светясь...
9 ноября 72 г.

И в полусне – отец за самоваром.
А наяву – стук двери без конца.
Бессонница с неясной мне бедою...
И слёзы мамы – нет на ней лица.
Сосед в тулупе с мёрзлой бородою...
Лишь день спустя нашли в лесу отца
У дровней под осинкою седою...
9 ноября 72 г.

Про мир, что мы зовём литературой...
Учитель наш. Он скромненький и тих,
На вид такой простой, обыкновенный.
И вдруг его в газете вижу стих!
Кумир мой – строф создатель
вдохновенный!
Волшебником он стал в глазах моих,
Звездой, зовущей к цели
сокровенной...

10 ноября 72 г.

Чтоб видела меня в окошко мама.
Вдруг падал, поднимался впопыхах,
И тут же вновь бежал – скользил
упрямо!
И оттого, что мама – в двух шагах,
Я был счастливый самый, смелый
самый...

10 ноября 72 г.

Слова и строки расставлять в тиши.
Мой стол с бумагой – мой престол
в квартире,
Он дарит мне работы благодать.
С ней карандаш простой подобен
лире,
Что ощущение чуда может дать.
Не чудо ли, когда в печатном мире
Предстанет книгой эта вот тетрадь?!

4 января 73 г.

Да неба синь, как ступишь за порог.
Да общая тетрадь. Поди, узнай-ка,
Что в ней он пишет, выучив урок...
Прошли года. Не строгость кабинета,
Где зоркость секретарши у дверей,

Не речи на трибунах – нет, не это
Его судьбою стало с давних дней.

Он счастлив званием русского поэта
И гражданина Родины своей.

5 января 73 г.

О, свет далёких отроческих дней!
Я помню, как в потёмках кинозала
«Ты подружись с подругою моей», –
Мне девочка любимая сказала.
«Поверь мне: очень нравишься ты ей»,
И на кого-то рядом указала.
А я ни полотна и ни людей
Не видел. Только думал:

«Всё пропало!»
Готов был провалиться от стыда,
От страшного позора: разлюбила!
Всё, чем я жил, тревожился тогда,
Спокойно эта девочка разбила.
И как же кстати зала темнота:
Что слёзы на глазах, не видно было...

9 января 73 г.

Мальчишкою я был совсем
не хилый,
Но даром никого не задевал.
Запомнился соклассник мой, верзила,
Который мне проходу не давал.
Нападки эти были так постылы,
Что я себя однажды не сдержал,
Обидчика ударил что есть силы –

Он вдруг упал. Вскочил и... побежал.
Я в ухо залепил не инвалиду,
А драчуну, что мог меня подмять.
И понял, что нахалов, смелых с виду,
Мы просто можем в трусов обращать.
Но почему ж даём себя в обиду
Там, где отпор достойный нужно
дать?..

14 – 15 января 73 г.

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ

ОН БЫЛ ВОЛШЕБНИКОМ

Около сорока лет прошло с той уже туманной поры, когда я впервые – с холщовой сумкой через плечо – переступил порог гурьевской школы. Вспоминается что-то солнечное, тёплое, золотое – неяркий, но ласковый свет, льющийся с поблёкшей синьки сентябрьского неба, нежное прикосновение косых лучей к загорелой щеке, сухой шорох подкрашенной осенью листвы на деревьях. Вспоминаются крупные чёрные ягоды черёмухи в кульках из бледно-зелёных капустных листочков, которые мы держали в руках вместо букетов. А вот и наша первая учительница. Она встречала нас у невысокого школьного крыльца – уже немолодая, но стройная, строго подтянутая, аккуратная, в старательно отглаженном жакете, в очках, за поблёскивающими стёклами которых по-матерински приветливо излучали внимательность и доброту слегка прищуренные близорукие глаза...

К великому сожалению, беспощадное время стёрло в памяти имя этой дорогой для всех нас женщины, как и имена других учителей, которых немало было в моей жизни. Лишь одного учителя узнал бы и сейчас – так хорошо его помню. Это Владимир Павлович Алентов. Высокий, чуть сутуловатый, с большим выпуклым лбом и пышной русой шевелюрой, одетый в серый костюм, он казался мне живым воплощением доброты, ума, душевности и многих других драгоценных человеческих качеств. Никогда не повышающий голоса, удивительно простой, деликатный и вежливый в обращении с учениками, Владимир Павлович пользовался в школе всеобщим уважением и любовью. Никто не злоупотреблял его мягким характером, наоборот – даже отъявленные проказники стеснялись сделать при нём что-нибудь плохое, некрасивое.

А как самозабвенно любил Владимир Павлович литературу! Заходила, скажем, речь о Пушкине – и мы всегда узнавали от своего учителя множество стихов, которых не было в учебнике. Не раз жертвовали мы переменной ради того, чтобы

послушать звучные строфы того или иного поэта, открывающего нам новый и удивительный мир...

Однажды я развернул выходявшую в Новосибирске областную молодёжную газету «Большевицкая смена» и увидел там стихотворение, над которым стояла подпись автора: Владимир Алентов. Оказывается, мой любимый учитель сам пишет стихи, сам поэт?! Изумление, восхищение, радость открытия – целый вихрь непередаваемых чувств захлестнул меня. Я жадно впился в начальные строчки:

*С Красноармейской вдоль Бачата
На белых ветровых тачанках,
Вскружив снега, летел буран...*

С этих минут Владимир Павлович стал для меня волшебником. Он образно, простыми и в то же время удивительными словами рассказал о том, что я видел сотни раз, но о чём сам не умел сказать – и одну из гурьевских улиц, Красноармейскую, пролежавшую вдоль знакомой с рождения реки Бачат, и сбивающий с ног буран – бешеную пляску снега и ветра... Особенно поразили моё воображение «белые ветровые тачанки». Как это красиво, как сказочно-поэтично!

До этого мне не приходилось встречать ни одного живого поэта. И вот он рядом – входит по-домашнему в класс, кладёт на стол портфель, открывает журнал. Звучит его негромкий голос. Волшебник, а на вид простой, обыкновенный человек... Значит, и я смогу когда-нибудь стать поэтом? Значит, поэзия – это не только удел Пушкина и Некрасова?.. Я уже с пятого класса пробовал писать, но никому, кроме своего друга, тоже начинающего поэта, Стёпы Голованова, не показывал эти неумелые опыты, потому что не верил в себя. А прочитав стихотворение Владимира Павловича, поверил.

Скажу без преувеличения: тем, что я до самозабвения люблю поэзию, что она стала делом моей жизни, я во многом обязан волшебнику детской поры – Владимиру Павловичу Алентову.

М. Небогатов,

поэт, член Союза писателей.

// Кузбасс. – 1966. – 2 октября. – С. 2.

Василий Цеханович

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МИХАИЛЕ НЕБОГАТОВЕ*

...Он виделся мне озабоченным и вечно спешащим с обёрнутыми газетой учебниками и тетрадками. В одну из них Миша записывал свои собственные стихи. Правда, в ту пору я тоже, за компанию с ним, вероятно, сочинял и при первой возможности пускался в погоню за рифмой. Смешливые наши соклассники называли нас стихоплётами. Называли бумагомараками. И его, и меня, и ещё одного, такого же, как мы, завязанного стихотворца. Это был Качин Володя, отличник учёбы, начитанный и не по годам развитый парнишка из обеспеченной, интеллигентной семьи. Он был среди нас как бы критиком. Он жёстко анализировал и оценивал наши вирши. Одно его стихотворение было, помнится мне, тогда уже напечатано в нашей кемеровской областной газете «Кузбасс».

Володя не стал стихотворцем. Он стал, как и я, по расхожему шутливому определению, потребителем стихопродукции. А Миша торил свою стёжку. Торил да торил. Незаметно совершались в нём недоступные постороннему глазу,

* Орывок предоставлен Риммой Николаевной Качур, ветераном бывшего кемеровского завода химического волокна, на котором в 1999 – 2003 гг. редактором многотиражной газеты «Трудовое знамя» работала дочь М. А. Небогатова Светлана Михайловна Небогатова. (Прим. Н. И.).

подспудные, таинственные перемены. Формировался поэт. А внешне он был, как все мы. Бегал на лыжах зимой. Летом купался в Томи, лазал по глинистым береговым откосам. Загорал, ходил по грибы. Пёк в кострах молодую картошку. Вот разве что твёрдости, собранности, серьёзности было у Миши больше, намного больше, чем у меня и у Володи. А ещё он умел быть требовательным.

В суждениях о литературе он был независим и твёрд. Зашли мы с ним как-то к Володе. В домашней библиотеке его были стихи Маяковского. Я начал читать их вслух. Но ни стихи, ни восторженные Володины комментарии к понравившимся ему строчкам Миша явно не принимал. Он помалкивал, замкнуто хмурился, сутулясь и глядя в пол. Помалкивал, но напоследок всё же вынес свой приговор: «А вот представьте себе... Представьте... Если бы мы вдруг начали говорить на таком языке...».

А то ещё помнится: в Кемерово в командировку, по-видимому, приехал московский, популярный в ту пору поэт. Нам стало известно, что встреча с ним состоится в рабочем клубе на левобережье Томи. Мы с трудом нашли этот клуб (Ребята, вероятно, приехали из Гурьевска, где жили в то время. – *Прим. С. Небогатовой.*). Мы перешагнули порог его, когда встреча уже заканчивалась. Похожий на мастерового человек в косоворотке и сапогах гармошкой благодарил за внимание шумливых своих почитателей, уже поднимавшихся с мест. На обратном пути мы вымокли под занудным осенним дождём, забрались, плутая в потёмках, в какой-то овраг не овраг. Забрались и куда-то шли по щиколотку в грязи. Но разочарования не было. Вроде бы даже осталось какое-то удовлетворение. Как-никак мы всё же увидели взаправдашнего, настоящего поэта. Всем троим в ту пору казалось, что мы уже сделали выбор, что призвание наше – поэзия. Не ошибся в том выборе Миша. Природный свой дар, природные недюжинные способности он развивал трудом. Подвижническим трудом. Не знаю, имел ли кто доступ в его мастерскую. Мастерскую его души. Мастерскую, где он упорядочивал и выверял свои мысли...

Мария Небогатова

НЕОКОНЧЕННАЯ РУКОПИСЬ О МУЖЕ И ЕГО ЖИЗНИ*

Михаил Александрович во всей своей жизни не казался, а всегда был тем, кем он был на самом деле. И когда я перечитала его дневники, где нет ни слова фальши, а исповедь, я ужаснулась: какой тяжёлый творческий путь он прошёл. И по этому тернистому пути он шёл один, он никогда не говорил мне о тех неприятностях, которые он переживал в окружающем его мире. Я всё это узнала только сейчас, перечитывая дневники.

В июне 1946 года пришло письмо из Новосибирска – приглашение на конференцию писателей-сибиряков. Я хорошо помню это первое приглашение на собрание профессиональных писателей. Михаил был очень рад и с волнением готовился к встрече с писателями-новосибирцами. Такие приглашения получили в Кузбассе Иван Евдокимович Ерошин, в котором Михаил видел большой поэтический талант, В. Алексеев, А. Косарь, А. Волошин, Ф. Чиспияков.

Иван Евдокимович Ерошин работал тогда литконсультантом в газете «Кузбасс» и иногда бывал у нас. Уже немолодой человек, невысокого роста, одинокий, неухоженный, он подолгу сидел у нас и говорил, говорил с Михаилом о

* Рукопись без даты и названия. Написана, скорее всего, уже после смерти М. Небогатова. Текст приводится по первоисточнику. (*Прим. Н. И.*)

литературе. Один раз он показал нам книгу Р. Роллана с автографом. Я точно не помню, какая была надпись на той книге, но смысл был такой: «Талантливейшему русскому поэту И. Е. Ерошину». Михаил обожал Ерошина. И когда встал вопрос о приёме Небогатова в Союз писателей, то первую рекомендацию он попросил у Ерошина, хотя Иван Евдокимович уже в то время жил в Москве.

Очень требовательный в литературных делах, Иван Евдокимович сразу же дал согласие рекомендовать Михаила Александровича в Союз писателей. О его требовательности в поэзии хорошо знали все работники редакции газеты «Кузбасс», где Иван Евдокимович работал литературным консультантом, и все молодые авторы, пробующие свои силы в поэзии.

Однажды кто-то из работников редакции даже зло пошутил (текст обрывается).
– *Прим. Н. И.*

А намеченная новосибирцами конференция была перенесена на ноябрь.

Она проходила с 27 ноября по 2-е декабря. В работе конференции приняли участие самые известные писатели Сибири. Острой критике на конференции были подвергнуты кемеровчане В. Алексеев и А. Косарь. Очень тепло и мягко отзывались о творчестве Небогатова А. И. Смердов и К. Лисовский, говоря, что поэт он молодой и обещающий.

Мы жили в маленькой комнатке двухэтажного дома, построенного американцами рядом с коксохимическим заводом, который они помогали возводить кемеровчанам. Этот весь дом занимала семья одного американского специалиста. Теперь же в нём жили десять семей. У каждой семьи – по комнате. В неё едва вмещалась узкая металлическая кровать, стол и одна детская кровать. Вместо окна была балконная дверь. Самого же балкона не было. За дверью – отвесная стена над бушующим водопадом (отработанная на ГРЭС вода). Этот не смолкающий ни на миг шум водопада приводил в ужас каждого, кто приходил к нам в гости. «Да как вы тут живёте?» – удивлялись все.

А мы – ничего. Молодые, здоровые, мы просто не замечали его. Только дверь открывать было всегда немножко страшно. С высоты второго этажа шум водопада кружил голову. Особенно боялись за детей. Дочке было три года, одному сыну – два, другому сыну – год.

Кабинетом для работы Михаилу служила кладовка. В ней же была установлена электроплитка, на которой я готовила еду. Здесь, в этой кладовке, была написана первая его книга «Солнечные дни». Удивительно, но, работая и живя в тяжелейших условиях, Михаил написал книгу с таким названием, которое вполне отвечало и её содержанию. В областной газете появились одна за другой две рецензии. Одна серьёзная, вдумчивая и доброжелательная (автор М. Немченко), другая поучающая. Ни та, ни другая не вызвали у Михаила никаких чувств. Он себя считал лучшим судьёй своих стихов.

А в это время было у него постоянное чувство неудовлетворённости всем, что делал. И хотя вышла в свет книга, в газетах каждую неделю печатались его стихи, в дневнике в это время пишет: «В творчестве моём прежнее болотное спокойствие. Не могу найти твёрдую почву для создания настоящей поэтической вещи. Чувствую, что стихи мои пока слабы, неоригинальны. Не удовлетворяет меня всё, что я написал и пишу. И дело тут не в отсутствии способностей или неопытности. Пока не могу найти свою тему. Необходима моя – *небогатовская* – тема. Чёрт возьми, как некстати закрыли двери в храм лирики. Чувствую, что именно это – мой путь в литературе. Но ничего. Я верю в себя, а уверенность – залог успеха».

Это смятение души, эти бесконечные творческие поиски самого себя усугублялись беспросветной нищетой, а также поисками улучшения наших взаимоотношений. Я, в 25 лет, обременённая тремя детьми, которых не во что было

одеть, нечем накормить, никак не могла поверить в искренность его добрых чувств ко мне и очень страдала. Мне казалось естественным и закономерным, если он оставит меня с детьми – это тяжкое бремя, женится на более или менее обеспеченной и свободной от детей женщине, которая сможет создать для него необходимые условия, где бы он смог работать в полную силу. А поклонниц у него было хоть отбавляй. Бывало, идём вечером из театра или кино, а за нами целые группы девушек, и слышим: «Это Небогатов, это Небогатов. Давайте попросим автограф».

Моё постоянно настороженное чувство, подозрительность, недоверие часто выливались в плохое настроение, которое он не мог не видеть и не реагировать на него. Только позже, гораздо позже я убедилась, что меркантильная сторона жизни совсем чужда ему. А моё состояние тоже понимал по-своему: как недостаточную любовь с моей стороны, непонимание его. И тоже очень страдал. И в дневнике запишет: «Тяжело, очень тяжело. Настолько мне не везёт в жизни, что теряешь интерес к ней. Ничего не остаётся у меня, кроме одного – мира поэзии. Это единственное, что может быть попутчиком, верным путеводителем всей жизни».

Я, с утра до вечера занятая детьми, учительской работой, не могла уделить нужного внимания мужу, и это угнетало его.

Однажды зимой он почувствовал себя плохо. Каждый день к вечеру поднималась высокая температура. Врач порекомендовал поехать в Новосибирск, чтобы проконсультироваться у Профессора. И вот какое впечатление осталось от этой поездки: «Проезд сейчас ужасно труден. Люди мечутся из одного города в другой. Воровство, хулиганство. Дети-нищие стоят у киосков, выпрашивая что-нибудь поесть. Всюду безногие, безрукие инвалиды войны. В агитпункте вокзала в Новосибирске прочитал книгу стихов новосибирского поэта Казимира Лисовского. Стихи мне очень понравились. Самое хорошее в них – верный поэтический тон, искренность, задушевность.

В «Новом мире» прочитал стихи С. Наровчатова и Коростелёва. Оба не понравились. Как Бальмонт сто раз склонял слово «любовь», так они в каждой строфе кричат о коммунизме, партии, стройке, отгремевшей войне. Рифмоплётство. Причём, рифмуют-то не иначе как «остыл – кусты», «даль – года». Моя бы воля, так я их близко к журналу не пустил. Политика политикой, но поэзия не должна снисходить до назначения брошюры.

Сам давно ничего не пишу. Наступил на горло собственной песни, и вот она молчит, потому что никому не нужна. А большие горизонты сегодняшнего дня не вмещаются в рамки моих бумажных листов. Не хватает воздуха для глубокого дыхания. В моих стихах может появиться только то, что есть в моём сердце. За это я отвечаю совестью, а иногда и кровью могу подписаться под созданными строками».

А жизнь, постоянное безденежье обязывали писать однодневки то в газету, то в радиопередачи. Но эти стихи не приносили удовлетворения. И всё-таки в творчестве и только в творчестве он видел цель своей жизни. Оно было его путеводной звездой.

После моих многократных хождений в разные инстанции нам, наконец-то, дали квартиру. Расположена она на окраине города в небольшом двухэтажном доме на берегу реки Искитимки. Самое неприятное в ней – это печное отопление, отсутствие воды. За водой ходили на колонку. За зиму сжигали до 10 тонн угля. Мне пришлось уйти с работы, т. к. зимой целый день приходилось кочегарить, иначе в квартире невероятный холод. А Михаилу нравится квартира – просторная, хотя и из двух комнат, уютная. А главное – за городом, рядом с природой. Утром встаёт, садится на велосипед и вмиг в поле, среди перелесков. Обожал он эти

прогулки на велосипеде. Но опять, когда к нам приходили друзья, особенно осенью или зимой, снова говорили: «И как вас сюда занесло. Грязища кругом, не проедешь – не пройдёшь». И точно, добраться к нам из центра города было не просто: транспорта никакого. Пешком по бездорожью.

Однажды к нам пришла Стихия Михайловна Соколовская, корреспондент «Учительской газеты». Была ранняя весна. Искитимка разлилась и затопила мостик, по которому к нам можно было пройти более коротким путём. И ей пришлось идти обходным, где большой массив частного сектора. – «Боже мой! – воскликнула она, войдя, и с ужасом глядя на свои грязные сапоги. – Где вы живёте?! Это же семнадцатый век. И в таких условиях живёт лучший поэт Кузбасса! Возмутительно! Я сегодня же иду в облисполком и буду бить тревогу до тех пор, пока тебя, Миша, – обратилась она к Михаилу, – не вытащу из этой дыры».

Михаил тогда работал редактором художественной литературы в только что созданном книжно-журнальном издательстве. Ходить на работу было очень далеко, а транспорта никакого не было, но я ни разу не слышала от него, что для него это обременительно.

Стихия Михайловна – участница Великой Отечественной войны, женщина высокой культуры, образованности, готовила к изданию свой поэтический сборник, и пришла просить Михаила стать редактором этой книги. Михаил согласился выполнить эту работу. Целую неделю они с утра до вечера сидели над книгой. (Предисловие к первому сборнику С. Соколовской «Лирический дневник» М. Небогатов написал, хотя оно и не было опубликовано. Редактором сборника стал Борис Ковынёв. – *Прим. Н. И.*).

А в облисполкоме Стихия Михайловна действительно забила тревогу насчёт наших жилищных условий. Раиса Ивановна Миронова, работавшая в то время зам. председателя облисполкома, узнав от Соколовской, в каких условиях живёт её любимый поэт, взяла на себя этот сложный вопрос: поставить Небогатов на очередь и проследить за тем, чтобы он по возможности быстрее получил благоустроенную квартиру. И дело пошло на лад. Через год мы действительно получили 3-комнатную квартиру в центре города, с телефоном. У детей была отдельная большая и уютная комната. У Михаила – уединённый кабинет. В первое время он был недоволен этой квартирой. Под окном – шуршание машин, людской гомон, одним словом, городской шум всё время напоминал о себе, а было: идеальная тишина, редкие священные уголки природы, которые волновали его, настраивали, вдохновляли на стихи о природе.

Много писал, и всё-таки угнетала постоянная неудовлетворённость в работе над стихами, и часто говорил мне: чувствую я глубже, чем выражаю.

Однажды к нам в гости пришли брат Михаила Григорий с женой Марией Петровной. Бездетные, свободные от всех забот, они все выходные дни проводили у нас. Был разгар июля.

Вдруг в нашу комнату входит дочка Светлана и сообщает: – Папа, к тебе. Мы никого не ждали, поэтому вышли оба с Михаилом. У двери стояла пожилая женщина невысокого роста и в руках держала огромную охапку, нет, не букет, а именно охапку необыкновенно красивых цветов.

Женщина, явно смущённая, торопливо заговорила: – Мне бы Михаила Небогатова увидеть.

– Я Вас слушаю.

– Так это Вы – Михаил Небогатов? Ой, я Вас именно таким и представляла.

Это была любитель-цветовод Варвара Гурьевна Ульдина – неоднократная победительница городских выставок цветов. Она жила в частном доме и увлекалась разведением цветов. Каких только шедевров она не выращивала. А второе её

увлечение – поэзия. Она хорошо понимала и чувствовала слово. С тех пор долгие годы в нашей квартире с ранней весны и до глубокой осени были цветы, подаренные Варварой Гурьевной.

Позже она говорила: «Если однажды весной я не принесу вам цветов, значит, меня не будет на земле». Так и случилось: однажды в феврале нам позвонили цветоводы-любители и сказали, что скончалась Варвара Гурьевна. Мы пошли проститься. В большом полупустом доме стоял гроб, рядом несколько старушек. – «Сына ждём! – ответили они на наш немой вопрос. – Он живёт в Москве». Она одна жила в доме. Варвара Гурьевна была очень симпатична нам. В свои семьдесят лет она была молода душой, чувствовалась в ней какая-то скромность, возвышенность. В одну из своих книг Михаил Александрович включил стихотворение, посвящённое Варваре Гурьевне. (Речь идёт о стихотворении «Радуга на столе» из сборника «Спасибо сентябрю», 1972 г. – Прим. **Н. И.**)

В феврале 1958 года из Новосибирской писательской организации Михаилу Александровичу пришло письмо с просьбой прислать рекомендации для вступления в Союз писателей. Одну рекомендацию Михаилу дал Иван Евдокимович Ерошин, проживавший в то время в Москве, а другую Елизавета Константиновна Стюарт. И Ерошин, и Стюарт хорошо знали творчество Небогатова и в своих рекомендациях выражали уверенность, что трудолюбивый и талантливый поэт вполне созрел для вступления в Союз писателей. А в начале марта отправил рекомендации в Новосибирск. Но в июне нам стало известно, что рекомендаций в Новосибирской писательской организации почему-то нет. Куда они могли исчезнуть, никто не знал. В связи с этим откладывалось вступление в Союз.

(Найти материалы, связанные с Ерошиным). (Приписка сделана рукой Марии Ивановны. – Прим. **Н. И.**). Михаил считал его большим художником, знатоком русского языка. Но вот прошли годы, и ценители русской литературы, русской культуры собирают сведения по крохам об этом скромнейшем, талантливом человеке.

Одним из самых любимых писателей у Михаила был Иван Бунин. Он очень любил и стихи, и прозу Бунина. К его произведениям он обращался постоянно. И когда я задавала ему иногда вопрос: «Что бы мне почитать?», – он всякий раз обязательно говорил: «Почитай Бунина. Не пожалеешь». Однажды, перечитывая его произведения, Михаил обратил внимание на мастерскую отделку сонета. Захотелось самому попробовать силы в сонете. И загорелся этой нелёгкой, требующей большого поэтического мастерства работой. Написав целую книгу сонетов, он завершил её венком сонетов (15 сонетов). Хотя за венок долго не принимался, мол, не по плечу мне.

В это время он мало с кем общался, и не с кем было поделиться своими сомнениями и успехами. Один и только наедине с собой он размышлял о поэзии, её назначении, о своих удачах и неудачах. Единственными и постоянными его учителями были русские классики: Пушкин и Лермонтов, Бунин, Фет, Тютчев, которых он любил перечитывать. Из современников признавал, как самого выдающегося, Твардовского. И с каждым годом всё более и более убеждался, что нашумевшие имена Евтушенко, Вознесенского, Рождественского скоро уйдут в забвение, т. к. случайный всплеск волны вынес их на гребень славы. Он считал, что жизнеспособны только стихи, проникнутые сокровенными движениями ума и сердца. Всё, что рождено другими побуждениями, отметётся жизнью. Каждый поэт интересен только неповторимостью, своим «я». Именно за это он высоко ценил В. Шукшина. А в это время, пору 50 – 60-х годов, наша литература заостенела в шаблоне, славословии, барабанном треске.

В этот период, период абсолютного безденежья, когда я из-за детей не могла работать, а он, работая в издательстве, получал мизерную зарплату, он много писал для газет, радио. Журналисты охотно заказывали ему стихи для целевых полос, радиопередач:

*Заказ редакции – стихи
Я должен дать газете.
Пусть другие к ним глухи –
Люблю заказы эти...
Хотя, что надо, не смогу
Я быстро всё исполнить,*

*И всё ж о том, что я в долгу,
Приятно знать и помнить.
Застой сердечный не любя,
Жить так и дальше будем.
Людьми мы чувствуем себя,
Пока нужны мы людям.*

Нужны стихи к октябрьским праздникам – заказывают Небогатову, к Первомайским – Небогатову, нужно в стихах прославить кукурузу – просят Небогатова. А стихи для праздничных радиопередач (читали во время демонстраций) он писал много-много лет подряд. Перед каждым праздником он по неделе не вставал из-за стола, по 12 – 13 часов подряд. Если собрать эти стихи-однодневки, на которые он тратил много сил, душевной энергии, то получится несколько томов.

Вот, например, из стихов к первомайской демонстрации:

*Земная жизнь трудом красна.
Труд всё преобразяет.
И даже кажется: весна
Нам в этом подражает.
Как садовод, проходит дождь
Над полем с лейкой-тучей,
Чтоб золотая встала рожь,
Шумя волной кипучей.*

*Встаёт подснежник, как боец,
Борясь с бронёю снежной,
Для счастья девичьих сердец,
Для радости безбрежной.
Вскрывает речку ледоход
И мчится в пене бражной
Через крутой водоворот,
Как плотогон отважный...*

1968 год

Или к 8 марта:

*Доброй славой увенчана,
Наш соратник и друг,
Входит в комнату женщины –
И светлеет вокруг!*

Или...

*Верна заветам ленинским Отчизна.
Её свершенья ярче всяких звёзд.
Идём вперёд к победе коммунизма,
Но этот путь нелёгок и непрост.
Нам коммунизм не поднесут на блюде,
И в электронный наш, в машинный век
Решают всё лишь творческие люди,
Решает всё рабочий человек.*

Сразу после войны все мы были свидетелями начавшегося разгула пьянства. На улицах на каждом шагу встречались пьяные мужчины. – Ничего, – говорили многие. – Пусть мужчины отдохнут от войны.

Я всегда с ужасом и болью смотрела на пьяных. Отвращение к пьяным чередовалось с жалостью.

Михаил, иногда вернувшись с работы, тоже был под этим допингом. В детстве я никогда не видела пьяных и не представляла себе, как может пьяный быть другим человеком. Но интуицией где-то чувствовала опасность питья.

И когда я узнала, что почти все журналисты круга моего мужа пьют, меня охватил ужас. Трагедий, подтверждающих мои опасения, было предостаточно.

Не один раз к нам приходил уважаемый, известный в области журналист, и, вытряхнув из карманов ордена, медали, завоёванные на фронте, имевший несколько тяжёлых ранений, умоляюще просил меня: – Ну, дай мне на бутылку за эти железяки!

Я хорошо знала этого человека, он мне годился в отцы, и поначалу я терялась и не знала, как мне быть. И мне казалось, что все, кто окружает моего мужа, представляют для него опасность. Он слишком мягок и добр, чтобы устоять в этом окружении. И я часто стала встречать его с работы с тем, чтобы он не зашёл с ними в «забегаловку», которые были расставлены на каждом шагу и в которых можно было напиться до упаду и валяться прямо тут, под столом.

Боже мой, как мне приходилось изощряться, чтобы не унижить его в глазах товарищей своей опекой, да и чтобы самой не казаться такой навязчивой дурой. И всё-таки иногда и меня они заводили в эту «забегаловку».

Всегда корректный, интеллигентный А. К. (Алексей Кóсарь. – *Прим. Н. И.*) говорил при этом: – Ты, Машенька, не обращай внимания, что через несколько минут мы будем некрасивыми и болтливыми. Это пройдёт. – И я заходила, с ужасом смотрела, как мои спутники выпивают ледяную водку из грязных стаканов, «закусывают», как они выражались, «рукавом» и, поскольку с ними я, расходились по домам. С годами я по-другому стала относиться к «питию».

В резкой, а иногда и грубой форме я не допускала общения Михаила с такими людьми, стараясь оградить, спасти его, как мне казалось, от всеобщего пьянства. И, по-моему, мне это удавалось. Среди его друзей по работе распространилось обо мне мнение, как о вздорной женщине, от которой можно ожидать неприятностей, которых они старались избегать. Поэтому мало-помалу круг его сужался и сужался. А парни, один за другим, ложились в могилы, так и не спев своей главной песни.

Мы иногда с Михаилом начнём считать, кто из наших близких знакомых и друзей умер от водки, и с ужасом замечаем, что для учёта их пальцев на руках не хватает.

Михаил и я с большим уважением относились к Александру Никитичу Волошину, который как-то стремительно с первой книгой «Земля Кузнецкая» заявил о себе, как о талантливом писателе. (*Продолжить рассказ о Волошине*).

Он довольно часто бывал у нас. Высокий, богатырского сложения, всегда открытый и радушный, он располагал к себе. В беседе Ал-др Никитич любил блеснуть познаниями, широтой своей типично русской натуры.

Как-то зашёл к нам старик. Он был в валенках, старенькой шубейке и такой же шапке. И хотя всё его лицо покрыто седой неухоженной щетиной, по нему сразу можно было определить, что старик не русский. Он казался очень старым и усталым, а в глазах – невыразимая тоска. Михаил, увидя его у двери, обрадованно воскликнул: – Степан Семёнович, здравствуйте! Какими судьбами?

Старик говорил так тихо и односложно, что его трудно было понять.

– Кто это? – спросила я, улучив минуту.

– Это Торбоков, шорский поэт, – ответил Михаил.

Степан Семёнович привёз Михаилу огромную папку своих стихов (подстрочников) с просьбой перевести их на русский язык. Сидели они допоздна. Перед сном я предложила Степану Семёновичу принять ванну. Он с удовольствием принял моё предложение. Потом я без конца подходила к ванной комнате и

прислушивалась – жив ли он там. Но, услышав плеск воды, успокаивалась. Больше часа плескался наш шорский гость в ванной.

– Первый раз в жизни мылся в ванне, – сказал он, входя в нашу комнату.

Позже он ещё приезжал к нам несколько раз, и всегда привозил немного ароматного шорского мёду. У Степана Семёновича была своя пасека, и он с удовольствием занимался ею.

С тех пор Михаил вплотную стал заниматься переводами стихов с шорского. И в дневнике своём запишет: «Эта работа, с одной стороны, радует, с другой, несколько ущемляет. Радует потому, что появляются новые стихи, и неплохие, а жаль, что будешь иметь к ним скромное отношение. Сделать хорошее переводное стихотворение, не отдавая ему часть своей души, – для меня невозможно. Но помочь человеку – не последнее дело. Без меня его подстрочники так и остались бы подстрочниками».

(вставка):* Вот что пишет В. Матвеев, когда вышел сборник «Родные просёлки»: «Видное место в сборнике занимают пейзажные зарисовки. Прочтя их, хочется отправиться в поле, в лес, на речку, жадно вдыхать пьянящий воздух, настоящий на хвое, или бежать вместе с детворой «по звонким лужам, разбрасывая синий плеск».

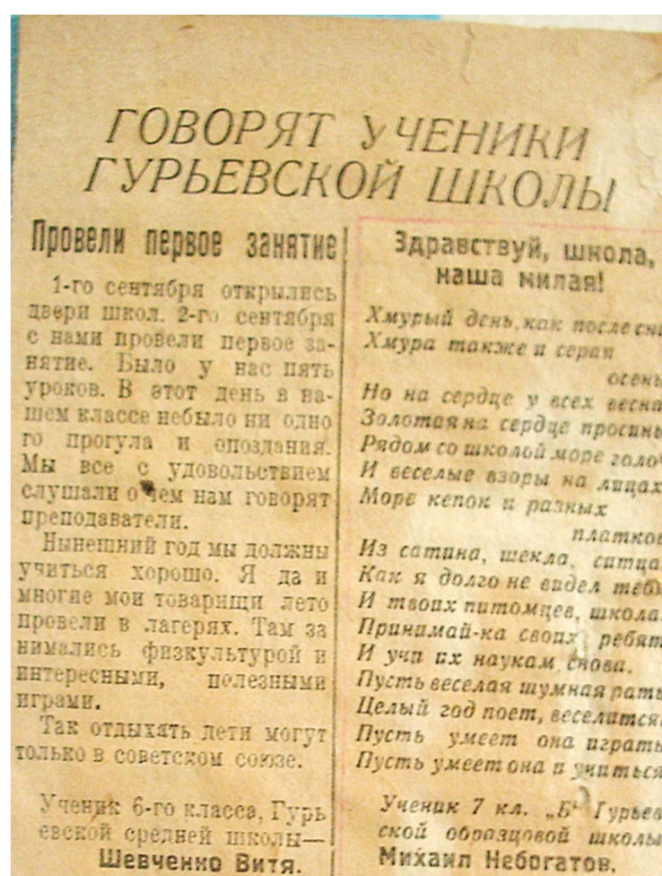
Пожалуй, ни один из поэтов Кузбасса не умеет так поэтично, целомудренно рассказать о тихих радостях бытия, как это делает Небогатов. Читаешь его, и как будто вспоминаешь незаслуженно забытую любимую песню, она начинает звучать в тебе по-новому, очищает твою душу от всего мелочного, случайного, мешающего быть самим собой. Какой-то светящейся нежностью, солнечным настроением пронизано всё его творчество.

Добрым, открытым взглядом смотрит на мир поэт. Это не бездумная доброта, не банальное умиление окружающим, а любовь человека, прошедшего суровую школу жизни, потому особенно остро чувствующего её. Всем своим творчеством Небогатов говорит: «Люди, будьте достойны земной красоты, не ожесточайтесь сердцем, будьте внимательнее друг к другу. Расстаньтесь с дурными привычками, с недоверием, грубостью, себялюбием, со всем, что недостойно звания человека». Он учит мягко, человечно.

* – на листе с оборотом – вставка: «В. Матвеев – о сборнике М. Небогатова «Родные просёлки». – Кемерово, 1963. (Прим. Н. И.)



Миша Небогатов – первый справа в верхнем ряду



Со стенда из экспозиции Гурьевского городского краеведческого музея

Анна рождена
 17 ~~августа~~ августа 1873 г.
 Дед - Алексей Мирад-
 Традэг - Мирад
 Григорий
 умр. 1888 г.
 на 74 году
 Дед - Иван 1887 г.
 умр. в 1951 г.
 Барбара
 1892 - Елена
 Умр. в 1951 г.
 Владимир Виктор
 Григорий
~~Григорий~~
 Елизавета
 Ивановна
 умр. в 1896 г. на 44 году

Маминя мать
Евгений
Муромов
Ремсат
Романов

Анна и мам.
Венгрии
12 июля 1898
14 рублей

26 июля 1999
- пог. Сара

21 сент. 1900

Дядя
Билл Петр - мой брат
умер 12 2004
Сестра Александра
род

1 ноября 1905 - Катя

Др. Федор 1908
- сестра

Павл.
от коммун.

1909 Анна

ум. 10 лет от скарлатины

21 декабря 1911
пог. Тренин

Сергей Степ.

1919 ~~20~~ 22. 2. 1919

Фомин Федот Николаевич
~~72~~ год 1913

в 1915 г. умер в. м. м.

18 августа 1916

г. Владивосток

Мамкина мать 26 лет
1919 умерла в. м. 72 г.

Степан в. м. 72 г.
в. м. 72 г.
16 июня в. м. 79 году.

Таня умер 31 января

26 г.

~~53~~ ~~54~~

4 апреля 1917
умерла Сара

Из семейного альбома:



Мария Ивановна с Сашей, Михаил Александрович со Светой
на руках (июнь, 1949 г., Кемерово)



Михаил Александрович с детьми: Вовой, Сашей и Светой

ВОЙНА И ПОЭЗИЯ

Самое первое из стихотворений Михаила Небогатова, опубликованных на страницах областной газеты «Кузбасс», называлось «Весной» и было напечатано ещё до начала Великой Отечественной войны, участником которой он был (см. газету «Кузбасс» за 6 июня 1939 года). В годы войны он не бросил занятий поэзией. В государственном архиве Кемеровской области хранится рукописный сборник «Михаил Небогатов. СТИХИ. 1940 – 1944 гг.». В этом сборнике – не один десяток стихотворений, написанных в местах, где в данный момент находился будущий фронтовик: в Кемерово, в госпиталях гг. Соль-Илецк и Боржом-Ликани, в которых молодой красноармеец излечивался от ран, в посёлке Несветай – ГРЭС близ города Шахты, где Небогатов учился на трёхмесячных курсах младших лейтенантов и др. Примечательный факт: несмотря на то, что стихи эти писались в суровое время, когда, казалось бы, совсем не до поэзии, у поэта (всё-таки он был ещё очень молод!) рождались на свет и очень лиричные стихи о любви. Особое место занимают в этом сборнике письма к родным, написанные в стихотворной форме. И пусть кому-то они покажутся несовершенными, незрелыми – не это главное. Главное то, что написанное – искренне, правдиво, от души. И того, что в этих стихах уже видится будущий большой поэт-лирик, не заметить просто невозможно.

Вот что Михаил Александрович пишет в своих дневниковых записях 1968 года о стихах «Из военной тетради»: «...отдал на радио Нелли Николаевне (Соколовой – Прим. Н. И.) стихи... ..они показались ей облегчёнными. Ничего удивительного – это стихи военных лет, написанные в 1941-1944 годах. Я немного подлиффовал их, сопроводил стихотворной вводкой и предложил подборку под названием «Стихи военных лет». Я понимаю: Нелли Николаевне «облегчённой» кажется дневниковость, непосредственность. Непривычно, например, читать, как чувствует себя молодой солдат (мальчишка, в сущности!) под бомбёжкой; неуместным в стихах такого рода может показаться разговор о том, как страшно на войне, как стережёт на каждом шагу смерть. Всё это – сама война, но писать привыкли о другом – о мужестве, о подвигах и т. д. Не дневники нужны, считает кто-то, а громкие фразы, вроде известного шаблона: гром победы раздавайся!..».

Пересказывать стихи – дело неблагодарное и ненужное. Стихи надо читать. Поэтому предлагаем кое-что из написанного (неопубликованного) в сороковые годы, а также сонеты на тему о войне. Завершит подборку несколько стихотворений, написанных уже после войны ко Дню Победы к разным годовщинам с момента её окончания. Некоторые из них не устарели и на сегодняшний день, и будут абсолютно гармоничны в Год 70-летия Великой Победы. Так, например, я выделила бы из общего ряда одно стихотворение, которое было написано в год 40-летия Победы на уже готовую мелодию (автор музыки – Эдуард Казаков). Чаще всего случается наоборот: сначала появляются стихи («Слова» или «Текст»), на которые композитор пишет музыку. Вышло так, что стихотворение, ставшее песней «Воспоминание солдата» (другое название «Слово фронтовика»), так и не прозвучало. Причины были разные, а результат – один. Тридцать лет ждала песня своего выхода на широкую слушательскую аудиторию кузбассовцев. К счастью, в наши дни ситуацию удалось переломить. При поддержке департамента культуры и национальной политики Кемеровской области (Л. Т. Зауэрвайн), одобрении и заинтересованности Дома литераторов Кузбасса (Б. В. Бурмистров), Кемеровского областного (Н. П. Неворова) и городского (В. С. Балахонов) советов ветеранов песня взята в репертуар Музыкального театра

имени А. К. Боброва (В. И. Юдельсон, В. Я. Хвилько, К. Г. Круглов) и обязательно прозвучит в профессиональном исполнении в дни празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Этот факт – знак глубокого уважения к поэту-фронтовику и дань памяти всем тем, кто принёс нам эту Победу.

Михаил Небогатов

ИЗ РУКОПИСНОГО СБОРНИКА «СТИХИ 40-Х ГОДОВ»

ПИСЬМО С ЗАПАДА

А. С.

Ты живёшь, моя малютка, в тишине.
Летним вечером вздыхаешь обо мне.
Долго смотришь ты сквозь слёзы на закат.

Листья тополя о чём-то шелестят.
Кто-то тропкою знакомою идёт...
Это юноша, похожий, да не тот...
«Ах, зачем так быстро счастье пронеслось?»

Ничего мне не осталось, кроме слёз.
Что-то милый мне не пишет ничего.
Может быть, уже на свете нет его.
Может быть, с глубокой раной в виске
Он лежит под солнцем южным на песке.

А кругом его орудия гремят,
Скачут взрывы от снарядов и гранат,
И не слышит и не видит милый мой,
Как друзья его выигрывают бой». Нет, родная, я воюю и живу.
И как немца бьют, я вижу наяву.
Жди меня – знакомой тропкою опять
Я приду к тебе – зачем же погибать?
Это верно – мы выигрываем бой.
Значит, будем жить и встретимся с тобой.

Повторяю, дорогая, – очень жди.

Наша встреча, наше счастье впереди.

Июль 1941 г., г. Прилуки,

Черниговск. обл.

БРАТУ

Где ты, мой брат, единственный,
любимый?
Никто из нас не знал, что год назад
Тяжёлые пути войны неумолимой
Из дому уведут, надолго разлучат.
Ты в памяти встаёшь – высокий,
стройный,
С печалью в голубых больших глазах.
Что делаешь ты в этот полдень
знойный,
В каких, братан, сражаешься местах?

Где б ни был ты – мы оба общим делом
Сейчас бессмертно соединены.
Ты в жизни был спокойным, честным,
смелым.
Таким же будь и на фронтах войны.
Надеяться хочу на встречу нашу.
Сойдёмся все и сядем за столом.
За жизнь и за победу выпьем чашу,
Споём, как прежде, вспомним о былом.

Июль 1942 г. Соль-Илецк

МАТЕРИ

Не одна прибавилась морщина
На лице твоём, старушка-мать,
С той поры, как проводила сына
От врагов Отчизну защищать.
Провожая, ты ещё не знала,
Что пройдёт два месяца – и вот –
От пожаров, огненного шквала
Задымится мирный небосвод.
Да и кто мог знать тогда, в апреле,
Что в июне, в час рассветный к нам

Бросит враг военные метели
В небеса, по суше, по волнам?
Уходил на запад поезд звонкий,
Вспоминал твой сын под стук колёс
Светлые, как день, глаза девчонки
И твои, туманные от слёз...
Мчалось время поездом зелёным.
Вдруг – война. И сын идёт в строю
Молодым, горячим, запылённым
И влюблённым в Родину свою.

И встречая сыновей советских
В небе, на земле и на волнах,
Лёгкие победы войск немецких
Разбивались неизбежно в прах.
Год прошёл. Ты постарела за год
Лет на пять от горя и тоски.
Часто смотришь на закат, на запад

С нежным сердцем, сжатым как
в тиски.
Не грусти, старушка дорогая!
Жив-здоров и бьёт врагов твой сын,
Молодость свою оберегая
И покой родных ему седин.
Июль 1942 г. Соль-Илецк

Я так приятно размечтался.
Но надо помнить и о том,
Что зверь-фашист ещё не сдался,
Рычит с надломленным хребтом.
И многих нас ещё не станет,

И много будет вдов, сирот.
Но день счастливых встреч настанет.
В нём память павших не умрёт!
*Июль 1943 г. П. Несветай – ГРЭС,
Ростовск. обл., курсы мл. лейтен.*

РАССВЕТ

Над синевой кривых хребтов
Светлеет небо постепенно.
Внизу, в тумане средь кустов
Шумит Кура самозабвенно.
Клубясь в долине над рекой,
Встают холодные туманы.
Как будто схвачены тоской –
Безмолвны сосны-великаны.
Рассвет надменно молчалив.
Покорно спит ещё природа.
Ни звук, ни птичьих крыл порыв
Не будят сон его прихода.
Лишь нарушая тишь кругом,

Вдруг, как будильник заведённый,
Переключаясь с петухом,
Кричит ишак неугомонный.
И точно бакен на реке,
Звезда на чистом небе тает
И, исчезая вдалеке,
Последней яркостью играет.
Вот так и ты живёшь, поэт.
Горишь – но смерть придёт сурово.
Потухнет жизни гордый свет,
Чтоб никогда не вспыхнуть снова.
*1 октября 1943 г., г. Боржом-
Ликани, Груз. ССР*

СОМНЕНИЕ

Часто я с насмешливой улыбкой
Спрашиваю тихо сам себя:
Не иду ли следом за ошибкой
По дороге жизни с почвой зыбкой,
Время и бумагу зря губя?
Может, не моя дорога эта,
По которой мчат кареты муз?
Может, голос, лёгкий для поэта, –
Для меня – непостижимый груз?
Налетают бабочки – вопросы.
Нет! То листья жёлтые летят!
Солнце лижет жёлтые откосы,
Словно кошка рыжая котят.
А вдали зовут, синяя, дали.
Нет! То светят нежные глаза.

Не меня ли музы увидали?
Не к себе ль зовёт их бирюза?
Я иду извиистой дорогой,
Тихо, невесомо, как в бреду.
Светится заманчивой и строгой
Эта даль, в которую иду.
Воздух паутиной тонкой вышит,
Бодростью охваченный, пою.
Голос, громче! Пусть природа слышит
Песню первозданную мою!
Руку мне протягивает осень.
Напевая, вместе мы идём
В беспокойном шуме вечных сосен,
Под косым негреющим лучом.
10 октября 1943 г.

ПИСЬМО С РОДИНЫ

Будто ветер, с детства мне знакомый,
Вдруг подул с родимой стороны.
Снова, страстью старую влекомый,
Слышу сердцем, обнятым истомой,

Голос недалёкой старины.
Тоня! И одно лишь это имя
Сбрасывает все печали с плеч.
Никакими звонкими другими

С. А.

Именами сердце не привлечь!
В зной и стужу, с немцами воюя,
Жил я этим именем родным.
Никогда его не разлюблю я,
Никогда я не расстанусь с ним!
Помню, как на маршах и в походах
Падал духом, выбившись из сил.
Ты меня спасала, точно отдых,
И с тобой я всё переносил.
«Ну, не унывай, не хмурься, Мишка!»
– Говорил я часто сам себе –
«Офицером стал, а всё мальчишка.
Что б сказала Тоня о тебе,
Вдруг увидев мрачного такого?
Ты бы сам смеялся над собой!»
Устыдившись, я бодрился снова,
Будто шёл и встретился с тобой.
Ты всегда была со мною рядом,
Антонина, первая любовь.
В смертной буре под свинцовым
градом
За тебя я дважды пролил кровь.

Мне порою было не до писем,
Но любовь жила во мне всегда.
От неё, родная, я зависим
Даже в эти чёрные года.
Оставаясь всюду милой верен,
Сохраняя образ дорогой,
Не был я в твоей любви уверен,
Думал – покоришь тебя другой.
И теперь, когда в письме из дому
Пишут мне, что ходишь ты к родным
И, не подарив любви другому,
Ждёшь меня с желанием одним, –
Не могу от радости поверить,
Что, быть может, я ещё любим.
Чем такое счастье мне измерить?
Что сейчас сравниться может с ним?
Это счастье – повстречаться скоро –
До того моя любовь сильна –
Не отдам я за златые горы
И за реки, полные вина!

17 ноября 1943 г.

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

Прощайте, Боржом-Ликани,
Прощай, величавый Кавказ!
В полночном ноябрьском тумане
Сегодня покину я вас.
Я верю – в душе восхищённой
Боржомские дни не умрут,
В которые я, вдохновлённый,
Любил поэтический труд...

22 ноября 1943 г.

БРАТУ

Прими, прими, мой брат любимый,
Стихи мои, как лучший дар.
Он не угас, войной гонимый,
Мой поэтический пожар.
Я не хвалюсь перед тобою,
Не говорю, что я – поэт.
Нет, как пишу, чего я стою –
Мне до того и дела нет.
Я счастлив тем, что счастье знаю
В течение творческих минут,
Когда в душе, подобно маю,
Все чувства лучшие живут;
Когда душа над миром веет,
Как над цветочком мотылёк,
И мир живой на миг мертвеет,
И я от мира так далёк.
Слова роятся надо мною.

И, выбрав лучшие из них,
Простое зданье мыслей строю
И создаю любовно стих.
Любовью давней – прочной, нежной
Люблю я труд, избранный мной.
Так любит воин гром мятежный,
Так любит брата брат родной.
Не для людей, не ради славы –
Пишу я больше для себя.
У всех ведь есть свои забавы,
Живут все, что-нибудь любя.
И ты, братан, в любви к искусству,
Признаться, тоже искушён.
Ты тоже к творческому чувству
Бываешь кистью вознесён.
Я помню дни, когда бывало
Ты пред картиною своей

Сидел. И в красках оживала
Мечта художника на ней.
Теперь мы заняты иною
Единой жизненной мечтой:
Врага, пришедшего с войною,
Прогнать с земли своей святой.
И нам, любителям искусства,
В такие дни не до него.
Иные нам знакомы чувства
Во время бури огневой.
И можно стать большим поэтом
И стать художником большим
В боях перед живым портретом
Идущей смерти рядом с ним.
Скажу тебе я по секрету,
Что мне на фронте побывать,
Как человеку и поэту,
Полезно было, чтоб писать
Про жизнь и смерть в бою правдиво.
Я был участником живым
В жестоких битвах. И не диво,
Что человеком стал другим.

Теперь, живя в тылу глубоком,
Трудясь над каждою строкой,
Борюсь за жизнь с коварным роком
Здоровой левою рукой.
Но душу гложет червь незримый:
Всё я как будто виноват
Перед тобою, брат любимый,
Всё вижу я твой строгий взгляд.
О, если б быть с тобою рядом,
Под вихрем пуль, под воем мин.
Как жаль, что бьёшься с немцем-гадом
Ты без меня теперь, один!
Но знаю я, что ты вернёшься,
Высокий, стройный, дорогой.
Обнимешь крепко, улыбнёшься: –
Ну, вот и прибыл я домой!
Нет бесконечного на свете:
Настанет день – и за столом
Мы сядем все при ярком свете,
Как прежде, выпьем и споём.

8 декабря 1943 г., г. Кемерово

С НОВЫМ ГОДОМ!

Я слышу бой часов в эфире:
В родной Москве двенадцать бьёт.
В тиши полночной, в снежном мире
Уходит сорок третий год.
Прощай, как друг, как честный воин,
Великий третий год войны.
Бессмертной славы ты достоин,
Почётный гость моей страны.
Неси, как знамя и как память,
В века огонь своих побед.
Чтоб стали вечно люди славить
Большие дни военных лет.
Товарищ! Вспомни это лето...
Как летний день перед грозой,
Как предосенний час рассвета –
Война молчала под землёй.
И нам на фронте показалось,
Что в мире кончилась война –
Так нежно всех сердец касалась
Обманчивая тишина.
Но вдруг земля загрохотала
От залпов наших батарей.
И днём темно от дыма стало.
И встал народ богатырей.
Громя, круша и всё сметая
На суше, в море, в облаках
Пошла на Запад месть святая
На русских саблях и штыках.

И дрогнул враг. И заметался.
Не выдержал и побежал.
Кто рук не поднял и не сдался –
Сражённый на бегу, лежал.
Презренный немец, жалкий воин,
Ты захотел чужой земли?
И вот, навеки успокоен,
Обняв её, лежишь в пыли.
А над тобой в небесной сини
Штурмовики мои летят!
Пусть плачет немка-мать о сыне –
Он не вернётся к ней назад.
Любимый край! Горжусь тобою!
Горжусь я тем, что житель твой.
Всегда ты был готовым к бою
И принимал достойно бой.
Уже Донбасс давно за нами.
Уж грохот пушек за Днепром.
Лети на Запад, наше знамя!
Рази врага, военный гром!
Чтоб новый год – сорок четвёртый
Войны последним годом был.
Чтоб враг, с земли советской стёртый,
Про этот год не позабыл.
Чтоб немец призрачную славу
Похоронил у нас в земле.
Чтоб снова миру величаво
Светили звёзды на Кремле.

Я слышу бой часов в эфире.
В родной Москве двенадцать бьёт.
В тиши полночной, в снежном мире

На вахту новый год встаёт.
26 декабря 1943 г.

ЖИЗНЬ

Мы утром любимся солнца восходом.
Вот солнце взошло, и уж день на дворе.
Вот время обеда. И как мимоходом
Подходят минуты к вечерней поре.
И вечером, прожитый день провожая,
Без жалости мы вспоминаем о нём.
И думаем: жизнь человека – большая,
Вновь завтрашим новым продолжится днём.
А время скупое без жалости тоже
Уносит с собою недели, года.
Что дорого нынче, то завтра – дороже,
А то, что прошло, то прошло навсегда.
Возьмёшь фотокарточку прошлого года
И с грустью заметишь, что время идёт.
Такое же небо, такая ж погода –
А ты уже старше, а ты уж не тот.
Припомнишь, как будто вчера это было –
Играл ты в снежки и катался с горы.
И так же вот снегом от солнца слепило.
И санки летели, легки и скоры.
Как там, наверху, замирал от восторга
При виде большого крутого пути,
Мечтая катиться красиво и долго,
Так думал: И в жизни мне долго идти.
Но тронулись санки – и ветры несутся
Навстречу – в лицо, в запушённую грудь.
Ещё не успел ты назад оглянуться –
Уж санки не едут и – кончен твой путь.
И жизнь пролетает, как путь этот санный.
Как будто вчера лишь за партой сидел,
Спешил на свиданья, влюблённый и странный,
А нынче глядишь – постарел, поседел.

И станет тебе неизбежным и ясным,
Что в жизни своей не всегда дорожил
Мгновеньем её, золотым и прекрасным,
Что как-то бесследно и пусто прожил.
Я знаю – живём по закону природы
О жизни и смерти. Для всех он один.
Но каждый по-своему лучшие годы
Припомнит под старческим снегом седин.
Мне будет не совестно вспомнить про юность.
Она закалялась в дыму и огне.
Не дома сидел, у окна пригорюнясь, –
Я лучшие годы провёл на войне.
И в зной, и в метели, воюя с фашистом,
В бою не любовных мы жаждали встреч.
Мужали и крепили под воем и свистом,
Учились любую секунду беречь.
Умолкнут орудия, мир возвещая.
И Родина всех нас возьмёт на учёт.
И этих, кто землю свою защищая,
Заслужат и славу, и честь, и почёт;
И тех, кто Отчизну врагам продавая,
Цепляясь за жизнь, изменял, убивал.
Здороваясь, руку свою подавая,
Быть может, и вашу он дружески жал.
Мне славы не надо, не надо и чести.
Я просто горжусь тем, что совесть чиста,
Что в грозное время я с Родиной вместе
Не бросил вручённого ею поста.
Почётно за Родину быть инвалидом.
И если придётся дожить до седин –
Пред этим отцовским заслуженным видом
Лишь крепче обхватит винтовку мой сын.

8 января 1944 г., г. Кемерово

ЖЕНЩИНА

Опять я говорю стихами с ней.
Нет жизни без неё и мир беднее.
С ней ясное становится ясней

И видимое кажется виднее.
О, сколько я могу ей дать имён!
Но слово ЖЕНЩИНА – одно лишь

слово.

Влюблён, разочарован и влюблён.
Любим, покинут и любим я снова!
Кой чёрт придумал эту карусель?
Взгляните только – как она вертится!
Кто на неё, заманчивую, сел, –
Не хочет ни за что остановиться.
И эту карусель вертит – ОНА,
Как смерть, неотвратима, для
мужчины;
Она ясна, как день, как ночь – темна,
Страшна, как глубина морской
пучины.
Её не миновать, не обойти.
Не хочешь к ней – шагают ноги сами.
Какие б ни отыскивал пути –
Ты встретишься везде с её глазами.
И сколько бы её не избегал,
Ты не пройдёшь, как раньше думал,
мимо,
Поймёшь ты, что её не понимал,
Которая теперь тобой любима.
И с той поры помчится жизнь твоя
Как будто бы в ином волшебном мире.
Увидишь жизни новые края,
Как вновь, дороже, красочнее, шире.
Полюбишь ночи лунные в саду.
Вздыхать привыкнешь, вспомнив день
ушедший,
И на записку краткую: «Я жду»,
К ней будешь бегать, словно
сумасшедший,
Чтоб только увидеть улыбку, взгляд.
Услышать голос, руку пожимая.
И говорить влюблённо наугад,
И слушать, ничего не понимая.
И целовать, без счёта целовать
До молодого синего рассвета.
Таковыми именами называть,
Каких не отыскать в стихах поэта...
Но это лишь начало. Впереди
Ты неизбежно встретишься и с горем,
Но не пугайся и вперёд иди.

Любила ль ты – не знаю я о том.
Ты непонятной женщиной осталась.
Не знаю я, жалела ли потом,
Что встретила меня и с ним
рассталась.
Но я! Тебя увидев в первый раз –
Увлёкся неожиданно и сразу.

Таков уж свет: мы любим, дружим,
спорим.
Когда начнётся это всё – сперва
Не очень просто, милый, догадаться.
Всё те же будут милые слова,
Всё так же будем весело смеяться.
Но эти же лукавые глаза
И выдадут внезапно перемену.
Глаза не лгут! Не верить им нельзя.
В них можно всё прочесть – любовь,
измену.

Заметишь, как упрямые зрачки
По сторонам вокруг тебя блуждают.
Не оторвёшься взглядом от щеки:
Как нехотя на ней снежинки тают!
Вот так и сердце, полное любви,
Она взяла – сожгла, испепелила.
Растаяли, как снег, мечты твои...
И это та, которая любила?
Да это – та. Её уже другой
Сегодня в первый вечер поцелует.
Она вздрогнёт и скажет: «Дорогой,
Не надо так!» И губки вдруг надует.
И ты, чудак, надеялся, любил,
И целовал в те крашенные губки.
И искренность, и совесть ей дарил,
Пустой кокетке в котиковой шубке.
Ты эту проклинаешь, как змею,
Но дни идут – пойдёшь искать
другую,
Единственную, верную, свою,
Чтоб снова уверять: Люблю, тоскую...
Когда-нибудь отыщется она!
Твоя навеки. Та, какую надо.
Ты гордо назовёшь её – ЖЕНА,
Добавив про себя – моя отрада.
Но – сказочная жизни карусель
Вертится, и вертится, и вертится!
Любви бушует жаркая метель
Мелькают в вихре – плечи, груди,
лица...

20 января 1944 г., г. Кемерово

И говоря без шуток и прикрас,
Я не влюблялся так ещё ни разу...
Нет! Не любовь влекла меня к тебе –
Какая-то неведомая сила.
Хоть я не верю разной ворожке,
Подумать мог, что ты приворожила.
Моё больное сердце пополам

Разбила ты, украла половину.
Любимая! Я всё его отдам!
С тобою и без сердца не остыну!
Какая невнимательная ты –
Не замечаешь, как страдает парень.
Прими, осуществи мои мечты.
О, как тебе я буду благодарен!
Да, русская пословица верна:
Запретный плод нам кажется вкуснее.
Любовь любая тем лишь и сильна,
Что чёрная разлука дружит с нею.
Как долго, не даваясь и маня
Далёким смехом, дальними глазами
Ты изводила, мучила меня,
Готового молиться со слезами...
В томлении тяжёлом дни прошли.
И сам теперь не помню,
как случилось,
Что до тебя мечты мои дошли,
Ты оказала божескую милость:
Согласье на свидание дала.
Все знают радость первого свиданья:
Бросаешь всё – знакомых и дела,
Спешишь в волненье к месту
ожиданья.
В тот вечер так темно, я помню, было,
Что прямо я в объятия твои
Попал, тебя ища, смешно и мило.
Романтика любви ... Исчезла ты!
Ну, вот – целую, к сердцу прижимаю.
Исполнились красивые мечты,
Которые цвели подобно маю.
Но как всё просто в жизни, наяву!
Бывало, от зари и до зари я
Душою изнывающей зову:
Приди ко мне. Приди, моя Мария!
И ты – со мной! Так значит – это всё?
Так значит – я доехал до вокзала?
О, как огромно жизни колесо!
Но как в нём, дорогая, толку мало!
Нет, нет, не сомневайся – я люблю.
Но верь мне – никакого счастья нету.
Я двадцать с лишком лет его ловлю –
И нахожу фальшивую монету.
Оно в мечтах родится и умрёт.
Сегодня ты моя и мной любима.
Но жизнь людей и чёрт не разберёт –
И завтра ты пройдёшь с улыбкой
мимо.
Пусть это впереди всё, а пока –
Рассказывай про что-нибудь смешное.

Мечта любви – легка и далека.
Как близко всё – живое и земное.
То в том, то в этом – гаснет свет
в домах.
И в тишине, в ночном чернильном
мраке
Лишь ветер не заботится о снах
Да твякают на ветер две собаки.
Ты говоришь, что спать уже пора,
Что на работе за день утомилась.
Остаться бы с тобою до утра!
Не откажи. Исполни эту милость!..
Любила ль ты – не знаю я том.
Но разве мне покажется, что мало
Заботилась о «парне молодом»,
Ласкала, целовала, понимала.
И если это не любовь была,
И если это – просто лицемерье –
Тогда, стихи, летите со стола!
И, сердце, падай в вечное безверье!
Я знаю – если в счастье веришь ты, –
Разлуку назовёшь большим
несчастьем.
Оно, как ночь, покровом темноты,
Окутывает душу злым ненастьем.
Кто знает, может быть, в последний
раз
Целую эти волосы и губы,
Прощаюсь с выраженьем милых глаз,
Которые знакомы мне и любы.
И хочется ещё в последний раз
Услышать песню, увидеть походку,
Припомнить всё, что так сроднило
нас,
Забыть разлуку горькую, как водку.
Не надо слёз. Не надо много слов.
Лишь искренно взгляни – и всё
пойму я.
И я вернусь, коль буду жив-здоров,
Коль не погибну, с немцами воюя.
Прощай иль до свиданья – всё равно!
Не забывай парнишку молодого!
Кто знает, может быть – не суждено
Нам встретиться, обнять друг друга
снова.
Пусть счастья нет. Но если есть
судьба,
Я назову тебя своей судьбою,
Чтобы к тебе вела её тропа
Сквозь бури, освещённая тобою.

22 – 26 января 1944 г., г. Кемерово

ИЗ СОНЕТОВ О ВОЙНЕ

1972 – 1976 гг.

Безусые мальчишки, салажата,
Попавшие из школы в дым атак,
Мы залегли, к земле огнём прижаты,
Который изрыгал с высоты враг.
Лишь командир – вот мужество
солдата! –
Не стал лежать, пусть смерти стоит
шаг:
Он в полный рост, смотрите-ка,
ребята,

Шёл среди нас: – Вставайте,
так-растак!
Он матом выбить страх из нас
пытался,
И мы ему простили этот мат.
И вот один, и вот другой поднялся.
Все поняли, что немец будет смят!
– Как лейтенант? В живых ли он
остался?
Одно в тот день тревожило ребят...

ПОГРАНИЧНИКИ

Июньский день. Жара. Войны начало.
И в двух шагах границы рубежи.
С рассвета там гремело, полыхало...
Над нами – самолётов виражи.
Опять налёт. И кто куда попало –
В кювет, в овраг.
К земле прижмись, лежи...
Зелёные фуражки. Как их мало!
Среди пилотов – как листвы во ржи.

На новый свой рубеж мы отступали.
Да, мало пограничников среди нас.
Так мрачно, тяжело они ступали,
Уставясь в пыль, не поднимая глаз.
А их друзья – все смертью храбрых
пали
Там, на границе, в самый первый
час...

МЕДСЕСТРА МАРГО

Кавказ... Он от Сибири так далёко,
Что кажется мне сказкой или сном.
Но вижу горы, вставшие высоко,
И девушку-грузинку за окном.
Война солдат изранила жестоко,
И чтобы мы не думали о том,
Пленила гордой дочерью Востока
Там, где ютился госпитальный дом.

Как солнце на лесистом перевале,
Она была вблизи и ...далеко.
– Марго, Марго! – сквозь сон её мы
звали.
И шла она. И было нам легко.
Мы так тебя любили, генацвале,
И строгая, и нежная Марго!

Как непривычно это для солдата –
Берёзка в поле раннею весной,
Вся в алых блёстках – в отсветах
заката, –
Как будто арка в мир совсем иной.
В тот мир, который близким был
когда-то,
А нынче – за незримою стеной.

Другое для солдата нынче свято –
Что воплотилось в мощи броневой.
Но даже перед этой грубой силой,
Которая тут землю топчет, мнёт,
Не кажется беспомощною, хилой
Берёзка, что солдатской ласки ждёт.
Пленяя красотой своею милой
Стоит она, живых сердец оплот!

Остался левый берег вдалеке
С людской толпою пёстрой, в шуме,
гаме...
Мы плыли на пароме по Оке,
Белея перевязками-бинтами.
Вдруг «Мессершмитт» завыл, пошёл

в пике,
За ним – другой звенящими кругами.
От смерча пуль запенилось в реке,
И доски закачались под ногами.
Смотрели мы беспомощно, с тоской
На небо, где носилась смерть крылато.

Не верилось, что это над Окой
Простёрлись лапы немца-супостата,
Над мирною, привольною рекой,

Где русский Лель в лугах бродил
когда-то...

СТИХИ, ПОСВЯЩЁННЫЕ ДНЮ ПОБЕДЫ, О МИРЕ И ВОЙНЕ

1965 – 1986 гг.

Нынче светлый праздник Первомая
Весь овеян памятью о том,
Как мы, знамя выше поднимая,
Шли вперёд в дыму пороховом.
В этот день лучистый в сорок пятом
Сибиряк у мира на виду
Под Берлином, пламенем объатым,
Добивал фашистскую орду.
Был огонь возмездия неистов –
Грозный гнев советских батарей.
Сокрушал он логово фашистов,
Как глухое логово зверей...
Для Победы всё уже готово,

На рассвете мы займём Берлин.
И метался недруг бестолково,
Чтоб найти укрытье среди руин.
Он ещё надеялся на чудо,
В жалком страхе прятался в кювет.
Всё равно не вылезешь оттуда,
Нет тебе спасенья больше! Нет!
За утраты наши, кровь и беды
Отвечать придётся, так и знай...
Двадцать лет назад весну Победы
На войне встречал наш Первомай.
(1965 г.)

ПОБЕДА, МИР, ВЕСНА...

Акростих

Праздник солнечный, праздник Победы!
Он – как луч, что пробился сквозь беды.
Был бы в мире и холод, и мрак,
Если б не был повержен рейхстаг...
Дни и годы война нас косила.
А взяла своё русская сила!
Много было руин и воронок,
И как воронов злых – похоронок...
Русь развеяла полчища зла,
Вёсен зори от мрака спасла!
Ей за ратные подвиги – слава.
Славься в мире, родная держава!
Нам ты светишь и ночью, и днём
Алым стягом, как Вечным огнём...

5 – 6 мая 71 г.

Тридцатипятилетье Победы
В мире светится майской зарёй.
Всё прошли мы – невзгоды и беды,
Чтоб салютам греметь над Москвой.
Чтобы наши и дети, и внуки,
Утверждая на свете добро,
Не оружие брали бы в руки,
А штурвал, мастерок и перо.

Мы вовек никому не грозили.
Так стояли, на том и стоим.
Но врагам на просторах России
Не гулять, как по тропкам своим.
Мы приветствуем гостя с букетом,
А врага наша сила сразит...
Не мешало бы помнить об этом
Тем, кто глаз на Россию косит.

Кажется, салютов давних светом
Озарён с утра Кузнецкий край –
В год сорокалетия Победы
Мы встречаем нынче Первомай.
Потому так рады от души мы
Поклониться всем фронтовикам
За характер их несокрушимый,
Что присущ, как дар, сибирякам.
Даже в первый год войны, вначале
Много раз фашист ломал клыки
Там, где насмерть, до конца стояли,
Словно щит, сибирские полки.

В день весны пришла Победа, в мае.
Лишь наступит май и, как всегда,
Мы невольно юность вспоминаем,
Дни и ночи ратного труда.
Мы с тобой, мой друг, седыми стали.
Я ушёл в отставку, ты – в запас.
Был наш путь нелёгким, но мы знали:
Трудится, как воин, и Кузбасс...
Помню вражьей техники останки:
«Мессеры», сведённые в дугу,
Сталью искорёженные танки,
Пушки вверх колёсами в снегу.
Все мы – от солдата до комбрига, –
Видя свалку хлама, пленных сброд,
Верили: любителей «блицкрига»

ИЗ ВОЕННОЙ ТЕТРАДИ

Сорокалетье славное Победы!..
А в сердце – не поверженный Берлин,
Не он один – все тягостные беды
Тех, опалённых пламенем, годин.
Не общими пустыми словесами
На лист бумажный просится война.
Нет, больше тем, что видели мы сами,
Тем, что самим пришлось хлебнуть
сполна.

Молодость наша! А что бы с ней
было,
Если бы в грозных минувших боях
Нас одолела фашистская сила,
Та, что гуляла на русских полях.
Кто повидал и огонь, и окопы,
Знает: та сила великой была.
Это она по столицам Европы,

Сибиряк воздал врагам сторицей,
Внёс свой вклад немалый в их разгром
В Подмоскovie, под родной столицей,
И под Сталинградом и Орлом.
Дошагал с боями до Берлина,
На рейхстаге расписался он...
Но война была тяжёлой, длинной,
Не один земляк наш был сражён.
Много их, кто был на поле боя,
Там осталось, подвиг свой свершив...
Кланяемся низко всем героям.
Слава павшим! Слава тем, кто жив!

(приписка: В «Притомье»)

Разобьёт советский наш народ!
Трепетало зарево пожаров,
И сквозь дрёму, в холоде ночей,
Видел я кузнецких сталеваров,
Освещённых заревом печей.
Вглубь землянок, в сумрачные норы
Шли бойцы, закончившие бой.
Представлял: в Прокопьевске шахтёры
В этот час спускаются в забой...
И неслись на запад смерчи стали!
И уже Берлин в тревоге стыл.
Это земляки нам помогали,
Фронту помогал сибирский тыл!

12 – 15 апреля 85 г.

Как на манёврах, победно прошла.
Только в России она и споткнулась,
Только в России нашла свой конец!
Родина наша вовеки не гнулась,
Не был ей страшен металл и свинец.
Слава России! И слава народу,
Спасшему мир от нацистских цепей!
Мы подарили Европе свободу,

Радость и свет – миллионам людей.
Чтобы сегодня смеялась и пела
Молодость эта в весенних лучах,
Старшие братья упрямо и смело
Вынесли всё на широких плечах.

Мы скоро будем День Победы
Встречать в кругу семьи, друзей.
Уже давно шагнули в деды
Фронтовики далёких дней.
Они встречали грудью бури
Там, где гремел передний край,
Чтоб счастьем в солнце и в лазури
Сиял наш каждый Первомай;
Чтоб по Донбассу, по Кузбассу
В день Мая, светлый, как заря,
Лучи прокладывали трассу,
Свет кумачовый всем даря.

На молодых, идущих рядом,
На всё, к чему давно привык,
По-стариковски добрым взглядом
Глядит бывалый фронтовик.
Легко душе в певучем шуме,
Отрадно Мая торжество,
Но, словно облачко, раздумье
Слегка туманит взор его.
Солдата спрашивать не надо:
О чём задумался, скажи...
Он в мыслях там, где канонада,
Где огневые рубежи.
И в той грохочущей метели

СОВЕТСКОМУ ВОИНУ

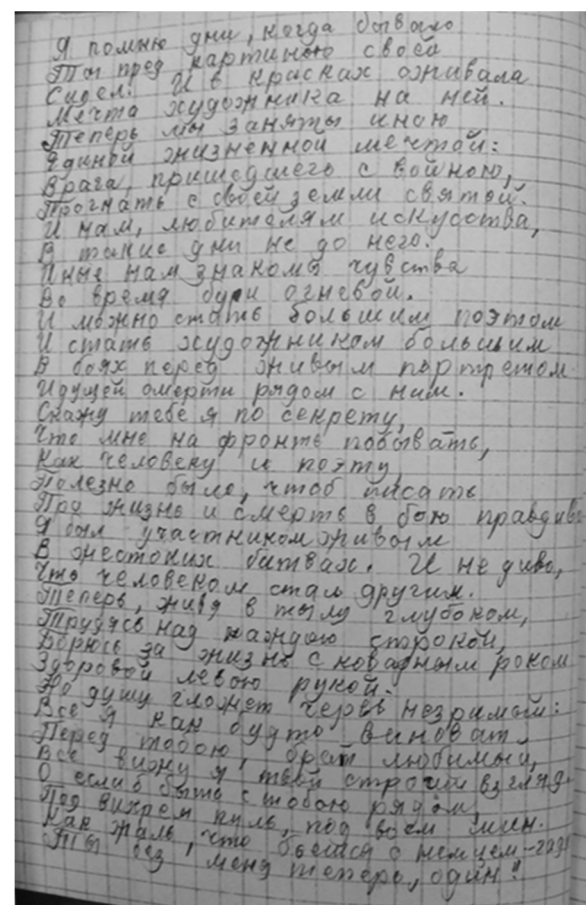
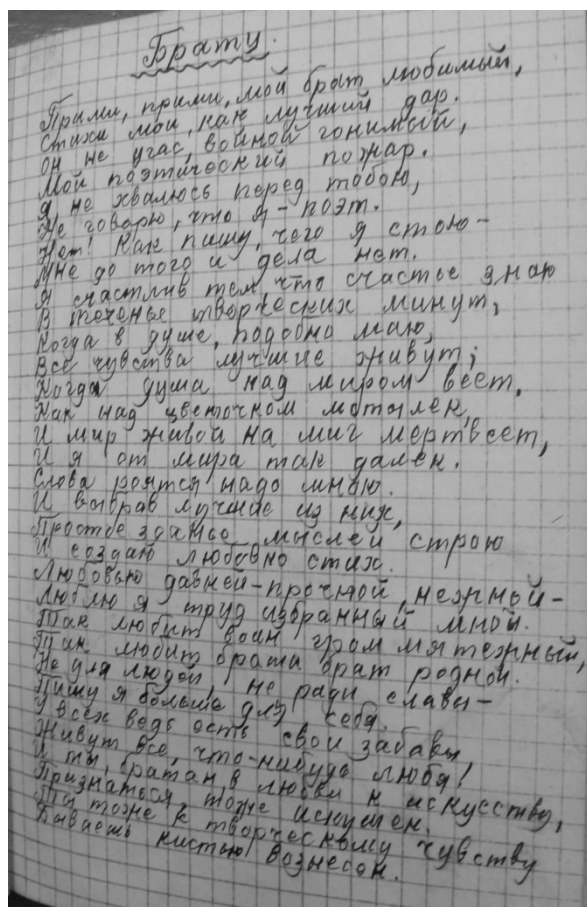
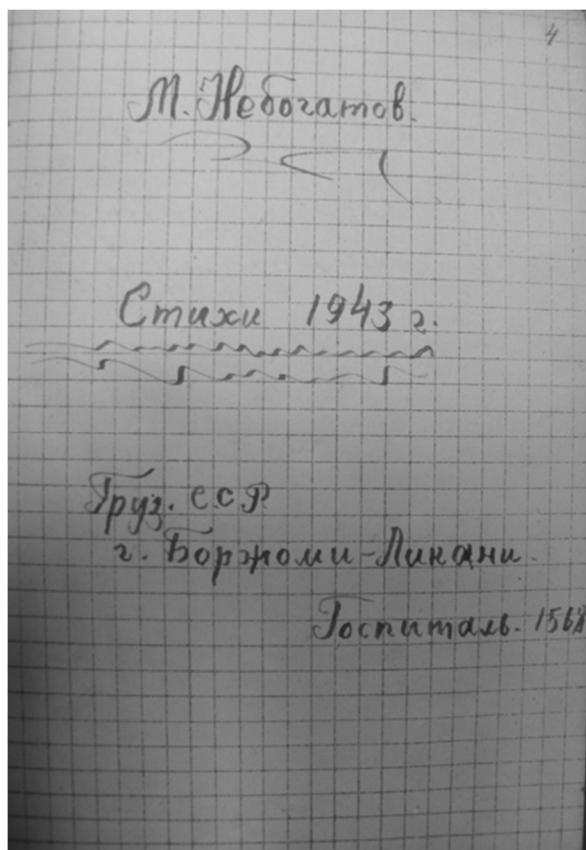
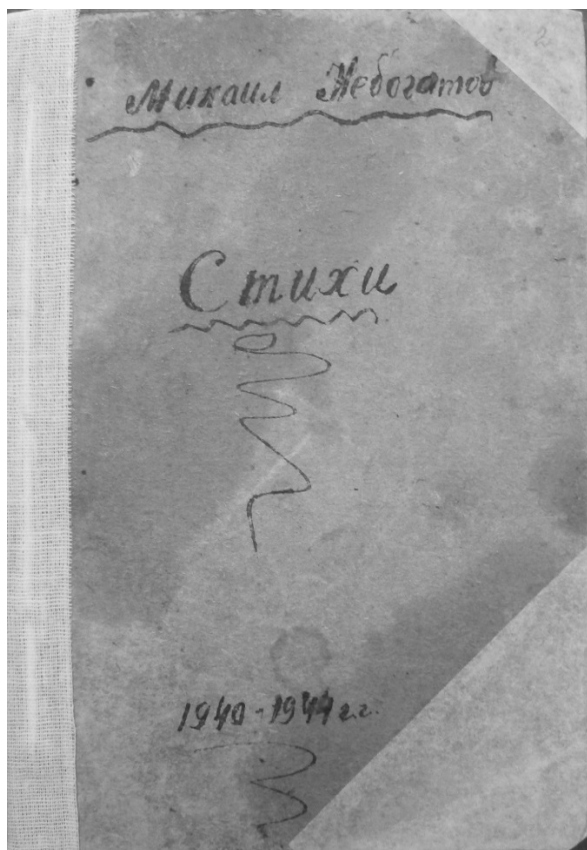
Ты с нами был всегда, везде,
Товарищ славный и негордый.
Не раз в учёбе и в труде
Ты брал высокие рекорды.
Как не завидовать тебе!
Весёлый, сильный, загорелый,
Навстречу солнечной судьбе
Ты шёл с уверенностью смелой.
Любая тяжесть по плечу!
Опасность – выстоишь пред нею!
И если ты сказал: хочу,
То значит это: одолею.
Пришла пора – ты принял бой
И стал гвардейским офицером.
Бойцы на подвиг шли с тобой,
Твоим зажжённые примером.

Чтобы взлетел легендарный Гагарин,
Падал Матросов на огненный шквал.
Юноша! Будь же всегда благодарен
Тем, кто весну для тебя отстоял!

Дворцы возводим, сталь мы плавим,
Идём в тайгу и вглубь земли –
И звонкой строчкой, песней славим
Героев тех, что мир спасли –
И тех, кто с нами в ранней рани
Встречает утра синеву,
И тех, кто пал на поле брани
В боях за Курск или Москву.
Берлин их помнит и Варшава,
На Волге помнят, на Десне.
Фронтовикам – и честь, и слава,
Живым и мёртвым – наравне!

Себя он видит молодым:
Как сжался весь в траншейной щели,
А вражий танк прошёл над ним.
И как поджёг он ту громаду,
Гнетущий страх преодолев,
Когда вослед метнул гранату –
Всю злость, всю ненависть, весь
гнев!..
Война, как кузница большая,
По слуху бьёт и по глазам...
Всё явь: и мир, и праздник Мая,
А что ты цел – дивишься сам.

Летела слава по стране
О победителе, о сыне,
Что положил конец войне
В те дни в дымящемся Берлине!
Прошла война, как тучи тень,
И солнце вспыхнуло за дымом.
Ты снова нынче майский день
Встречаешь в городе любимом.
Сегодня светлый праздник твой,
Герой-солдат, советский воин!
В защитной форме фронтовой
Идёшь в строю, высок и строен.
Среди друзей – себе под стать –
Идёшь. А день – мечты чудесней!
И рядом хочется мне встать,
Парад встречая бодрой песней.



Стихотворение, ставшее песней – гимном Победы

20
Слова Михаила Небогатова Музыка Эдуарда Казакова
Слова с фронтоника

Лишь память трона: дым, огонь.
В утренний час инь погас.
Сраженья или кровавые.
Гибли, гибли сотни нас.

Припев:
За мир на свете, за Родину свою
Мы отдавали жизнь в бою.

Был брат сидел, брат в плену.
Он нас, жаждал, ждал на вокзал.
Что под Москвой-станицей
В дурь смертоносной в дымно лег.

Припев:
Был Ленинград – сто городов.
На берегу – князь вояк.
Назад от Волги-матушки
Он бежал, толпы в плену.

Припев:
Грота сном Курск, Орел.
Того же мантия – среди долин.
Вот в 44-м
Потом мы в наступление
Прыгнул, прыгнул на Берлин!

Припев:

21
- 2 -

Товарен брат: был редкостный!
Мужеством, зрелостью своим!
Что в наши годы не было
Новый подруга так же люб.

Припев:
Мир на свете, мир вокруг.
Что кровь пролила пролит он вновь.
Будь в Берлине, дурном, британском,
Дороги к ~~своей~~ победе!

Припев:
За мир на свете, за Родину свою
Мы отдавали жизнь в бою.

14 февраля 1957.

20
Слова Михаила Небогатова Музыка Эдуарда Казакова

ВОСПОМИНАНИЕ СОЛДАТА

Лишь память трона: дым, огонь.
В утренний час инь погас.
Сраженья или жестокие.
Гибли, гибли сотни нас.

Припев:
За мир на свете, за Родину свою
Мы отдавали жизнь в бою.
Снаряды били по ним и седым,
Но каждый верил: мы победим!
За мир на свете, за мир на свете.
За боем-бой. Свист и вой.

Смерть на ходу – в одном ряду.
Нам сном сегодня кажется
Кровь и ужас в том аду.

Припев:
Сквозь пыль дорог, боль тревог
В Берлин мы, друг, пришли не вдруг.
Не счесть потерь товарищей,
Где пожарница вокруг.

Припев:
Не гасни, свет, тех побед!
В хуже страда того труда.
Вовек не забудутся
Грозной иности года.

Припев:
За мир на свете, за Родину свою
Мы отдавали жизнь в бою.
Снаряды били по ним и седым,
Но каждый верил: мы победим!

18-20 апреля 1957

**ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ДВОЕ МОГЛИ,
ДА НЕ СТАЛИ СЧАСТЛИВЫМИ**

Эта глава – самое трудное место во всей книге. Подступиться к этой теме было нелегко. Не писать не могу, писать – тяжело и больно. Это короткая и печальная история моих родителей: мамы – Антонины Ивановны Парфёновой и папы – Михаила Александровича Небогатова. Читать его дневниковые записи без слёз и кома в горле было невозможно. Много для меня стало откровением. Помещаю здесь эти горькие строчки лишь для того, чтобы всё встало на свои места, чтобы не было «белых» пятен в биографии человека, который всегда и во всём, как говорят, перед богом и людьми, оставался чистым и честным, не кривил душой, до конца дней своих оставался глубоко порядочным человеком. Упрекнуть его мне не в чем. Хотя, не скрою, очень жаль, что при его жизни мы с ним так ни разу и не поговорили толком – ни о жизни вообще, ни о литературе в частности. Как бы то ни было, но в результате пусть даже и недолгой семейной жизни родителей появилась на свет я – внешне точная копия своего отца, сама прожила уже немалую жизнь, в завершение которой взялась рассказать землякам о том, каким я его узнала, люблю и помню. Благодарю за неоценимую помощь в этих моих открытиях и за оказанное мне доверие Александра Небогатова, моего брата по отцу, Михаила Васильева – сына Светланы Небогатовой, моей сестры. (К слову, с ней мы были не только знакомы, но и дружны). Десятилетия спустя мы – потомки Небогатова – нашли друг друга, восстановили утраченные родственные связи, и теперь своими делами и этой книгой укрепляем дружбу и кровное родство, увековечиваем память о нашем отце, деде и прадеде.

Михаил Небогатов

**ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ
40-х – 60-х годов**

1946 г, 11 марта. Наша встреча

Эта тетрадь открывается важной страницей в моей жизни – я решил жениться на Тоне.

Случилось это неожиданно и почти невольно – в женитьбе я хочу найти спасение от любви к Нине. Конечно, будь она здесь, я ни на кого не променял бы её. Но, увы, любовь моя далеко, зато близко та, которая любит меня. Это – Тоня.

Пожалуй, я не заслуживаю уважения её хотя бы потому, что связываю свою судьбу с ней, любя другую. Что ж, буду надеяться, что как-нибудь найдём с ней ключи к счастью. Что такое счастье? Мечты. Так что здесь начинается мой путь вдвоём с Тоней.

16 марта

...Настроение моё, как всегда, скверное. Угнетающе действуют складывающиеся обстоятельства: болезнь сестрёнки и брата, разлука с Нинусей. Тоня, как нельзя кстати, нужна мне. У неё настолько доброе сердце, что она вместе со мной переживает моё горе из-за тоски по Нинуське.

19 марта (запись в дневнике сделала Тоня, моя мама. – Прим. Н. И.).

Дорогой, любимый мой Мишутка! Извини за невольное «вторжение» в твой дневник!

Я счастлива, что вновь с тобой! Счастлива б была вдвойне, если бы и ты был счастлив со мною. Увы!.. Видимо, это невозможно. Но за твоё внимание ко мне я отплачу тебе тройне любовью и вниманием.

Ты говоришь, у меня доброе сердце? Да разве могу я быть иной по отношению к тому, кто мне дороже всего в жизни? Я не эгоистка жалкая, чтобы мешать твоей любви к Нинуське. Ты любишь её – я тоже. Случись так, что она вернётся к тебе: я не стану мешать Вам. Я прежде устрою счастье близнему, самому дорожному, тебе, любимый, а потом уж подумаю о своём. Не думай, пожалуйста, что это пустые слова. С тобой я всегда была искренней, и теперь говорю только правду. Как ни горько, но я не хочу огорчаться тем, что ты женился на мне, быть может, против своей воли.

Люби Нинуську – не запрещаю, но не забывай и обо мне! (о нас...). Я не собираюсь тебя ни в чём обвинять. Нет. Тебя я понимаю не хуже, даже может быть, чем Ниночка. Не думай, Мишенька, так же, что я пускаю лезть, называя такими нежными именами твою любимую. Судя по твоим стихам, записям в дневнике, и, наконец, по чувствам, которые ты питаешь к Нине, несмотря на расстояние и обстоятельства, я не меньше привязалась к ней, не зная её.

Так живи и не огорчайся. Я никогда не буду тебе в тягость... Только будь искренним.

Извини ещё и ещё. Любящая тебя – А. П. (Антонина Парфёнова. – Прим. Н. И.)

25 марта

Тоня прочитала мою предыдущую запись – и высказалась сама. Если, действительно, чувства её искренние, то какова должна быть моя взаимность?

Но Нинуська не выходит у меня из головы, и напрасно я стараюсь не думать о ней: то одна, то другая незнакомка напоминает мне её. Диву даюсь, как Тоня выдерживает эти бесконечные разговоры о моей незабвенной Нине.

Даже природа наполнена чем-то необъяснимым, что напоминает прошлогоднее счастье. Вторую неделю тает снег, но ветрено и сумрачно. Ясных безоблачных дней не было ещё, а в нашей улице – наводнение. Каждую весну доступ к дому становится проблемой. И вот невольно вспоминаю я март 1945 г., когда весенними синими вечерами, точь в точь, как сейчас, я сидел у окна и ждал Нину (у меня не было обуви, и не выходил из дому больше полмесяца).

Как сейчас вижу её – в сером пальто, в красном берете и чёрных блестящих ботах, которые спасали её в любом озере. Она приходила – и заполняла всё моё бытие. Да к чему вспоминать, всё равно этого больше не будет. Расчувствовался по привычке.

Поэзия моей юности кончилась, «Лета к суровой прозе клонят», как сказал поэт. Мне остаётся повторить его пророческие слова, применимые ко всякому мечтателю...

29 марта

Тоня явно недовольна моим поведением, а я не могу приказать своему сердцу: «Забудь Нинуську!». В том-то и беда, что человек не всегда может управлять своей волей, не говоря уже о чувствах. Когда Нина оставит меня в покое, то, пожалуй, я смогу осчастливить Тоню...

1 апреля

После работы ходил в ателье швейной фабрики – заказал ботинки для себя и туфли для Тони.

На улице – грязь, дождь, холодно по-осеннему. Не знаю отчего, но настроение очень неопределённое: то чувствую себя нормально, то погружаюсь в непонятную тоску. О чём? О ком?

Ничего мне, кажется, не нужно, но кого-то не хватает... Нинуськи, моей первой любви.

Должно быть, Тоне очень тяжело знать это. И всё-таки я не могу грустить, не говоря – о ком. Искренность – прежде всего. Красивая ложь страшнее жестокой правды.

Над своей душою я не властен. Чувства всегда побеждают, если они настоящие. Сколько было у меня увлечений? И как легко они рассеялись в буднях дней! А Нина, как тень, преследует моё существование, и нет спасения от сердечных желаний...

Кажется, всё бросил бы для того, чтоб быть рядом с ней: и родных, и поэзию, и сам город. Ушёл бы на край света, лишь бы успокоиться и сказать себе: не напрасно я родился, жизнь прекрасна и счастье своё я отыскал. Но этого нет и, пожалуй, не будет. Так и проживу свой век, до последней минуты жизни мечтая о несбыточном блаженстве любви.

Как может Тоня считать себя счастливой со мной? Я для неё – как осеннее солнце, которое светит ласково и нисколько не дарит тепла...

4 апреля

Мой бред о потерянном счастье с Ниной доходит до того, что по ночам, сонный, разговариваю вслух и зову её. Недавно Тоня слышала, как я отчётливо крикнул в полночь: Нина!

Эх, Нина, Нина. Не слышишь ты меня. Неблагодарная ветренка, соблазнилась комфортным заграничным и забыла старого друга, потеряла человеческую совесть, не говоря о женской: даже письма не напишешь!

Ну, ладно. Буду терпелив. Сердце моё никогда не обманывало меня. Вот и сейчас оно говорит, что встреча наша неизбежна. Только, пожалуй, роли наши переменятся: я привык платить взаимностью – хорошей или плохой – так что рано или поздно она дорого заплатит за моё несчастье в настоящее время и своё счастливое блаженство.

Нет, напрасно я так самонадеян. Не смогу я пройти мимо неё с презрением. Как я обманулся в своих предположениях! До сих пор мне казалось, что я любил десяток раз, а выходит – только однажды. Я и не подозревал, что только Нинуся могла быть для меня идеалом, что это она и есть «жизненная подруга, суженая моя». В этом убеждаюсь каждый день, ибо не могу осчастливить ни себя, ни Тоню. Страшное открытие! Теперь я вижу, что не ради шутки написано мной одно стихотворение, посвящённое ей, Нинуське. Пусть это шутка, но каково её пророчество:

*Зачем я встретился с тобой
И должен скоро разлучиться?
Чтоб не искать вовек другой,
Чтоб верить в счастье разучиться...*

5 апреля

Погода ни к чёрту. С утра как будто выяснит, а к полудню снова небо заволакивается тучами – и начинается то дождь, то снег. Несмотря на это, дороги затоплены грязью и водой. Мрачность природы передаётся настроению, которое, как маятник, болтается между апатией и бодростью. Первая побеждает.

До чего всё надоело! Поистине становишься слепым, не видя свою любовь рядом с собой! Год назад в эти дни я был счастлив, и не понимал тогда это. А сейчас что бы я отдал, чтобы хоть на день вернулось прошлое!..

С творчеством остановка. Давно не писал. А между тем душа переполнена желанием творить. Но не хватает терпения. Начну – и брошу. Что толку? Всё равно ОНА не прочтёт то, что я посвящу ей. Послезавтра, может быть, выйдет в «Кузбассе» «Лит. страница». Для неё я дал два стихотворения о Нинуське.

Найдётся ли в городе сердце, которое поймёт, о чём, о ком пою я? Ведь многие знали о нашей дружбе. Меня даже такая надежда радует, когда кто-нибудь из Нинуськиных подруг прочтёт и скажет: «Да, видно и в самом деле она дорога ему...» Но это всё фантазия, а реальность невыносима. Я должен как лошадь на поводу идти за своей судьбой, которой всё равно, что будет со мной.

Не ошибусь, если скажу, что будущее моё ещё бессмысленнее настоящего. Я сижу в тине сам и держу с собой близкого человека – Тоню. Нет, ещё раз повторяю: мы не созданы друг для друга. Ей нужен хороший друг, а мне – женщина в таком смысле слова, которого я и сам не могу объяснить.

7 апреля. Вечер. Воскресенье

Сейчас попросил Тоню, чтобы она сходила к Наде (Надя – сестра Небогатова. – *Прим. Н. И.*) в больницу с передачей, чтобы я за это время попробовал написать стихотворение. Сел, задумался – и ничего не получается. Что писать, о чём? Между прочим, сегодня в «Кузбассе» опубликована «Лит. страница». Их двух моих стихов пошло одно – «Привет». И я и доволен, и не доволен. Слабые стихи пишу я. Лирика мелкая, гражданские мотивы отсутствуют. Неужели творчество моё так и очерстевает? Ничто и никто не мешает мне писать. Но не хватает вдохновения. Случись так, что приехала бы Нинуся – сколько бы нового вошло в мою поэзию! Надо же было так выйти, что такая дружба канула в вечность. А я ещё верил, что был любим. Видно, Нина из тех, кто поёт: «При тебе люблю тебя, без тебя другого».

Опасаясь одного – не помешаться бы на постоянных мечтах о необыкновенном счастье. Ведь это – романтика, она всегда граничит с идиотством...

В семейной жизни – внешнее благополучие, до того призрачное, что не стоит одобрения. Наяву одно, в желаниях другое – и у меня, и у Тони. Если бы при всей доброте, при всём богатстве души она имела то, чего я ищу, что находил в Нинуське, неповторимой женщине – я сказал бы себе, что больше мне ничего не надо.

Однако чемодан с золотом дорог одним золотом. Сам чемодан не радует глаза. Уж так устроена моя натура, что меня прельщает и волнует изящная безделушка, будь она даже пуста изнутри, но оригинальна снаружи. Тоню я могу любить только как сестру, доброго преданного товарища, не больше. Но что я могу поделать со своим вкусом? Сердцу не прикажешь, если оно ещё вдобавок испорчено... Глупая философия!..

Ночь. 8 апреля

Сегодня у меня знаменательный день: вечером был в военкомате, получил медаль «За победу над Германией». Всё-таки будет память о том, что и я участвовал в боях против фашистов в сороковые годы. Но всё это мелочи. А в чём главное? Где оно?

Странное состояние. Чувства мои тупеют, ничто их не волнует по-настоящему. Делаю то – хорошо, занимаюсь этим – неплохо. Ко всему безразличен. Даже письмо

от Сары (Сара, Серафима – сестра Небогатова. – *Прим. Н. И.*), полное упрёков по поводу смерти мамы и полное сестриной любви, не вызвало в душе никакой реакции. Сел и спокойно написал ответ, всех прощая и прощаясь сам.

...Тоня недовольна мной, я ею. Прекрасная взаимность! А всё оттого, что она надуется и сама отталкивает от себя, потому что я непривычен ухаживать. И получается – она молчит, гадает, и я гадаю, молчу. Глупое положение.

Здоровье у неё очень плохое – и сердце, и прочее, мне неизвестное. Надо было подумать, прежде чем выходить замуж. Всякая болезнь прогрессирует, когда человек вступает в брак. Кому же ещё надо было заботиться о себе, как не самой? Но шаг сделан, и вот результат – постоянная апатия, разочарованность, недовольство. Поглядеть со стороны – во всём виноват муж...

10 апреля, среда

Неужели у меня – сердце пророка? Оно день и ночь говорит о том, что я должен встретиться с Нинуськой! Мечты сбываются: сегодня на работе Тоня «сбила с ног» меня новостью: Нина прислала из Москвы телеграмму, сообщает, что едет домой, пусть встречаются.

Это почти невозможно! Не могу поверить, как будто воскрес умерший человек. Но радость, большая радость моя омрачается одним: Нина, разумеется, не одна. В последнем письме Николай (муж Нины. – *Прим. Н. И.*) упоминает о приезде в Кемерово к майскому празднику. И это само собой подтверждается.

Тоня тоже взволнована по-своему: её счастье, если Николай приедет (она в этом не уверена), но мысль о том, что это случится не так, т. е. если между супругами за границей вышел какой-то разлад, эта мысль убивает Тоню. А я? Что я думаю? Мысли мои вихряются около одного: или я буду до конца по-новому счастлив, или несчастливее, чем был до этого. Скорее – последнее.

Николай не отдаст Нинуську ни за что, чего бы это ни стоило. Значит, отчего же мне ликовать, что его жена приедет скоро? Уж лучше бы они жили где-то у чёрта на куличках. А теперь придётся ещё больше страдать, встречая недоступное наяву, в одном городе.

Но если, действительно, Нина едет одна – не может быть! – то я не позволю, чтобы она досталась кому-то третьему. Она будет моей! Я думаю, Тоня, с присущей ей великодушной добротой, простит меня. Да иначе не поступил бы и я, окажись на её месте, пусть даже я не особенно великодушен.

В общем, ближайшие дни решат всё. Или прошлое вернётся, или будущее исчезнет. Это будет последнее моё испытание в жизненных невзгодах, посмотрим, какова моя звезда.

Я потерял навсегда маму. Гришу (Гриша – брат Небогатова. – *Прим. Н. И.*) не вижу шестой год, и, может быть, ещё столько же не увижу его. Какое же счастье может вернуть меня к жизни, если не свершение последней, самой дорогой мечты?

Эх, Нинусинька...

23:00, 10/IV (снова запись сделана рукой Тони. – *Прим. Н. И.*)

Эх! Мишутка! Мишутка! Последние дни и то ты меня обижаешь: неужели ты и в самом деле всё ещё сомневаешься в том, что я тебе всё прощу? Не суждено быть мне счастливой, так будь хоть ты, радость моя, счастлив с другой!

Бог с вами!

Об одном прошу: прости за всё и не поминай лихом! Я тебя очень люблю! (Ты знаешь!)

От тебя у меня подарок есть дорогой. Что же я подарю тебе? Моим подарком тебе будет вечная любовь, где бы я ни была, и пожелания счастья!

Прости, мой любимый! За всё прости. Ты напрасно был возмущён моим нездоровьем и поведением! Прости, тысячу раз прости! Ты будешь счастлив!

А. Парфёнова (подпись)

12 апреля

Терпения моего нет. Где она, дорогая моя Нинуська, в дороге ли, приехала ли и уже дома живёт, в одном со мной городе? И, может быть, лишь случайность не позволяет нам встретиться? Нет, нет! Она не окажется жестокой, бесчеловечной до конца, она заглянет ко мне, хотя бы с ней будет находиться Николай. На минутку, мимоходом, но она должна зайти!

Лучше бы я не знал этой новости – о её приезде. Когда я думал о ней, как о далёкой, недоступной, я только мучился разлукой, тосковал, а теперь сердце моё горит нетерпением, жаждой встречи. Какова-то будет эта встреча?

Да, я женат. Но что из этого? Я могу быть связан правами супружества, перед которыми свободны права любви. И Тоня не осудит меня, нет. Она не настолько влюблена, чтобы из-за своей любви запрещать мне действовать по своему усмотрению. А хотя и любит, то ради этой любви пожертвует.

До слёз обидно, что так неблагодарны, так легкомысленны женщины такого типа, как Нина. Только отвернулась от меня – и забыла, как меня звать. Забыла всё, чего, казалось, невозможно было забыть, судя по её поведению и отношению ко мне четыре месяца назад. Ведь она тоже любила меня, а может быть, только притворялась? Последнее я узнаю, когда снова встречу её в каких бы ни было условиях, при каких бы ни было обстоятельствах. Стоит только увидеть её глаза, и я прочту в них загадку всех четырёх тяжёлых для меня месяцев. Скорее бы это!

У Тони большая радость: приехал её брат – Петя. Заходил сегодня в редакцию с приглашением на чашку чая... Пожалуй, откажусь, пусть идёт одна.

Пишу о Тоне, а в мыслях – Нинуся. Гляжу в окно: там уже по-весеннему светло, снега мало, подсыхает грязь, белея дорожками.

Как часто, почти каждый вечер год назад, в такие вечера сидел я у окна и поджидал свою любимую. Жду, жду, и вдруг мимо окна промелькнёт красный берет, серое пальто. Скрипнет калитка, и я бегу на стук шагов на крыльце. Открываю дверь, и вот Нинуся, прохладная, пахнущая весной, припадает ко мне на плечо, я обнимаю, целую в румяную свежую щёку и шепчу самозабвенно: – Пришла, золотко моё...

.....
Всё позади, за гранью серых дней. А что – впереди? Доведётся ли повторить, хотя бы один раз, неоконченную повесть?

Как ни странно и безнадежно, но я почему-то всё-таки верю: старое повторится. Пусть говорят, что бога нет. Для меня он есть. Он не позволит умереть такой любви, он подарит минуты счастья, чего бы они ни стоили! А мне не жалко любой цены! Даже жизни...

16 апреля

...О Нинуське – ни слуху, ни духу. Возможно, известие о её приезде – ошибка. Но я не хотел бы этого. Почему-то хочется верить, что после встречи с ней я оживу, вдохновлюсь, и вообще вздохну свободно.

Утро. 20 апреля

Видел сегодня очень яркий сон. Я и Тоня сидим где-то в обществе незнакомых людей. Идёт какое-то торжество. Все пьют водку. Играет баян.

Вдруг появляются трое: Гриша, Маруся (Маруся – жена Гриши. – *Прим. Н. И.*) и Нинуська. Холодно здороваются, проходят и садятся за другой стол, в отдалении от нас.

Нина не обращает на меня никакого внимания. От обиды я заливаюсь слезами и пью, пью... Потом Тоня отлучается. В это время баянист, какой-то военный человек, поднимается, собираясь уходить. Нина спрашивает его: – Вы домой? – Да. – Ну, тогда я иду с Вами...

Они подходят к нам. Я задерживаю Нину. Взяв её за руку, взволнованно говорю: – Нинуся, не уходи. Я должен сказать тебе пару слов.

Она садится возле меня. Вдруг с упрёком, с насмешкой бросает мне в лицо горячие фразы: – Ты, наверно, воображаешь, что она красавица? Что она лучше меня?

И ещё говорит что-то. Я знаю – это о Тоне. А вот и она сама. Увидев нас, сидящих вместе, Тоня начинает плакать. Плачет и Нинуся. А я, уговаривая их, одну за другой опрокидываю стопки с водкой...

На этом сон мой прервался. Я уверен, что всё случится наоборот. Так всегда бывает у меня. То есть, во сне все мы остались втроём. А наяву – все мы разлучимся: и я, и Нина, и Тоня... (подчёркнуто Небогатовым. – *Прим. Н. И.*)

5 мая. Воскресенье

... По новой вариации из недостоверных источников Нинуся должна приехать числа 18-го мая. Сейчас она с Николаем якобы гостит в Москве у подруги.

...Когда мы были у Маруси, я напился до такой степени, что целый час, наверно, рыдал и звал свою Нинуську. Тоня вынуждена была сбегать к её родителям. Маруся ошиблась, сказав, что Нина уже приехала: Тоню встретил отец Нины и сказал, что они обещаются только на праздники (это было в последних числах месяца). Но и к маю супруги не явились.

Я грущу по-настоящему. Иногда это проходит, но стоит увидеть девушку, чем-нибудь напомнившую Ниночку, и я впадаю в хандру. Никого и ничего не хочу видеть.

Когда это кончится? Занятия литературные как-то машинально забросил. Нет условий и настроения. Вспоминаются слова Нинуси из одного письма ко мне: «Я мечусь, как человек, потерявший все надежды на будущее!» Это, как нельзя кстати, подходит к моему настоящему положению.

Я ищу чего-то, что успокоит, осчастливит. И не нахожу. Тоня не может дать мне этого...

7 мая

С каждым днём всё больше убеждаюсь, что не смогу жить с Тоней. И у неё, и у меня настроение кислое. Виноваты оба. Зачем она так легко доверилась мне, не видя во мне надёжного мужа? И к чему я поторопился с женитьбой, не испытывая в сердце прочной привязанности к ней?

Ошиблись мы оба. Вот и расхлёбываем кашу, которая противна каждому. В любовь её я не верю. Это не пустое заключение. Я уже говорил ей, что её унижение, терпение и все надежды – это только лучший выход из положения, в каком она была, находясь у матери и братьев. Там ей не было житья. Ну, а у меня – другое дело. Я хотя и жесток, но не очень, отношения мои могут быть терпимыми. Она

терпит и ждёт ребёнка, надеясь на мою привязанность к нему и изменение всей судьбы. Обманчивая мечта. То, с чем я родился, останется во мне до смерти: обожание женственности, даже преклонение перед ней. А этого нет в Тоне. И не будет. Значит, не будет и ничего другого. Для меня доброта без прелести – пустой сосуд. Чем бы ни жертвовала для меня Тоня – я останусь прежним и не полюблю её. В этом я убеждён навсегда...

(Только жалею!... – Приписка Тониной рукой. – Прим. Н. И.).

Год назад, в эти майские дни, я был так же счастлив, как несчастлив сейчас. Нинуська со дня разлуки не покидала моего сердца. В ней – мой идеал. И пока не найду повторение его в какой-нибудь другой – или лучше в самой Нинуське, – до тех пор я самый несчастный потерянный человек. Понимаю, какое серьёзное положение угрожает нам с Тоней. Но ничего нет непоправимого. Как-нибудь всё наладится – на ошибках люди учатся.

Чего я жду? Что намерен предпринять? Не знаю. Буду ждать поворота самой судьбы. Она подвела, она и выручит нас...

19 мая. Воскресенье. Ночь

Сегодня вечером была Маруся. Получила она письмо от Гриши. Пишет, что скоро должен быть дома. В это даже не верится – так велико было бы счастье встретиться с ним!..

Я – неудачник во всех смыслах. Неделю назад сдали в набор моё стихотворение «За городом». В недобром духе Бабаянц (Бабаянц Арсен Арсенович – редактор газеты «Кузбасс». – Прим. Н. И.) выбросил его из полосы. А в сегодняшнем «Кузбассе» поместили стихотворение Косаря (Кóсарь Алексей Васильевич, журналист, сотрудник газеты «Кузбасс», поэт. – Прим. Н. И.) «Обида» (глава из поэмы «Углеград»).

Вот и в семейной жизни. Тоня собирается уходить от меня. Правильно сделает – мы не можем быть счастливы. Причём она хочет сделать аборт. Разговаривала уже с врачом. Ну, что ж. Это лучше. Только бы обошлось всё благополучно. Я уверен, что даром мне не пройдёт развод с Тоней. Все сотрудники – на её стороне... Конечно, многое будет зависеть от Тони. Если она не захочет скандала, никто его не начнёт... Только сам я не виню себя, я просто несчастен – не могу найти точку опоры, чтобы быть, наконец, настоящим человеком, а не чудаком. Сердце моё рвётся к чему-то такому, что могло бы положить конец всем исканиям. Где он, мой женский идеал? Чёрт его знает! Говорят, приехала Нина с Николаем. Бог с ними! Я уже ни на что не надеюсь, ничего не жду.

Вчера было открытие горсада. Ходил от скуки – посмотреть людишек, послушать музыку. Из горсада заглянул в кинотеатр. Когда шёл туда, в голове мелькнула странная суеверная мысль: «Сегодня я встречу свою судьбу, т. е. «суженую». Как это смешно! (продолжение этой записи о встрече с Марианной, будущей женой Марией Ивановной – в опубликованной книге Светланы Небогатовой «Михаил Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет». – 2006. – С. 10. – Прим. Н. И.).

22 мая. Среда. Ночь

Прежде всего, хочется сказать несколько слов о бытовой передрыге. С Тоней расстался, третий день живу без неё...

6 августа (стихотворный экспромт о любви)

*Из всех даров на свете
Один мне дан судьбой:*

*Любить, как любят дети –
Открыто, всей душой.*

*А женщины привыкли
Любовь таить в тиши...
Навек влюбясь, на миг ли,
Я счастлив от души.*

*Но повторяю людям
Пропетое не раз:
Чем меньше сами любим,
Тем больше любят нас...*

Понедельник, 11 ноября

Сегодня у меня знаменательный день – отныне и на 18 лет вперёд я награждён «почётным» званием алиментщика. Дело в том, что 18 октября Тоня родила дочку (назвала её Ниной) и в начале этого месяца подала заявление в суд о помощи ребёнку. Событие не из приятных. Отцом себя я считаю, но сам брак такой случайный, ошибочный... Настроение несколько омрачилось. Как никак, а обидно расплачиваться за минутную глупость в течение стольких лет. Да и перед Марианной как-то неудобно. Ей должно быть очень неприятно, хотя она и не подаёт виду. Ну, ничего. Материальное не должно служить помехой для морального благополучия. Представим себе, что у меня снизили зарплату. С милым хорошо и в шалаше...

22 ноября

...Начинаю говорить сам с собой...

*Едва ли есть несчастье
тяжелее,
Чем то, что ты обманут,
нелюбим.
Она живёт, о прожитом жалея,
Пренебрегая будущим твоим...
Ей близко то, что связано
с другими,*

*И чуждо всё, что дорого тебе.
Ты для неё – ничто, пустое имя,
Ночная тень на солнечной тропе.
Так почему идёшь ты с нею рядом
И заслоняешь солнце от неё?..
Пусть жизнь её цветёт
весенним садом,
Ей ни к чему участие твоё!..*

1966 г., Четверг, 30 июня

...Света готовит уже документы для пединститута. Я, кажется, не упоминал, что она недавно познакомилась с Ниной (Тониной). Нина понравилась ей («прелесть»!). Я не возражаю, пусть дружат.

Вторник, 26 июля

Вчера вечером была у нас гостя – моя дочка Нина. Мусик (Домашнее имя жены Небогатова. – Прим. Н. И.) постряпала пирожков с рисом и мясом, сварила компот. Взяли торт, конфеты, бутылку сухого вина...

..Нине в октябре исполнится уже двадцать лет. До этого мои встречи с ней были случайными... Изменила всё Света. Она где-то на Набережной подошла к Нине и предложила прогуляться вместе. Так они познакомились и подружились. Света... побывала у них в гостях и вот пригласила к себе свою сестрёнку. ...Девочка она вроде ничего... Ростом – невеличка, пожалуй, ещё пониже Светы. Загорела до черноты.

Пусть дружат. Я не возражаю...

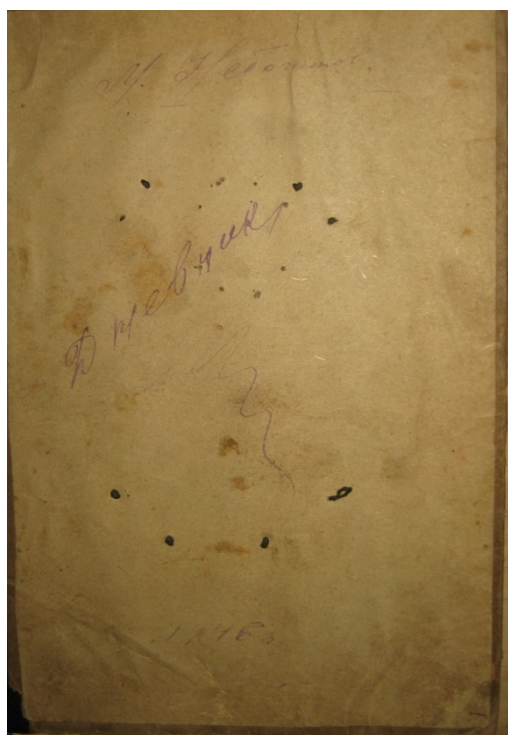
1967 г., вторник, 17 октября

... Послал сегодня открытку Нине – поздравил с днём рождения. Завтра ей исполняется 21 год. Она тоже 5-го поздравила меня.

1968 г., понедельник, 7 октября

...Именины мы отметили хорошо. Правда, с утра 1-го у нас не было ни копейки, но к вечеру Мусик получила зарплату, купила две бутылки сухого, колбасы, язык, и мы втроём – Мусик, я, Вова – посидели за столом (Саша спешил куда-то, выпил рюмочку и ушёл). По паспорту день рождения у меня 5-го (и в сборниках эта же дата); к этому числу получил поздрав. открытки из двух школ Ленинска-Кузнецкого, от Нины, телеграмму от Варвары Гурьевны...

Иллюстрации № 3:



23^{го}. 10/10 - 24-
 Да! Мишутка! Мишутка! Последние
 дни и то ты меня обижал: несправедливо
 ты и в самый день все еще сожале-
 вешь в том, что я тебе все прощу?
 Не судило же быть мне счастливым,
 так будь хоть ты, радость моя,
 счастлив с другом!
 Бог с вами!
 Об одном прошу - прощай за все
 и не поминай лихом! Я ведь очень
 люблю! (Ты знаешь!).
 Еще прошу - будь последние дни
 со мной добрыми. Насмешить себя
 придется не долго.
 От тебя у меня подарок есть
 дорогой. Это не я подарю тебе?
 Мой подарок тебе будет величай-
 шим, где бы я ни была, и поменяю
 счастье!
 Прощай, мой любимый! За все
 прощай. Ты напрасно был возмущен
 моим изгнанием и поведением!
 Прощай тебе раз прощай!
 Ты будешь счастлив!
 А. К. Мусик

-4- Вечер. 8 часов.

Сегодня Хоня принесла записку от Наина. Хоня, ты у нее все время так интересна! 8.9.40. У меня же есть, просишь, чтобы я написала письмо, а через несколько дней получаю ходила, проведывая. Я вроде не знаю, что делать - помочь, помочь, помочь - ко брава, а бессильно...

19 марта

Дорогой, любимый мой Миширхка!
Извини за невольные "всплески" в твои дневник!
Я счастлива, что снова с тобой! Счастлива в была в войне, если бы и ты был счастливым со мною. Увы! Видно, это не возможно. Но зато внимание ко мне и вниманию тебе второе любовное и вниманием. Ты говоришь, у меня доброе сердце? Да, разве могу я быть иной по отношению к тому, кто мне дороже всего в мире? Я не жалею, не жалею, мешая твоей любви к Нинушке. Ты любишь ее - я тоже. Сидишь как, что она вернется к тебе: я не стану мешать тебе, я прежде всего хочу счастья для тебя, счастливо

дорогому, тебе любимый, а потом уже подумать о себе. Не думай, что-нибудь, что это худшие слова. С тобой я всегда была искренней, и теперь говорю только правду. Как ни горько, но я не могу огорчать тебя, что ты изменился на мне, быть может, против своей воли. Люби Нинушку - не запрещаю, но не забывай и обо мне! (онче...). Я не собираюсь тебя ни в чем обвинять. Нет. Нет. Я конечно не жалею, даже могу быть, чем Нинушка. Не думай, Миширхка, так же, что я искала себя, называя такими нежными именами твоего любимого. Судя по твоим стихам, запискам в дневнике, и, наконец, по чувствам, которые ты питаешь к Нине, несмотря на расставание и ответственности, я не меньше приваляюсь к ней, не знаю ее. Так люби и не огорчайся. И никогда не буду тебе в тягость... Только будь искренним. Извини еще и еще. Любящая тебя - А. П.

~

-6- 25 марта.

Хоня прочитала мою предыдущую записку и высказалась сама. Если, действительно, гурьба ее искренняя, то какая должна быть моя благодарность? Но Нинушка не выходит у меня из головы, и как-то я стараюсь не думать и ней: то одна, то другая, незнакомка, напоминающая мне ее. Дубу даю, как Хоня водернивалась эти бесконечные разговоры о любви, когда-то была Нина. Как природа непонятна, что то необъяснимо, что напоминает счастье. Вторую неделю так скучаю. Я как тепло, но ветрено и одиноко. Звездоблачных дней не было еще, а в нашей улице - невозможности. Кардано весной дремучи к дому становится проливной.

И вот невольное воспоминание 8 марта 1945 г., когда всенным силами Восточной, мой в то время как сейчас, я сидел у окна и ждал Нину (у меня не было обуви и не вошел в дом, до-ме поместится). Как сейчас вижу ее - в сером пальто, в красном берете и черной блузке. Удар дома, который она сама ее в любви и горе. Она кричала - и заплакала все мое бытие. Да к чему вспоминать, все равно так. Вывод не нужен. Разувствовались по-прежнему. Хоня моя, которая кончилась, Леда к суровей прозе, которая она сама повторить его пророческие слова, правды, но все же не так. Точно...



С любимой мамочкой



Мы с папой в примерно одинаковом возрасте:
ему – около тридцати, мне – неполных 25 лет

«ЗЕРКАЛО ПОКОЙНОГО – ЕГО АРХИВ»

Задумывая эту книгу, я планировала, прежде всего, как можно больше узнать об отце, его жизни и творчестве, чтобы потом поделиться моими открытиями с земляками. Накануне его 95-летнего юбилея я познакомилась с многочисленными неопубликованными дневниками, с письмами, которые он адресовал своим детям. Останавливало при этом лишь одно: могу ли, имею ли право обнародовать мысли, чувства, переживания, которые нашли отражение в этих записях и письмах, по большей части, сугубо личного характера. Но, всё больше вчитываясь в записи, в строки писем, пришла к однозначному выводу: у публичного человека, каковым является представитель любой творческой профессии, нет и не может быть ничего постыдного в том, что он искренне, честно пишет о том, что его беспокоит, радует, не даёт покоя, вдохновляет, огорчает. Подтверждение правильности своего вывода нашла в самих записях. Так, 2 сентября 1959 года отец пишет: «...Надо больше читать мемуары, дневники, записные книжки. Помню, я открыл заново Пушкина, когда прочитал два тома его писем. Можно поставить под сомнение любое стороннее высказывание о личности, как бы достоверно оно ни выглядело. Зеркало покойного – его архив».

Итак, опубликовать творческое наследие всё-таки позволительно. Однако в этой работе меня подстерегала ещё одна сложность. Трудно, а то и невозможно было отделить записи чисто семейные, бытовые от творческих, поскольку вся жизнь поэта Небогатова была без остатка отдана литературному труду – с самого раннего возраста до последних дней.

Записи и письма приведу в хронологическом порядке, ничего не меняя в них, не нарушая целостности формы и содержания. Из этих текстов станет ясно, насколько тесно была переплетена семейная и творческая жизнь, насколько необходима была поэту поддержка родных, насколько важно было взаимопонимание. И ещё: какими тёплыми, любящими и заботливыми были отношения поэта с женой и детьми. К слову, некоторые работы членов семьи Небогатовых (как оказалось, не менее творческих людей) помещу в отдельную – пятую – главу.

И в дневниках, и в письмах – Небогатов не сторонний наблюдатель за всем происходящим вокруг него, не простой созерцатель, а непосредственный участник событий, их своеобразный летописец. И пишет он не только о литературе. Он живо откликается на всё, что его волнует, что ему интересно. И что мы, читатели, и находим в его стихах, очерках, поэмах, пародиях. Много из созданного не было опубликовано.

Вместо эпиграфа к этой главе – стихотворение Небогатова:

Новый стих – как ясное окно
После ночи радостно-бессонной.
Если б в суеде редакционной
Не ложилось что-то под сукно!
Не таю обиду или зло,
Но скажу своим единоверцам:
Сколько строчек, выстраданных сердцем,
До тебя, читатель, не дошло!..

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ

1950 – 1970-е гг.

1958 г., 10 июня (о газете «Литература и жизнь»)

Посылаю сегодня ещё три стихотворения: «Творцы картин, симфоний, книг ли...» (одобренное когда-то Твардовским. Я посылал это стихотворение ему), «Время под стать брадобрею» и «Не раз бывал я в юности». Решил отобрать именно эти (из многих других) потому, что в них больше проявляется мой взгляд на жизнь (точнее, на предмет, о котором идёт речь). Если это не подойдёт, тогда уж не знаю, с чем выступить. Может, с юморесками? Ведь это очень важно – сказать своё слово в общесоюзной литературной газете. И очень важно, если тебя замечают, ждут твоих стихов, верят в твою работу. Без этого руки опускаются. Можно не печататься в Москве и не считать себя ниже некоторых из тех, кто печатается там постоянно (Подчёркнуто М. Небогатовым. – Прим. Н. И.). Надо только много работать и самому верить в себя.

18 июня

Мусик (домашнее имя жены Небогатова. – Прим. Н. И.) была в городе (говорю: в городе, потому что живём мы на такой окраине, которая представляется пригородом), купила пять экземпляров моей книги стихов «Моим землякам». После типографских исправлений большие ошибки устранены (как, например, разделение одного стихотворения на два), но мелких опечаток много. Думаю послать сборник Твардовскому. Дважды уже обращался к нему – и обращался не зря: оба раза он мне отвечал, коротенько сообщая своё мнение о стихах. Первая оценка: незаурядно, вторая – недурно. В этом сборнике есть стихотворение, где говорится прямо о нём («Творцы картин, симфоний, книг ли...»). Смущает меня, однако, другое стихотворение, где есть такие строчки:

*Этой фразою крылатой («а там пойдёт»...),
Новым замыслом объятый,
Сам Твардовский в трудный час,
Знать, стегал себя не раз.*

«Стегал», кажется, бестактно, грубо, тем более что выше, говоря о своей музе, я пишу, что пришпорю её. Я, значит, буду стегать Пегаса, а он себя. Глупо! И как я сразу не заметил такого ляпсуса! И редактор Шилова проглядела...

В целом сборник представляется довольно полным сводом всего наиболее лучшего, что я написал. Есть тут стихи, которые я просто люблю, но есть и неважные, чисто газетные...

8 июля

...Никогда человек не смирится с неизбежностью смерти. Ведь ясно же сознаёшь, что «все там будем», как говорят в народе, а скончается кто-то – и всякий раз поражаешься этим, как чем-то неестественным... Глупо жизнь устроена. Строим какие-то планы, стремимся к чему-то возвышенному, а придёт эта старая карга с косою и одним взмахом снесёт всё, чем живёшь.

10 июля, вечером

...В. (Владимир. – Прим. Н. И.) Симаков ошибся, говоря, что мои сонеты вызовут возражения в редакции, у редактора Ф. Е. Дёмина и, особенно, у его заместителя Ю. Д. Баландина. Сегодня в полдень... Юрий прислал за мной машину. В беседе с ним выяснилось, что сонеты ему понравились. Прочитал он их и сразу же передал в секретариат. Нашёлся, однако, человек, которому сонеты показались

плохими – это Эйга Борисовна Ливянт. «Слишком много поучений», – сказала она; Баландин, чтобы не вступать в конфликт с ней, передал сонеты членам редколлегии. Вскоре зашёл к нему П. И. (Павел Иосифович. – *Прим. Н. И.*) Бекшанский и объявил: семь ноль в твою пользу! Оказывается, отзывы всей редколлегии совпали с мнением зам. редактора. Кто-то, обычно сдержанный, высказался даже явно восторженно. Но этим дело не кончилось. Редактор Фёдор Ефимович заколебался, увидев перед собой нечто, далёкое от прямой публицистики. А тут я прислал в редакцию фельетон, и Ф. Е. решил в первую очередь напечатать фельетон. По поводу этой вещи, чтобы кое-что уточнить, и приглашал меня Ю. Д. (Юрий Дмитриевич Баландин. – *Прим. Н. И.*). Мы договорились с ним, что сонеты всё-таки следует дать, и он постарается убедить в этом редактора, ссылаясь на важность для всех газет такого дела, как творческий отчёт литераторов перед съездами. Кроме того, Юрий обещал напечатать цикл стихов о лете, м. б., с рисунками. Кстати, у него самого есть кое-какие удачи в литературной работе: один его очерк принят в «Сибирских огнях». Я этот очерк читал, и должен сказать, был искренно удивлён и обрадован: это настоящая очерковая литература. Растут люди, умнеют, совершенствуются в своём деле. Давно ли этот же Юра ограничивался заурядными газетными корреспонденциями? А сейчас он приобщается уже к художественной литературе. Очень хорошо, что в редакции на месте зам. редактора будет литератор, настоящий творческий работник.

20 июля

«Литературная газета» начала предсъездовскую дискуссию о современной советской поэзии. Первым выступил со статьёй «Надо сметь!» Серг. Васильев. Уже один заголовок – какой-то претенциозный, по духу совсем не русский – вызвал во мне неприятное чувство. А прочитал всю статью – и плюнул. Насколько до этого уважал С. Васильева как поэта, настолько – ещё больше! – теперь возненавидел его. Дурак! Надо же договориться до такой чепухи: «Замысел книги «За далью – даль» (Твардовского), спора нет, замечателен. Но исполнение, судя по отдельным местам опубликованных глав, оставляет желать лучшего. Бросается в глаза неэкономность формулировок, «очерковость», расплывчатость». И т. д. и т. п.

Ай, Моська, знать, она сильна!.. Интересно, кто её науськал? Причём, что характерно: критические высказывания в адрес поэтов Васильев начинает именно с Твардовского, – перед этим идёт длинное перечисление имён разных виршеписцев, которых он называет отрядом советских поэтов. Кого только нет в этом списке! Я. Хелемский, М. Львов, М. Дудин, В. Боков, Л. Озеров, В. Тушнова!.. Побоялся бы бога, как говорят, включать в ряды поэтов этих букашек, известных только среди такого же семейства насекомых. Народ о них не знает и знать не хочет. Да и сам-то Васильев недалеко ушёл, хотя пишет уже, небось, третий, а то и четвёртый десяток лет...

И что всего удивительней, так это совершенная бестактность, я бы даже сказал, наглость, которую допускает Васильев, следом за Твардовским критикуя Леонида Мартынова, одного из наших литературных шутов. Ставить рядом истинно народного поэта и какого-то формалиста, который от народа далёк, как небо от земли – это хуже всякой насмешки. Это попросту издевательство...

Хорошую отповедь дал распоясавшемуся выскочке поэт и прозаик Владимир Солоухин. Этот человек по годам годится Васильеву в сыновья, а в поэзии разбирается куда лучше. Он прямо заявляет: в оценке поэмы «За далью – даль» С. Васильев допустил грубую ошибку... И далее: «Твардовский потому и является самым крупным русским советским поэтом тридцатых, сороковых и пятидесятых

годов (подчёркнуто М. Небогатовым. – *Прим. Н. И.*), что самые важные, самые решающие события в жизни страны и народа нашли наилучшее отражение именно в его поэзии. Коллективизация – «Страна Муравия». Отечественная война – «Василий Тёркин» и «Дом у дороги». Послевоенное время, время великих строек и великих раздумий, дышит со страниц его новой поэмы, проникнутой высоким гражданским пафосом сегодняшних наших трудовых свершений».

Много ещё умных и верных суждений в статье Солоухина. Я бы полностью подписался под ней...

Предвижу вот что: в последующих статьях, соглашаясь в общих чертах с Солоухиным, – по мелочам, однако, будут щипать Твардовского. Наскок Васильева не случаен. Недоброжелателей у Тв. среди пишущей братии хоть отбавляй. Взять хотя бы «преемника» Маяковского – Семёна Кирсанова. В 1950 году мы с А. Косарем, будучи в Москве, заходили к нему (по желанию А.; я сам не пошёл бы). Полистав мою рукопись (поэму «Дорога в жизнь»), Кирсанов достал с книжной полки томик Твардовского и тут же, наугад прочитав несколько строк, кажется, из стихотвор. «Поездка в Загорье», сказал: – У Вас ничуть не хуже. Но и это (ткнул пальцем в книгу) и Ваши стихи – не ново. Форма устарела, а от неё и содержание не вызывает интереса. Что вы увлекаетесь Твардовским? Он ведь не популярен. – Заметив, что оба мы, Косарь и я, от удивления глаза «прибавили», поспешил оговориться: – Не знаю, как у вас в Сибири, а в Москве он не популярен... Форму надо обновлять! У Вас стихи гладкие, но не трогают. А вот я недавно читал поэму «Кремлёвские звёзды», вот это, по-моему, интересно. Молодой автор удачно, очень удачно и смело ломает канонический ритм, и добивается этим большой выразительности! У Вас же, повторяю, стихи гладкие и, возможно, есть в них интересные мысли, но именно из-за этой гладкости, напевности они не привлекают, кажутся шаблонными. А каждый стих даже своей инструментовкой должен создавать впечатление новизны...

Долго разглагольствовал Кирсанов в таком духе. Надо отдать ему справедливость: по тому, с каким жаром говорил он, можно было заключить, что поэзию он любит и у него свой взгляд на неё, свои убеждения, как надо писать. Но и этот взгляд, и эти убеждения далеки от меня. Так и расстались мы, сопровождаемые его жаркими наставлениями, но отнюдь не солидарные с ним в душе. Косарь-то, может быть, с чем-то и согласился, потому что сам пишет часто лесенкой, а я лишь пожалел о потраченном времени. Не о чем мне было говорить с Кирсановым, несмотря на его признанную маститость...

Вот и жду сейчас, что выступит в газете этот новатор или ему подобный, и с пеной у рта будет доказывать своё. Утешает одно: сколько бы ни оплёвывали настоящих поэтов литературные паразиты, настоящий поэт всегда останется тем, кто он есть.

Все эти дискуссии – пустая болтовня. Надо же показать, что и «мы пахали» и пашем! Не знаю, насколько ошибусь, но думаю, что с очередной статьёй выскочит или Кирсанов, или Е. Долматовский... Впрочем, незачем гадать. Мало ли расплодилось «поэтов». Явится, пожалуй, кого и не ждёшь...

25 июля

Во вчерашнем номере газеты «Кузбасс» напечатана рецензия Э. Суворовой (Суворова Эвелина Владимировна, журналистка. – *Прим. Н. И.*) на мой сборник стихов «Моим землякам» – под странным названием «А где сегодняшний день?» В тексте этот вопрос относится, по существу, только к одной поэме «Братья», написанной лет шесть назад, а получается так, что речь идёт обо всём сборнике. Все

стихи, якобы, устарели. Причём, сама Суворова противоречит себе: она отмечает, что тема труда – одна из главных в моём творчестве. Если так, причём тут вопрос: а где сегодняшний день? Никакой логики!

...Флюгером я не был и не буду – вот что могу я ответить на такие сетования... Погоня за злободневностью никогда ни к чему хорошему не приводит. Настоящие художественные произведения рождаются только на основе непреходящих тем – любви к родине, к труду, к людям.

...У Суворовой мыслей не хватило даже на целый газетный подвал. Обидно мало. Не хотят (или не умеют?) наши критики анализировать...

10 августа Стихотворение Андрея Вознесенского, которым восхитился Лев Ошанин:

*В одном вагоне – четыре гармони.
Четыре чërта в одном вагоне!
Четыре чуба, четыре пряжки,
Четыре,
Четыре,
Четыре пляски!
Эх, чечёточка, сударыня-барыня!
Одна девчоночка –
Четыре парня.*

*Четыре чуда, четыре счастья,
Хоть разорвись –
Разорвись на части.
Кончена учёба. Пути легли
Во все четыре конца земли.
Чимкент, Чукотка, Сибирь, Алтай...
Эх, чечёточка!
Выбирай!*

11 августа (ответ М. Небогатова на хвалебную статью Льва Ошанина. – Прим. Н. И.)

Вот что родилось у меня по поводу стихотворения А. Вознесенского, которое так восхитило Л. Ошанина:

*В одном конверте собор вселенский
Прислал Ошанину Вознесенский.
Вознёс Ошанин стих виришплёта:
«Как обаятельно! Как свежо-то!
Учёба... Чудо... Чимкент... Чукотка...
Чечётка... Пляска... Как точно, чётко!»
Мы спросим в стиле такого ж сорта:
– Что чушь ты хвалишь? Какого чërта?..*

26 августа

На чей-то взгляд и мои суждения, разумеется, могут показаться ошибочными. Но каковы бы ни были они, суждения эти – мои, ни у кого не занятые. Так я считаю. Согласно этим суждениям и тружусь. И только в тех стихах, где есть отражение каких-то моих, личных точек зрения, я как поэт могу быть интересен. Но такие стихи как раз и бракуют...

27 августа

...Неправда, когда-нибудь и мои стихи войдут в антологию русской поэзии! Два – три стихотворения, а войдут. Даже из тех, что уже написаны. Не всё будет ошаниным масленица! Надо лишь работать – с верой в себя, с надеждой на участие настоящих чутких людей. Есть они.

30 августа

Стихотворение «Моему критику» (из рукописи сборника К. Шиловой, редактором, – выкинутое) (сборник «Моим землякам». – Прим. Н. И.):

*Чего ты хочешь, критик мой?
Скажи, о чём ты всё хлопочешь?
Чтоб не был я самим собой?
Не так ли? Этого ты хочешь?
Ну, нет! Под дудочку твою
Плясать не буду никогда я!
Что есть в душе – о том пою,
Твоих похвал не ожидая!*

...Многим поэтам хотелось бы пожелать, чтобы они перешли в критики.

10 сентября

...Стихотворение «Моим критикам» – одно из двадцати пяти стихотворений, опубликованных здесь (в седьмом номере «Нового мира». С этого номера А. Т. Твардовский опять гл. редактор журнала. Он уже когда-то редактировал его, но прогорел на слишком смелых статьях.) (Приписка М. Небогатова. – Прим. **Н. И.**) – под заглавием «Из лирики разных лет» (1936 – 1958). Вот оно:

*Всё учить вы меня норовите,
Преподавать немудрёный совет,
Чтобы не я, не слыша, не видя,
Только зная: что можно, что нет.
Но нельзя не иметь мне в расчёте,
Что потом, по прошествии лет,
Вы же лекцию мне и прочтёте:
Где ж ты был, что ж ты видел, поэт?*

Очень глубокое по мыслям и очень простое, – именно в духе Твардовского – оригинальное в то же время по форме стихотворение! Впрочем, о стихах больших поэтов рассуждать я не люблю – их надо читать; обаяние, которыми они дышат, словами не передашь...

18 сентября

...Рассказ «Цветы» («Букет») начал. Половина примерно уже есть. Работа в прозе увлекательна, однако, чувствую, что придётся несколько раз переписывать, прежде чем предложить рассказ в печать. В отличие от стихов, где всё время находишься как бы в какой-то ограниченной зоне рифм, проза кажется безбрежным полем – хочешь сюда иди, хочешь туда, и вот как раз этот-то соблазн – гулять всюду без стеснения – основная трудность для меня: надо сказать главное, а под перо лезет много такого, что оказывается ненужным, лишним. Поэтому только сейчас я понял слова Чехова о том, что уметь писать рассказы – это уметь сокращать, сокращать как можно больше...

5 декабря

...Позавчера ночью в один присест написал рассказ «Букет». Сделал по-новому, не так, как это было задумано и начато с утра. Теперь у меня герой рассказа – рабочий, молодой парень, бригадир штукатуров. Про писателя напишу другой рассказ. Первый мой читатель – Мусик. Она просто в восхищении, и мне, признаться, тоже нравится, но это чувство недолговременно, через несколько дней всё может показаться никому не годным...

1959 г., 21 января

Давно я ничего не записывал... Рассказ «Букет» в «Кузбассе», видимо, забраковали, но каким-то образом он оказался на радио, где был прочитан 30 декабря. Сам я не слышал, о чём очень жалею, – интересно же, как он прозвучал. Варвара Гурьевна Ульдина (Давняя поклонница творчества Небогатова, цветовод – любитель. – Прим. Н. И.) рассказ, оказывается, слушала: я получил от неё благодарственную открытку и поздравительную новогоднюю телеграмму. Узнала ведь себя, хотя и имя в рассказе, и профессия героя – всё иное. Не ей меня, а, по существу, мне её надо благодарить. Своим подарком она, возвышенная душа, возвысила и мою душу (Подчёркнуто Небогатовым. – Прим. Н. И.) – и в результате к моим писаниям прибавилась ещё одна вещь, на этот раз в прозе. Кто знает, может быть, этот «Букет» – не последний: начал я новый рассказ...

...получил я недавно бандероль – «Сиб. огни» № 12 с сатирическими миниатюрами. Из 30 штук выбрали семь: «Флюгер», «Магия бумаги», «Мученик», «Изделия промартели», «Творчество и халтура», «Соавтор» и «Спесь». К стихам даны рисунки С. Калачёва. Часть этих миниатюр посылал я в газету «Лит-ра и жизнь» – к съезду писателей РСФСР. Вместо Грудева ответила какая-то Медведева. Ответ ужасный по своей глупости. Например, Медведева замечает, что «удрал» (в смысле, «сгородил», «выкинул штуку») в наше время не употребляется (!?!), поэтому стихотворение «Творчество и халтура» нельзя печатать. Вот что удирают некоторые литконсультанты!

Мне ясно одно: в Москве мои стихи явно не хотят печатать. Это в какой-то мере – отзвук статьи «О стихах и простом читателе» (статья опубликована в журнале Сибирские огни, 1958, № 8. – С. 3 – 6. – Прим. Н. И.). Кое-какие группочки меня попросту возненавидели, и не без основания. Ну, что ж. Чёрт с ними! Заискивать не в моей натуре. Доказательство этому – тот хотя бы факт, что до сих пор решается вопрос о моём приёме в СП. А вот такие дельцы, как А. Г-на (Аида Газукина, прозаик, автор повести для детей об игрушках. – Прим. Н. И.), находят быстрые и верные ходы: на днях я с удивлением (впрочем, удивляться нечему) узнал, что она – уже член СП. Женские прелести своё сделали... Да и не только женские – решило кое-что и другое...

...Взялся редактировать сборник стихов Стихии Соколовской. После первого знакомства с рукописью у меня создалось впечатление, что книга есть – лиричная, цельная и патриотичная. Но шлифовать есть что – и подходяще.

18 февраля

В конце прошлого месяца в обкоме партии состоялось областное совещание литературного актива. Как я и ожидал (да и не только я), ничего доброго оно не дало. Наоборот. Секретарь по пропаганде и агитации высказал, например, замечание, что газета «Комсомолец Кузбасса» часто печатает бессодержательные лирические стихи, в частности, о неразделённой любви. «Комсомольцы» перепугались и перестали печатать стихи вообще. Критика «помогла».

...Пишу почти каждый день. Но давно ничего не публикуют – в обеих редакциях газет и на радио лежат мои стихи без движения.

Несколько дней назад я нежданно-негаданно получил телеграмму от Ю. Мосткова (Юрий Мостков, новосибирский радиожурналист. – Прим. Н. И.): слушайте Ваши стихи такого-то числа во столько-то. Я прослушал. Стихи из сборника читали двое артистов (в передаче «Литература и искусство Сибири»). Отбор стихов, на мой взгляд, удачен: публицистические и лирические. Чтение заняло восемнадцать минут.

Поблагодарил Мосткова. Как ни молчал он (почти полгода), а порядочность взяла верх: ответил делом. Помню, года два назад мы с Косарем, будучи в Новосибирске, составили о нём неплохое мнение, которое вскоре, уже в Кемерово, укрепилось: так же, как теперь, он уведомил нас телеграммой о времени передачи наших стихов. Послать бы что-нибудь ещё, да, пожалуй, неудобно. Можно показаться навязчивым. Вот такие новости...

Задумал я цикл стихов – публицистических, а стимула нет: написанное не публикуют.

26 февраля (о переводах)

Трудно представить поэта, в переводах которого не чувствовалось бы его собственного голоса. Петефи, переведённый Пастернаком или Мартыновым, отличается от Петефи, переведённого Исаковским – не по кругу тем (хотя и это зависит от вкуса переводчика), а по интонациям, по рифмовке, по ритмам даже. Впрочем, я постараюсь переводить Торбокова (Торбоков Степан Семёнович, шорский поэт. – *Прим. Н. И.*) более объективно при очень бедном подстрочнике. Ещё деталь: несколько стихов переведены и Сысолятиным (Геннадий Сысолятин – хакасский поэт. – *Прим. Н. И.*), и мной. Похожи они друг на друга, как небо на землю.

2 апреля

На днях Желеховский (композитор. – *Прим. Н. И.*) заходил ко мне. И опять с текстом – на этот раз Молостнова (Молостнов Геннадий Модестович, поэт и писатель. – *Прим. Н. И.*). Прошу, дескать, доделать кое-что, автор в отъезде, так будьте соавтором. Я отказался. На кой чёрт примазываться мне к чьей-то работе! Терпеть не могу всякого соавторства. У каждого человека свой, неповторимый внутренний мир, свои вкусы, пристрастия. Не понимаю, как можно соединить это с каким-то другим миром. Ничего, кроме халтуры, выйти из этого не может...

24 апреля

К 89-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина я написал стихотворение «Встреча на охоте». В основе его – действительный факт. Давно уже не работалось так удачно, как при создании этого стихотворения. По словам Твардовского, писалось «как бы легко», т. е. с подъёмом, без натуги, как-то свободно и радостно. Ещё раз подтвердилась моя склонность к лирическим сюжетным стихам. Тут я – в родной стихии.

...Между прочим, «Комсомолец Кузбасса» напечатал мои сонеты, но с сокращением – только два. Получилось не очень внушительно – ведь все пять сонетов писались как одно стихотворение.

Очень насмешил нас с Мусиком Женья Буравлёв – в той же газете (в «Комс. Кузбасса») напечатано его стихотворение, посвящённое Ильичу. Ну и нагородил он в этом стихотворении! Есть, например, такие строчки:

*Я знаю:
по вехам имён и дат
шагнёт история
в далёкий век,
но к нам, ископаемым (?!),
и тогда
будет возвращаться
новый человек.*

После глав «Красной горки» – это кроме смеха ничего вызвать не может. Просто удивительно, как могут в одном человеке уживаться такие несовместимые вещи – стремление к простоте, к естественности, к интонациям живого народного языка, с одной стороны, и к вычурности, к оригинальничанию, с другой...

12 июня

...И всё-таки надо писать и писать! Только работа в состоянии отгородить душу от этого базара, где толкуются литературные спекулянты, барышники, жулики и попрошайки. Век бы не знать этого базара!

17 августа

Сегодня, ещё в постели, пришла мне мысль создать целый цикл коротких поэм (наподобие есенинских) с прицелом на местные газеты. Темы брать самые, что называется, животрепещущие, но писать так, чтобы поэмки эти не были одной «злостью дня», а имели «вневременное» звучание, т. е. не старели бы и завтра.

Форма задуманных вещей для меня совершенно новая, предстоят многие трудности и вместе с ними открытия. К этой работе приступлю немедленно. Загорелся.

2 сентября

Продолжаю читать Блока. Как часто литературоведы искажают историю тех или иных произведений – в этом я лишний раз убедился, прочтя мнение Блока о своей поэме «Двенадцать». Тот, кто считает её мистической вещью, – говорит он, – ничего не понимает в искусстве. А ведь в школах эту поэму преподносят именно с политической стороны...

Надо больше читать мемуары, дневники, записные книжки. Помню, я открыл заново Пушкина, когда прочитал два тома его писем. Можно поставить под сомнение любое стороннее высказывание о личности, как бы достоверно оно ни выглядело. Зеркало покойного – его архив.

10 сентября

...Лишний раз убеждаюсь: верный вкус у меня! Отсюда – вывод: беречь его, этот вкус, не давать ему испортиться. И писать так, как писал до сих пор, т. е. имея в виду именно эти и другие, на мой взгляд, поэтические образцы (о поэте Ал-дре Решетове, о Есенине, Бунине, Твардовском).

1960 г., 6 января

В новогоднем номере «Кузбасса» напечатали, наконец, мой стихотворный очерк «На лесах» (в большом сокращении), в «Комс. Кузб.» – акростих «Приветствие» и перевод торбоковского «Кедра-великана». А дня через два тот же «Кузбасс» лягнул меня – в статье какого-то Евг. Соколова о 12 номере альманаха, где опубликованы мои стихи о Дубском, песня (в «содружестве» с Кониным) и несколько сатирических миниатюр. Одна из них – «Примета», – видишь ли, не понравилась рецензенту и он отнёс её к ряду стихов, которые нельзя назвать настоящей поэзией (знает ли Соколов, что это такое? Сомневаюсь); критикуя текст песни, он критикует ...конинские строчки. Тут поделом мне, не надо было связываться с Кониным.

Альманах весьма радует – содержательный, разнообразный по тематике – первый в своём роде номер, который хочется прочитать от начала до конца. Доброе дело сделали А. Волошин и П. Бекшанский, много любви вложили в свою работу.

Есть в этой книжке статья Блюменфельда о языке и стиле, в которой ведётся разговор о двух кузбасских авторах – о Волошине и обо мне. Статья вполне объективная, дельная. Многие наблюдения автора поучительны.

Вчера состоялось в редакции обсуждение этого номера и рецензии на него (была вечером Стихия, рассказывала...). (Стихия Михайловна Соколовская. – *Прим. Н. И.*).

Думаю начать две крупные работы: поэму о Вере Волошиной (по совету Балибалова – для детей ср. возраста) и поэму о нашем брате-литераторе. И то и другое – увлекательно...

7 января

Вчера под вечер начал поэму на литературную тему (Речь идёт о поэме под названием «Мой друг». – *Прим. Н. И.*). За сутки написал около ста строк – вступление. Взял за образец онегинскую строфу и вполне справляюсь с ней. Повествование идёт легко, естественно. Боюсь только, не многословен ли. Но об этом пока не забочусь. Надо выговориться так, как выходит, а когда будет всё готово – посмотрим, может, что и сократится.

Пишется с подъёмом, с интересом. Наконец, я нашёл удобную форму сокровенных мыслей и чувств. Только бы не потерять возможность довести работу до конца и сохранить творческий запал. Это должно быть лучшей моей работой!

12 января

Позавчера заходил Балибалов (Балибалов Иван Алексеевич, журналист, историк города Кемерово, друг Небогатова. – *Прим. Н. И.*). Прочитал я ему вступление к поэме, рассказал замысел. Ваня отнёсся к этому скептически. Пиши, говорит, это на досуге, а в первую очередь возмись за поэму о Вере Волошиной – для детей. «Веру» сразу же напечатают, без сомнения. В этом совете есть свой резон...

А когда узнала о нашем разговоре Стихия и когда я познакомил её со вступлением, мне было высказано совсем противоположное мнение. О литераторах нигде ничего нет, тут есть о чём сказать, тема нужная, благодарная...

Люди разные советуют. Буду писать то и другое. Обе темы меня волнуют. И, однако, эти разнотолки несколько рассеивают. Лучше держать свои планы в секрете. Написал – читайте...

17 января

Сегодня я написал хорошее стихотворение – «Одному автору» – любителю саморекламы. Это, по-моему, одна из тех удач, которые и у читателя вызывают восклицание: «Хорошо!» Не знаю только, где опубликовать. «Кузбасс» и «Комс. Кузбасса» вряд ли примут. Не любят газетчики стихов на литературные темы...

«Вера» помаленьку подвигается... Был Иван, кое-что подсказал. Дельно. Обязательно использую.

19 января

Отправил сейчас Петру Михайловичу Попову (радио) подборку лирических стихов. В сопроводительном письме, между прочим, высказал своё возмущение выступлением Махалова по поводу кузб. литературы. Откровенно поделился своим взглядом на этого выскочку с тем, чтобы и в радиокомитете не заблуждались насчёт него. Никогда и нигде не обмолвился бы я ни словом о нём, если бы он сам не пытался при всяком удобном случае задеть меня. Трудно представить себе человека более самонадеянного, наглого и вредного, чем этот шарлатан. И впредь я буду давать ему сдачи, иначе он войдёт во вкус и будет без конца лягать меня. На днях,

например, состоялась встреча с читателями, в которой участвовали Волошин, Балибалов, Баянов, Пушкаренко, Король, Матвеев и, конечно, он, собственной персоной, – продавал коллективный сборник «Молодые голоса», в котором помещена его «поэма» «Комсомольская юность». На афише, вывешенной дня за три, упоминается и моё имя. Зачем? Все же знают, что я прийти не могу. Специально вписали (по его, разумеется, инициативе, он же – глава литгруппы), чтобы лишний раз запятнать меня: вот, мол, товарищи читатели, мы приглашали его, а он считает встречу с вами ниже своего достоинства. А возможно и с другой целью сделано это – для приманки, побольше, мол, будет людей, поскольку так много литераторов... Судя по всему, с этой змеей предстоит длительная борьба...

25 января

Минувшую неделю был занят стихотворными мелочами: перевёл одно торбоковское стихотворение, написал отклик на новое сокращение Вооружённых Сил (для радио) для передачи «У нас в городе» (эта передача делается по типу московского «Весёлого спутника»). Много времени отняла подготовка к печати стихотворения «Самовлюблённому стихотворцу». Послал его в «Кузбасс» Юре Баландину. Ему понравилось, он сразу же догадался, о ком я веду речь. Предложил дописать строфу, пародирующую какие-нибудь строчки из Махалова, что я и сделал (на счёт девятого вала). Одобрение в редакции было всеобщее – и со стороны редактора, и со стороны членов редколлегии. Женя Смирнов (Смирнов Евгений Сергеевич, художник газеты «Кузбасс». – *Прим. Н. И.*) даже карикатуру нарисовал.

Во вчерашнем воскресном номере стихотворение это, как говорится, увидело свет. Сегодня утром – телефонный звонок. Некто Пансков, инструктор горкома партии, интересуется: не о Махалове ли стих? Если, мол, о нём, то очень правильно, этот стихотворец ведёт себя возмутительно: всюду якает и поносит всех литераторов.

В общем, и в редакции, и во многих, видно, общественных кругах успели верно понять этого выскочку.

Ещё деталь: в радиокомитете, откуда через эфир он начал свои шарлатанские наскоки, произошёл довольно большой шум. Председатель Пётр Михайлович Попов заявил на летучке: чтобы и духу его не было у нас!

Сейчас звонил Юрию. Между прочим, он сообщил мне, что Махалов принёс ему рецензию И. Киселёва на сборник «Молодые голоса», которая начинается панегириком: все, мол, любители поэзии в Кузбассе давно обратили внимание на сдержанные и мужественные стихи Махалова, который умеет коротко говорить о многом и пр. Кстати, подписал эту рецензию... Махалов (как работник отд. культуры). Ясно, что и организовал её он же: ведь сборник-то открывается не стихами Махалова.

Юрий не склонен печатать эту новую рекламу, говорит, что моя «рецензия» (стих) и особенно выдержка из выступления А. Твардовского, которую мы предпослали стих-нию, – исчерпывающая. Так что, при всей субъективности, моя оценка личности Махалова (и как человека, и как литератора) вышла объективной, обобщающей.

Теперь надо ждать реваншистских выпадов. Одним или даже двумя ударами этого нахала не собьёшь. Пока он имеет отношение к газете и альманаху, он всячески будет вредить мне. Но на первых порах я удовлетворён. Посмотрим, что он выкинет ещё...

9 февраля

...«Вера» моя лежит, ожидая, когда я снова займусь ею... В изд-ве ею заинтересовались, готовы пустить в печать «зелёной улицей». Так что всё зависит от меня.

16 февраля

Уже больше недели (не сглазить бы!) пишу я каждый день по стихотворению. Стараюсь запечатлеть на бумаге всякое сколько-нибудь стоящее состояние душевное, переживание, раздумье. Конечно, не всё, что напишется, будет удачно, но если из десятка стихов хотя бы половина окажется пригодной для опубликования – и то хорошо. Давно надо было мне установить для себя такое правило – чтобы каждый вечер можно было сказать: Сегодня я что-то сделал. Может показаться (со стороны), что я насилюю себя. Нисколько! Это лишь для оправдания своей лени ссылаемся мы иногда на отсутствие тем, материала и пр. Если постоянно держать себя в творческом состоянии, не давать поблажки уму и сердцу – темы найдутся, – пусть не для больших вещей, а хотя бы для лирических миниатюр. Что этим достигается? Крепнет мастерство (вернее – вырабатывается), более зрелым становится мышление. Да и практическая сторона дела выигрывает: чем больше имеешь на своём счету стихов, тем больше утверждаешь себя, как творческое лицо. Ещё Чехов говорил: «Кто мало создаёт, тот всю жизнь слышит начинающим»...

26 февраля

«Комс. Кузб.» опубликовал две главы из поэмы о Вере. Обещали в День Советской Армии дать ещё две, но почему-то воздержались.

Кроме этих двух, есть у меня в запасе ещё одна главка: Вера с матерью в парке, у памятника героям-партизанам. Когда я прочитал её Мусику, она даже растрогалась, на глазах слёзы показались. И мне эта главка пока что нравится.

Сегодня написал три небольших стихотворения о Ленине – больше как о человеке. Как о вожде, написано о нём много.

27 февраля

Ещё одно открытие сделал для себя (хотя вполне возможно, что открываю Америку): можно выражать в стихах самые сокровенные мысли и, как говорится, быть на высоте, т. е. оставаться сыном своего века. Другими словами: все стихи, написанные как бы для себя, могут быть в какой-то мере публицистическими.

Когда-то я рассуждал так: напишу я вот об этом, но едва ли напечатают. Лучше уж и не писать. А вся суть в том, с какой позиции смотреть на вещи! Если дух стихов – жизнеутверждающий, никто тебе не будет ставить рогаток, пожалуйста, публикуй.

17 марта

Эту неделю никак нельзя назвать плодотворной. Стоит только чуть-чуть рассеяться, отвлечься от работы – и чувствуешь, как ослабла творческая пружинка. Нельзя, выходит, ни на день выходить из колеи. Но как ни отгораживайся от житейской суеты, она всё время врывается без спросу, нарушает порядок мыслей и настроений. Полного уединения никогда не обретёшь, а без него не может быть непрерывности в писании.

Открыл для себя хорошего русского поэта Василия Журавлёва... Голос у него негромкий, но искренний, чистый. А главное в стихах Журавлёва – русский дух, Русью пахнет от них...

12 апреля

...Работаю по-прежнему усидчиво: написал две главы поэмы «Наша Вера», доработал несколько стихотворений для книжки. Сегодня закончил комплектование её. Буду предлагать три раздела: лирику (в основном – стихи о природе), сатиру и юмор, и переводы...

13 апреля

Мало радостей в жизни нашего брата, литератора, зато неприятностей – хоть отбавляй. Сегодня получил письмо из «Комсомольца Кузбасса» за подписью Матвеева: «Хотелось бы получить от Вас последующие главы о Вере Волошиной, в которых речь идёт о Вел. Отеч. войне, о подвиге Веры. Описание детства слишком растянуто, и редколлегия воздерживается от опубликования пятой главы». Тут же я позвонил Титову, затем редактору Щербакову (Щербаков Максим Гаврилович, редактор газеты «Комсомолец Кузбасса». – *Прим. Н. И.*). Первый, как всегда, уже успел отказаться от своих мнений, присоединился к редколлегии, говоря, что в пятой главке нет ничего интересного (тогда как там – зарождение первой любви, переход от детства к юности), а редактор дошёл до большей наглости, заявив, что поэма «вообще слабенькая», нет, мол, в ней ни характера Веры, ни портрета её.

Разговор наш шёл в резких тонах, горячо, и понял я из него лишь одно: незачем мне было связываться с такими несамостоятельными людьми. Кто-то что-то сказал им – и вот поворот на сто восемьдесят градусов. Но кто этот кто-то? Неужто уж Женя Буравлёв? С ним они считаются. Он сейчас как раз в Кемерово, живёт здесь больше недели – не звонит, не заходит... А ему поэма, действительно, может не нравиться, если учесть его похвалы в адрес Махалова. Выходит, с Махаловым у них есть что-то общее во взглядах на поэзию. А тот ведь мои стихи ненавидит...

Я пообещал было Щербакову прислать ещё одну главку, а потом подумал и решил не унижаться лишний раз. Пусть на четырёх отрывках закончится их публикация. Поэму буду продолжать, а когда закончу – найдутся люди, которые не откажутся от неё. И мнение Щербакова надо расценивать как попытку ослабить у меня веру в мою Веру. Слабенькая... Смотря как понимать, в чём сила и в чём слабость стихов. Многим, например, кажется сильным бред Андрея Вознесенского. Для таких сам Некрасов – примитивный поэт.

22 апреля

От А. Кухно пришло письмо, сообщает, что отобрал для «Сиб. огней» три стихотворения (из десяти посланных) – «Давно к обложке кто-то...», «Чем-то радостным душу волнует» и «В белой роще, в глубине». Обещает вроде включить их в ближайший номер. Хорошо бы... Трудно пишется, когда редко печатают.

Стихия пробовала «разведать» причину отказа «комсомолят» продолжать печатание «Веры». Похоже на то, что некоторую роль тут сыграл... Женя. Хорош друг, нечего сказать! На него сейчас многие молятся, прислушиваются к каждому его слову. Вот он и старается, не считаясь ни с чем. Если подтвердится, что он оказал мне такую услугу, ну что ж, ещё один человек откроется в своей настоящей сути. Значит, обманывался я в нём. То, что он дружит с Махаловым, о многом уже говорит... Нет, мне с ними не по пути. Пусть они ходят в литвождях, а я буду помаленьку работать.

Нет у меня нигде, ни в одной редакции, надёжного человека. Посылал Юре Баландину целую подборку стихов о Ленине – не напечатали ни в предпраздничных

номерах, ни в сегодняшнем, юбилейном. Чем-то опять я не угодил, не попал в точку...

Сегодня опубликовано решение Комитета по ленинским премиям. Наряду с Шолоховым странно видеть имена каких-то Аджубеев, Трояновских и пр. подхалимов, написавших книгу корреспонденций. Тоже лауреатами стали. Потрудились, называется...

Шолохов – и Аджубей. Какое может быть сравнение? Один – великий художник слова, другой – газетчик, не совершивший ничего выдающегося. И вот, пожалуйста, такая высокая награда. За что? За какие деяния? Разберись, попробуй...

У меня – полная творческая апатия. Всё-таки сказался удар «комсомолят». Немного, оказывается, надо мне. Забраковали одну главку – и руки опустились. Не то чтобы вера в себя пропала, а просто муторно на душе от всяких козней в этом мире...

5 августа

...Поэму «Мой друг» вчерне закончил. Вчера читал её Стихии. В целом одобрила, посоветовала только углубить отдельные места. Я и сам чувствую, что кое-что требует развития.

Мало раскрыт мой герой психологически, а ведь он как-никак поэт. Поставил перед собой задачу: во что бы то ни стало написать такую вещь, чтобы сам Твардовский сказал: вот сейчас другое дело – смело, свежо, интересно. Если не возьмёт в «Новый мир», то хотя бы порекомендует местному издательству.

Все силы буду отдавать сейчас этой поэме, и только, когда допишу совсем, возьмусь за «Нашу Веру».

17 августа

...Многие мои стихи не нравятся мне самому, действительно, какие-то однообразные, скучные. Побольше живости надо вносить в стихи. От одного только никак не могу отказаться – от классических ритмов и рифм. Спотыкающийся ритм и неточные рифмы противны моей душе. Тут уж ничего не поделаю с собой. Что касается новизны содержания, об этом надо заботиться всякий раз, как приходит мысль написать что-то...

8 сентября

Поэму «Мой друг» Твардовский забраковал – по той причине, что написана она онегинской строфой. А вообще, похоже, что он её не читал – ознакомился лишь с началом... Замечательный он поэт, но уж слишком робко (по словам Веры Инбер) открывает другим свою сельскую калиточку. Я не знаю ни одного его печатного выступления, в котором бы он кого-нибудь поприветствовал, похвалил. Для него существует один поэт – Исаковский, его учитель. Однако Учитель был щедр: он благословил несколько молодых поэтов, в частности, Дм. Блынского. Так что не стоит особенно огорчаться, что Твардовский не взял для «Нового мира» ни одного моего стихотворения. Спасибо ему уже за то, что он в письме ко мне тепло отозвался о сборнике «Моим землякам», и тем самым укрепил мою веру в себя...

17 ноября

Прочитал два тома писем Горького. Подавлен его эрудицией, восхищён человеколюбием. Знал он баснословно много, не было, пожалуй, такого вопроса, на который он не мог бы ответить. А какой любознательный был, как живо интересовался всем! А ведь самоучка... Памятью обладал феноменальной: до

глубокой старости помнил во многих подробностях случаи из детства, юности, людей с их одеждой, привычками, жестами, характерной речью.

А как верил в людей, как поддерживал их добрые начинания. Корреспонденты его – самые различные личности, на многих из них другой бы, чёрствый, равнодушный человек, махнул рукой. А он, Алексей Максимович, с каждым беседует, как с равным. Каждому предлагает свою помощь. То и дело слышишь от него: а не надо ли вам денег? Могу прислать. Не надо ли книг? Напишите, в каких нуждаетесь, – пришлю, у меня есть, мною прочитаны, мне они не нужны...

Золотой человечийце! Мало таких.

А как его возмущала безграмотность его собратьев, их низкая культура. Ходят в маститых, а знают меньше читателя...

Познакомишься ближе с таким человеком – и чувствуешь себя карликом. Тридцать девять лет прожил я – и что сделал? Написал несколько сборников стихов. Ох, как мало. Да и то, что написано, едва ли оставит в литературе какой-нибудь след. Ничего значительного не сказал я до сих пор.

А тут ещё всякие препоны. Редактор «Кузбасса» явно не терпит меня, по целым месяцам лежат там мои стихи. В октябре уезжал куда-то, так удалось кое-что напечатать. Сейчас снова приступил к своим обязанностям (не пускать в газету стихи) – и стихи исчезли со страниц газеты.

Каз. Леон. (Казимир Леонидович Лисовский. – *Прим. Н. И.*) почему-то молчит. Подготовленный мною сборник застрял у него. В общем, дела невесёлые.

22 декабря

Близится к концу год, а записей в моём дневнике – всего полтетради. Мало. Редко я делюсь с собой раздумьями. С нового года постараюсь писать регулярно...

Недавно прочитал тридцать писем Горького. И вот что интересно – все мы, в том числе и я, привыкли думать о нём как об очень человеческой личности, и нелегко было несколько разочароваться в этом. Смолоду Горький, оказывается, был далеко не безупречным человеком. К такому открытию я пришёл на основе анализа его отношений со многими людьми, особенно с первой женой – Екатериной Павловной Пешковой. Женился он на ней, когда ещё как писатель не был широко известен. И вот – вышел в люди, приобрёл европейскую славу – и что же? Тотчас – по боку свою супругу. Влюбился в актрису Андрееву, бросил семью, разрушил другую (Андреева была замужем за директором театров Желябужским). Всё это было бы в порядке вещей, если учесть человеческие слабости, но возмущает меня одно обстоятельство: жену оставил он как раз в тот момент, когда она была очень больна (сердце, печень, принимала мышьяк – очевидно, из-за расстройства нервной системы). Не очень человечно это со стороны А. М. Да и эгоизма, зазнайства в нём, молодом, было хоть отбавляй. Даже на Льва Толстого замахивался – написал ему резкое письмо в ответ на одну из его статей, язвительно именуя его графом и ставя себя в положение выразителя народных чаяний, одновременно отнимая право на это у Толстого. Самонадеянное и бестактное письмо. Хорошо ещё, что раздумал посылать его – понял всё-таки, что чересчур разошёлся.

Как писатель Горький был и остаётся для меня великим. Мало в литературе таких тружеников, но как человек... тут дело усложнилось. Разочаровался я в нём. Сам же он – своими письмами – развенчал тот идеал, который создало когда-то моё воображение при хрестоматийном толковании его личности.

В «Новом мире» (№ 11) с интересом прочитал статью критика П. Рунина «Спор необходимо продолжить» – обстоятельный разговор о лирике. Статья убедительно опровергает доводы многих наших критиков, протестующих против

проблемы «самовыражения» в лирике. Главная мысль статьи – показ объективного мира невозможен без самораскрытия, самовыражения поэта-лирика, субъективность которого – одно из условий создания подлинно поэтического произведения. Думаю, что после этой статьи не о чем уже спорить – так всеобъемлюще П. Рунин доказал справедливость всех, кто отстаивал в своё время те же позиции, что и он. Правоту своих суждений критик как нельзя к месту подкрепил такими авторитетами, как Иоганнес Бехер, Исаковский. «Самовыявление поэта, – говорит Бехер, – в виде поэтического образа и есть то самое, что придаёт нам такую неодолимую притягательную силу».

А вот Исаковский: «Быть в поэзии по-настоящему оригинальным и самобытным, не похожим на других, – это, прежде всего, оставаться самим собой. Это значит проявлять в поэзии те человеческие качества, те духовные силы, которые в тебе заложены». И ещё: «поэтический талант» для Исаковского «связан со всем внутренним обликом поэта» и «является лишь средством особого (поэтического) проявления личности человека, его характерных черт, его мыслей и чувств».

Я очень рад, что эти мысли сходятся с моими. Меня всегда возмущает в стихах безликость.

Что-то многое стало «возмущать» (говоря о Горьком, я тоже употребил это слово). Тоже разошёлся – знай наших!

А говоря серьёзно, я за то, чтобы не было в поэзии так называемых лирических героев, а чтобы был в ней, особенно, в лирике, сам поэт, чтобы ничего не выдумывал, а писал о том, что сам пережил, что является его личным жизненным опытом. Только тогда я смогу сказать о нём: хорош он или плох – и как человек, и как поэт...

Жаль, что поздно дошёл я до полезности открытых ныне истин. В моих-то стихах тоже не найдёшь того, что, скажем, есть в стихах Есенина – вся его биография. Газета попутала... всякие однодневки на злобу дня...

1961 г., 12 января

С Нового года записей ещё не вёл. Пишется плохо. Настроение какое-то не творческое. Неприятно сказался на нём отзыв Ив. Ветлугина о поэме «Мой друг». Она ему показалась слабой, неинтересной и по форме, и по содержанию. Не могу с этим согласиться. Форма – классическая, и она, на мой взгляд, никогда не перестанет быть образцовой, а содержание... содержание острое, поэтому и отмахиваются от него. Как-никак, разговор идёт о «Правде», органе партийном. В поэме – перестраховщики, и в жизни, при чтении её, поэмы, кое-кого может охватить чувство той же перестраховки. Лучше сказать о ней – слабая...

1962 г., понедельник, 15 октября (о приёме М. Небогатова в члены Союза писателей. – *Прим. Н. И.*)

Звонил Павел Иосифович Бекшанский, говорит, что он уже информирован: приём прошёл хорошо, без единого возражения.

1963 г., вторник, 8 октября (о газете «Кузбасс» и её редакторе Н. Я. Троицком, который почему-то не любил стихов Небогатова. – *Прим. Н. И.*)

...Как и что ни напиши, Троицкий под каким-нибудь предлогом всё равно забракует. И чего он взъелся на меня? Я этого типа терпеть не могу за его барское пренебрежение к литературе, особенно, к поэтам... Однажды этот горе-редактор прямо признался, что самое неприятное для его персоны – это стихи в газете. Всех

отбил от газеты, никого не печатает, даже Баянова, который пишет много и добротнo...

Воскресенье, 20 октября Фёдор Ефимович Дёмин... заказал стихи о работниках милиции. Я отобрал ему три отрывка из поэмы «Старшина Иван Петров».

1964 г., 16 января

Во вторник Саша (Сын Небогатова. – *Прим. Н. И.*) был именинник, 15 лет уже исполнилось. Как быстро летит время! Давно ли он говорил про себя: «Тятя баба́ка тотой», что означало: «Саша Небогатов, золотой»!

С рецензиями разгрузился, осталось две – три – для издательства. Покончу с ними – и всецело займусь писанием стихов...

Воскресенье, 9 февраля

Вечером в четверг заходили ко мне Володя Измайлов и Витя Баянов. Беседовали часа четыре. Речь шла в основном о поэзии. Немного поспорили. Володя проявляет беспокойство о Баянове, заявляя, что он перепевает себя, а я считаю, что нет никаких причин для беспокойства. У Баянова есть излюбленная тема – русская деревня. Тут он в родной стихии, и не стоит настраивать его на что-то другое, чтобы он не потерял самобытность. Володя всё твердит о необходимости поисков, об углублении стихов – он, конечно, по-своему прав, но не по отношению к Баянову, который имеет богатую поэтическую интуицию и благодаря этому, даже не задаваясь целью быть глубокомысленным, создаёт вещи очень поэтичные и умные.

Я сказал также Володе, что напрасно он в некоторых последних стихах углубляется в одну философию, пренебрегая эмоциональностью. В ответ он прочитал два стихотворения, очень сильные по чувству. «Вот такого, – сказал я ему, – я тебя люблю». Прочитал и я два стихотворения: «Перед экраном» и «В цирке». Замечания их были дельными.

Новые стихи, вернее, наброски Вити, как всегда, понравились мне. Он – настоящий поэт, каких немного... Очень интересной, взаимно полезной была наша встреча.

Вторник, 10 марта

...Никак не могут наши чиновники приучить себя относиться к писателям как к писателям – с полным доверием. (О Мазаеве и Банникове из книжного издательства, которые не хотели дать аванс, не прочитав рукопись сборника, предложенного к изданию. – *Прим. Н. И.*).

Четверг, 16 июля

Витя Баянов тоже написал ряд новых стихов, подборки их дали в «Кузбассе» (в субботу) и в «Комс. Кузбасса» (в воскресенье). Как всегда, я по несколько раз перечитывал их. Влюблён я в поэзию Баянова. Самобытен он, как немногие.

9 октября

...В конце сентября по радио передавали три моих стихотворения, одно из них – о Вите Баянове – «Любимый поэт». В «Комс. Кузбасса» тоже хотели дать это стихотворение, но что-то придержали. Титов (Титов Юрий, журналист «Комсомольца Кузбасса». – *Прим. Н. И.*) говорит, что слишком уж восторженно оно, как об Есенине, но сам факт моего поэтического отклика на поэзию Баянова его радует – он тоже любит Витю.

Понедельник, 12 октября

...Прочитал принесённый мне Витей Баяновым новый сборник Андрея Вознесенского «Антимиры».

В целом стихи вызывают отвращение. Это поэт для поэтов. Образ для него – самоцель. Часто он (образ) не вяжется со смыслом. Много зауми, мнимой многозначительности. Но слово Вознесенский чувствует хорошо, даже отлично, играет им как хочет. Жаль, что эта игра остаётся у него зачастую только игрой. Убеждён, что народу такая поэзия не нужна. Беспольный дар. У кого это (кажется, у Пушкина?): «Дар случайный, дар напрасный!»

Вторник, 3 ноября

Заходил Витя Баянов. Показал мне два новых стихотворения. Одно – сатирического направления – слабоватое. Я не советовал ему писать такие вещи – не в его духе они. Он человек мягкий, незлобивый, не умеет повышать голоса, а когда пытается (т. е. что-то осуждает, высмеивает) – получается не то, что нужно. С этими моими замечаниями Витя согласился. Лучше ему писать о хорошем, о том, что любит.

Четверг, 10 декабря

...Когда я был в больнице, приходил ко мне Витя Баянов. Очень жаль, что не удалось побеседовать с ним. Это, пожалуй, единственная светлая личность среди молодых.

Вторник, 29 декабря

...Сегодня написал акrostих «Встреча Новый год»... Начальные буквы сверху вниз составляют фразу: «Слава народу партии». Стих звучит свободно, естественно, без натяжки, не всякий даже догадается, что это акrostих, если не говорить об этом. Завтра понесу его в редакцию «Комсомольца».

...Да! Ещё написал стихотворный фельетон «Сезонное поветрие» – о цеховом начальстве, которое так увлекается хоккеем, что в день игры никого нет в цехе. Фельетон заказала Мусик – для её многотиражки, но писал я его, имея в виду и обл. печать, серьёзно, без халтуры (на которую не способен).

1965 г., 7 февраля

...5-го был на ВТЭК. Ещё на год дали третью группу. Хотел получить фронтую пенсию, но мне сказали, что ранение моё не мешает мне заниматься писательством, поэтому пенсия такая не полагается.

Володе (Измайлову. – *Прим. Н. И.*) повезло в этом отношении: он выхлопотал фронтую пенсию пожизненно.

Четверг, 18 февраля

Во вторник был на встрече со студентами университета марксизма-ленинизма (факультет журналистики). В ней приняли участие Махалов, Матвеев и Юров. Открывал и представлял нас Валя Махалов. Вечер прошёл, в общем, неплохо, но радости не доставил, так как аудитория была случайная, слушали нас по обязанности, как на уроке. Среди прочих вопросов задали один почти провокационный: «Как вы расцениваете свои стихи? Нравятся ли они вам?» Вопрос был адресован тому, кто захочет ответить. Я ответил, что свои стихи мы расцениваем согласно своим способностям, никто из нас не считает себя равным, скажем, Твардовскому. И, конечно, стихи наши нравятся нам, иначе мы не издавали бы, а сжигали их.

Какая-то женщина бросила реплику: «Так ведь деньги нужны!» Мы не стали продолжать этот разговор, так как он уже начал принимать мещанский характер. Будь на нашем месте Маяковский, он дал бы достойную отповедь, но мы полемисты неопытные.

Понедельник, 22 марта

...В четверг приходил ко мне Витя Баянов. Часа четыре сидели с ним над моим сборником. На этой неделе встретимся снова и, видимо, доведём доработку рукописи до конца.

...Витя подарил мне свой новый сборник «За рекой Талиновой». Я хотел предложить «Комс. Кузбасса» рецензию на него, но Юрий Титов решил написать сам. И написал – очень восторженно, Вите даже не понравилось – слишком много, – говорит, – мёду. Я, наверно, напишу для радио.

Понедельник, 12 апреля

Несколько дней назад мы с Витей Баяновым отнесли в издательство мой сборник. ...А в пятницу «Кузбасс» опубликовал мою рецензию на сборник Вити Баянова. Отзывы – хорошие. Написано, говорят, тепло, а главное – всё верно. Витя доволен. В пятницу же мы с ним ездили в Верхотомку. Выступление прошло хорошо. Витя говорит, что я был в ударе, читал с воодушевлением. Он даже прослезился, когда слушал «В гостях у детства». Интересная деталь: перед окончанием вечера-встречи кто-то из слушателей спросил: – А стихи о космосе у Вас есть? Другой спросил: – А стихи о Пушкине, Лермонтове? Я ответил: – Есть и то, и другое. И прочитал им стихи «Первый шаг» и «Наш Пушкин». Больше вопросов не последовало. На память о встрече руководство домом (отдыха. – *Прим. Н. И.*) подарило нам по книге: Вите – Пушкина, мне – Герцена.

Понедельник, 3 мая

...Сегодня тоже с утра поработал – написал небольшое стихотворение – подпись к снимку «Солдат на пьедестале» – для номера 9 Мая, по заказу Троицкого (Николая Яковлевича, редактора газеты «Кузбасс». – *Прим. Н. И.*).

...крепко испортил мне настроение фельетон некоего Артура Новака, присланный в «Кузбасс». Автор издевается надо мной в связи с рецензией на Витю Баянова. Этот злопыхатель, наверно, друг кого-то из ктомовцев (КТМ – Кемеровское творческое объединение молодёжи. – *Прим. Н. И.*) или же один из авторов, чьи стихи я консультировал и забраковал. Написал ему вежливый по форме, но резкий по содержанию ответ. Обратный адрес (свой) писать не буду, чтобы лишить его возможности нанести мне новую душевную травму. Нападает он грубо, по-хулигански, оскорбительно. Он, видите ли, считает, что Баянова не за что хвалить, и чернит обоих нас почём зря.

Вторник, 11 мая

В этом году широко отмечалось 20-летие Победы над фашистской Германией. Отныне он будет большим праздником.

8-го слушал по радио доклад Брежнева. При упоминании имён Сталина и Жукова в зале поднялся шум аплодисментов. Наконец-то Сталину как Главнокомандующему и Жукову как полководцу воздали должное.

8-го в «Кузбассе» дали мой стих к плакату (солдат с мечом и ребёнком) на первой полосе. А 9-го в «Комс. Кузб.» напечатан мой стих «Моё поколение» («Вновь над Россией журавли трубят»). Отзывы об этих стихах хорошие.

Заходил Витя Баянов. «Фельетониста» Новака он знает. Это графоман, которому Витя когда-то отвечал на его бездарные стихи. Я так и думал, что имею дело с человеком, имеющим какое-то отношение к стихам.

Вторник, 27 июля

...Светулька (Светлана – дочь Небогатова. – *Прим. Н. И.*) в институт не попала – вчера из Новокузнецка вернулись её документы с уведомлением, что приёмные экзамены в пединституте (на заочное отделение) прошли ещё в июне.

На днях Света поедет в Гурьевск – по рекомендации «Комс. Кузбасса». Решили, что будет полезно с годик поработать в газете – проверить, есть ли призвание к журналистике. Света в общем-то рада, хотя, конечно, ещё боязно ей начинать самостоятельный путь. До Гурьевска (моей родины!) недалеко, будет приезжать иногда, да и мы с Мусиком сможем навещать её...

Четверг, 12 августа

Вчера у нас был знаменательный день – я, Саша и Вова (сыновья Небогатова. – *Прим. Н. И.*) проводили Светульку в Гурьевск, уже она начнёт самостоятельную жизнь. До самого отъезда Света была бодрой – шутила, смеялась. И только когда села в автобус и оказалась отдалённой от нас оконным стеклом, заметно побледнела. Пыталась улыбаться, но плохо это выходило. А когда тронулся автобус, настроение у неё было, видать, такое, что «слёзки на колёсках». Да я и сам чуть не расплакался, подступило что-то к горлу – еле сдержался.

Договорились, что Света будет просить редактора газеты Гончарова оформить её с 1-го сентября или хотя бы с 25-го августа, чтобы она ещё побывала дома (надо приобрести зимнее пальто, да и с мамой повидаться). Не знаю, удастся ли это...

(о нездоровье Марии Ивановны – болит голова, повысилось давление)

...В общем, все мы здоровьем не отличаемся. Вот и Света. Начнёт работать, столько будет новых впечатлений, волнений – так и знай, по две – три таблетки от головы будет глотать каждый день. Да и какие соседки по общежитию попадут – есть такие сорви-головы.

...А сегодня дали в «Кузбассе» два стихотворения ктомовца Ибрагимова (Ибрагимов Александр. – *Прим. Н. И.*). Удивляюсь я вкусу редакционных работников. Стихи Ибрагимова – это бездумный набор слов и образов а ля Вознесенский...

Полдень

Сейчас приглашал Гришу (старшего брата. – *Прим. Н. И.*), и он по своему счёту заказал мне Гурьевск, редакцию. Вначале я поговорил с Гончаровым, а потом он дал трубку Свете. И вот в трубке – знакомый, родной её голосок: – Здравствуй, папа!

Доехала, говорит, хорошо, ночевала в гостинице, скоро устроят её в общежитие. Город понравился – тихий, спокойный. Обещала сегодня же и написать обо всём поподробнее.

Гончаров мне сказал, что, мол, договорился со Светой, чтобы я присылал на субботу стихи для газеты. Я обещал исполнить их желание.

...Кстати, Света передала мне привет от друга моего детства – Стёпы Голованова. Значит, и он работает в редакции. Это хорошо – будет кому опекать Свету.

Понедельник, 16 августа

...В субботу опять разговаривал по телефону со Светой – позвонил Гончаров (имя у него странное по нынешним временам – Вильмаркс). Получили от Светульки письмо и газету с её корреспонденцией, которая написана на хорошем газетном уровне. Молодчина она у меня, умница. Газета гурьевская называется «Знамя Ильича», так же она называлась, когда я – лет тридцать тому назад – напечатал в ней первые стихи...

Воскресенье, 22 августа

Вчера приезжала Светочка – вместе со своим редактором В. В. Гончаровым. Это тридцатилетний парень, довольно серьёзный, не очень грамотный (говорит, например, «хочем»). Просидели с ним за столом до 3-х ч. ночи. Отзывы его о Свете хорошие. Есть, говорит, у неё хорошая черта – настырность, это для газетчика необходимо, и писать она умеет – коротко говорит о многом. У меня в столе уже три номера газеты с материалами, которые Света написала сама и которые подготовила (поправила и написала за автора)... Заказали Хохлатке (Хохля, Хохлатка – домашнее имя Светы. – *Прим. Н. И.*) зимнее пальто...

Живёт Света в общежитии. В комнате тесновато – шесть коек. Но в ближайшее время, по словам Гончарова, Свете дадут комнату на двоих (в коммунальной квартире).

Настроение у Светульки неплохое, работа ей нравится. Голова побаливает, но не сильно. Только бы не подкачало у неё здоровье.

Вторник, 31 августа

Света прислала ещё два номера газеты со своими корреспонденциями – о шофёре и о швее. Написаны хорошо, с огоньком, живо и свежо.

По просьбе её редактора послал я три стихотворения (неопубликованные) – «С покоса», «Мать и сын» и «Вера в себя».

Воскресенье, 5 сентября

В четверг, перед вечером, слышу стук в дверь – так стучит Светулька. Открываю – действительно она. Приехала на день (опять со своим редактором), приехала за тёплым одеялом: в общежитии так холодно, что всю ночь дрожат. И зимой, говорит, не теплее, когда топят. Все жильцы целыми часами сидят на кухне, у печки. Намёрзнется за зиму наша Хохлатка...

Света очень рада лишний раз побывать дома... Теперь приедет числа 20-го, когда будет готово ей для примерки зимнее пальто. А своё совершеннолетие она будет отмечать без нас – 15-го сентября. Надо сделать ей какой-нибудь подарок...

...Вчера же ходили с Мусиком в филармонию – Угрюмов (Николай Петрович Угрюмов – музыковед из филармонии. – *Прим. Н. И.*) играл на пианино свою кантату. Я, к сожалению, ничего не мог сказать ему об этой вещи – в серьёзной, сложной музыке я профан. Откровенно говоря, на текст эта музыка меня не вдохновляет. Но раз обещал, буду писать.

...По просьбе Гончарова послал для его газеты три стихотворения. Во вчерашнем номере должны быть опубликованы.

Четверг, 9 сентября

Света прислала экземпляр газеты «Знамя Ильича» за 4 сент.; в нём – два моих стихотворения – «Мать и сын» и «Вера в себя», а также Светулькина заметка о футбольном матче.

Это хорошо, что Гончаров не ограничивает её какими-то специальными рамками, а даёт разнообразные задания. Пусть узнает жизнь во всей её полноте.

...На днях в обкоме партии состоялось совещание, на которое приглашали и меня. Решено серию «Кузбасс литературный» сделать подписной. В год будет выходить двенадцать книжек, каждая тиражом 20 – 26 тысяч.

Четверг, 16 сентября

От Светули получили письмо и газеты с её корреспонденциями и отредактированными материалами. Пишет, что голова всё болит. Хотели положить в больницу, но Света отказалась – опять делают блокадные уколы – очень глубокие. Бедная девчонка. Что такое у ней с головой – ума не приложу.

Вчера она была именинница. Восемнадцать лет, совершеннолетие. В первый раз день именин встречала одна, без нас. Ну, ничего. Скоро приедет на примерку зимнего пальто – и мы сделаем ей какой-нибудь подарок.

Вторник, 21 сентября

На два дня приезжала Светочка, чтобы сходить на примерку зимнего пальто. Но его ещё не начинали и кроить – в субботу опять приедет.

Головные боли у Светули – ежедневные. Хочет лечь в больницу. Бедная девчонка, замучилась.

Рассказывает, что именины отметили хорошо: покупали торт, шампанское. Знакомые преподнесли ей подарки – дамскую сумочку, плюшевую собачку, набор духов. Потратила 20 р., но подарками наверстала.

Вчера я очень расстроился и разозлился: за 250 строк «Сельской учительницы» мне выписали всего 75 р. Это – как раз половина того, что полагалось. Нет, нигде и никто не считается с нашим братом-литератором. Уверен, что Володя (Измайлов. – *Прим. Н. И.*) поднял бы шум. Я – не умею.

...В «Знамени Ильича» напечатали моё стихотворение «Ветер» с ляпсусом – без подписи. Света говорит, что проглядели корректоры. За два ранее опубликованных стихотворения привозила гонорар – 9 р. На них сшили ей юбку, да ещё с собой 10 р. дали.

Открыла секрет: когда она первый раз приехала в Гурьевск, Гончаров занял у неё 25 р. и до сих пор не отдаёт. Света уверена, что и не отдаст уже. Странное начало взаимоотношений у редактора со своими подчинёнными.

Четверг, 30 сентября

Приезжала на примерку пальто Светуля – жила дома с воскресенья до вчерашнего вечера.

Работа в газете идёт у неё пока что хорошо. Стала писать не только краткие заметки, но и более солидные корреспонденции. А голова всё побаливает. Таблетки всё время с собой.

Суббота, 23 октября

...А вчера была встреча с секретарями обкома – первым Ештокиным и Кузьминой (Афанасием Фёдоровичем и Зинаидой Васильевной, секретарём по идеологии. – *Прим. Н. И.*). Беседа как говорится, протекала в дружеской обстановке.

Есть среди нас такие литераторы, которые жаждут общественной деятельности (Ворошилов, Срывцев). Срывцев, например, высказал в обкоме пожелание, чтобы писателей почаще приглашали на различные конференции, заседания и прочие партийные мероприятия. Я решительно не понимаю такого стремления. Писатель

должен писать, а не заседать. Тот же Срывцев настаивает на еженедельной литературной пятнице. Писатели, мол, должны тесно общаться. А если мне кто-то антипатичен? Если я с ним вообще не хочу встречаться? Зачем насиловать себя, напускать любезность и пр. Лучше я сам встречу с тем, с кем хочу – для этого мне не нужна никакая пятница.

В общем, ...я принимал участие в совещаниях лишь по необходимости. Внутренней потребности «совещаться» у меня не было – только из рабочей колеи вышел.

Вторник, 26 октября

Вчера должно было состояться чествование Вити Баянова (в связи с принятием в члены Союза писателей. – *Прим. Н. И.*) в «Комс. Кузбасса». Но он пришёл туда и, по скромности, попросил отменить это. Зашёл по пути ко мне – и мы часа два сидели с ним, говорили о жизни и литературе. Он, между прочим, тоже против всяких собраний, мероприятий. Главное, говорит он, – лишь бы меня не трогали, чтобы я мог спокойно писать...

Четверг, 4 ноября

Неделю назад Хорошка (домашнее имя сына Небогатова Владимира. Родился 28 октября. – *Прим. Н. И.*) был именинник – исполнилось уже пятнадцать лет. Ох, как быстро время летит! Покупали ему большой торт...

...Рецензию на книгу Зыкова (Илья Васильевич Зыков, наш земляк, географ и натуралист. Книга называется «Соболиный след». – *Прим. Н. И.*) напечатали в сильно сокращённом виде. Получился просто отклик, а не рецензия. Но суть осталась. Сейчас звонил Зыков – благодарил за тёплый отзыв.

Пятница, 12 ноября

В праздник, 7 ноября, я чуть не умер. Часов в пять вечера позвонила Маруся (Мария Петровна, жена брата Небогатова Григория. – *Прим. Н. И.*), позвала в гости. Я стал переодеваться и тут вспомнил, что с утра не принимал аминазин. Проглотил сразу 100 мг. Дорогой ничего не почувствовал. А когда Мусик, Коля (Николай, брат жены Небогатова Марии Ивановны. – *Прим. Н. И.*) и я приехали к Грише и сели за стол, меня одолела невыносимая слабость и сонливость. Ничего не выпив и не закусив, я лёг на кровать. Вскоре уснул. Часа через два Гриша пощекотал мне пятки, я встал, но самочувствие было прежнее. Снова лёг. Ещё часа через два Гриша опять разбудил меня. Всё, что было после этого, помню как сквозь сон. Оказывается, я пошёл в уборную или в кухню, а на пути мне стало плохо. Я повалился, меня поддержали. Очнулся и тут же снова с хрипением потерял сознание – упал в обморок. Коля помчался на телецентр звонить в «скорую помощь». Приехал какой-то сапожник от медицины (наверно, медбрат), хотел поставить укол от сердца, но я отказался. Через час окончательно оправился – как ни в чём не бывало. Поехали на трамвае домой.

Страху никакого не испытывал – вообще ничего не чувствовал. Умереть так даже хорошо – тихо, спокойно. Одно обидно – очень уж неожиданно.

Сегодня был на приёме у врача. Рассказал ему об этом случае – он говорит, что это бывает, из-за нарушения часов приёма лекарства. По его мнению, ничего страшного.

...Стихотворение о Леонове «Дорогой гость» «Кузбасс» напечатал. В тот же день «Комс. Кузбасса» дал «Балладу о человеке» Володи Измайлова. Он совсем уж заумничался – ничего из его баллады я не понял. Он пишет, например, что человек,

вернувшийся из космоса – самый счастливый и ...самый несчастный, что этот человек – и прадед, и правнук. В общем, накручено здорово – ничего не поймёшь.

Не звонит, хотя приехал уже давно. Я тоже не собираюсь пресмыкаться. Обиделся перед отъездом за правду в глаза – ну и бог с тобой.

...Сегодня получил в «Кузбассе» гонорар за «Дорогого человека» о Леонове – 23 р. Заплатили по рублю за строчку, как положено за первополосное.

Пятница, 10 декабря

...Купили мне зимнее пальто с шалевым воротником – за 128 р., на гонорар за праздничные стихи для радио и телевидения. Заплатили по-божески – 90 и 50 р.

...У Нелли Николаевны (Соколовой, на радио. – *Прим. Н. И.*) прошла подборка «Зимних стихов». Эти стихи я посылал Синяевой (Ирина Фортунатовна Синяева – сотрудница редакции газеты «Красное знамя, Томск. – *Прим. Н. И.*), но получил от неё отрицательный ответ: стихи отклонили по причине отсутствия в них примет современности. Я послал ещё три стихотворения. Если и эти забракуают, больше навязываться не буду.

...«Зимние стихи» в «Кузбассе» – без движения.

Суббота, 25 декабря

Неделю побыла Светуля дома, а 18-го её опять положили в больницу: плохо что-то с глазным дном.

Зам. Гончарова Пашкова – злобная самодурка – выкинула номер: прислала нам выписку из своего приказа об увольнении Светы с работы. Я уже имел дело с этой вздорной бабой, когда мы с Витей Баяновым ездили в Гурьевск (в июне 1964 года. – *Прим. Н. И.*), поэтому даже не считаю нужным объясняться с ней. Попросил Мусика написать ей, объяснить, что Света болеет, а не просто прогуливает. В доказательство этого послали два больничных листа. Увидев их, Пашкова поймёт, что она дура, что приказ её незаконен.

Из Томска получил номер газеты со стихотворением «Призвание». На первой полосе. Письма в конверте нет. Похоже, Синяева решила больше не приглашать меня (видимо, это стихотворение не понравилось ей). Но я всё-таки пошлю что-нибудь ещё.

...Вчера ходил в «Кузбасс» за письмами. Поинтересовался у Эли (Суворовой. – *Прим. Н. И.*) насчёт зимних стихов. Она снова сказала, что они набраны, сходила в секретариат, но там никого не было. Потом пришёл Бельчик (Анатолий Игнатьевич Бельчик, редактор газеты. – *Прим. Н. И.*), я вместе с Таей Шатской зашёл к нему. Он ответил, что никаких стихов у него нету. Но я повторил слова Эли, что стихи уже набраны. Тогда он пошёл к Эле. Она довольно холодно повторила, что стихи набраны и лежат в папке отдела культуры. Эту папку Бельчик разыскал в какой-то другой комнате, но в папке оказалось только одно стихотворение «Оттепель» (гранки), два других пропали. Где они – трудно сказать. Бельчик обещал выяснить у другого секретаря. Ну, и порядочки в редакции. Эля очень возмущена поведением секретариата. Сколько раз, говорит, я просила поставить Ваши стихи, отвечают: это не проблема, зато целую полосу отводят под спортивный материал.

В общем, так и хочется плюнуть на эту редакцию. Только нужда заставляет меня поддерживать с ней какие-то отношения. Вот вчера же, например, Суворова заказала новогодний стих. Как не написать?

К датам стихи дают охотнее. Может, пройдёт – кое-что заработаю.

Получил заказы от Людмилы Фёдоровны и Нины Павловны Козловской. От первой – на стихи для детей (в каникульные передачи), от второй – на стихотворный концерт к концерту самодеятельности.

Вот так и уходит драгоценное время на выполнение злободневных заказов, а работа над стихами, которые можно печатать в сборниках, всё откладывается.

Написал для Игнатьева (Игнатьев Владимир Вениаминович, композитор, соавтор Небогатова. – *Прим. Н. И.*) текст для новогодней песни. Может, удастся ему устроить её на телевидении.

1966 г., 8 января

Песню «С Новым годом» по телевидению передали 31-го. 1-го в «Комс. Кузб.» напечатали стихотворение моё «Новогодний вечер», которое в прошлом году забраковали в «Кузбассе» (80 строк). Заголовок «комсомольцы» дали другой – «Звёздный вечер».

..На днях Света с Сашей съездили в Гурьевск за вещами. Получила она 27 р. – и все ушли на дорогу. А вчера Света побывала в Берёзовском. Хотят вроде принять её там в газету...

Сейчас уже около двух часов дня, а я ещё ничего не написал. Вчера, между прочим, обнаружил, что вечером и ночью лучше пишется – больше сосредоточиваешься....

Пятница, 28 января

Светуля с 13-го янв. работает в газете «За коммунизм» в городе Берёзовском. Приезжает каждую субботу домой. Живёт она там в общежитии, которое совершенно не благоустроено: нет воды, нет света, холодище.

Напечатали уже две её корреспонденции. Одна – 300 строк, другая – строк 150. Довольна очень. Голова, слава богу, пока не болит.

Среда, 2 февраля

Купил новый сборник Измайлова «Я здесь свой...» (он вышел в январе, но 1965-м годом). Стихи (большинство) – умные, но мало трогают. Много в них сделанности.

...Светуля на воскресенье приезжала – привезла два номера газеты со своими материалами за подписью – Небогатова, Светлова, Михайлова. Голова у неё пока что не болит.

Четверг, 3 февраля

Вчера на ночь приезжала Светулька. В дверях заявила: – А я не с пустыми руками! И достаёт из сумки семьдесят рублей. Получка за три недели – пятьдесят в счёт оклада и двадцать – гонорар. А Вова, вошедший вместе с ней, держит большой кулёк – это Света купила братикам килограмм ореховых конфет. Молодчина она, умница! Радует меня, что работу свою она очень любит.

Вчера написала письмо Гончарову. Сообщив ему о своих делах, в конце, как бы между прочим, черкнула: «Кстати, мне были бы сейчас нелишними те 25 р., что Вы у меня занимали. Надеюсь, Вы не решили, что это был подарок?» Мужская честь должника будет этой фразой порядочно уязвлена.

Четверг, 10 февраля

...Два дня назад позвонил Володя Степанов, предложил написать рецензию на сборник Измайлова «Я здесь свой...». Я не привык отказываться от заказов, поэтому согласился. Рецензию написал вчера до обеда. Вышло сдержанно, без

особых восторгов. С критическими замечаниями. Не знаю, совпадут ли мои суждения с мнением редакции. Намечалось поставить рецензию на 13-е февр. Если почему-либо забракуают, то предложу «Кузбассу».

Вчера на ночь приезжала Светуля. Привезла номер своей газеты с корреспонденцией. До двенадцати ночи писала материал от имени одного комсорга. Я прочитал – хорошо. Молодчина, Хохлатка...

Суббота, 12 февраля

Позавчера вечером написал (к открытию 12-й обл. партийной конференции) стихотворение «Слово о коммунистах». Утром вчера отнёс в «Кузбасс». Показал первой Тае Шатской. Ей понравилось, она сказала: Надо напечатать на первой полосе. И понесла в секретариат. А я – в радиокомитет. Миша Ялин стихотворение одобрил и сказал, что будет лучше, если я сам его прочту. Я записался на плёнку. Тут же он сделал для меня доброе дело: написал для бухгалтерии справку, что стих опубликован и мне причитается 20 р. Деньги я получил (дома в кошельке был всего рубль с копейками). В «Кузбассе» сегодня стихотворения нет. А я так надеялся. Вещь эта нравится мне самому.

Вечером

Звонила Шатская. «Слово о коммунистах» вчера стояло уже в полосе, но кто-то (видимо, Троицкий) снял его, найдя в нём много общего со стихотворением «Коммунисты» Жени Буравлёва. Оно было опубликовано накануне. Случай огорчительный. Видимо, оба мы написали свои стихи далеко не оригинально, шаблонно. Но уж мы не виноваты, такова тема, трудно решить её по-новому. Во всей нашей поэзии я не знаю ни одного оригинального стихотворения о партии, о коммунистах.

Вторник, 22 февраля

Рецензию на Измайлова – первый вариант – забраковал Блинов (Блинов Геннадий, журналист «Кузбасса». – *Прим. Н. И.*). Но я довёл дело до конца – написал второй вариант, более положительный, и позавчера его напечатали.

А Измайлов ведёт себя по-свински, даже не соизволил позвонить, сказать своё мнение. Ну, чёрт с ним. Зазнался.

Был у меня Витя Баянов. Он даже несколько удивлён, что этот «философ» не звонит, не заходит. А Витю навестил, занял у него сто рублей.

Витя – добряк, в долгах у него 450 рублей – у Молостного, у Махалова, ещё у кого-то. Молостной вряд ли отдаст.

Среда, 23 февраля

Между прочим, вчера и сегодня по телевидению выступал Володя Измайлов. Читал военные стихи, устные рассказы. Всё же у него есть совесть – вчера позвонил мне, поблагодарил за рецензию, прочитал по телефону новые стихи. Хорошие, мне понравились. А сегодня у него праздник – «Кузбасс» дал большой кусок из вступления к поэме о юности. Написано очень хорошо. С большим чувством. Меня взволновало. Лишний раз убеждаюсь, что чувство в поэзии – не последнее дело.

Позвонил Володе, от души поздравил с удачей. Вообще, молодец он. Умница и талант. И говорить мастер, и писать начал здорово.

А у меня дела идут неважно... Должен сказать, что последнее время плохо пишется. Всё что-то не то и не так. Бывают даже минуты отчаяния. Требовательность к себе возросла, а способности, видимо, – на прежнем уровне. Перешагну ли этот трудный рубеж?

Воскресенье, 6 марта

У Светули неприятность: в редакции прошло сокращение штатов, несколько человек уволили, а её оставили внештатным корреспондентом, без зарплаты. Будет получать только гонорар...

Заходил Витя. Он встречался с гостящим в Кузбассе московским поэтом Виктором Парфентьевым и узнал от него много любопытного. Например, Евтушенко и Вознесенский убавили себе года, им обоим уже близко к сорока, а по документам они – молодые «гении». Тот же Евтушенко, публикуя в 1956 году поэму «Станция «Зима», дату написания поставил – 1952 год. Вот, мол, как писал я, будучи совсем юнцом.

Пятница, 1 апреля, полночь

Мусик наша опять уехала в командировку (работала в облсовпрофе. – *Прим. Н. И.*) – в Прокопьевск. И опять – на десять – одиннадцать дней...

Я так сроднился с ней за двадцать лет, так привык к её постоянному присутствию, что очень переживаю, когда расстаюсь с ней даже на короткое время. Да и ребятишкам, чувствуется, очень не хватает её. Вот такая работка досталась ей – с частыми командировками. Чтобы не тосковать, буду много работать.

Среда, 6 апреля

...Светуле в Берёзовском не повезло – пришлось рассчитаться. Что это за работа – на одном гонораре. Выдали трудовую книжку. Увольнение отметили июнем.

Пятница, 8 апреля

... «Комс. Кузбасса» напечатал сегодня «Слово о коммунистах», вдвое сократив его. И за это спасибо.

Пятница, 29 апреля

Сегодня у нас с ребятишками праздник – пришло два письма из Гагры – от Мусика и Светы. Рад необычайно. Мусик пишет, что Гагра – прямо рай земной, а Света называет всё сказкой. По её описанию я многое хорошо представил. Лишний раз убеждаюсь, что она – способная журналисточка. (подчёркнуто Небогатовым. – *Прим. Н. И.*)

Четверг, 30 июня

...Витя заходит. В эти дни у него большая нагрузка – сдаёт на машиниста тепловоза.

О «Майском снеге» (новом сборнике М. Небогатова. – *Прим. Н. И.*) – ни одной рецензии. Видимо, так никто и не отметит выход этой книжки. Жаль. В «Кузбассе», на полосе для области, напечатали корреспонденцию Мусика о новых обрядах. Хорошо написала, но мало. Можно было поговорить на эту тему более обстоятельно.

Суббота, 2 июля

Вчера втроём – Мусик, Витя и я – ходили смотреть документальный фильм «Сергей Есенин» (Витя смотрел третий раз!). Замечательный фильм. Перед зрителем – вся жизнь Есенина, иллюстрированная его стихами и картинами природы. В одном кадре Есенин живой: где-то в толпе выискивает кого-то глазами. Красивый, обаятельный. Много разных снимков, которые я никогда не видел. Удовольствие получил огромное. А Мусик осталась равнодушной. Не понимаю я её...

Вторник, 2 августа

В субботу Гриша (он в отпуске до 13 авг.), Маруся, Вова и я побывали на кладбище, навестили могилы родных – мамы, Ии (Ия – дочь сестры Небогатова Раи, Ираиды, ровесница Небогатова. – Прим. Н. И.), Сары (сестры Небогатова Серафимы. – Прим. Н. И.), Всеволода Спиридоновича (мужа сестры Небогатова Раи, Ираиды. – Прим. Н. И.), Марусиной матери.

Давно собирались мы с Гришей поправить мамину могилку. И наконец-то собрались. Купили новый крест, прибили на него жестяную планку, на которой Гриша выбил гвоздём фамилию и даты. Могильный холмик обложили новыми пластами земли. Вова выкопал три кустика клубники, и мы посадили её на холмике.

День был тёплый, по-настоящему летний. Поработав, расстелили одеяло, закусили. Грише я брал бутылку московской, себе – бутылку сухого. Потом долго рассматривали памятники. Много знакомых. Мария Михайловна (Яковлева, старшая машинистка. – Прим. Н. И.), машинистка из «Кузбасса», оказывается, похоронена в одной могиле со своим мужем – Флягиным Александром Петровичем. Гриша тоже хорошо знал его. Грустно было читать надписи и смотреть на фотокарточки ушедших от нас, особенно молодых.

Сторожиha сказала, что каждый день в среднем хоронят по 7 – 8 человек. Кладбище это с сороковых годов. Подсчитали, что на нём примерно 70 тыс. покойников. Целый город. Думаю написать стихотворение – есть кое-какие мысли и чувства...

5 августа

Для передачи по радио я написал уже три стихотворения – о посещении маминной могилки (посвятил это стихотворение Грише), о русских песнях и плясках и о русском мужике. Пока что мне нравятся эти вещи, но ни на ком ещё не проверял их, не считая Мусика. Но она не очень вникает в стихи, небольшой любитель их.

Заходил Витя – прямо из райкома, где его принимали в кандидаты партии. Молодец. Надо смолodu закреплять свои жизненные позиции. Подготовил о нём рецензию для газеты «Книжное обозрение» (по заказу Фёд. Ефим. Дёмина). Уже отнёс.

14 августа

Светуля позавчера сдала последний экзамен – по немецкому. 16-го будет собеседование, а на другой день сообщат, прошла ли она по конкурсу. Собеседования она не боится – умная девчонка, начитанная, обо всём имеет своё мнение...

...Витя что-то давно не заходит. В «Кузбассе» появилось два его новых стихотворения из цикла «Моя земля». Стихи, как всегда, хорошие, хочется их перечитывать.

Суббота, 20 августа

...Ваня Балибалов сейчас временно работает секретарём в «Комс. Кузбасса». Вчера мы вместе с ним устроили Свету внештатным корреспондентом в эту газету. Уже получила задание – рассказать о подписке на газеты и журналы. Ушла сейчас на Новохимкомбинат.

Среда, 24 августа

Дня четыре назад у Вити Баянова был знаменательный день – ему вручили орден Знак Почёта. Утром он позвонил мне: не обмыть ли это дело? Я не стал отказываться, пошёл к нему. У него как раз гостил отец – Михаил Давыдович –

простой, малограмотный, но очень симпатичный мужик. Подарил ему «Майский снег». О моих стихах отзывался он так: – Мне ваши стишки нравятся. Читать их легко.

Выпили втроем две бутылки сухого вина, потом – к двум часам – они пошли на «Азот», где должны были состояться торжества по случаю вручения орденов и медалей химикам. А под вечер – стук в дверь. Открываю – за порогом Витя и Мих. Давыдович. Именинник – очень косой – в буквальном смысле, один глаз то и дело закрывается – такая привычка у Вити, когда он хорошо заложит за воротник. Но застенчивость не покидает в любом состоянии – кое-как уговорил моих дорогих гостей пройти в комнату. Витя всё время допытывался: – А Мария Ивановна не будет ругаться?

Денег у меня не было, я хотел занять у соседей, но Витя, узнав об этом, дал мне четыре рубля. Я сходил в магазин за сухим вином и ливерной колбасой. Вместе с нами села за стол и Мусик. Сидели долго. Витя даже стал протрезвляться. Ох, как же он много стихов знает наизусть! О каком бы поэте ни зашла речь, начинает читать его стихи и даже отрывки из поэм. Всё старался влюбить Мусика в Есенина, в своего (да и моего) кумира.

Между прочим, Михаил Давыдович подсказал мне несколько незнакомых, чисто сибирских слов. Я записал их для Шукшина...

Среда, 14 сентября

Позавчера обыденкой мы с Витей съездили в Барзас. Пообедали, сходили в лесхоз, отметили у Петра Максимовича Халявко командировки – и на поезд. Саша и Света тоже там – копали картошку. Они ещё остались на несколько дней, чтобы сходить за грибами – погода сейчас замечательная, до 28° тепла.

У нас с Витей настроение было отличное, но в дороге здорово испортилось (по пути в Кемерово). Подъезжали уже к Правотомску, вдруг сигналы паровоза. Витя профессиональным слухом определил: сигналы тревожные, кто-то на пути. Через полминуты поезд остановился. Мы выглянули из окна, и напротив двери нашего вагона, у самых рельсов, увидели лежащего человека. А от паровоза уже бежал помощник машиниста.

Зарезали молодую женщину. Я жалею, что смотрел на неё – вся она была исковеркана, изжёвана, в крови. Свидетелем оказалась её подруга, которая рассказала, что они были в гостях, выпили, и, когда подходили к путям, та (пострадавшая) говорила, что ей надоело жить, что она хочет умереть. Под поезд бросилась сама. Нигде не работала, жила без прописки (у этой подруги), ребёнка сдала в детдом. В общем, несчастная женщина. И тяжело было смотреть, что поезд пошёл дальше, а она, в луже крови, в неестественной позе, осталась лежать на земле в сгущающихся сумерках. Расстроились мы с Витей здорово...

Пятница, 4 ноября

На этой неделе хорошо поработал. Написал два стихотворения о людях в синих шинелях (ко Дню милиции) – для «Кузбасса» и для радио, а также девять стихотворений к Октябрю (для Нелли Николаевны, Людмилы Фёдоровны, Нины Павловны, Германа Тильмана). Если всё пройдёт, то заработаю рублей сто.

Но есть и огорчения. Вчера с Витей заходил в издательство. Сказал Банникову (Банников Виталий Васильевич, директор издательства. – *Прим. Н. И.*), что приготовил и скоро принесу два сборника – публицистику и для детей. Банников не выразил ни малейшей радости, ответил, что план на 67-й год уже утверждён. Я напомнил ему, что на детский сборник давал заявку, на что он вяло заметил: –

Приноси, посмотрим. И ещё сказал, что детские книжки печатаются подолгу, потому что приходится сдавать их в типографии других городов. В общем, разговор с ним только расстроил меня. Даже Витя удивился, как равнодушно отнёсся Банников к моим сообщениям о сборниках. Сам он (Витя Баянов) привык к другому отношению.

Работы впереди ещё до чёрта – лежит стопа писем в «Комс. Кузбасса», ждёт рецензии сборник Анатолия Саулова...

...Витя сделал предложение написать вместе репортаж (поэтический) для «Кузбасса». Меня это обрадовало: я сам давно уже хотел предложить ему сделать что-нибудь в соавторстве, но не решался, думал, что он подумает, будто я хочу примазаться к нему, к отличному поэту-лирику. Репортаж должен получиться: у нас много общего – лиризм, чувство слова, плюс моё чувство того, что надо газете.

Вторник, 15 ноября

Вчера звонила Глебова (Глебова Людмила Владимировна, редактор книжного издательства. – *Прим. Н. И.*), заказала вступительную статью о Вите Баянове для его новой книги, которая выйдет в будущем году (в декабре её сдадут в производство). Я сказал, что с удовольствием выполняю этот заказ.

Четверг, 1 декабря

Звонил Фёдор Ефимович (Дёмин. – *Прим. Н. И.*). Статью мою о Вите в «Книжном обозрении» дали. Но здорово сократили – всего 65 строк.

Понедельник, 5 декабря

Вчера...я поехал попроведовать Гришу с Марусей... А без меня звонил из Москвы Витя. Говорила с ним Мусик. Витя сообщил, что очень плохое у него самочувствие, что-то произошло, не с ним, правда, но и на него тень упала. Вчера он должен был уехать в ГДР. Вернётся не 10-го, как предполагалось, а числа 25-го декабря. Очень жалею, что не было меня дома. Рад я бесконечно, что не кому-то, а мне позвонил Витя. Видно, и он привык ко мне, дорожит дружбой со мной. Я-то люблю его как родного.

Что, интересно, произошло? Наверно, кто-то из делегации наших поэтов где-то наскандалил, и естественно, что Витя, при своей чувствительности, расстроился. Хорошо понимаю его состояние. Сам выхожу из колеи из-за пустяка.

Воскресенье, 11 декабря (о приглашении в пединститут на поэтический вечер. – *Прим. Н. И.*)

...оказывается, встреча предстояла не со студентами, а со школьниками 8 – 9-х классов. Было интересно. Девочки читали стихи Киселёва, мои, очень тепло отзывались о них. Про Измайлова почти все сказали, что он им не нравится, стихи его не задевают за живое. Преподаватель Пушкирёва Вера Степановна пробовала защитить его, но безуспешно. Потом мы с Володиёвым Матвеевым почитали свои новые стихи, а также Вити Баянова (я специально брал его сборник). Когда меня спросили, что такое настоящая поэзия, я сказал: «Вот она!» и показал Витин сборник.

Вторник, 13 декабря, утро

Встал вчера без пятнадцати шесть, и часам к девяти у меня уже было готово стихотворение «На вечере поэзии» – о встрече в институте. Зерно стихотворения – мой ответ на вопрос одной девушки: зачем я пишу?

Побывал у Глебовой. Она попросила, чтобы в предисловии я написал о Вите как о человеке. С удовольствием сделаю это.

...Очень я соскучился о Вите. Как он там? Репортаж для «Кузбасса» мы написать, наверно, не успеем.

13 декабря, вечер

Сегодня хорошо поработал. Написал два стихотворения – «Письмо другу» – разговор с Витей о его поездке в ГДР и поздравительное в связи с 60-летием ректора пединститута Н. Н. Чистякова (Чистяков Николай Николаевич. – *Прим. Н. И.*) (по просьбе преподавателей).

Вторник, 20 декабря

Вчера передали по радио 4 моих стихотворения (из 7): «Свет в окне», «Вечер поэзии», «Путь-дорога» и «Письмо другу» (Вите). Стихи прозвучали хорошо.

Пятница, 23 декабря

Вчера написал о Вите как о человеке, переписал и отнёс предисловие Глебовой. Её не было, так что не знаю, каково её мнение.

Среда, 28 декабря

В воскресенье под вечер заходил Витя – он приехал накануне. Поездкой, в общем, доволен, но очень устал, настроение неважное.

Случай, о котором он говорил по телефону из Москвы, его касается стороной. Александр Кухно напился, наскандалил и зашёл в номер, где жил Витя с двумя другими поэтами. Это засекли, и на другой день жильцов этой комнаты (Витю в том числе) вызвали в ЦК комсомола. Витя сказал, что он не причастен к скандалу. Потом проверили всё это, и выяснилось, как было дело. Кухно откомандировали домой, а Витя с делегацией поехал в ГДР. Вот его некоторые впечатления. Встречались только с тем, кого им приводили по выбору организаторов. Поэзию там любят не очень, занимаются ею между делом. На встречах бывает очень мало людей (до десятка, тогда как у нас вечера поэзии проходят при переполненных залах). Немцы-поэты относятся дружески. Цель поездки нашей делегации не только чисто литературная, а больше политическая: надо было кое-кого привлечь на свою сторону, так как многие немецкие писатели сейчас отходят от коммунистических позиций (например, Анна Зегерс, в недавнем прошлом большой наш друг)...

На собрании я чувствовал себя очень плохо. Казалось, что против меня велась психическая атака, даже со стороны Вити. Не знаю и сейчас, так ли это. Но устал я сильно, и на другой день не смог пойти в «Кузбасс», где состоялась встреча журналистов с писателями за «круглым столом».

Витя ходил, рассказывал о своей командировке.

Вчера я здорово поработал. Написал для Нелли Николаевны больше двухсот строк – дружеские пародии на кузбасских поэтов. Стихи эти должны пойти 31-го, так что я предложу их ещё и «Кузбассу» в новогодний номер.

Сегодня тоже написал уже больше ста строк для Миши Ялина (радиожурналиста. – *Прим. Н. И.*) и начал стихотворение для молодёжной редакции. Сейчас полседьмого, часов пять могу ещё работать.

Завтра утром эти стихи надо уже отнести.

Пятница, 30 декабря

Витя на два месяца взял отпуск, а после этого, наверно, совсем рассчитается. У него не первый год уже гипертония, и ночные смены стали в тягость.

Настроение у него какое-то плохое, даже подавленное. Всё что-то задумывается. Говорит, что очень устал за поездку.

В «Кузбассе» напечатали о нём рецензию Абрамовича (Абрамович Алексей Фёдорович, литературный критик. – *Прим. Н. И.*) – очень тёплую и похвальную. В ней много общего с тем, что писал о стихах Вити я. Абрамович называет его правофланговым кузбасских лириков. Это справедливо.

1967 г., четверг, 5 января

...Вечером заходил Витя. Он написал 4 стихотворения под впечатлением от поездки по новгородской земле. Стихи, как всегда самобытны, написаны баяновским сочным языком. Я радуюсь его успехам и по-хорошему завидую ему...

Суббота, 7 января

Вчера заходил Витя. Беседовали часа два. Он написал ещё одно стихотворение – к тому же, новгородскому циклу. Уверен, что он за время отпуска создаст много хорошего.

Пятница, 13 января

Кстати, Витя написал новое стихотворение «Ещё о сибиряке» – ответ Володе Измайлову на недавно опубликованное его стихотворение «Сибиряк» – хвастливое и позёрское. В спокойной манере, но с ясным намёком на это хвастовство, Витя убедительно показал, что «родиться в Красноярске или Братске – ещё не значит ровно ничего»; что сибиряки не бьют себя в грудь, а делами доказывают, что достойно несут звание сибиряков.

Пятница, 20 января

...Да, чуть не забыл: 16-го отнёс в изд-во рукопись сборника для детей и заявку на издание избранного (5 п. л.) в будущем году. Отдал всё это Игорю Киселёву.

Понедельник 30 января

...в пятницу по приглашению Глебовой я был в издательстве по поводу рукописи стихов для детей. Сборник этот не получил одобрения. Людм. Влад. говорит, что стихи назидательные, мало в них юмора. Я, говорит, не советую Вам настаивать на его издании, лучше издать сборник избранных стихов, в лирике у Вас настоящая поэзия, а тут – не то. После этого пошли к Мазаеву (Мазаев Владимир Михайлович, прозаик, на тот момент главный редактор Кемеровского книжного издательства. – *Прим. Н. И.*). Он повторил, какое у них мнение о детских стихах, и тоже заговорил об избранном.

Договорились, что к марту я предоставлю им рукопись на 5 п. л. На этот сборник я надеюсь, хорошие лирические стихи выбрать есть из чего. Ну, а детский... Издадут когда-нибудь и его. Не вечно же в изд-ве будет сидеть Мазаев. Он и «Юным друзьям» (сборник стихов Небогатова для детей 1957-го года. – *Прим. Н. И.*) не одобрил бы, а ведь этот сборник разошёлся моментально.

Суббота, 18 февраля

...Сегодня с утра хорошо поработал – доделал начатое вчера вечером лирическое стихотворение (с подтекстом) о ручье и написал ещё одно – о доброй и злой зависти. Жаль, что у Вити нет телефона – хотелось бы проверить на нём.

Он вчера приходил. Написал новое для себя – запальчивое – стихотворение о том, как некоторые называют его святой простотой, не думая о том, что он далеко не прост, а, может быть, глубже многих, тех, кто считает возможным провести его и обвести. Отличное стихотворение.

Написано оно, как всегда, по определённому поводу. Женя (Буравлёв. – *Прим. Н. И.*) обещал ему квартиру, но вклинился тут Мазаев, и сейчас похоже на то, что Мазаеву досталась та квартира, которая предназначалась Вите. Как корыстны люди! У Жени выходит в этом году в нашем изд-ве две книги, вот он и старается быть другом гл. редактора. Дело не только в квартире – Мазаеву Женя на днях дал огромную рукопись на рецензию, за которую тот получит рубл. 200. Эта сумма куда нужней тому же Рехлову, у которого нет никакой зарплаты и который нигде ничего не подрабатывает.

Вторник, 21 февраля, утро

...На Курганке в наш вагон поместилась шумная, хмельная компания молодёжи. Играли на гармошке, плясали. Особенно отличался один парень. Он плясал и без конца пел частушки – некоторые очень интересные (я успел несколько штук записать). Как всё-таки талантлив народ, какие яркие вещи умеет создавать. Я уверен, что ни один профессиональный поэт не сочинит частушку, равную по яркости народной. Например:

*Вот черёмуха цветёт,
Скоро поезд тронется.
Парень девушку целует,
Хочет познакомиться.*

Или:

*Ах, юбка моя,
Юбка тюлевая!
По морозу босиком
Вытютюривала!*

Или:

*У меня милёнка два,
Оба инвалиды.
Одного заели виши,
А другого – гниды.*

Коротко, образно, смешно.

Суббота, 11 марта

Светину корреспонденцию напечатали в «Заре» в день 8 марта. Не поправили ни строчки. Это мы поняли как признание хорошего качества написанного ею.

Среда, 12 апреля

Ответил работникам авиационного завода Казани, которые занимаются изучением проблемы «Музыка и её восприятие». Спрашивали – нет ли у меня «цветного слуха», графического или метафизического видения музыки и тому подобное. Я откровенно рассказал, что серьёзную музыку не понимаю и не люблю; мне ближе народные музыкальные произведения и произведения тех композиторов, которые верны народным традициям; что музыка, прежде всего, воздействует на моё настроение, иногда рождает поэтические образы: вальсы Штрауса, например, – что-то солнечное, весеннее, а, скажем, «Танец с саблями» Хачатуряна – рождает картину неприятную, раздражающую – бессмысленного перебрасывания груды железного лома.

Мои ответы будут, конечно, неинтересны, но ничего выдумывать я не стал.

Среда, 26 июля

В минувшее воскресенье «Кузбасс» опубликовал три моих небольших стихотворения из цикла «Лето». При содействии Юры Баландина (стихи относил ему). Юре, видимо, удалось привить своё отношение к поэзии и Троицкому – в прошедшую неделю стихи в «Кузбассе» появлялись раза четыре – два раза Витины, два раза Гены Юрова и переводы Измайлова с татарского. Даже удивительно. А со вчерашнего дня газеты подписывает Юра. Жаль, нет у меня новых стихов, он бы напечатал. Троицкий, наверно, ушёл в отпуск. Надо что-то написать, возможность напечататься будет.

Витя уже получил расчёт на химкомбинате. Сегодня – завтра должен уладить одно дело – перевестись из кандидатов в члены партии.

Позавчера слушал по телевидению новые стихи Игоря Киселёва. Стихи очень порадовали. Очень заметно вырос он за последний год. С Махаловым никакого сравнения.

Вышел новый номер альманаха. В нём моя статья «Слово о молодых» (Огни Кузбасса, 1967, № 1. – С. 104 – 109. – *Прим. Н. И.*). Написано толково, профессионально. Только одно вызывает досаду: оказывается я дважды (в альманахе и в предисловии к Витиному сборнику) повторил мысль о том, что совершенное художественное произведение, это, как кто-то мудро подметил, обыкновенные слова, расставленные в лучшем порядке. К Вите это относится, как ни к кому, и чёрт меня дёрнул то же самое сказать о Виталии Юречко (в связи с его стихотворением «Коварды», очень хорошим). Тот, кто читает меня, не может не заметить этого повторения.

Вчера Света ходила в редакцию «Зари» насчёт устройства на работу. Редактор Умнов (Григорий Романович. – *Прим. Н. И.*) в отпуске, его замещает Коля Зеленин. Он сказал, что работники им нужны позарез, но до Умнова придётся поработать вне штата. Сегодня с утра Света уехала куда-то в колхоз.

Вторник, 1 августа. Вечером

Света принесла два номера газеты «Заря», в них – мои стихи «Деревня», «Сельский мир» и «Ягоды», а также Светина корреспонденция. Эти стихи я передал со Светой Коле Зеленину, он сейчас зам. редактора и подписывает газету.

Надо мне закрепить эту связь. Многие хорошие стихи у меня нигде не напечатаны. Пусть хоть до сельского читателя дойдут (тираж «Зари» в двух номерах – более 3 тыс. экземпляров).

Начал я стихотворение о провинциальных поэтах, написал одну – неплохую строфу, а дальше что-то не получается. Пишется всё меньше и всё труднее. В молодости было иначе...

Среда, 2 августа

Сегодня вспомнил об одном старом стихотворении и, отыскивая его, перерыл все бумаги в ящике стола. Сколько же ненужного храню я зачем-то – черновики стихов, статей, писем, рассказов. Никакой литературной ценности этот архив не представляет, он дорог просто как память. Целую стопу бумаги всё же выбросил – из того, что уже напечатано и что просто чепуха.

Говорил по телефону с Колей Зелениным. Он не возражает, чтобы я печатался у него в «Заре», но просил учесть, что стихи должны быть на сельские темы (преимущественно).

...Приходил Витя – он уезжал в деревню. Что-то зашла у нас речь о том, как мы знаем историю, и в связи с этим – о династии Романовых. Всего их было (за 304

года) четырнадцать человек. Самый первый царь – Михаил Фёдорович, вступил на престол в 1613 году.

Понедельник, 7 августа

...Варвара Гурьевна принесла большую охапку цветов – вышло три букета. Удивительно славная старушка! Мы со Светой прикинули, сколько бы заработала на этих букетах какая-нибудь барышница – вышло рублей 15. В этом году – десятилетний юбилей нашей дружбы с Варварой Гурьевной.

Среда, 9 августа

Сейчас одиннадцать утра, только что со мной произошло что-то страшное, небывалое: я писал стихотворение, и вдруг почувствовал некую физическую слабость – подумал: накурился до одури. Вышел к Свете на балкон (сегодня после холодов первый день солнечно, тепло). Я хотел что-то сказать и заметил, что в памяти – провал. Что-то смутно, глубоко в подсознании маячило, а что именно – не мог поймать. Очень страшное ощущение.

Пусть со мной случается что угодно, но только бы не отказал мозговой аппарат. Невольно вспомнишь Пушкина: «Не дай мне бог сойти с ума». Видимо, нечто подобное было и с ним.

Четверг, 10 августа

...Сегодня с утра хорошо поработал. К четырём часам у меня было готово три стихотворения (168 строк) для Миши Ялина (о строителях). Отнёс подборку стихов Юре Баландину, его не застал, оставил на столе.

Одно стихотворение «Странное откровение» – поэтический отклик по поводу заявления Джонсона (Линдон Джонсон, американский президент. – *Прим. Н. И.*) о том, что он, возможно, войдёт в историю как человек, начавший третью мировую войну, – послал в «Лит. Россию». Послал, конечно, без всякой надежды напечататься – так, на авось.

Из «Лит. России» никакого пока ответа.

Вторник, 15 августа, вечером (о письмах от Марии Ивановны из санатория «Зенковский», г. Прокопьевск. – *Прим. Н. И.*)

Мы получили два письма – мне и Свете. Был там солнечный денёк, Мусик даже загорала. Принимает (от нервов) жемчужные ванны, занимается лечебной физкультурой, много гуляет – даже ноги гудят. Чуть-чуть похудела.

Сочувствует мне, что из-за болезни лишён многих радостей жизни, нигде не бываю, ничего не вижу, а столько на земле чудесного, интересного. Называет меня несчастливым. Это, конечно, так.

Ничего хорошего я не вижу, да и не видел. Одна радость – писание стихов, чтение книг.

Леонид Леонов высказал глубокую мысль: «Искусство начинается там, где начинается потеря здоровья». Действительно, мало крепышей среди писателей – часто они умирают за столом, попадают к психиатрам, вешаются, стреляются. Большинство – чокнутые. Статистика сделала наблюдение: работники умственного труда (даже журналисты) умирают раньше времени, изнашиваются быстрее многих. Но я на судьбу не сетую. В чём-то я несчастливый, а кое в чём – счастливей других: не всякому дана великая радость творчества.

Понедельник, 28 августа

В пятницу я был у Вити. Читали его юношеские стихи (целая тетрадь). Стихи, конечно, наивные, неумелые, но уже в них чувствуются задатки таланта, ростки

того, из чего взяла силу его сегодняшняя поэзия: простота, народный язык, чувство ритма. Витя пошёл проводить меня, заглянули мы с ним в книжный магазин – никаких интересных новинок, потом зашли в букинистический магазин, где Витя взял роман «Плавка» (о войне, автор – незнакомый). У входа в магазин мы и попрощались.

На другой день, в субботу 26-го он уехал в Москву – на каникулы он приедет, видимо, только в январе. Мне будет очень скучно без него!

До отъезда он побывал в «Сиб. огнях» – предложил семь стихотворений. В декабрьском номере их обещали напечатать. Поинтересовался там судьбой моих, посланных в прошлом году, стихов. Одно стихотворение – «Соседка» набрано, но всё что-то переносится из номера в номер. Надо будет послать туда ещё несколько стихов, подборку напечатать целесообразней, а одно – ни то, ни сё.

Получил ответ из «Лит. России» за подписью В. Афанасьева (отдел поэзии). Отписка, как я и ждал. Стихи, мол, написаны профессионально (открыл Америку!), в них есть интересные строчки, но выбрать для печати ничего не удалось, так как сейчас, в юбилейном году, стихов посылается очень много, отбираем самое лучшее, да и то не можем точно сказать, когда и что будет опубликовано. Если, мол, наш ответ не обидит Вас, присылайте стихи в будущем году.

Безнадёжное дело – пробиться на страницы московских изданий без знакомства, без протекции. Витины стихи, к примеру, взял для «Октября» приезжавший в Кемерово работник журнала поэт Николай Агеев. Они встречались здесь в интимной обстановке.

Пятница, 1 сентября

«Комс. Кузбасса» напечатал на первой странице моё стихотворение «Сентябрь». Не церемонятся с нашим братом – поэтами: стихотворение сократили почти вдвое, выкинули строки о природе, о прощании с летом.

Четверг, 7 сентября, полдень (о втором письме от Виктора Баянова с Высших литературных курсов в Москве. – *Прим. Н. И.*)

Вчера пришло письмо от Вити. Пишет, что устроился хорошо. Уже начались занятия. Программа большая, много серьёзных предметов. Трудно будет Вите с его малым образованием, но парень он толковый, прилежания и упорства ему не занимать, так что все трудности осилит.

Пятница, 22 сентября

С утра ходил в радиокомитет к Нелли Николаевне (Соколовой. – *Прим. Н. И.*). Она сейчас за Ваню Сокола, который в отпуске. Стихи приняла охотно. У нас с ней взаимное доверие: не читая даже, Н. Н. знала, что стихи подойдут, халтуру я не предложу. Все передачи до конца месяца уже запланированы, но я всё-таки попросил найти местечко (минут 10). Нелли Николаевна обещала.

...И ещё Нелли Николаевна заказала мне подготовить материал для передачи по иркутскому радио: два – три лучших стихотворения, лирическую статью о родном крае (выступить должен я сам) и слово о поэзии Вити. Надо выполнить этот заказ как можно лучше.

Вторник, 26 сентября

От Вити получил три новых стихотворения с просьбой отнести их Бельчику (Бельчик Анатолий Игнатьевич, зам. редактора газеты «Кузбасс». – *Прим. Н. И.*), что я и сделал. Стихи, как обычно, хорошие, с находками. Бельчик сказал, что напечатают.

Сегодня в «Кузбассе» рецензия Махалова на Витин сборник. Хвалит, конечно, но свысока, снисходительно. И о недостатках счёл нужным сказать – тоже для того, чтобы читатели подумали, что сам-то он давно уже Витю перерос. Забавно всё это выглядит.

Я послал вырезку с рецензией Вите. Представляю: будет он читать, посмеиваясь, добродушно.

Суббота, 30 сентября

Сегодня опубликованы стихи Вити. Пошлю ему вырезку. Напечатана также корреспонденция Светы «Скоро новоселье» (о Доме пионеров). Немного сократили.

...Стихи по радио передали (за минусом одного), четыре штуки, читал диктор хорошо, с чувством.

Понедельник, 2 октября

С утра сегодня ездил к Нелли Николаевне. Записался на плёнку. Прочитал прозу (на 2 стр.) – «Чувство Родины» и три стихотворения – «Россия», «Русский поклон» и «Стога». Это для передачи по иркутскому радио, которая будет 9-го или 12-го. Передал также слово о поэзии Вити (на 1 стр.).

Среда, 4 октября

Вчера весь день – с 9 утра до восьми вечера – писал лирический репортаж о рабочем человеке. Очень устал, но был доволен. Сделал 300 строк. Отнёс его сегодня Гулому (Гулый Пётр Леонтьевич, сотрудник газеты «Кузбасс». – *Прим. Н. И.*).

От Вити получил два хороших письма в один день. Пишет подробно, обстоятельно, сердечно. Ответил ему на 6 страницах.

Четверг, 5 октября

После обеда ходил в «Кузбасс» читать полосу. Стих мой сократили больше чем наполовину – осталось всего 120 строк. Вот как бесцеремонно обращаются в редакциях с нашим братом. Не нуждался бы я в деньгах, непременно заявил бы протест, даже снял бы этот огрызок с полосы. Дело ведь не в количестве строк, а в том, что много хорошего вылетело. Всё это я, конечно, использую.

Понедельник, 9 октября

В пятницу у нас с Витей был праздник: в «Кузбассе» дали мой стих о рабочем человеке (название сделали «Его Величество»), а в «Комс. Кузбасса» – рецензию Абрамовича на сборник «Моя земля». Рецензия очень положительная, дружеская по тону, с некоторыми критическими замечаниями, не обидными. Упоминается и моё предисловие, как «хорошее, душевное».

Насчёт «Его Величества» звонил Ваня Балибалов. Стихотворение ему понравилось, есть, говорит, поэтические находки. Но чувствуется фрагментарность.

Четверг, 12 октября

Начал читать интересную книгу А. Т. Цейтлина «Труд писателя». Очень глубокое и многообразное исследование о творчестве великих писателей, с богатым фактическим материалом.

Автор подробно исследует творческий процесс – от зарождения замысла до его выполнения. Последовательность этого творческого процесса очень детальная. Исследуется всё – воображение, память, воля к труду, сознание, способности влияния, первые литературные шаги, дебют писателя и многое, многое другое,

связанное с личностью художника слова и с его трудом. Неоценимо полезная книга. Читаю с огромным увлечением.

...Света сейчас ушла в кружок вязанья – кроме учёбы на машинке, у неё теперь и это занятие. Организовала, конечно, наша беспокойная мама. Хорошку хочет записать в кружок гитаристов. Я всё это приветствую. Чем больше человек занят, тем меньше у него времени на всякие глупости.

Из училища связи пришла открытка, уведомляющая, что 15-го в 10.00 будет День встречи курсантов с родителями. Да, хорошая, приятная новость: в училище повесили призыв: стреляйте так, как стреляет курсант Небогатов! Молодчина Саша. Из 30 возможных он сделал из винтовки 29 попаданий. Отличная стрельба. И когда он успел наловчиться? Наверно, в барзасской тайге.

Вторник, 17 октября

Вчера звонил из Москвы Витя. Говорит, что всё нормально, только всё простывает – не взял из дому тёплой одежды, а уже холода. Хотел, говорит, купить хорошее пальто, но деньги из «Кузбасса» всё ещё не получил.

Я сегодня с утра позвонил в бухгалтерию – да, гонорар за стих ещё не выслали. И хорошо, что позвонил: московский адрес Вити Бельчик забыл передать бухгалтерии. Я им сказал, и теперь не будет никаких недоразумений.

Четверг, 19 октября

Светуля вчера целый день собирала материал для газеты. Была в гостинице, беседовала (по-немецки!) с представителями венгерской делегации, потом вместе с ними была на встречах с трудящимися. Теперь задача – хорошо написать. Она толковая, сумеет.

Да, чуть не забыл отметить одну важную новость: Мусик на днях повышена в должности – из методистов выросла до зав. методкабинетом. Эту должность ранее занимала Ант. Семён. Юмашева, которая теперь тоже шагнула на ступеньку выше – стала председателем Совета (что-то новое). Эти повышения соответственно повышают и оклад (на 20 р.). Теперь Мусик будет получать 120 р.

...От Вити пришло очередное письмо с двумя новыми стихотворениями. Стихи, как всегда, хорошие, с новой для Вити струйкой, которую я определяю, как «душевная мудрость». Отпускать на октябрьский праздник их раздумали – боятся, что потом до Нового года никого не соберёшь. Очень жаль.

Воскресенье, 29 октября

Света написала и отнесла Суворовой (Суворова Эвелина Владимировна, журналистка газеты «Кузбасс». – *Прим. Н. И.*) корреспонденцию об открытии в Рудничном районе музея боевой и трудовой славы.

Новые стихи Витины я опять передал Бельчику (вместе с двумя своими).

Четверг, 2 ноября

От Вити пришло два письма подряд. У него всё нормально. Немного приболел (повышалось давление), но сейчас ничего. Гонорар за сентябрьские стихи он получил. Заплатили хорошо – 80 р. Купил он хорошие зимние ботинки (чехословацкие, стоят 32 р.).

...Вовочке за оформление школьных стендов (два дня с Гогой с утра до вечера рисовал) заплатили 3 рубля. Очень гордится, что так оценили его труд.

Света весьма расстроена тем, что «Кузбасс» не поддерживает её старания сотрудничать. Недавно отнесла туда большую (на 5 страницах) корреспонденцию,

которой в газете нет как нет. Печатают, между тем, что попало. Сегодня, например, порядочно места отвели зарисовке о рыбной ловле, о рыбаках.

Лучше, наверно, Свете сотрудничать в «Комс. Кузбасса», там относятся внимательней.

Вторник, 14 ноября

Вот и прошли праздничные дни. Сегодня впервые сел за стол, чтобы написать ответ на Витино письмо. Мне даже неловко перед ним за свою просьбу купить в Москве зимние ботинки: он, оказывается, бегает там по магазинам, ищет (где были – уже распродали). Попросил его, чтобы специально не искал, не терял время. Подвернутся где-то – другое дело.

Пятница, 17 ноября, утро

Светину корреспонденцию напечатали. Вроде внимательно просматривали последние номера «Кузбасса», но прошёл день, а мы и не знали. Позвонил Мусику нач. упр. культуры и спрашивает: – Мария Ивановна, а почему Вы подписываетесь С. Небогатова? И только после этого мы обнаружили Светин труд. Строк сто.

...Вчера весь день сидел над рецензией на сборник Саулова (Анатолий Саулов, молодой поэт. – *Прим. Н. И.*). Но бывает же так – написал четыре страницы и к вечеру всё забраковал. Не то, не так. Да, прав Д. Бедный, говоря, что писать надо каждый день, чтобы быть в постоянной творческой боеспособности. Вот эту боеспособность я и потерял во время праздничных дней.

Сегодня начну всё снова да ладом.

Вечером

Весь день не выходил из-за стола, работалось хорошо. Рецензией, которую написал, пока доволен (по прошествии времени отношение к сделанному меняется, поэтому говорю «пока»). О многих книгах писал я, но эта, пожалуй, самая подробная, обстоятельная. Тон – деловой, без снисходительности и без лишних восторгов. Общая оценка «Земляники» («Земляника» – название рецензируемого сборника А. Саулова. – *Прим. Н. И.*) – положительная.

Среда, 22 ноября

Рецензию на «Землянику» сегодня опубликовали. Правки, отсебятины – никакой, но сокращения значительные; убраны некоторые положительные и отрицательные примеры (цитаты хороших образов и конкретные указания на подражание известным образцам). Но, в общем и целом, рецензией я доволен, отнеслись к ней довольно бережно. Написал письмо Анатолию, он сейчас живёт и работает в Яшкино.

Пятница, 8 декабря

Витя пишет, что состоялось обсуждение его стихов. Хороших слов было сказано столько же, сколько и плохих. Из его письма я понял вот что: он, пожалуй, сам не подозревает, как на курсах изо дня в день втолковывают ему такое, от чего наоборот надо быть подальше. Арс. Тарковский (Арсений Тарковский – советский поэт. – *Прим. Н. И.*), например, вполне серьёзно доказывал слушателям, что Пушкин ничего нового не открыл (?). Да и ещё много всякого в этом роде говорят там, образуют по-своему. Межиров (Александр Межиров, поэт. – *Прим. Н. И.*) отмечал (как недостаток), что Витя пока выезжает на одном природном даровании, а необходима ещё школа (знания, влияния, прочитанное) и т. д. Всё дело в даровании, и о нём и надо говорить, а не о том, чтобы выезжать на всяких приёмах,

эрудиции и пр. Насколько я понял, никто там по-настоящему не оценил Витю, не порадовался его самобытному таланту. От зависти...

Четверг, 21 декабря

У меня большая неприятность: был вчера у Эли Суворовой, и она сказала, что «эта лавочка», т. е. моё консультирование, закрывается. Троицкий решил, что нет необходимости вести с молодыми авторами какую-то работу. То ли из финансовых соображений, то ли ещё из-за чего-то, не знаю.

Был у меня твёрдый, постоянный заработок – и вот лишился его. Отняли возможность иметь гарантированный кусок хлеба.

Ну, ничего, будет больше времени для работы над своими стихами.

Суббота, 30 декабря

Вчера заходил Витя, уже сутки, как он дома. Сидели, говорили с ним часа три, и ещё могли бы столько же, но позвонила Людмила Анат. (Фёдорова. – *Прим. Н. И.*), попросила написать что-нибудь новогоднее. Я предложил Вите сделать стихотворение вместе, но он сказал, что нет настроения, и пошёл домой, чтобы я всё-таки выполнил заказ.

Оперативно работать я люблю и умею, но на этот раз у меня, как никогда, был жёсткий срок: к пяти часам стих надо было сдать, а было уже около четырёх. И я совершил подвиг – в пять стих уже был перепечатан и отнесён.

Вышло очень хорошо – звонко, свежо. 28 строк. Сегодня, думая об этом стихе, вижу, что было бы хорошо исправить лишь две (нет, три) строчки. Я написал:

*От улыбок – прочь заботы.
Чувство – радугой в груди,
Что любовь, удачи, взлёты,
Всё на свете – впереди!*

А надо бы:

*От улыбок – прочь печали.
Чувство – радугой – в груди:
Всё хорошее – в начале,
Всё большое – впереди!*

Это гораздо лучше. Ну, ничего. В общем-то стих получился неплохой...

1968 г., пятница, 5 января

Вот уже пятый день нового года. Встречали мы его у нас – старики и мы с Мусиком. Телевизор барахлил, но всё-таки посмотрели кое-что из московской программы.

Хорошка ничего не пишет. Некогда, наверно. Сашу на праздник не отпускали: две двойки исправил, но есть ещё одна. Света побывала у него.

Да, Хохлатке пришёл вызов на сессию – на 29 января. Мусик тоже числа 25-го поедет в Ленинград, так что мы с Хорошкой останемся вдвоём.

Стих мой новогодний «Комс. Кузбасса» что-то не дал. Напечатали стихотворение Игоря Киселёва. В «Кузбассе» было Ильи Ляхова. Он таких стихов («ура», «да здравствует») мастер. Набил руку. Пишет всегда именно то, что нужно газете. У меня это реже случается. Что-нибудь да не так.

Понедельник, 8 января

Торбоков прислал свой сборник с автографом – «Струна кай-комуса». Глебова в предисловии, спасибо, упоминает и моё имя, как переводчика. Сборник я ещё не

прочитал, но думаю, что напишу рецензию на него. Включу также в статью для альманаха. Надо уже обдумывать её (сборников в 1967 году вышло много).

Прочитал в двух номерах «Нового мира» книгу (прозаическую) Расула Гамзатова «Мой Дагестан» в переводе В. Солоухина. Гениальный человек, этот Расул! Всю мудрость своего народа впитал он в себя, сконцентрировал, обобщил и теперь дарит людям.

«Комс. Кузбасса» напечатал стихотворение Пискаева «Песни». Я рад. Удалось мне всё же заинтересовать редакцию стихами этого простого рабочего парня.

Сегодня ночью должен приехать Хорошка. Грише сегодня исполняется 56 лет. Послал ему поздравительную открытку. Хотел было сам побывать у него, отметить это дело, но раздумал – придётся опять выпивать.

Вторник, 9 января

Вчера в полдень позвонил мне Гриша – попросил помочь в переезде на другую квартиру. Я сразу же собрался и пошёл к нему в управление. Пока я был в пути, с получением новой квартиры произошла какая-то заминка. После обеда начальство должно было решить этот вопрос окончательно. Мы покурили, и я вернулся домой. Договорились, что Гриша позвонит мне, если вопрос решится положительно. Но звонка его не было до самого вечера. Я сам позвонил – и его сослуживец Василий Фёдорович сказал, что Гриша ещё в полпятого (час назад) уехал на машине грузить вещи. Мне не позвонил потому, что очень спешил, да и грузчиков ему дали.

Новая квартира – в только что сданном в эксплуатацию доме. Странное совпадение: как раз там, где Гриша с Марусей жили несколько лет назад. Их домик – прямо под окнами. Адрес я почти не знал (кроме номера квартиры), но сразу же нашёл их. Это на Пролетарской, у швейной фабрики. Новосёлы очень удивились и обрадовались, когда часов в девять я постучался к ним.

Квартира однокомнатная, как у Раи (Ираида, сестра Небогатова. – *Прим. Н. И.*). Ванна опять вместе с туалетом. Печка будет тоже электрическая, как на телецентре.

Старики очень довольны, что у них теперь отдельная секция. Маруся, правда, говорит, мол, лучше бы две комнаты, но Гриша считает, что две – ни к чему. Я тоже так думаю. Преимущества нового места жительства большие: почти в центре города, всё под боком. Не надо (это самое главное) трепать нервы на ежедневные поездки в трамвае и автобусе (в часы пик давка – ужасная). До места работы Грише минут двадцать ходьбы (я вчера быстрым шагом дошёл за 15 минут).

Сегодня рано утром (в 5 ч.) приехал Хорошка. Трамвай ещё не работал, добирался Вова с друзьями пешком.

Впечатлений у него много. Москва из-за толчеи не понравилась. Красная площадь, говорит, разочаровала – меньше нашей площади Советов. Что особенно поразило его, так это Исаакиевский собор в Ленинграде. Видел много иностранцев. Запомнилась американка (или француженка): сидит, шикарная такая, в шикарном блестящем автомобиле, шуба небрежно распахнута, в зубах сигарета.

Рига ничем не удивила, кроме того, что улицы там – как переулки. Понравился ГУМ, его коридоры – что бывшие улицы под одной крышей. В Ленинграде видел Райкина (Аркадия Исааковича. – *Прим. Н. И.*) – он стоял с кем-то, беседовал.

Новый год отмечали в вагоне-ресторане. В общем, поездкой Вова доволен. Поглядел на белый свет.

Пятница, 19 января

13-го, в субботу, я был у Гриши. Сидим за столом, вдруг знакомый (дробный) стук в дверь. Я сразу же узнал, кто это, говорю: Саша! Открывает Маруся – действительно он. Забежал по пути. Старики, конечно, обрадовались не меньше меня, усадили его за стол, стали потчевать. Саша навернул тарелку щей, выпил чаю. Договорились, что наутро он позвонит, сообщит, отпустят ли его домой на именины.

Звонка не было весь день, а вечером, часов в 5, именинник пришёл сам. И не один, а с зам. комвзвода. Крепкий, рослый парень, уже отслуживший в армии. Звать Павел Ильин. Саша весь вечер был невесёлый, как в воду опущенный. Дело в том, что с Ильиным у них бесконечные стычки, оба почему-то невзлюбили друг друга. В последние дни тот что-то подобрел, и вот даже напросился в гости. А нам с Мусиком кажется, что это не совсем так, наверно, Ильина послал командир взвода или роты – не доверяют Саше, дисциплина-то у него хромает. Саше такая «опека» пришлась явно не по душе. А Ильин – парень вроде ничего. Серьёзный, аккуратный, да и не солдафон как будто.

Угощали мы их только обедом – без выпивки. Ни к чему это. Не отпуск же, а кратковременное увольнение. В начале десятого наши гостенёчки распрощались с нами, ушли.

Ох, Саша, Саша! Никак он не может смириться с армейской «неволей». А что поделаешь – надо...

«Лавочку» с консультированием молодых решили, видимо, не закрывать. Эля (Эвелина Суворова. – *Прим. Н. И.*) продолжает давать мне письма. Ответы я делаю сейчас сразу же – на два, на три письма отвечу и отнесу. Так, пожалуй, лучше – меньше обид у авторов на длительное молчание редакции. Вчера вот отнёс очередную стопку – 10 консультаций, и взял опять штук 6.

Позавчера позвонил Женя (Буравлёв. – *Прим. Н. И.*), чтобы узнать, не смогу ли я выступить перед учителями. Я откровенно сказал, что есть работа и не хочется отрываться. Он не обиделся. Потом заговорили что-то о деньгах, и он сказал, что я могу получить в СП (Союзе писателей. – *Прим. Н. И.*) «традиционную» материальную помощь на санаторную путёвку – рублей 100. После обеда я отнёс рецензию на стихи Пискаева и заодно – заявление. Вера Антоновна сама начала об этом разговор (Женя ещё накануне просил её узнать, нужны ли мне деньги), и всё мы быстро оформили.

Вскоре пришёл на работу Олег (Павловский. – *Прим. Н. И.*), за ним Женя, заглянул Витя. С полчаса поболтали.

Ещё новость: Саша Волошин тоже сам, добровольно лёг в больницу лечиться от алкоголя. По словам Зины (Зинаиды Ивановны, жены Волошина. – *Прим. Н. И.*), он стал уже чумной от водки, чёртиков видит.

Запивается также Игорь Киселёв. И что за напасть на нашего брата-литератора?..

Приобрёл я по подсказке Вани Балибалова большую ценность – девятитомник Бунина. Со вступительной статьёй Твардовского (на 4-х страницах). Читаю – наслаждаюсь.

Вчера получил от Максима Гавр. Щербакова соц. заказ – написать (строк 40 – 45) для первой страницы стихотворение о 25-лети со дня образования Кемер. области. Очень трудная тема: и пафос тут нужен, и лирика, и лозунги, и какие-то образы. Стих надо отдать уже в понедельник, а у меня на настройку уйдёт не меньше, наверно, дня. Очень важно найти верную интонацию, нужный ритм...

Скоро мы с Хорошкой останемся вдвоём: Мусик уезжает в воскресенье, уже билет взяла, а Света – в четверг. Хохлатка – на 10 дней, Мусик – на 17.

Среда, 24 января

В воскресенье, 21 янв. вечером, проводил Мусика в Ленинград. Сейчас она уже, наверно, доехала. Взяла со сберкнижки 600 р. (больше половины вклада), чтобы поискать в Ленинграде или Москве (в столице она будет дня два) что-нибудь подходящее – пальто зимнее или шубку себе, а также и нам с Вовой демисезонные пальтишки. Деньги спрятала вроде надёжно (пришила к белью). В субботу 27-го надеюсь получить от неё письмо. А завтра вечером уезжает и Света.

Стих для «Кузбасса» (по заказу Макс. Гавр.) (Щербаков Максим Гаврилович – журналист газеты «Кузбасс». – *Прим. Н. И.*) написал ещё в субботу. В понедельник унёс. Макс. Гавр-чу понравился. Сегодня звонил Юра Баландин – просил дописать несколько строк о Кузбассе послевоенном. Я сделал четверостишие.

В субботу уже напечатали в «Комс. Кузб.» мой обзор стихов (о чувстве языка), почти без сокращения.

К пятнице (к 26 янв.) надо написать стих для радио – о 25-летию Кемер. области (и Кемерово как центра) по заказу раб. редакции последних известий Любове Трофимовны Скорик (новая помощница Миши Ялина).

Вчера на имя Мусика пришло письмо из журнала (московского) «Клуб и художественная самодеятельность» и экземпляр её корреспонденции о работе с «трудными подростками» – с просьбой сверить всё и завизировать. Я нашёл у Мусика в ящике стола черновик этой работы, всё сверил и отправил. Напечатать обещают в 8 номере. Журнал двухнедельный, Мусик уже кое-что печатала там.

Смотрели с Витей худож.-документальный фильм «Если дорог тебе твой дом». Сценарий К. Симонова, Евг. Воробьёва, Вас. Ордынского (он же режиссёр). Очень интересный фильм – о начале Отеч. войны и, в основном, об обороне Москвы. Кроме нашей кинохроники использованы ленты, снятые фашистами. Много такого, что ярко воскрешает в памяти знакомое, пережитое. Есть кадры со Сталиным, с Молотовым, не говоря уже о Гитлере.

Пятница, 26 января. Утро

Вчера вечером одиннадцатичасовым московским уехала Светуля. Я хотел доехать с ней до вокзала, но Света сказала: «Не люблю, когда меня провожают» (видимо, тяжело на душе), и у трамвайной остановки мы попрощались. В трамвай вместе с ней села и Люда (Людмила Ивановна, сестра Марии Ивановны Небогатовой. – *Прим. Н. И.*) (с ней Свете интересней, чем со мной). Мы с Мусиком договаривались дать Свете с собой 45 рублей, но я добавил ещё пятёрочку, наказал хорошо питаться.

Стих в «Кузбассе» дали, на первой полосе. Выкинули одну строфу (может быть, так и следовало – строфа слишком личная). Не обошлось без поправок. У меня было: «Смирно фрицы пленные брели», сделали: «Фрицы присмирившие брели». Это даже лучше. Но другая поправка – совершенно безграмотная: вместо «Наш Леонов поднял аж до звёзд» написали «Наш Леонов приподнял до звёзд». Читатель вправе будет упрекнуть меня в незнании русского языка, да и в плохом чутье к нему. Во-первых, ударение в слове «приподнял» должно стоять не на «я», а на «о», во-вторых, приподнять – значит поднять слегка, невысоко. Слегка ...до звёзд. Чепуха получается. Очень досадно.

Из «Сиб. огней» получил письмо от Романова (Романов Александр Иванович, поэт, сотрудник редакции журнала. – *Прим. Н. И.*). Пишет, что стихи мои передал

членам редколлегии, о решении их сообщит дней через двадцать. Прислал Романов и обещанный свой, только что вышедший сборник стихов «Никто не заменит тебя» (с автографом). Стихи очень понравились мне – простые, умные, очень русские. Заходил Витя, прочитал и тоже восхитился.

Понедельник, 29 января

Мусик прислала телеграмму: «Жива-здорова очень занята напишу целую мама».

Да, она, наверно, сама не ожидала, что годовичные курсы, на которые она поступила, как говорит Торбоков, «не фунт с изюмом». Учёба на курсах, видимо, потребует больших усилий, много времени. Но все контрольные, которые она писала, зачтены, и вызов на сессию ей пришёл с хорошей формулировкой, как «успешно выполняющей программу». Свои контрольные – это понятно, но Мусик делала их и для своей начальницы, тётки – Марии Ивановны Тарасовой (конечно, не из подхалимажа, а по душевной доброте), но та, даже имея две написанных за неё работы, не удосужилась (или не сумела) написать одну – и в результате не получила вызова на сессию.

И ещё радостное событие сегодня: прислала письмо Светуля. Я даже не надеялся получить его так быстро. Только приехала – и написала. Молодчина. Обязательный человек, как говорят о таких людях.

Пишет, что устроилась пока (очень ещё ненадёжно) в общежитии, где страшный холод. Спят девушки в верхней одежде, чуть ли не в пальто. Наказал ей беречься от простуды, достаточно чуть-чуть простыть.

Вчера Хорошка ездил к Саше. Отвёз ему шоколадку и пачку сигарет. Настроение у «тятя бабаки» («Тятя бабака тотой» – Саша Небогатов золотой – так Саша называл себя в детстве. – *Прим. Н. И.*) ничего, но «двойки» он всё ещё не исправил. Никак не даётся ему электротехника.

Сегодня в обед заходил Гриша. Он замерзает и дома, и на работе. Угостил его горячим борщом и кофе. Погрелся, покурил и ушёл – опять дрожать от холода. Был папаша (отец Марии Ивановны, Иван Андриянович Комиссаров. – *Прим. Н. И.*), но посидел недолго, заспешил домой (заходил по пути, из банка).

В обед мы с Хорошкой сообразили пельмешки. ...Вова ушёл играть в баскетбол. Я остался один, позвонил Грише, попросил его прийти. Он обещал минут через тридцать. После звонка к нему я и сел вот за стол написать всё это. Скоро он должен прийти.

Пятница, 2 февраля

Я уже начинаю беспокоиться: почему Мусик ничего не сообщает о себе? Не случилось ли чего? Света ведь тоже очень занята, а прислала уже два письма. Сегодня, второго февраля, у неё экзамен, а потом будут зачёты. Хоть бы сдала Хохлатка.

Вчера мы с Мусиком были именинники: по радио передали её корреспонденцию о Дворце культуры Томь-Усинской ГРЭС, а в «Кузбассе» напечатали моё стихотворение «Бесснежная зима». Хорошая вещь, очень мне нравится – образная, лиричная.

Последнее время ведём активную переписку с Пискаевым (Николай Пискаев – начинающий поэт из Белово. – *Прим. Н. И.*). Он начинает работать всё плодотворней, успешней. С большим удовольствием помогаю ему – делаю на рукописях всякие замечания, поправки, даже варианты строк.

Заходит ко мне Витя. За каникулы он не написал ни одного стихотворения, отдыхает. Стихи его вышли на всесоюзную арену: в январском номере «Октября» напечатана подборка. Четыре стихотворения помещены в 12 номере «Сиб. огней». Я рад за него.

Сашенька сейчас на полигоне. Перед этим звонил, просил, чтобы приехал к нему Хорошка – привёз сигарет, перчатки. Вова в тот же день побывал у него (захватив с собой и любимое кушанье Саши – колбаску).

Пишу эти дни консультации. Договорился с Нелли Николаевной о передаче фронтовых стихов – где-то перед пятидесятилетием Сов. Армии – перед 20 февраля.

Воскресенье, 4 февраля

Мусик наконец-то разрешила наши догадки и сомнения: прислала телеграмму: «Выезжаю четвёртого из Москвы встречайте целую мама».

В справочной вокзала я узнал, что этот поезд придёт 7-го в 10 ч. утра. Обязательно, конечно, встречу её.

Светуля всё время держит в курсе своих дел. Сегодня пришло от неё письмо, в котором делится с нами радостью – сдала экзамен по ант. литературе. На «хорошо». Молодчина. После полудня я ответил ей. А вечером, в восьмом часу, когда принесли телеграмму, написал ещё одно письмо, потому что она, чувствуется, тоже беспокоится, почему мама не прислала ни одного письма – ни нам с Хорошкой, ни ей (хотя обещала).

Суббота, 10 февраля

7-го, в день приезда Мусика, я проснулся в шесть утра и заснуть уже не мог. В восьмом часу проводил Хорошку в школу, а пятнадцать минут десятого пошёл (ради променажа) пешком на вокзал.

Утро было хорошее – свежее, с морозцем, с чистым снежком. Слегка выюжило. Пришёл на вокзал рано, с полчаса гулял по платформе.

Вот и поезд показался. Я был на дальнем краю платформы, и Мусик, когда мимо проходил поезд, не заметила меня – смотрела вперёд, по его ходу. Я успел заметить: десятый вагон. Быстро подбежал, и вот она выходит – весёленькая, в новом зимнем пальто (бирюзового цвета) со всякой поклажей.

Домой тоже шли пешком.

Курсы она сдала на «хорошо», получила диплом. Купила кое-что: пальто (себе, мне и Воле – нам демисезонные), Воле также плащ, кофточки – себе, Свете и Люде, сумку, чемодан и пр. Потратилась здорово – 650 р.

Не писала, говорит, из-за недостатка времени: много занималась, были лекции.

Посмотрела кое-какие ленинградские достопримечательности. Особенно понравился Исаакиевский собор.

Среда, 21 февраля

Обзор мой в «Комс. Кузбасса» что-то не дают (уже две субботы прошло). Не уверен, пойдут ли стихи и у Нелли Николаевны. Они показались ей облегчёнными. Ничего удивительного – это стихи военных лет, написанные в 1941 – 44 годах. Я немного подшлифовал их, сопроводил стихотворной вводкой и предложил как подборку под названием «Стихи военных лет». Я понимаю: Нелли Ник. «облегчённой» кажется дневниковость, непосредственность. Непривычно, например, читать о том, как чувствует себя молодой солдат (мальчишка, в сущности) под бомбёжкой; неуместным в стихах такого рода может показаться разговор о том, как страшно на войне, как стережёт там на каждом шагу смерть. Всё это – сама война, но писать привыкли о другом – о мужестве, о подвигах и т. д. Не

дневники нужны, считает кто-то, а громкие фразы, вроде известного шаблона: гром победы раздавайся!

Ни из радио, ни из газет соц. заказов к юбилею Сов. Армии мне не было. Отнёс сам в «Кузбасс» стихотв. «Фронтовая дружба», так, на всякий случай. Напечатают – хорошо, а нет – горевать не буду...

Понедельник, 11 марта, полдень

Витя прислал большой отрывок из рассказа. Сегодня я написал большое письмо ему. Общее впечатление – очень хорошее. Сочный народный язык. Поэтично. С юмором. Есть запоминающиеся сценки. Но материал – для повести. Рассказ должен быть сосредоточен на двух – трёх персонажах, а здесь их – добрый десяток.

Высказал и замечание насчёт того, что не везде он показывает, а просто рассказывает. Художественные подробности нужны во всех сценах.

Задумал Витя новый рассказ, замысел которого я полностью одобрил: чистая, целомудренная любовь паренька сталкивается с «опытностью» старшего брата, побывавшего, пожившего в городе, и рушатся многие мечты, надежды и понятия этого паренька. Город и деревня, грязь и чистота в отношении к женщине. Всё должно быть построено на психологических нюансах. Думаю, что Витя справится с задачей.

«Кузбасс» 8-го марта вышел без стихов. Как я и предполагал, Женя, видимо, наложил лапу на мои, отобранные Юрой, два стихотворения (однажды он, как секретарь, настоял, чтобы не напечатали одну статью Волошина). Все его выходы такого рода – от властолюбия, от зависти.

26 марта (о задумке написать оперетту в содружестве с композитором Кудриным) (Кудрин Николай Михайлович. – *Примечание Н. И.*)

...пошёл в филармонию. Кудрин был один, никто не мешал нам. Проиграл мне мелодию «Шахтёрской матери». Я был тронут и восхищён, о чём и сказал ему. Мелодия очень душевная, с грустинкой, органично сливается с текстом. А текст Кудрину нравится очень. Он говорит: «Удивляюсь, как другие (композиторы, т. е.) прощляпили такое стихотворение. Вам за него памятник надо поставить». И ещё заметил он, что душевных стихов никто не пишет, нечего взять для песен. Заказал он мне шуточную шахтёрскую, дал «рыбу» для готовой мелодии (о солдате). Буду делать то и другое.

Между прочим, предложил он мне написать оперетту. И вот я уже второй день всерьёз подумываю об этом. А что? Не боги горшки лепят. Тем более что мысли насчёт того, о чём должна быть оперетта, у нас совпали; я сказал, что если и писать, то о селе, и Кудрин подхватил: да, конечно, о селе, только чтобы и кто-то из шахтёров участвовал, живём-то в Кузбассе...

У меня уже начал вырисовываться, вернее, намечаться сюжет. Зажёг меня Кудрин этой идеей!

Мусик принесла вчера с совещания номер газеты «Культура Кузбасса» (специальный выпуск), там мой экспромт о работниках культуры (восемь строк), который я сделал по заказу нач. упр. культуры Курочкина...

Сейчас одиннадцатый час утра, только что звонил Нелли Николаевне насчёт стихов. Стихи, говорит, хорошие, а о передаче сказала как-то неопределённо: пойдут, наверно, 30-го в весенней передаче (договаривались мы на 28-е). Похоже, что отношение ко мне в радиокомитете что-то меняется – в худшую сторону. Очень

жаль, это – единственный источник моего заработка. Газеты почти ничего не печатают.

Среда, 27 марта

Приходил вчера Витя, сидели с ним часа три – четыре. Разговор шёл в основном на литературные темы. Вспомнили что-то Женю, и Витя, обычно сдержанный в своих оценках, мнениях, суждениях, на этот раз удивил меня прямоотой своего взгляда: Женя, говорит, сейчас держится только на авторитете секретаря, а как поэт он ничего не значит, потому что давно уже не пишет...

Четверг, 25 апреля. Полдень

В понедельник Мусик уехала в командировку в Прокопьевск. Обещала вернуться в пятницу, т. е. завтра, утром, но вчера звонила и сказала, что в полдень сегодня выедет и к вечеру будет дома.

Саша оформляет документы по устройству на работу на «Кузбассэлектромотор», где работал до училища: в армию его возьмут лишь где-то через месяц, а то и два. Гайморит у него что-то не залечивается, врач говорит, что, наверно, придётся делать операцию.

В дни работы творческого семинара были у меня гости – Николай Пискаев и Пётр Шмаков. Творчество Пискаева получило хорошую оценку, решено рекомендовать изд-ву его сборник (в кассете). У Шмакова дела хуже – Саша Волошин остроумно сказал о нём, что, мол, «он долго засиделся в девках».

Позавчера когда мы втроём сидели за столом, зашёл Витя. Мне показалось, что он начал вроде бы зазнаваться. Я не смог скрыть этого настроения, и в наших отношениях почувствовался какой-то холодок. На какое-то моё замечание он ответил тоже не очень любезно, и расстались мы не как обычно.

А вечером в тот же день я решил объясниться с ним откровенно и пошёл к нему. Оказалось, причиной недоразумения было вот что: я обиделся, что приехав в Кемерово, он не удосужился побывать у меня почти целую неделю, а Витя в свою очередь был обижен, что в прошлый приезд я не заходил к нему (бывал у меня только он, и это ему казалось навязыванием своей дружбы). В общем, всё разъяснилось.

Вчера днём он принёс мне «Новый мир» с записками Пастернака и поговорили мы с ним по-старому – душевно, очень дружески. Поскольку он договорился, что будет редактором будущего сборника Пискаева (не зная, что и я выражал своё желание на это), я посоветовал ему настоять на издании самостоятельной книжки, а не кассетной вкладки.

Рассказ он дописал (заголовок поэтичный – «Август»), и он принят в альманах. У Вити много интересных наблюдений над стихами классиков (сложное в простой форме), и я от души пожелал ему поработать над статьёй литературоведческого характера.

В Кемерово он будет числа до 7-го мая.

Впечатление о Пискаеве у меня такое: хороший, простой рабочий парень, толковый, ищущий. Но учиться ему надо много, знаний у него, чувствуется, недостаточно для того, чтобы заниматься литературой профессионально.

От В. Афанасьева из «Лит. России» пришло письмо. Сообщает, что к «Бесснежной зиме» он прибавил ещё два стихотворения – «В городском саду» и «Как за шторкой». Маловато, конечно, из двух десятков стихотворений, но я и этим был бы доволен, если бы они появились на страницах еженедельника. Будет показывать три этих стихотворения «вышестоящим». Особенно не обнадёживает,

потому что стихов в портфеле хоть отбавляй, но будем, говорит, надеяться. Я-то не очень надеюсь.

Вчера был «футбольный день» – две спортивных передачи по телевидению. Наша команда «Кузбасс» принимала гостей из Томска и выиграла со счётом 4:2. Нынешний сезон наши кузбасские футболисты начали значительно успешней. Есть уже победы, а в прошлом году они, по выражению одного спортивного комментатора, упорно удерживали последнее место в таблице розыгрыша.

Попозже Москва показывала товарищескую встречу сборной СССР и Бельгии. Техническое преимущество было в этой встрече на стороне бельгийцев. Наши играли очень слабо, не организованно (только Стрельцов, как всегда, был на высоте). (Эдуард Анатольевич Стрельцов, нападающий московской команды «Торпедо» и сборной СССР по футболу. – *Прим. Н. И.*). Казалось, матч так и закончится нулевым счётом, но буквально на последней минуте Сабо пробил штрафной (недалеко от ворот), и это всё решило – 1:0. Надо было видеть, как сокрушался бельгийский вратарь, жестами адресуя своё возмущение товарищам, которые допустили этот штрафной удар.

4-го мая наша сборная будет играть с сильным противником – с венграми. Это будет уже не товарищеский матч, а на кубок Европы.

Пятница, 26 апреля

Мусик приехала на такси вчера после полудня, часа в четыре. Всё что намечала, сделала.

Сегодня с утра собрался я было писать рупорные стихи для первомайской передачи по радио (договорённость есть), но позвонила Людмила Анатольевна (Фёдорова, журналистка «Комсомольца Кузбасса». – *Прим. Н. И.*), сделала заказ. Они задумали конкурс на стихотворение о мае – лирическое или шуточное; условие – 16 строчек, и чтобы последняя строчка кончалась так: «майскими короткими ночами» (это начало известной песни). Я сразу же решил, что это должна быть пародия, и занялся поисками стихов (у меня хранятся сотни газетных вырезок). Нашёл кое-что подходящее только часа через три, а пародию написал, наверно, за час. Обыграл строчки поэта Николая Перовского «весной... глотаю небо, пропахшее синевой». Пародию так и назвал «Небо всухомятку». Смущает немного то, что автор – человек трудной судьбы, бывший беспризорник. Нехорошо, пожалуй, высмеивать его воспоминания (по его словам, всё это ему снится) о голодном детстве. Но, чтобы пародия не звучала кошунственно, я опустил в строчках Перовского воспоминание: «беспризорный» и акцентировал всё на нелепом выражении «глотаю небо». Обыгрывание этого «глотаю» получилось у меня довольно остроумным, смешным.

На стихи для радио осталось всего два дня. Не много, конечно, успею сделать за это время. Но стихов десять (небольших) всё-таки постараюсь написать.

Вторник, 30 апреля. Утро

Поработал крепко – написал, как и было намечено, десять стихотворений, 245 строк. Отнёс вчера Сердитову Анатолию Кирилловичу. Что пройдёт – трудно сказать. С полчаса посидели у Вани Сокола. Говорили о том, как тяжело писать после беспокойного, суетного дня. Одну детскую книжку в прозе он издал, в изд-ве лежит вторая. Есть замысел и третьей, но её приходится создавать урывками. Невольно вспомнишь писателей-дворян, которые не думали о куске хлеба и имели возможность творить по-настоящему.

Отнёс Фёдоровой пародию, которая ей понравилась.

Света вчера ходила на творческий вечер по приглашению одной из её учительниц – Михалины Васильевны. У них в школе была очень большая взаимная симпатия.

Саша был на военной комиссии, осмотрели его и попросили принести от лечащего врача справку о состоянии гайморита. Справку он уже взял, и по ней, вероятно, будет ему отсрочка от призыва на период лечения. Ту группу призывников, в которой он числился в военкомате, отправляют уже на днях – 5-го мая.

Мусик вчера видела Витю (шёл в издательство), ко мне не заглянул. Что-то теряет интерес ко мне, видать. Ну, что ж, силой милому не быть.

Вечером

Часа в два звонили из телестудии, говорила Нелли Павловна Ермакова (это редакция молодёжных передач).

– У Вас есть замечательное стихотворение о шахтёре, оно было в сборнике. Нам хотелось бы иметь его в завтрашней передаче.

Я догадался, что она имеет в виду стихотворение, которым открывается «Лирика». Так и оказалось. Продиктовал его. Потом Н. П. спросила, нет ли у меня первомайских стихов, я сказал, что были, но отдал их радиокомитету, на что она обидчиво заметила: а о нас забыли. Я говорю: так уж случилось, что не хватило времени. И снова упрёк: всегда, мол, у вас (у поэтов) вот так, времени не хватает. И тут же высказала пожелание: хорошо бы, дескать, было, если бы часов до четырёх написал небольшое стихотворение для открытия праздничной передачи. Я охотно согласился это сделать, и вскоре продиктовал по телефону только что написанное стихотворение (24 строчки).

Да, сплеховал я, не выбрав времени на стихи для телевидения. Можно было хорошо заработать. Денег у нас как раз в обрез. За месяц истратили уйму, хотя ничего существенного не приобрели. До следующей получки ещё полмесяца, а в кошельке – дня на четыре. Придётся, видно, брать со сберкнижки, на которой уже (от сборника, вернее – от аванса за него) мизерная сумма.

Вторник, 7 мая

Майский праздник нынче был целых четыре дня (в связи с пятидневной рабочей неделей и близким выходным).

Саша из-за гайморита получил на год отсрочку от призыва. Ходит на лечение. Договорились, что будет поступать в педагогический институт на факультет иняза. Денег у нас мало (пришлось даже брать с книжки), поэтому третьего и четвёртого мая я работал – отвечал на рукописи (для «Кузбасса»). Вчера написал стихотворение ко Дню Победы, отнёс в «Комс. Кузбасса». Получил там заказ на обзор стихов, сам редактор Рудольф Теплицкий попросил об этом. Я заходил сегодня к нему поздравить его с назначением на этот пост. Встретились по-старому, как в бытность его секретарём. По-моему, он ничуть не возноится, простой, не важничает.

С утра писал (вернее, сразу печатал на машинке) обзор. Четыре страницы готовы, осталось ещё не больше двух. Имею несколько заказов – из радио на стихи о Кемерово (к 50-летию его), из телевидения – для передачи о детях, о весне.

Первомайские рупорные стихи мои прошли почти все (по радио). По телевидению – не знаю, не слышал (с опозданием включил телевизор).

Стихотворение «Небо всухомятку» «Комс. Кузбасса» напечатал. В конкурсе приняли <участие> всего трое авторов – я, Мазаев (с рассказом) и Махалов. Последний даже в ритм строчки «майскими короткими ночами» не сумел (или не

захотел) уложиться, эта строчка по размеру выглядит чужеродной. Мне кажется, никаких итогов конкурса подводить не будут – материала мало.

Передавал Юре Баландину стих ко Дню Победы. Он, Юра, не очень одобрительно отозвался. Не проблема, дескать, мой поэтический призыв к фронтовикам – носите ордена, не скромничайте, вы их заслужили (кое-кто и при мнимых заслугах с гордостью, чуть ли не со спесью, украшает свою грудь наградами). Ну, не пройдёт, и не надо, не сильно огорчусь, этот стих не ахти какой крепкий. Написанное вчера («Вечный огонь») – вещь, мне кажется, по-настоящему поэтичная, и главное – в моём ключе: жизнь и природа.

Четвёртого мая смотрел по телевидению матч из Будапешта. Венгры играли значительно лучше, спокойней и красивей. Наши грубили (были раз 15 оштрафованы), все попытки Стрельцова организовать атаки заканчивались на дальних подступах к воротам из-за того, что к Стрельцову были буквально привязаны то двое, то трое защитников, которые надёжно обезопасили от этого прославленного бомбардира свои ворота. Если взять наших игроков каждого в отдельности, многие из них – большие мастера (Численко, Банишевский, капитан сборной Шестернёв), но сыгранности у них нет, полнейшая анархия и в нападении, и в защите. Результат игры – 2:0 в пользу венгров. Я очень переживал, даже таблетку от головной боли пришлось принять.

Следующая встреча – 9 мая в Москве. Очень хочется, чтобы наши победили, но... Мне думается, что тренер сборной Якушин выведет нашу команду в другом составе. Стрельцову, например, нужны напарники такого же высокого класса, как он сам (скажем, Гершкович)...

Моё предположение насчёт того, что Витя, кажется, потерял ко мне интерес, немного подзазнался – наверно, правильное. Ко мне он не заходит, хотя Мусик два раза видела его поблизости – один раз шёл он в Союз, другой – в издательство. В Москву собирался он улететь 7-го мая, т. е. сегодня.

Суббота, 11 мая

Опять три дня нерабочих. Девятого я утром заглянул к Вите. Поговорили с часик, потом пошёл я к Грише, договорившись, что днём Витя побывает у меня. Он приходил, но меня не застал – я засиделся у Гриши, ему было скучно одному (Маруся сейчас опять работает). К вечеру пришла к нам Мусик, и домой мы вернулись вместе, уже в одиннадцатом часу, как раз к матчу ЦСКА – «Динамо» (Москва). Победили армейцы (2:1), но обе команды играли отлично, мастерски, смотреть одно удовольствие. Вот если бы и в сборной была такая сыгранность! Сегодня ей опять предстоит играть с венграми. По-моему, наши опять проиграют. Во всяком случае, победить смогут едва ли, для этого им надо забить целых три гола. Задача труднейшая. Саша вспомнил счёт, с каким венгры обыграли пятикратных чемпионов мира бразильцев: 6:1. Бразильцы тогда по всей стране объявляли траур. Вот с каким грозным соперником будут сегодня сражаться наши ребята.

«Вечный огонь» «Комс. Кузбасса» напечатал. Ещё перечитал его – стихотворение очень удачное. Даже Витя сказал: «Хорошо!» А он на похвалы очень скуп. Улетел в Москву он вчера вечером, попрощались по телефону (он звонил из автомата). Поговорили очень дружески, взаимно попросив друг друга считать недоразумением появившийся было между нами холодок.

Сейчас ещё утро. До вечера я должен написать стихотворение для Генкиной (Генкина Валентина Петровна, журналистка. – Прим. Н. И.).

Обзор стихов написал за день, в сегодняшнем номере его пока не дали, но вообще-то он должен Рудольфу (Теплицкому. – *Прим. Н. И.*) понравиться.

«Кузбасс» в праздничном номере напечатал стихотворение какого-то Е. Михайлова (по-моему, псевдоним). Неплохая публицистика.

Воскресенье, 12 мая

Сегодня у всех рабочий день (кроме школьников), и я тоже за столом. Стихотворение для Генкиной вчера написал, Мусик продиктовала ей по телефону (у меня ни с того, ни с сего разразился страшный кашель и отнялся голос, говорю почти шёпотом).

Сегодня с утра звонил Вена Власов (Власов Вениамин Дмитриевич, фронтовик, член Союза писателей, журналист – газетчик и телевизионщик. Как Небогатов стоял у истоков писательской организации, так Власов стоял у истоков кузбасского телевидения. – *Прим. Н. И.*) выразил желание, чтобы я в этом месяце выступил по телевидению с лирикой. И поговорить нам не пришлось. Всё же договорились, что я подготовлю стихотворений десять, и как только «прорежется» голос, позвоню ему. Стихов новых у меня почти нет, надо в срочном порядке (но не торопясь!) писать.

Игру с венграми мы с Сашей смотрели. На этот раз наши футболисты показали высший класс, замечательное мастерство! Играли напористо, самоотверженно, с большим азартом и волей к победе. Счёт 3:0 в нашу пользу. Голы забили Банишевский (вернее, сам венгерский защитник с его подачи), Хурцилава и Бышовец. Игра проходила в непрерывных атаках хозяев поля. Стрельцов не участвовал и, наверно, к лучшему, потому что играли очень подвижно все без исключения, а он для бега уже тяжеловат. Теперь, выйдя в полуфинал, наши ребята будут продолжать борьбу. Очередная их встреча – 5-го июня с итальянцами...

Сегодня Саша выходит на работу во вторую смену – с 4-х часов. Вова с друзьями уехал за колбой на Барзас. Боюсь, не простудился бы: вообще-то, погода тёплая, но перед вечером была сильная гроза.

Вторник, 14 мая

Вчера весь день работал: написал десять консультаций, а сегодня день, считай, прошёл впустую. Искал листок со стихотворением – пейзажную вещицу, сделанную с натуры, вид на правый берег. Перерыл все бумаги – не нашёл. Такая досада! Этот стих очень пригодился бы для передачи по радио в день кемеровского юбилея, к которому мне заказали стихи. Зло берёт на себя из-за того, что как-то не успеваю я делать всё, что надо. А дел в эти дни – уйма: надо подготовить стихи для телевидения (штук десять), надо засесть за статью для альманаха (в третий номер уже опоздал, договорился с Олегом насчёт четвертого) (Олег Павловский, писатель, редактор альманаха «Огни Кузбасса. – *Прим. Н. И.*), да и консультации не хочется откладывать (Вова принёс ещё восемь писем со стихами).

Была телеграмма от Коли (брата Марии Ивановны. – *Прим. Н. И.*), завтра утром он приедет. Но отмечать встречу выпивкой я, наверно, воздержусь – некогда. Буду писать о Кемерово.

Вчера смотрел снова футбольный матч, наш «Кузбасс» выиграл у хабаровских армейцев 1:0. Мяч забил в свои ворота защитник. В нынешнем сезоне наши земляки выступают более удачно (сейчас на 15-м месте, всего в таблице – 21 место). Хабаровчане – лидеры в этой группе, и вот оказались побеждёнными. А вообще-то игра проходила неинтересно, сумбурно, до мастеров и тем и другим далековато, хотя официальное звание «Мастер спорта» имеют многие, даже среди наших.

Суббота, 18 мая

Для радио написал три стихотворения (128 строк). Любви Трофимовне Скорик они понравились. Завтра должны быть переданы.

«Кузбассу» к юбилею Кемерово предлагал репортаж об улицах, названных именами славных горожан (четыре стихотворения), одно вчера напечатали – «Имени Рукавишникова». В конкурсе на лучшую песню о Кемерово мы с Игнатьевым заняли третье место.

Звонил в «Комс. Кузбасса». Девушка, которой Саша передавал мой обзор стихов, сказала, что Фёдорова осталась им довольна; не понимаю, почему его не печатают.

Вчера весь день перепечатывал свои и торбоковские стихи для «Дня поэзии», который в этом году решили издать у нас. Приготовил по семь стихотворений (для отбора), каждый автор будет представлен двумя – тремя стихотворениями. Редактором назначил Женя Махалова.

Коля приехал, встречали его Вова и Саша. Под вечер и мы с Мусиком сходили повидаться с ним.

Саша всю эту неделю работает в ночную смену. Утомительно. Даже немного похудел, потому что и со сном, и с едой полное нарушение нормального режима.

Вчера наши кузбасские футболисты играли с читинскими армейцами и проиграли – 0:1. По телевидению матч, к сожалению, не показывали.

Сейчас 10 часов утра. Буду сегодня писать консультации.

Вторник, 21 мая. Утро

В субботу вечером Мусик пошла в одну из столовых договориться насчёт нормального обслуживания участников художественной самодеятельности (представителей профсоюзов), приезжающих утром в Кемерово, и часа через два вернулась... с Юрой Баландиным. Он, оказывается, условился с Шутовым о встрече, они разминулись, и вот Юра оказался у меня в гостях. Был он под сильным хмельком, но гость-то дорогой, и мы тут же снарядили Сашу и Свету за выпивкой. На улице их встретил Шутов, узнал, что Юра у нас, и – к нам. Пришлось взять вино и пойти к Шутовым. Говорили о поэзии. Юра, оказывается, большой любитель петь, у него приятный баритон. Слушать приятно, но утомительно – поёт без передышки. Через часик он ушёл подписывать газету в свет, и мы тоже ушли домой. Вернувшись, он снова заглянул к нам, но было уже позднее время, и мы не смогли составить компанию. Как узнал я утром, пел он до 4-х часов.

Между прочим, стих о Рукавишникове прошёл по его инициативе, как я и предполагал. Принёс, говорит, мне Кузнецов твой репортаж, мнение: всё слабо, я просмотрел, увидел этот стих, обвёл его красным карандашом и сказал: в набор! (У меня же есть власть, добавил он не без пьяной гордости). И ещё раз (он уже говорил об этом) Юра мне посоветовал быть более уважительным к своему имени, не давать в печать то, что слабовато. Когда говорили о Есенине, я заметил, что завидую ему по-хорошему, Юра на это горячо заметил: Да ведь и у тебя есть превосходные стихи!

Есть и неприятность: в информации о «Сиб. огнях» в мае моё имя не упоминается. То ли раздумали печатать, то ли перенесли в июньский номер.

Стихи для «Дня поэзии» – и мои, и торбоковские – Вова вчера отнёс в СП (для Махалова).

К статье никак не могу подступить. И со стихами для телевидения дело ещё не подвинулось. Какая-то физическая вялость (думаю, от аминазина; дозу я убавил,

организм начинает отвыкать, и вот даже 100 миллиграммов, которые принимаю на ночь, действуют долго).

Из Иркутска получил экземпляр «Антологии сибирской поэзии» с письмом, подписанным главным редактором изд-ва В. Фридман и редактором Л. Глаголевой. «Хотелось бы не терять с Вами связи и в дальнейшем». Не знаю, это просто вежливая фраза или действительно желание, но вот что подумалось: а не предложить ли им издать в 1969 году мой сборник? Пока ещё не решил, написать об этом или нет.

Понедельник, 27 мая

21-го вечером, часов в 9, Мусик приходит на кухню и говорит: – «Звонил Юречко – умер Анатолий Саулов». Я был просто ошарашен. Тут же позвонил Олегу. Он говорит: – «Не утка ли это?» Но разве такими вещами шутят.

Наутро пошёл на почту (отнести сдачу с денежного перевода, полученного утром), по пути заглянул в парикмахерскую, подстригся. Прихожу домой – Света сразу же: – Звонили Павловский и Юречко, ты очень нужен им.

Позвонил тому и другому – оказывается мне поручение: написать для «Комс. Кузбасса» некролог (все знают, что Анатолий был мой подопечный и мне известно о нём больше, чем другим). Я, конечно, согласился это сделать. В моём распоряжении оставалось около двух часов. Состояние было явно не рабочее. Но усилием воли я заставил себя сесть за машинку, и к назначенному времени некролог был готов (полторы страницы). Назавтра газета дала его (с портретом) за подписью обкома ВЛКСМ, отделения СП и редакции «Комс. Кузбасса». Написалось хорошо – с душой и болью.

Умер Толя скоропостижно. Шёл, говорят, на работу, стало ему что-то плохо (почернел весь), прислонился к забору. Вызвали скорую помощь, но помочь уже ничем не смогли – в больнице он скончался. То ли разрыв сердца, то ли кровоизлияние. Олег говорит, что, наверно, от водки, крепко вроде попивал Саулов. Я, правда, выпившим, видел его лишь однажды – приходили они ко мне с братом Мих. Петровичем занять денег. На другой день Анатолий долг вернул, но даже почему-то (видно, был под большим хмелем) не зашёл в квартиру – Света открыла ему дверь, и он отдал ей.

Очень жаль парня. Его кончина сильно подействовала на меня, причём странным образом: никакая смерть не оставляла у меня впечатления непрочности, бесцельности и ненужности всего, чем живём мы, люди, на земле. Умирает старик – всё вроде бы естественно, а вот тут... просто в уме не укладывается. Двадцать шесть лет было парню, поэзию и жизнь любил он, как никто, писал – особенно в последнее время – талантливо, очень серьёзно и вдумчиво. Всё было впереди. И ничего не будет.

В одном из последних писем он сообщал мне, что закончил вчерне поэму о Кемерово, и новых стихов написал – на целый сборник хватит. Думаю, что издательство почтит его память, издав этот сборник...

Витя прислал письмо, в котором спрашивает – не взялся бы я довести до конца дело с редактированием книжки Пискаева. Пишет, что ему неловко передо мной – вроде влез туда, куда его не просили. Дело, конечно, не в том, что «влез», общего, родственного у них с Николаем много, но раз обстоятельства складываются так, что до середины июля он за рукопись не сможет взяться, а время дорого, я не возражаю сделать доброе дело, тем более что они уже списались и Николай тоже просит об этом. Ответил ему согласием. Однако весьма возможно, что моя кандидатура как редактора не устроит Мазаева. Всё будет зависеть, как решат там, в издательстве.

Насчёт возможности издать сборник я всё-таки в письме иркутянам поинтересовался. Что-то ответят?

Была от Скорик заявка на стих о химиках. Я отыскал уже передававшееся по радио стихотворение, подчистил, обновил его и отнёс.

Погода стоит просто летняя – солнечно, жарко, зелень. Саша вчера ездил с друзьями загорать – и переборщил: обгорел весь (кожа у него нежная, белая), температура была вечером 39,2°. Утром немного спала, пошёл в санчасть, но, как видно, бюллетеня не дали – весь день на работе (сейчас около четырёх часов).

Хорошка вчера же ездил с группой самодеятельных артистов в совхоз «Береговой» (за сорок км от города, ставили там спектакль). У него там роль какого-то приبلатнённого парня с гитарой.

В субботу я поздравил его с последним звонком в школе, откуда они прямо к нам зашли в приподнятом настроении (трое друзей). Десятилетка окончена, теперь – экзамены, а за ними – новые, в институт. Вова хочет поступить в пед (Кемеровский государственный педагогический институт. – *Прим. Н. И.*). Света тоже готовится к сессии, которая будет проходить с 8-го по 25 июня. Надо готовить ей деньги на поездку в Свердловск. Она уже хорошо загорела – на пляже и в поле, во время посадки картофеля (ездили они вдвоём с Мусиком).

Ни за статью, ни за стихи для телевидения я всё ещё не взялся – не могу что-то сосредоточиться: от жары «сельсовет» не работает. Надо хоть вечерами работать, что ли...

У Мусика – рецидив тромбоза: лопнуло два сосудика. Очень меня расстраивает это. Даю себе слово не давать ей ни малейшего повода для волнения, нервотрёпки. Раз она переживает из-за моих (пустяковых вообще-то) выпивок, «завяжу». Знаю, что если к случаю я возьму одну бутылку сухого, волноваться она не будет. Вся беда в том, что не знает русский мужик меры в этом деле. Только начать – а там... Недаром говорят испанцы: пьянство – это добровольное сумасшествие...

Вторник, 28 мая

Сегодня немного сдвинулся с мёртвой точки – написал восемь литконсультаций; отнёс и взял у Эли (её не было) из своей папки ровно столько же рукописей.

Мусик утром на автобусе уехала в командировку – в посёлок Промышленная, пробудет там, наверно, до субботы.

Пришло письмо от Ал. Романова. Сообщает, что запланированные в майский номер стихи перешли в июньский, в восьмом или девятом должны быть опубликованы две пародии – на Махалова и Дм. Смирнова.

Звонил Людм. Анат-не насчёт обзора. Она все эти дни не была на работе и потому не знала, что с обзором. По моей просьбе всё уладила – статья, оказывается, уже набрана и в четверг её напечатают. Хорошо, что я позвонил, а то мой труд пропал бы даром: весь разговор в обзоре построен на весне, на стихах, посвящённых маю, а газета есть газета – через несколько дней печатать это было бы уже не время.

К первому июня, ко Дню защиты детей, предложил Юре свои невыдуманные короткие рассказы о детях, которые подготовил не так давно на материале из записной книжки. Юра сказал, что это кстати.

У Саши от солнечных ожогов даже ноги распухли. Если к завтрашнему дню опухоль не спадёт, надо будет обратиться к врачу. Очень предусмотрительно

сделала Мусик, что сразу же смазала все его обожжённые места (спину, тыловую сторону ног) каким-то кремом. Волдырей будет меньше.

Вторник, 11 июня

7-го июня Света уехала в Свердловск, на сессию. На днях должно быть от неё письмо. Рассказы о детях Юра опубликовал – 14 штук (из 22-х предложенных). Интересные вещички. Был сегодня Гоша Баранов и пошутил по этому поводу: что, мол, по стопам Чуковского пошёл? Он имел в виду книгу «От двух до пяти». Жалею, что мало записывал я оригинальных выражений, которыми была так богата речь моих ребятишек, когда они были маленькие.

Статью всё же начал (печатаю прямо на машинке), сделал уже восемь страниц, всего будет двадцать. Главные вопросы – гражданственность, чувство родины в стихах наших поэтов. Речь веду не только о своих земляках, привлекая разнообразный материал. В общем, высказываю свою точку зрения на поэзию в широком плане.

Вчера смотрел по телевидению передачу, посвящённую памяти Толи Саулова. Молодцы, хорошую передачу подготовили. В ней участвовали Естамонова, Женья, Игорь Киселёв, Валентин Махалов, Юречко, Ласкин, Ляхов, девушка-журналистка из Яшкино. Читали его стихи на фоне пейзажей, рассказывали о нём, звучал и его голос, записанный на плёнку. Были снимки – Толя за столом с машинкой, в кругу родных, вдвоём с матерью. Была исполнена песня Игнатьева на слова Толи – о журавлях, пролетающих над Томью – песня удивительно удачная. Мелодичная, с грустинкой. Здесь Игнатьев превзошёл самого себя. Я бы слушал эту песню час и два. Валентин прочитал своё стихотворение – тоже неплохое впечатление. Женья читал самое печальное, то, что Анатолий посвятил мне (речь идёт о стихотворении «Будет тихо и странно / Угасание дня, / Будут зори и травы, / Но уже – без меня...», навеянном небогатовским «Зори вёсен со мною...». – *Прим. Н. И.*). Передача эта очень взволновала меня. То ли потому, что Саулова уже нет, то ли потому, что к живым мы менее внимательны, но стихи его воспринимались как-то по-новому. Правильно я сказал о нём в рецензии на «Землянику», что поэт он – настоящий. Сейчас это ещё ясней (были прочитаны и новые стихи, которых я ещё не видел).

С Витей переписываемся. Дней через пять он уедет из Москвы отдыхать в Гагру. На каникулы в Кузбасс приедет где-то в половине июля.

Вовочка экзамены сдаёт пока успешно. Осталось ещё три предмета. Саша работает, в свободное время тоже занимается подготовкой к экзаменам в институте.

На этой неделе смотрел я футбольные матчи. Чехам наша сборная проиграла с позорным счётом 0:3. С итальянцами сыграла вничью 0:0, но по жребию победа досталась хозяевам поля (играли в Неаполе), благодаря чему итальянцы получили возможность бороться за первое место в матче с югославами, которые выиграли у чемпиона мира – сборной Англии. Те, в свою очередь, обыграли нас – 2:0. Таким образом, нам даже и бронзовая медаль в чемпионате Европы не досталась. Умеют наши играть (венгров буквально разбили – 3:0), но не всегда старательны и упорны. Тех же англичан атаковали здорово, а гол забить так и не смогли. В этом, по-моему, просчёт тренера Якушина, который не ввёл в состав сборной Стрельцова. Он забил бы.

Четверг, 13 июня

Позавчера Саша, очень довольный и даже, чувствуется, гордый за свой труд, преподнёс маме первую свою получку – 95 р. Это не за месяц, а всего за 18 дней. Зарабатывают его товарищи, слесари-сборщики, хорошо, и Саша тоже старается вовсю (оплата у них сдельная).

Вчера сходили в ателье, хотели на эти деньги заказать два костюма – ему и Вове, но на обоих оказалось мало, и Мусику пришлось взять со сберкнижки ещё 90 р. Заказали костюмы, а Мусик, кроме этого, под запал, купила мне нейлоновую рубашку и бадминтон, к игре в который она пристрастилась в санатории, на отдыхе. Скоро – 20 – 24 июля – она снова поедет туда, и мы с ребятами останемся втроём. Я очень хочу, чтобы Мусик хорошенько отдохнула – чувствует она себя неважно, просто никуда не годно.

От Светули пришло первое письмо. Экзамены у неё только в конце месяца, сейчас – лекции. Устроилась там нормально.

Да, забыл я записать. Недавно в Америке расстреляли негритянского общественного деятеля Кинга (Мартин Лютер Кинг. – *Прим. Н. И.*), а через некоторое время было покушение на сенатора Роберта Кеннеди, прожил он всего сутки. Двух братьев угробили уже. Вот как там. После этих событий мне не надо никакой пропаганды против американцев – сами факты говорят за себя. Верно подмечено одним режиссёром, поставившим фильм «Этот безумный, безумный, безумный мир».

Сегодня напечатал ещё три страницы в статью. С вопросом гражданственности вроде закончил, теперь поговорю о чувстве родины. Этими двумя вопросами, пожалуй, и ограничусь. Хотел ещё о традициях и новаторстве, но об этом – в другой раз, по другому поводу.

Хорошка экзамены сдаёт пока успешно.

Отнёс я вчера одно стихотворение – «Окраина» – Эле, а два – «Кленовый листок» и «Помню» – Людм. Анат-не. Для неё же, т. е. для Л. А., отредактировал подборку стихов киселёвских авторов.

Эля, узнав о том, что пишу статью, выразила желание опубликовать часть её, страниц шесть. Поговорю с Олегом, если не будет возражать, покажу второй экземпляр – может, что-то напечатают. Но не говори «гоп!», пока не перепрыгнешь: статью надо ещё написать, налицо пока одиннадцать страниц, а замышляю до двадцати.

Приятная новость: в 11-м номере (за июнь месяц) журнала «Клуб и художественная самодеятельность» напечатали корреспонденцию Мусика. Поздравил её, эта статья – большая радость для нас, ничего не изменили, только допустили неточность в должности, подписав «старший методист»: мне не поверили, видно, звонили в облсовпроф, и там по ошибке назвали её старшим методистом (она – зав. методкабинетом).

Четверг, 20 июня

Вчера, после полудня, часа в четыре, закончил статью (21 страница, печатный лист). Тут же позвонил Олег, интересуясь, как у меня дела, и порадовался, что статья готова. Только объём её смутил его – многовато. Но ничего, говорит, посмотрим. Сегодня пойду к нему. Не буду особенно огорчаться, если что-то придётся сократить.

Мусик вечером читала (чтение заняло 45 минут, а вычитывал я текст сегодня 2 часа), и обратили внимание на то, что кузбасских поэтов я хвалю, а московских критикую (Казакову, Дёмина, Злотникова, Чуева, Цыбина, Вознесенского). Но, моему, и то, и другое я делаю убедительно. В конечном счёте, всё будет зависеть, поддержат ли меня Олег и члены редколлегии (в критике москвичей). Если Олег не будет возражать, отдам второй экземпляр Эле. Когда-то ещё выйдет четвёртый номер альманаха, в котором предполагается напечатать статью? Первый вышел в этом только месяце, хотя намечалось выпустить его где-то ещё в марте. Из-за статьи

стихи писать я не имел возможности, и заработать немного на ней в газете не мешало бы.

Светуля прислала второе письмо. Сдала она уже один зачёт. Нагрузка у неё очень большая, три дня подряд болела голова. Да, нелегко даётся учёба.

У Хорошки осталось два экзамена – физика и английский. И он, и Саша много занимаются.

У Мусика опять открылся тромбоз, лопаются венки. По мнению врача, ей надо лечь в больницу. Но мы решили, что всё-таки ей следует съездить в санаторий, отдохнуть – отоспаться, побыть на чистом воздухе. А уж потом, если не будет улучшения в здоровье, пойти на лечение в больницу. Путёвка у Мусика с 24-го, в воскресенье поедет.

В субботу «Комс. Кузбасса» опубликовал одно стихотворение – «Кленовый листок». Второе, видно, не понравилось.

Понедельник, 24 июня

Вчера в одиннадцать вечера проводил Мусика до трамвая – поехала отдыхать в Прокопьевский санаторий. Путёвку купили за 115 р. На работе её материально поддерживали – выдали 60 р. пособия.

Очень хочется мне, чтобы Мусик хорошенько отдохнула, набралась сил. За последнее время она чувствует себя неважно, трескается венка, побаливает язык. И вообще даже выглядит усталой, болезненной. Это мне – как нож в сердце.

Весь июнь простоял холодный, не летний. Хорошо бы хоть в июле погода не подкачала. Условия в санатории неплохие – сосновый бор, рядом озеро. На чистом воздухе, вдали от всяких житейских забот Мусик может немного укрепить своё здоровье.

Звонил Олег. О статье сказал: по-моему, неплохо. Но тоже, как и Мусик, обратил внимание на некоторую тенденциозность. Москвичей ты, говорит, бранишь, а своих сильно хвалишь, надо бы их хоть немного и покритиковать. Договорились, что он кое-что сгладит.

Прочитал в «Лит. газете» заметку Сергея Наровчатова – «Нельзя же так!». Заступается за Вознесенского и Панкратава, которых (первого в «Октябре», № 5, а второго в «Новом мире», № 4) «изничтожили» молодой русский поэт Анатолий Передреев и критик Ст. Рассадин. Зря, по-моему, Сергей Наровчатов выступил с этой репликой, не стоило ему заступаться, особенно за Вознесенского. Передреев убедительно доказал, что Вознесенский и как человек, и как поэт – ничтожество, дрянь, хотя и мнит себя «гением». А Панкратав – тот просто мыльный пузырь, о нём, как о поэте, и говорить нечего.

Открыл для себя замечательного в своём роде поэта Павла Радимова (он к тому же и талантливый живописец, но как художника я его не знаю). Его книга «Стихи пешехода» – это гимн русской природе, коренному русскому человеку. Поэтов с таким ярко выраженным национальным духом у нас в России не густо. Как так случилось, что этот поэт дожил до глубокой старости и недавно умер, а я, большой любитель поэзии, до сих пор нигде ничего не читал его. Каких-то космополитов, вроде Возн. и Евт., издают сотысячными тиражами, а этого, истинно российского поэта, только после смерти удостоили изданием избранного в 20 тыс. экземпляров. Странные дела происходят в России.

У Хорошки остался один экзамен – по английскому (завтра).

Вечером

Звонила Зин. Ал. Чигарёва, чтобы сообщить согласие изд-ва на моё редактирование сборника Ник. Пискаева. Написал ему об этом, и на днях он должен

приехать. Вчерне сделал стихотворение, посвящённое памяти Толи Саулова. (стихотворение называется «Жаворонок». – *Прим. Н. И.*). Вроде неплохо. С утра, завтра, пошлифую.

Звонил мне Вл. Матвеев, по-моему, немного под хмельком. Выразил желание побывать у меня, поговорить о жизни, о поэзии. О том, что он в подпитии, сужу по некоторым фразам, как, например: «Я ничего плохого Вам не сделал, всегда душевно расположен к Вам»; «Из всех поэтов Кузбасса испытываю симпатию и уважение к двум – к Вите Баянову и к Вам». Я тоже сказал, что мои чувства – взаимны, рад буду встретиться.

Пятница, 28 июня

Мусик прислала уже два письма. Устроилась в хорошем корпусе, кормят вкусно. Но язык побаливает, и венка опять треснула (расчесала её, сонная). Погода по-прежнему (весь июнь) прохладная, серая. Отдых ей не в отдых без солнца и тепла.

Саша работает эту неделю в ночную смену, поэтому заниматься времени мало. А тут ещё целыми днями ездит по городу, ищет туфли – и ничего нет подходящего. Костюмы они с Вовой выкупили. Шитьё хорошее, материал вроде добротный.

Звонила из Свердловска Светуля. Так приятно было услышать её голос – вроде она где-то здесь, в городе. Сдача зачётов идёт у неё успешно. Скоро ещё и экзамены.

Коля Пискаев приезжал, два дня был у меня. Оказалось, что редакторской работой (в смысле чистки текста) заниматься ещё рано, надо ему самому посидеть с недельку. Отобрали 26 стихотворений, я испещрил их замечаниями, мыслями, набросками (против чего он не возражал), и сегодня мой подопечный отбыл домой – доводить стихи до ума. Через неделю снова приедет, и тогда уж мы займёмся окончательной шлифовкой. Сборник, по-моему, получится интересным, оригинальным.

Звонил Олег. Как я и ожидал, члены редколлегии возразили против критики московских знаменитостей (это, мол, провинциализм). Ну, им видней. Договорились с Олегом сделать соответствующие сокращения, изъятия. Доверил это дело самому Олегу, я от статьи уже отошёл, да к тому же и не могу резать своё душевное, труд вложил немалый, ни от одного из высказываний не отказываюсь.

Прислал письмо Витя. Пишет, что не везёт ему – был в Москве, в Гаграх стояла жаркая погода, а теперь на юге прохладно, а в Москве наоборот – тепло. Стихи, говорит, не пишутся, обдумывает новую прозаическую вещь.

«Сиб. огни» № 6 вышли, получил авторский экземпляр. Поправку мою в «Кленовом листке» («с бородатым и строгим – вместо мудрым – лицом») почему-то не внесли. Может, письмо то не дошло?

Написал два новых стихотворения – о Толе Саулове и о радиосигналах из космоса, от каких-то неведомых живых существ, которых астрономы окрестили «зелёными человечками». Оба стиха считаю удачными. Женя был растроган до слёз, когда я прочитал ему по телефону «Жаворонка». «Зелёные человечки» очень понравились Юре Баландину, и он предложил это напечатать. Стихи эти я писал с прицелом на телевидение, но решил не отказываться от публикации в газете (Юра сейчас за Ник. Як-ча) (Николай Яковлевич Троицкий – редактор газеты «Кузбасс». – *Прим. Н. И.*), а заодно и «Жаворонка» отнёс в «Комс. Кузб.» Рудольфу (Теплицкому, редактору «молодёжки». – *Прим. Н. И.*).

Так что для телевидения надо теперь начинать с начала (в смысле количества). До десятка стихотворений намечаю написать.

Понедельник, 1 июля, полдень

Вчера был у меня гость – Влад. Вен. (Владимир Вениаминович. – *Прим. Н. И.*) Игнатъев. Посещение его было неслучайным – он принёс мне причитающуюся третью часть премии за «Песню о Кемерове» – 23 р. 60 к. Оказывается, премии выплатили композиторам с тем, чтобы они две трети суммы оставили себе, а одну треть отдали соавторам – поэтам. Нас с Игн. премировали 75 рублями, из них, против обычая, высчитали 5 р. подоходного налога, 47 р. пришлось на долю В. В. Выдали 50 р. и другому моему соавтору, композитору Сомову, но он, как видно, не торопится делить эти деньги со мной. Влад. Вен. приглашал его побывать у меня, но тот сказал, что поедет на рыбалку. Не мог прийти ко мне сам, так отдал бы мою долю (16 – 17 р.) через Вл. Вен. В неловкое положение поставили нас, авторов текста, организаторы конкурса. Не стану же я звонить Сомову, просить, чтобы он расплатился со мной. Однако и терять премию, дарить ему ни за что ни про что эти 17 р. тоже не собираюсь. Поэтому написал сегодня Вл. Вен. письмо (список книг кузбасских поэтов для задуманной им кантаты о нашем крае) и попросил поговорить с Сомовым насчёт пересылки по почте этого злосчастного денежного перевода. Неудобно вроде мелочиться, да не настолько я богат, чтобы отказываться от своей премии. Добавлю рублей 5 – 6 и заплачу за квартиру.

Расходы у нас очень большие – и по мелочам, и на «существенное». Саша позавчера купил туфли (югославские, блеск), за которые отдал ни много, ни мало 35 р. Надо также покупать ему джинсы для работы. 20 рублей перевели сегодня Светуле. Летят денежки, как осенняя листва с деревьев. На сберкнижке от аванса за сборник осталось всего ничего – 160 р. А была тысяча с лишним. Ни у Саши, ни у Вовы нет зимнего пальто, зимних ботинок и шапок – всё это надо приобретать. Хорошо ещё, что Саша сейчас работает, помогает весьма чувствительно. Всё собираемся мы с Мусиком наладить строгий лимит расходов, но никак это не получается, много непредусмотренных трат. Вчера, например, пришлось взять две бутылки вина. Неудобно было не угостить Вл. Вен-ча.

Среда, 3 июля

Вчера весь день работал над стихами – подписями к пейзажным фотоснимкам для альманаха (восемь штук), а сегодня перепечатывал, капитально редактируя, рассказ Мусика «Незнакомец», который тоже предложу Олегу. Сделанной работой пока что доволен.

С воскресенья стоит жаркая, сухая погода (первые такие дни с начала лета, если не считать нескольких дней в конце мая, тоже солнечных, жарких), хочется отдохнуть, позагорать (хотя бы на балконе), но дела не дают: надо писать стихи для телевидения, корпеть над консультациями...

От Светули пришло письмо. Готовится она хорошо, а сдаёт не совсем удачно. Не везёт, на каком-нибудь вопросе нет-нет да споткнётся, хотя в целом предмет знает основательно.

Пишет и Мусик. В последнем письме сообщает, что язык болит меньше, и венки зарубцевались. Но надёжна ли эта ремиссия?

Сегодня по телевидению будут показывать футбольный матч между чемпионами страны киевлянами и динамовцами Тбилиси. Киевляне наверняка выиграют, они сейчас в отличной форме. Недавно буквально разгромили московских спартаковцев – главных своих соперников – со счётом 3:0.

Торбоков пишет, что посланные в «Сиб. огни» переводы редакцию не удовлетворили. Что-то не то мы послали, видно. Махалов выразил ему в письме желание заняться переводами. Хорошее дело. Ни о какой конкуренции тут, конечно, не может быть и речи – старых стихов Ст. Сем. (Степана Семёновича. – *Прим. Н. И.*) в подстрочниках у меня немало, а новыми я не очень интересуюсь, потому что не надеюсь на большие поэтические открытия. Может, Валентин обнаружит что-нибудь интересное – ну, что ж, буду рад. Своё содружество с Торбоковым я никогда не считал автономной областью.

Суббота, 13 июля

Как раз неделю назад, в прошлую субботу вечером, появился у меня Коля Пискаев. Весьма огорчил: ничего из намеченного нами он так и не доработал. Жара, говорит, «сельсовет» не варит. Вся доработка – немалая по объёму – легла, таким образом, на мои плечи. Но стихи его мне нравятся, и это не было мне в тягость. Два дня – воскресенье и понедельник – я пахал и перепахивал его рукопись. Подготовили двадцать шесть стихотворений. Тем, что получилось, оба остались довольны. Мои дописки, как правило, органично сливались с его текстом: стихия его языка, его настроений очень близка и понятна мне. На другой день я кое-что читал Ване Балибалову – ему очень понравилось, и дописанных мной строчек и целых строф он не заметил.

Рукопись Коля предоставил Чигарёвой (Чигарёва Зинаида Александровна, писательница, редактор книжного издательства. – *Прим. Н. И.*) во вторник. Оказалось, что мы – самые дисциплинированные и аккуратные – первыми сдали свою готовую работу (другие шесть авторов будущей кассеты ещё работают).

Хочу сделать ещё такое доброе дело для Пискаева: пошлю стихов 10 – 12 в «Сиб. огни», а также предложу «Кузбассу» подборку со своим кратким вступительным словом. Вчера утром звонил Валентин Махалов, сказал, что в «День поэзии» нужны стихи, не бывшие в книжках, и попросил новые. Я перепечатал и Саша отнёс. Валентин отобрал только пять штук: «Соседка», «Зелёные человечки», «Вечный огонь», «Жаворонок» и «Сельский мир». Предложенные раньше «Стога» и «Кленовый листок» Валентин, говорит, не видел. Видимо, затерялись где-то при перепечатке у машинистки. Но меня его отбор удовлетворяет – эти стихи ни в альманахе, ни в журналах не были, за исключением «Соседки», которую в прошлом году напечатали «Сиб. огни».

Юра Баландин собирался в отпуск и, наверно, уже ушёл, так и не доведя до конца дело с публикацией двух лежащих у него стихов «Зелёные человечки» (это, по-моему, замечательная вещь в своём роде) и «Окраина».

Мусик пишет, что самочувствие и состояние здоровья у неё улучшается, чему я очень и очень рад. Где-то через неделю она уже приедет. От Светы давно нет мне письма – были только на имя Вовы и Саши. Сообщает им, что намерена остаться там, жить и работать в газете в городке каком-то (50 км от Свердловска). Я не хотел бы этого. Приедет Мусик, посоветуемся и решим, что и как.

Сегодня с утра написал хорошее стихотворение – «Осенний сонет» – посвящение Р. Ф. Лобановой (Раиса Фёдоровна Лобанова – редактор Кемеровского книжного издательства. – *Прим. Н. И.*) в связи с её шестидесятилетием, о котором на днях напомнил мне Срывцев (они большие друзья).

Вова сегодня под вечер уехал с Гогой на речку Промышлёнку с ночевой (это где-то около Журавлей). Саша позанимался и ушёл в кино. Позавчера он принёс получку – 80 р. Солидный взнос в наш бюджет.

Вторник, 23 июля

Давно не заглядывал в дневник. Мусик уже второй день работает. Приехала она 17-го, в среду, на два дня раньше срока. Не знаю, почему, но в тот день, особенно, под вечер, я так и думал, что она должна сегодня приехать. Уже темнело. Я стоял, покуривая, на балконе. Пройдёт трамвай со стороны вокзала, а я уже жду: вот сейчас она выйдет из-за угла дома или от остановки универмага, или от КЭМЗа. В одиннадцать включил радио, передавали последние известия, но я всё стоял на балконе. Потом вошёл в комнату, присел на диван, чтобы послушать в конце известий о спорте, вдруг – характерный удар в дверь. Мусик! Открываю дверь – она, моя хорошая, с чемоданом и сумкой.

Отдохнула в общем неплохо. Но язык всё побаливает, и венки тоже часто лопаются. Тут санаторий помочь не в силах, надо приниматься за основательное лечение. Может быть, даже придётся лечь в больницу. Надо что-то делать.

От Светули было письмо. Пишет уже с места работы – устроилась в редакцию районной газеты «Маяк» в городе Сысерть (в 50 км от Свердловска). Оклад – 90 р., живёт в общежитии, комната на двух человек.

Я написал ей (ещё до приезда Мусика) большое письмо, в котором прошу её подумать о целесообразности предпринятого ею шага. Выгод – никаких, лекции в университете всё равно не удастся слушать, переведётся ли на очное – ещё вопрос, для этого надо иметь все «пятёрки». А работать и учиться заочно можно и живя дома, в Кемерово. Не знаю, что решит Светуля после моих соображений. Письма от неё почему-то до сих пор нет, своё я отправил ещё 15-го.

В пятницу, 19-го, выступал я по телевидению, в теленовостях – уговорил Юречко. Договаривались с ним, что можно прочитать три стихотворения, три я и отправлял с Вовой, но одно – о Толе Саулове – кто-то из начальства отклонил – по той причине, что памяти Саулова уже была посвящена передача, – и прочитал я только «Зелёных человечков» и «Сельский мир».

Передачу смотрели и мои домашние, и папаша (Иван Андриянович, отец Марии Ивановны. – *Прим. Н. И.*). Читал, говорят, я неплохо, но выглядел неважно – совершенно лысым, в чёрно-бледном цвете, некрасиво (в жизни, мол, гораздо лучше мой вид, не знаю). Это из-за того, что оператор слишком близко придвинул телекамеру. Я не раз замечал: когда показывают чьё-то лицо крупным планом, почти во весь экран, получается искажение. Ну, это, в общем-то, ерунда. Рад я, что обнарудовал своих «Зелёных человечков» – интересное по содержанию стихотворение.

На телестудию я добирался на трамвае, а оттуда – повезло: Юречко (Виталий Иванович. – *Прим. Н. И.*) поехал заправлять легковушку и подвёз меня. По дороге предложил «встряхнуться», я не стал возражать, чтобы не обижать его, взяли две бутылки сухого и зашли ко мне. Пригласили за стол и папашу. Посидели с часик, поговорили – о стихах, о работе на телевидении. Вит. Ив. почитал свои стихи. Одно – очень интересное: о том, как люди споили медведя...

Вчера я весь день писал литконсультации – ответил одиннадцати авторам. Принёс из редакции ещё пачку рукописей (штук двадцать). Сегодня перепечатал подборку стихов Пискаева и вместе со своей вводкой отнёс Эле. Стихи хорошие, но найдут ли место для них – трудно сказать.

Разговаривал на днях с Глебовой Л. В. Она, оказывается, до отпуска так и не начала подготовку моего сборника (по милости Мазаева, который не торопится выпускать его). Обещала сейчас заняться в первую очередь моим сборником. Поскольку он ещё в работе, я подготовил и перепечатал для него ещё 10

стихотворений (300 строк), написанных в этом году. Чем больше будет в сборнике новых стихов, тем лучше и для меня, и для читателя.

С Витей встречаемся – то у меня, то у него. Он пишет свою деревенскую повесть – уже читал страниц 17. Очень хорошо, особенно по языку и художественным подробностям, деталям. Верю, что он ещё и как прозаик громко заявит о себе. Талант есть талант.

Четверг, 1 августа

Сегодня у моих ребяташек – тревожный и трудный день – первый экзамен. Сейчас десять часов утра, оба они уже в институте.

Вчера пришло письмо из Всесоюзного управления по охране авторских прав, в котором просят подтвердить авторство моих песен «Отчий край» и «Шахтёрская вдова», за которые поступает в управление гонорар на моё имя. Заполнил приложенное к письму заявление и сделал пояснение, что одна из песен названа неточно – у меня «Шахтёрская мать». Или в управлении ошиблись, или Кудрин (Николай Михайлович, композитор. – *Прим. Н. И.*), написавший музыку к этому стихотворению, переименовал название. Музыку я уже слушал (ещё весной), замечательная песня получилась. Просил меня Ник. Мих. написать ещё шуточную шахтёрскую (к августу), а я до сих пор не удосужился сделать это. Надо как-то собраться.

На днях был у Глебовой, взял рукопись сборника, чтобы кое-что доработать по её замечаниям. Просто не лежит душа к этим доработкам – некоторые стихи редактировались по нескольку раз. Что ни редактор, то новые замечания. У каждого свой вкус, а я, как на грех, не умею спорить и отстаивать своё. Со мной, как с автором, почему-то можно не очень считаться (будто мой худож. вкус хуже!), а мне вот не хочется ущемлять самолюбие той же Люд. Влад. – отвергать всё, что она предлагает доработать, что, по её мнению, не так и не то. Всё-таки кое-что попробую отстоять, особенно, в тех стихах, которые были в «Сиб. огнях», прошли через руки опытных поэтов.

Вторник, 6 августа

Гостила у нас несколько дней Светуля. В пятницу, 2-го я спустился к почтовым ящикам, чтобы взять газеты. Достал, начал подниматься к себе на третий этаж, вижу сбоку: кто-то поднимается. Повернул голову: Света! Улыбается. Я, говорит, вижу тебя и молчу: посмотришь или нет?

Дни, пока она была дома, пролетели, как один. В понедельник утром Вова проводил её в аэропорт. Мусик всё Светино перестирала, перегладила. Купили ей туфли (за 38 р.), собрали всякую зимнюю одежду.

Я заикнулся было, чтобы она осталась дома, да где там – и тут же «слёзки на колёсках». Очень уж ей хочется пожить самостоятельно. В редакции «Маяка» все её полюбили, относятся внимательно, ценят. Привезла (вернее, пришла по почте в день её приезда) газетку с одним (самым первым) материалом за её подписью. Написано хорошо, напечатали без правки.

Лично я не одобряю её желание жить где-то вдали от семьи (никаких в этом преимуществ), но Мусик меня не поддерживает, да и у Светы связаны с этим какие-то свои планы, так что пусть смотрит сама. Лишь бы всё было хорошо.

Вова сдал уже два предмета – английский и историю, и оба на «троечки». Саша – немецкий, тоже на «тройку», завтра у него история. Плоховато сдают, так, пожалуй, можно не набрать нужное количество баллов.

Да, забыл я записать вот о чём: на днях редакция «Кузбасс» похоронила Зайцева Ал-ндра Евлампиевича. Покончил с собой почти так же, как в своё время Юрий Титов – отравился газом. Причина, говорят, в разладе с женой, не вынес её попрёков в том, что он неполноценный человек (горбатый). Дура какая-то. Разве можно было делать это. Такие (как в народе говорят, убогие) люди и без того чувствуют себя униженно, тяготятся своим физическим недостатком, чувствительность, мнительность у них болезненная. И вот достаточно оказалось какого-то неосторожного слова, чтобы человек наложил на себя руки. Очень жаль парня, ему было всего, говорят, двадцать девять лет, журналист он был способный, умный...

Сегодня заходил Витя, приносил новую главу своей деревенской повести. По моему, хорошая вещь получится. В сюжете никаких острых поворотов, но сама жизнь, художественные подробности, язык – всё это талантливо, интересно.

Четверг, 8 августа

Мусик вчера опять уехала в Новокузнецк. Срок командировки – до 15 авг., но рассчитывает вернуться на денёк – два пораньше.

Вчера был в «Кузбассе», отнёс девять консультаций. Сотрудница отдела культуры и быта, недавняя студентка Инна Золина порадовала меня отзывом о моих ответах, которые она подписывает за меня после машинки. Я, говорит, испытываю наслаждение, читая их. Есть такие остроумные...

Приятно это было услышать о работе, которая вообще-то никогда никем не оценивается, кроме адресатов – начинающих авторов, да и те в большинстве своём только злятся на литконсультантов, потому что отвечать в основном приходится отрицательно...

Сегодня произошёл случай, который Сашу и Вову удивил, а меня навёл на неприятные раздумья. Пришёл Вова из магазина, я открыл ему дверь... Вдруг он, посмотрев на кухню, говорит: – Что это? Посмотрел и я: по зимнему холодильнику у окна... расхаживает белый голубь. Заходим в кухню – на газовой плите сидит другой. Вова говорит, я, мол, думал, что вы с Сашкой курицу купили, что ли (Саша был в другой комнате, тоже ничего не заметил).

Поймали мы этих неожиданных гостей и с балкона отпустили. Дело, конечно, обычное, но слышал я ещё в детстве, что нехорошая это примета, когда птица залетает через окно в квартиру. Не к добру будто бы. Расстраивать ребятишек я не стал, ничего не сказал им. О тех, кто верит в приметы, часто говорят насмешливо, высмеивают это суеверие и пр. Но в том-то и дело, что народные приметы нередко подкрепляются жизненными фактами, многовековым опытом. Очень не хотелось бы придавать этому случаю какое-то значение, да есть в жизни что-то такое, что никогда никто не в силах разгадать и объяснить. Есть у меня четверостишие, которое, возможно, станет когда-нибудь основой стихотворения:

*Я пытался разумом обнять
То, что объяснить нетрудно вроде.
Ничего так и не смог понять
Ни в себе, ни в людях, ни в природе.*

Неужели эти мирные голубки, залетевшие в форточку, – вестники чего-то недоброго?..

Суббота, 10 августа. Утро

Только что звонила Мусик. Живёт на Запсибе, много работы, очень устаёт. В столовой готовят плохо, не чаёт, как побыстрее уехать оттуда. Но до 15-го, наверно,

не удастся, потому что 14-го – семинар, который готовит она сама.

Сегодня я намерен заняться доработкой стихов в сборнике, а то потом меня же будут упрекать, что долго задержал его, хотя у самих-то (у издателей) пролежал он без движения почти год.

Полдень. Четверг, 22 августа

Накопилось много новостей, о которых следует записать.

Вчера войска Варшавского договора (Сов. Союза, Венгрии, Болгарии, ГДР, Польши) вошли в Чехословакию, чтобы предотвратить там назревающий контрреволюционный переворот. Решение принято правильное – нельзя нам отдавать Чехословакию империалистам, что ухудшило бы положение социалистического содружества и угрожало бы нашей безопасности.

Как будут развиваться события – трудно предвидеть. Но может возникнуть и военный конфликт с ФРГ. Только что передали по радио о том, что Бонн срочно связался с Брюсселем, где расположен штаб НАТО...

Сегодня у Саши в институте должно быть собеседование и должны сообщить, принят ли он – все экзамены он сдал. Хорошке не повезло: толкнул его какой-то бес достать шпаргалку для сочинения на тему «Комсомол в Отечественной войне». Тема нетрудная, мог бы написать, но дал маху.

Мусик приболела (я виноват, простудил её сквозняком, вечера уже холодные). Позавчера не была на работе. Начальство разрешило и сегодня не выходить, но она утром пошла к стоматологу, и до сих пор её нет, видно, работает. А зря, надо бы полежать, чувствует себя ещё неважно. Я её полечил – парил над картошкой, делал горчичники, купил аспирина, но не лишне было бы ещё денёк – два побыть дома, совсем поправиться.

От Светули было несколько писем. Получила зарплату и всю её ухнула на зимние ботинки. Пришлось взять со сберкнижки и перевести ей десяточку. Почему-то всё ещё нет ответа на моё письмо, с которым по её просьбе посылал свой сборник одному её новому знакомому (видимо, литсотруднику), большому любителю поэзии. Письмо я посылал ещё 14-го. Неужели потерялось, не дошло?

Вчера отнёс Глебовой ещё несколько доработанных стихотворений. Когда зашёл к ней, она как раз сидела над предисловием к моему сборнику. На днях сдаёт его. 11-го, в День строителя, «Кузбасс» напечатал моё стихотворение «Солнце – первый новосёл». Сделал его ещё в прошлом году по заказу радио, а теперь, посмотрев его, решил ещё поработать, подшлифовать и предложить газете. Посидел утром часа два – и получилась хорошая вещица, с ходу пошла.

Напечатали в «Кузбассе» так же подборку стихов Коли Пискаева с моей вводкой. А рецензия на сборник Игоря Киселёва, похоже, надолго легла в стол Рудольфа Теплицкого. Если не намерены давать её – предложу Эле.

Илюша Мякишев заказал стих о комбайнерах, которые впервые в истории Кузбасса в летнее время убрали зерновые.

Понедельник, 26 августа

Не повезло Саше: по конкурсу не прошёл.

Решили всё-таки попытаться поступить в юридический институт – оба они – Саша и Вова – унесли туда документы. Вове экзамены придётся сдавать заново, а Саша, может быть, поступит по пединститутскому экзаменационному листу. Опасается, что ответить может хуже. Хорошка снова готовится, а Саша сегодня в ночную смену выходит на работу – на свой родной «Кузбассэлектромотор».

Звонила два дня назад Светуля. Приятно было услышать её голосок. У неё всё нормально. А Мусик всё ещё не поправилась, болеет. Сегодня сдала кровь, врачи хотят узнать, какой состав железа.

Нелли Николаевна заказала мне стихи о начале осени, передача будет 7-го сентября. По настроению стихи должны соответствовать тютчевскому: «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора». Думаю сделать три – четыре стихотворения – акварельные пейзажи.

Сегодня был в «Кузбассе», взял новую пачку рукописей, попросил Элю «закрыть наряд» на ответы-консультации, которых у неё набралось уже штук тридцать. Петя Костюков (Костюков Пётр Павлович, фотокорреспондент «Кузбасса». – Прим. Н. И.) по моей просьбе сделал несколько снимков для сборника. Что получилось – узнаю завтра.

Ал. Романов (из редакции журнала «Сибирские огни». – Прим. Н. И.) прислал письмо, в котором сообщает, что отобрал несколько стихотворений Пискаева, которые я ему посылал, и передал членам редколлегии. Просит сообщить, где сейчас Витя. Вместе с ответом на это письмо пошлю ему ещё кое-какие пародии.

Среда, 28 августа

Мусик ещё не совсем поправилась (слабость какая-то), но температуры нет, и поэтому бюллетень закрыли, пришлось сегодня выйти на работу. На обед домой не приходила из-за плохого самочувствия.

Заходил сегодня к Костюкову, снимки приготовить обещал завтра. Не подвёл бы он меня – сборник надо сдавать в печать.

Был и у Рудольфа Теплицкого. Договорились, что ещё поработаю над рецензией на сборник Игоря. Этот вариант кажется Рудольфу слишком восторженным. Надо бы, говорит, написать более обстоятельно, высказать и критические замечания (не секрет, что у Игоря встречается, скажем, грех литературщины). Я согласился. Действительно, анализа большого у меня нет. Сказалась «оперативность», а вернее спешка, хотелось побыстрее откликнуться на выход книжки. Работы ещё предстоит порядочно, не меньше дня придётся посидеть.

Саша уже работает.

Среда, 4 сентября

Светуля прислала нам подарок – венгерский телефонный аппарат. Красивый, малинового цвета. Звонок негромкий, нежный, слышимость хорошая. Как рассказал мне Вова, у него уже был разговор со Светой (во время её недавнего приезда) об этом аппарате, который кто-то собирался Свете достать (безвозмездно). А для меня это оказалось приятной неожиданностью.

Скоро Хохлатка именинница. Мусик готовит ей посылочку.

Саша с пятницы – в совхозе. Работает в коровнике (другие заводские – те на уборке). Будет там до 15-го сентября, с вычетом выходных, в которые он может приезжать домой (на субботу и воскресенье).

Хорошка сегодня сдавал в юридич. историю. Получил маловато: «тройку».

У Мусика в совпрофе служебная реорганизация. Теперь она не зав. методкабинетом, а зам. директора Дома художественной самодеятельности (прибавка в зарплате – 6 р.).

Позавчера за день я написал всего... двенадцать строчек (по заказу Нелли Николаевны). Лишний раз убедился, что девиз «ни дня без строчки!» – это не простая фраза. Долго не писал лирику – и вот не пошло, оказался творчески

небоееспособным. Но день неудачных сдвигов не пропал даром – вчера уже все душевные и умственные силы разработались, и в результате появилось два неплохих стихотворения. И сегодня написал ещё одно.

Вова отвёз стихи Нелли Николаевне. Она позвонила и сказала, что ей всё понравилось, кроме написанного сегодня. Я доверяю её вкусу, и поэтому пришёл к мысли, что стих этот действительно неудачен. Нет в нём оригинального образа.

Вторник, 10 сентября

Мало в жизни радостного, больше неприятностей... Вчера утром позвонила мне Глебова, попросила, чтобы пришёл, посмотрел обложку сборника. Прихожу, Глебовой нет, одна Чигарёва. Обложка мне понравилась – простая и скромная по форме, без выкрутасов. Я опять выразил беспокойство по поводу волокиты со сборником, Чигарёва как-то невнятно заметила, что вроде он запланирован на следующий год. Я возразил, сказав, что договор – на нынешний год. Она замялась. Потом зашла Ольга Сергеевна – художник, и когда я и при ней заговорил о том же, вдруг ошарашила меня: – А ведь его выход перенесён в план будущего года. Я просто задохнулся от такого сюрприза, не смог даже продолжать разговор, извинился и тут же ушёл. Чигарёва окликала меня, хотела, видно, что-то объяснить, но у меня уже просто не было сил терпеть такое издевательство со стороны Мазаева. Что объяснять? Мне и так всё ясно. Сперва он под разными предлогами всё откладывал подготовку рукописи, а теперь совсем обнаглел – перенёс выход книжки на год, не считаясь ни с чем – ни с договором, ни с нормальными взаимоотношениями автора и издательства. Где, когда перешёл я ему дорогу? Почему, за что он так недоброжелательно настроен ко мне? Не могу понять.

Свою враждебность он показал сразу, как сел за стол главного редактора – забраковал бывший в плане переводной сборник Торбокова, потом – сборник стихов для детей, не согласился на включение лучших моих переводов в книгу Сысолятина, и вот теперь мешает выходу «Света в окне». Ну, и тип.

Вчера же я написал официальное письмо Вите Баянову. Отметил злоупотребление служебным положением со стороны Мазаева: свой сборник рассказов «Последний цветок лета» он сдал в набор 25 января, в самом начале года. Это как расценивать? Своя рука владыка? Что хочу, то и ворочу?

Только что звонили из отдела писем «Комс. Кузб.», просили поехать с работниками редакции куда-то выступить. Я сказал, что не могу, и товарищ (он не назвал себя), чувствуется, обиделся: печататься, мол, у нас охотников много, а как обратишься с какой просьбой – отказываются (Гена Юров тоже не поехал). Я ли уж не самый безотказный из авторов «Комс. Кузбасса»? Но этот случай там, конечно, тоже плохо настроит кое-кого. Не одно, так другое. Правда, утром у меня был деловой телефонный разговор – более приятный – с Людм. Анатольевной. Она уже вернулась из отпуска и обратилась ко мне в том смысле, что, дескать, давайте будем работать, т. е. активно сотрудничать. Я пообещал к четвергу закончить рецензию на сб. Киселёва. И всё же мой отказ выступить где-то со стихами может испортить отношения с Рудольфом. Час от часу не легче...

Мусик сегодня вместе со своими сотрудниками уехала в колхоз копать картошку. Дали им 20 соток. Денёк, к счастью, выдался погожий, тёплый (вообще-то уже с полмесяца погода холодная, дождливая). Сейчас уже семь часов вечера, Мусика всё ещё нет. Видно, решили управиться за день.

На днях звонила Светуля. Говорили долго – минут около десяти. У неё всё там пока нормально, скучает только. Прислала номер газеты, где три её материала

(организованные и отредактированные), один – на целую полосу, очерк об учителях. Материалы отделаны добротнo, радуют.

Саша всё в совхозе, на выходные приезжал. В пятницу, через два дня, приедет совсем.

У Хорошки успехи (тьфу, тьфу!) в сдаче экзаменов. Два предмета – русский письменно и русский устно – сдал на «четыре», историю – на «три». Завтра – английский. Нужно число баллов он уже набрал: одиннадцать. Столько же у Саши. Хоть бы оба они поступили на этот раз!

Сегодня до обеда работал – отвечал авторам. Вместе с этими ответами-консультациями отнёс Эле два стихотворения об осени – «Зеркало» и «Краски сентября» (из тех, что передали по радио в подготовленном Нелли Николаевной альманахе «Земля Кузнецкая»), но не очень уверен, что скоро напечатают, так как в прошедшую субботу Юре Баландину всё же удалось тиснуть моих «Зелёных человечков».

Вторник, 17 сентября

Саша вернулся ещё в пятницу. Простудился он крепко. Сегодня только удалось согнать температуру, а вчера, например, она была, наверно, под сорок – весь горел. Вызывали врача, накупили всяких лекарств. Дело, кажется, пошло на поправку.

Прислала письмо Светуля. Пишет, что там у них холодно, сыро – ненастная осень. Хохлатка начала уже помаленьку заниматься. Часто бывает в командировках. Работает в газете, чувствуете, с удовольствием, с огоньком.

Получил я письмо от Алекс. Романова. Стихи Пискаева редколлегия пока отклонила – рановато, мол, выступать в журнале. Жаль. Мои пародии Романову понравились. Но всё решит редколлегия. В справках об августовском и сентябрьском номерах «Сиб. огней» фамилия моя не упоминается. Одно из двух: или ранее посланные пародии (на Махалова и Д. Смирнова) в эти номера не попали, или об авторах сатирических и детских стихов, которые журнал иногда печатает, не упоминают, когда составляют эти краткие аннотации.

Юра Баландин «толкнул» ещё одно стихотворение «Краски сентября». Другое («Зеркало»), видно, не понравилось. И на этом спасибо.

Рецензию на «Ярославну» Игоря Киселёва я переписал почти заново. Сегодня «Комс. Кузб.» её опубликовал. В прямой связи с этим – заказ Эли Суворовой (ей, очевидно, рецензия понравилась) написать для «Кузбасса» о только что вышедшей поэтической «кассете» – первых сборниках молодых поэтов Виталия Юречко, Виктора Чурилова, Вениамина Безрукова, Василия Завьялова и Дмитрия Глазова. Заказ этот я охотно принял. Уже сходил купил «кассету», завтра начну работать.

Понедельник, 23 сент.

Одна приятная новость: Вову и Сашу приняли кандидатами в Томский государственный университет на юридический факультет (заочное отделение). Другая – неприятная: Светуля пишет, что очень простудилась (в общеж. и редакции до сих пор не топят), был сильный грипп, с температурой (больше 38°). Зря она уехала из дому, болит за неё душа. Саше немного получше, жара нет, но обметало его (всю верхнюю губу) здорово, мажет зелёнкой, сушит стрептоцидом.

А. Романов прислал мне августовский номер «Сиб. огней» – с моими пародиями на Дм. Смирнова и Махалова. Напечатали, как он и обещал. И гонорар уже прислали – за 34 строчки 47 р.

Только что (сейчас одиннадцатый час утра) звонила Людмила Анатольевна, спрашивала, не сохранился ли у меня черновик статьи о Вите Баянове. Хотят напечатать её в связи с тем, что Витю хотят выдвинуть на соискание премии, учреждённой обкомом комсомола к его (комс.) пятидесятилетнему юбилею. Если черновик не найдётся, напишу, конечно, заново. Ещё просила Людм. Анат. к четвергу сделать обзор (стихи уже у меня), а также принести свои стихи для лит. страницы, которую она планирует на субботу. (Обзор можно дать под псевдонимом). Надо эти заказы выполнить.

Вчера поздно вечером смотрели с Сашей матч «Торпедо» – ЦСКА. Мой любимец Эдуард Стрельцов (даже во сне его сегодня видел!) опять отличился: забил – причём красиво – два мяча, и таким образом стал лучшим бомбардиром чемпионата – на его счету сейчас 16 забитых мячей. До этого впереди был пахтакоровец Абдураимов, потом они шли рядом (по 14 голов), а теперь вот Стрельцов сразу опередил узбекского молодого бомбардира (ему 26 лет) на два мяча. Старый конь борозды не портит – Стрельцову ведь уже исполнился летом 31 год. Я считаю, что это самый талантливый футболист страны. Как он даёт пасы, как забивает голы! Ещё один гол вчера забил его собрат Емец. Счёт матча – 3:0 в пользу «Торпедо». В команде ЦСКА пластался изо всех сил один Федотов, очень неутомимый и работоспособный игрок (кажется, одноклассник Стрельцова), но вообще-то армейцы играли очень суетливо и как-то бестолково.

«Торпедо» сейчас догнало по очкам спартаковцев (у тех и других по 38 очков). Если паче чаяния «Спартак» завтра проиграет бакинскому «Нефтчи», то он может оказаться на третьем месте в турнирной таблице, а торпедовцы с третьего перейти на место «Спартака», т. е. на второе. Двукратные чемпионы страны динамовцы Киева по очкам ушли далеко вперёд (у них, кажется, 44 очка), но «стрельцовцы» могут ещё завоевать серебряную медаль, да и во встрече с киевлянами показать высокий класс – выиграть если не две, то одну встречу. Ведь сумели же они вчера с сухим счётом обыграть армейцев, которым киевляне недавно не забили ни одного мяча (счёт был 0:0).

Понедельник, 30 сентября

В пятницу заказывали телефонный разговор со Светой. На работе её не оказалось, но сотрудники, газетчики организовали всё как надо, дали телефон больницы, где Светуля сейчас лежит. Сильно она простудилась, грипп обернулся воспалением лёгкого (односторонней пневмонией). Уже лучше ей, наверно, теперь уже выписалась. Говорили девять минут: и Мусик, и я, и Вова, и даже баба (Анна Ивановна, мать Марии Ивановны Небогатовой. – *Прим. Н. И.*), которая была у нас.

А вчера мы получили из Сысерти подарки к именинам: мне Светуля купила лавсановую рубашку, Мусику – сорочку, бусы и духи «Красная Москва». Всё – со вкусом. Добрая душа у Хохлатки.

Саше бюллетень закрыли ещё позавчера. Сегодня вышел с утра на работу. В армию его, видимо, всё-таки возьмут. 17-го октября – комиссия. Если бы поступил он в институт до января 68 года, тогда получил бы отсрочку, а так ничего не значит его недавнее зачисление в ТГУ (Томский государственный университет. – *Прим. Н. И.*). Врач говорила, что гайморит лечить надо не меньше года, а сейчас считают, что он прошёл, можно служить в армии, только где-нибудь на юге. Но едва ли кто-то будет учитывать это. Всё бы ничего, да уж очень хлипкий Саша, без конца будет болеть там, простывает от маленького сквозняка.

Вову тоже вызывали в военкомат, он показал документ о зачислении в университет и, наверно, у него будет возможность учиться.

Обзор стихов я написал, в субботнем номере «Комс. Кузбасса» его напечатали (под псевдонимом М. Александров) вместе с пародией на Ал. Маркова «В чём суть?».

Был я у Эли (в четверг, а в пятницу она уехала на юг отдыхать). Рецензия на «кассету» ей понравилась, должны, по её словам, опубликовать.

Есть две срочных работы: статья о Вите и сатирические стихи под рисунки М. Панькова (о бытовых недостатках в городе). Эти стихи заказал мне только что звонивший Валя Малых, после обеда я к нему схожу.

Ночью выпал первый обильный снег, многие деревья сразу оголились. Сейчас светит солнце, но холодно, крыши – белые. В нынешнем сентябре хорошей, тёплой погоды так и не было. Лишь недавно денька два выдалось погожих.

Понедельник, 7 октября

Статью о Вите написал (7 страниц), в субботнем номере «Комс. Кузб.» её напечатали (с рисованным портретом Вити), почти без сокращений. А стихи к рисункам Панькова (полсотни строк) не пошли; зам. редактора Денискину не понравились рисунки (стихи, сказал, ничего). Валя Малых звонил, расстроенный, неудобно, мол, передо мной. Я успокоил его. Бывают осечки.

Заказал стихи ко Дню работников села Илюша (Илья Мякишев, радиожурналист. – *Прим. Н. И.*). Сейчас начну писать их (завтра после обеда надо уже отнести).

От Светы что-то давно нет писем. Как там она, поправилась ли? Надо, видно, заказать снова телефонный разговор (за недавний ещё не заплатили, нет денег). Саша и Вова с 1-го октября ежедневно ходят на лекции (утром и после обеда). С завтрашнего дня будут заниматься дома, самостоятельно.

В совпрофе новая реорганизация, Мусик уже не зам. директора Дома худ. самодеятельности, а инструктор. Оклад – 130 р. Работа в основном та же.

Пятница, 11 октября

Вчера снова говорили по телефону со Светулей. На этот раз она уже была в редакции (первый день, как вышла на работу). Не порадовала нас: врачи обнаружили у неё песок в почках. Этого ещё не хватало. Рекомендуют пить настой берёзовых почек, можно также пиво. Мусик возьми да и скажи: приезжай-ка ты домой! Света, к нашему удивлению (и радости!), засмеялась, и в этом смешке чувствовалось согласие; потом ответила: приехала бы, если бы работа нашлась. Хлебнула Хохлатка «романтики», натерпелась там и холода, и голода, и вот сама, видно, поняла, что незачем было уезжать из дому, ненужная это затея.

Заниматься в общежитии, говорит, невозможно, надо искать частную квартиру. А на что жить? Сейчас вот, например, денег у неё всего 15 рублей (получила по бюллетеню), а в больницу ложилась, – было... 2 рубля. Истратилась на подарки нам.

После переговоров я стал убеждать Мусика, что надо ковать железо, пока горячо – пока не прошло у Светы настроение вернуться домой, надо немедленно «добывать» её оттуда. Мусик со мной согласна.

После обеда сразу же (переговор был в час дня) я пошёл в «Комс. Кузбасса» к Рудольфу Теплицкому; он как-то жаловался, что в редакции некому работать. Но причина оказалась не в недостатке работников, а в том, что много среди них женщин с детьми (в том числе Л. А. Фёдорова), часто не выходят на работу именно

из-за ребятишек, то кто-то заболит, то ещё что-то. А вакансий в редакции, к сожалению, нет.

Но всё равно Свету надо вызывать. Где-нибудь да устроим, хотя бы в многотиражке. Главное сейчас – подлечиться ей, может быть, даже не на стационаре, а в поликлинике. Врачи у нас неплохие. Ведь этот песок в почках может превратиться в камни. Вон Ваня Балибалов всю жизнь мучается с ними.

Решили так: в воскресенье Мусик снимет со сберкнижки рублей тридцать (всего там осталось 65 р.) и отобьём телеграмму: приезжай, работа будет, деньги на дорогу высылаем. Будет много лучше, если Света не раздумает и приедет домой...

В понедельник, только собрался я засесть за стихи по заказу Илюши Мякишева, – стук в дверь. Открываю – Витя! Вот уж кого не ждал! Оказывается, он уже несколько дней живёт в Кемерово, здесь проездом из Иркутска, где был с группой литераторов. У него всё нормально. Правда, стихов не пишет, хочет закончить повесть. Ну, что ж, и это – хорошее дело. Хорошо по душам поговорили с ним. Дал ему один из экземпляров газеты с моей статьёй о нём. Почитали вместе новые, недавно присланные мне стихи Коли Пискаева. Мнение сошлось: бедноваты мыслями они, простота часто переходит в простоватость. Попросил Витю написать Пискаеву, посоветовать больше и серьёзней работать (со своей стороны я тоже сделаю это). Коля – человек, несомненно, одарённый, но очень многого ему не хватает, главное – знаний, широты художнического кругозора. Витя даже высказал опасение, как бы он после выхода сборника в «кассете» не подзазнался. Всё может быть. Тогда – пиши пропало. От меня Витя пошёл в Союз, а на завтра отбыл – билет на самолёт был уже в кармане. На отчётно-перевыборное собрание должен приехать.

Стихи для Илюши я всё-таки написал (сто с небольшим строчек), отнёс. Они планируются на воскресную передачу, посвящённую Дню работников села.

К этому празднику я подготовил стихотворение «Золото» (написал ещё в прошлом году для радио), пошlifовал его, улучшил и показал Юре Баландину. Он одобрил, обещал дать в воскресенье. Но... не говори «гоп», пока не перепрыгнешь. Так вот шутливо ответила мне однажды Нелли Николаевна, когда я, разговаривая с ней по телефону, поблагодарил её за включение моих стихов в предстоящую передачу.

Рудольф, когда я был у него, сообщил мне приятную новость: пародию на Вознесенского они решили дать в Новокузнецке, в городской газете, где «Комс. Кузбасса» будет на днях гостем (с целью привлечь внимание подписчиков).

Вчера слушали с Вовой (Саша работает в ночную смену) репортаж о матче в Минске между местными динамовцами и «Торпедо». Москвичи победили с внушительным счётом: 3:0. Мой любимец Стрельцов забил семнадцатый мяч в турнире, от Абдураимова оторвался на три гола (два других забили Гершкович и Линёв, первый – опять-таки с подачи Стрельцова). Стих о моём футбольном кумире я решился всё-таки послать в газету «Советский спорт». Попросил, если не подойдёт, переслать самому Стрельцову.

Сегодня по просьбе Веры Оленёвой ходил в редакцию, подписал несколько экземпляров своего сборника «Майский снег» и библиографический сборник (штук семь), которые редакция «Кузбасса» разошлёт победителям викторины о родном крае. Эти сборники с автографами кузбасских литераторов что-то вроде премии.

С днём рождения поздравили меня и мои друзья из Ленинска-Кузнецкого – Алевтина Дмитриевна (Шевелёва, учительница школы № 29. – *Прим. Н. И.*) со своими новыми питомцами (второклассниками), а также её коллега Нина Дмитриевна Чепурных (тоже с ребятами из 2-го класса). По-прежнему там читают

наизусть мои детские стихи, рассказывают о встрече со мной. И тем обиднее, что издательство отказалось напечатать мой сборник для детей – стихи-то многим ребятишкам нравятся... Сегодня всем им, моим почитателям, написал тёплые письма, послал около десятка стихотворений (из рукописи сборника).

Понедельник, 14 октября. Вечер

Только что звонила из своей Сысерти Светуля. Уже получила и деньги, и телеграмму, отправленные днём Мусиком. Послезавтра, наверно, уже выедет домой, а позвонила затем, чтобы мы прислали ей ещё 70 рублей, хочет купить-таки шубу. Никуда не денешься, как говорится; денег у нас нет, но Мусик решила занять на этот случай у папаши. Завтра возьмёт и отправит телеграфом.

В субботу «Комс. Кузбасса» напечатал ещё одну мою пародию на Ю. Панкратова и Б. Примерова (газета уже месяца два назад завела у себя сатирический субботний раздел «Рожки да ножки», как «Лит. газета» – «Рога и копыта».

Юра Баландин слово сдержал – «Золото» опубликовали – на первой странице вчера. В этом же номере – переводы Торбокова, сделанные Махаловым. Так себе. В стихотворении о тайге, например, тайгой и не пахнет. Валентин, как я погляжу, выезжает на одном умении «делать стихи». Живинки, души у него в стихах нет и в помине. Таких поэтов сейчас – множество. Поэты типа Вити Баянова встречаются очень и очень редко, и они – на вес золота. Прав был Некрасов, когда сказал, что поэтические таланты редки во всех литературах (т. е. не только у нас в России).

С утра сегодня поработал над рукописями начинающих, написал семь ответов-консультаций.

Илюша из ста с лишним строк использовал в своей передаче только 36 строчек. Одно наполовину сократил, а три других совсем не дал (тема их в передачу, видно, не вошла из-за недостатка времени). Ну, ничего, не в первый раз так.

Вторник, 18 октября

Задумал я как-то сделать целую книжку литературных пародий. Витя говорит: хорошо они у меня получаются.

И вот хочу осуществить этот замысел. С сегодняшнего дня каждое утро, на свежую голову буду писать только пародии. Материала для них – стихотворных книжек – целый шкаф. У многих без труда можно найти то, что само напрашивается под сатирическое перо.

Сегодня, например, меньше чем за час сделал хорошую вещичку «Блажь поневоле» (на Дм. Сухарева). Так нравится, что даже боязно – надолго ли хватит такого остроумия, не выдохнусь ли. Сейчас лишь начало одиннадцатого утра. Попробую до обеда «сотворить» ещё что-нибудь.

Понедельник, 21 октября

Вечером в четверг Мусик уехала в Новокузнецк. Вчера звонила оттуда, вернуться должна завтра к вечеру (если поедет автобусом) или послезавтра утром (поездом). Простыла, говорит, губы обметало. Говорил ей, надень боты, так нет, поехала в летних туфлях, а в ночь с субботы на воскресенье выпал снег (его и следовало ждать, дело-то к зиме).

В субботу Вова с Сашей помогали перевозить вещи бабе и деду на квартиру за Искитимку, а я ездил встречать Светулю (накануне была от неё телеграмма).

Вот Хохлатка и опять дома. Шубку она купила красивую. Ребятам – по рубашке. Деньги за пальто, которое продала, должны прислать попозже. Настроение у Светы вроде бы ничего. Рада, что вернулась в родные пенаты.

У Саши на днях украли на заводе плащ, взломали замок в шкафу и тю-тю, вместе с плащом Володи Пузанова. Это, говорят, не первый уже случай, и обычно такие пропажи компенсирует местком (его вина – шкафы не охраняются), не знаем, заплатят ли на этот раз.

Мусик приедет – вот расстроится. Ведь эту вещь она с трудом достала, когда была в Ленинграде. У нас, в Кемерово, болоньевые плащи можно достать только на «барахолке», да и то втридорога.

Над пародиями поработал я хорошо – за четыре дня написал десять штук. Говорил о них Нелли Николаевне, она выразила согласие использовать в ближайшей передаче штуки две. Сегодня я отнёс ей все; может быть, понравятся и отберёт побольше.

Заходил и к Людмиле Анатольевне, взял стихи для обзора.

Среда, 30 октября

Мусик в воскресенье вечером опять уехала в командировку в Прокопьевск, вернётся, может быть, сегодня к вечеру.

День рождения Хорошки (Вова родился 28 октября. – *Прим. Н. И.*) мы отмечали без неё. Сказать «отмечали», собственно, нельзя: просто я взял ему торт да подарил свои карманные часы с цепочкой (они у меня уже лет 15 идут безотказно, марка «Молния»). Вова подарком доволен, сейчас, говорит, модно носить вещички с цепочками, брелоками. За день до этого мы давали ему десятку, и он отпраздновал свои именины с друзьями – с Гогой и Илюшей (в другие дни они заняты).

О судьбе пародий своих ничего пока не знаю. В передачу «Культурная жизнь Кузбасса» Нелли Николаевна ничего не включила, даже не знаю, каково её мнение. Сам звонить ей не решаюсь.

Приехал на днях Витя, вчера заходил ко мне. Хорошо поговорили, пародии ему понравились. Вместе побывали в изд-ве, получили гонорар по альманаху № 2. Мне за 16 строк «России» заплатили здорово – 54 р. на руки. Напечатали его на внутренней стороне обложки, рядом со скульптурой Трофимова (фигура девушки, должно быть, колхозницы), и расценили высоко, как стих на первой полосе газеты. Я позвонил Олегу, поблагодарил его. Он говорит, что размечали все члены редколлегии.

В продаже альманах появится неизвестно когда, Витя кое-как выпросил у Чигарёвой один экземпляр. Да, поздравил я его с присуждением ему звания лауреата комсомольской премии «Молодость Кузбасса» (сумма премии, говорят, 500 р.). Кроме него, премию получили Григоренко (Георгий Григоренко, член Союза композиторов. – *Прим. Н. И.*) (не люблю его, грешный), художник И. Кузнецов и новокузнецанин Н. А. Капишников, руководитель детского оркестра народных инструментов.

26 октября, в субботу в Советском Союзе запущен в космос очередной космический корабль «Союз-3»; пилотирует его мой одноклассник, Герой (ещё с 1944 г.), заслуженный лётчик-испытатель полковник Георгий Тимофеевич Береговой. Напишу об этом в подборке праздничных стихов, заказ на которые получил, как всегда, от своих старых друзей из радиокомитета (звонил Вл. Андр. Коньков). Надо сделать 5 – 6 стихотворений по 20 – 30 строчек. Завтра займусь этим с утра (сегодня работаю над консультациями, хочется к празднику заработать немного).

Обзор стихов сделал и сдал Л. А. ещё в четверг, но все эти дни в газетах было много материалов, посвящённых 50-летию Комсомола, тут не до обзоров.

Пытаемся устроить Светулю на телестудию. Была она у Вены Власова, потом говорил я с ним по телефону. Намечается одно место – выпускающий программы, но Пётр Мих. Попов сказал, что хотели они уволить парня, который занимает эту должность (за разгильдяйство), да придётся подождать до его призыва в армию (уже было несколько повесток).

Женя (Буравлёв. – *Прим. Н. И.*) решил остаться в Кемерово, сейчас уехал к своей ненаглядной. Уговорит ли её вернуться, трудно сказать, но начальство здешнее обещало, что работа ей будет с нормальными условиями.

Саша эту неделю работает в ночную смену. Трудно ему будет совмещать это с учёбой.

Четверг, 31 октября

Звонил сегодня Фёдор Ефимович (Дёмин. – *Прим. Н. И.*), поздравили друг друга с наступающим праздником Октября. Заходила к нему работница изд-ва (фамилию я не запомнил, незнакомая), и когда Ф. Е. поинтересовался, что они издают в ближайшее время, почему, мол, до сих пор не в работе сборник Небогатова, она ответила, что сборник мой уже сдан в набор, но выйдет только в январе. Январь ещё не скоро, но весть всё-таки радостная. Раз в наборе – это уже на пути к читателю.

День прошёл как-то не очень плодотворно (сейчас шесть часов), сделал только две консультации. Начал было писать новую пародию на Мих. Найдича – не пошло, отложил. Переключился на чтение очередного номера «Лит. газеты». То да сё – вот уже и вечер. Завтра непременно займусь праздничными стихами, времени на них осталось в обрез – три дня.

Пятница, 1 ноября. Утро

Вчера, часов в семь вечера я отправился к Грише (было холодно, и я не стал брать с собой Хорошку, тем более что накануне он уже побывал у стариков), и только отошёл от дома – из-за угла навстречу Мусик. Приехала на такси. Возвращаться я уж не стал, да и Мусик, узнав, что Гриша заболел, сказала, что, конечно, надо навестить.

Старики были рады моему приходу. Гриша, как всякий раз к праздникам, красочно оформил стенгазету, и, довольный, показывал мне её. Настроение у него вроде бы ничего (он никогда не был хлюпиком, и сейчас не киснет); на шифоньере у него целая аптечка лекарств, которые он аккуратно, по назначению врача, принимает.

Посидели, покурили (я ему посоветовал поменьше дымить, вредно сейчас), посмотрели телевизор – был интересный тележурнал «Страницы природы». Маруся, как всегда, угостила чаем с беляшами. Часа через два я был уже дома. Очень беспокоюсь я за Гришу. Сердце его совсем, видно, плохое. Но если бы он по-настоящему осознал это. А то ведь немножко подлечится, отдохнёт и, глядишь, снова начнёт прикладываться к пол-литровочке. Уже сейчас поговаривает, что, мол, в праздники мы с тобой немножко чекалдыкнем. Нет, я постараюсь удержать его от этого.

У Мусика поездка была нормальной, сделала всё, что намечала. Сегодня уже вышла на работу.

И я сейчас начну работать над праздничными стихами.

Понедельник, 4 ноября

Хорошо поработал в эти дни, сделал всё, что намечал сделать к празднику. Написал семь стихотворений (208 строк) для радио, отнёс сегодня В. А. Конькову.

Одно из этих стихотворений (вместе со «Старыми большевиками», стихотв., написанным ещё год – два назад) передал Эле, и одно – из этой же подборки для радио – Людмиле Анатольевне. В общем, если газеты будут нуждаться в праздничных стихах, то они напечатают предложенное им – это то, что нужно.

В позавчерашнем номере «Комс. Кузбасса» напечатан мой обзор стихов. Ваня Балибалов в связи с ним высказал мне интересный совет – давать тематические обзоры (о рифме, о ритме, об образе и пр.), это позволит вести разговор о поэзии более широко и глубоко, с привлечением материала из классики и современной литературы.

В своё время, лет 10 – 12 назад в «Кузбассе» я уже делал такие статьи, но жизнь идёт, подрастают новые поколения, и нет никакого риска повториться, начав создавать новую серию статей такого же характера. Обязательно займусь этим...

Вчера вечером мы с Мусиком сделали пешком дальнюю прогулку к старикам Комиссаровым (родителям Марии Ивановны. – *Прим. Н. И.*) и обратно. Квартира у них просто отличная. Уютно, тепло, всё чистое, свежее. Второй этаж, с балконом. Летом в квартире должно быть много света. И воздух в этом районе города (за Искитимкой) гораздо чище, чем здесь, у нас.

Понедельник, 2 декабря

Почти месяц не заглядывал в дневник, не было настроения. Схватил грипп, а осложнение его, как всегда в таких случаях, ударило по самому слабому месту в организме – в данном случае, по нервам, по психике. Самочувствие весь месяц очень никудышное, просто плохое – какого давно не было, лет десять. Навязчивость мыслей (откуда только что берётся), ночные кошмары, дурацкие сны.

За весь месяц выходил из дому всего раза три – в редакции («Кузбасса» и «Комсомольца Кузбасса». – *Прим. Н. И.*) и в Союз. Работаю мало, но кое-что всё-таки делаю. Дня три назад написал короткие стихи по заказу Илюши (Мякишева. – *Прим. Н. И.*) для передачи в честь Дня Конституции – о труде, учении и отдыхе сельчан. Сегодня с утра работал над стихотворением о дружбе кузбасских и донецких шахтёров – тоже для радио (по заказу Вас. Кирилловича Жутяйкина) к передаче, которая пойдёт в Донбассе. Сегодня же написал рецензию на тексты песен о Ленине, записанные Петром Антоновичем Макиенко (он дважды был у меня). Эти песни предполагается дать по телевидению; редактору некоторые тексты показались сомнительными, поэтому хоровое общество обратилось ко мне с официальным письмом – посмотреть и, если потребуется, отредактировать кое-что. Доработка не оказалась необходимой, а рецензию я написал – положительную. П. А. заверил меня, что за эту работу мне заплатят. Рублей 12 – 15.

Чигарёва заказывала мне стихотворение гражданского характера. Я написал на очень близкую мне тему – о чувстве родины. Это стихотворение должно было быть прочитано в передаче по телевидению «Партийная новь», но почему-то (я не стал интересоваться – почему) его не включили. Сегодня Хорошка отнёс его в «Кузбасс», может, подойдёт в номер, посвящённый Дню Конституции.

Предлагал я три пародии в «Комс. Кузбасса» – тоже не напечатали. Кстати, и Нелли Николаевне они, видно, не понравились. Больше месяца лежат у неё безрезультатно.

6-го ноября «Кузбасс» напечатал два моих стихотворения – «Старые большевики» и «Звёздный путь», первое – в сильном сокращении, которое предложил Ник. Як. (Троицкий. – *Прим. Н. И.*) и на которое я согласился (действительно, многословно у меня вышло). «На гребне дней», предложенное «Комс. Кузб.», прошло – на первой странице.

На днях «Кузбасс» (через два месяца!) всё же опубликовал мою рецензию на «кассету». Но, боже мой, как урезали! Из девяти страниц осталось, наверно, не больше четырёх. Рецензия дельная, но уж очень бездоказательная. Лучше бы совсем отклонили, тогда бы я передал её комсомольцам. Там такие сокращения делают, но реже. По радио ноябрьские стихи переданы не были (ни одно), но в разметку их включили, гонорар прислали – 74 р.

Был у меня как-то, сразу после праздника, Илюша и объяснил, в чём дело: демонстранты из-за мороза прошли по площади почти бегом, и многое, даже своё, комитетское, дикторы прочесть просто не успели.

Светуля уже получила первую получку – с 13-го ноября она работает выпускающим программы телевидения и радио. Занятость у неё не очень большая, имеет возможность заниматься студенческими делами.

Хорошка проходил призывную комиссию. Сказали, что отсрочки ему (из-за учёбы) не полагается. Оставлен до особого вызова, который может быть в любой день. Очень переживаю я это событие – он же совсем ребёнок, мальчишка. Саша пока работает – видно, из-за гайморита его призовут лишь в будущем году. Врач сказал, что по такой болезни отсрочка должна быть не меньше, чем на год.

У Мусика язык всё болит. Сделала она состав из спирта, алоэ и мёду, допивает уже. Одно время стало вроде лучше, а сейчас опять то же самое. Всё, говорят, из-за желудка. Недавно его просвечивали рентгеном, ничего не обнаружили, а отрыжки (слизью) не прекращаются. Просто не знаем, что и делать.

Понедельник, 16 дек.

С неделю назад Саша получил повестку из военкомата – явиться на медкомиссию. Прошёл осмотр, признан годным, на днях будет отправка в часть. На заводе уже рассчитался.

Всё вышло (хотя и следовало ожидать этого) как-то неожиданно и быстро. На два года разлучаемся со своим «тятей бабакой».

Вначале Саша, по его словам, расстроился, даже напугался (шутка ли – в первый раз в жизни отрываться от семьи), но потом смирился. Надо же отдать свой солдатский долг. Бороться за отсрочку нет смысла. Забрать в армию могут с любого курса – учёба в институте не берётся во внимание. Мы с Мусиком сперва тоже сильно переволновались, но что поделаешь, таков удел всех родителей, имеющих взрослых сыновей.

В пятницу, в день Сашиной получки, разрешили мы ребятам устроить в честь проводов небольшой праздник, сходить в ресторан «Кузбасс». А вчера Мусик с Сашей побывали у Комиссаровых. Вернулись домой, Саша вскоре отправился к своей девушке, и вот до сих пор нет его (уже первый час дня). «Загулял». Ох, беда с ним. Сегодня же утром он должен был доложить в военкомате, что на работе рассчитался. Неужели забыл? Я уж не отчитываю его, не ругаю – не хочу омрачать наше расставание. И Мусик тоже. Скоро он и так попадёт в железные тиски военного режима. Это, между прочим, даже полезно для него.

Стихотворение о чувстве родины (Юра назвал его просто «Родина») напечатано 5 декабря на первой странице. Пришлось только, по предложению Юры, дописать две строфы гражданского характера (вместо одной – о твистах и шейках). В «Комс. Кузб.» на первой же странице крупным шрифтом дали моё восьмистишие о Дне Конституции (по заказу Л. А. Фёдоровой) и в этом же номере, в подборке материалов о селе – стихотворение «Сельский мир». А позавчера, в субботу, прошло стихотворение Торбокова «Был у нас кайчи» в моём переводе. Напечатали и одну пародию – на Арк. Рывлина «Не ездят глазами» (8-го декабря).

1969 г., 16 января. Четверг

...Приехал на зимние каникулы Витя, уже заходил ко мне, и я тоже побывал у него. Прочитал написанную им повесть «Не одна во поле дороженька». Тема – деревня военных лет, главный герой – парнишка Минька. Язык, пейзаж – превосходны, но колорит мрачноватый, много отрицательных персонажей. Посоветовал ему ввести образ деревенского коммуниста, не резонёра, разумеется, простого колхозника, но человека всё-таки передового, мыслящего по-партийному, по-государственному. Витя согласился, сказал, что моё мнение целиком совпало с тем, что советуют ему другие ребята (Павловский Олег, например). Я хорошо понимаю причину Витино просчёта: он писал как бы с натуры, по впечатлениям своего детства; не имея опыта, изобразил всё, как было. Но надо ведь учитывать, что любой житейский факт (по Горькому) должен ещё стать фактом художественным, а для этого надо выбирать соответствующие краски, отсеивать ненужное, осмысливать факты, проводить какие-то идеи, быть не беспристрастным регистратором событий, а художником, вооружённым определённой тенденцией.

В новогодних номерах газет были мои стихи: «доработанное» кем-то (наверно, Валентином) и наполовину сокращённое – в «Кузбассе», и пародии (на тему «В лесу родилась ёлочка») – на Женю, Гену Юрова и Валентина – в «Комс. Кузбасса». Последние я сделал часов за пять.

19 января (о Сашиних литературных способностях)

...Сборник мой ему понравился. Напишу, говорит, о нём отдельно. Рецензию. Это будет первая его проба на литературном поприще, на который мы все – Мусик, Света и я – его наталкиваем. У него определённые литературные способности. И наблюдательность есть, и живость описания, и чувство слова (судя по письмам).

27 марта

...записывался на плёнку для радиопередачи о первом дне весны и для телепередачи, посвящённой Вите Баянову.

...Три дня назад открылся в Москве съезд писателей РСФСР. Докладчик по поэзии Василий Фёдоров среди других имён назвал и Витю Баянова. Витя вполне заслужил это.

1970 г., 14 апреля

...Много времени трачу на консультации. А сейчас главная задача – написать стих к ленинскому юбилею (по заказу Юры Баландина) и рупорные первомайские стихи для радио по заказу Вас. Кир. Жутяйкина. То и другое надо делать срочно, а настроения что-то нет. Оно под стать серенькой погоде.

...Хорошка порадовал меня ещё одной способностью: прислал акrostих «Вовка солдат». Я по себе знаю, как трудно писать такие стихи, а он эти трудности шутя преодолел: стихотворная речь звучит очень естественно, даже не заметишь, что начальные строчки, вернее – слова – в каждой строчке заранее заданы. И ритм выдержан, и рифмы приличные. Посоветовал ему заняться этим серьёзно. Сегодня в письме предложил попробовать вместе написать буриме из восьми строчек. Рифмы подобрал специально такие, чтобы наталкивали на содержание. Если всё это Хорошку заинтересует, то буду давать ему темы, различные размеры и вообще задания, всё посложнее. Предполагаю, что он из скромности не придаёт значения тому, что я вижу у него поэтические способности. В способности свои рисовать он ведь тоже не верил, а потом увлёкся и начал работать с огоньком.

5 мая

Ходил сегодня в редакцию, в коридоре встретил Юру Баландина. «Привет, – говорит, – Маститому поэту, которого печатаем из номера в номер». Потом шутя резюмировал: «Совсем, – мол, – обнаглел этот маститый, каждый день носит свои стихи». Я говорю: «Вот опять принёс, ко Дню Победы («Фронтовым братьям»)). Обнаглеешь, если никто другой ничего не пишет.

Вторник, 8 сентября

...на Рижском взморье Света отдыхала с Глебовой Л. В. В столовой сидела за одним столом с Сергеем Островым. Оказывается, настоящее его имя – Моисей Фукс. Этот Фукс – человек не без остроумия: «...никак у меня не пишутся хорошие стихи, сколько ни стараюсь, получаются только... отличные».

Вчера Светуля принесла мне добрый подарок: номер районной газеты «Заря», где целая страница посвящена мне: статья какого-то В. Савельева (предполагаю, что это Матвеев), портрет и несколько стихов. Редакция намерена на этих воскресных страницах знакомить читателей с творчеством кузбасских поэтов, прозаиков, художников и артистов. Приятно, что начали с меня, со «старейшего поэта Миши Небогатова», как выразился однажды, выступая по телевидению, Анатолий Ив-ч Кыков (Кыков А. И., директор Кемеровского книжного издательства. – Прим. Н. И.).

Четверг, 29 октября

(2-го октября Света уехала жить и работать в Хабаровск. Упоминается Светин знакомый – Володя Васильев, который служил там в армии и после демобилизации решил там остаться, работать в военной газете. – Прим. Н. И.)

...Заходил ко мне Витя Баянов. Он опять работает на тепловозе, надоела ему литературная шайка – лейка, не хочет иметь с ней дела...

7 декабря

...Проводили мы Хорошку 16-го ноября. Об этом дне – на память – я написал небольшое стихотворение, которое послал и Вове. Вот оно:

*До чего ж стремительно для нас
Дни твоей побывки пролетели!..
Вновь аэропорт. Прощальный час.
Зимний вечер с посвистом метели.
День приезда заново б начать!..
Но уже объявлена посадка.
Как приятно, радостно встречать.
Как прощаться, провожать
несладко.
Ничего в тот миг иного нет:
Губ твоих тепло, тепло ладони...
Самолёта белый силуэт
На вечернем чёрном небосклоне.*

*Вот уже от нас ты вдалеке,
За незримой времени отметкой,
С чемоданчиком в одной руке,
А в другой – с пузатенькою сеткой.
Быстро к самолёту ты шагал.
Мы стояли, вслед уныло глядя.
Рядом с нами чуть ли не рыдал,
С кем-то лобызаясь, рослый дядя...
Мчал автобус нас, снежком рябя,
А в глазах одно в моторном стоне:
Как ты шёл туда, где ждал тебя
Белый самолёт на чёрном фоне...*

Сейчас уже немножко отошёл, а в первые дни после отъезда Хорошки было очень мутно на душе. Включу магнитофон, слушаю его любимые мелодии, сидя с сигаретой в кухне, и такое впечатление, что он ещё дома, что это он проигрывает свою «Лайлу»...

29 ноября звонила Светуля. Мусика дома не было, так что говорил я один. Радостно было услышать её голос. Показалось мне, что грустновата она. Но вскоре после этого получили мы письмо и, судя по нему, житьём в Хабаровске она

довольна. Много занимается, одну контрольную уже отослала в университет, готовит другую – очерк, который надо представить напечатанным в газете. Начало сотрудничеству в газете уже положено – прислала экземпляр воинской газеты «Суворовский натиск», в котором её рецензия на книгу одного известного военачальника. Написана хорошо. Перевели Хохле сто рублей – есть, говорит, возможность приобрести зимнее пальто или шубку рублей за 120.

1971 г., вторник, 12 января

Вчера пришло от Хохли письмо, в котором она сообщает о том, что выходит замуж за Володю Васильева. Свадьба и регистрация – в субботу 16 января. По этой дате можно понять, что заявление в ЗАГС они подали сразу же по её приезде в Хабаровск (на обдумывание брака и развода даётся три месяца). Прав я был, говоря Мусику, что Света едет в Хабаровск, одержимая одним желанием. Так и оказалось. Ну, что ж, всему своё время. Жаль только, что это важное в её жизни событие произойдёт вдали от дома, от всех нас. Одиноко и грустновато будет она чувствовать себя. Были бы деньжата (а их нет), можно было бы Мусику или Саше слетать на самолёте (до Хабаровска, говорят, часов восемь лёту). Не имеем возможности даже подарить Хохле обручальное кольцо, поистратились. На один ремонт телевизора (на днях заменили кинескоп и много деталей) ушло ни много ни мало – 50 р. Но как бы ни было, это кольцо мы всё-таки подарим (может быть, удастся заключить договор на новый сборник и получить аванс).

О Володе Света отзывается очень хорошо: умный, чуткий, преданно любит её, перспективный, как журналист. Общая профессия, одни интересы, а главное, мол, – очень уважаем друг друга. Дай-то бог им счастья.

17 апреля

...Хорошку я всё же приохотил к стихам. Стал чаще читать их и присылать мне несколько своих, среди которых есть просто хорошие и по форме и по настроению. Одно из его стихотворений я записывал на плёнку в радиопередаче, посвящённой Дню Советской армии. Гонорар получил, но передачу сам не слышал, так что не знаю, дали ли Хорошкин стих.

Пишет он нам часто. Прислал несколько фотографий, они – передо мной, на столе. Скоро должны увидаться – до дембеля недалеко.

3 мая

...Написал сегодня утром песню «Мой друг фронтовой» для Феликса Марка. Он договорился, что её передадут по радио в День Победы (нет, кажется, накануне, 8-го). «Рыба» по ритму была очень сложная, трудная, но я всё же справился с этим, вышло вроде неплохо. Феликсу понравилось.

Обзор мой «Не техникой единой...» «Комс. Кузб.» напечатал 27 апреля, правда, с большими сокращениями – Илья Ляхов усомнился – не плагиат ли одно из стихотворений (а говорилось у меня об этом стихотворении много)...

Понедельник, 16 августа

На днях отнесу «Золотую осень» (венок сонетов. – *Прим. Н. И.*) на радио, а потом уж предложу газете. Лучше, по-моему, «Комс. Кузбасса», Рудольф напечатает охотнее, чем Денискин (Валентин Иванович, редактор газеты «Кузбасс». – *Прим. Н. И.*). Тот стихи вообще не печатает. А в «Комс. Кузбасса» тем ещё хорошо, что я там выступаю как преподаватель – стиховед, и «Золотая осень» будет практическим подспорьем для молодых, так как венок сонетов – это в принципе вершина мастерства любого поэта.

Отнёс сегодня Эле семь консультаций, заглянул к Юре Баландину. Из пяти сонетов «Молодость» он «за» три последних, я не стал возражать. ...Обещал «двинуть»...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ПЕРЕПИСКА

1970 – 1980-е гг.

(из неопубликованного семейного архива Небогатовых)

I. ПИСЬМА ОТЦА ДОЧЕРИ СВЕТЛАНЕ

21/X-70 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Что ж ты, наша беглянка, ничего не пишешь? Одно можно предположить, что не о чем писать тебе, что ничего хорошего из этой поездки не вышло ни с работой, ни с жильём. Но всё равно ведь мы должны знать, что и как.

Спасибо тебе за бандероль с «Шипкой». Получив извещение, я долго гадал, что бы это могло быть. А когда получил на почте, сразу понял. Очень тронуло меня твоё внимание.

В тот же день было письмо от Хорошки – ответ на моё, в котором я высказал всё, что думаю о твоём скоропалительном решении начать самостоятельную жизнь. Хорошка – парень серьёзный, вдумчивый, в этом письме он ещё не мог сказать чего-то определённого, но не советует сильно расстраиваться. Раз, мол, Хохля решила на такой шаг, значит, всё взвесила, обдумала. Она же вполне взрослый человек. Личность.

Понравилось мне, как характеризовал он меня. Тебя, мол, трудно было бы переубедить, мы же знаем тебя: «Не, не, не. Ну, ладно». Тут, правда, некоторое противоречие. «Ну, ладно» – это говорит о том, что договориться со мной можно. А «Не, не, не» – это лишь первая моя реакция. Но дело не во мне, а в том, чтобы у тебя было всё хорошо. Я много думал обо всём этом – и, представь, остался при своём мнении, т. е. не вижу ничего положительного в твоём отъезде, можно сказать, бегстве из дома. От чего было бежать-то? Жили мы дружно, в личные дела твои я не вмешивался, никаких ограничений в твоей «свободе» не было. Были все условия для работы и учёбы. А главное – здоровье у тебя плохое, чуть приболела – к услугам спецполиклиника, отличные, внимательные врачи. А теперь? Если ты уже работаешь в газете, то, наверно, успела убедиться, сколько отнимает сил и времени эта работа.

26/X-70 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Мы уже потеряли было всякую надежду получить от тебя весточку, но вчера я заставил маму сплестись: пошёл доставать почту, а там – твоё письмо! Порадовало оно нас и немного успокоило. Значит, всё у тебя нормально, жизнь входит в свою колею. Не поняли только, устроилась ли ты в штат или пока работаешь на радио внештатным корреспондентом? Судя по гонорару, который заплатили за одну передачу (60 рр), в Хабаровске, видно, платят северные или как их там называют? Хорошо бы. Тогда бы ты жила безбедно.

Молодец Володя, что помог тебе устроиться с жильём. Квартира благоустроенная? А сколько стоит твоя комната? Тоже, наверно, по «северным» расценкам, дорого?

Больше всего нас порадовало, что ты физически хорошо себя чувствуешь. Ну, а к новым условиям и ко всяким связанным с ними трудностям помаленьку

привыкнешь. А если что-то будет не так, то можно домой вернуться. Романтика – она ведь хороша порой только издалека...

У нас всё по-старому, поскольку и сами уже старички. Мама к празднику перестирала бельё, гардины, занавески, простыни. Ждём Хорошку. Сегодня к его именинам перевели ему пятёрочку.

От Саши пока ничего нет. Мама очень переживает, говорит, хоть по рации разговор заказывай. Успокаиваю её тем, что письмо уже в дороге, но долго идёт из этого чёртова Чебунтана.

Работы у меня хватает. Сейчас отнёс в «Комс. Кузбасса» обзор, а оттуда притащил целую кипу рукописей. Завтра с утра засяду за праздничные стихи для радио, а потом надо будет написать рецензию на книгу Чигарёвой. Договорился с «Кузбассом». Посылаю вырезку со стихом. Говорят, «волнительное». Так ли?

Мама взяла мою авторучку, пишу шариковой, поэтому кое-что, наверно, неразборчиво. Но ты-то понимаешь меня с полслова, разберёшь.

Сдержи своё слово – пиши почаще. И вырезки (или газеты) присылай. Рецензировать буду строго, учти.

Ну, всего хорошего тебе, Хохлаточка.

Целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: А письмо твоё дошло очень быстро – за три дня.

19/XI-70 г.

Здравствуй, дорогая моя Хохлаточка!

С утра сегодня съездил на приём к врачу, вернулся – только что, похоже, принесли почту, но наш ящик оказался почему-то пустым. Подумал: наверно, мама дома. Но она пришла лишь через полчаса. Тогда мелькнула мысль: может, Саша приехал, вынул газеты, но, не застав никого, уехал к дяде Грише? Так пока и не знаем, кто, как говорит баба, опять «напакостил».

А про Сашу я подумал не случайно: с неделю назад было от него письмо (шло оно 20 дней!), в котором Саша пишет, что до 20-го ноября, как «идёт разговор», никого из них, «стариков» (старослужащих. Саша писал из армии. – *Прим. Н. И.*), не должно уже быть в Чебунтане. Если «разговор» достоверный, то Саша должен быть дома в ближайшие дни. Если их не оставят где-нибудь дослуживать до звонка, т. е. до конца декабря, когда призывались.

Мама уже писала тебе, что к празднику приезжал Хорошка.

Ох, Светуля, и радость у нас была! 6-го рано утром я позвонил на вокзал, справился, когда прибывает барнаульский поезд. Ответили, что часа в 3 утра он должен быть в Топках, а с каким поездом ваш гость приедет в Кемерово, трудно сказать. Мы с мамой рассудили, что с новокузнецким, который прибывает часов в 8. Я так и сказал маме: если в это время кто-то к нам постучится, то это будет наверняка Хорошка. Около восьми часов мама готовила завтрак, а я умывался. И вдруг действительно стук в дверь! Бегу открывать и знаю, что это он! Так и есть! Входит наш служивый – в шапке, в сапогах, в шинели с лычкой ефрейтора, с чемоданчиком в руке. Обнялись, расцеловались. За завтраком Вова рассказал, что из Топчихи он выехал ещё 4-го, но в Барнауле, в аэропорту, пригревшись на скамейке, заснул (до этого всю ночь не спал, делал стенгазету), а когда проснулся, самолёт уже улетел. Целый день Хорошка ждал поезда, голодный, потому что отпускные не успел получить. В Новосибирске тоже до поезда в Кемерово было долго ждать, но тут он вышел из положения: заглянул к Тане Ядыкиной. Встретили

его, как родного. Вот так из-за случайности потерял он в дороге два дня. Но всё же на этот раз он был дома намного дольше, чем в командировке: целых десять дней!

Как их провёл Хорошка? Большое время был дома, с нами. Правда, и развлёкся немного. Сходил с Володи Усовым на цыганский концерт в филармонии, два вечера потанцевал в клубе ГРЭС. Кроме Володи, навестили его Гога и Илюша Мольникас.

Не обошлось, к сожалению, и без неприятности. 7-го он ходил в гости к Илюше; тот часов в десять вечера пошёл его провожать, а по дороге какие-то хулиганы крепко поколотили их. Хорошка пришёл утром (мама Илюши не отпустила его, оставила ночевать) с большим кровоподтёком под левым глазом. Вот сволочье – избить таких парней, смирных, деликатных, безобидных. Вова говорил, что Илюша, когда они вернулись к нему домой, плакал и всё приговаривал: Мама, ну за что они бьют меня?.. Оказывается, что били уже много раз. Ни за что, ни про что. А теперь вот и его другу досталось.

Долго ходил Хорошка с синяком, но до отъезда всё исчезло – протирал бодягой. Всё тревожился, что ротный может плохо подумать о нём: дескать, напился, нахулиганил, чего и в помине не было. За всё время, пока он был дома, мы не видели его даже немного «забалдевшим». Брал я ему только сухого вина, и ни у деда, ни у дяди Гриши Хорошка ни разу не перебрал. Да и нет у него, как я ещё раз убедился, этого пристрастия – напиться.

Вообще, Светуля, наш Хорошка – золотой парень. Не нарадуюсь на него. Говорит мало, а что скажет – всё разумно, серьёзно. Это такой человек, от которого (как говорил про Чехова Толстой) невозможно ждать чего-то плохого. Всё в нём устойчиво и надёжно. От одного его пребывания дома у меня душа ликовала, хотя виду я особенно не показывал, чтобы не показаться чересчур сентиментальным. С ним приятно даже посидеть рядом молча. И почему я в него «такой влюблённый» – сам не пойму. Вот включу магнитофон (он показал мне, как это делать), стою в кухне, курю, а впечатление такое, что он всё ещё дома, что сидит он в вашей комнате в кресле, читает что-то, покуливает из мундштучка, который я ему купил, а в горле – спазмы... Мама называет это слюнтяйством, а что я могу поделать с собой.

Обещал он дать телеграмму о прибытии на место, а её почему-то нет. И опять причина для расстройства. Уж не случилось ли что. Провожали мы его в метельный день, не очень благоприятный для полёта. Был уже поздний вечер, белая земля, чёрное небо и на его фоне – белый силуэт самолёта, по пути к которому Хорошка расцеловался с нами. А потом быстро пошёл, оглянулся, мы помахали ему.

На другой же день, 17-го, я написал ему письмо – было такое настроение.

А расставание с тобой стоит передо мной укором. Ты вот просишь прощения, что оставила меня почти в горе. Так оно и было. Но и я прошу тебя: прости меня, Светуля, что так холодно попрощался с тобой, сказал только: счастливого пути. Уж сильно был расстроен. А по-хорошему-то надо было проводить тебя на вокзал, вместе с мамой. Ну, ладно. Были мы с тобой друзьями и останемся ими. Я ведь тоже очень люблю тебя, потому и рассердился так, когда ты на всё махнула рукой и «сорвалась». А теперь я тебя понимаю. И радуюсь, что всё у тебя хорошо – и город нравится, и работа по душе, и не гнетёт тебя это положение: дочка М. Небогатова, а не просто Светлана Небогатова, журналистка, самостоятельная личность.

Насчёт твоего возможного замужества, Светуля, не хочу навязывать никакого наставления. Хочу только, чтобы твой муж был достойным тебя, чтобы он был твоим истинным другом и единомышленником. И ещё хотелось бы, чтобы как журналистка ты была Небогатовой, а не какой-нибудь Петровой-Сидоровой.

Сейчас попробую поработать над стихотворением о луноходе. Кое-какие мысли есть.

Ну, счастливо, моя хорошая. Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Странно, почему наши поздравительные открытки не дошли до тебя. Мама послала числа 25-го октября, а я 2-го ноября. Авиапочтой.

16/XII-70 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Сейчас мама приходила на обед, сказала, что видела Люду (сестру Марии Ивановны. – Прим. Н. И.). Люда говорит, что ты прислала ей чисто деловое письмо, в котором сообщаем, что очень занята. Поэтому мы и не удивляемся, что пишешь ты не часто – дел у тебя хватает.

У нас всё по-старому. Мама на работе крутится, а я корплю над консультациями. Конец года, Суворова торопит, чтобы разгрузиться от рукописей, которых, как всегда, целая груда у меня. По правде говоря, надоело мне возиться со всякими этими сочинителями, засыпающими редакцию своими писаниями в рифму и без рифм, но бросать эту работу не хочется – какой-никакой, а кусок хлеба. С бóльшим интересом пишу я обзорные статьи, но их стали печатать что-то реже.

Вчера получили от Хорошки грустное письмо. Нет, говорит, мочи так жить – в ожидании «дембеля», до которого и мало и много. Прислал две фотокарточки. На одной он снят возлежащим на койке, с сигареткой у рта. Этаким кум королю, поплёвывающий в потолок. На обороте надпись: «Вот что такое «старик».

А на другом снимке – портрет Ленина, который Хорошка рисовал сам для ленкомнаты. Сходство большое. А самое главное – удачно передан взгляд Ленина – живой, осмысленный, не то, что на большинстве стандартных портретов, нарисованных самодеятельными художниками. У Хорошки это врождённый дар – ты, конечно, помнишь все его автопортреты, везде самое выразительное – глаза, взгляд.

А от Саши ни слуху, ни духу. Наверно, со дня на день ждёт демобилизации, потому и не пишет. Небось, извёлся весь. Писал он как-то, что до 10-го декабря должны их всех отправить по домам, а теперь, видно, раньше Нового года не отпустят.

Был недавно Рёба (Рёба – это Сашин друг детства. Они выросли в одном дворе, и пронесли эту дружбу до зрелого возраста. Он умер в один год со Светой и Вовой, т. е. в 2006 г. А настоящее его имя Сергей Григорьевич Ракишев. – Прим. Н. И.) и с ним Володя Пузанов – только что приехал. Повзрослел, возмужал, но всё такой же застенчивый и смирный. Пока, говорит, поработаю, а потом думаю выучиться на лётчика гражданской авиации. Постоял в армии в охране на аэродроме и вот, в небо потянуло!

Рецензия твоя в «Суворовском натиске» мне очень понравилась. Это уже не ученическая проба пера, а серьёзная, дельная вещь. И об авторе, и о содержании книги тебе удалось сказать коротко, но исчерпывающе, ёмко. Заметен творческий рост – говорю это не для красного словца. Давай продолжай в таком же духе – с полной отдачей сил и способностей. Но сильно-то всё-таки не перенапрягайся, старайся умело распределять работу и отдых. Ты ведь слабенькая, утомляться нельзя. Шубку или пальто купила? Если купила – нравится? Сегодня мама послала тебе пуховый платок, варежки и духи. Думаем сообразить посылочку и Хорошке. К празднику (к Октябрю) я, верно, неплохо заработал: 143 р. на радио и телевидении,

да 95 р. заплатили мне в «Кузбассе» за осенний цикл и стих о площади Советов. Хорошо расценили.

Посылаю вырезки со стихами. Почитай, выскажи своё мнение (обо всех). На портрете я – как дядя Гриша, правда?

Ну, всего хорошего тебе, Хохлаточка.

Крепко целую. Папа.

21/ХІІ-70 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Из разговора по телефону ты уже знаешь, что Саша дома, даже несколькими словами успела с ним обмолвиться.

Прослужил он от звонка до звонка – призывался 19-го декабря и приехал тоже 19-го, день в день. Это какое-то особое число – ведь и Хорошка ушёл в армию 19-го мая, а через год, когда приезжал в командировку, отбыл из дома опять-таки 19-го же мая. Редкое совпадение, правда?

Вместе с Сашей заезжали к нам двое его однокашников – один житель Ленинска, другой – Прокопьевска. Все трое – худые, усталые, можно сказать, измождённые. Немало потребуется времени, чтобы Саша окреп, набрался сил, отдохнул душевно и физически. Натерпелся он всего. Теперь многие трудности позади. На первых порах частый гость у нас Володя Пузанов. Он мне нравится – скромный, простой и порядочный парень.

Обсуждали мы троём, на семейном совете, планы на будущее. Саша не возражает попробовать свои силы в журналистике, поработать, если удастся устроиться, до поступления в институт в какой-нибудь многотиражке. Надо приобщаться к интеллектуальной среде. В общем, поживём – увидим, а пока мы радуемся, что Саша благополучно отслужил и опять дома. Заведём с ним магнитофон, слушаем и вспоминаем про тебя и Хорошку. Мы-то вот все вместе, а вы – каждый поодиночке. Ты, конечно, вольная птица, устроила свою жизнь, как хотела, и, судя по всему, не жалеешь, что уехала из дому, а Хорошка не чаёт, как вырваться домой, потому что нелегко это – быть подневольным человеком. Пишет, что просто мочи нет так жить.

В феврале, может, заглянешь повидаться? Очень мы соскучились по тебе. Мама прямо в восторге от твоего сообщения, что ты успешно подготовилась к зимней сессии и заслужила такого вызова, какой и полагается. Мол, стало у тебя больше ответственности – вот и результат. Я тоже от души поздравляю тебя с успехами. Молодчина.

Моя рецензия на книгу Чигарёвой Суворовой что-то не понравилась – не сумел, дескать, я отойти подальше от текста (в рецензии много цитат) и получилось что-то вроде большой аннотации. Если и у Баландина такое же будет мнение – возьму рукопись обратно и доделаю. А главная моя работа сейчас – литконсультации. Никак не могу разгрузиться с ними.

Посылаю обзор. Посмотри на досуге. Не повторяюсь ли я, а?

Ну, счастливо, Хохлаточка.

Крепко целую. Папа.

5/І-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Вот уже, как говорится, и Новый год вступил в свои права. Гостями 31-го декабря были у нас супруги Сизовы (Сизовы Николай Иванович, артист филармонии, мастер художественного слова, тещ, и Надежда, его супруга. – *Прим. Н. И.*), которые, правда, изрядно утомили нас, потому что пришли к нам в пол-

одиннадцатого, а ушли в полпятого. 1-го января мы были у деда, смотрели по телевизору «Огонёк», 2-го у дяди Гриши, а 3-его одни, потому что Небогатовы обещали, но почему-то не пришли.

Саша встречал Новый год в компании недавних солдат, среди них – Серёжа Ракишев и Володя Пузанов, гулял целые сутки. Это – единственный раз со времени своего приезда.

Прислал Хорошка акrostих «Вовка солдат». Написано здорово, стихотворная речь естественная, никакой связанности из-за начальных букв. Настоятельно посоветовал ему заняться стихами всерьёз.

Вот и Саша с интересом принял наше предложение попробовать свои силы на журналистском поприще. На днях сходит на зимнюю выставку цветов и напишет о ней. В семейном кругу обсудим, как получится, если – удачно, то пристроим его куда-нибудь. До учёбы.

Своей просьбой насчёт родительского совета ты, Светуля, поставила нас в затруднительное положение (если она – не пустая формальность). Какой же мы можем дать совет, если в глаза Володю (речь идёт о будущем муже Светланы Владимировны Васильеве, журналисте. – *Прим. Н. И.*) не видели, словом с ним не обмолвились? Всё, что ты говоришь о нём – похвально. Но есть одно маленькое «но». Это – мнение Люды (Люда – сестра Марии Ивановны. – *Прим. Н. И.*). Она просто поражена. И её суждения несколько смущают нас. А вообще-то смотри сама. Советовать или не советовать по поводу твоего выбора мы не можем. Это тот случай, про который в народе говорят: покупать кота в мешке. Если Володя преданно любит тебя, а ты так же его, и если ты чувствуешь, что вы будете настоящими друзьями, то решай, как подсказывает сердце. Короче говоря, не забывай и сама свой завет, который ты дала Саше в новогоднем поздравлении: будь благоразумной, всё-всё как следует обдумай. Ты умненькая, и я не думаю, что можешь сделать что-то сгоряча, не взвесив все «за» и «против». Мы-то хотим одного – чтобы ты была счастливой. Чтобы в любом случае не был твой выбор друга жизни каким-нибудь порывом – не больше.

Началом Нового года я с одной стороны доволен, а с другой – нет. Приятное то, что в новогоднем номере «Кузбасса» напечатали мои пародии, а неприятное – что до сих пор не разгрузился с прошлогодними рукописями, в долгу перед обеими редакциями. С полмесяца ещё придётся сидеть над этими консультациями, а тут поджигает срок сдачи сборника Толи Саулова. Работы – прямо по горло, а организовать продуктивно свой рабочий день не всегда удаётся. И это вызывает неудовлетворённость собой, даже злость. О писании стихов пока и думать нечего.

Да, большое тебе спасибо за посылочку с сигаретами! Больше не тревожься, будем с Сашей как-нибудь выкручиваться сами. Как сказал бы пан Спортсмен: – Это же надо, с куревом – и проблема.

Вспомнил сегодня о твоей просьбе насчёт адреса Измайлова. Адрес у него такой: г. Кишинёв, 38, ул. Роз, д. 29/2, к. 9. Я, между прочим, и не знал, что у Володи есть ещё брат, который живёт в Хабаровске.

Пришла на обед мама. Саша с Володей Пузановым собрался в ателье к Арону на примерку зимнего пальто.

А как твои успехи? В газетах сотрудничаешь? Если появится что – присылай.

Ну, ладно, Светуленька, закругляюсь.

До свидания. Крепко целую. Папа.

Только вчера отправил тебе длинное письмо, а сейчас вот пришло от тебя, и я сразу же решил ответить.

Значит, Новый год встретили хорошо? Молодцы, что и без чьей либо опеки проявляете находчивость – даже мясца дляпельменей достали. А никакого события в Новый год не произошло, а? Только откровенно! А то Хорошка не так давно писал нам: мол, жаль, не побываю на Хохлиной свадьбе, дело, мол, к этому... Не знаю, почему он долго не пишет тебе. Нас – не забывает. И поздравительную открытку прислал, в которой, в частности, есть такие трогательные слова: «Живите радостно и никогда не печальтесь. Я для этого повода не подам». В этом весь он, наш Хорошка. Знаем – не подаст.

А про ёлку, Света, я забыл тебе черкнуть. Да, мы её поставили, всё там же – в вашей комнате. Свеженькая, думаем, что сохранит зелень до Сашиных именин (Сашин день рождения – 14-го января. – Прим. Н. И.). Уютно с ней, чувствуется, что праздник именно новогодний, а не октябрьский, скажем, или майский.

Спасибо тебе за хорошие отзывы о моих стихах и обзорах. Постараюсь, чтобы ты никогда не разочаровалась в них: мол, исписался старик, начал халтурить. Чем дойти до этого – лучше бросить совсем, «проявить чувство точки». Пусть это подольше не случится. И тебе я желаю больших успехов. Отлично понимаю твою некоторую неудовлетворённость в работе на радио. Печатное слово всё-таки – великое преимущество перед звучащим. Ну, ничего, может, ещё удастся перейти в газету. А пока время от времени пиши туда.

Саша сегодня второй раз побывал на выставке цветов. Говорит, что есть кое-какие впечатления и мысли, как всё это оформить. Загорелся, чувствуется, по-настоящему. Но с работой я его не тороплю – пусть ещё отдохнёт. С выставкой поспешили только потому, что она скоро закроется. А вообще-то ему не грех подольше поспать, повстречаться с друзьями. Как-никак два года не жил он нормальной жизнью. Вот и сейчас пришли к нему какие-то армейские товарищи (я их не знаю), принесли пол-литру, но Саша обещал не пить ни грамма, чтобы лишний раз не расстраивать нас.

Саша – с нами, и на душе легче. А о Хорошке я всё скучаю, один он там, как и ты. Посвятил ему два стихотворения. Одно – ещё в прошлом году, сразу после его отпуска.

Хочешь почитать? Вот оно:

*До чего ж стремительно для нас
Дни твоей побывки пролетели!..
Вновь аэропорт. Прощальный час.
Зимний вечер с посвистом метели.
День приезда заново б начать!
Но уже объявлена посадка...
Как приятно, радостно встречать.
Как прощаться, провожать
несладко...
Ничего в тот миг иного нет:
Губ твоих тепло, тепло ладони...
Самолёта белый силуэт
На вечернем чёрном небосклоне...*

*Вот уже от нас ты вдалеке,
За незримой времени отметкой,
С чемоданчиком в одной руке,
А в другой – с пузатенькою
сеткой...
Быстро к самолёту ты шагал.
Мы стояли, вслед уныло глядя.
Рядом с нами чуть ли не рыдал,
Лобызаясь с кем-то, пьяный дядя...
Мчал автобус нас, снежком рябя.
А в глазах одно в моторном стоне:
Как ты шёл туда, где ждал тебя
Белый самолёт на чёрном фоне...*

А сегодня, слушая магнитофонные записи, экспромтом написал ещё одну вещицу – акrostих:

Включим магнитофон.
Он плачет, грустью тая.
В него ты так влюблён!
А сам – в степях Алтая...
Но вот уж Новый год,
Есть радости частица:
Глядишь, весна придёт,
Разлуки час промчится.
Уйдёт туман зимы
С околиц и предместий –
Тебя обнимем мы,
И снова будем вместе!

Напишу как-нибудь стихотворное послание и тебе. Чувств – много, времени лишь маловато.

Позавчера – за полчаса, не больше – сделал (как выражался Маяковский) вещицу на «злобу дня». Напечатали сегодня в «Кузбассе» на первой странице среди других откликов на это событие. За этот стих, Светуля, не хвали, сам знаю, что он – не фонтан, но... дорого яичко к христову дню.

Пришла с работы мама, обрадовалась твоему письму, когда я сказал, что оно есть. Первым вопросом её было: – Замуж не вышла? В голосе – тревога. А я невольно вспомнил: «Что за комиссия, создатель...»

Сегодня весь день я – за столом, сижу над своими литконсультациями. Наверно, и после ужина поработаю, *поки* вдохновенье, как говорит Тарапунька.

Ну, всего доброго тебе, моя хорошая.

Крепко целую. Папа.

PS: Пересылаю две поздравительных открытки от твоих старых друзей. Может быть, они тебе «без интересу», но всё же.

12/ I-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Получили твоё письмо с сообщением о важном событии в твоей жизни. Ну, что ж. Всему своё время. Как говорили родители в старину – благословляю, а как говорят сейчас – поздравляю с законным браком. Мама ещё не знает, она в командировке. Поехала читать лекции в Осинниках, Новокузнецке, Прокопьевске. Не знаю, как она воспримет эту новость, а лично мне стало почему-то немного грустно. Такое чувство как будто ты перешагнула какую-то черту, за которой все мы – мама, я, Саша, Хорошка – окажемся далеко. Очень жаль, конечно, что на твоей свадьбе нет возможности побывать кому-нибудь из нас – это обстоятельство тоже как-то отразится на твоём настроении. И ещё очень досадно, что не можем преподнести тебе подарок – золотое кольцо. Вообще-то оно у тебя будет, я это сделаю, но хорошо бы ко времени. Что-то здорово мы поистратились, на сберкнижке – всего 40 рублей, а в кошельке – три рубля (до получки). Но как только деньги появятся – обязательно сделаем перевод.

Недавно (наконец-то!) отремонтировали телевизор – заменили кинескоп и многие детали, – показывает он сейчас прекрасно, но это удовольствие стоило ни мало ни много – 50 р.!

На днях пойду к твоему бывшему шефу Банникову – буду настаивать на заключении договора и выдаче аванса за новый сборник. Предвижу, что без

нервотрёпки опять не обойдётся. Начнёт крутить хвостом, ссылаться на то, что «Свет в окне», мол, ещё не весь разошёлся и т. п. На юбилейное – в этом году – издание не надеюсь, но уж на 72-й год, наверно, договоримся.

Саша собрал весь необходимый материал для корреспонденции о выставке, но засесть писать никак не удаётся – одолели друзья, отрывающие его от дела праздными занятиями и разговорами.

От Хорошки что-то давненько ничего нет. Но об именинах дяди Гриши (8 января) он не забыл, прислал открыточку. Порадовал старика. Через год дяде Грише уже на пенсию.

Жизнь идёт своим чередом. 2-го июня у нас с мамой тоже знаменательная дата – серебряная свадьба. Ничего себе, а?

Ну, моя дорогая Светуля, ещё раз прими моё поздравление и пожелания всего доброго, счастливого в новой жизни.

Крепко целую. Папа.

Привет Володе.

21/ I-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Да, печальную новость сообщил вчера Володя. Как же это так? Вот уж поистине – не знаешь, где поскользнёшься. Как радовалась ты, что на этот раз получила из университета оплачиваемый вызов, и как надеялись мы повидаться с тобой в феврале. А теперь будешь прикована к постели, как сказал Володя, месяца на два.

Между прочим, сколько уже раз я замечал: когда загадаешь что-нибудь хорошее – не сбывается оно. В этом смысле я даже немного суеверен. Помню, покойный Анат. Ив. Кыков говорил как-то маме: что, мол, за человек, Мих. Ал., нашёл – молчит, потерял – молчит (это было сказано по поводу того, что я никому не говорил, не хвастался, что переписываюсь с Твардовским). Не хвалился – и правильно делал: переписка была длительной. Зато когда поделился с дядей Гришей своей радостью, что получил письмо от Шукшина, получилось наоборот: на второе моё письмо Шукшин почему-то не ответил.

Вот и с тобой так же вышло. Знаю, как ты ценишь красоту женских ножек – и вот на тебе: сломала свою. Представляю, как ты, бедненькая, переживаешь, опасаешься: не будешь ли прихрамывать. Но Володя сказал, что осколков нет. Будем надеяться, что кости срастутся ровно. А боль – сильная?

На днях я получил в газете гонорар, и мы переведём вам немного денег. Судя по всему, вы сейчас совсем с пустым кошельком, даже в кассу взаимопомощи должны. Перевод сделаем на твоё имя – с доставкой на дом. А на будущее сообщи, Света, отчество Володи – ты ведь долго будешь на постельном режиме.

Да, кстати, как теперь адресовать тебе письма – на имя Васильевой, да? Володя вкратце рассказал кое-что о том, как прошла у вас свадьба, а ты напиши подробнее. Интересно. Очень был удивлён я, что наша телеграмма пришла к вам только в понедельник. Одно название – телеграмма, а в пути была столько же, сколько письма.

У нас всё по-старому. Правда, тоже был неприятный случай с Сашей: пошёл он к другу встречать старый Новый год – накануне своего дня – рождения, ночью, за Искитимкой, напали на него хулиганы, избили, раздели (сняли шапку, шарф, перчатки, туфли, которые потом, уже утром он нашёл, т. е. туфли), часа два Саша ходил босиком по снегу, обморозил ступни; спасла его какая-то добрая старушка, впустив в дом. Побили сильно (пинали лежачего!), врачи даже проверяли, нет ли

сотрясения мозга... Но это уже позади... Сейчас Саша каждый день пишет о выставке. Очень хорошо получается у него.

Ну, ладно, Светуля. Пока. Давай быстрее поправляйся. Крепко целую. Папа.

Привет Володе от всех нас.

Приписка с левой стороны страницы: Нам с Сашей по разговору Володя очень понравился. Хорошо, что ты сейчас не одна, имеешь преданного друга. Это намного легче.

12/II-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Извини, пожалуйста, что так долго не писал. Дел всяких уйма. Больше всего времени отнимают литконсультации (на днях отнёс в «Комс. Кузбасса» сразу 34 ответа, всё надо было прочитать, «переварить»), а недавно – звонок от Суворовой: много ли писем у меня за декабрь; у них там какая-то комиссия по проверке ответов из редакции, ругают, мол, её, что ещё за декабрь задолженность. И опять я – за стол, строчить эти ответы, будь они неладны. А тут со своим сборником (юбилейным) заминка: в издательстве высказали претензию, что мало новых стихов. Была стычка с твоим бывшим шефом; на этот раз я, на удивление себе, не выглядел просителем, отстаивал себя, свою работу (оба накричали друг на друга – не узнаёшь, поди, меня?). Рассказал маме, она одобрила: правильно, дескать, вот это мужской разговор!

Решил я, Светуля, сделать новый сборник процентов на 80 новым: включу в него (первым разделом) поэтическую публицистику – из лучших стихов, которые передавались по радио и печатались в газетах, часто на первой полосе; будет также раздел «Из стихов военных лет» (небольшой) и «Стихи детям». И то, что уже сдал в изд-во (ты относила): лирика, юмор и сатира, переводы.

Против публицистики, предвижу, будут возражения: вы, мол, М. А., лирик же, но я буду настаивать. В самом деле, кто, как не я, всегда первым откликается на «злобу дня»? Почему же эти стихи должны затеряться где-то в газетных подшивках? Ведь сборник – своеобразный отчёт за 25 лет с лишним лет работы. Без этих стихов создастся впечатление, что я поэт, живущий вне времени, тогда как на самом деле – наоборот. И детские стихи есть у меня неплохие. Пусть видит читатель, в каких жанрах и видах поэзии я работаю. А то твердят: лирик, лирик. Всё это верно, как лирик я сильнее, но любой поэт должен представлять читателю всё, что он делает. Если понадобится, дойду до Зин. Вас. (Зинаида Васильевна Кузьмина, секретарь по идеологии Кемеровского обкома партии. – *Прим. Н. И.*), она меня поддержит. Вот как решительно я настроен! «Сам стрелок глядит с испугом, что наделал невзначай!» Нет, кроме шуток, этот сборник должен отображать мою работу в полном объёме. Пусть время отберёт у меня, оставит только стихи о природе, а пока я – и лирик, и публицист, и пародист. Это – без лишней скромности. Думаю, ты вполне согласна со мной.

2-го марта по договору должен сдать сборник А. Саулова. Вот ещё одна забота. Редакторской работы здесь, как мне кажется, не так много; главное – написать обстоятельную вступительную статью. Об ней и пекусь. Но всё это, конечно, не оправдание, что долго тебе не писал. Просто я не умею организовать своё время – в этом мама права, не зря иногда пилит меня (а теперь и Сашу).

Кстати, о Саше. Я не ошибся в своих надеждах на его журналистские способности. Очерк «Зимняя сказка», который он написал, получился здорово. Достаточно сказать, что я бы не отказался напечатать его под своим именем. Пётр Михайлович Попов (радио) прямо сказал ему: у нас так умеют писать немногие. И

обещал даже подумать насчёт того, чтобы взять Сашу в штат, в отдел пропаганды и агитации. Вот было бы хорошо. Сверх всяких ожиданий. Я рассчитывал на меньшее – на многотиражку, на районное радио. В общем, недаром через мои руки проходит столько рукописей – научился я верно определять, кто на что способен. Вот и Хорошка по моему настоятельному совету начал писать стихи. Да ещё какие. Одно – очень интимное – он прислал лично мне, и я был просто поражён, как он владеет стихом и как в стихотворной форме умеет говорить свободно и естественно. Эти стихи я откладываю, заедешь летом домой – почитаешь.

У мамы начинается командировочная страда. Всю вторую половину февраля и весь март будет в разъездах. Не очень радуется её это, но что поделаешь.

Спасибо, Светуля, за подробное описание свадьбы (время-то как летит, скоро уже месяц). Я всё живо представил и от души порадовался, что всё так хорошо было организовано. И за фотокарточки спасибо.

Как понравился нам зять? – спрашиваешь ты. Физиономист я плохой, могу только сказать, что на фотографии у Володи главное, что обращает на себя внимание, это глаза. Умные, вдумчивые, серьёзные. Это самая лучшая красота – красота духовная. Ив. Ал. Балибалов – тот сделал такой краткий вывод, глядя на снимок: – Чувствуется, работага. Это мнение подтверждается и твоими письмами. Верится, что с таким человеком, с таким другом жизни, ты будешь счастливой.

Тебя на снимке я готов был расцеловать. Смотрел и думал: милая моя Хохлаточка. Действительно, такая хорошенькая, просто прелесть. Не зря Володя так любит тебя, – особенно, конечно, за то, что ты добрая, умненькая, ласковая...

Телевизор у нас работает пока хорошо. С удовольствием смотрели наших фигуристов в Швейцарии. Молодцы! Настоящий класс мастерства, грации, изящества. И в сочетании с музыкой – русский характер, задор, удаль, широта души (в танцах особенно).

Купил я заветную книжицу: «К. Есенин. Футбол: рекорды, парадоксы, трагедии, сенсации». Есть тут и о моём любимце – Стрельцове. Много интересных фактов. Есть на лучших футболистов дружеские «саржи». Если попадётся – возьми. Володя, случайно, не болельщик?

Да, заходил сейчас дядя Гриша, и я узнал у него интересную деталь: у них с тётей Марусей свадьба была тоже 16-го января (1933 г.). Любопытное совпадение?

Ну, а как твоя нога? Вот не повезло тебе, бедненькой.

Репортаж (очень живой, остроумный!) и Сашин очерк посылаю отдельно в двух конвертах. До свидания. Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Привет Володе. Посмотрите новый мой обзор.

19/II-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Сегодня ровно два месяца, как Саша дома. Загрузили мы его делами капитально: готовит контрольные, учится на баяне (заплатили 10 р.), ходит на занятия в телевизионный самодеятельный театр. Да очерк вот написал – не каждому по плечу.

В радиокомитете мне пришлось поговорить с самим председателем – Дм. Ив. Култаевым. Ему очерк тоже понравился, а в результате решили проверить Сашу на оперативность: получил он задание подготовить ко вторнику (сегодня пятница) материал о лучшей комсомольской бригаде строителей.

С утра он на химкомбинате. Вопросник для интервью подготовили мы с мамой. От того, как получится этот материал, решится, видимо, вопрос, возьмут его

в штат или нет. Я надеюсь, что и с этим заданием он справится. Но оно потруднее «Зимней сказки», потому что надо сделать и хорошо, и быстро. С «Зимней сказкой»-то его никто не торопил, было время всё обдумать и отшлифовать.

Что мне нравится в этом Сашином начинании, так это то, что он берётся за всё с огоньком, с большим желанием и с верой в себя, которую вселил в него я, да и то одобрение, которое получила его первая работа в журналистике со стороны работников радио. Дм. Ив-чу я так и сказал, что хорошо бы Саше стать их работником, чтобы каждый день жить этим делом, развивать свои способности. А работать, скажем, где-то на заводе и писать от случая к случаю, урывками – толку в этом мало. Во всяком деле надо быть профессионалом. Даже соответствующая атмосфера имеет своё значение. Взять ту же присной памяти Полозову (Антонина Полозова, поэтесса. – *Прим. Н. И.*). Понадеялась только на свои природные способности, не работала над собой, и в конце концов, как выражается Прахт (из письма Хорошки), «дегорадировала». Ходит сейчас по редакциям со всякими кляузами по поводу тех или иных газетных выступлений, в частности, моих обзорных статей. И нигде её всерьёз, конечно, не принимают.

Ты пишешь, Светуля, что, по твоим рассказам, Володя чувствует родственную душу во мне. Это приятно. Даже вдвойне, потому что у нас с тобой в характере много общего, значит, и у тебя с Володией – родство душ. А то, что он побаивается маму – меня немного рассмешило. Она у нас, правда, строгая, придирчивая, требовательная, но, судя по всему, Володей будет довольна: он ведь, чувствуется, работающий, целеустремлённый, серьёзный парень, а таких она любит и ценит, так же как и я.

По просьбе Хорошки мама достала ватману, отбила ему об этом телеграмму, но ротный что-то раздумал, видно, посылать Вову в командировку. Была возможность повидаться, и вот...

У тебя болит нога, а у меня из-за этого – душа. Даже плачешь... А ты ведь не хлюпик. Володя, наверно, тоже сильно переживает?

Большой привет ему. Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Рукопись сборника принёс домой – буду обновлять его. Новых стихов должно быть процентов на 80. Надеюсь набрать. Но о детях включать рассоветовали. «Диктаторы»!

11/III-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Прежде всего – большое спасибо за фотокарточки. Только на одной из них ты веселенькая, где на переднем плане мощный загривок и голая макушка вашего почтенного гостя, а на других какая-то очень смущённая, даже немного растерянная, особенно, когда тебя хвалит Татьяна. Здесь ты сделала надпись «Кающаяся Магдалина», и я невольно вспомнил, как один человек, говоря о картине под этим названием, вполне серьёзно считал, что называется она так: «Икающая Магдалина». Нарочно не придумаешь! Володя на снимках – тоже счастливый, но, как и положено нам, мужчинам, не такой смущённый, как ты, выглядит сдержанно-радостным, хотя в те минуты был, наверно, взволнован не меньше тебя. А ведь верно ты, Светуля, говорила, что он чем-то немного похож на Хорошку. Есть что-то такое. Из твоего письма мы живо представили, как переживал он, подсунув в чужой подъезд Мурчалку. Мама тоже всё грозит выбросить нашу «кысу» (много, мол, возни с ней), но мы с Сашей «отрицательно заявили», что не дадим ей почувствовать себя сволочью. Очень мы привыкли к нашей кошечке. Позабавляться, поиграть с ней – одно удовольствие. Попугаешь её ладошкой,

шевели, как щупальцами, пальцами – смотришь, спина у неё горбом, уши прижаты, глаза сверкают. Боком, боком подходит – и вдруг, в одно мгновение, рука твоя – в её цепких лапах. Но царапает и кусает не сильно – знает, что это игра. А бывает, что и разозлится, начнёт ворчать и шипеть: «кхх». Тогда лучше отпустить. Ужасно любит кильку, я беру это кушанье её по килограмму сразу... 31 коп.

Да, правильно ты сказала про радиокомитетчиков: недоумки. Так восхититься и вскоре же повернуть на 180° – несерьёзно. Решили мы не унижаться, не навязываться. Обойдёмся, свет клином не сошёлся. Главное в том, что Саша поверил в себя и бросать это дело не собирается. Вчера был у художника-пейзажиста Бачинина, будет писать о нём для «Родной природы» по заказу Ив. Алекс. (Ивана Алексеевича Балибалова. – *Прим. Н. И.*). А пока хочет поработать на заводе, в том же цехе, откуда уходил в армию. Сегодня уже начал оформляться – был на медкомиссии. До приезда Вовочки подзаработает немного, «прибарахлится», а потом, где-то в июне, хотим отправить их на юг – отдохнуть перед учёбой в институте. Это, конечно, при условии, если будет на что. Уже думаем и о том, чтобы было чем встретить Вову – у него ведь ни костюма, ни пальто, ни туфель, ни шапки – ничего, голый с ног до головы. Да и вам надо бы помочь. Тоже бедствуете, наверно.

В общем надо мне «ковать деньги». Но уж очень ненадёжная эта ковка – написать напишешь, а не пройдёт – и вот, заработал, называется. Только сборники и выручают.

Ты, наверно, удивишься, что я всё ещё занимаюсь перепечаткой. Мама уж ворчит, а это, оказывается, не такое простое дело. Во-первых, во время перепечатки приходится многое дорабатывать, шлифовать, а во-вторых, я и не предполагал, какой это тяжёлый труд – работа на машинке несколько часов подряд. Недаром эту специальность называют вредным цехом. Устаю быстро, прямо тупею. Это не то, что писать обзор – там напечатал абзац и минут десять обдумываешь следующий – отдыхаешь. Кстати, очередной мой обзор что-то долго залежался в редакции. А ведь был у меня недавно разговор с Теплицким (Рудольф Теплицкий, редактор газеты «Комсомолец Кузбасса». – *Прим. Н. И.*). Он снова похвально отзывался об этой моей работе, и даже высказал готовность давать обзорные статьи чаще – раза два в месяц. Я-то, разумеется, не возражаю, за мной дело не станет. Но у газеты много и других материалов. Вот если утвердят выход её пять раз в неделю (такая возможность реальна) – тогда... Самое обидное – никак не могу выкроить время для стихов. Пока только мечтаю: сделать бы подборочку лирических вещей, дать её по радио, а потом – в газете. Ну, ничего. Сдам сборник – и постараюсь, чтобы так и было.

Вчера в Кузбасс приехала делегация ленинградских писателей, человек 12. Будут здесь целую декаду. Кое-кого – по книгам – знаю: Олега Шестинского, поэта, прозаика Глеба Горышина, поэта (молодого) Вячеслава Кузнецова. А другие меня и не интересуют (какой-то Мар. Альтовская и т.п.). Приём им устроили хороший, на уровне обкома партии. В поездке по области будут сопровождать их Мазаев, Павловский, Витя Баянов. Немало союзных денежек ухлопают на «сугрев». Это уж как пить дать.

Положенные мне санаторные (100 р.) я до сих пор не получил – не пришли из Москвы. Но решение о выдаче их уже есть – так сказала мне Вера Антоновна. Получу – пришлём и вам «подкрепление».

Значит, ножка твоя срастается неплохо? Тьфу, тьфу, тьфу! Дай-то бог. Теперь ничего не будем загадывать, чтобы не вышло иначе, по-плохому. Всё же хочется верить, что летом ты побываешь дома – на пути из Свердловска, с сессии. Но до

этого, как говорится, ещё дожить надо. Говорю, понятно, о себе – как-никак уже старичок.

Ну, пока всё. Крепко целую. Папа.

Большой привет Володе.

Посмотрите нашу газету (праздничные номера).

31/III-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Я так и говорил маме, что когда у тебя снимут гипс, то ножка будет похудевшей, слабенькой. Мама удивлялась: почему это? Да вполне естественно – столько времени без движения, без нагрузки. Вот и ты пиешь об этом же. Но хорошо, что срослась ровненько. И всё-таки ты её береги, как зеницу ока. Разминай помаленьку дома, в своих лапоточках, а лишней ходьбой не нагружай. Волошин, например, когда сломал ногу, целый год, наверно, ходил с палочкой. Женщине с палочкой ходить неудобно, но всё-таки будь осторожной, Хохлатка.

Наконец-то мы получили возможность познакомиться с Володи́ей, как с журналистом. Для нас это очень приятное, радостное открытие. Судя по очеркам «Ордена твоего отца» и «Вечный огонь», о Володе можно сказать то же, что он говорит о младшем сержанте Гр. Демченко: он сразу понравился нам своей серьёзностью, основательностью в суждениях, взглядах на жизнь. Пишет умно и талантливо. Жанр этих работ я определил бы так: лирическая публицистика. По языку, по многим художественным подробностям, по эмоциям эти работы – на писательском уровне. Не преувеличиваю. Ведь далеко не всякий журналист умеет вот так, без каких-либо цифровых и прочих данных, почти ни на чём построить очерк, располагая только тем материалом, который взят из двух-трёх записей в блокноте, а в «Вечном огне» – и без этих записей. Для этого просто надо, как говорится, что-то иметь за душой, иметь, что́ сказать людям, да так сказать, что читаешь, не отрываясь. Даже удивительно, откуда у Володи в его годы столько поистине богатого душевного опыта. Да, не даром, Светуля, ты относишься к нему с таким уважением. Есть за что уважать и любить его, и есть чему поучиться у него. А теперь вот и мы прониклись к нему теми же чувствами, что и ты. Передавай ему наше мнение и пожелание дальнейших успехов, в которых мы не сомневаемся. Умный и талантливый парень, молодчина.

А Саше вот, по милости высокомерной дурочки из радиокомитета, пришлось пойти на завод. С 22-го марта он работает там токарем-карусельщиком, как говорят, вкалывает. Недавно попробовал писать о Бачинине – не пошло. И ничего удивительного. Чтобы писалось, нужна повседневная, постоянная практика, нужно жить этим. Вот почему и хотелось мне, чтобы его приняли в штат. Работа урывками, время от времени, ничего не даёт, даже при наличии природных способностей. И очень жалко, что не имеет Саша сейчас возможностей развивать свои литературные задатки. Чего доброго, может и сам усомниться в них. Но мы с Ив. Алекс. изо всех сил будем стараться, чтобы появилась у Саши ещё не одна «Зимняя сказка».

Недавно, перед съездом партии, я по своей инициативе, которую поддержали в «Кузбассе», побывал у одного шахтёра-проходчика, делегата съезда (речь идет о Дмитриии Анатольевиче Ракитянском с шахты «Северная» г. Кемерово. – *Прим. Н. И.*), и написал о нём стихотворный (не прочитай в рифму: смехотворный) очерк (460 строк). Писал, как всегда, запоем – два дня подряд, с утра до вечера. Ив. Алекс-чу сказал, что работал над очерком неделю (подготовка, обдумывание материала – это ведь тоже работа, едва ли не главная), так он удивился: быстро ты сделал. О

том, что работал непосредственно за столом только два дня, я уж ему не говорю. Подумает: халтурил... Но это не так. Халтурить я не умею. Просто так привык: сильный рывок – и на горе. Впрочем, о том, что получилось – судить не мне. Если напечатают – пришло, посмотришь и сама оценишь, на горè ли...

Мама 19-го апреля собирается в заграничную поездку – по Венгрии и Чехословакии. Опять выпало это 19-е число (призыв и прибытие из армии Саши, призыв и отъезд из дома Хорошки, когда был в командировке). Счастливое оно или нет – не знаю, но какое-то уж слишком особое, часто повторяющееся.

Весна у нас что-то затянулась. Например, сегодня ночью на Барзасе было 24° мороза. И днём температура минусовая. Снег не тает, а помаленьку вымерзает.

Ахни, Светуля: вчера принёс из «Комс. Кузб.» штук сто писем! Ничего себе? А близится Первомай, надо готовить рупорные стихи для радио и телевидения. Два раза в году – в мае и в ноябре – предоставляется мне возможность хорошо заработать, и я это не упускаю. Уже больше недели одну из двух ночей я не сплю: смотрю хоккей из Швейцарии, где проходит чемпионат мира. Играют наши здорово. Особенно отличились в поединке с американцами: те было хотели напугать силовыми приёмами, а наши не растерялись – сами дали им такой бой, что ай да ну! Их же козырями побили. Я в первый раз видел наших такими агрессивными. Показали русский характер в действии: «Нас не трогай, мы не тронем, а затронешь – спуску не дадим!»

Ну, до свидания. Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Посылаю родную для тебя газету с обзором. Большой привет Володе.

14/IV-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Два дня не отвечал на твоё письмо – ждал появления в «Кузбассе» своего очерка, чтобы послать его тебе. Но, как говорит мама, увы и ах. Не повезло мне с этой штукой. Ушёл (вернее – его ушли) из секретариата Гена Юров, а с новым ответ. секретарём Морозовым (Морозов Александр Пантелеевич. – *Прим. Н. И.*) у нас шапочное знакомство, к тому же, по слухам, он весьма чёрствый по натуре человек, стихов не любит, и вот лежит мой очерк больше полмесяца без движения.

Сейчас звонил зав. партотделом, он сказал, что решено дать последнюю главку (130 строк из 460), теперь уже независимо от съезда, просто, как стихи, а стихи, мол, мы обычно приурочиваем к воскресенью, так что в воскресный номер тиснем. Я уж не стал (Измайлов бы не постеснялся!) тыкать его носом в сегодняшний номер газеты: в нём – «Апрельские стихи» Буравлёва. Сегодня же не воскресенье, а среда, к чему же это приурочено? К тому, чтобы было что Жене получить за первую половину месяца? Крутят – вертят, и никакой логики.

Если и в воскресенье не напечатают, то в понедельник отнесу на радио, в журнал «Шахтёр». Я бы давно уже сделал это, да хотелось, чтобы у моего героя Ракитянского осталась какая-то память, закреплённая печатным словом. На радио-то «прокричат» и всё. А я ведь и в шахтном парткоме был, и с самим Ракитянским полдня беседовал – все ждут, смотрят газету. Какое теперь мнение обо мне создастся. Грубо говоря, могут подумать: трепач... Хотя бы уж главку дали, и то ладно. Да, незавидная судьба у писателей и у журналистов. Часто всё зависит от произвола какого-то одного человека, с которым у тебя неважные отношения.

Весна у нас помаленьку даёт о себе знать. И, как всегда весной, мама прихворнула. Повысилось давление. Сейчас в больнице. Назначили столько

процедур, что с поездкой за границу, наверно, пока ничего не выйдет. Навещаем её каждый день. Давление спадает медленно – куда же в таком состоянии ехать.

Вот, Светуля, оправдывается наша с тобой боязнь загадывать что-то. Мама так предвкушала удовольствие от того, что ей придётся повидать. Теперь неизвестно, когда ещё выпадет такой случай.

Саша работает. Но работа у него пустая: устаёт, особенно, в ночную смену, как все, кто рядом с ним, а результат ерундовый. За полмесяца заплатили ему всего 20 рублей. Ученические. Правда, с понедельника, с 19 апреля, обещают поставить его за отдельный станок, может, удастся заработать побольше. На радио было бы куда лучше – и руку набивал бы, и материально не был бы обижен. Но подставила ему ножку эта дипломированная дура. Никак не могу смириться с этим.

Володину лирическую новеллу «Руки» прочитал (я тогда ещё, когда получили мы эти газеты, подумал: не его ли? Но ты ничего не написала о ней, и мы решили, что однофамилец). Хорошая новелла. Я бы назвал её стихотворением в прозе. Коротко, ёмко и композиционно построено умело: рефрен «Когда мне говорят» ... как бы закольцовывает начало и конец, получается очень цельно. Неожиданным, а потому оригинальным кажется мне переход, вернее, поворот мыслей о руках творческих, затем – о тех, которые «берут оружие» и, наконец, – о руках солдатских, защищающих мир. Причём в каждом кусочке – своя интонация – то восторженно-торжественная, то гневно-суровая, то опять лиричная, мягкая. Молодчина Володя, от души радуюсь за него, за то, что умеет он работать по-настоящему – серьёзно, талантливо. Тянись за ним, Светуля, и не гадай: лучше это или хуже, что такой муж. Конечно же, лучше, какие могут быть разговоры. Дай бог всякому иметь другом умного и талантливого человека.

Ножка твоя, значит, поправляется? Ну и хорошо, что всё обошлось благополучно. Я хотя и не очень разбираюсь в женских занятиях, но разделяю твою радость по поводу твоих успехов в рукоделие. Сделать из старенького пледа модное красивое платье – это, как говорит Торбоков, «не фунт с изюмом»!

Рёба (Сергей Ракишев, друг Саши. – *Прим. Н. И.*) принёс мне книжку Василия Шукшина «Земляки» (рассказы). Буквально упиваюсь. Ох, и талантливый же он, этот Шукшин. Просто диву даёшься, как отлично знает он жизнь простых крестьян, их характеры, язык. Особенно разговорный язык великолепен – диалоги. По тому, что говорят персонажи, видишь всё: и выражения их лиц, и жесты, и настроение. Всё настолько достоверно, жизненно – будто ты сам среди этих людей, добрых, сердечных, по-своему мудрых, хотя и простодушных, наивных, на чей-то снобистский вкус. Есть рассказы грустные, «задумчивые», а есть – читаю и со смеху покатываюсь. Юмор – отличный. Представляю, как смеялась бы ты, читая это. Если попадётся эта книжка, постарайся приобрести.

Ну, а пока – до свидания. Крепко целую. Папа. Большой привет Володе. От всех.

Приписка с левой стороны страницы: На съезд я всё-таки откликнулся – в «Комс. Кузб.». Посылаю вырезку. «Не фонтан», но – надо!

25/IV-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Ну, вот мама уже и дома. Веселее стало. Хотя не обходится и без её обычных «ворчаний» (безобидных, конечно). Вымыл, например, сегодня нашу Мурку, стал обтирать – жалобно заурчала, и мама тут как тут: – Что ты её без конца купаешь? Кошек моют раз в месяц, а ты...А что я. Мне нравится, когда наша «кыса» чистенькая, пушистая, с глянцевитой шёрсткой. Приятно на руки взять...

Но это всё так, между прочим. Главное – мама подлечилась, давление сбили до нормального. Правда, ещё очень слабая, но уже похаживает. Сегодня были с ней на рынке: туда – на троллейбусе, а оттуда – пешком. И ещё хотим прогуляться – к дяде Грише. Не были у них, наверно, месяца три.

А Саша уже несколько дней никуда не ходит. Простыл где-то, гриппует. Температуры нет, поэтому так и ходит на работу, устаёт очень. Лечим его горчичниками, кипячёным молоком.

О полёте «Союза-10» написал я 16-тистрочный стих, неплохо вроде получился, понёс его в газеты, а там уже опередили меня: в «Комс. Кузбасса» – Илья Ляхов (он в этом деле молодец). Опередили только потому, что узнали об этом накануне ещё, а я – только из сообщения по радио. Стих мой всё же не пропал: Миша Ялин использовал его в последних известиях.

Да, Светуля, Ляхов просил передать тебе привет и просьбу писать им в газету. О чём? А вот о чём. В Хабаровске служит немало кузбассовцев. Попробуй найти кого-нибудь (тут тебе может помочь Володя) – отличника боевой и политической подготовки – и сделать о нём очерк. То, что будет готово, надо показать в «Суворовском натиске», там поставят на рукописи «добро». И присылай. Можно – мне, можно прямо на редакцию (Кемерово, Ноградская, 3, «Комс. Кузбасса»). Они иногда печатают «Оборонную страницу». Подумаешь? А чтобы экономно затратить время и силы, лучше, конечно, сделать это как дубль – для местной газеты и для «К. К.». Я, конечно, уже сообщал, что отнёс в альманах № 3 (он выйдет к осени, к моему юбилею) подборку стихов и фотокарточку. Как получился – со стороны видней. Мне самому не нравится, а мама говорит – хорошо. Посылаю, посмотри.

Весна у нас уже настоящая, можно без плаща, в костюме – тепло. Но не все ещё решаются.

Ну, пока всё. До свидания. Крепко целую. Папа.

Привет Володе.

9/V-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Вот и послушали мы голос друг друга. Молодчина, что позвонила, очень порадовала нас. Значит, проводила Володю, осталась одна? Представляю, как будет скучно, тоскливо на душе – привыкли друг к другу, наверно, уже очень сильно. Ну, ничего. Будем почаще писать тебе, чтобы хоть немного скрасить это одиночество – вдали от всех.

Сегодня День Победы, праздник, а ни в чём он не чувствуется. Погода неважная – прохладно, ветрено, сумрачно, солнце лишь проглядывает на минутку и тут же – в облака. Да и «Кузбасс» не пожелал сделать мне приятное – предлагал ему акrostих «Победа мир весна» – не напечатали. Уже второй раз испортили настроение – первомайский стих тоже почему-то не дали.

К Маю, как всегда, я подготовил стихи и для радио, и для телевидения, стихотворений по десять. Прошло всего четыре. Вот как всё это ненадёжно – жить случайными заработками.

Я уже говорил тебе, что книжку сдал в издательство. Сам не думал, что может она получиться такой солидной. Новых стихов в ней – 5388 строк, старых – только 782. Всего – 6170 строк. Это, считай, почти девять печатных листов. На публикацию всего, что предложил, конечно, не надеюсь, но выбор всё-таки будет у издателей большой.

На днях проверну такую штуку – сделаю из этой книги подборку лирики, пародий и предложу на телевидение. Там за выступление в передаче «Кузбасс

литературный» платят аккордно – 90 р. Хоть и не люблю выступать сам, а овчинка стоит выделки.

Сейчас мама привезла с рынка туфли для Хорошки (30 рэ). Чехословацкие. Саша раскритиковал их, поскольку подошва у них резиновая. Говорит, что маму надули – больше 20 р. такие туфли не стоят. Мама доказывает одно, Саша – другое, а я не могу понять, кто прав. Не разбираюсь в этих делах. Хотела мама купить и свитер, но не нашла.

Да, с поездкой на юг у Хорошки ничего не выйдет. Путёвки – с 26 мая, а он приедет, может, только в конце июня. Придётся Саше ехать одному. А Вове мама достанет потом путёвку в какой-нибудь профилакторий или санаторий. Может быть, даже я наберусь сил поехать вместе с ним. Не знаю.

Ваш праздничный акростих «Любим» нам очень понравился – и формой, и сутью. Спасибо!

Пишу вот тебе, а сам с ненавистью поглядываю на стопы рукописей из редакций. Не иссякает этот поток всякой мути. Только обзорные статьи и делаю с удовольствием, а консультации – как невольник. Впереди, правда, маленький просвет: летом пишущая братия не так активна, даст передышку.

Посылаю вырезки из «Комс. Кузбасса» со стихами и обзором, который сократили потому, что усомнились в авторстве одного стихотворца, а говорилось о нём много.

Ну, не скучай, Хохлаточка. Крепко целую. Папа.

15/V-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Сегодня суббота, а у мамы выходного нет: президиум. Теперь решено такие мероприятия проводить не в рабочие, а в выходные дни.

Придёт – и опять не придётся отдохнуть, будем с ней делать уборку.

Посылаю новую статью. Хотелось бы узнать, интересная ли получилась, а если – да, то чем. Черкни.

Подготовил подборку стихов для телевидения – хочу выступить. Если Нелли Николаевна (Соколова, редактор областного ТВ. – Прим. **Н. И.**) одобрит, то будет это не раньше, наверно, июня. Передачи планируются задолго.

Ну, всего доброго тебе, Хохлаточка. Крепко целую. Папа.

26/V-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Да, у нас большая радость: приехал Хорошка. А случилось это совершенно неожиданно, потому что он обещался домой не раньше конца июня.

На меня в этот день нашла какая-то сонливость. Уснул где-то в полдень, проспал часа два. Встал, умылся. И только сел за стол пообедать вместе с мамой и бабой, как стук в дверь. Открываю – на пороге дядя Гриша.

– Вова не приехал?

– Нет ещё, а что?

– Дак многие же демобилизуются...

А в глазах у него нескрываемая лукавинка. Я сразу подумал: что-то он «мудрит», главное – не торопится заходить в квартиру, стоит у двери. Быстро я высунулся, глянул налево – никого, глянул направо, а за спиной тёти Маруси – наш дорогой солдатик.

Ну, сама представляешь, что тут было. Уж наобнимал, нацеловал я его за всё время разлуки. И он счастливый, радостный, небось, сам не верит, что наконец-то дома. Подбежала мама, подошла баба. Негаданный-нежданный праздник у всех.

Оказывается, Хорошка по пути с вокзала заглянул к старикам, и они даже по-своему гордились этим. Дядя Гриша всё повторял: – Правильно ведь он сделал, что не прошёл мимо нас, а? Я говорю: – Конечно, правильно. А как же иначе. – И вы не обижаетесь? – Да ты что. За что же обижаться.

Быстро организовали всё, что полагается для такой встречи, взяли даже шампанского. Хорошка немедля переоделся во всё гражданское, включил магнитофон. Под эту музыку и сидели за столом. Ради такого случая даже я немного выпил. Не беспокойся – самую малость. С нетерпением ждали Сашу, он был в «Эфире». А когда пришёл, Вова сам открыл ему дверь, сделал пальцами «пистолет» и «выстрелил» в него: пых! Саша от неожиданности даже отпрянул и вскинул руки вверх (нервишки – никудышные). А потом говорил, что ещё в коридоре мелькнула у него мысль: не приехал ли Хорошка, кто же, мол, ещё мог завести на такую громкость магнитофон (я-то один редко это делаю).

День прошёл очень хорошо, весело. Чтобы дядя Гриша не переборщил, мы во время его отлучки в другую комнату отлили из бутылки (из дополнительной четушки) солидную дозу. Пришёл – заметил, но не обиделся, а только во избежание такой же процедуры взял да и прикончил оставшееся подряд рюмку за рюмкой.

Когда проводили их, пришла Ольга Коваво с одним парёнком из «Эфира», и ещё я и мама посидели с ними, с молодёжью (Рёба тоже был).

Потом Саша и Вова пошли их проводить. Долго гуляли по улицам, но на этот раз мама уже не волновалась: надо было Хорошке почувствовать свободу гражданки.

Ты радуешься, Светуля, что ребятишки вместе поедут на юг. Но это не получилось. Дело в том, что когда Хорошка пообещал приехать лишь в июне, путёвку его, естественно, отдали другому человеку – учительнице, с которой Саша вчера и уехал. Но всё-таки об отдыхе Хорошки мы думаем. Мама собирается достать путёвку в Зенковский профилакторий (в Прокопьевске), в принципе договорились, что поедем мы с ним вдвоём. Не знаю, наберусь ли душевных ресурсов на такую поездку. Во всяком случае, внутренне уже готовлюсь к ней, да и со всеми неотложными делами (особенно, с консультациями) стараюсь разделаться. Думаю также сделать сразу два обзора, чтобы был у «Комс. Кузбасса» запас. Пока отдыхаю.

Кстати, насчёт обзоров. Ты говоришь, как я ещё не выдохся с ними. А я и сам удивляюсь. Но разговор о поэзии неисчерпаемый сам по себе, так что всегда находится что сказать. Самое трудное – это избегать повторений, о чём я и забочусь всякий раз и что пока вроде бы удаётся. За хорошие отзывы твои спасибо, знаю, что они искренние.

Сегодня у мамы президиум, а она в шесть утра проснулась от головной боли. Сбегал я в ларёк, взял сильных таблеток от этой боли, немного уменьшилась. И у тебя вот что-то такое же. Привыкла к новому климату – и опять возобновилось старое. Плохо дело. Зря ты не подлечилась в конце зимы. Грустно было узнать об этом, что опять ты не можешь без таблеток. Старайся уж как-нибудь не переутомляться сильно, хотя избежать этого перед сессией, конечно, нельзя.

Перспектива отдохнуть вместе с Хорошкой меня очень прельщает. Золотой он парень. Одно присутствие его рядом как-то благотворно действует на меня. Даже помолчать с ним приятно, потому что и в молчании (он же не очень разговорчив!) чувствуется родство душ, полное понимание друг друга. Не нарадуюсь, что он дома, с нами. А отпустили его первым в роте как отличника и вообще примерного во всём солдата. С возмущением рассказывает, как один его сослуживец, ехавший с ним, напился, попал в комендатуру, оттуда сообщили в часть, и таким образом он

подвёл всех – теперь до 22 июня никого уже не отпустят. А Вова во всех отношениях парень надёжный. На днях по собственной инициативе купил гантели, и мы с ним по утрам занимаемся зарядкой. Я тоже не хочу раньше времени дряхлеть. Душа-то ещё молодая.

Вчера отнёс в «Комс. Кузбасса» сокращённый до 300 строк вариант очерка о Ракитянском. Рудольфа (Теплицкого, главного редактора «Комс. Кузбасса». – *Прим. Н. И.*) не застал, не знаю, как он отнесётся к этому. Хорошо бы увидеть моему герою слово о себе в газете.

В Май заработал неплохо. Из радио получил 148 рэ, а из телевидения – 78. Всё это ушло на Сашу, себе осталось немного. О вас с Володиёй тоже не забываем. Если с книжкой будет всё нормально – поможем капитально. Надо вам оперяться.

Ну, до свидания, Хохлаточка. Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Из предыдущего твоего письма, очень обстоятельного, мы получили полное представление о вашем житье-бытье. Всё как будто неплохо. Слава богу.

21/VI-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Мы просто ахнули, узнав, что сдавать тебе 13 зачётов и экзаменов. Очень уж много, да к тому же ещё число это – чёртова дюжина. Будет просто подвигом, если ты всё осилишь. Я, признаться, не надеюсь на это. При всём своём старании ты, наверно, что-нибудь да завалишь. Но как бы там ни было, хорошо, что настроена ты по-боевому. Надо бы, конечно, избежать хвостов, тогда проще было бы перевестись во Владивосток.

У нас всё по-старому, только лето установилось настоящее – жаркое, солнечное. Вчера мы с мамой были в бору, я позагорал, а она полежала в тени сосен. Отдохнули на славу. Хорошка тоже побывал на пляже, но ему не повезло – обгорели плечи, сейчас кожа пузырится, облезает.

От Саши получили телеграмму типа: милый мой, скучаю, вышли восемьсот – «нужны срочно 15 рублей». Это из Москвы уже. На что они понадобились – не ведаем. Мама предполагает, что не оказалось плацкартных билетов. Деньги мы сразу же перевели (долгу – 80 рублей было, 30 уже отдали), но всё равно, видно, получил он их с задержкой, потому что по нашим расчётам должен был приехать сегодня – не приехал.

17 июня выступал я со стихами на телевидении (прочитал за 15 минут 11 стихотворений, из них 8 – лирических, а остальные – из сатиры и юмора). Волновался очень, несмотря на то, что передача была сделана заранее – по видеозаписи. Днём записался, а вечером сам себя смотрел. Ты, Светуля, правильно говоришь, что стариком я ещё не выгляжу. Ничего ещё «парень», седин и щербин не было видно. Накануне долго репетировал, поэтому читал почти наизусть, лишь изредка заглядывая в текст. Интересно на себя смотреть – как в кино снялся.

Завтра или послезавтра будут нашей области вручать второй орден Ленина (приезжает, говорят, Воронов) (Воронов Геннадий Иванович, председатель Совета министров РСФСР, член Политбюро ЦК КПСС. – *Прим. Н. И.*), и к этому событию я по заказу «Кузбасса» написал стихотворение «Высокая награда». Дадут ли – не знаю, этот номер газеты выйдет послезавтра.

Опубликовали очередной обзор. «Комсомолке» же предложил подборку стихов под заголовком «Из новой книги». Инициативу эту проявил сам Рудольф (Теплицкий, редактор газеты «Комсомолец Кузбасса». – *Прим. Н. И.*). А раз так – должны напечатать.

Завтра с утра пойду к Глебовой (Людмиле Владимировне, редактору Кемеровского книжного издательства. – *Прим. Н. И.*) заключать договор на сборник. Обкорнала, поди, здорово. На 6 тысяч строк не надеюсь. Что и как решат там – напишу. Ну, пока всё. Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Лето – время отдыха, но не для всех. Хорошка занимается каждый день с утра до вечера. И ты, бедненькая, трудишься, как вол. Приедет Саша – и тоже за дела. А у меня – гора рукописей.

24/VI-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Позавчера приехал Саша. Прибыл, говорит, всего на 300 граммов, но на вид – похудел. Следы крымского солнца яркие – загорел весь, как я иногда загораю, почти дочерна. Вчера – то ли от перемены климата, то ли от сквозняка, хотя у нас очень тепло – заболел что-то, к вечеру поднялась температура, стало знобить и больно дышать. Вызывали врача (дежурного), он сказал, что похоже на воспаление лёгких, выписал разные лекарства, Хорошка тут же сходил за ними. Стало полегче. Сейчас уже полдень, скоро придёт на обед мама, а Саша всё ещё спит. Может, сон немного оздоровит (если, конечно, не воспаление лёгких).

Докладываю, Светуля: в издательстве был. Когда зашёл к Чигарёвой, у неё забегали глаза, я сразу понял, что будет что-то неприятное для меня. Так и вышло. Она сказала, что запланировали мне всего 3 печатных листа, больше не могли. На эти 2100 строк (из 6000) и заключили договор. 60% выплатят завтра.

Приписка с левой стороны страницы: Стих мой в «Кузбассе» опять не дали, но зато один профессор вчера на митинге читал моё первое (на эту же тему). Юра Баландин говорит, что даже сам Воронов похлопал в ладоши.

Глебова тоже косоротится: мол, сатира – не моя стихия, я – лирик и т. д. Долго и настойчиво пришлось убеждать её, что мне надо выступить и как сатирику. Вроде бы договорились, что пародии всё-таки включают. Переводов отобрала строк 350, пол-листа, да я и сам не настаиваю на большем количестве – невыгодно. Глебова старается доказать мне, что стихи из старых книг – лучше, но я настоятельно попросил её составлять книгу в основном из новых. В качестве довода сослался на Светлова: написал он в двадцатые годы свою «Гренаду», а потом ни в одном стихотворении не поднялся до её уровня. У каждого поэта есть свой потолок, свои лучшие вещи, но это не значит, что их одни и следует печатать из года в год.

Малый объём книги удалось мне немного компенсировать: за строчку на этот раз заплатят не 1 р. 20 к., а 1 р. 40 к. Прикинул, и вышло, что набежало с этих дополнительных 20-ти копеек 420 рублей! Уже в нескольких сборниках я терял немалую сумму. А сейчас учусь нахальству у Махалова. Домашние мои удивляются этому и приветствуют. За себя надо стоять!

Ну, а как твои дела? Кушай как следует, не отказывай себе ни в чём.

До свидания. Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Хорошка – молодцом: настроен очень целеустремлённо, готовится к экзаменам с утра до вечера. Вот бы Саше так!

29/VI-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Получил твои письма. Рады, что помаленьку сдаёшь. Авось обойдётся без хвостов и ты переведёшься в ДВГУ (Дальневосточный государственный университет. – *Прим. Н. И.*). Это во всех отношениях лучше – экономия денег и времени в первую очередь.

У нас всё по-старому... Вчера вечером мама собиралась в командировку по пионерским лагерям. Я отговорил её ехать на ночь глядя. Отдохнёшь, мол, выспишься дома, а утром поедешь...

Вот на этом прервал письмо твой звонок. Не спрашиваю, как идут дела – сама рассказала.

Ну, ладно, ни пуха, ни пера тебе, Хохлаточка. Крепко целую. Папа.

6/VII-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Сейчас время близится к полудню, с утра делал обзор рукописей для новой обзорной статьи, писать её начну после обеда, а пока решил черкнуть тебе письмишко.

Ребятишки с 1-го июля каждый день ходят на подготовительные лекции, выполняют домашние задания, т. е. усиленно готовятся к экзаменам. Саша делает успехи: из 30 человек он лишь один написал диктант на хорошо. Вовочка приотстал – написал лишь на «уд». Сказывается отрыв от учёбы на армейской службе. А Саша как-никак сделал уже несколько контрольных и сочинений после армии – это ему заметно помогло. Но Хорошка не очень огорчается по поводу своих знаний русского языка – поступать-то решил на исторический факультет, чувствует склонность к этому делу. Поступать ему будет потруднее, чем Саше: на исторический желающих больше. Будущих же филологов – раз, два и обчёлся.

Тебя, наверно, интересует, как реализуется моё решение не разговаривать с Сашей? Да ты уже, небось, заранее знала, что я погорячился. Нельзя на него долго сердиться – не такой он человек. Всё у нас, конечно, по-старому. Опять друзья. Отношения самые добрые. Они бы и не прерывались никогда, если бы Саша не давал повода.

У мамы – забота – поездки по пионерским лагерям. В один, вернее – в два в одном месте уже «сбегала», и сегодня вечером или завтра утром опять поедет – на этот раз в Мариинск.

Погода у нас так себе. Устойчивого тепла нет. Я ещё ни разу как следует не позагорал, даже на балконе. Вчера, например, был страшный ливень, всё затопило, сегодня, хотя и солнышко, а прохладно. Но я не очень жалею об этом: работы много, а для неё такая погода лучше. Так уж у нас, сибиряков, написано на роду: не видеть лета.

Скоро увидимся? До свидания.

Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Надеюсь, что сдаёшь ты успешно? Иначе нельзя. Деньги на жильё и дорогу перевел. Получила?

4/VIII-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Отвечаю на твоё письмо с запозданием на два дня – это потому, что хотелось сразу же сообщить о сдаче ребятами первых экзаменов. Вчера Хорошка сдавал профилирующий предмет – историю. Первый успех: получил «четыре». Вчера же вечером стали известны отметки за сочинения, которые писали будущие филологи. Пятёрок в Сашиной группе всего две, четвёрок чуть побольше, много (10) двоек. Саше поставили троечку, хотя надеялся он на лучший балл. Да и мог бы написать лучше, если бы накануне экзамена не прогулял до 4 часов утра. По тому, как он ведёт себя сейчас, в экзаменационный период, можно предположить, как будет вообще учиться.

Ходил дня три в магазин, таскал там какие-то грузы, заработал, как выяснилось, 13 рублей, а мы их не видели. Ты, наверно, думаешь: зачем я всё это пишу? Нет терпения молчать, до того тяжело переживать всё это. Хорошка – другое дело. Ещё из армии писал: мама, я никогда не дам тебе повода для расстройства. И ведёт себя, как мудрый старичок. Всё у него серьёзно, умно, порядочно. Два брата, а – небо и земля. Верно ты как-то писала, что у них много общего с Володей.

Скоро на несколько дней мама улетает в Москву, предстоит такая командировка. Придётся мне «воевать» с Сашей одному.

Посылал я, Светуля, несколько пародий в «Неделю». Пришёл ответ за подписью: Э. Церковер. Ответ обнадеживающий: «Оставляем Ваши пародии в портфеле «Семи пятниц». Может, напечатают.

Посмотрите «Литературную страницу». Это инициатива Ю. Д. Баландина.

Ну, пока. Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы. Привет Володе. У нас с ним, видно, взаимная симпатия, хотя мы и не виделись ещё; знаем друг друга заочно.

18/VIII-71 г.

Дорогая Светуля, здравствуй!

Сообщаю радостную вест: вчера Саша сдал последний экзамен по истории, получил четвёрку. А за день до этого Хорошка тоже на последнем экзамене получил четвёрку (по английскому).

Итак, экзамены сданы. 20-го и 21-го вывешат списки принятых в институт, должны быть здесь имена и наших ребят. Проходные баллы они набрали, поступают, как недавние солдаты вне конкурса. Так что можно уже считать их студентами. Саша узнал такую деталь: стипендии у него пока не будет, так как есть одна троечка, а Хорошка получит – у него троек нет. Но дело не в стипендии, важно, что Саша зацепился, и таким образом начнёт новый этап жизни, в интеллектуальной сфере. Я за него особенно волновался. Потому что идти, скажем, работать на завод – это сама знаешь, что такое.

Вечером вчера отметили это событие – покупали винца. С разрешения мамы. Хорошка 29-го поедет в Железноводск – надо ему подлечиться. Сейчас ушёл за билетом. А Саша, наверно, с 1-го сентября поедет в колхоз, где он надеется посачковать, так как будет в привилегированном положении: восемь девок, один я. На филфаке парней почти не осталось, особенно много отсеялось из-за сочинений, с первого же экзамена. Будет он в своей группе, как в малиннике.

А я знаешь, что отчебучил? 13-го за день написал... венок сонетов! Накатило, озарило – и освоил эту сложнейшую форму поэтического искусства. В принципе венок сонетов – высшая форма мастерства. У русских поэтов венки есть только, насколько я знаю, у Брюсова, Антокольского, Мих. Дудина и Солоухина. Последний и подтолкнул меня на это дело. Назвал я его «Золотая осень», так как вещь – автобиографическая. Даже весь сборник так назвать хочу. «Сентябрьское солнце» – несколько шаблонно, да и было у меня уже с этим «солнцем» – первый сборник «Солнечные дни».

Отнёс вчера «Золотую осень» на радио. В начале сентября, возможно, передадут. А потом предложу Рудольфу. На «Кузбасс» не надеюсь. Там – сухари, стихами пренебрегают.

Звонил из телевидения Вена Власов (Вениамин Дмитриевич, фронтовик, журналист. – Прим. Н. И.). Пригласил на «Шахтёрский огонёк». Я не стал отказываться от такой высокой чести. Правильно? Хотя знаю, что буду сильно волноваться.

Посылаю очередной обзор. Надо писать новый, а о чём – пока не знаю. Очень трудно всякий раз.

Ну, пока. Крепко целую. Папа. Привет Володе.

30/VIII-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Получили от тебя одно за другим три письма – всем и Вове и Саше. Я присоединяю свой голос к Володе, который заставляет тебя попробовать силы в жанре рассказа. А что? Не боги горшки обжигают. Возьмись, только сразу же с уверенностью, что осилишь это. Без уверенности трудно. А про что писать – пусть подскажет тебе «внутренний голос». Мой ответ: темы бери из жизни, из личного опыта, хотя он у тебя и небольшой. В процессе работы воображение поможет, сыграет свою службу. Главное – смелей.

Мы с мамой горюем, что ничего нет у вас в магазине. Живёте, небось, впроголодь.

Про неурожай картошки ничего не слышали. У нас в магазинах она есть, покупаем. Скоро копать свою, тогда и узнаем, каков урожай.

Позавчера уехало у нас сразу двое, Хорошка – в Железноводск, а мама (на самолёте) в Москву, пробудет там с неделю. Взяла с собой денег – купить кое-чего. В Москве, говорит Саша, который заезжал туда с курорта, есть всё, что душе угодно. Мама намерена купить себе зимние сапожки, мне осенне-весенние ботинки, Вове зимнее пальто, Саше туфли.

На шахтёрском огоньке, Светуля, я не выступал. Вена Власов учёл, как я волнуюсь, и освободил меня от этих «мук» по своей инициативе (я не отказывался). И к лучшему, наверно, потому что огонёк этот (в записи) прервали из-за «Орбиты», не уложились вовремя. Весьма возможно, что за кадром мог остаться я. А так всё нормально: стихотворение моё прошло «шапкой» к передаче – прочитал диктор.

В праздничном номере «Кузбасс» на первой странице дал несколько моих строк о шахтёрах.

Венок сонетов на радио в принципе одобрили, были некоторые замечания, доработал и снова отдал им. При перепечатке учёл твою просьбу – сделал один экземпляр для вас. В общей сложности я работал над этой вещью три дня (с вдохновением): день писал, день полировал да день дорабатывал по замечаниям работников радио. Почитайте. Со стороны виднее.

Сегодня только напечатал обзор, как сломалась машинка. Теперь я как без рук. До ремонта.

Ну, пока всё. Целую. Папа.

Привет Володе.

Приписка с левой стороны страницы: А Мишка (Миша Васильев, будущий сын Светланы, внук Небогатова, который родится 19 января 1972 года. – *Прим. Н. И.*), видать, будет не в меня: уже сейчас пинается, а что дальше будет? Береги себя, не простывай, не болей.

16/ IX-71 г.

Дорогая Светуля, здравствуй!

Спасибо за тёплый отзыв о венке сонетов. Действительно, писал я его всю жизнь и один день. День этот был для меня особенным, счастливым, нашло какое-то озарение. Сейчас даже представить трудно, что за день можно справиться с такой задачей. За неделю, наверно, и то не сделаю.

Венок этот собирались дать по радио в начале сентября, но, видно, решили приурочить передачу к юбилею, обещают лишь на конец месяца. С одной стороны,

это хорошо, а с другой, досадно: только на последней неделе сентября или на первой октября смогу я отнести эту работу в газету. А там, может быть, уже снег выпадет. Вот тебе и «прекрасна эта осень золотая».

К юбилею запланировало передачу и телевидение. Из расчёта по полторы минуты на стихотворение надо подготовить двенадцать вещей. Это у меня найдётся. Чествовать нас собираются вместе с Буравлёвым, он именинник 28 сентября. Видел его вчера, настроен так же, как и я: обойтись бы без этого. Говорит, что, возможно, в это время будет в больнице.

Читать стихи по телевидению будут артисты. Там, мол, в юбилей веселей будет, праздничней. Верно. Мы-то, авторы, только портим свои стихи, не умеем их читать, а уж артисты подадут, как надо.

Сегодня мама уехала на Барзас с тётёй Марусей поискать её бывших сослуживцев, чтобы оформить пенсию большего размера. Вернутся часов в девять вечера. Весь день я один. Скучно. От скуки начал читать одного поэта и тут же написал пародию на него. Вот, посмотрите, что получилось:

ВПЕРЁДСМОТРЯЩИЙ

В речке будущие шпроты
притушили рыбий глаз.

Глеб Горбовский

*Вот гремят на ферме вёдра.
Из-под рук Анфис, Глафир
Бьёт в подойник звонко, бодро,
Хлещёт будущий кефир.
Развалясь вблизи бурёнок,
Лишь собой увлечена,
Нежно хрюкает спросонок
Будущая ветчина.
Полный гордого задора,
Оттого, что шибко глуп,*

*Кукарекает с забора
Будущий куриный суп.
Вон видны рога барана.
Ничего он не постиг:
Беззаботно, как ни странно,
Бродит будущий шашлык.
Водка кланяется кротко
Спелым полем ячменя...
Будет пиво, будет водка,
Будет закуска у меня!*

Ну и язва твой папа, а?

Володин очерк нам с мамой понравился. Ценность его в том, что из беседы с героем Володя сумел вообразить и создать живые картинки. А про украденный его очерк можно сказать словами Есенина: «Плохую лошадь вор не уведёт». Поздравь Володю от нашего имени с успехами. Молодчина он, умница.

В первый раз мне вернули на доработку обзор — хвалю, мол, то, что не заслуживает этого, надо быть более резким. Попробую.

Ну, пока всё. Крепко целую. Папа.

Привет Володе.

7/X-71 г.

Дорогая Светуля, здравствуй!

Ох, нелёгкое это бремя — быть юбиляром. Никогда так не волновался и не переживал столько чувств, как в эти дни.

5-го октября, как раз в день моего рождения по метрикам, состоялось чествование меня. За полчаса до этого зашёл за мной Витя Баянов (об этом попросил его Мазаев, чтобы я сразу почувствовал себя не одиноким, а с друзьями).

Пришли в редакцию, разделись в кабинете Суворовой, покурили. Потом, когда все собрались в актовый зал, пригласили туда и нас. У двери в зал первым поздравил меня зав. отделом пропаганды и агитации обкома партии Карпенко

(Михаил Леонтьевич. – *Прим. Н. И.*). Мама с Сашей тоже уже были в зале, и она потом рассказывала, что когда я вошёл, вид у меня был немного растерянный. Но вот сели за стол, я оглядел собравшихся, увидел много знакомых приветливых лиц и постепенно успокоился.

Первое слово Мазаев предоставил Алексею Фёдоровичу Абрамовичу, который с полчаса говорил обо мне и Буравлёве. Выступление своё он построил не совсем так, как следовало бы на юбилее. Начал с первых наших книг, много говорил об их недостатках. Особенно критиковал он Буравлёва. Обо мне говорил лучше, анализируя в основном последние книги. Обоих под конец, конечно, хвалил, но если бы присутствующие не знали стихи Жени, то могли бы подумать, что речь о каком-то посредственном поэте – столько было дёгтя в бочке мёда. Это тем досаднее, что Жени на вечере не было, он в больнице (ишемия, микроинфаркт – результат злоупотребления коньячком). Понять Алекс. Фёд. можно: он как-никак преподаватель, выступал по привычке, как перед студентами. Я-то лично на него не в обиде, меня он покритиковал вскользь.

Затем выступил Николай Иванович Сизов, почитал из своей программы «Кузбасс поэтический» наши стихи. Читал хорошо, с воодушевлением, принят был восторженно. Ну, а потом началось вручение адресов и подарков. Карпенко вручил мне Почётную грамоту обкома КПСС и облисполкома «За плодотворную творческую деятельность, активную работу с молодыми авторами» (за подписью А. Ештокина и П. Гузенко), Рудольф Теплицкий – Почётную грамоту обкома ВЛКСМ «За большой вклад в дело коммунистического воспитания молодёжи Кузбасса, активную творческую помощь молодым литераторам» (все оценили мои обзорные статьи!).

От Союза писателей подарили мне красивый кувшин с шестью бокалами, от Новокузнецка – огромную (с тарелку) стальную медаль с гравировкой. Художник Александр Кирчанов подарил мне свою красочную лубочную картину «Матрёшки» («за то, что вы любите всё русское»), издательство – две книги своего и московского выпуска («какие издаём сейчас и какие мечтаем издавать»).

Не обошлось и без юмора. Когда представитель облкниготорга вручил мне богато оформленную книгу «Мастера мировой живописи», в зале послышался голос (знали, видно, заранее, что за книга): – Покажите! Я показал, все засмеялись, потому что на обложке – «Обнажённая» Ренуара. Художник Чермянин, очень похожий на меня внешне, шутливо рассказал историю: прихожу, мол, как-то в одно место на вечер, где должны выступать поэты, меня радостно встречают: «Наконец-то, Мих. Ал., мы Вас дождались, проходите». Он тоже подарил мне картину – сибирский пейзаж.

А потом Мазаев прочитал и передал мне пачку телеграмм – от Союза писателей новосибирцев, читинцев, иркутян, от читателей (из Москвы телеграмма пришла вчера утром).

Ну, вот на этом чествование и закончилось (вчера по телевидению показывали сюжет из него). Мазаев организовал машину, отвезли нас до дому. Из-за безденежья дать банкет мы не могли, пригласили только Абрамовича и Сизовых. Обиженных осталось много. Но что поделаешь.

Да, одно упустил упомянуть. Вручил мне свой адрес и Союз журналистов. Этот адрес начинается словами: «Первым именем, с которым познакомился читающий Кузбасс, было имя поэта Михаила Небогатова». А на другой странице, на левой, – подписи (штук двадцать) журналистов.

В общем, как можешь видеть, очень довольным остался я, видя такое внимание. (Был ещё адрес и от пединститута, где учатся ребяташки).

А самый дорогой подарок, как я уже говорил тебе по телефону, это ваша магнитофонная плёнка, которую мы то и дело прослушиваем. Очень умно и остроумно даже всё сделано. И трогательно (мама всплакнула), и смешно, особенно с грузином: – Дай закушно! Такие вещи экспромтом не делаются, видно, долго и много думали вы об этом, писали специальный сценарий. Большое спасибо вам, тебе и Володе!

Домашний вечерок мы всё-таки соберём – наверно, в субботу. Не сегодня – завтра должен получить гонорар из радио за «Золотую осень».

Отметили наш юбилей и обе газеты. Вырезки из них, а также пригласительный билет (на память) посылаю в другом конверте.

Вот полный отчёт о моём юбилее.

До свидания. Крепко целую. Папа.

Большой привет Володе.

Приписка с левой стороны страницы: Хорошка тоже привёз нам с юга подарки – мне бутылку «Рислинга» и книгу С. Бонди «Черновики Пушкина», маме – духи.

16/XI-71 г.

Дорогая Светуля, здравствуй!

Как быстро летит время. Прикинул сегодня – и вышло, что, наверно, целый месяц не писал тебе. Бытовая «текучка» заела – то да сё.

Мама уже писала тебе, что Саша живёт сейчас отдельно от нас – в Новокузнецке, учится там в пединституте. По его письмам, всё у него пока нормально. Активно взялся за хорошие дела – поступил на факультет общественных наук на отделение журналистики, посещает местное литобъединение. Есть у нас надежда, что жизнь у него сейчас пойдёт несколько иначе – лучше, чем в Кемерове, среди друзей-забулдыг. Самостоятельность будет его ко многому обязывать. Тем более, что один из преподавателей рекомендовал его всему курсу, как «сына знаменитого кузбасского поэта». Знаменитый – это, конечно, несколько преувеличено, не то слово, но суть-то для Саши в одном – не подкачать, не подвести ни себя, ни меня.

Хорошка учится с увлечением и большим старанием. Не знает свободного часа. Немного отдыхает только в субботу и воскресенье.

Мама крутится на работе, ездит в командировки. Сегодня, например, уехала в Берёзовский (на день). У меня дела обычные – консультации, обзоры, стихи. Недавно перевёл семь стихотворений двух венгерских поэтов, они войдут в книгу «Встреча», где будут стихи кузбасских и венгерских авторов, на двух языках.

Сейчас был в Союзе писателей, дали мне там рукопись на рецензию, чтобы помочь погасить ссуду (100 р.).

Для радио и телевидения к празднику писал. Передали шесть стихотворений, рублей на 60. А расходы наши в связи с отъездом Саши увеличились – на каждые десять дней посылаем ему 20 рублей. Подвёл он себя и нас...

Погода стоит препротивная, температура плюсовая, моросит дождик. Ударят морозы – будет гололедица. Уже была. И тётя Маруся, упав, сломала левую руку. Тоже, как ты в начале года, с гипсом сидит.

Ну, а как, Светуля, ваши дела? Как акклиматизировались, обосновались? Каково самочувствие? Пиши, ждём.

Посылаю вырезки – с праздничным стихом в «Кузбассе» и с обзором (сегодня отнёс в редакцию новый).

Ну, пока. Крепко целую. Папа. Большой привет Володе.

24/ XI-71 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Получили твоё письмо из Сахалинской области. Вот куда вы забрались – на край света!

Порадовались мы, что Володя и там уже вошёл в свою роль – примерного работника, что уже и премии получает. Молодчина. С ним ты будешь, судя по всему, как у Христа за пазухой. Скоро разбогатеете, начало уже положено – 140 рублей на сберкнижке – это не «фунт с изюмом». Давайте продолжайте в таком же духе, копите деньжата, они всегда пригодятся. Мама правильно советует – мебелью не обзаводитесь, купите самое необходимое, а все свободные деньги – в сберкассу. Не век же вам обитать на Сахалине.

На днях я опять совершил «подвиг», побывал по просьбе обкома партии в Елыкаевском совхозе, на вечере интеллигенции, который был организован в связи с приездом в Кузбасс заместителя министра культуры РСФСР Вас. Мих. Стриганова. Он был там главным гостем в сопровождении областного начальства. Кроме меня, приглашали Витю Баянова и кандидата философских наук В. С. Брюхова. Он и открыл вечер часовой лекцией. Прочитал её без шпаргалок, наизусть – очень живо и интересно, со многими фактическими данными (упоминал Светлану Сталину, писателя-эмигранта Анатолия Кузнецова). Тема лекции: идеологическая борьба.

А потом читали свои стихи мы с Витей, он – лирику, а я – пародии. Приняли нас очень тепло, обоим много аплодировали, а во время чтения пародий в зале не умолкал смех, весёлое оживление.

Закончилось всё банкетом за богато сервированным столом. Было даже моё сухое вино, не говоря уж о водке и коньяке. Поднабрались все крепенько, дошло даже до песен. Пел и зам. министра. Простецкий мужик.

За два дня я сделал 21 консультацию. Печатаю их теперь сам, чтобы ускорить дело, за это получаю надбавку – 15 – 20 копеек. Жалко машинку, но что поделаешь, если редакционные машинистки держат мои консультации по месяцу, а то и дольше.

Посылаю переводы с венгерского – мой и Махалова. Сравни, как у кого получается. Мои переводы Глебова намерена даже включить в сборник. А венок пока ещё лежит в «Комс. Кузбасса». В декабре обещают дать.

Ну, до свидания. Крепко целую. Папа.

Большой привет Володе.

30/XI-71 г.

Дорогая Светуля, здравствуй!

Позавчера мама улетела в Москву на семинар. Взяла с собой денег. Собирается купить Саше материал на костюм, на брюки, двое туфель – выходные и праздничные, себе недорогие сапожки, мне какие-нибудь «семисезонные» ботинки. Что из этого удастся достать, узнаем 5-го декабря, когда она вернётся.

Саша пишет и изредка позванивает. Пока у него всё нормально, много занимается, посещает занятия литобъединения, где уже выступал с критикой одного молодого автора, который написал «Книгу о книге» – нахальную критику с «пародиями» на сборник «День поэзии-70». Саша присылал мне выдержки из опуса этого самозванного, озлобленного «пародиста», и я помог в письме Саше разобраться в этом «труде».

Работы у меня, как всегда, много. Час назад звонили из института культуры, просят написать текст для кантаты о Кузбассе. Я согласился, поскольку мне сказали, что моя кандидатура у них, вернее, по их мнению, – самая подходящая. Должен придти композитор, чтобы обо всём договориться.

А на столе – две «рыбы» для песен Феликса Марка. Тоже надо сделать как можно быстрее. Он уже договорился на радио о передаче этих песен. О консультациях уж не говорю – рукописей полные папки. Сегодня дали новый обзор. Посылаю. Ох, и трудно они мне даются! Всё опасаюсь, как бы в чём не повториться. Хорошо, что сами авторы наталкивают иногда на ту или иную мысль...

Хорошка целыми днями за столом. Нет свободного часа. Но учится он с видимой охотой.

Всё никак не выберу время для стихов. Давно ничего не писал, а хочется. Как сказал Фет: «Сам не знаю, что я буду петь, но только песня зреет».

Предстоит мне, Светуля, «бой» с Глебовой. На днях был у неё. Среди отобранных ею стихов много старых, мало пародий, нет венка. Я даже не стал долго разговаривать, а просто заявил, чтобы она всё пересмотрела, чтобы включила венок, пародии и отсеяла старьё. Обещала подумать. Тоже мне ценители искусства. Смех и горе. Буду настаивать на своём. По-измайловски. Мягкотелость – по боку.

Вчера у нас выпал первый настоящий снег, который, похоже, уже не растает. Но по-прежнему пока что тепло.

Ну, пока. Крепко целую. Папа.

Большой привет Володе. Пиши.

3/II-72 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Давно не писал тебе – болел гриппом, температура три дня держалась до 40°, а потом, когда антибиотиками сбили её, наоборот, понизилась до 35,7 – 36°, и так было больше месяца. Целыми днями из-за упадка сил лежал, ничего не делал. Сейчас вроде получше, уже работаю. Сегодня, например, за полдня написал новый обзор. И ещё предстоит большая работа: доделка стихов по замечаниям редактора моего сборника Глебовой. Замечания её многие спорные – придирки, но ничего не подделаешь, приходится мириться. Спорить с редакторами бесполезно. Правда, кое-что удалось отстоять, в частности, венок сонетов (тоже придётся кое-что доработать, а это – как нож в сердце; что она понимает в сонетах?!).

Телеграмму от Володи мы получили раньше твоего письма из больницы. Вот ты и стала мамой (ещё раз поздравляю!), а мы с мамой – бабушкой и дедушкой. Даже Хорошка и Саша теперь в новом звании – дяди. А сынок твой крепенький. Три семьсот – это вес порядочный. С таким весом родился Хорошка, а ты же знаешь, какой он был толстенький.

Саша гостит у нас уже неделю. Ведёт себя прилично. Только один день провёл с друзьями по работе на КЭМЗе (завод «Кузбассэлектромотор». – *Прим. Н. И.*), а так всё дома. Поумнел, подобрел.

Недавно состоялись торжества по поводу пятидесятилетия газеты «Кузбасс», и Ештокин в своём докладе опять упомянул моё имя. Назвал как активистов Витю Баянова, меня и Женю Буравлёва. Эту передачу транслировали в записи по телевидению. Приятно.

На днях я получил военный значок «За доблесть и отвагу в Великой Отечественной войне». На удостоверении подпись самого Гречко (Гречко Андрей Антонович, маршал Советского Союза. – *Прим. Н. И.*).

Вот такие наши дела. Хотя тебе сейчас не до стихов и обзоров, всё же посылаю кое-какие вырезки. Почитай, пока сынок спит. Как вы его назвали? Не раздумали – Мишкой? С нетерпением ждём твоего письма после выписки из

больницы. Береги себя, Светуля. Бывают, я слышал, всякие грудницы и т. д. Ну, всего доброго вам. Целую.

Большой привет Володе.

Приписка с левой стороны страницы: Поздравляем также с новосельем. Теперь есть надежда пожить по-человечески.

28/ II-72 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Шестой час вечера, только что отнёс в «Комс. Кузбасса» очередной обзор, который написал (напечатал на машинке) с утра. Только сейчас сообразил, что до 8-го марта его, наверно, не дадут, потому что раскритиковал я в пух и прах Полозову (с неё и начал). (Полозова Антонина, поэтесса. – Прим. **Н. И.**). Она хотя и бездарная, но всё-таки женщина.

23-го февраля у меня был двойной праздник – День Советской армии, во-первых, а во-вторых, «Кузбасс» опубликовал мой «Венок сонетов». Помог это сделать Юрий Дм. Баландин, которого я в тот же день вечером вместе с Сизовыми приглашал обмыть это дело. Юра приходил вместе с 18-летней дочкой (жена на курорте), с нею у него весь вечер была ссора до битья по голове из-за того, что она сдерживала его, не разрешала выпить. Но выпить он всё же сумел, из-за чего весь вечер испортил: всё внимание требовал только к себе, так что Сизовы вынуждены были помалкивать и смотреть телевизор, а он пел, как всегда.

С венком сонетов в «Сибирских огнях» не повезло: там отобрали только четыре сонета. Судя по тому, что оставили строчку «Венок сонетов я тебе дарю», там не очень вникли, что такое венок. В ответном письме я попросил внести поправку: «Свои сонеты я тебе дарю». Много было телефонных поздравлений от разных людей, читателей, а вот братья-писатели даже словом не обмолвились, хотя я видел их всех на собрании в Союзе писателей. Как будто и не видели этого номера газеты. Никак не пойму – что это значит. Зависть, что ли? Ну, бог с ними.

Есть и печальная весть: умер Хорошкин командир, Василий Иванович. Ему должны были вставить искусственную почку, а сердце не выдержало ещё до операции. Жалко его, хороший был мужик.

Да, четыре сонета в «Сибирских огнях» собираются дать в апреле. Я согласился на это только потому, что журнал – всесоюзный, напечататься там – большая честь.

Ну, а как вы там? Небось, замучилась с Мишкой, не досыпаешь систематически? Но, Володя, наверно, помогает. Большой привет ему. Крепко целую. Папа.

(В конверт вложены две газетные вырезки: из «Комсомольца Кузбасса» за 15 февраля обзорная статья в рубрике ФМЛ «Жизнь не терпит в труде заочности» и Венок сонетов «Золотая осень» из газеты «Кузбасс» за 23 февраля. – Прим. **Н. И.**).

7/IV-72 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Ты так подробно и с такой любовью пишешь о своём Мишутке, что и мы уже заочно полюбили его. Очень хотелось бы посмотреть на него, поддержать на руках, но когда это будет... Уж слишком далеко вы.

У нас жизнь течёт своим чередом. Хорошка целыми днями в институте. Кроме учёбы, занят он ещё в эстрадном оркестре (играет на электрогитаре); много было репетиций. Завтра у них концерт (первый).

Мама числа 12 – 13 апреля вылетает на самолёте на Кавказ, в Боржоми. Путёвку уже выкупила (120 р.). С курорта собирается ехать через Москву, кое-что купить там, прибарахлиться.

У меня, как всегда, очень много работы – особенно консультаций. Илья Ляхов уже советует придумать какой-нибудь стереотипный ответ, чтобы не тратить время на разбор всякой безнадёжной писанины. В «Кузбасс» рукописей присылают поменьше, с ответами на них задерживаюсь недолго. По-прежнему с удовольствием пишу обзорные статьи. Нахожу время и для стихов. 23 марта опубликовал в «Кузбассе» две пародии – на Киселёва и Махалова. Особенно едкой получилась на Махалова. В редакции, на летучке, у него даже нашлись сочувствующие: зачем, мол, так убивать парня. Но сам Махалов, с которым я потом встречался, на меня не в обиде. Что, мол, за пародия, если она беззубая.

А первого апреля в «Кузбассе» же напечатали мои дружеские шаржи – «Как бы написали о весне некоторые поэты, наши земляки». Это – с улыбкой, безобидно совсем.

Все эти стихи посылаю. Почитайте. Раз в неделю езжу в больницу (по бюллетеню). Самочувствие, как когда, то получше, то похуже. А в общем ничего, я уже привык ко всяким недомоганиям.

Весна в этом году у нас дружная. Снег исчезает на глазах, температура доходит до 15 – 18°.

Со сборником всё закончили. На днях, видимо, Глебова отдаст его в производство.

Вот такие у нас, Светуля, дела.

Привет твоим мужчинам. Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Мама в марте дважды была в Новокузнецке, виделась с Сашей. У него всё нормально.

29/IV-72 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

На днях получили твоё письмо, а следом за ним поздравительную открытку. Спасибо, что, несмотря на большую занятость, находишь время для нас.

Насчёт присылки денег вам вы, наверно, с мамой договорились? Для меня это было неожиданностью, и я сразу закрутился. Отбил тебе телеграмму, сколько денег требуется, но ответной почему-то так и не получил. Оформил один заполненный листок бюллетеня, получил деньги и послал вам сто рублей. Не знаю, хватит ли этой суммы, выйдете ли вы из положения. Больше пока не смог. Сберкнижка-то на маме, у меня нет. А мама взяла с собой ни много – ни мало – 300 рублей. Правда, в конце мая у меня должен быть кое-какой гонорар. Для телевидения написал к Первомаю строк 340, для радио – поменьше, строк 100 (оказалось, что много не надо, думают, видимо, читать старые мои стихи).

Предложил также по стихотворению (для первой полосы) обеим газетам. В общем, поработал на совесть, с огоньком. Устал даже.

Теперь на очереди сборник Саулова. Это дело я уже сдвинул с мёртвой точки – начал помаленьку редактировать и перепечатывать. В мае сборник надеюсь сдать. Торопят.

Да, а Вам с Володей предстоит сейчас трудное дело – сессия. Пожалуй, особенно тебе. Готовиться-то некогда.

Очень порадовало нас с Вовой сообщение, что после сессии ты с Мишуткой приедешь к нам. Очень хочется посмотреть первого своего внука. Да и с тобой давно не виделись. Молодец Володя, что надумал это сделать. Погода у нас

неплохая, с температурой около 30°. На Первомай синоптики обещают 25°. Без мамы праздник у нас будет скучноватый. Она что-нибудь бы соорудила, а что мы, мужички...

На Хорошку, Светуля, не обижайся, он сильно занят учёбой, ни минутки свободной.

На почте мне сказали, что перевод (простым) придёт дней через десять, а послал я его вчера. Это письмо, наверно, получите раньше. Ну, пока всё. Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Большой привет Володе. Поцелуй за нас Мишутку. Посылаю очередной обзор, его напечатали позавчера.

4/V-72 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Только что получили твоё письмо, из которого узнали, почему ты не дала телеграмму насчёт денег. Теперь всё ясно. Я так и предполагал, что ста рублей будет маловато. Ну, ничего, полсотни мы ещё приплём. Только не тратьте эти деньги, храните для сессии. А то, что купили пишущую машинку, – правильно сделали. Они, действительно, в продаже бывают редко, а для журналистов это – свой рабочий станок.

Меня очень огорчает, что ты, бедненькая, сильно похудела. Этот карапуз Мишутка все соки из тебя выпивает, как видно. Но ты следи за собой, старайся хорошенько питаться, а то совсем силы потеряешь.

Первомай мы без мамы встретили так себе. Хорошка у нас собирался с дружками-подружками, а я был у дяди Гриши. Но перед этим прослушал и просмотрел демонстрацию по радио и телевидению, чтобы узнать, какие мои стихи прочитают. По радио прочитали все шесть, а по телевидению – десять, не все.

В «Комс. Кузбасса» на первой полосе тоже напечатали несколько строчек, а в «Кузбассе» не прошло, потому что праздник – майский, а я предложил в основном про Ленина. Не то. Сам дал промашку.

Дней через пять-шесть мама будет уже дома. Соскучились мы по ней сильно. А насчёт твоего приезда к нам ты, Светуля, не раздумывай, не отменяй. С деньгами на дорогу что-нибудь сообразим. Побывать-то дома с нашим внуком надо.

Сегодня маракую, что бы такое предложить газетам ко Дню Победы. Для «Комс. Кузбасса» есть у меня акrostих (победа мир весна), на то, что он пройдёт, – надеюсь, а вот с «Кузбассом» посложнее, там народ капризный, угодить трудно. Поищу что-нибудь в архивах, среди стихов, которые писал когда-то для радио. Может, найдётся что-нибудь подходящее.

Ночью сегодня у нас выпал снег. Вот тебе и май! Холодно, пасмурно, неуютно.

Ну, до свидания, Хохлаточка. Крепко целую. Папа.

Большой привет всем твоим домашним.

(В конверт вложена газетная вырезка из «Комсомольца Кузбасса» с первополосным стихотворением «Здравствуй, день Первомай». – *Прим. Н. И.*).

24/V-72 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Ты совершенно правильно поступила, решив на время сессии отправить Мишутку к нам. Иначе ничего бы у вас с Володей не вышло. Этот маленький человечек требует к себе такого внимания, что одной няньки для него мало.

Как только он «сбежал» с Сахалина, он всех нас поднял на ноги. Мама надеялась сама с ним возиться, подала заявление об отпуске, но отпуск не дали

(много работы), и пришлось обращаться за помощью к бабе (прабабушке). Договорились, что она будет жить у нас всю неделю, только на субботу и воскресенье уходить домой (отсыпаться).

О Мишутке я уже могу говорить не меньше, чем ты. Все мы его сразу же полюбили (вот она, любовь с первого взгляда). Такой замечательный мальчишка – просто прелесть! Улыбка его очаровательная – другого слова не найти. Улыбается он даже во сне. А когда хорошо поест, у него такое настроение, что готов улыбаться всем, кто на него глядит. Откроет свой беззубый ротик, глазки тоже засмеются, а потом – головку вниз, как будто застесняется. Мол, вы уж не сердитесь, что я доставляю вам столько хлопот, что поделаешь.

Разговаривать с ним – одно удовольствие. При этом внимательно слушает, что ты ему говоришь, следит за выражением твоего лица – и на всё по-разному реагирует: то нахмурится, то засмеётся от души, до визга. Лежать не любит. Только положишь его на спинку, он тотчас же изо всех сил – аж покраснеет – начинает подниматься всем корпусом. К твоему приезду, наверно, уже научится сидеть. Активный, цепкий – не по возрасту. Взял как-то меня за горло и так держит – то приотпустит, то опять сожмёт пальчики. Был у нас Ив. Ал. Балибалов – опытная «нянька» (ему оставляли внуку трёх месяцев). Проверил Мишутку всяко: на слух, на зрение, на реакцию, и потом сказал: парень у тебя по всем правилам! Тьфу, тьфу, тьфу!

На кого он похож? Мнения у всех разные. Кто говорит – на своего папу (судя по снимкам), кто на тебя, а кто-то даже сказал: на деда, т. е. на меня. На кого он походит – не так уж важно. Главное – очень миленький, хорошенький. Я так и обращаюсь к нему: – Ну, что, мой холёсий? – Всё в порядке, – отвечает он, а у самого – ротик до ушей.

Стараемся придерживаться режима во всём – в кормлении, в сне. Мама целый день на работе, так я сам подсказываю бабе часы.

Езжу каждое утро на станцию детского питания. Дают там на сутки 600 гр. кефира и 30 г. творога. Но кефир Мишутка ест не очень охотно, поэтому пищу разнообразим – даём и молочную смесь, и манную кашу, и соки (яблочный, морковный, свёкольный, чтобы не было запора).

Любит купаться, «плавать» на животике. Одно беспокоит – уж сильно чутко реагирует на всякие разные шумы. Кашляну я громко – он вздрогнет. Но, говорят, это характерно для всех маленьких.

Вообще-то Мишутка по характеру спокойный, уравновешенный. Плачет, и то негромко, когда, наверно, болит животик. Но это бывает редко.

Плохо, что у нас тут всё ещё холодно. Опасаемся выносить его на улицу – может наглотаться холодного воздуха и простыть. Однако в духоте не сидим. Мама унесёт его на кухню, а я открою дверь на балкон и проветриваю комнату (он Хорошку, дядю Володю, выжил из неё бесцеремонно). И ещё я заметил: мужское общение он любит, кажется, больше. С меня и с Вовы глаз не сводит. Пойдёшь в сторону, он провожает взглядом; чмокнешь – он в ответ разулыбается. Очень улыбчивый! Насколько помню, никто из вас – ни ты, ни Саша, ни Вова – таким не был.

Одним словом, Мишутка у нас – как у Христа за пазухой. Не беспокойтесь ни о чём, спокойно сдавайте экзамены и зачёты.

Представляю, как мы будем скучать по Мишутке, когда ты опять увезёшь его домой. Жаль, что бабушка у него ещё молодая, а то бы мы долго не отдали его вам.

Как и договаривались по телефону, перед отъездом ты, Светуля, отбей мне телеграмму, сколько выслать денег на дорогу – я сразу же переведу телеграфом.

Ну, до свидания. Крепко целую. Папа.
Большой привет Володе. Ни пуха, ни пера вам!

19/VII-72 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Сегодня Мишутке исполнилось полгода, и я спешу преподнести ему подарок – посвящённое ему стихотворение, которое написал на другой же день после вашего отъезда. Вот оно:

*Сыновья дядьями стали,
Стала бабушкой жена.
На семейном пьедестале –
Радость общая одна.
В это чувство воедино
Всё хорошее слилось:
Крошку – гостя с Сахалина
Повидать нам довелось.
Полюбил я не на шутку,
Больше, кажется, всего
Остроглазого Мишутку,
Внука, тёзку моего.
Рад от друга, от соседа
Услыхать, что он пригож,
Да к тому же и на деда –
На меня – собой похож.*

*Очарован, словно зорькой,
Я улыбкой малыша.
А заплачет горько-горько –
Не выносит слёз душа.
До чего же парень славный
Этот милый карапуз!
Как, с серьёзностью забавной,
Теребит меня за ус!..
А вчера был час прощанья –
Улетел малыш домой.
До свиданья, до свиданья,
Золотой, хороший мой!
Там в своей кровати снова
Он смеётся и гулит,
И о бренности земного
Даже думать не велит.*

Вчера это стихотворение вместе с другими отнёс в «Кузбасс». Не очень надеюсь, что опубликуют, могут сказать, мол, очень интимное, но если напечатают – сразу же пришлю вырезку.

Полюбил я Мишутку действительно не на шутку (не в рифмах дело), думаю о нём всё время. То и дело подхожу к серванту, где поставил его фотокарточку (лежит на животике) и... целую её. Пишу вот это – и слёзки на колёсках... Не знаю, когда теперь ещё увидимся, но в сердце он запал навсегда. Берегите его. Не говорю уж: любите. Не любить его нельзя. Коляску ещё не отвезли. Но некому нам с мамой сказать своё привычное: атилюшки–атиля, длитатушки–длитата...

Поцелуй его за нас. Большой привет Володе. Пиши, как и что. Целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Был вчера у врача. Он строго-настрого наказал мне ни капли не принимать. Так что с этих дней я – непьющий.

14/VIII-72 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Не успели мы ответить на одно твоё письмо, как получили (вчера) второе – с фотокарточками. Подолгу смотрим на них. Там, где Мишутка сидит в коляске, он, как капля воды, похож на тебя, маленькую (есть у нас где-то снимок такой). Хорош он и со своим папой. Только что-то серьёзный стал, не улыбается. Порадовались мы тому, что Мишутка научился сидеть. Ещё месяц – два – и пойдёт. Вот уже и зубки прорезаются. Видно, что развивается он нормально, согласно своей активности. Соскучились мы по нему сильно. Но через полгода скучать придётся вам с Володей. У меня есть в планах вот что: после зимней сессии, в феврале, я возьму командировку и мы с Вовой приедем к вам, чтобы увезти Мишутку на время сдачи вами экзаменов. Думаю, что вы не станете «сопротивляться» – иного выхода-то нет.

А здесь мы его устроим в ясли, на день будем сдавать туда, а по вечерам – атилюшки – атиля...

Стихотворение о Мишутке, как мы с тобой и предполагали, не напечатали. Но я проявил некоторую настырность – ещё раз предложил его к печати, на этот раз – «Комс. Кузбасса». Правда, и там стихи что-то застряли – уже прошло две недели. А очень хотелось бы закрепить это сердечное слово в печати.

У нас всё по-старому. Саша уехал в пионерский лагерь на второй сезон. Вернётся числа 22-го. Хорошка хозяйничает по дому – побелил свою комнату и коридор. Намерены с мамой сделать побелку всей квартиры. Получается хорошо – не нужны и маляры.

У меня одна работа – сборник Саулова: для обзоров нет рукописей, для консультаций – тоже. Нет и заработка. Но скоро, с наступлением осени, от молодых авторов опять не будет отбоя. Работы будет хоть отбавляй.

Два дня до полночи не спал: смотрел футбол – розыгрыш Кубка СССР. Боролись за него две популярные команды – «Торпедо» и «Спартак». Я по традиции болел за «Торпедо», где играл Стрельцов. И болел не зря – торпедовцы победили (только на другой день, такая равная борьба была). Сама игра закончилась вничью – 1:1. А потом были назначены пенальти – по пять в каждые ворота. Мои любимцы (хотя и без Стрельцова) забили все пять, а спартаковцы (видно, очень волновались) только один. Таким образом, счёт стал 6:2. Когда были эти одиннадцатиметровые, у меня аж сердце колотилось. Представляю, что испытывали сами игроки.

Погода у нас испортилась. Часто дожди, пасмурно. Вчера, в воскресенье, ездили с мамой в бор, но позагорать так и не пришлось – солнце то и дело надолго закрывали облака. Да и не греет оно уже. «Украли» лишь один денёк – 5 августа. Позагорали, хорошо отдохнули.

Сегодня тоже пасмурно, но Хорошка с другом уехал на велосипеде на рыбалку (на Барзас). Лето у него прошло неважно – слишком мало было погожих дней. А скоро опять за учёбу. Хоть бы в сентябре постояла золотая осень. Ведь лета так и не видели.

Посылаю три стихотворения (в этой подборке я давал и о Мишутке). Балибалову понравилось первое, а Баландину – последнее. А как на ваш вкус?

Ну, всего хорошего вам, Светуля.

Крепко целую тебя и Мишутку. Большой привет Володе. Завидую его успехам на работе. Папа. (В конверт вложена газетная вырезка с подборкой «Из лирической тетради» со стихами «Ягоды», «День прошёл...» и «Змей». – *Прим. Н. И.*).

5/IX-72 г.

Дорогая Светуля, здравствуй!

Получил вчера твоё письмо. Очень порадовались, как быстро подрастает Мишутка – уже стоять научился! Хорошо и то, что он не перестаёт быть улыбчивым. Улыбка у него, можно сказать, прямо гагаринская – удивительно обаятельная. Не знаю, почему мама написала, что за Мишуткой приедет в конце зимы только Хорошка. Мы приедем вдвоём – я не раздумал. Если, конечно, буду жив-здоров.

Что-то стержень у ручки заело, взял другую (Красный цвет сменился голубым. – *Прим. Н. И.*).

Ты по-настоящему сахалинским жителем стала – удачно рыбачить начала. Вот бы мне составить вам компанию! Я большой любитель этого дела.

Как ни хороша рыбалка на Сахалине, мы всё же приветствуем ваше стремление перебраться в Хабаровск. Действительно, какой толк жить где-то на

краю света, если никаких осязаемых материальных выгод там нет? Давайте действуйте...

После проигрыша Спасского – очень печального – уже сочинили анекдот. Как известно, Фишер перед матчем долго капризничал, не приезжал в Рейкьявик. Когда он приехал, Спасский его пожурил: – Что-то вы опаздываете, нехорошо. На это Фишер ответил: – Ничего, я зато пораньше вас отпущу... Так и получилось. Правда, Спасский пострадал только морально, а материально он и в качестве побеждённого получит... 46 тысяч долларов. Это согласно положению о чемпионате мира по шахматам.

Зато олимпийцы наши радуют – иногда в день по несколько раз играют в Мюнхене наш гимн в честь победителей в разных видах состязаний. Медалей всяких наши ребята привезут очень много.

А на днях мы смотрели хоккей. Наши играли с канадскими профессионалами – звёздами и разгромили их со счётом 7:3. Вот, Светуля, был матч так матч. Силовые приёмы – по всей площадке, то и дело кто-то кого-то «перепускает» через себя. Доходило даже до драки. И всё же наши выстояли с честью, да ещё победили на глазах самого канадского премьер-министра! Показали и класс игры, и русский характер (вначале проигрывали 0:2).

Футбол у нас похуже, чем хоккей, но в Мюнхене и футболисты играют неплохо: уже четыре победы (в четырёх матчах). На фоне всего этого проигрыш Спасского особенно огорчителен...

Недавно собрал материал для обзора, его сразу же напечатали. Обзоры не залёживаются, а вот стихи – по-прежнему там без движения. А как хотелось бы увидеть стихотворение о Мишутке напечатанным!

Работу над сборником Саулова в основном закончил. Осталось написать предисловие и перепечатать воспоминания о Толе, которые мне прислали из Томска.

Весь август (как и июнь с июлем) здесь была очень плохая погода. А с первого сентября – получше. Прохладно, но без дождя, солнечно. Может, осень золотая постоит?

Саша сейчас дома. Отпросился, чтобы сделать операцию – свести с рук татуировку. Опять ему, бедному, предстоит испытание – говорят, очень болезненная штука. Хорошка уже занимается в институте. До десятого сентября. А потом – или в колхоз, или оставят его делать своё дело – оформлять всякие стенды и т. п.

Они вдвоём с мамой сделали побелку всей квартиры. Вышло не хуже, чем у настоящих маляров. Сэкономили деньги. У Шутовых за побелку и покраску полов взяли 100 рублей.

Вот пришла на обед мама. Закругляюсь.

Целую тебя и Мишутку. Большой привет Володе.

P.S. Сейчас Саша понесёт на почту посылку тебе – ко дню рождения.

12/X-72 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Твои письма всегда большая радость для нас (перечитываем их по несколько раз), а это – вдвойне, потому что в нём три фотокарточки Мишутки. Не можем наглядеться на него – до чего же он милый, славный. Я уж думал, мол, чуть подрастёт и не будет так охотно улыбаться. А он всё такой же улыбочивый. Очень нам нравится его обаятельная улыбка! На одном снимке он, по-моему, издаёт какие-то звуки (где смотрит немного в сторону), на другом, где даже язычок на виду,

наверно, подпрыгивал, и папе, видно, трудно было уловить момент, чтобы снимок не смазался, на третьем – такой хороший, открытый взгляд и в глазах как будто выражение: а ведь симпатичный я парень, верно? Здесь хорошо заметно, что сытенький он («щёчки со спины видать»). Так и хочется взять его на руки, зацеловать, зажулькать. Ну, ничего, «доживём до понедельника» (т. е. до февраля), тогда уже будет у нас праздник.

С повышенным тиражом, Светуля, у меня ничего не вышло. Когда сборник сдавали в производство, Савицкий, как на грех, был в отпуске, а больше не с кем было договориться (ты же знаешь, какой я «пробивной»); с Банниковым надо говорить, стуча по столу кулаком, как это делают многие, а я так не умею. Была возможность получить не меньше тысячи рублей, но я это не сумел «организовать». А переиздавать уже изданное тот же Банников ни за что не согласится – не очень-то он считается с читательским отношением к тому или иному автору.

Радуюсь и тому, что, как узнал от работников книготорга, сборник расходуется хорошо, покупают его многие. Это и Хорошка заметил: утром, говорит, лежит целая стопа, а к вечеру остаётся несколько штук. Даже к лучшему, что эта книга – небольшая по объёму и без твёрдой обложки – цена маленькая, 44 коп. у любого любителя поэзии всегда найдётся в кармане. Уверен, что раскупят быстро. А вот Буравлёвский том (10 п. л., цена, кажется, больше рубля) будет лежать не меньше года.

Кстати, Светуля, узнал я об его истинном отношении ко мне. Когда зайдёт в редакцию и увидит какую-нибудь мою рукопись или что-то уже напечатанное, то отпускает всякие хохмочки, зубоскалит с друзьями (с Махаловым и др.). А я ещё хотел зайти к нему, подарить сборник и даже попросить написать рецензию. Когда Эля Суворова узнала об этом – видела бы ты, как она возмутилась! И рассказала мне всё.

Рецензию пишет Володя Матвеев. Он любит мои стихи, доброжелательно относится ко мне самому, и есть уверенность, что напишет объективно, а главное – не кривя душой и без всякой зависти, что было бы у Буравлёва, если бы взялся он за это дело. Теперь мне стало ясно, почему из этих «друзей» никто ни слова не сказал, когда в «Кузбассе» был напечатан венок сонетов. Зависть это – вот что.

Дал себе слово – ни с кем не связываться, а знать своё – работать и работать. Лирический репортаж «Хлебное поле» пошёл в «Кузбассе» сходу, через день, как предложил. И оценили его высоко – заплатили по 60 коп. вместо обычных 50 коп. за строку. Без скидки на подзаголовок, как за хорошие стихи. Только испортили одну строчку: у меня было «Пётр Порфи́рьич Карабутов», а напечатали «Порфи́рьевич», не решились на разговорное произношение, имеющее право и на такое написание – Порфи́рьич. В результате строчка выбилась из размера. Жаль, получилось по-ученически коряво.

Наряду с положительными отзывами есть и одно издевательское – передали мне сегодня в редакции прозаическую эпиграмму на эту вещь. Видно, этот автор из тех, кого я когда-то где-то критиковал.

Посылаю и «Хлебное поле» (вырезка из газеты вложена в конверт. – *Прим. Н. И.*) и напечатанный сегодня обзор – не для отзыва, конечно, а так, почитать.

До свидания. Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Поцелуй за меня Мишутку. Володе – привет. Хорошо бы к февралю переехать вам в Хабаровск.

17/X-72 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

На днях полностью завершил работу над сборником Саулова. Вчера отнёс в издательство предисловие, воспоминания о Толе (восьми авторов), его письма – одно учащимся Яшкинской школы, где он учился, два писателю Осокину (Томск) и девять ко мне. Книжка должна получиться, по-моему, хорошей – по ней читатели будут судить об авторе не только как о поэте, но и как о человеке. Как сказала Глебова, это, видимо, будет последняя его книга. Выйдет она в 1974 году.

Позавчера днём раздался телефонный звонок. Я поднял трубку: – Да. – Опять это бюрократическое «да», – услышал я шутливое замечание Юры Баландина. Он, как обычно, был под хмельком. – Вчера принесли мне два материала, один что-то по пропаганде, Щербакова (Максима Гавриловича, журналиста «Кузбасса». – *Прим. Н. И.*), а другой под рубрикой «Критика и библиография» рецензию какого-то М., нет, Мих. Небогатова. Прочитал я её и просто восхитился. Какую, Миша, замечательную рецензию ты написал! Какой ты умный парень! Я кое-что подсократил и подписал в номер... Вот поэтому и звоню тебе...

Я, конечно, был очень рад услышать всё это. Тем более, что Юра всегда говорит мне правду. Если что не понравится ему – душой не кривит: – Не то. Или: – Слабовато, не достойно твоего имени...

Сегодня эта рецензия в «Кузбассе» напечатана. Сокращения, кажется, ухудшили её (убраны и положительные, и отрицательные цитаты стихов), сделали менее доказательной, убедительной. Но всё же хотелось узнать твоё мнение и об этом варианте. Напиши (будь только построже, пообъективней). Какой общий вывод в смысле оценки книги?

Была у меня на днях Варвара Гурьевна (Ульдина, цветовод, многолетняя поклонница творчества Небогатова. – *Прим. Н. И.*). И она, как многие, заметила, посмотрев Мишуткины снимки: – А внук-то, кажется, похож на деда. Дед, конечно, расцвёл.

Если к февралю вы переберётесь в Хабаровск, то мы приедем втроём – с Витей Баяновым. Он выразил желание побывать там.

Ну вот, пока всё. Крепко целую тебя и Мишутку. Папа. Привет Володе. Судя по твоим письмам, как семьянин он – молодец.

Приписка с левой стороны страницы: Послезавтра Мишутке уже девять месяцев! Идёт время, скоро он, наверно, сделает первые шаги.

22/X-72 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Спешу поделиться вот чем. Позавчера, за полчаса, перед футбольным матчем по телевидению, неожиданно родился сонет. И вышел он как предисловие к новой книге. К книге, которая будет состоять из одних сонетов.

*Давно мечтал о сборнике сонетов...
Перо берём не ради баловства.
Зовёт пример классических поэтов,
Уменье их выковыивать слова.
Век золотой, век пушкинских
заветов,
Как жизнь, твоя поэзия жива,
Как ясный свет закатов
и рассветов,*

*Как древний Кремль, как Волга
и Нева.
Что я люблю, чего я не приемлю –
Я в этой книге дам прямой ответ.
Хочу воспеть людей, родную землю,
Всё то, чего дороже сердцу нет.
Пришла пора – душою чутко внемлю
Твоей чеканной поступи, сонет.*

20 октября 72 г.

Сразу же загорелся этой идеей. Обдумал всё серьёзно. И поставил перед собой задачу: каждый день создавать по одному сонету. Неужели не смогу за день написать четырнадцать строк? При большом желании – можно, вполне осуществимо.

Почему я соблазнился этой формой? Очень дисциплинирует она мысль, не допускает многословия (и пустословия). Надо выразить что-то самое главное – в узких рамках. Да и по музыкальности этот стих очень красив. Опасаюсь лишь одного, чтобы не впасть в бесстрастность, не потерять основное, чем дорожу в своих стихах, – задушевность. Но постараюсь преодолеть эту опасность.

За год, если буду жив-здоров, намерен написать сонетов двести. Замысел наполеоновский, но чувствую (не сглазить бы!), что он мне по плечу. Заявку дам на 1974 год.

Посылаю первые опыты. Прочти внимательно и выскажи со всей откровенностью своё мнение. Хорошка говорит, что надо сделать более поэтичной строчку: «Давно мечтал о сборнике сонетов». Я с ним согласен, буду искать. В третьем сонете я попытался показать судьбу спортсмена, футболиста (какого – ты, наверно, догадаешься).

А теперь – о Мишутке. У нас, Светуля, такое решение возникло: если вы переедете в Хабаровск раньше февраля, то и Мишутку мы увезём раньше, сразу, как туда переедете. Хорошка отпросится на несколько дней – и мы прилетим. Так что давайте форсируйте это дело. У тебя будет больше времени для подготовки к экзаменам. А нам Мишутка только в радость. Мы его тоже страшно любим.

Вот такие дела, Хохлаточка. Крепко целую. Папа.

Привет Володе. От всех нас.

28/I-73 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Всё наше время – день за днём – заполнено сейчас одним – Мишуткой. Утром я или Вова – за кефиром, мама кормит его завтраком. А потом, когда он ползает, то и дело надо его переодевать – смотришь, уже мокренький. Только я сяду за стол, он тут как тут: тоже просится попечать на машинке. Не успею я сделать три – четыре консультации, как надо освобождать кабинет – его сиятельство трёт глазки. Режим мы соблюдаем строго. Спать укладываем два раза – в двенадцать и в четыре, в полпятого. Он привык к этому и ложится охотно. Правда, иногда полдневный сон его продолжается часов около трёх, и в этих случаях во второй раз он уже не засыпает, но добросовестно отлёживается положенное время в кроватке – не хнычет, не скулит.

Спокойный – на удивление (тьфу, тьфу, тьфу!). Не говорю уж, какой милый, общительный. Любим мы его очень сильно, души в нём не чаем. И он нас – тоже. Привык. Хорошо выговаривает «баба» и «дядя». Частенько говорит «тёта», это он тебя вспоминает. И при этом выжидающе смотрит на дверь, и глазки светятся. А ходить не ленится, а боится. Переступит шага два и на корточки – так надёжней. Ползает – бегом. «Ладушки» («ба – а – о») поёт уже без моей просьбы, сам. Много лепечет. А если передразнишь – сразу же даст по лицу. Умеет за себя постоять. Ты спрашиваешь, как мама управляется одна? А она не одна, все мы занимаемся с ним, я – больше, чем при тебе. Плохо только, что мама заболела, да и я простыл (в квартире холод), не могу шею повернуть. Поэтому на улицу Мишку не носим. Поправимся, станет потеплее – будем гулять во дворе.

Сонеты, Светуля, отдал я Чигарёвой, она при мне попросила секретаршу зарегистрировать рукопись и передать её Глебовой. Буду ждать её заключения (от кого зависим?! бог ты мой!).

Из Хабаровска сразу же сообщи свой адрес. Крепко целую. Папа. Привет Володе.

9/IV-73 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Даже страшно подумать: на днях Мишутка чуть не умер. Днём была у него высокая температура – 39,7°, к ночи ему стало ещё хуже, два раза вызывали скорую помощь. Дали ему лекарства, и температура спала до 35°. Упадок сил. Среди ночи он вдруг закричал (стал, видно, задыхаться), мама схватила его, а он холодный и безжизненный, как трупик. Перепугались все (и Вова прибежал). Приехала скорая помощь, врач сказал, что сердечко от лекарств ослабло, надо около него подежурить. Мама просто с ног валилась, я говорю: иди поспи, а сам сел около кровати. Через каждые три минуты шупал у него пульс, прислушивался к дыханию, которое еле прослушивалось. Так прошло часа два. Лишь к утру пульс стал устойчивым, хорошо наполненным, и задышал Мишутка ровнее и глубже.

Наутро пришла лечащий врач, осмотрела его, сказала: Дыхание жёсткое. Но есть ли пневмония, сказать трудно.

Часа через три после её ухода пришла другая женщина, уже старушка. Послушала и твёрдо заявила: – Пневмония, ребёнка надо немедленно госпитализировать. И под села к телефону. Как назло была суббота, и звонки её были впустую, никого в больнице не застала. Под вечер мама сама решила позвонить на дом главному врачу спецполиклиники, Лидии Ивановне, и та, выслушав всё, сказала: – Сейчас же везите его, я отдам все нужные распоряжения. Очень человечно поступила. Вызвали такси – и через полчаса Мишутка был уже под наблюдением врача и сестёр. Всю ночь ему давали кислород, поили глюкозой, кололи. Успокоили нас: ничего страшного, через несколько дней, мол, не узнаете его. И верно. Вчера мы с мамой ходили к нему на свидание. Он уже весёленький, около него – три сестры, со всеми он улыбается, даже бодается. Дело пошло на поправку. А похудел сильно – 4 кг потерял. Ходить как разучился. От слабости. Но теперь мы за него спокойны – обязательно поднимут его на ноги. И ты, Светуля, не волнуйся, не переживай. Я обо всём буду тебя информировать.

Свадьба у Вовы 14 апреля. Дел у мамы по горло, а она сильно болеет, руки отнимаются. В общем – весёлого мало.

Ну, пока. Крепко целую. Папа.

Привет Володе.

5/V-73 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Мама собирается к Мишутке, чтобы отнести кефир, за которым я хожу, вернее, езжу каждое утро. Вова и Таня (жена Владимира Небогатова. – *Прим. Н. И.*) в институте (у них уже началась сессия), а я решил вот черкнуть тебе.

Послезавтра будет месяц, как Мишутка в больнице. Врач сказал, что в понедельник ещё раз сделают ему рентген, и тогда будет ясно, когда его выпишут. Когда приходим к нему, он лучше всех узнаёт одного меня, от других – от мамы, Люды (сестры Марии Ивановны. – *Прим. Н. И.*), Саши, который ходил с нами недавно, – отвык уже, встречает равнодушно. А у меня свой секрет: песенка, которую я ему напеваю, когда он прыгает: «А – ля, ли – ля – ля, золотушечка моя. Ты моя хорошая, ты моя пригожая». Он, видно, это запомнил и рад мне, как никому! А я цвету!

Самочувствие у него уже нормальное, весёленький, всем, особенно няням и сестричкам, широко (очаровательно!) улыбается. А вообще, когда заходишь к нему

в комнату, сердце сжимается от чувства, что он тут всё время один, без родных: стоит, не замечая нас, в кроватке и жадно смотрит через внутреннее окно в соседний бокс, на других ребят. Самое плохое, что он там совсем без свежего воздуха. Проветривают, конечно, но всё это не то. Вот будет дома – другое дело, будем гулять с ним на солнышке.

...Ну вот, пока мама собиралась, я уже и письмо закончил.

Посылаю два обзора, которые дали один за другим (по инициативе Рудольфа) (Теплицкого – редактора газеты «Комсомолец Кузбасса». – *Прим. Н. И.*).

До свидания, Светуля. Крепко целую. Папа.

Привет Володе.

25/VII-73 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

С нетерпением ждали твоего письма, и вот получили. По несколько раз перечитали его. Каждое слово о Мишутке – на вес золота.

Привыкли мы к нему очень сильно, тоскуем прямо-таки ужасно. Я всё вспоминаю, как мы жили с ним в доме отдыха, как играли в мяч, как укладывал его спать. «Миша, вставай в ворота!», «Мишеньке пора читать». И так то одно, то другое. Всё время он перед глазами. Снимок, сделанный в фотоателье, мало характерен для него – тут он намного взрослее, не то. Вот напечатает Вова снимки, которые делал сам, – другое дело.

Появилась у меня привычка – приглядываться на улице к малышам. Но одно разочарование – никто не может сравниться с Мишуткой, все какие-то некрасивые, вялые, с безразличным взглядом. Боюсь, чтобы и он не стал таким в яслях. Уже, наверно, он там?

Вова с Таней уехали отдыхать в Иссык-Куль. Мы с мамой отдыхаем дома. Сегодня с утра дождь, а вчера мы «украли» хороший денёк – съездили за город, под Топки. Грибов не нашли, зато нарвали целый рюкзак травы душицы. Мама вычитала, что эта трава (вместо чая) от ста болезней. Только пришли домой, ударил ливень, да такой ледяной, что если бы застал нас на воле, простудились бы.

Договорился я с Мазаевым насчёт командировки в Новокузнецк. В субботу 28-го на автобусе поедem с мамой к Саше. Посмотрим, как они живут, каково их настроение.

«Сиб. огни» опубликовали три моих военных сонета (в подборке на эту тему). Пока железо горячо, послал ещё 19 штук (осенне-зимние пейзажи и стихи-раздумья).

Начал я, Светуля, заниматься утренней физзарядкой. Очень взбадривает. Хорошее дело. Скоро начну писать стихи для новой книги. Все условия для этого есть, дело за темами. Только настроиться – и пойдёт.

Да, плохо дело у вас с квартирой. Может быть, Володе съездить в Углегорск? За глаза-то люди бесцеремонней.

Ну, пока всё. Пиши, Светуля. Крепко целую. Папа.

Привет Володе.

17/VIII-73 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Получили два твоих письма – одно за другим. Первое сильно огорчило. Какое ничтожество этот Осецкий, что вытворяет, негодяй. Даже мало надежды на справедливое решение этой квартирной проблемы судом – у Осецкого, наверно, и там, как и в горисполкоме, есть своя рука. Трудно будет вам дождаться своего.

Второе письмо очень порадовало – всё оно о Мишутке. Читаем и перечитываем. Ты так подробно и живописно всё рассказываешь, что он прямо перед глазами. Жаль только малыша – уж очень больно, наверно, бьёшь ты его по попке. Он, бедненький, даже ладошками прикрывается, но терпит. Вообще-то Мишутка парень с характером, да надо как-то обходиться без этих шлепков, он умный, поймёт и внушение.

Газетку твою просмотрели внимательно. Напрасно ты, Светуля, хаешь свой материал. В нём есть всё – и живые зарисовки, и информация, и деловитость. Неплохая корреспонденция. Представляю, как трудно она писалась при твоей занятости дома. Ну, ничего. Помаленьку освоишься, войдёшь в колею, и всё пойдёт гораздо успешней, легче. Приятно и как-то даже боязно (такая ответственность!) читать: «Редактор С. М. Небогатова». В связи с этим, подумай, Светуля, о вступлении в партию. Понимаю, для этого необходимо время, но думай об этом.

У меня всё отдых поневоле. Не могу пока настроиться на стихи для новой книги. Основная работа – консультации, обзоры, стихи по заказу. Недавно выступал по телевидению – прочитал два новых стихотворения на сельскую тему. Предложил сонеты на радио – 16 штук, на телевидение – 30. По радио должны передать в следующий вторник, 21 августа. Из телестудии ещё не звонили.

Три летних сонета напечатал «Кузбасс». Юра Баландин говорит, что отзывы о них были, как он выразился, приличные. Невольно вспомнишь Глебову: только она одна как будто понимает что-то. Смешно. В новых стихах для книги буду писать не только то, что хочу, но и то, что надо. Чтобы прошёл он, как по маслу. А сонеты, как говорит Хорошка, ещё напечатают. Добро не пропадает.

Целую тебя и Мишутку. Привет Володе. Папа.

12/IX-73 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Ну и кочуете вы, как цыгане, с одного места на другое. Надоело, небось? Скорее бы решился этот квартирный вопрос, сколько можно мотаться по чужим углам.

Прочитали в твоём письме про Мишутку – и всё живо представили. Это потому, что долго он у нас жил, недавно уехал, ничто ещё не забылось. И всё-таки хотелось бы увидеть его сейчас – повзрослел он заметно. Ты его береги, постарайся сделать всё, чтобы не разболелся. Ох, уж эти ясли – не обходится там без простуды. Вот приедет к нам в феврале – и здесь может случиться так же. Маме теперь отпуск взять не удастся, только начала работать.

Сильно устаёт. Трудно поначалу, пока нет в запасе материала. Но работает с удовольствием, потому что чувствует душевное удовлетворение, не то, что в совпрофе, где уставала от другого – от пустой говорильни, от бесполезных бумажек.

Я всё ещё готовлю себя к работе над новой книгой, «набираюсь ума» у Горького, читая его толстенный том «О литературе». Чем больше читаю, тем более чувствую себя беспомощным как литератор, потому что невольно сопоставляешь, кто был он и кто ты. Горький – поистине великий человек, и как художник, и как личность. Некоторые его статьи воспринимаешь как работы крупного, профессионального философа. Какое богатство знаний – и жизни, и всех её многообразных явлений! Просто диву даёшься, как может вместить столько знаний один человек.

Вот какую интересную мысль выписал я для себя из одной его статьи: «Талант развивается из чувства любви к делу, возможно даже, что талант – в сущности его –

и есть только любовь к делу, к процессу работы». Он мог так сказать, потому что сам был работник, каких мало. И заметь, этим высказыванием Горький как бы подбадривает всякого, кто, будучи даже от природы даровитым, не верит в себя, в свои силы – мол, ничего страшного, трудись как следует и добьёшься своего. Это не взгляд сверху, а взгляд равного, хотя равных ему – мало.

Думая о больших художниках слова, вспоминаю Шолохова и очень удивляюсь, почему он не считает нужным поделиться с молодыми своим художественным опытом – ни одной подобной статьи нет у него. В этом молчании – какая-то гордыня, что ли. Себе на уме этот донской казак.

Мои обзорные статьи, Светуля, помаленьку делают своё дело в том смысле, что их начинают высоко оценивать не только те, кому они предназначены, а и те, кто, может быть, сперва не придавал им значения. Недавно сразу от двоих – от Суворовой и от Волошина – услышал я совет: издать их отдельной книгой. Это пожелание ещё больше утвердило моё давнее намерение. Может получится полезная и поучительная книга – разговор о стихах. На 74-й год запланирован у меня сборник стихов, а на 75-й, если буду жив-здоров, предложу эту книгу статей. Суворова так и говорит: подайте заявку, а там уже можно будет отстаивать.

Но всё это – дело будущего, а пока... Сегодня преодолел душевную скованность и написал три осенних зарисовки (44 строки). Отнёс их – под общим названием «Осенние этюды» – в «Кузбасс». Если напечатают – пришлю.

Твою газетку смотрю с удовольствием. Большое дело ты делаешь, каждое доброе слово о простых людях дорого им. За псевдоним не обижаюсь, конечно. Только заголовок надо было изменить: летний сонет, потому что дан-то один. Ну, ничего, пустяк.

Ещё раз поздравляю тебя, моя хорошая, с днём рождения!

Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Поцелуй за меня Мишутку. Володе – привет.

24 сентября 73 г.

*А папа у меня писатель
(приписка Светы вверху справа. – Прим. Н. И.)*

Здравствуй, дорогая Светуля!

Итак, начало новой книге стихов положено. Завёл отдельную тетрадь и первыми записал в неё три осенних этюда, которые во вчерашнем номере «Кузбасса» дали под названием «Осень».

Эти стихи написались быстро и легко, наверно часа в два.

А позавчера и «Комсомолец Кузбасса» напечатал осеннее стихотворение «Светлы награды сентября» (у меня было: «Золотая осень») под псевдонимом (с твоей лёгкой руки): М. Александров. Это предложил я сам, потому что выступаю здесь как критик, учитель молодых, и под своим именем печатать стихи не совсем удобно – могут воспринять их как образцы, на что, я, разумеется, не претендую. Как считаешь, Светуля, можно и этот стих поместить в книгу? Мне кажется, в нём кое-что есть, но всё это несколько общо, газетно. Верно? На очереди ещё одно стихотворение, которое только чувствую, но пока не продумал. Когда мы с мамой ездили к Саше, где-то в Киселёвске меня очень взволновал пейзаж: железнодорожный путь по высокой насыпи далеко уходит на закат, как будто в неведомый сказочный край, где ждёт что-то новое, хорошее. Ощущение всего этого сильное, а какую мысль сделать зерном – пока не знаю. Это что-то сродни блоковскому: «И вижу берег очарованный и очарованную даль». Но в том-то и

задача, чтобы не было ничего похожего на Блока. Как только напишу – пришлю тебе. Сравнишь, что было на душе и что вышло на бумаге.

Мама работает много и с удовольствием. Посылаю вместе со своими стихами её газетку, где начал сотрудничать Захар Берёзкин.

Хорошка пока не учится, начнёт, наверно, с 1-го октября, когда его сокурсники вернутся из колхоза.

Очень хочется повидать Мишутку! До его приезда – до февраля – надо мне книгу закончить, чтобы больше заниматься с ним.

Ну, пока, Светуля. Целую. Папа.

Привет Володе.

24 сентября 73 г.

А папа – писатель

(снова приписка Светы вверху справа. – Прим. Н. И.)

Здравствуй, дорогая Светуля!

Не успел ещё отправить тебе письмо, как задуманное стихотворение родилось. Вот оно:

*На просторной насыпи высокой
Ровные, по стрелочке, пути
Зазывают далеко–далёко,
К горизонту самому почти.
Свет заката – бликами на стали,
Ручейками вдоль по полотну.
Две полосы рельсов в дальней дали
Сходятся, сливаются в одну.
Манит эта даль невыразимо
В тихий свет вечерний, на закат,
Чтоб столбы, дома промчались
мимо,
Отстранились в прошлое, назад.*

*Чтобы от обыденности этой,
Глубоко и радостно дыша,
Устремиться прямо к морю света,
Ощущая, как поёт душа.
Чтобы всё, что связано с печалью,
С повседневной суетой сует,
Поглотилось этой дальней далью,
Где простор и синь и вольный свет.
Чудится: за гранью окоёмной
Что-то удивительное ждёт...
Светит путь. И в жажде неуёмной
Сердце рвётся, просится вперёд.*

Не знаю, удалось ли выразить то, что чувствовал. Пожалуй, не совсем, потому что чувства всегда сильнее слов. Но и так как будто ничего? Жду твоей оценки.

Папа.

15/X-73 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Самая большая радость в твоём письме – Мишуткины снимки. Какой он большой стал! Взгляд и улыбчивый, и в то же время вдумчивый. Чувствуется – взрослеет не по дням, а по часам. Так бы и обнял и расцеловал его.

Огорчают ваши квартирные дела, просто слов нет. Зима уже не за горами, а вам, по милости некоторых сволочей, приходится мотаться по разным углам.

Газетку твою читаю с интересом, ведь в ней – твоё всё: и способности, и характер, и наклонности. Всё это оставляет хорошее впечатление.

Посмотрел я на подборку Михаила Александрова (Здесь отец говорит о себе в третьем лице, поскольку речь о его собственной подборке стихов под псевдонимом. – Прим. Н. И.) «Осень» – ничего вроде пишет. Надо тебе взять его в постоянные сотрудники. Я с ним советовался – он согласен. И посылает ещё одну подборку, по теме – ближе к зиме. В каждой стишке, как мне кажется, есть свои находки...

Это «Предзимье», Светуля, я предложил «Кузбассу». Когда напечатают и напечатают ли вообще – трудно сказать, а посему я, не дожидаясь результата, решил послать тебе.

Работа над книгой стихов идёт (не сглазить бы!) полным ходом. Пишется почти с таким же подъёмом, как в своё время сонеты – почти каждый день, да ещё по три – четыре вещи в день. Отобрал уже кое-что и послал в «Сиб. огни». Раз стихотворение о «дальней дали» понравилось тебе, значит есть ещё порох в пороховницах. Мне тоже из написанного многое нравится. Чтобы не было сонетной ритмической монотонности, стараюсь разнообразить размеры стихов. Это оживляет. Как уже говорил тебе, пишу в основном то, что – уверен – будет одобрено. Книгу решил назвать кратко и ёмко: «Люблю». Люблю жизнь, поэзию, искусство, творческий труд, родную природу, всё прекрасное.

Может, и о событиях в Чили дашь? (Имеется в виду стихотворение «Гнев» о свершившемся 11 сентября 1973 года государственном перевороте, в результате которого к власти пришла хунта во главе с Аугусто Пиночетом. – *Прим. Н. И.*). Посылаю на всякий случай. Тема решена вроде бы по-своему.

Ну, пока. Целую. Папа.

Мишутку поцелуй, а Володе – привет.

17/X-73 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Стопка бумаги на моём столе (для черновиков) всё тоньше, а в тетради чистой всё больше страниц, исписанных стихами. Работаю над ними каждый день, в основном с утра, часов до 3 – 4, а иногда и вечер прихватываю, когда распишусь.

Не всё, конечно, одинаково удачно, но хорошо уже то, что я, кажется, обрёл рабочую форму. Иной раз (как Пушкин когда-то) говорю себе: – Ай да Мишка, молодец! Это когда сам чувствую, что сделал неплохо, получилось то, что надо.

Сегодня написал четыре небольших стихотворения, одно из них решил сразу же послать тебе – о многотиражке. Вроде бы удалось в немногих строчках сказать об этой газетке самую суть. Маме тоже пригодится.

Всё смотрим на Мишутку – какой он милый, хороший! Я до этого только собирался попросить тебя сфотографировать его, а ты опередила моё желание.

Ну, пока всё. Целую вас обоих, Володе – привет.

16/XI-73 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Спешу поделиться с тобой радостью: книжку закончил! Сегодня сделал подсчёт строк – вышло 2290, а для сборника, на сколько он запланирован (3 печ. листа) нужно 2100 строк. Получился даже запас, на случай выброса чего-то. Сонеты я писал три месяца, а эти стихи начал 12 сентября, сегодня дописал последние три – 2 месяца и четыре дня. Срок – рекордный. Но и стихи эти не чета сонетам. И мама с Хорошкой так говорят, и сам я чувствую.

До подсчёта строк я считал, что работы мне ещё, по крайней мере, на месяц. А раз так, то изменилось кое-что и другое, а именно: собирались мы с мамой через месяц послать тебе письмо с просьбой привезти Мишутку. Теперь ты можешь сделать это хоть завтра.

В общем, Светуля, дело такое. Живётся вам очень трудно – и жильё плохое, и продуктов нет, и ясли далеко. Так что давай-ка приезжай к нам с сынулей, на недельку тебя, наверно, отпустят. Здесь и ясли близко, и продукты есть, и, как говорит Балибалов, даже школы лучше (шучу, конечно). Мишутка нам будет не в

тягость, а в радость – ведь мы так любим его! Сейчас он уже большенький, понятливый, особых хлопот с ним не предвидится. Работать помаленьку я смогу и при нём. До февраля ждать незачем, лучше привезти его до больших морозов. Вам с Володей легче будет и работать, и готовиться заранее к сессии.

Как получишь это письмо, сразу же подай заявление на отпуск без содержания (если это сложно, можно взять прямо в обрез – дня на четыре). И приезжайте. Мама теперь же будет узнавать про ясли, в какие его устроить. Договорились?

Вот, собственно, пока и всё. Будем ждать твоей телеграммы о прилёте. На дорогу наскребёте или совсем ничего нет? Если что – телеграфируй.

Крепко целую тебя и Мишутку. Володе – большой привет. До встречи. Папа.
P.S. Может быть, позвонишь? Получила ли посланные 30 рублей?

14/I-74 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Письмо твоё порадовало нас – в том смысле, что вы полностью рассчитались с долгами. Молодец Володя, хорошо работает.

У Мишутки – кочевая жизнь. То он у бабы, то у нас. Баба – нянька ненадёжная. Заболела. И мама опять брала бюллетень (ангина), целую неделю Мишутка жил у нас. Вчера вечером отвезли его. Бабе получше, но Мишутка ей уже в тягость. Говорит, если что, дед позвонит. Мол, забирайте. Не знаю, дотянем ли так до твоего приезда, когда будем устраивать его в ясли.

А мальчишка он – прямо золото. Больше всех привязан ко мне. Даже среди ночи, проснувшись, говорит маме: «К деду!» И какая же радость у него, когда я утром встану: «Деда тала!» «Деда пойдём орать даты» (пойдём играть в солдаты). Играем, топаем. Или: «Пойдём падать». Это я придумал: ходим вокруг стола, я запинаясь за стулья, делаю вид, что падаю, он хохочет. А прыгать я его приучил с одним условием: чтобы в это время пел. Он поёт с вдохновением: а – о – а – о – а! Говорить старается всё, не смущаясь тем, что не всё получается. А получается всё лучше. «Самолёт» уже не «телёля», а «телё», «троллейбус» – «троле». Любит читать, просит других. Нравится ему листать «Огонёк». Показал ему Вова портрет Маяковского, говорит: это Маяковский, скажи. Он очень чётко: маяковки. «С», «ч», «ш» пока не получается. До смешного чётко выговаривает «кикиморра». Совсем недавно маму шутя называл: «тётя Марера», а теперь: «тётя Мария». И при этом лукаво так смотрит на неё. Любит на кухне играть в самолёт. Положит табуретку впритык с другой и говорит: «Мика тела» (Миша полетел). – Далеко? – Ко. – К маме, к папе? – Да, маме, папе. И добавит: Мама телё ко (мама улетела на самолёте далеко). Я почти всё понимаю у него, забавно расшифровывать его языковые иероглифы. Вчера бежит из комнаты к маме в ванную: «Оторала!» В руке карболитовая штучка. «Где Миша оторвал?» «У мўки». Это значит – у музыки, ручку у репродуктора.

Гуляет на улице охотно, на руки не просится. Но последнее время стоят морозы, не гуляем.

Приезжал Саша, Мика сильно полюбил его. «Дядя Тяка пойдём орать». И ласково так: «Дядя Тяка-а».

Саша приезжал в командировку. Не застал кладовщика, задержался на день.

Ко дню рождения Саше сделали подарок – купили за 26 рублей пиджак. На работу он ходит в одной вязаной рубашке, а она, видать, по месяцу не стирается. До этого ещё послали ему 20 рублей. Так что никак у нас с мамой не получается экономия денег. Всем что-нибудь надо.

У бабы холодно – 17°. Как бы Мишутка не простыл. Вообще-то он всё время тепло одет. Мама не очень доверяет бабе, я тоже, хотелось бы как-то лучше устроить Мику. Съездишь во Владивосток – сразу же прилетай к нам.

Ну, пока, написал много.

Целую. Папа. Большой привет Володе.

Приписка с левой стороны страницы: Саша сделал замечательные снимки с Миши, пришлём, когда получим ваш домашний адрес.

28/ I-74 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Значит, скоро вы будете справлять новоселье? Дай-то бог. Свой угол под крышей – великое дело. Можно спокойно жить и работать.

Микины именины совпали с субботой, так что он был у нас. Пошли мы с ним вдвоём гулять, заглянули в наш магазин. Пока я выбивал чек на самую большую «коладку» (шоколадку), Мика, стоя у прилавка, успел познакомиться с какой-то тётей (все к нему равнодушны). Дал я ему эту шоколадку, он сразу начал пробовать развернуть её. Я сказал: – Давай положим её в карман, и дома Миша будет кушать её. – Кутить коладку, – согласился он. Только вернулись домой, он – сразу же за мой карман.

С утра в этот день я сказал ему: – Сегодня Мише исполнилось два годика.

Потом, спустя какое-то время, спрашиваю: – Сколько Мише сегодня исполнилось? – Годика. – Скажи: два годика! – Дра годика. Не получается у него «два». Зато в последнее время научился у кого-то отчётливо выговаривать: – Калинка моя! Чётко-чётко. Таню зовёт то «тётя Таля», то «тётя Таня» (реже). Хорошо произносит: мама тета, папа Володя (иногда Вододя).

А привыкать он не знает к кому, пять дней в неделю живёт у бабы с дедом, два – у нас. От меня уже заметно поотвык, но по-прежнему зовёт «орать одааты» (играть в солдаты). Учю его считать, получается примерно так: ра, ра (раз, два), тры, титире, пять, есть, семь, вотемь, деать, декать. Дальше начинает что попало, самому смешно.

Кушает немного, как всегда, но толстеет. Такой крепышок. Тяжёлый! Особенно в одежде. Любит петь, уже со словами: а – ля – ля – ра – ра – ра, личико при этом уморительно вдохновенное.

Повадился вертеть ручку репродуктора. Пустит на всю громкость и радостно сообщает: – Муыку дяляя (музыку сделала). В общем, замечательный малыш, все его любят. Про нас с мамой и говорить не приходится.

Появится что-нибудь новое – сразу же напишу.

Ну, всего хорошего вам. Целую. Папа.

Большой привет Володе.

Приписка с левой стороны страницы: Володин материал видел только в одном номере («Звонкий бег ГТО»), другой номер газеты где-то потерялся, использовали.

31 мая 74 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Сейчас пришло второе твоё письмо из Владивостока, сразу же решил ответить. Первым делом расскажу о Мишутке. Он, слава богу, не болеет, поэтому целыми днями в яслях. Встаём – он, мама и я – в семь, в начале восьмого. Он уже привык к этому режиму, просыпается почти всё время сам. Иногда мама на кухне, я ещё лежу на диване, вдруг слышу: – Деда, я пикать хóчу! Войду в спальню – он стоит в своей

кроватьке. А если она близко к нашей, перелезет и – на пол. В ясли его относит мама. Перед уходом он обязательно скажет мне «данья», иногда поцелует.

А из яслей чаще всего забираю его я (в начале седьмого часа). Долго после этого гуляем по улице, благо погода у нас уже летняя, один день температура доходила до 30°. В магазине проката взяли ему велосипед (трёхколёсный). Сперва Мишутка не умел им управлять, нервничал, а теперь рулит заправски, свободно разъезжает по комнате, вокруг стола, может приехать на кухню. Для него это не велосипед, а «отыкл» (мотоцикл). Катается и на улице. Любит рыться в песке с совочком. Это он называет «копать». – Пойдём, деда (или баба) копать! Ходить ножками не ленится. Ухожу с ним далеко, к стадиону. Там он у ограды смотрит, как подростки гоняют футбол. Про это он говорит: – Пойдём посмотрим мальчиков.

Неравнодушен к мотоциклам. У гаража во дворе их всегда можно увидеть. Тянет меня за руку: – Пойдём к тыклу. Подойдёт и обязательно что-нибудь потрогает (осторожно). Во дворе, как правило, со всеми перездоровается за руку, особенно приветлив с бородатым дедом, зовёт его «дедука».

Говорит буквально всё, хотя не всё получается. Себя зовёт уже не Микой, не Митей, а Мишей, усиленно подчёркивает это «ш».

Вежливый. За каждую услугу говорит «патиба». Усыплю его я, где-то в половине девятого (с мамой он долго не засыпает, играет, что-нибудь говорит). Я лягу на большую кровать, закрою глаза, молчу, будто сплю. Он присмотрится и тоже лежит тихо. Потом начинает договариваться: – Деда, будем пать? – Да, Миша, спи. – Будем пать? И так может несколько раз. А то вдруг попросит: – Деда, дай хлеба. Я принесу. Он с удовольствием жуёт, нахваливает: – Вкусно! В некоторых словах «с» произносит отчётливо. Поест, начнёт зевать. Минут через 20 – 30 повернётся на бочок, полусонным голосом попросит: – Деда, окой (закрой) ножки. Закрою. – Патиба, деда. Слышу – засопел. Уснул. Бывает, в порыве нежности скажет: – Деда колокий (хороший), л'юблю деда. – И я Мишу люблю. Кто у нас Миша? – Миша – окалим (подхалим). Так что не ласточка, не солнышко, не сынуля, а окалим.

От рисования что-то отвык, «карандаш» просит редко. Часто просит, показывая на телевизор: – Включи музыку! И смотрит неотрывно. Не любит скучные передачи. – Уйди, дядя (или тётя)! Уйди! Скажи, деда: уйди! Просто чьи-то выступления не терпит, нравится ему что-нибудь разнообразное, с музыкой. Почти не капризничает, только когда сильно устанет.

В дом отдыха, Светуля, поедем мы не в «Шахтёр Кузбасса», а в Верхотомский. Уже договорились насчёт путёвок – с 19 июня. Может быть, успеем к Володиным именинам.

Здоровье Саши заметно улучшается. Вчера я ходил к нему с передачей... Врач сказал, что пробудет он в больнице минимум месяц, максимум – три. Отделение у него хорошее – ни одного «дурака», тяжелобольного. Все, видно, просто с невротами. Большинство – молодые. Иногда в субботу и воскресенье отпускают домой. Саша уже приезжал. Хорошо загорел там (есть такая возможность). Лечат аминазином и элениумом.

О себе. Хорошо работаю. На днях послал в «Сибирские огни» 15 стихотворений, может быть, что-нибудь одобрят.

Ну, пока, Светуля! Желаю тебе успехов. Крепко целую. Папа.

Привет от всех.

17 августа 74 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

По тому, с каким нетерпением ждём мы твоих писем и как грустно, что их долго нет, нетрудно предположить и твоё настроение. Вот и решил я для себя почаще писать.

На днях отправил Казимиру Лисовскому письмо, в котором прошу его отказаться от рецензии, не писать её, если мнение его будет не в мою пользу. Не надо давать Чигарёвой и Глебовой такой козырь, чтобы торжествовать, злорадствовать. Думаю, что Казимир войдёт в моё положение. Помочь мне он может только одобрителем отзывом.

Самочувствие моё понемногу улучшается – принимаю много лекарств. В общем, состояние здоровья такое, что могу уже работать, а это самое главное. Пишу консультации, подбираю материал для очередного – августовского – обзора. Получил заказ из радиокомитета на стихи ко Дню шахтёра. Сколько строк? – спросил я. – Чем больше, тем лучше. Значит, будет возможность подзаработать. На днях подготавливаю стихи (из сборника) для передачи «Кузбасс литературный» (по телевидению). А потом засяду за перепечатку обзорных статей для книги.

С неделю назад позвонили из детяслей: придите за фотокарточками Миши. Вова сходил, принёс четыре штуки. Мы и не знали, что кто-то его там снимал. Ещё в мае. Посылаю. Каждый снимок Мишутки – драгоценность. Всякий раз он по-своему неповторим.

Мама часто недомогает. Подумывает, не лечь ли в больницу хотя бы на полмесяца. Совсем мы плохие стали. А как у вас здоровье? Как дела? Что нового у Мишутки? В яслях освоился? Как работаете тебе и Володе?

Август у нас почти осенний. Прохладно. Дождики перепадают. Они нужны – лето было засушливое. Хорошка часто ходит на рыбалку. Иногда ловит на уху.

Ну, пока всё. Крепко целую. Папа.

Привет Володе. Пиши!

21 августа 74 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Получили вчера твоё письмо.

Ну, теперь мы совсем не узнали бы Мишутку – такой взрослый и умный он стал. Ты правильно делаешь, что записываешь все его разговоры – заведи специальную тетрадь и заноси всё. Чем дальше, тем интереснее он будет проявлять себя, такой возраст. Как бы хотелось сейчас повидать его. Видно, он ещё не совсем забыл нас, раз вспоминает.

У нас всё по-старому. Хорошка ищет постоянную работу. Ещё не нашёл. На самостоятельных художников охотников мало.

Мама газету делает старательно. На днях написала критический материал о строителях коксовой печи и дала его в «Кузбасс» за подписью одного из ветеранов завода. «Кузбасс» напечатал это на первой странице. Что было! «Обиженные» подняли такой вой, устроили буквально судилище над мамой и этим ветераном. По этому же поводу будет бюро райкома, горкома, совещание в облсовпрофе. Но факты все точные, так что зажимщикам критики придётся смириться.

Я работаю. И весьма плодотворно. Позавчера написал августовский обзор, вчера сделал 180 строк стихов для радио к Дню шахтёра (из старых заготовок), сегодня за полтора часа написал о шахтёрах же два стихотворения по заказу Л. Ф. Сухановой для «Пионерской зорьки» (от имени ребят). Помаленьку разгружаюсь с рукописями в «Кузбасс» (консультации).

Сегодня в редакции встретил Игоря Киселёва. Он был, как всегда, под хмельком (пьёт иногда запоем по несколько месяцев), а значит, был очень откровенным. Сказал мне: – Читал в «Кузбассе» новые ваши стихи. Понравились. Хорошие, честные...

Отзыв – краткий, но он натолкнул меня на мысль: вот в чём секрет, почему Чигарёва отклоняет второй мой сборник. Она не из тех людей, кто ценит в стихах честность, прямоту, обнажённость чувств, откровенность. Поэзию видит там, где лишь видимость её: туман, выкрутасы, заумь, что-то не совсем понятное. Чем мудрёнее – тем для неё поэтичней. Так я понимаю.

После отзыва Игоря мне почему-то показалось, что и Казимир Лисовский поймёт меня. Как поэт поэта.

Новость (печальная), вы о ней, наверное, уже знаете из центральных газет: умер Афанасий Фёдорович Ештокин. Полетел, больной, на пленум ЦК и оттуда – в кремлёвку. Кровоизлияние в мозг. Тяжёлый выдался год (по якутскому летоисчислению какой-то год Курицы, а будет ещё тяжелее – год Медведя, кажется): Юра Баландин, через месяц – Володя Горбатов, тоже сотрудник «Кузбасса», из отдела сельского хозяйства, тридцатичетырёхлетний парень, до этого – Абрамович, перед Новым годом – молодой писатель-прозаик из Междуреченска Виктор Чугунов, а теперь вот – Ештокин. Он с 1913 года, ещё работать и работать. Но работа, видно, его и угробила. Легко ли быть первым секретарём обкома такого края, как Кузбасс.

Очень плох Женя Буравлёв. Операция лёгкого не помогла, всё внутри – в метастазах. Врачи говорят, что протянет самое большее месяца три.

Может, и мне скоро «брённые пожитки собирать». Живот, правда, не болит, но какая-то слабость. Ну, ничего. Я так считаю: кому что на роду написано...

Посылаю, Светуля, упомянутые стихи. Почитайте с Володиёй внимательно и черкните отзыв. Что получше, что похуже. Это – из книги, замаранной той бабой. Эта публикация ей, небось, поперёк горла. Не иначе.

Ну, будьте здоровы. Целую тебя и Мику.

Володе – привет.

Приписка с левой стороны страницы: А когда будут готовы фотокарточки?

2 сентября 74 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Из твоего письма, которое пришло два дня назад, нетрудно понять, что ты сильно переутомляешься: и постирать надо, и еду приготовить, и уборку сделать. А днём – работа с письмами, они – по себе знаю – сильно утомляют. Правильно решили насчёт перехода в другой отдел, хорошо бы – к Альберту. Там хоть видела бы результаты своего труда непосредственно на страницах газеты, да и гонорар был бы побольше.

Радует меня Володино трудолюбие. Я тоже, почувствовав себя лучше, не сижу сложа руки. 30 августа неожиданно для меня «Кузбасс» напечатал моё стихотворение, которое не прошло почему-то в День шахтёра; 31 августа «Комс. Кузбасса» дал очередной обзор, а вчера по радио в детской передаче, посвящённой началу учебного года, прозвучало моё стихотворение (60 строк), которое я делал по заказу редактора «Пионерского сигнала» Людм. Фёд. Сухановой. Сегодня буду разгружаться с консультациями для «Комс. Кузбасса». До перепечатки статей для книги всё ещё руки не доходят.

Для передачи по телевидению «Кузбасс литературный» предложил стихи на 25 минут (хронометрировал). Жду оттуда звонка...

Всё, что ты, Светуля, пишешь о Мишутке, мы перечитываем по несколько раз. Очень хочется посмотреть его, поговорить с ним. Он, судя по твоим письмам, меняется, взрослеет с каждым днём. Как-нибудь на субботу или воскресенье закажем телефонный разговор, чтобы услышать его голос.

Вова ищет работу. Таня – методист экскурсионного бюро. Мама в поте лица, но с любовью делает свою газетку. Баба с дедом – ничего, не болеют, дядя Гриша с Марусей – тоже. Я их не забываю, навещаю. От Лисовского (Казимира, поэта из Новосибирска. – *Прим. Н. И.*) пока никаких вестей. Вот такие дела. Ну, пока всё. Крепко целую тебя и Мишутку. Привет Володе. Папа.

20 сентября 74 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Вчера, как только вскрыл твоё письмо, сразу же, первым делом бросилась в глаза мишуткина фотокарточка. Невольно вырвалось вслух: – Какой хороший! Действительно, парень – прелесть.

А вечером с мамой обсудили ваши дела, и пришли к выводу, что опять тебе придётся привозить его к нам, иначе не сумеешь подготовиться как следует к защите диплома. Как ты считаешь? Прикиньте с Володей всё.

Очень огорчило нас, что вы все плохо себя чувствуете. У тебя вот даже сердце пошаливает. Это, наверно, от систематического переутомления. Когда была в Кемерово, дело было проще. Чуть что – положат в поликлинику, подлечат. Шумы в сердце у тебя уже давно. Купи, Светуля, в аптеке капли Зеленина. Они совсем безвредные, а от сердца помогают. Мне недавно их назначала Матрёнина. Попринимал – и лучше стало. Сейчас вместе с мамой принимаем ацендин-пепсин (соляная кислота) и алахол. У обоих неважно с животом.

А Володе стоит лечь в больницу, раз предлагают. Сказывается его работа на износ, да ещё без отпуска столько времени.

В общем, дела и у нас, и у вас неважные. Мы-то уж старички, это вполне естественно, а вот вам, молодым, болеть-то не надо бы.

Кстати, о хоккее. Я имею в виду серию из восьми встреч наших ребят с хоккеистами-профессионалами Канады. Прошло уже четыре встречи. Общий счёт ничейный. А по встречам: 3:3, 4:1 в их пользу, 8:5 – в нашу и 5:5. Шайба в шайбу. Смотреть эту игру – одно удовольствие. Такого хоккея ещё не было. Это какой-то вихрь, ураган. Скорости – невероятные, комбинации – молниеносные. Силовая борьба (равная!) по всему полю. Драк почти нет, если не считать некоторых выпадов со стороны отдельных зачинщиков канадцев. Их старший тренер Билл Харрис прямо заявил: – Я не потерплю в своей команде головорезов. В начале октября – четыре встречи в Москве. Дома, я думаю, наши одолеют их. Тут и стены родные, и площадки больше. Умотают стариков. Одному из них – Горди Хоу – сорок седьмой год! Ничейного счёта не должно быть...

Как быстро летит время. Уже почти месяц, как умер Буравлёв (4 сентября). Дня за четыре до этого мы с Сашей были у него в больнице. Он еле говорил (был парализован), но бодрился, похоже, что верил в силу медицины. А его уже не лечили, только делали обезболивающие уколы.

Вечером третьего числа жена взяла его домой, а в 2 часа ночи он скончался. Как говорит Матрёнина, все раковые умирают обманутыми.

Во время гражданской панихиды трое из нас – я, Игорь Киселёв и Мамаев – прочитали стихи. Четыре заключительные строчки из своего стихотворения я вписал в книгу «Слова прощания»:

*Продолжает жизнь своё движенье.
И стихами, стопкой добрых книг
Ты сумел, наш незабвенный Женья,
Отобразить у вечности свой миг...*

Да, жизнь продолжает своё движенье. Первым секретарём нашего обкома избран Горшков (Леонид Александрович. – Прим. **Н. И.**) (бывший второй секретарь), вторым – Попов (Филипп Васильевич. – Прим. **Н. И.**), секретарём (вместо, видимо, Зинаиды Васильевны) – Ситников (Василий Иванович. – Прим. **Н. И.**), который был председателем облсовпрофа. Мама всех их знает, я – никого. Правда, выступал один раз по телевидению (чествовали знатного шахтёра) вместе с Ситниковым. Общее, вернее – первое впечатление: властолюбивый. Такие и нужны на высоких постах.

Казимир (Лисовский. – Прим. **Н. И.**) что-то молчит. Видно, сборник ему не понравился. Но написал бы хоть мне. Или позвонил.

18-го сентября я выступал по телевидению. 30 минут. По второй программе. Прочитал 27 стихотворений (364 строчки). Но вряд ли кто смотрел меня, потому что в это время как раз – по первой программе – показывали хоккей.

Вот такие дела, Светуля. Посылаю свой снимок. Делал Саша. Это – чтобы Мишутка вспомнил деду.

Целую вас с ним. Папа.

Привет Володе.

Приписка с левой стороны страницы: Саша говорит, что Мишутка на снимке – вылитый я.

28 ноября 74 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Извини, не сдержал я слова, сказав по телефону, что завтра же напишу большое письмо. Надо было срочно делать обзор, полдня отбирал материал для него, да полтора дня писал.

Кстати, насчёт обзоров. Не знаю, как отнесётся к этой рубрике новый редактор «Комс. Кузбасса», недавний заведующий спортивным отделом Владимир Романов – Теплицкий уволился, уезжает во Фрунзе. Видел я его на днях в книжном магазине, и он заверил меня, что всё останется по-старому: я, мол, говорил с Володиёй об этом, всё будет так же, он же – наш выкормыш. Посмотрим. Если всё же эту лавочку (факультет) закроют, то горевать особенно я не буду – обзорных статей я сделал столько, что хватит их на целую книгу, на издание которой я хотя и не очень, но надеюсь.

Почти месяц не садился за письменный стол – такое неважное, нерабочее настроение из-за гастрита. Читал, раздумывал, строил всякие планы творческого характера. Неотложной работы накопилось изрядно – стопы рукописей в обеих газетах, рукопись, которую надо прочитать и отрецензировать, да и написать для души что-то хочется.

Наверно, Светуля, я немного удивлю тебя. А дело вот в чём. В последнее время у меня какая-то внутренняя потребность попробовать свои силы в прозе. Прямо-таки загорелся этим желанием. Хочу начать с малого – с рассказов, о повести, романе не помышляю. Вместе с тем боязно – а вдруг проза не удастся? Если что-то напишу, то в печать предложу только в том случае, когда увижу, что это не хуже лучших моих стихов. А попробовать – попробую. В письме ты спрашивала, как отнёсся я к смерти Шукшина. Ужасно потрясло меня это известие, до сих пор не могу смириться с этим. Поверишь ли, буквально каждый день думаю

о нём, даже во сне вижу. Роюсь в старых газетах, ищу его публикации, жадно читаю всё, что писали и пишут о нём. В недавней «Кинопанораме» по телевидению посчастливилось мне увидеть его: буквально за несколько дней до своей кончины он дал интервью корреспонденту – говорил о Куравлёве, а попутно – не только о нём, а вообще об искусстве. Сколько интересных суждений!

В «Литературке» (ты, наверно, читала) опубликованы его «Последние разговоры» на целой странице, которые корреспондент записал на магнитофон и, таким образом, сохранилась живая речь Шукшина во всей своей неповторимой оригинальности, чисто шукшинской тональности и окраске.

В «Комсомольской правде» корреспондент Г. Гончаров выступил с большой статьёй – «Если говорить о Шукшине» (номер за 24 ноября, поинтересуйся, может, найдёшь в подшивке). Там – очень много новых фактов, один из них, например, такой: в адрес семьи Шукшиных и в Комитет кинематографии в первые же дни после его смерти пришло 160000 писем! Эта цифра говорит о том, что Шукшин был любимцем народа, поистине народным художником. И таким он стал за какие-то пятнадцать лет работы в литературе и в кино. Ещё факт, опровергающий досужие сплетни: Юрий Никулин, который вместе с ним снимался в фильме «Они сражались за родину», к слову, говорит, что многие годы Шукшин не позволял себе ни капли спиртного. Да и мог ли он иначе так плодотворно работать. И ещё: для второй серии фильма нашли дублёра на роль Лопахина, по словам Никулина, фигура, походка – Шукшина, а посмотришь в лицо – нет, не Вася... Видно, во второй серии Лопахин будет показан лишь как-то мельком...

Сергей Герасимов говорит, что главное наследие Шукшина – его натура. Золотые слова. Для меня этот человек – не только первоклассный художник (режиссёр, актёр, писатель), а и самобытнейшая личность, каких очень мало. В этом смысле я ставлю его даже выше Твардовского, великого поэта, который сумел проявить себя – наиболее полно – только в одном истинно народном произведении – в «Василии Тёркине». Этим он и будет бессмертен. А Шукшину, как никому другому, удалось остаться самим собой буквально во всём, что он создал. Редкий случай. А сколько бы он ещё сделал, проживи хотя бы ещё пятнадцать лет. Уверен – заткнул бы за пояс самого Шолохова – такая исключительная одарённость была ему дана природой. Много у нас писателей, которых можно назвать хорошими и даже отличными, а такого нет. Он – единственный в своём роде. Ни в одной вещи не сфальшивил, не покривил душой, не подсюсюкнул кому-то или чему-то, говорил убеждённо и открыто только то, что думал и чувствовал. К этому, конечно, стремятся все, но не все умеют, а он умел. В этом – его исключительность. Читая и перечитывая его самые, казалось бы, простенькие по форме рассказы, лишний раз убеждаешься: мало быть хорошим стилистом, мало знать законы, по которым конструируется художественное произведение, – надо, прежде всего, быть интересной, богатой личностью. Мне, например, интересно, а что думал этот человек о том-то и о том-то – буквально обо всём, чем живут люди, у него было своё мудрое мнение. Смелость, откровенность, твёрдость, прямота – в этом весь Шукшин.

Я мог бы писать о нём бесконечно, но всё равно всего не выскажешь. В душе – больше того, что можно передать на словах... Слух, что умер он у Шолохова, – не безосновательный. Это произошло на Дону, в шолоховских краях, во время киносъёмки. В Москву он был доставлен на самолёте, в цинковом гробу... Много работал, жил, по словам Никулина, одним кофе – вот и не выдержало сердце.

Ну, на этом, Светуля, закончу. У нас всё нормально. Саша ...усердно трудится, часто печатается. Мы все не нарадуемся этому. У Вовы с Таней отношения зыбкие. Тяжёлый характер у этой нелюдимки.

Пиши. Побольше – о Мишутке.

Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Сейчас читал это письмо маме и еле дочитал до конца – перехватило горло. Мама тоже всплакнула...

3 февраля 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Давно не писал тебе, постараюсь обо всём поподробней.

Мама уже купила билет в Москву, где должен состояться семинар редакторов многотиражек, но неожиданно захворала (похоже, грипп), и поездка эта, видно, не состоится, так как вылетать надо уже 6-го, а врачи говорят: нужен постельный режим. Опять не повезло: мама рассчитывала кое-что купить там (в частности, зимнее пальто себе), и вот такое дело.

С желудком у меня получше, сказывается, видимо, что ежедневно принимаю два раза натошак «болтушку»: ложка (столовая) мёду, граммов 20 растопленного несоленого сливочного масла, ложка сметаны и сырое яйцо. Диету соблюдаю строго, в основном, каши, картофельное пюре, молоко, куриный суп. В общем, всё лёгкое. И всё же нет-нет, да и заболит что-то в животе. Сегодня, например, проснулся в пятом часу утра – чувствую: начинается боль. Принял таблетку пенталгина, капли Зеленина и не заметил, как опять уснул. Так-то жить ещё можно.

Казимир Лисовский рецензию, наконец-то, прислал (написал её, лёжа в больнице, что-то атрофировались ноги). Отзыв о рукописи – весьма объективный, без лишних похвал и без умолчания о многих недостатках. Общее решение его: основа для книги есть, в неё он отобрал 70 стихотворений.

В издательстве, судя по всему, долго раздумывали: как же теперь быть? Глебова пригласила меня только через месяц после получения рецензии. С авторитетом Лисовского всё-таки посчитались. До этого была отклонена вся рукопись в целом, а теперь посчитали возможным продолжать работу над ней. Но и тут не обошлось без неприятного для меня: из 70 отобранных Лисовским стихотворений Глебова и Чигарёва пригодными нашли только... 28 вещей. Ссориться вновь я не стал, потому что бесполезно: когда я заметил Глебовой, как же, мол, так, профессиональный поэт одобрил почти половину рукописи, а вы отбираете только 28 стихотворений (и на тех – уйма замечаний), то Глебова ответила: мы, мол, считаемся с Каз. Леон. (Казимир Леонидович. – *Прим. Н. И.*), но у нас и своё мнение есть, чужим умом жить не собираемся... Что тут скажешь? Я спокойно постарался поставить всё на свои места: вы, говорю, квалифицированный редактор, в стихах разбираетесь, но ведь сами-то их не пишете, поэт поэта понимает лучше и т. д. Она даже покраснела: – Зачем вы меня обижаете! И тут же в глазах я уловил такое ослиное упрямство, что стало ясно: спорить, убеждать нет смысла...

Маму не устроило моё примирение с таким ходом дела, на другой же день она пошла к Банникову, не застала его (болел), и, встретив Чигарёву, долго и обстоятельно говорила с ней. И этот разговор ещё на один шаг продвинул дело: вскоре меня пригласили в изд-во, чтобы подписать договор. Подписать я, конечно, подписал, но вижу, что это – пустышка, которую суют в рот малышу, чтобы он не плакал. И именно пустышка, даже на бутылочку с молоком поскупились.

Посуди сама, что это за договор. Год издания – 77-ой (доживу ли ещё до него?), объём её – 2 п. л., 1400 строк, оплата – 1 р. 20 копеек за строчку (а ведь кому-то платят и по 1 р. 40 к.).

В договоре странная приписка: сдача готовой рукописи – не ранее 21 декабря 75 г. Заметь: не ранее (а обычно пишут: не позднее). Что это означает, нетрудно разгадать: если, мол, он, хорошо поработав, принесёт рукопись, скажем, летом, через полгода, что я и обещал, то будет вправе требовать издать книгу в 76 г. А с такой припиской «не ранее» у Небогатова не будет такого права, даже Кузьмина не поможет: для издания в 76 г., мол, всё уже поздно.

В общем, хотя кое-что и обнадеживает, но мало радует.

Теперь всё зависит только от меня самого. Надо за год написать много хороших, добротных вещей, а там посмотрим. Можно будет что-нибудь и изменить: или увеличить объём книги, или повысить оплату, или даже добиться того, чтобы издали её не в 77 г., а в 76 г. В первую очередь надо сделать всё самому, а когда это будет сделано, то и за поддержкой к Зин. Вас. (Зинаида Васильевна Кузьмина – секретарь по идеологии обкома партии. – *Прим. Н. И.*) можно обратиться. Вот так. Работать я уже начал. С 16 января пишу поэму «Дни и годы». Сюжетную. Её герои – два школьных друга, два фронтовика. Повествование идёт так, что это ближе к жанру: рассказ в стихах. Написал уже больше 400 строк, по замыслу это – бóльшая половина (вернее, часть). Всё, что задумано высказать, изобразить здесь, ясно вижу, вплоть до мелких деталей (в действии, в развитии сюжета). По сюжету должно быть интересно, не знаю, как получится по исполнению.

На эту поэму я возлагаю, как говорится, большие надежды. Она будет первым кирпичом в книге. Есть уже замысел и другой поэмы, покороче этой. Вот такие, Светуля, мои творческие дела.

А в житье-бытьё – всё по-старому. Вова работает и учится, Саша – тоже. Работает много и успешно, способности в журналистике у него незаурядные. Это «без булды».

Ну, пока всё. Крепко целую тебя и Мишутку. Привет Володе.

Приписка с левой стороны страницы: Вова за Мишуткой вылетит, наверно, 7-го, в пятницу. В отдельном конверте посылаю кое-что из напечатанного.

**22 февраля 75 г.,
3 часа дня**

Здравствуй, дорогая Светуля!

Мишутка опять «выжил» меня из кабинета – спит там сейчас, пишу это в большой комнате.

Изменился он неузнаваемо. Говорит – не ожидали этого – буквально всё. На днях у нас с ним произошёл такой разговор (он в ванной сидел на горшочке, а я – на кухне):

- Папа, папа!
- Что, Миша?
- А ты кто?
- Я – деда Миша.

Он – лукаво:

- А как я тебя назвал?

Прошло минуты две. И снова:

- Мама, мама!
- Что, Мишенька?
- А ты кто?

– Деда Миша.

И опять – с хитрецей:

– А как я тебя назвал?..

На второй день после его приезда он остался со мной вдвоём. Договорились, что я буду работать, а он – играть. Так и было. Я печатал консультации, а он в большой комнате занимался своими делами. Ничем не мешал мне работать. Только иногда зайдёт, попросит карандаш (авторучку) или скажет: – Деда Миша, иди быстрее посмотри, какой домик (или башню) построил я.

Я оторвусь, посмотрю.

– Ой, какой ты молодец, Мишенька! Давай ещё строй.

И опять занимаемся каждый своим делом.

Любит говорить слово «правда».

– Фашиста надо застрелить, правда?

– Правда, Миша.

Прошло месяцев восемь, как не виделись, а всех он узнал. «Подхалим», вернее – добряк на редкость. Кто ни спросит, на кого он похож, всем отвечает: – На тебя.

Купили ему автомат (на батарееке). Нажмёт на курок – треск и в конце ствола – красный огонь. Днём засыпать приучаем одного, хотя он и просит: – Полежи со мной. Хнычет недолго – засыпает один.

Всем объясняется: – Я тебя люблю. А ты меня?

В ясли сдадим его, наверно, лишь, когда потеплеет. А пока Саша с Верой согласились (с большой охотой), чтобы он жил у них. Даже на сегодня, на субботу, неохотно отдали его нам. К вечеру, наверно, уведут. Золотой малыш! Умный, спокойный, добрый (не сглазить бы!). Только мне кажется, что нисколько он не подрост. Рослым-то ему, вроде бы, не в кого быть. Мама его – увы! – росточком не удалась.

Ничего интересного про вашу жизнь Вова не рассказал. Ты же знаешь, какой он «разговорчивый». Сказал только, что очень понравился ему Володя. Я, говорит, рядом с ним чувствовал себя дураком.

Поэму «Дни и годы» я, Светуля, уже закончил. В первую очередь отнёс её на радио. Там одобрили, но сказали, что всю (800 строк) передать не имеют возможности и по времени, и по недостатку гонорара. Обещали дать лишь 180 строк – фронтовые эпизоды. И то лишь в марте. Как только передадут по радио, предложу «Кузбассу». Буду настаивать на публикации всей поэмы целиком (пусть в нескольких номерах), потому что эта вещь – сюжетная, всё в ней сцементировано строгой последовательностью событий и движением, развитием хода в душевном мире персонажей. 27-го февраля буду выступать с этой поэмой перед культработниками (библиотекарями и т. д.), договорились устроить что-то вроде читательской конференции – с обсуждением. Для меня это будет очень интересно. Домашним моим поэма сильно понравилась, но тут я поступил не так: заранее рассказал весь сюжет, а интереснее было бы узнать восприятие написанного, если бы ничего не было уже известно – с чего начнётся и чем кончится. Вот это я и узнаю у культработников: можно ли заранее догадаться, каким образом будет развиваться ход событий? Плохо, если его можно предугадать.

Вдова Твардовского Мария Илларионовна прислала мне подарок – книгу прозы Ал. Тр-ча. С автографом. Я сразу же ответил ей, поблагодарил, а где-то через неделю послал номер «Комсомольца Кузбасса» со своей статьёй «Уроки Твардовского». Просил сообщить своё мнение. Обида «комсомольцев» за слово о

Шукшине таким образом вознаграждена. Да и сам я не горюю, что о Твардовском отдал им, а не «Кузбассу» – «Кузбасс» в таком объёме не напечатал бы.

Почитайте, Светуля, вместе с Володей. Нет ли здесь – в письмах Твардовского ко мне – приниженности меня? Вот главное, что беспокоит меня.

Ну, пока всё. Крепко целую. Папа. Привет Володе.

Приписка с левой стороны страницы: В присланной Мар. Ил-ной книге – два письма А. Т. ко мне.

10 марта 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Мама оставила своё письмо к тебе, чтобы я запечатал и отправил. Прочитал его (ошибок-то сколько, во даёт мама), и решил тоже немного черкнуть.

Сегодня утром она отнесла Мишутку в ясли. Взять, говорит, надо пораньше – первый день (до этого он ходил в изолятор на час – два).

Мама очень подробно рассказала о нём. Добавлю от себя, что с ней он разбаловался. Станет его усыплять – он: «Полежи, баба, шо мной». Если она уважит эту просьбу – долго Мишутка не засыпает. То просит рассказать что-нибудь, то сам рассказывает.

Я с ним строже. И это лучше. Раздену, уложу – всё с таким видом, что сопротивляться бесполезно. А он – умненький, всё видит, всё понимает. И сам говорит: «Закрой, деда, дверь. Иди работай». Закрою и вскоре слышу – затих. Если мама оставит его с игрушками в постели – тоже отвлекается, не спит. Я и эти игрушки у него отберу. Попикает минутки две – три, покукнется – и всё. Спит.

8-го марта приносят его Саша и Вера (у них ночевал), он сразу же, с порога: – Баба, поздравляю тебя... Запомнил, что наказывали ему перед дверью. Умница. По телефону с тобой говорил уже вполне осмысленно, не слушая ничьих подсказок. Взрослеет с каждым днём.

Все мы любим его, он это чувствует, а потому то и дело заявляет (всем попеременно): – Я больше к тебе не приду. Ты обидел(а) меня. Вова, например, не перестаёт доказывать маме, что она балует его. Это, к сожалению, так. С ней он что хочет выделывает, с другими после общения с ней тоже продолжает капризничать (по инерции).

Ну, а вообще-то малыш золотой. Ты за него не беспокойся, всё должно быть нормально.

Крепко целую. Папа.

Привет Володе.

Приписка с левой стороны страницы: На днях пришлю тебе один экземпляр поэмы.

16 марта 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Вчера мама отправила тебе посылочку, вернее – бандероль с моей поэмой и седуксеном. Очень нас расстроило твоё паническое состояние. Отъезд Мишутки, отсутствие дома Володи, одиночество, волнение перед сессией – всё это, видно, сильно угнетающе действует на тебя. Судя по себе, могу сказать, что весной обычно душевное состояние, если оно не очень крепкое, ухудшается. Надо что-нибудь принимать. Если седуксен не поможет, то пришлём трифтазин – это препарат лечащий, надёжный. А вообще-то надо – это главное – взять себя в руки, избегать лишних треволнений.

Ты, конечно, беспокоишься о своём сынуле. А зря. Ему у нас живётся неплохо. Сказывается то, что с пяти месяцев он привык к кочевому образу жизни, к тому, что

ты и Володя с ним не всё время. Ведёт его мама из яслей. – А куда мы идём? – Домой. – А куда домой? – Ну, к нам. – А кто там? – Деда, Вова, Таня... Спрашивает потому, что уже знает: может быть, баба ведёт его к папе Саше? У Саши ведь он тоже частенько бывает. Вот так и мотаем мы его – от вас к нам, от нас – ещё к кому-нибудь. Но он покладистый, не ропщет.

Не мог я, Светуля, достать последний сборник «Характер» Конст. Ваншенкина, написал ему и он прислал мне с автографом: «Мих. Ал. Небогатову – с пожеланием радостей. От автора». Стихи – отличные. Первый признак этого – хочется «смаковать», перечитывать наиболее крепкие.

Почитай внимательно «Дни и годы», а потом, когда будет настроение, как можно строже оцени эту вещь. Удачна ли – и в чём? Интересна ли по сюжету, по деталям, точны ли психологические моменты? Лучше или хуже того, что было у меня раньше? В общем, всё, что захочется сказать. Только откровенно. Ну, а пока всё.

Крепко целую. Папа.

18 марта 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Получили твоё письмо, которое не очень порадовало нас, потому что опять ты сообщаем, что стала часто болеть голова. А тут ещё – неврастения. Да, неважнецкое у тебя здоровье. Постарайся беречься, не простывать.

С Мишуткой всё нормально. Говорун он – отменный (такой возраст!). Всё время что-нибудь спрашивает: «А это что, кто, какой, какая?» Сейчас он как пластилин или глина, из которой можно лепить, что хочешь. И приходится быть осторожным в разговорах при нём. Вот, например, случай. Побрились мы с ним (я его тоже помазком тронул и гладкой частью бритвенного прибора провёл по щекам и подбородку). Пришёл Вова, я ему сказал то же, что тебе сейчас (надо, мол, говорить осторожно). И тут же спрашиваю: – Миша, а что мы с тобой сейчас делали? (имея в виду бритьё). А он: – Осторожно!.. Вот как улавливает каждое слово. Мыслительные способности развиваются у него не по дням, а по часам.

Как-то сел на горшок. Мама вскоре спрашивает: – Покакал? – Покакал маленько. Ещё попробую покакать.

Или, сидя на горшке, спрашивает меня: – Деда, а ты не будешь делать мне клижму? – Нет, Мишенька, не буду, ты же сейчас покакаешь. – А кому будешь делать клижму? – Серёжке. Потому что он не хочет какать. – А бабе тоже? – Тоже. – И я ей шам шделаю клижму. Пусть какает...

– А ты куда не пойдёшь? А ш кем я оштанушь?.. Вот так всё время и разговариваем.

Пришло письмо от Марии Илларионовны Твардовской с отзывом об «Уроках Твардовского». Вот что, в частности она пишет: «Прочла Ваш материал сразу по получении. Я довольна тем, как Вы справились со своей задачей: письма прокомментированы строго, дельно, без украшательства и самовыпячивания, но с чувством собственного достоинства. Так и должно. Стихи тоже симпатичные. Словом, подборка в «Комсомольце Кузбасса» удалась». И в конце письма: «Мне думается, что только демагог по происхождению может придаться к публикации и усомниться в её назначении или в добросовестности Вашей работы. На это нужно смотреть по-чапаевски, его выражение употреблял иногда А. Т.: «Наплевать и забыть». Но думаю, придирок к Вам не будет. Не изложите ли мне в прозе и подробнее Ваше посещение П. Замойского. С кем Вы были и т. д.»

Этот отзыв утвердил меня в полезности опубликования статьи. Жене великого поэта виднее всё, чем другим.

Вспоминая о встречах с Петром Ивановичем Замойским (их было две – в Кемерове и в Москве, где он дал нам с Косарем записку к Ал. Тр.), я так увлёкся многими подробностями, что за два дня написал (сразу на машинке) около тринадцати страниц. Назвал это «Странички воспоминаний». Рассказал о многом: о зачинателе литературы в Кузбассе – Алексее Косаре, о приезде к нам Замойского и участии его в занятии лит. «среды», о второй встрече с ним в московском Союзе писателей, о посещении нами Семёна Кирсанова, который, говоря о Твардовском, заметил, что, мол, не знаю, как там у вас, в Сибири, а в Москве он не котируется; об обсуждении наших стихов на моск. семинаре и т. д.

Маме, Саше (Вова ещё не читал) это понравилось. Нравится мне и самому. Оказывается, проза мне тоже по плечу. Приедешь – почитаешь. Жаль, что напечатал только в двух экземплярах, надо было сделать и для тебя. Но ведь месяца через три ты будешь у нас.

Ну, давай, Светуля, набирайся сил для сессии. Надо с этим делом закруглять. О Мишутке много не думай – так будет лучше.

Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Посмотри публицистику и лирику. Как то и другое?

20 марта 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Правильно сказала как-то Вера Инбер – дословно не помню, но общий смысл её высказывания такой: мол, нам, писателям, всё кажется – вот закончу эту неотложную работу и можно будет отдохнуть; но вот работа завершена, а на очереди – что-то новое, так и продолжается всё время, всю жизнь...

На днях я отнёс в «Кузбасс» пятьдесят шесть литконсультаций, написал штук тридцать для «Комсомольца Кузбасса»; сделал обзор воинских писем. Вроде бы разгрузился. Но позвонила сегодня Суворова (Эвелина Владимировна, журналистка газеты «Кузбасс». – Прим. **Н. И.**), попросила в понедельник, 24 марта, посмотреть новый фильм «Блокада» и написать что-то вроде рецензии на него – ко вторнику. А вчера из районного отдела культуры сделали заказ на стихи для ведущих в концерте, посвящённом 30-летию Победы (минут на 5). Кроме всего этого, на столе лежат две рукописи – романа и стихов, ждут рецензии. И рукописей уже поднакопилось (для обзора в ФМЛ и для консультаций). И стихи бы надо пописать. Просто страшно, сколько работы.

Пишу тебе вот это, а Мишутка не отходит от меня: – Деда, что ты пишешь? – Письмо твоей маме. – А как? – Дорогая Светуля. – Я тоже буду писать: здравствуй, дорогая Светуля! – Она же твоя мама. – Я напишу, здравствуй, дорогая мамочка!.. Щебечет без конца. – А ты поможешь мне написать письмо маме? – Помогу. Подожди, Миша, не мешай. – Деда, давай вместе писать: Здравствуй, дорогая Светуля... В общем, скучать не даёт. И работать – тоже, когда нет дома мамы.

Посмотри, Света, обзор «Память хранит». В редакции он получил хорошую оценку. Потому и заказали материал о «Блокаде».

Пока. Целую крепко. Папа.

28 марта 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Второй день Мишутка – у соседей из первого подъезда, и я интенсивно работаю – за два дня сделал двадцать пять консультаций для «Кузбасса».

У этой соседки, Миша зовёт её «Васинна» (Полина Васильевна) ему нравится, объясняется ей в любви. А вчера, когда она сказала ему: «И я тебя люблю», он не позабыл и про меня: – А деду моего любишь? То-то было ей смеху.

Иногда говорит мне: – Деда, давай драться! – Давай. Побоксует меня обеими ручонками, а потом предложит: – Драй меня! (т. е. бей, от слова «драться»).

Условности проявляет он не только в игре. Вчера снял телефонную трубку и «разговаривал» с тобой: – Здравствуй, дорогая Светуленька! (другой раз – мамочка). Как живёшь? Да. Хошо. Чего, чего? А – а – а. Ладно... И долго в таком духе. Со стороны можно было подумать, что разговор двусторонний – отвечает на какие-то твои вопросы и наставления. И всё – без всяких подсказок. Умница.

Из «дураков» мы у него, правда, не выходим. Но когда объявляем ему за это бойкот («мы с тобой не разговариваем!»), начинает извиняться: – Прости. Я больше так не буду. Вова говорит: – Не прощаю. Так он буквально не отстаёт: – Ну, прости! Прости, пожалуйста!

Два раза набедокурил – напíсал, не дождавшись горшка, в кроватку. Я спрашиваю: – Кто это напикал, а? – Какая-то, наверно, лисичка-сестричка! Уже и хитрить умеет.

Не помню, писал ли тебе о том, что Эля Суворова заказывала мне написать заметки о фильме «Блокада» (не рецензию, а просто впечатление как бывшего фронтовика). Этот заказ я быстро выполнил, и в редакции материал не задержался – сегодня напечатали. Сократили немного, а то, насчёт чего сомневался, дадут ли – оставили – это размышления о Сталине (неплохая рифма: оставили – о Сталине). Почитайте. И фильм постарайтесь посмотреть. Нового немного, но всё равно интересно.

Есть, Светуля, у меня просьба к тебе: купи, пожалуйста, штуки три машинописные ленты. Вова говорит, они есть в «Детском мире». Ладно? Ну, целую. Папа. Привет Володе.

Приписка с левой стороны страницы: Иван Ветлугин прислал письмо, чтобы я быстро подготовил избранное для «Библиотеки сибирской поэзии». Издадут, наверно, только в 77 году.

13 апреля 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Два дня подряд поднимаюсь в раннюю рань. Вчера встал в полшестого, а сегодня ещё на час раньше. Но время это не трачу впустую. Вчера, например, до трёх часов дня закончил вчерне новую поэму – «Аккордеон», тоже на военную тему. Допоздна помаленьку дорабатывал, чистил, сейчас вот перепечатал начисто. Сразу же посылаю тебе. На отзыв.

С поэмой «Дни и годы» дело осложнилось. Денискин дал почитать её одному из двух своих заместителей – Юрию Тотышу (который на месте Юры Баландина), мнение его такое: написано хорошо, но для праздничной даты – 30-летия Победы – пессимистично. Не для газеты, мол. Сделаю так. Приедет Денискин (он в командировке), схожу к нему, узнаю его решение. Но если согласится с Тотышем (его мнение я не считаю резонным; как будто бы мы не потеряли двадцать миллионов и поныне не несём потери фронтовиков), то предложу «Кузбассу» «Аккордеон», а «Дни и годы» – моим комсомолятам. Правда, и они по этой же причине могут не дать – и мрачновато, мол, и про стариков, не для молодёжной газеты. Будет очень жалко, если так случится, что в газете эта вещь не увидит света – столько души вложил я в неё. Но на включение в сборник всё же надеюсь. Включу обе.

Мама звонит каждый день, только вчера почему-то звонка не было. Надеюсь – сегодня поговорим (сейчас лишь девятый час утра). Жить там, говорит, уже надоело, наверно, сбегут с Мишуткой до срока. Погода неважная. Почти все дни идёт снег (много уже навалило его) и прохладно. Гулять им – удовольствия мало, а сидеть в палате – и того хуже. Пусть приезжают. Так и скажу сегодня, если позвонит.

Саша в четверг уехал на сессию, да вряд ли что сдаст – не готовился, всё на авось. Вернуться должен завтра утром (в понедельник). А по-моему, и в воскресенье, сегодня, в институте никто не работает. Не знаю.

Ну, пока, Светуленька.

Крепко целую. Привет Володе.

Апрель 75 г.

Дорогие наши Светуля и Володя!

Сердечно поздравляем вас с Первомаем и с 30-летием Победы. Будьте здоровы и счастливы! Тебе, Светуля, успеха в защите диплома и в сдаче госэкзаменов, Володе – больших удач в работе.

Обнимаем, целуем.

Мама, папа, Вова, Саша и Мишутка, ваш сынуля.

12 мая 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Давно не писал тебе. Вчера получили твоё письмо, и вот решил черкнуть.

С четвёртого мая Мишутка ходит в детсад. Ему там нравится. Ребятки все уже большенькие, относятся к нему хорошо, даже бережно, потому что он самый маленький. Привела его как-то мама, а девочка уже бежит к няне: – Миша маленький пришёл. Он в свою очередь спрашивает няню: – А ты плакала без меня? – А почему я должна плакать? – А баба и деда всегда плачут, когда меня долго нет.

Заведующую Тамару Николаевну зовёт: Камара Миколаевна. Вообще-то он всё выговаривает хорошо, но некоторые слова произносит по-своему, и мы пока не поправляем его – забавно. Про бегемота, например, говорит: гегамот. Почти как Балибалов: бегамот.

Показал я ему портрет Сталина, карикатуру Гитлера (удирает от наших солдат), рассказал, что и как. Теперь он говорит: – Дядя Сталин как дал Гитлеру под задницу!

Ты ведь знаешь, как он любит беззвучно, понарошке смеяться – откроет рот, откинёт голову и изображает, что смеётся. Теперь часто предлагает: – Деда, давай смеяться! Я говорю: – Давай. А потом он сразу спрашивает: – А почему мы смеялись? Надо что-нибудь придумывать.

Мама купила ему велосипед. Первый день, пока осваивался, Мишутка сильно нервничал, бил кулачком по рулю, плевался: – Дурак! К вечеру успокоился. Когда лёг спать, я говорю: – Давай смеяться. Посмеялись. Он спрашивает: – А почему мы смеялись? – А как ты думаешь, – я в ответ, – почему? И слышу, как он с такой удивительной самокритичностью: – Потому что я не умею катацца на велосипеде.

Предложения, фразы строит так умно, что просто поражаешься. Валентина Михайловна Шутова принесла ему целый ящик кубиков (бывших). Он любит возиться с ними, что-нибудь строить – паровоз, дома с башенками, «ракеты». Так вот, вечером построил ракету, а утром не забыл об этом, спрашивает меня: – Ты мою ракету разбил, конечно? (как о чём-то, само собой разумеющемся). Всё это – из речи взрослых. Ловит каждое слово, все интонации.

На целлулоидный хвост какой-то игрушки надел баночку от лекарств – получился микрофон. Держит его перед собой и поёт. – Я артист Миша Васильев! Попоёт, потом поклонится: – До свиданья, ребята! Я ещё приду. Или: – Ещё приходите.

А больше всего любит изображать солдата. – Я русский солдат Миша Васильев! Рядовой русский солдат. Служу Советскому Союзу! Женщин уже не называет «дурак», а «дура».

По телевизору шла передача «Москвички». Артистка показалась нам похожей на тебя. Мы говорим: – Миша, посмотри, твоя мама! Он посмотрел на неё, потом на твой портрет над телевизором, в это время кадр сменился, там какая-то другая женщина. – Что ли, и это моя мама? А почему у меня так много мамы? (вместо мам). Мол, не ерундите, я сам всё понимаю.

В праздники всех поздравлял: – Поздравляю с Днём Победы!

Смотрел на демонстрацию и говорил: – Это первое мая.

А когда она прошла: – Деда, а где первое мая?

Заметно подрос. Мама ему в шутку скажет: – Ох ты, глиста сухая! Он в долгу не остаётся: – Ты сама глистая суха!

В общем, Светуля, вы его теперь совсем не узнаете. Меняется, взрослеет прямо на глазах. Только по характеру всё тот же – добрый, ласковый, общительный, спокойный (сердиться стал гораздо реже, больше уравновешенный). Наше внимание ничуть не портит его, почти не капризничает. Общий язык находить с ним очень легко. Например, укладывая спать его, договариваешься: – Сейчас расскажу одну сказочку и пойду работать, а ты будешь спать. Ладно? – Ланно. И всё. Договорились, так и будет.

Праздники мы провели дома, одни. Без выпивки. Я перегрузился лекарствами, пошаливало сердце. Сто ударов в минуту и даже что-то булькало в груди, когда мама прислоняла ухо. Врача не вызывали, ещё уложат в больницу, а мне прохлаждаться некогда – много работы. Работать ещё, слава богу, могу.

Ну, на сегодня всё. Крепко целую. Папа.

Привет Володе.

20 мая 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Мишутка на днях во время прогулки в детсаде напикал в штанишки, простыл и на другой день я сидел с ним дома. Он опять учудил. Спустился я за почтой, принёс, а он мне заявляет: – Я тебя сволочью не называл (так, мол, как уже однажды было). Раз вспомнил об этом, то хоть и не называл, а подумал: «Вот, дескать, сволочь какая, оставил меня одного». Умнеет он с каждым днём. Вчера Вова увёл маму на фильм «Они сражались за родину» (не дождался Таню), мы снова остались вдвоём. Уложил его в кроватку, рассказал сказку про Мишу-солдата и про деда-солдата (по его просьбе всё), а потом он повернулся на бочок: – Буду спать. Баба придёт, скажет: «Ой, какой Миша молодец, уже спит!» Уже, кроха, дорожит мнением о себе.

Вчера, в понедельник, в детсаде он был героем дня: накануне там все прочли в газете стихотворение о нём – и работники детсада, и ребяташки. Об этом говорили и утром маме, и мне вечером, когда я ходил за ним. Ребята – хором: – А у нас есть стихотворение о Мише. Это вы написали?

Фильм маме не понравился. Бессюжетный репортаж о войне. Сплошное пламя, дым и балагурство. Артисты все замечательные, а только роль Лопехина в исполнении Шукшина ничего. Дело, видимо, не в романе, а в режиссуре. Бондарчук

– отличный актёр, но уже второй фильм у него неудачный (после «Войны и мира»). А Вова говорит, что причина неудачи, видно, и в Бондарчуке, и в Шолохове – ничего серьёзного, пошлость и сальности. Хорошо, что в «Кузбассе» предложили написать об этой картине не мне, а Волошину – писать-то не о чем. Волошину, мастеру публицистики, и то трудно будет. Если напишет – пришлю вырезку. Были уже и в центральной печати рецензии – одни общие слова. Совсем другое дело – «Поднятая целина», которую показывают сейчас по телевидению. Там все, кроме одного, пожалуй, Размётнова – колоритные, яркие характеры. Один Нагульнов чего стоит. Это, наверно, лучшее достижение Матвеева (Матвеев Евгений Семёнович, актёр, режиссёр. – *Прим. Н. И.*).

Посылаю вырезку со стихами. О Мишутке вдвое сократили, и, может быть, по техническим причинам – стихи эти дали на подвёрстку, внизу, всё не вошло.

До свидания. Крепко целую. Папа. Привет Володе.

28 июля 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Письмо твоё очень огорчило нас – намучаешься ты с Мишуткой, и с работой всё пойдёт не так, как надо. Раз сказали, что ремонт детсада на два месяца – жди всех трёх. Это уж как водится.

Где он успел простудиться, золотушенька моя? В дороге, видно. Ведь лето же. Наверно, сквозняком где-то прохватило. Ты его постарайся закалять – пусть на солнышке гуляет голенький. Мама его уж очень изнежила в этом смысле.

Ужасно растрогало меня, что он с теплотой вспоминает своего деду. Я тоже без умиления не могу думать о нём. Ведь мы такие дружные были с ним, особенно когда он не ходил в детсад и мы целыми днями были с ним вдвоём. «Деда, садись, кури, я тебе буду подкладывать» (игрушки из-под стола). «О, кто это? Какой-то волшебник, наверно! Сейчас я его поймаю за ручку!» Очень много приятных воспоминаний о нём, о моём золотом, хорошем. Как-то ночью попросился на горшочек, я беру его на руки, а он, спросонья: – Ты кто такой? Или: – Как спал, Мишенька? – Собачка мешала. – А что же она говорила тебе? – Говорила: рассказать тебе сказочку? Дай ей, деда, под задничку!

А ты, Светуля, верно, не нагостилась у нас, как и не приезжала.

У меня дела ничего. Работаю, почти каждый день появляются какие-то мысли, наброски стихов для книги. Посылаю три новых. Одно – «Укатали сивку горки» – так, для ознакомления, а два других тоже можно предложить к летнему циклу в газете. Если что-то там пройдёт – пришлешь только вырезки, а гонорар постарайся получить сама. Это, наверно, сможешь сделать?

Написал я интересную критическую статью (10 страниц моих) – «Штампы вопиют». Как-нибудь пришлю – или в газете (если дадут) или свой второй экземпляр.

Ну, пока. Крепко целую. Папа.

Скажи что-нибудь про нас и Мишутке.

Приписка с левой стороны страницы: Спасибо за вырезку статьи Банникова. Я проглядел это.

Володе большой привет.

31 июля 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Представляю, как вам с Мишуткой вдвоём (ведь Володя в Хабаровске) скучно сейчас, и вот решил черкнуть несколько слов.

Саше опять не повезло (такой уж он неудачливый в жизни): редактор «Комсомольца Кузб.» ушёл вчера в отпуск, так ничего и не решив с приёмом Саши на работу. Я настраиваю его на одно: больше работай, чтобы даже заочно, внештатно зарекомендовать себя. Тогда вопрос о приёме решится проще. А работает он успешно. Посылаю недавно опубликованную его корреспонденцию, которую сам редактор похвалил (это мне сказал Ляхов, ему тоже понравилось). Я работаю пока с огоньком. Посмотри ещё два новых стихотворения, может, и они будут приняты в вашей газете. Лета-то ещё ведь целый месяц. Глянь и обзор. Вова и мама, не сговариваясь, выразили своё восхищение одним словом: замечательно. А Вова ещё обратил внимание и на то, что чем лучше стихи (материал), тем лучше получается у меня обзор. Он, пожалуй, прав. Теперь слабые стихи отдельно (столбцом) цитировать я не стану, буду разбирать их в сплошном тексте.

Как там Мишутка? Здоров ли? Какое настроение у него и у тебя? Пиши чаще и подробней. Мы – как-то так вышло – не успели наговориться при встрече.

Крепко целую. Папа.

7 августа 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Посылаю ещё два стихотворения, только что написанных. Одно – «Скворец» – не совсем летнее, но его можно дать вне цикла о лете.

Есть у меня к тебе серьёзный разговор. Случайно узнал я, что ты решила умножить семью ещё на одного ребёнка. По-моему, это опрометчивое решение. Подумай сама: с одним Мишуткой-то запурхалась, а что будет с двоими? Вся твоя журналистская карьера кончится, не начавшись по-настоящему. То один приболеет, нельзя будет сдать в ясли, то другой. Придётся всё сидеть дома по бюллетеню, по справке. Спрашивается: стоило ли учиться в университете, добиваться диплома, чтобы стать домохозяйкой? А так оно именно и будет, не иначе. Это, как ты говоришь, и ёжику понятно. Вспомни маму. Сколько времени она не имела возможности работать, пока вы не подросли. И дело тут не в том, чтобы заработать стаж для пенсии, а просто в главном назначении каждого человека – делать что-то полезное и для себя, и для людей. Без этого, занимаясь только домашними делами, можно многое потерять из того, что дано природой, даже просто отупеть.

Подумай, Светуля, обо всё этом и предотврати то, без чего вполне можно обойтись. И так ты в жизни допускала немало неразумного. Зачем же идти на это сознательно.

Целую. Папа.

Привет Володе.

Мишутку поцелуй за меня. Спой с ним (чтобы вспомнил деду) про золотушечку: «А – ля, ли – ля, ля!...»

26 августа 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

До сих пор звучит во мне Мишуткин голос по телефону (немножко простуженный, с хрипотцой), как он мне пел «Золотушенька моя», как под конец разговора спросил: «Хорошо мы с тобой поговорили?» И ещё: «Я тебя помню и люблю!»

Как он сейчас – поправился? Ходит ли в детсадик? И в какой – в ближний или тот, что подальше?

Отчитаюсь о своих делах. Сборник (рукопись) стихов из Западно-Сибирского изд-ва мне возвращали для сокращения. Надо для отбора семь – восемь листов, а у меня, оказывается, было одиннадцать. В отборе лучших стихов помог мне Вова, я

почти целиком и полностью согласился с ним, лишь включил стихотворений пять из тех, что были у него под вопросом. Послал 5500 строк, около восьми печатных листов. Если рукопись в целом будет одобрена, то однотомник будет объёмом пять листов, т. е. 3500 строк. Так написал мне заместитель главного редактора В. Шапошников. Сегодня получил уведомление, что рукопись ему вручена.

Написал интересную статью о штампах в московских книжках (посылаю её, немного сокращённую). Утром сегодня отнёс Ляхову очередной обзор (обещали дать в субботу, 30-го августа).

Стихи для кемеровского сборника помаленьку накапливаются. Вижу, что большинство (как и в новосибирском) будет о природе. Это – лучшее у меня, моя родная стихия.

Саша с 10-го сентября будет сдавать экзамены (с нового захода). На работу его зовёт к себе в многотиражку Долинов (помнишь его? Он всё говорил, что пишет «роман»). Вова пока ещё нигде не определился (вот тебе и с дипломом!). Таня устроилась в кулинарное училище преподавать историю. У мамы всё по-старому. Вот такие у нас дела.

Целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Мишутку поцелуй за меня, а Володе – привет.

19 сентября 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Опять Мишутка спел мне: «Золотушенька моя!», опять «посмеялись» мы с ним. И снова, как всегда, первым делом он спросил: «А где баба Мария?» Чувствуется, что помнит он нас. Да и неудивительно – большой уже. Сегодня ему три года и восемь месяцев.

А ты, бедненькая, опять в больницу попадала. Вот не везёт тебе. Мы с мамой решили, что всё это от чисто психического, от всяких переживаний. Бывает такое.

Саше, выходит, с Долиновым будет не мёд. Этот «наставник», «учитель» вчера сорвал газету свою – накануне был в стельку пьяный, не сумел подписать номер в печать. Да и наврал что-то: придумал какого-то несуществующего «соратника» Ленина.

В университет он (Саша. – Прим. Н. И.) поступил. Экзамены сдал успешно – три «пятёрки» и одна «четвёрка». Сейчас две недели будет ходить на лекции – до обеда, а после обеда – на работу. Но спокойной жизни из-за него нам нет – раз «развязал», то каждый день жди, что поддаст, тем более, что попал под начало к такому подонку.

Маму по партийной линии направили на учёбу – в университет марксизма-ленинизма. На два года. Занятия раз в неделю, по четвергам. Вчера уже приступила к учёбе.

Вова поступал в технологический институт, но сразу же взял заявление обратно. Выяснилось, что тот, кто залучил его туда, вначале обещал большие научные перспективы, а у самого была одна корыстная цель: чтобы Вова художественно оформлял ему кабинеты, в общем, работал как художник, причём за маленькую зарплату. Это было бы почти задаром, если учесть, что художники из худ. фонда берут за такие работы по 400 – 500 р. Хотел «благодетель» сделать экономию. Поэтому Вова решил попробовать свои силы в журналистике. В конце месяца придёт из отпуска Умнов (Умнов Григорий Романович, редактор Кемеровской районной газеты «Заря». – Прим. Н. И.) и, если никого не взяли на

место Саши, начнём договариваться насчёт работы в «Заре». Таня работает там, где персонаж Геннадия Хазанова, – в «калинарном» училище.

Немного о своих делах. Пишу стихи для кемеровской книги не спеша, с большой строгостью и требовательностью к себе, делаю по несколько вариантов одной и той же вещи, даже небольшой. Посылал газетную вырезку Марии Илларионовне Твардовской. О, Света, не даром она была женой такого поэта. В стихах разбирается тонко, мудро. О «Днях и годах» сказала, что есть там добрые строки, но есть и чужие интонации (видимо, Твардовского, из скромности – умолчала). Отметила, что иногда меня подводит словарь (это точно, бывает, сбиваюсь на книжность). Зато очень лестно отозвалась о стихах «О Матери» и «Первая любовь» («О, свет далёких отроческих дней!»). Если, говорит, доработать две строчки в «Первой любви» (какие – назвала), то это стихотворение будет классическим (без всяких кавычек). Доработал, снова послал, жду ответа. Советует не огорчаться, что в «Лит. России» сделали меня читателем. Вот её слова о «Лит. России»: «...она с людьми и не то делает. Там давно не стесняют себя этическими нормами поведения». Это, видно, испытал на себе ещё сам Твардовский. А что уж обижаться, сетовать нам, простым смертным. Но удивительное дело – одобрение человека, которого ценишь! Я сейчас верю в себя, как никогда. Верю даже, что могу сделать что-то на уровне лучших образцов, пусть и не классическое, но всё же...

Посылаю вырезку из «Кузбасса» (эти стихи ты, кажется, ещё не читала), а также подборку для твоей газеты. Поблагодари кого надо от моего имени за внимание ко мне.

Крепко целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Поцелуй за меня Мишутку, скажи ему, что деда и баба очень любят его, ждут в гости.

10 ноября 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Вот только сейчас собрался написать тебе, дальше откладывать уже некуда, и так очень давно нет от нас вестей.

Все мои дни сейчас заняты будущей книжкой. И встаю и ложусь с мыслью о ней. Работаю каждый день. Эпиграфом к этой работе можно поставить такое небольшое стихотворение:

По капельке-словечку

Коплю я свой ручей.

Журчи, вливайся в речку,

Беги – ни мой, ничей!

По строчке, по двустиишью –

Закат или зарю –

Я что-нибудь да вышью

И другу подарю.

Сплету венок свой скромный

По образу-цветку.

Пускай в твой вечер тёмный

Он скрасит грусть-тоску!

Наверно, большинство стихов будет о природе. Все времена года, особенно лето. Набирается немалый цикл и военных стихов.

В общем, тружусь на совесть. А недоброжелатели мои нет-нет да и дадут о себе знать. Мазаев выступил в праздничном октябрьском номере «Кузбасса» с отчётом, что сделали поэты и прозаики за пять лет (под рубрикой «С чем идём к съезду»). Называет почти все книги, а о моей «Спасибо сентябрю» – ни гу-гу. Лишь в последнем абзаце вскользь упоминает: «Большой цикл военных стихов написал поэт М. Небогатов». Вот так, ни больше, ни меньше. За всю пятилетку – цикл. Намеренно или случайно, а ударил по рукам.

Вышло переиздание книги А. Абрамовича о творчестве кузбасских писателей. Статьи обо мне – увы – нет. А ведь незадолго до своей смерти Алексей Фёдорович присылал мне машинописный экземпляр этой статьи – очень объёмной, обстоятельной и в целом положительной. Где же Глебова и Чигарёва лишний раз дадут мне дорогу к читателю! По ним опять получается, что в Кузбассе нет такого поэта. Хотя люди объективные давно и по праву называют меня ведущим. Помнишь, как-то Кыков (Анатолий Иванович, директор Кемеровского книжного издательства. – Прим. **Н. И.**), выступая по телевидению, оговорился по доброте душевной: «Наш старейший поэт Миша Небогатов». Старейший Миша! Смех и грех. Но сейчас-то мне не до смеха. Портит настроение мысль: всё, что делаю, создаю, придётся нести тем людям, которые изо всех сил стараются навредить мне. И эти-то люди будут решать судьбу моей книги. Люди, которые уже заранее недобро настроены ко мне, ко всему, что я ни напиши.

Но я помню и слова Банникова, который однажды по-мужски прямо сказал мне в ответ на мои сетования на козни Глебовой и Чигарёвой: «Плюнь ты на этих баб, не связывайся с ними!» Легко сказать. Если бы эти бабы ничего не решали, а то...

Одно утешение: вспоминаю высказывание Ваншенкина. Я, мол, не занимаю никаких ответственных постов, не состою нигде членом редколлегии (иначе, не имею блата, читается между строк). Так что мне остаётся одно: писать хорошие стихи.

Вот и мне приходится надеяться только на это же. Быть очень строгим к себе, требовательным, не давать им повода косоротиться...

Тот же Ваншенкин и в стихах говорит на эту тему:

*А ты мне пишешь, что меня в докладе
Георгий Марков не упомянул...*

Но ему проще, он крепко утвердился в литературе, чему способствовали такие авторитеты, как Исаковский, Твардовский, Симонов. Ваншенкина уже не «закроешь», у него по две книги в год выходит.

Мне труднее во всех отношениях. И способности поменьше, и имя не такое громкое, и поддержки ниоткуда. Ну, ничего. Духом, Светуля, не падаю. Как ни третируют меня всякие Мазаевы, Чигарёвы (Володи и Зины, как они называют друг друга), я иду своим путём. Моя любовь к поэзии, к этому труду – выше всякой этой суеты и мышины возни. Другое дело – чего мне это стоит, каких волнений и переживаний, а то и худшего: сомнений в себе...

Праздничные дни мы провели хорошо. Денёк побыли в гостях у дяди Гриши, а два – дома. Смотрели телевизор, читали. Даже Саше помог я скрасить больничную обстановку – давал 15 р. (за что досталось от мамы), он покупал курицу, повара сделали им с соседом по палате праздничный обед.

Поговорить по телефону с Мишуткой – просто великая радость. Словно он где-то рядышком, только не видим друг друга. Пиши о нём, Светуля, побольше, поподробнее, с мельчайшими деталями. Всё нам интересно. Покажи ему по телевизору (при случае) лучшего «госхеиста» нынешнего сезона – Александра Мальцева. Уверен, он и по лицу понравится Мишутке.

Посылаю кое-какие газетные материалы. Мама хочет услышать твоё мнение о своей работе. Прилагаю также свою фотокарточку (сделал недавно Саша). Для Мишутки.

Крепко целую его и тебя. Папа.

Если Володя уже приехал – большой привет ему.

8 декабря 75 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

...А теперь о своих делах. Уже месяца два, наверно, я живу по такому режиму: ложусь спать в 8 – 9, высыпаюсь к 4 – 5 часам утра, встаю и работаю над новыми стихами. Выдача поэтической продукции идёт с нарастанием: в сентябре написал всего восемь стихотворений, в октябре – уже пятнадцать, а в ноябре – двадцать два. Моя Болдинская осень. 19-го декабря рукопись уже сдавать, поэтому сейчас, до этого времени, надо подработать и перепечатать то, что отбирала Глебова из старых стихов, их где-то штук тридцать.

Может быть, это самообман, но кажется мне, Светуля, что появилось у меня второе дыхание, что почти всё, что включу в рукопись, будет хорошо и отлично. Я сейчас, как Островой, при всём желании не умею писать плохие стихи, получаются только хорошие (шучу – шучу!).

Не убеждён только в одном: согласятся ли мои недоброжелатели – Чигарёва и Глебова – пересмотреть договор и расширить книгу с двух до трёх – четырёх печатных листов. Если не сумею добиться своего, будет очень обидно – за бортом останется очень много истинно поэтического, что надо бы отдать читателю. А когда теперь ещё издадут меня. Может, на новую (кроме этой) книжку меня уже не хватит.

Посылаю подборку из «Комсомольца Кузбасса» и один пейзажик, который дал «Кузбасс» вчера на странице «Ваше воскресенье». Буду с нетерпением ждать твоего (и Володиного) отзыва – что получше, что похуже, что неважно, что отлично. Это нужно мне, чтобы проверить своё отношение ко всему, что делаю в последнее время. Лишь одно стихотворение – «Пленные» (оно было в «Огоньке») известно тебе, остальные – новые.

Сейчас заходил Саша. Я рассказал ему о разговоре с Володиёй, он воодушевился. Сразу же начал действовать – поехал сейчас на работу. За расчётом, характеристикой, снятием с учёта. На днях – завтра или послезавтра – намерен брать билет. Но полной уверенности в его благих намерениях у меня всё же нет. Если не передумает, то дней через 10 – 12 вы получите его телеграмму о выезде в Хабаровск.

Ну пока, моя хорошая.

Крепко целую тебя и Мишутку.

Володе большой привет и спасибо за хлопоты.

Папа.

22 марта 76 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Вчера получили твоё письмо. Очень порадовались Мишуткиным снимкам. Какой он на них милый, хороший. Недаром с первого взгляда очаровывает всех. И костюм у него какой-то особенный – космонавтский, наверно?

Ты, Светуля, хотя и не согласна отправить к нам Мишутку (сказала по телефону), а всё же подумай об этом. ...мы были бы просто счастливы, чо Миша у нас, чоб нам не скучно было (подчёркнуты Мишины словечки. – Прим. **Н. И.**). Даже в детсад не стали бы его отдавать. Он уже такой большой, понятливый, что не мешал бы мне работать.

Саша, как ты уже знаешь, у Долинова рассчитался. ...Я бы посоветовал ему «поклониться в ножки» Умнову, продолжить свою работу в «Заре». Да только тот едва ли примет его.

Глебова моя что-то молчит, молчание это для меня недоброе. Сам не звоню, не иду в изд-во. Там ещё успеют испортить настроение. Некуда спешить.

Мама – молодчина, работает всё с огоньком. Много всяких мероприятий у неё и по партийной, и по общественной линии. Я целыми днями один. Вот бы Мишутку-то мне!

Посылаю, Светуля, целую пачку газетных вырезок. Почитай. Скажи, что понравится больше, что меньше. Сашин материал был в «Кузбассе», во время его отъезда. Приедет – вдохновится.

Крепко целую тебя и Мишутку.

Мише скажи, чо дядя Сталин очень скучает о своём генерале. Нам ведь надо немцев в бочку закатать у деревни Боровушка.

25 мая 76 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Получили ваши письма – твоё и Сашино. Очень порадовались всему. Передай Володе самую большую мою благодарность за участие в судьбе Саши, за устройство его на очень хорошую работу (считаю, по призванию). Теперь от самого Саши зависит, оправдает ли он доверие, не подведёт ли, что уже не раз случалось. Пишу об этом и ему, хотя его, наверно, уже коробит от наших с мамой назиданий. Но что поделаешь – всё ещё он нуждается в этом, такой ненадёжный человек. Вообще-то он – отличный парень, добрый, умный, общительный, но последнее качество чаще всего оборачивается для него теневой стороной – легко поддаётся всякому плохому влиянию. Ты, Света, как можешь, способствуй их дружбе с Володей, может быть, он и хорошему влиянию Володи поддастся, будет подражать его трезвой, цельной натуре.

Гору с плеч свалил – работу над сборником закончил. Сегодня Глебова звонила из дому – сообщила, что занимается распределением стихов по разделам. Разделов будет пять: война, раздумья, творчество, о любви, природа. Всё это – условно. Вместо названий – просто заставки. Работали мы на удивление миролюбиво: она – без всякого высокомерия, я – без амбиций. Было полное доверие друг к другу и в результате – взаимная удовлетворённость. Чигарёва порадовала сообщением, что распорядилась, чтобы сборник был сувенирного типа – небольшого формата, в твёрдой обложке. И всё это – без согласования с Банниковым; мол, поставим его перед фактом – и всё, мы, дескать, сами заинтересованы в том, чтобы книги у нас выходили красивые. Только теперь я понял, как твёрдо держит она марку главного редактора, что подтверждалось и браковкой двух предыдущих моих рукописей. От Вит. Вас. (Банников Виталий Васильевич, директор Кемеровского книжного издательства. – *Прим. Н. И.*), видно, больше зависят хозяйственные дела, а творческие – решают они с Глебовой. Подобрали вот ко мне – и всё пошло как нельзя лучше.

Вчера заходил Хорошка. Я спрашиваю его: правда ли то, что Саша сказал Свете (мол, давно бросил бы Таню, да не хочет быть предателем), он коротко ответил: – Верно. Всё так.

Видимо, в конце концов, рано или поздно разойдутся они. Судя по всему, живётся ему с ней несладко – настроение всё время подавленное. Стал ещё больше замкнутым, молчаливым, чем раньше. Да, у обоих твоих братцев женитьба вышла неудачной.

Недавно мы чуть не лишились нашей мамы. Делали с тётёй Надей побелку кухни, мама, разгорячённая, выбежала за чем-то на балкон, подхватила ангину. Дня через два решила искупаться. Вода, на счастье, налилась прохладная, в такой, на

корточках, она быстро и помылась. Я тёр ей спину, потому и знаю, что в ванне не было горячо. На другой день, утром, у неё перехватило горло, стало трудно говорить. Пошла в больницу, а оттуда через час звонит: решили срочно положить, необходима операция. Когда врачи всё обследовали, то оказалось, что жизнь мамы была на волоске: если бы, говорят, вода была горячая, она, мама, могла задохнуться прямо в ванне, никакая скорая помощь не успела бы спасти. Дело в том, что ангина распространилась на нижнюю часть гортани, там образовался отёк, от которого при нагревании тела могло произойти удушье. Вот такая наша жизнь. Я бы думал, что мама просто притихла в ванне, а её бы уже не было в живых. Бог миловал, даже сами врачи удивляются. Вот тебе и ангина, такая ли уж опасная штука, а оказывается...

Сейчас – всё позади. Работает, не покладая рук. Дали ей вторую единицу – помощницу. Взяла старую знакомую, умеет печатать.

Очень хотелось бы повидаться с тобой и с Мишуткой. «Хорошо, чо я приехал?» Детсад даёт себя знать: старших теперь стал называть на вы. Странно представить, что и Саше он тоже говорит «вы». Когда встретимся, я не дам ему называть себя так, будем по-дружески на «ты».

Частенько бываю у дяди Гриши. Они прямо с умилением вспоминают ваше посещение их, как вы плясали под аккордеон – ты, Вова, Миха, как вообще хорошо провели время. Дядя Гриша прикладывается помаленьку, а я уже месяца три не беру в рот ни капли, даже вина. Решил покончить с этим навсегда. Кто пьёт при неустойчивой психике, нередко деградирует, а то и просто превращается в дурака. Этого ещё мне не хватало. Пушкин подобного боялся больше всего, недаром в одном стихотворении у него есть такая строчка: «Не дай мне бог сойти с ума».

Ну, нагородил я всякой всячины. Закругляюсь.

Не знаю, когда пройдёт беспокойство за Сашу. За тебя с Володей, за Хорошку спокоен, а за него – нет...

Ну, всего хорошего вам всем.

Целую тебя и Мишутку. Володе большой привет.

Папа.

P.S. Мой гастрит затих. Помогает «болтушка». Пью её уже около месяца.

18 июня 76 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Длительное ваше молчание мы уже начали воспринимать так: Саша «сорвался», ему писать об этом неловко, а ты не хочешь расстраивать нас. Но, оказывается, всё пока нормально – и слава богу. Сейчас я вижу, что перемена им микроклимата пошла ему на пользу. Порвав со всем плохим, может стать тем, кто он и есть от природы – хорошим, порядочным человеком. Уверен также, что добрым «ориентиром» будет для него Володя. Только бы удалось избежать знакомства с подонками типа Долинова, Рёбы. Тогда всё будет в порядке. Внушайте это ему по-дружески.

У нас, собственно, ничего особенно нового. Рукопись книги моей, видно, уже подписана к печати – сужу об этом по выплате 65% гонорара (с вычетом 25%, которые получал в прошлом году). Чигарёва настроена издать книжку в хорошем оформлении. Для этого обратились в омское издательство, наше не имеет таких возможностей. А по мне – дело не в коленкоровой обложке. И в мягкой, я уверен, сборник мой не залежится на книжных полках. Как ни решится вопрос – только бы не затянулся выпуск книги. Все мы – под богом, важно ещё дожить до её выхода.

Доработка стихов была значительная и – к лучшему. Сейчас стараюсь кое-что опубликовать. Отнёс подборку в «Кузбасс», другую – в «Комс. Кузбасса». Если напечатают – пришлю вырезки. 30-го июня по радио будут переданы стихи о любви. После этого предложу их «комсомолятам». Посылаю иногда стихи и в Биробиджан. Недавно получил 15 р. (значит, что-то напечатали). Ещё одна подборка есть там. Цикл о любви. Может, тоже дадут.

С отпуском у мамы вопрос на днях решился – выделили ей путёвку в Зенковский (прокопьевский) санаторий с 12 июля. Устала она очень. А я, к сожалению, не могу побывать на Амуре – состояние здоровья не очень устойчивое. С 8-го апреля – на больничном. Ну, ничего. Меня ведь никто не подгоняет, кроме самой работы. Чуть устану – отдыхаю, делаю передышку.

Что-то охладел к телевизору. Уже не бывает, чтобы, скажем, из-за футбола не спал до полночи. Даже дневные передачи смотрю редко. Только самое интересное, чего, кстати, бывает мало. Всё стараюсь не пропустить по радио песню «Белый танец», которую едва ли исполнит кто лучше Светланы Резановой. Уж очень она обаятельна, задушевна в этой песне. Недаром я написал о ней целое стихотворение. В сборник, правда, не стал его включать, потому что Мария Илларионовна Твардовская назвала его «необязательным».

Очень рад, Светуля, что ты довольна своей работой. Это ведь в жизни каждого человека очень важно. Я, например, не могу представить себя вне литературных дел. Да и мама пока что трудится с любовью, с охотой. Другие, вроде Обориной, уже просто халтурят, а она всё делает с душой. Значит, нашла своё призвание.

Мишутке завтра будет 4 года 5 месяцев. Идёт время. Увидимся, наверно, не раньше, чем через год, и к тому времени он, наверно, отвыкнет от бабы с дедой, забудет нас. Передай ему, что я сильно люблю его, хотел бы поиграть с ним в дядю Сталина и Гитлера. Может, будет возможность сделать новые снимки? Хорошо бы. Саша фотографирует прилично, дело за фотоаппаратом.

Не обременяет вас Саша? Ты не стесняйся – попроси его иной раз помыть пол, он на это мастер. Всё полегче тебе будет. Я маме помогаю.

Погода у нас всё время (по крайней мере, до сей поры) жаркая, а от тополей такой пух – дышать нечем. На кой чёрт сажают эти деревья в городах. То ли дело берёзки, клёны, липы, тот же карагач.

Дядя Гриша и тётя Маруся часто вспоминают, как вы были у них в гостях. Им на старости лет дорог каждый малый знак внимания. Плохие оба стали – хворают. Баба – та ничего, бегают, хотя и стонет. Как приедет к нам, так обязательно жалуется на деда – «враг», «змей», других слов для неё нет. Даже мама говорит про неё – тяжёлый человек, совсем замордовала старика.

Вот такие у нас дела и новости. Обменивайтесь нашими письмами с Сашей – секретов нет, а повторяться – зачем.

Ну, пока, Светуля. Целуем тебя и Мишу.

Володе большой привет.

14 июля 76 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

...Мама уехала в Зенковский санаторий в воскресенье, 11-го. На другой же день позвонила: доехала хорошо, устроилась – тоже. В комнате их всего трое: с ней две женщины, одна постарше её, другая помоложе. Хорошо, что не шумливая молодёжь, условия для отдыха (даже днём, после обеда) будут подходящие.

Только собирался узнавать, что с моей рукописью в Новосибирске, как они сами прислали её. На доработку и сокращение. Просили сообщить срок

возвращения, я назвал – к 1-му августа, но работы оказалось немного, так что 5-го июля уже отправил подготовленную надлежащим образом будущую книгу.

На книжных экземплярах замечаний почти не было, в рукописных – кое-какие стояли, я эти стихи просто отсеял (сократить пришлось ни много ни мало – два листа, 1400 строк). Работа свелась в основном к перепечатке стихов и к составлению их по разделам. Вышло пять циклов: «Вечный огонь» (стихи о войне), «Дни и годы» (стихи на разные темы), «Рождение песни» (о творчестве), «Даль заречная» (пейзажи) и «Строки любви» (любовная лирика, посвящённая маме).

Всего 6 листов, 4245 строк, на сорок пять строчек больше нужного объёма. Уведомление о получении рукописи уже пришло, но подпись не директора издательства, на имя которого я посылал бандероль. Видно, директор – Нина Сергеевна Семаева – в отпуске. И ответа с сообщением о судьбе книги ждать от неё не придётся, наверно, с месяц. «Ничего, переживём», как говорит Мишутка.

Когда должна выйти в свет эта книга – я пока не знаю. Но судя по тому, что Семаева спрашивала о сроке пересылки готовой рукописи, в принципе книга, видно, одобрена и там, в «Библиотеке сибирской поэзии», уже прикидывают, в план какого года издания можно её включить. Хорошо бы на будущий год. Правда, на это я мало надеюсь. По почерку на полях я понял, что стихи мои читали только два члена редколлегии, а всего их – человек семь, так что дело может затянуться. Сколько людей – столько мнений. Могут возникнуть новые замечания, тем более, что несколько стихов (в циклы о войне и о любви) я включил впервые. Их ещё никто не читал.

Работал, вставая в 5 – 6 утра. И переутомился. Почувствовал себя хуже психически, да к тому же начались перебои в сердце (аритмия), особенно, когда приляжешь. На ходу, в движении незаметно. Сейчас стараюсь в работе не перебарщивать, много времени провожу без всякого дела, отдыхая. Дома я остался не один: со мной тётя Надя (сестра М. Небогатова. – *Прим. Н. И.*). Она за хозяйку... С тётей Надей не скучно, ты же знаешь, какая она общительная, и по характеру жизнерадостная. Её настроением заряжаюсь и я.

Вова вчера отправил Саше фотоаппарат, пусть Саша сделает домашние снимки. За судьбу Саши мы беспокоимся всё меньше, он, чувствуется, взялся за ум. Это видно и по газетным материалам – замечен творческий рост, большая работоспособность.

Очень хотелось бы повидаться со всеми вами, но, наверно, до лета будущего года это не удастся. Растрогали нас воспоминания Мишутки о Кемерове, о том, как мы, лёжа на полу, рассказывали сказки друг другу. Я тоже очень живо вижу всё это. «Однажды простой русский солдат Миша Васильев шёл по лесу. Вдруг кто-то как зарычит. И он побежал за этим рычей». Вот как умеет фантазировать Мишутка.

Июль у нас с дождями и грозами. Такая погода по мне. От жары устаю, она гнетёт. Пожалуй, первый раз за многие годы не загорал ещё.

Посылаю стихотворение, написанное на злобу дня, и один из обзоров.

Ну, будьте, Светуля, все здоровы и благополучны. Целую. Папа.

Привет Володе.

13 августа 76 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Только сегодня собрался написать тебе в ответ письмо, которое пришло больше недели назад. Пока мама отдыхала, я тоже позволил сделать передышку – даже консультации не делал. Это не потому, что сильно устал, а потому, что

барахлит что-то сердце – аритмия. Особенно беспокоит, когда ляжешь на спину. А на ходу – ничего.

И маме санаторий ничуть не помог – почти каждый день болит у неё голова, а от этого – общая слабость, плохое самочувствие. Это всё по наследству, от бабы. И у тебя также часто голова болит – от мамы, видно, перешло. Вообще, судя по многим «прёдметам» (выражение бабы), утомляешься, устаёшь ты сильно. И домашние дела на тебе, и работа, и Мишутка. Надо бы, Светуля, как-то подключать мужчин – Сашу и Володю – к домашнему хозяйству, хотя бы к мытью пола. Одной-то тебе всё не под силу.

К тёте Рае (сестре Небогатова Ираиде. – *Прим. Н. И.*) приехало семейство Скрипок. Тётя Мила (дочь Ираиды. – *Прим. Н. И.*) всё так же броско красива, хотя исполнилось ей уже пятьдесят лет. Следы постарения едва заметны. А дядя Гриша (муж Милы. – *Прим. Н. И.*), кажется, ещё больше похудел, стройный, поджарый, полный энергии, как спортсмен. Мы почти ровесники (ему на днях стукнуло пятьдесят пять), а я против него физически куда хуже – лишняя полнота, из-за неё – вялость, флегматичность.

Собирались одной и той же компанией в трёх семьях – сперва приглашали Скрипки, потом были у нас, а на другой день у дяди Гриши с Марусей. Как собеседники Скрипки очень утомляют – не дают слова сказать, только сами говорят, как заведённые. По пьяной лавочке это, наверно, терпимо, а поскольку я в рот не беру – уставал на нет. Одна мысль была: скорее бы кончался этот праздничный сабантуй...

Лета мы хорошего почти не видели. Погожих дней было мало – с половины июля по сей день всё время дожди, грозы. Если бы не зелень деревьев, можно подумать, что уже начало октября.

Насчёт стихов Ваншенкина в «Лит. газете» ты, Светуля, права. Они и фальшивые, и сделанные, сконструированные. Кроме изящной внешней отделки, ничего тут нет. Не зря Твардовский предупреждал его: как бы, мол, не случилось у вас так, что останется одна набитость руки. Так вот и вышло. Ваншенкин умело, мастерски способен написать о чём угодно. А для души – читать нечего. Одна форма, в которой ему мало равных. Это из тех поэтов, которые говорят про себя: после меня, дескать, не останется черновиков – что ни напишу, всё печатают... Евтушенко такой же. Но у этого и форма корявая. Одна рифмовка чего стоит...

На днях черкну ещё, а пока – до свидания, всего вам хорошего. Целую тебя и Мишутку. Папа. Володе – привет.

Приписка с левой стороны страницы: Посмотри, Светуля, подборку в «Комс. Кузбасса». Она была дана как дополнение к обзорам.

20 августа 76 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Замечательные снимки сделал Саша. На каждом Мишутка – с новым выражением лица, с новым настроением. Смотрим не насмотримся. Удивило нас только, что почему-то он очень худой: все рёбрышки на виду, как у конголезского мальчика. Наверно, кушает плохо? Ты уж, Светуля, корми его как следует. Не бойся, что пополнеет, огрузнет, до этого ему далеко. Просто надо добиться того, чтобы он был плотненький.

Что же это такое – опять заболел? Вот беда-то. Эти лямбли надо как-то выводить. Бывают случаи, когда с ними мучаются всю жизнь.

До слёз хохотали мы, читая твои строки о колготках и костюмчике. Колготки, мол, ему очень нужны, а хорошо бы и костюмчик... Это напомнило мне, и я

рассказал маме шутку про солдата, который зашёл к какой-то хозяйке со словами: – Тётенка, дайте мне попить, а то я так жрать хочу, что негде переночевать. У тебя получилось что-то похожее. Но ты не обижайся, я шучу. Жаль, нет у нас в магазинах костюмчиков, а то бы мы обязательно купили. Насчёт колготок дело лучше. Вчера ходили мы прощаться со Скрипками, и мама договорилась с тётей Милой, что та их пришлёт (дали денег): в Полтаве, оказывается, они есть. Так что скоро Мишутке будет что надеть.

А рисует он, честное слово, неплохо. Чувствует уже пропорции человеческой фигуры. И фантазия есть. Меч нарисован так, как его и положено держать. Видно по всему, что мой золотушенька сильно повзрослел. Приятно, что, несмотря на быстрый бег времени, про нас всё же не забывает. Насчёт «перезошло». Можно с полной уверенностью ждать, что лексикон его будет богатым. Как говорят мама с папой, так будет говорить и он. Ты, – я предполагаю, – наверно, иногда спрашиваешь его: – Что, Мишенька, произошло? Почему ты не в настроении? Или что-то подобное. Вот он и стал говорить это, как «ничего, переживём». И всё к месту, кстати. Умница мальчуган.

Отношения твоих мужичков, значит, наладились? Ну и хорошо.

Нового у нас ничего, поэтому кончаю своё письмишко, чтобы не городить что попало.

Целую вас с Мишуткой. Папа.

Привет Володе.

12 октября 76 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Вчера пришло твоё письмо, а сейчас вот, с утра, устроился я за столом, что не так-то просто. Говорю Мишутке, мол, иди, поиграй, я буду писать письмо маме. А он: Ты что – забыл? Я же сейчас принесу табуретку (мы уже вчера так работали). Сидит рядом и всё что-нибудь говорит: А что ты напишешь? Дорогая мама! Ну, пиши!..

Когда я ему прочитал твоё письмо, он весь просиял, услышав: сынуля. А потом спросил: – Ты соскучился о маме? – Нет. – А что ты напишешь ей? – Чо не поломал ни одного солдатики. Мама скажет: какой Миша молодец! – А ещё что? – Чо я слушался бабу и деду. – Правильно!

Вот так и идёт наша жизнь. Он быстро акклиматизировался – ему не привыкать кочевать от вас к нам. Настроение хорошее – устойчиво. Не сглазить бы. Не капризничает, не балуется. (Ушёл сейчас строить «царство»). Уже вторую неделю мы с ним по существу вдвоём с утра до вечера, до прихода мамы с работы. Мне это не в тягость, потому что он не навязчивый, действительно послушный. Скажу ему: – Иди поиграй с солдатиками, а я почитаю. Он охотно выполняет просьбу. За эти дни я прочитал несколько сборников стихов, открыл для себя прекрасного поэта из Ленинграда – Глеба Пагирева. Если попадётся на глаза – почитай. Вот где сама простота, естественность, искренность. И – мастерство. И русский дух, где и достоинство, и мягкий юмор, и подчас, где надо, резкая прямота.

А вчера с утра сделал (напечатал) восемь консультаций. Мишутка не мешал. Хочу приучить его к этому. Недаром он сегодня спросил: – Тебе уже пора работать, да? Я печатал, а он в большой комнате рисовал. Потом пришёл и говорит, подавая свой листок бумаги: – Спечатай здесь что-нибудь. Я напечатал, прочитал ему: «Миша Васильев, простой русский солдат». Понравилось.

Кушает хорошо, нормально, больше всего любит жареную картошку, суп ест неохотно. Вот и жарим каждый день. Спит днём не всегда, редко. Добросовестно

отлежит без звука часа полтора, загляну – а у него сна ни в одном глазу. Спрашиваю:

– Мишенька, ты почему так и не уснул?

– Я же быстро не уснываю.

– А почему?

В ответ со вздохом: – Таким меня мама сродила.

Вообще, потешает он нас часто. Как-то объявил: – У папы в райкоме много друзей. – Помолчал, подумал и неожиданно прибавил: – Сидят в кабинете пьяницы.

Другой раз, за ужином, спрашивает:

– Баба, ты расскажешь мне сказку?

А я:

– Лучше я тебе, Миша, спою. Ладно?

– Нетушки! Не люблю я, когда ты поёшь.

Мама:

– Что, не нравится, как деда поёт?

Помолчал и отрезал:

– Да всякие дурацкие песни. (Дурацкие – это мои шуточные импровизации вроде: Ехали солдаты. А кругом народ. Ехали солдаты задом наперёд).

Опять пришёл, встал рядом. Я засмеялся – поработай с ним. Он с улыбочкой: Деда, а чо ты смеёшься? – Да ты не даёшь мне писать маме письмо. (Залез под стол, тербит меня за ногу)...

Диктует Миша:

– Мама, не плачь. Мама, не скучай без меня. И, папа, не скучай без меня. Игрушки мои никому не дарите.

– Что ещё, Миша?

– Ещё напиши, чо деда Миша скоро к нам приедет. Так напиши, давай. (Я как стенографист).

Ну, всего, что он говорит, не запишешь. Кончаю на этом, Светуля.

Ты в самом деле сильно-то не скучай. Он – как у Христа за пазухой, мы его любим не меньше, чем вы. Так что будьте спокойны за своего сынулю.

Крепко целую. Папа.

Привет Володе. Хорошо, чо вы помирились.

1 ноября 76 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Пишу, уложив Мишутку спать в детской – «его» – комнате на раскладушке – специально купили. Мама считает, что надо приучать его спать отдельно, с кем-то – негигиенично. Ночью его раскладушку ставили рядом со своей кроватью.

В который раз не могу удержаться, чтобы не сказать: замечательный он парень. Мы его сильно любим. Я нет – нет, да и скажу: – Мишенька, дай я тебя поцелую. А он: – Что ли, соскучился? И лукаво так: – Полизунчик – тараканчик! А сам прижмётся всем телом и – тихо: – Люблю деду. Взрослеет и умнеет он буквально не по дням, а по часам. И всё время чем-нибудь поражает, изумляет.

Вечером как-то уже лёг спать, мы с мамой были в кухне. Вдруг появляется в коридоре: – Мне пришла в голову мысль! – Какая? – Покакать.

Играем с ним. Я – Санчо Панса, он – Дон Кихот. Курю в кухне у стола, а он то убежит, то прибежит. Подходит – я сделал вид, что уснул (захрапел). Он недовольно посмотрел на меня и, отходя, пробурчал: – Спит, дрянь.

А за обедом как-то спрашивает: – Баба, ты знаешь, что американцы все сдохли? – Почему? – Они же немцы.

После фильма: – Когда я вырасту и стану красным альпинистом и когда меня отмоют добела, на мне женится какая-нибудь красивая женщина. Мы пойдём в ресторан, там будет музыка, мы будем танцевать и есть мороженое. Это когда я буду отмытый добела.

Сказали ему, что скоро приедет папа.

– Ты поедешь с ним в Хабаровск?

– А что ли я вам надоел? Нет, не поеду. Кто тогда будет спать на моей раскладушке? Папа посмотрит, как я живу, и уедет. А то вы без меня скучать будете.

Сказку «Королевство кривых зеркал» – почти всю – смотрел стоя, чтобы быть готовым на всякий случай сбегать куда-нибудь – то попить, то пописать, то посмотреть, не разбили ли его солдатиков. Это когда на экране было что-нибудь страшное.

Говорю ему: – Я напишу маме, что ты всё время бегал пить. Он – в ответ сердито: – Тьфу! Помолчал, подулся и вдруг: – А жаловаться нельзя! Вот так! Если напишешь, я тоже напишу, как бегал пить, когда смотрел фильм про Николая Баумана. Шпиков боялся! Вот так. – Ладно, Миша, не будем жаловаться друг на друга. Мы же друзья. – Хорошо!

Любит слово «хорошо». И так это мило у него получается. – Мишенька, приberi игрушки, наведи порядок. – Хорошо!

Не знаю, говорил ли он у вас про большое слово. А сейчас часто просит: – Деда, расскажи мне два больших слова и три сказки.

Большое слово, насколько я понял, в отличие от сказки – это что-нибудь из жизни – про Мишу солдата, про дядю Сталина, про деда Мишу, тоже солдата, и пр. Я даже стишки ему сочинил, которые он выучил наизусть:

*Ляжем спать – тебе я снова
Расскажу большое слово.
А потом, закончив пляску,
Расскажу тебе я сказку.
Про лисичку, чо хитра,
И про Первого Петра.*

Причём, когда я экспромтом придумывал это, окончания вторых строк – рифмы – он угадывал сам.

О послушности, дисциплинированности его я уже говорил. Сейчас, чтобы не спать, попросился на горшочек. Маленькая хитрость – посидел так, впустую. И тут же, увидев какую-то капельку на полу, сказал: – Деда, а капелька тоже высыхает, правда же? Становится льдом, когда приходит зима.

Мне надо закончить это письмо, и потому я ещё попросил его «поспать». Он безропотно согласился. Лёг и посетовал: – А солдатики почему-то не поют мне песни.

Сейчас пойду поднимать и одевать его. Добросовестно отлежал два часа. Почему не стал засыпать днём – понятия не имею. Видно, надо в это время быть при нём, а то «приходят ему в голову разные мысли» и не может настроиться на сон.

Ну, пока, Светуля.

Целую. Папа.

Привет Володе. А может быть, это письмо его уже не застанет – будет у нас. Посылаю Мишины рисунки.

Приписка с левой стороны страницы: Обязательно займись с ним изучением азбуки.

8 декабря 76 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Не обижайся, моя хорошая, что редко пишу – все дни у нас проходят однообразно, как один день. Ничего нового. Хотя понимаю, для тебя интересно буквально всё.

Ну, прежде всего, о приезде к нам Володи. С первых же часов знакомства мы сошлись с ним очень легко. Он приятный и общительный (о чём, кстати, говорил Хорошка, когда был у вас). Хотя в общей сложности виделись мы немного (уезжал он к родителям, к сестре), я всё же успел составить о нём такое впечатление: начитанный, трудолюбивый, много знающий для своего возраста. В общем, рад, что познакомился с ним. Хороший парень. А мама, как всегда, кое-что преувеличила по телефону. Никто в приезд Володи, в том числе и он сам, много не пил. Самую малость. Всего один раз выпили с Володей целую бутылку коньяка. А в другие разы и того меньше. Мамина мнительность – из-за былых Сашиных разгулов. Тут можно её понять.

Не помню, писал ли я, почему не стал водить Мишутку в детсад. Всего один день он был там. А пришёл домой утомлённый, голодный, сразу же попросил есть. Нас, говорит, там ужином не кормили (ужин у него – это и обед, и завтрак).

Решили так: консультации буду печатать при нём, есть такая возможность, он умеет играть один. А когда мне нужно (крайне) куда-то сходить на два – три часа, то договорились с соседкой, что в этот день он будет у них. Там есть у него друг – Женя, двух с половиной лет, очень милый, воспитанный мальчуган. Они души не чают друг в друге. Женя часто вечерами приходит к нам.

Мишутка помешался на одном – на войне. И игра в войну, и рисует только солдат, рыцарей, королей, других просит рисовать то же. Помаленьку обучаю его азбуке, но он, оказывается, большой лентяй. Научился механически списывать у меня слова: мама, папа, деда, баба, и только. Если не пройдёт теперешняя страсть к сочинению стихов, то станет писать, и когда подрастёт. Очень любит рифмовать. Целыми часами по его просьбе (давай сочинять стихи!) упражняемся мы в рифмачестве.

Сообразительность у него удивительная. Я подбираю какие-то строчки складные, говорю ему начало, а он сам додумывается до окончания слов. Например (по типу Корнея Чуковского):

Потом позвонили нам с БАМа:

– А что у вас делает.....

– Мама! – сразу же говорит он.

Потом позвонила нам шляпа:

– А что у вас делает.....

– Папа!

Потом к нам звонок от соседа:

– А что у вас делает.....

– Деда!

Весь секрет в том, что рифмы я подбираю ему очень точные, отгадать созвучные слова легко. Иногда в шутку скажу что-нибудь неточно вроде «А Иван – медвежья голова нам нисколько не страшна!» Он чутко улавливает неточность, сердито отвечает: – Нескладно!

Некоторые фильмы, например, «Руслана и Людмилу» смотрит больше на ногах (чтобы убежать) или под столом. Трусюшка. И сам не стесняется признаваться в этом: страшный дядька Черномор. И Наина тоже. Боюсь. Ну, говорю, тогда я выключу телевизор. – Нет! Я буду смотреть за столом. И набирается мужества.

Появилось у него стремление точно произносить трудные для него слова. Часа за два научился говорить «нравится», «не нравится» (вместо «рнавится»). Долго разучивал, как говорить «революционер». До этого у него почему-то всё получалось «рёволюционер».

Придумывает некоторые словообразования. Например, приближу к нему небритую щёку, хочу поцеловать – он: – Колочишься!

О папе с мамой вспоминает редко. Но иногда вы, наверно, снитесь ему. Проснулся как-то: – Сильно соскучился о маме и папе. И чуть не плачет под свежим впечатлением от сна.

Очень чуткий. Что-то мы с мамой были не в духе. С вечера. А утром, когда проснулись, он говорит мне: – Деда, скажи бабе: «Доброе утро!» И наоборот – мама что-нибудь повысит голос на меня, он сразу же: – Не смей так разговаривать с дедой! – А как надо? – Вежливо.

Вот такой растёт ваш малыш. Умненький, добрый, чувствительный. Нам он ничуть не в тягость – я уже писал об этом.

Купили ему ботинки с коньками. Упорно учится кататься на дворовом катке. До усталости. Сдвиги есть.

Посылаю некоторые его рисунки.

Ну, всё пока. Писать буду чаще. Крепко целую. Папа.

Большой привет Володе.

17 декабря 76 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Миха уселся смотреть детский фильм, а я воспользовался этим и пишу тебе. Главное, конечно, тебя интересует он. Жизнь у нас идёт нормально. Чтобы он хоть немного спал днём, я решил сидеть с ним – рядом в кресле. Моё соседство настраивает его на покой, и он засыпает. Но только где-то через час. Через такое же время просыпается. Заглянешь в комнату – помаргивает глазками, отлёживается своё время.

Основные игры его – война. Один автомат уже сломал, купили новый. Только и слышно: тью – ю, тью – ю, бах, бах! И меня всё время просит: – Давай поиграем в войнушку! Выступаем мы в разных ролях. То он – Петька, а я Чапаев, то он маршал Жуков, а я Сталин, главнокомандующий. И Русланом он бывает, и Ильёй Муромцем, и пиратом.

За хорошую службу я объявляю ему благодарность, он отвечает: Служу Советскому Союзу! При этом иногда прикладывает к голове левую руку, я подсказываю, что надо правую. Левое и правое Миха пока не очень различает. Спать ложимся рано – в девятом часу. Обязательно просит рассказать сказку. Я говорю: – Расскажу, только небольшую. А он: – Небольшую, но побольше. И сам любит рассказывать, только просит подсказывать. – Что-то я забыл, кого же он встретил, а? Придумаю что-нибудь, и он продолжает: – Пошёл Пётр Первый дальше. Смотрит... Что он увидел? Подскажи, деда.

На коньках катается всё уверенней, лишь слегка придерживается одной рукой, а другой «работает», размахивает, как настоящий спортсмен. Наверно, видел по телевизору.

Много рисует. Не счесть уже, сколько покупали ему альбомов. Рисует тоже всё солдат, богатырей. Помнится, ни Саша, ни Вова в детстве войной так не увлекались. А Мишутка прямо помешался на ней. Даже про фильм без войны может сказать: – Выключай, неинтересно.

У соседей детишки, которые ходят в детсад, часто болеют, сидят дома. Правильно решил я: посидеть с ним зиму. Окрепнет, повзрослеет, а там видно будет.

Очень беспокоила нас твоя болезнь. Что это за напасть – высокое давление даже у молодых. Ты уж как-нибудь берегись, Светуля. Принимай необходимые лекарства. Не сегодня – завтра должно прийти письмо от тебя. Сразу же отвечу. Саше тоже написал сейчас. Ну, всего доброго вам. Целую. Папа.

Большой привет Володе.

21 января 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Получили письмо от тебя и Саши, они всегда – праздник для нас, особенно если в них приятные вести.

На этот раз твоё не порадовало. Очень беспокоимся: с чего у тебя в таком-то возрасте высокое давление? Наверно, сказывается тоска по Мишутке, тогда это – нервное. Постарайся не беспокоиться о нём, он ведь здесь – как у Христа за пазухой, в тепле, уюте, в покое, ограждён от всяких волнений, которые неизбежны, когда ребёнок в детсадике.

Ты правильно говоришь, что «заморочил» он мне голову. Мы вместе проводим бóльшую часть суток: играем в «войнушку», читаем, рисуем. Из-за этого я пишу вам редко – трудно отрешиться от забот о нём, от внимания, которого он постоянно требует. При нём никак не могу сосредоточиться на чём-то, даже на самом простом – на письме.

У него всё время появляется что-нибудь новое. Привели его как-то от соседей, от Веры Лаврентьевны и друга Жени. Я говорю: – Опять днём не спал?

– Дело было так, – начал он рассказывать. – Я лежал с закрытыми глазками, долго лежал. Вера Лаврентьевна говорит: – Вставай, Миша, будете чай пить с Женей, он уже проснулся. Вот как было дело.

В день рождения были у нас его друзья – Валера (одногодок), Женя. Нанесли много всяких подарков. Пили чай с тортом, потом играли в «его» комнате. Вова купил большую машину, можно в неё поместить целое войско солдатиков. Улучив минутку, я спросил: – Ну, как, Миша, нравится тебе день рождения? – Нравится, только скучно (хотя веселились вовсю). – Почему скучно? – А потому, что никто не принёс цветов. Пришлось объяснять, что зимой цветов не бывает.

Достал у Вовы в письменном столе старые карты, теперь всё время уговаривает меня играть, причём зовёт меня несчастным игровишкой, потому что я ему проигрываю – случится спор тузами, я выну у себя шестёрку, чтобы эти тузы «утащил» он. Проигрывая, сильно сердится, плюётся (без слюней): тьфу! И уходит в другую комнату.

Увлечения у него – короткие. Выменял у Димки на двух солдатиков пушку – целый день играл только с нею; купишь новый автомат – то же самое; сделал ему лук со стрелой – та же картина, того и гляди в глаз попадёт твёрдым прутом (стрелой). Но лишь к одному постоянный интерес – к рисованию. И ручкой, и красками. Это изо дня в день. Вот и сегодня мы посылаем вам его последние рисунки. Ещё с интересом сочиняет и рассказывает стихи. Например:

*Погляди в окно ты, брат,
Там большой-то снегопад.*

А тут пришёл от Жени, у которого папа сделал записи на магнитофоне разных песен, и теперь то и дело поёт:

*Нам дворцов заманчивые сроки
Не заменят никогда свобо – о – ды!
Наша крыша – небо голубо – ое.
Нас ещё увидишь и зимо – о – ю!*

Это не совсем осмысленно – так, как запомнилось. Рифма сроки – свободы не очень понравилась ему, так он сам приделал вместо сроки – природы (жаль, не запомнил я дословно) и спрашивает: так складно?

Медленно, не очень увлечённо, но всё-таки с интересом учится азбуке (а, б, в, г, д) по передаче «Абевегедейка». Иногда попросит: – Напиши мне «мама Света». И переписывает. Катаемся на улице, он говорит, подавая щепочку: – Напиши: горка. Я пишу, и он переписывает на снегу, на настё.

Такой он милый, весёлый, умный мальчуган, что писать о нём можно без конца. Бывает и сердитый. Чуть что не по нему, сразу же: – Уеду в аэропорт и в Хабаровск! А когда обидится, настойчиво заявляет: – Проси прощения. Сделаем вид, что он обидел нас – сам просит и обязательно с «волшебным» словом «пожалуйста»: – Деда (баба), прости, пожалуйста, на последний, последний раз!

Ну, вот, сколько опять накатал – всё о Мишутке. Саше я написал подробнее о своих делах, повторяться не стоит – ты почитай у него. Скажу только, что переживаю эти дни большую радость – вышел отлично сделанный полиграфически сборник. Посылаю Саше, тебе и той Рае, о которой ты пишешь. Сегодня Эля Суворова дала небольшую информацию о выходе «Земного поклона» – кое-кто уже поздравлял. Расходится книга хорошо. Один собрат из молодых сказал, что при нём буквально за минуту взяли сразу четверо. Да я и не сомневаюсь (без бахвальства), что свои читатели у меня есть.

Ну, ладно, Светуленька, заканчиваю, давай внушай себе, что ты здоровая (это, как советуют врачи, немаловажно), и в самом деле поправляйся, не болей.

Целую. Папа.

Приписка с левой стороны страницы: Вовина Таня явно перехаживает. Есть предположение, что двойня.

15 февраля 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Сегодня, чтобы я мог спокойно поработать, отвели Мишутку к его другу Жене (тот аж захлёбывается от радости). Вообще-то мы редко «сдаём» его туда, целыми днями он со мной. Сдружились очень. Он со мной, как с другом, а я с ним, как со взрослым. На равных.

Умнеет, взрослеет с каждым днём – вы с Володей его просто не узнаете. Когда Вова привёз Таню с Ванюшкой (Ваня – сын Владимира и Татьяны Небогатовых, родился 25 января. – Прим. Н. И.) и мы объяснили Михе, что теперь они займут его комнату, он вздохнул и примирительно ответил: – Ничего не поделаешь.

Играет сейчас в большой комнате, перетасили сюда всё его хозяйство. Возьмёт карты, разложит на две стопки (себе и мне) и начинает «ходить». Вдруг посмотрит на меня лукаво: Что? Что, деда, а? – Вижу по твоим глазам, что мухлюешь. Засмеётся, не возражает. А выбирает он свои карты так, чтобы выиграть. Сойдутся, скажем, тузы (спор!), он обязательно вынет из своей колоды короля, а из

моей – какую-нибудь «шепёрку» (шестёрку), потом восхищается «везением»: – Я победил! Перетаскал у тебя всех тузов!

Я когда играю с ним, то возьму из озорства перетаскаю всех тузов себе. Тогда он вскочит со стула, махнёт рукой, плюнет «тьфу!» и сердито убежит. Не терпит такого оборота.

Вошло у нас с ним в привычку просто, сидя за столом, беседовать. Я говорю: – Давай расскажем друг другу, что сегодня видели мы во сне. И тут же он даёт волю своей фантазии, которая всегда у него сводится к битвам, к войне, к разбойникам. Или, если не виделись день, предложу беседу на тему, как мы сегодня этот день провели. И опять он охотно рассказывает про «Жеку» (видно, так зовут его домашние), причём говорит о нём снисходительно. – Играли мы в прятки. – А он где спрятался? – Под стулом! Такой он ещё маленький, под стулом прячется. – А ты? – А я – в шкафу! Он (Жека) ходит и зовёт меня: – Митя, Митя, где ты?

Увести от Жени его очень трудно. Женя почти плачет, умоляет всех: – Етё потятика поиграем! Миху очень смешит это «потятика» (полчасика).

С кем поведёшься – того и наберёшься: полюбил Мишутка сочинять стихи. Утром, перед уходом к Жене, спел мне: – О – ля – лёр, о – ля – лёр, пляшет дядька Черномор! Я не расслышал, думал, что «о – ля – ля», говорю: нескладно. Он: – Как не складно? Послушай: о – ля – лёр, о – ля – лёр! Сочиняет не очень со смыслом, но складно, и иногда и толково. Вот записанные мною его стихи:

Или лазить по карманам (?!)

Или биться нам с Иваном.

Цветочек, цветочек,

Встань в горшочек!

Ох, лисица, ох, лисица,

Рыжехвостая хвостика!

Если укреплять в нём это пристрастие, то можно с уверенностью сказать: уже в школе он начнёт писать стихи. Вдруг да и поэтом станет. Недаром часто говорит: Я весь в деду. Деда любит молоко, и я полюбил.

Чтобы не забывал вас, я напоминаю: – А ещё ты в маму и в папу. Мама любит есть хлеб с маслом. И ты тоже. А глазки у тебя папины, никак не отмываются добела, чёрненькие.

Но мама и папа для него – уже почти что-то абстрактное. Он на разговоре о вас не задерживается.

Конечно, немножко балуем мы его, но если в чём-то провинится, просим просить прощения. Охотно делает это: – Деда (баба), прости меня на последний раз. Ну, пожалуйста, деда, а?

Ещё мы придумали игру, которая очень развивает мышление: кто что любит? Например: Я – молоко. – А я сливки. – Я – яблоки. – А я – мандарины. – Я – самолёт. – А я – корабль. – Я – тигра. – А я – волка.

Причём иногда он отвечает быстрее, чем я. Мне ещё иногда надо подумать, а он забивает меня в этой игре. Понятия и словарь у него уже очень богатые.

Полюбил я Мишутку так, что и не выразить на словах. Заранее предвижу, как буду скучать о нём, когда мама отвезёт его к вам. Милый он, очаровательный парень.

А Ванюшка ещё такой крохотный, что пока и не разберёшь, на кого он будет походить. Вроде есть что-то Вовино, пожалуй, больше взял от папы. Таня во всём

соблюдает строгий режим, поэтому Ванюшку почти не слышно. Голос подаёт редко, всё спит и спит.

О моих делах. Приходят, Света, хорошие отзывы о книге – есть уже от Марии Илларионовны Твардовской; особенно восхищённый отзыв пришёл от ленинградского поэта Глеба Пагирева; большую цитату из него я привожу в письме к Саше, посмотри.

В книге обнаружил (случайно) грубейшую ошибку в стихотворении о первом увиденном убитом: «Ничком лежащий, весь в дорожной п'ыли». У меня было: «весь в пороше п'ыли», Глебова исправила и получился ляпсус: правильно-то ведь не в п'ыли, а в пыли. Очень досадно, хотя с первого прочтения можно и не заметить это нарушение норм языка.

Ну, всего хорошего вам! Целую. Папа.

Большой привет Володе.

Посылаю два Мишиных рисунка.

2 марта 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Попробовал подготовить Мишутку к отъезду в Хабаровск – как он расстроился! Заплакал, стал прижиматься ко мне, целовать (мы легли уже спать), приговаривать: «Люблю дедуленьку, не хочу уезжать, не хочу, чтобы тебе было скучно». Чувствуется, большая душевная травма будет у него.

А сумеет ли приехать с ним и мама – тоже под вопросом. Дело в том, что 22 февраля её положили в больницу, в терапевтическое отделение. Накануне давление у неё поднялось до критического – 190 на 100. Правда, сейчас уже всё довели до нормы, чувствует она себя неплохо; в пятницу, 4-го марта, обещают выписать из больницы. Но лететь ей едва ли стоит – это риск. Всё может обернуться по-старому, если ещё не хуже. Мишутку согласен отвезти Вова, но уж очень маме хочется повидаться с тобой, Сашей...

А не лучше ли, Светуля, сделать так: мы вышлем тебе деньги на дорогу и в первый же день отпуска ты вылетишь к нам, а? Когда ещё представится другой случай поглядеть друг на друга. И Мишутка таким образом легче бы переключился с нас на тебя. Подумай и напиши. Или позвони. Не знаю, как решит мама. Но мне не хотелось бы рисковать её здоровьем. О своём уж не говорю – я ни на что не годен.

Все эти дни, пока мама в больнице, за исключением субботы и воскресенья, Мишутка – у Веры Лаврентьевны, у друга Жени. Вера Лаврентьевна – бывший работник детсада, детей любит и умеет с ними общаться. Так что Михе там хорошо. Отвожу его в девять часов утра, в шесть забираю. Целый день там, и то с трудом увожу домой – так сдружился с Женей.

От Глеба Пагирева пришёл ответ на моё письмо. Снова очень тёплое и доброе. Называет меня первоклассным поэтом. Я и сам, говорит, чувствую, что мы родственные души – по стихам, по судьбе, по взглядам на мир.

Посмотри, Светуля, новый обзор. Он тоже, как и новогодний, с подборкой стихов. По-моему, сам обзор от этого в чём-то проигрывает, получается каким-то неглубоким. Не такое ли и у тебя впечатление?

Как только мама придёт домой и всё обговорим, я напишу.

Целую. Папа. Большой привет Володе.

25 апреля 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Очень рады были, получив твоё письмо. С жадностью прочли всё, что ты пишешь о Мишутке. Да, нелёгкая пора в его жизни наступила. Он так не любит

рано вставать, ходить в детсад. У нас ему была просто лафа. Спросит кто-нибудь: «Почему, Миша, не ходишь в детсадик?», а он: «Деда не хочет, боится, что я заболею». И спал, сколько хотел, и не было у него никаких переживаний, психических нагрузок, которые неизбежны при большом скоплении детей.

Когда получили снимки, которые сделал с вас Саша, очень поразились: оба вы – и ты, и особенно Мишенька – грустные, невесёлые. На одном снимке он улыбается (видно, по просьбе Саши), но это не улыбка, а просто растянутые в улыбку губы. Прикроешь их – глазки не смеются, печальные. Я очень скучаю о нём. Как было бы хорошо, если бы вы жили где-то поближе, а ещё лучше – в одном городе. На субботу и воскресенье мы обязательно брали бы Миху к себе. А теперь неизвестно, когда увидимся.

Неужели в Хабаровске по телевидению выступает та красивая, любимая Михой гимнастка? У нас её показывали только первое время, а потом заменили на другую, про которую Миша говорил: «Страхида, а ещё улыбается».

К Первомаю сделал много стихов, поработалось хорошо. Но потом настроение испортилось: получил письмо из новосибирского издательства. Об этом подробно я написал Саше, повторяться неохота. Почитай у него.

Очередной – апрельский обзор – вышел пребогшущий, много места заняла рубрика «Новые имена». Теперь на очереди – литконсультации, рукописей в обеих редакциях накопилось много.

Пиши, Светуля, пожалуйста, чаще. Но только не в ущерб для сна. Сейчас ты очень утомляешься.

Ну, всего доброго вам. Целую тебя и Мишутку.

Привет Володе.

12 мая 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

У нас День Победы прошёл весьма и весьма невесело: чуть не умер дядя Гриша. Успела вовремя приехать «скорая помощь», сделали укол, отходили. Но диагноз серьёзный: острый инфаркт. Сейчас дядя Гриша в больнице, в отделении тяжёлобольных.

Вот она, проклятая водочка. Сколько уж сердечных приступов было у него, и вот на этот раз – самый серьёзный звонок об опасности. Навешаем дядю Гришу каждый день. Он бодрится, привык, что это не впервые и, судя по всему, не сознаёт, что инфаркт – страшнее обычного приступа, с ним – один шаг к самому худшему исходу. Тётя Маруся – в отчаянии. Но с ней пока тётя Надя, этот добрейший человек. Приходила, бросив всё, по первому вызову. Как будет дальше – буду держать вас в курсе.

Очень порадовало нас «Мишино письмо». «Написал» он всё о себе подробно и обстоятельно. Хорошо, что грустить перестал, но плохо, что не любит кушать. Мишенька, ешь хорошенько, а то красивая гимнастка не выйдет за тебя замуж. Скажет, и никакой не богатырь Миша Васильев, а просто чебурашка. Будешь хорошо кушать – на будущее лето приедешь к нам. Согласен?

Вчера, Светуля, я отправил письмо по такому адресу: США Белый Дом Резиденция Президента (Лично Джону* Картеру). (Михаил Александрович ошибся: Картера зовут Джимми, или Джеймсом Эрл Картером-младшим, а не Джоном. – *Прим. Н. И.*) Это письмо я написал по поручению самых высоких инстанций. Там оно вызвало одобрение, похвалу (ни единого замечания или поправки). Суть письма – по поводу шумихи на Западе о «правах человека», о «диссидентах», о предателях – литераторах, которые уехали за рубеж. Хотя в начале письма я и оговорился, что

публицистика – не моё призвание, но, по-моему, высказывания мои получились остро публицистичными. Мама в связи с этим пошутила: попросил бы у Картера прислать нам машину, что ему стоит. Форд, по слухам, кому-то из наших присылал.

Почему для этой миссии в обкоме и Союзе писателей выбрали именно мою кандидатуру – не знаю. Я говорил Мазаеву: внушительней, весомей было бы, если бы письмо написал Волошин; как-никак – лауреат Государственной премии. На это Мазаев ответил: он – «больной» и показал пальцем на горло (то есть пьёт). А может, просто не доверили ему – ведь когда-то Волошин был исключён из партии...

Саше об этом я не писал, прочти ему. От директора новосибирского издательства Семаевой пришло письмо – ответ на моё. Я ей прямо сообщал, что замечания рецензента на полях рукописи – чистейшей воды хулиганские выходки. Делал вывод, что члены редколлегии отдали всё на откуп этому предвзято настроенному против меня молодчику.

Ответ Семаевой – неуклюжая попытка оправдать бездушие редколлегии, защитить их. Она перечисляет имена шести членов редколлегии, которые якобы читали рукопись и пришли к единодушному отрицательному мнению. Ложь. До этого Ветлугин писал мне, что мнение о рукописи противоречивое. Значит, кто-то был за, а кто-то против. Всё решила рецензия моего недоброжелателя. Среди перечисленных Семаевой имён – Смердов, Решетников, Ветлугин. Эти всегда хорошо относились ко мне. Но названы и другие: Чикин, Коржёв, Карпунин. Предполагаю, что рецензентом был последний, этот – из молодых, да ранних (пишет стихи). А весьма возможно, что поиздевался «шутник» Коржёв, который, говорят, как наш Игорь Киселёв, по несколько месяцев бывает в запое.

Уверен, что я за неделю уладил бы это дело в свою пользу, если бы съездил в Новосибирск. Но, к великому сожалению, не могу этого сделать по состоянию здоровья. А без меня вот так меня женили.

Посылаю стихи из праздничных номеров газет. В одном стихотворении – опечатка (ты увидишь).

Ну, пока у меня всё. Будьте здоровы и счастливы. Целую. Папа.

Привет Володе.

Пусть Мишенька нарисует что-нибудь для нас.

25 мая 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Спасибо за книги Сукачёва и Кожина. Я уже полистал ту и другую. По-моему, обе книги прочитаю с интересом. «Любаву» потом пришлю обратно – она ведь с автографом.

Дяде Грише врач уже разрешил сидеть. Больше десяти дней отлежал он на спине. Настроение его бодрое. Но вот беда: бросать пить, видимо, не намерен. Врачи, мол, говорят, что через месяц после выписки можно будет выпить водочки; только пиво и вино нельзя. С таким отношением к инфаркту долго не протянешь. Выздоровление сразу же может обернуться гибелью.

Ты спрашиваешь, Светуля, что будет с моим письмом Джеймсу Картеру. Оно адресовано лично ему. Станет ли он читать – кто его знает. А насчёт публикации письма речи не было. Хотя знаю, что в обкоме делали с письма копию. Если и надумают где-то напечатать, то, может быть, в «Кузбассе».

С удовольствием почитал всё, что ты пишешь о Мишеньке. Не коллективист он по натуре, вот и трудно ему в детсадике, среди шума и гвалта. Бывало, выйдем с ним на улицу погулять – все ребятишки кучками, а он – ни с кем, только и слышишь: – Деда, смотри, как я качусь. Деда, подойди ближе.

Недавно свалил я гору с плеч – за десять дней напечатал сто три консультации для обеих газет. Написал майский обзор, в завтрашнем номере обещали напечатать.

Насчёт отдыха мы с мамой ещё ничего не решили. Наверно, дней десять проживём на Барзасе, сняв угол. В любом случае, мама собирается навестить вас.

Новосибирцы что-то молчат, все трое, как сговорились. Наверно, ничего уже не поправить. Ужасная несправедливость, правильно ты говоришь. Всего скорее, повторится судьба Буравлёва – потом издадут. Ну, бог с ними.

Будьте здоровы. Целую. Папа.

Мишенька! Когда жарко – загорай. Я тоже на балконе загораю. Оба с тобой будем чернульками. Согласен?

8 июня 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Только что пришло твоё письмо, сразу же отвечаю.

Что это с Мишуткой случилось, что так разболелся. Вот беда-то. У нас жил полгода – и ни разу даже немного не приболел.

А он ведь правильно говорит: вот поправлюсь и поедem к дедуленьке и бабуленьке. Дело в том, что мама всего скорее не сможет побывать у вас. 12-го едет по туристической путёвке в Прибалтику на полмесяца, а когда вернётся, надо будет сразу же переезжать на новую квартиру (если обменщики не раздумают). Сделали бы это и раньше, но сейчас в отпуске та хозяйка, с кем договорились.

Так что, давайте, Светуля, приезжайте на время декрета к нам. «Срóдишь» здесь, вместе с нами тебе будет легче. Помучаемся уж все заодно... В общем, приезжайте. Я сильно соскучился по Михе.

Вот ему несколько слов.

Мишенька! Как только поправишься, перестанешь болеть, зови маму к нам, в Кемерово. Будем с тобой загорать, есть жареную картошку, играть в солдатиков, в товарища Сталина и Гитлера. Согласен? За рисунки тебе спасибо. Хорошо горит немецкий самолёт, который подбили наши советские солдаты! А джин – страшный. Я бы, если увидел его по телевизору, пошёл пить.

Ну, ладно, Светуленька. Ждём твою весточку о приезде к нам.

Целую. Папа.

16 июня 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Я уже писал Саше, что получил письмо от Александра Ивановича Смердова, который вместе со мной возмущён методом неизвестного рецензента. Вот цитата из начала его письма: «Целиком разделяю Ваше возмущение относительно, мягко говоря, «пометок» и «комментариев» на полях Вашей рукописи, что счёл необходимым отметить ещё в своём заключении (в прошлом году), выразить протест против тона и стиля всех этих «замечаний» читавших рукопись до меня рецензентов, полагая, что издательские работники учтут это и не подвергнут автора подобному измышательству».

Не учли. Даже больше – доверили судьбу рукописи хулигану.

Ал. Ив-ич один ничего, конечно, не решит. Напишу ему, чтобы он подключил к этому делу и Решетникова, и Ветлугина, которым я тоже писал, но которые почему-то молчат, до сих пор ничего мне не ответили. Не знают, видно, как оправдать своё равнодушие и беспринципность.

Раиса Фёдоровна Лобанова написала хорошую рецензию на «Земной поклон» (по её словам – она звонила – редакция выбросила при сокращении много важных размышлений, очень жаль).

От мамы вчера была телеграмма: «Москве чувствую себя хорошо целую = мама». Сегодня должна быть уже на месте, в Калининграде. Оттуда тоже обещала телеграфировать.

Сейчас седьмой час вечера, я один, Вова уехал обихаживать свою квартиру. Получение её для него – настоящий праздник. В августе и мы перекочуем в дом, где санэпидстанция (в квартале, где с другого конца магазин «Уют») (мебельный магазин. – *Прим. Н. И.*). Жалко мне расставаться с обжитым местом, но что поделаешь...

Пиши, как дела, как Мишутка, поправился ли. Целую. Папа.

9 июля 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

В письме от 21 июня ты обещала, что скоро напишешь ещё, но пока от тебя нет ничего, и мы не знаем, как твои дела – поправилась ли, что показал снимок в связи с предполагаемым гайморитом, пошла ли в декретный отпуск и как решился вопрос с приездом к нам.

Саша пишет, что этот вопрос вы обсуждали «всем хором» и пришли к выводу, что в новой квартире нам впятером будет плоховато, не будет у меня условий для работы. Так-то оно так, но повидаться хотелось бы.

Я последний месяц пользуюсь благами нашей квартиры – загораю на балконе (можно хоть до шести часов вечера). В начале августа переедем на Ноградскую улицу. В том доме балкон – на восточную сторону, солнце только до полдня. Очень не хочется расставаться с обжитым жильём. Утешает лишь одно: жить будем по существу в том же районе. Всё так же близко – и магазины, и редакции, и Союз писателей, и издательство. Телефон свой переносим, номер его останется тот же.

Мама и Хорошка целыми днями ремонтируют его квартиру. Дом новый, построен халтурно, так что работы хватит ещё на месяц. Послезавтра маме уже на работу, а она так и не отдохнула, не набралась сил на год.

Очерк мой наконец-то опубликовали, но радости мне он не принёс – сильно сократили, выбросили всю «лирику», подогнали под обычный газетный стандарт. У Саши материалы гораздо лучше. Видно, как прозаик, он талантливее меня. Это от души радуется.

Стихотворение, которое посылаю (его дали на тематической странице «Июль») – новое. Как, Светуля, не хуже писать стал я?

С нетерпением ждём вестей от тебя.

Целую тебя и Мишутку. Папа.

Привет Володе. Как он сдал сессию?

11 июля 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Позавчера я написал тебе, а вчера пришло твоё письмо, в котором ты и без моих вопросов ответила на всё, о чём я спрашивал, так что теперь мы в курсе всех ваших дел и планов.

Да, очень жаль, что в этом году не сможем повидаться. Дело не столько в стеснённых условиях на нашей новой квартире, сколько в трудности этой поездки сюда и обратно в связи с твоим «интересным положением» и с предстоящим появлением новорождённого. Тяжелее всех пришлось бы тебе самой. Но с мамой вы, наверно, увидите. У неё на работе сейчас очень хороший, надёжный помощник, и вчера пришла ей в голову идея: где-то в августе, когда закончим всё с обменом квартиры, она возьмёт на месяц отпуск без содержания и по моей командировке съездит в Хабаровск. Командировку отметят или Володя, или Саша.

Сегодня мама вышла на работу, а ещё вчерашний день «отдыхала» на Вовиной квартире – красила стены в коридоре, мыла полы, готовила жильё для хозяев – Вова уехал в Омск за Таней с Ванюшкой, вот-вот должны быть в Кемерове.

Неужели у Мишутки дизентерия? Это ведь надолго. Да и переходчивая это штука, можете заболеть и вы – ты и Володя. Остерегайтесь. Ох уж эти детсады. Недаром, когда Мишутка жил у нас, я не стал отдавать его в садик, и в результате ни разу он ничем не болел. Когда мама приедет к вам, надо будет подумать о том, не привезти ли Миху опять в Кемерово. Я бы охотно взял его на попечение. Мы же с ним большие друзья, сильно любим друг друга. И на новом местожительстве одна комната была бы его, Мухиной.

Светуля, ты спрашивала, где Вовина квартира. Это по улице Ленина (где деда с бабой), ехать на троллейбусе до кольца, а оттуда до их дома пять минут ходьбы. Дом – самый окраинный (девятиэтажный), дальше – поля, перелески. Воздух чистейший.

Ну, всего хорошего вам. Целую. Папа.
Привет Володе.

22 июля 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Ты уже поздравляешь Вову с получением квартиры, но обмен этот – не состоялся. Дело в том, что Гена Бердников – наш обменщик – получил эту квартиру вне очереди (незаконно), и нашлись, к сожалению, люди, которые написали жалобу: мол, Бердников сам не собирается там жить, сделал это для комбинации (обмена). Начальство его организовало комиссию (не знаем, выезжала ли она туда), и, готовясь к её осмотру, Гена вынужден был завезти туда свои вещи, обставить всё и прочее. Часть Вовиных вещей перевезли мы с мамой в чемоданах домой, часть спрятали в шифоньер и закрыли его на замок. Ещё пока оставили там диван-кровать, два кресла, телевизор.

Вот и пропали даром мамины труды – полторы недели не разгибала она там спину. И Вова успел поработать, белил комнаты. Сейчас по вызову Тани («плохо себя чувствую») он опять уехал в Омск. А у нас опять идёт поиск новых вариантов обмена. Ничего определённого пока нет. Мама опять занимается ремонтом – на этот раз дома: узнала, что ЖКО во время отъезда проверяет, в каком виде остаётся квартира; должна быть чистой. Вот мама и белит, красит. Опять до усталости. В таком неуютке мне плохо работается, почти ничего не делаю. Правда, июльский обзор успел написать. Посылаю его, как всегда. Хорошего поэта открыл я – Владимира Тарабрина.

Огорчает нас, что Мишутка плохо кушает, что похудел. Вот к нему моё обращение.

Мишенька, недавно в Кемерово проходили спортивные соревнования, и ко мне заходила красивая гимнастка. Помнишь её? Так вот, она спрашивает: – А где Миша Васильев? Я говорю: – В Хабаровске. – Как он живёт? – Хорошо. Только плохо кушает. Красивая гимнастка очень огорчилась. – А я-то, – говорит, – хотела съездить к нему в гости, поиграть в солдатиков, порассказывать сказки. А теперь не поеду. Я не люблю тех, кто отказывается есть. Вот когда Миша Васильев будет хорошо кушать, тогда я поеду к нему в гости.

И баба говорит то же самое: раз такое дело, не поеду к Мише и не возьму его с собой.

Так что давай, Мишутка, договоримся за столом подметать всё, что подаёт мама Света. А то все мы тебя разлюбим...

Значит ты, Светуля, оказалась права: никакой дизентерии у него не было. Вот и хорошо. Иначе ещё больше похудел бы. Вот уж радуется он, что не надо пока ходить в детсадик. Если маме удастся приехать к вам и вы договоритесь, чтобы она взяла Мишутку с собой, к нам, то я тоже не буду его сдавать в детсад, буду с ним дома, в какой бы квартире ни жили. Две комнаты-то всё равно будет.

Саша прислал снимки. То и дело снова рассматриваем их. Маришка (Марина, дочь Саши, родилась 24 мая. – *Прим. Н. И.*) – Сашина копия, без преувеличения. Миша – по виду – ничего, весёленький...

В Москве, Света, оказывается издаётся журнал «Отчизна» для русских эмигрантов. Банников договорился там насчёт публикации в журнале стихов Вити Баянова, а статью о нём поручили написать мне, как человеку, который хорошо знает и любит Витю. Вот куда пойдут наши сочинения – за границу. Я думаю закончить свою статью стихотворением о нём. Помнишь: «Есть у меня поэт любимый». Пусть и моё слово будет не только в прозе, а и в стихах. Всё же, как сказал поэт Минаев, «и область рифм – моя стихия».

Ну, ладно, на этом заканчиваю. Всем вам – доброго здоровья, всяческих радостей.

Целую вас с Мишуткой.

Большой привет Володе.

1 декабря 77 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Три письма пришли от тебя, а только вот сейчас собрался с ответом. Извини за долгое молчание. Житейская суeta суeta да лень – исконно русская – не на последнем месте.

Молодец Саша, что наделал столько снимков с крохи и с Мишутки. Вовочка (второй сын Светланы, родился 27 августа. – *Прим. Н. И.*) – прелестный малыш. От тебя в нём, по-моему, ничего нет. Сильно похож на Володю, на маленького Мишутку. Здоровье (тьфу, тьфу!), видно, хорошее, раз так здорово прибывает в весе. Щёчки со спины видать. И, верно, улыбчивый. Трогательно показывает язычок. Что коротышка – не горюй, подрастёт. Главное, чтобы не болел, подольше не бросал грудь. Миха сильно повзрослел, но не меняется, всё такой же милый. Улыбается, сжав губки. Видно, не хочет показывать щербинку. Теперь он, наверно, ещё больше похож на беззубого дедулю. Я всё не могу решиться на протезирование. Жевать с грехом пополам могу – и ладно. А так уже не до красоты. Плохо одно – приходится воздерживаться от выступлений, с таким-то ртом – просто неприлично.

Как только Таня с Маринкой (жена и дочка Саши. – *Прим. Н. И.*) уехали от нас, мама легла на неделю в больницу: давление – верхнее – поднялось у неё до 190. Гипертонический криз. За неделю давление снизили до нормы: 120 на 80, а сейчас, похоже, оно опять начинает брать своё. Уже 140 – 150. Кроме того, другая боль. На том месте, где делали уколы, внесли инфекцию, образовался нарыв. Лечили мазью Вишневского. Может, обойдётся без операции.

Моё самочувствие – ничего, терпимое, сто четыре дня был на больничном. Если бы не эти деньги (по бюллетеню), пришлось бы снимать со сберкнижки. На приезд Тани (Таня – жена Саши. – *Прим. Н. И.*) истратили около четырёхсот рублей. Таня мне понравилась. Чувствуется, хорошая хозяйка. Пока жила у нас, несколько раз мыла полы, постоянно готовила еду. И это несмотря на то, что из-за Маринки постоянно недосыпала. Всех я полюбил одинаково – и Маринку, и Ваню, но самая крепкая моя любовь – к Мишутке, потому что это – первая любовь. Очень

хотелось бы посмотреть Вовочку, побыть с тобой и с Мишуткой, но когда это будет.

Неизвестно, скоро ли Вова с Татьяной куда-нибудь переедут от нас. А как только это случится, вы обязательно приедете к нам. Тогда у вас будет отдельная комната, все условия для нормального житья-бытья.

Мама на полгода влезла в кредит – купили софу, кресло, трельяж, люстру, материал для гардин. Всё это обошлось в 550 р. Первый взнос заплатили в сумме 150 р.

Стихи у меня что-то не пишутся, но без дела не сижу – не иссякают рукописи в редакциях, печатаю консультации. Как обычно, делаю ежемесячные обзорные статьи.

Посылаю несколько последних по времени публикаций в обеих газетах. «Кузбасс» сонеты (два) дал скромно, а «Комс. Кузбасса», как всегда, с красивым клише, броско. Тебе все эти сонеты знакомы, посылаю просто для того, чтобы посмотрела, вспомнила. Отбирал самое лучшее.

Часто бываю у дяди Гриши. Он дорожит жизнью – не выпивает, не курит, хотя, когда лежал в больнице, всё твердил, что, мол, вообще-то при инфаркте врачи ничего не говорят о сухом законе. Но взялся за ум (лучше поздно, чем никогда). Им помогает «палочка-выручалочка» – тётя Надя: ходит в магазины, сопровождает тётю Марусю в больницу (зубы стали вырывать). Сама тётя Надя работает дежурной в Доме печати, работа – с ночными сменами. Очень устаёт...

Ну, кажется, обо всём рассказал.

Целую. Папа. Привет Володе (если ещё дома), Михе. Малыша чмокни за меня.

3 июня 78 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Сейчас около семи часов вечера; мама с Мишуткой ушли в парикмахерскую, чтобы подстричь Миху, оттуда собирались зайти в магазин, побывать на берегу Томи, а я вот решил написать письмишко.

С утра моросил осенний мелкий дождь, но после обеда разведрилось – в открытую дверь балкона у моего стола доносятся со двора детские голоса, стук костяшек домино. Двор – очень зелёный, весь в высоченных – выше дома – тополях. Асфальт под балконом влажный, пыли нет, и воздух струится в комнату свежий, с запахом листвы. В другое время, когда сухо, балкон хоть не открывай – столько пыли от машин, которые приезжают за мебелью в магазин «Уют», да и частных легковушек здесь много. Загорать мне на балконе неудобно – он на виду окон на смежной стене справа, да и прохожих хватает. Кроме этого, солнце на балконе – кратковременный гость: часов с одиннадцати утра до двух (с самого раннего утра свет его не пропускают тополя).

Пришли мои домашние...

Переезд для нас с мамой не прошёл даром – оба заболели. Совпадение, видно, если говорить о маме, потому что у неё что-то с горлом (фарингит, воспаление зева). А я больше недели уже на бюллетене... Конечно, мог я занемочь и на той квартире, но перемена жилья, к которому мы до сих пор ещё не привыкли, ускорила это дело, дала острый толчок к ухудшению состояния здоровья.

Теперь о том, что больше всего интересно тебе. Мишутка, как я сейчас, щербатый: два верхних передних зуба выпали; оставшиеся кажутся более длинными. Но всё равно Мишутка милый парень. Всё время, когда бывает дома, занят одним: или рисует солдат, или играет с ними (и нас подключает к этому). Просто помешался на войнушке. Даже когда ляжем спать – слышно: фйу – фйу, бу –

бух! Мама маленько балует его, я – поостроже. Бывает, что не слушается с первого слова. Я говорю: отправлю вас с бабой в Хабаровск. Он хотел заплакать, потом раздумал и решительно ответил: – Нет уж. Остался так остался! – Ты что – не соскучился о маме и папе? – Так я же их не помню.

Вот как. Совсем отвык от вас. Скоро его надо будет переводить в другой детсад, потому что тот, в котором он, едет на всё лето на дачу, а мама не хочет отпускать его. Если достанет путёвки – числа девятого июня поедут вместе в дом отдыха.

Саша очень порадовал нас снимками. Миша сейчас то и дело берёт со стола снимок Вовочки, где он зажмурился, и смеётся, говоря: – Деда, посмотри на этого китаёзу!

Малыш весёлый, но действительно как маленький Мао. Так, видно, и останется у него этот азиатский разрез глаз.

Ну, пока, Светуля, кончаю – готов ужин. Передавай привет Володе, когда приедет. Крепко целую. Папа.

18 августа 78 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Сегодня пришло твоё письмо, уж не помню, какое по счёту, на которое я так и не удосужился ответить. Не обижайся, пожалуйста, – настроение так себе, всё ещё на бюллетене.

Нам с мамой очень улыбнулся Володин вариант с Новосибирском. Вот было бы замечательно. Ведь оттуда – полсуток езды на поезде до Кемерово, часто виделись бы. Пусть Володя во время поездки в Москву не просто намекает на место Иохимовича, а настойчиво просится. Основания веские: в Кемерово – его престарелые и больные родители. С этим могут посчитаться.

Мишенькина фотография у нас на виду, за стеклом в книжном шкафу, и не бывает дня, чтобы я не думал о нём. Всё-таки у нас большая взаимная любовь, всё время вспоминается что-нибудь хорошее, связанное с его пребыванием у нас. Правда, есть в этом и маленький минус – поотвык он от вас, но ничего, со временем всё войдёт в свою колею, освоится дома. Он – добрая душа, и не удивительно, что полюбил Вовочку.

В моих делах всё по-старому. Пишу литконсультации для обеих газет, обзоры. За июнь и июль написал около двадцати коротких стихотворений о самой любимой моей поре – о лете. Пришла в голову идея – издать сборник под кратким названием – «Лето». Пустил эту идею в ход: подготовил рукопись пейзажных стихотворений, набралось 85 штук, 1644 строки. Эпиграфом к книге взял строки Бунина:

*Нет, не пейзаж влечёт меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.*

Сегодня с утра отнёс рукопись Чигарёвой. Она встретила это радушно: «Хорошо, хорошо, Мих. Ал.!» Думаю, что не будет у издательства оснований отклонить эту рукопись. Вопрос только в том, в каком году смогут издать её.

Побелка квартиры и оборудование её (дорожки, коврики, шторы) сделали её уютной, начинаем привыкать к новому жилью. Очень также радуется, что Вова приходит к нам (хоть ненадолго) почти каждый день. Иной раз – вместе с Таней и Ваней. Таня после получения своей квартиры изменилась неузнаваемо: стала по

отношению к нам доброй, внимательной, простой. Высокомерия прежнего и в помине нет.

Ваня – малыш очень симпатичный, вылитый Вова в детстве. Слов говорит маловато (мама, папа, баба), но всё понимает. Спросишь: где баба, он показывает, где деда? – тоже. Подтяни штанишки! Подтягивает. Слушается больше всех свою маму, она сильно любит его, но строгая с ним. Маму и меня в этом смысле игнорирует. Скажешь: – Ваня, это нельзя, – а он лукаво посматривает и делает своё (любит, например, открывать ящики в книжном шкафу, дверцы в серванте, пытается включить телевизор).

Сейчас седьмой час вечера. Только что ушёл от меня Вова – делать побелку в своей квартире (полы наполовину уже перестлал). Вчера вечером мама помогла ему выбелить одну (большую) комнату. Сегодня после обеда уехала в пионерский лагерь коксохимзавода, чтобы взять материал для своей газеты. Вернётся, наверно, поздно – лагерь далеко, километров за сто.

Дядю Гришу я навещаю почти ежедневно. Он хотя и выпивает (частенько, особенно сразу после получения пенсии), но чувствует себя – тьфу, тьфу, тьфу! – ничего. Для него уже не проблема приехать к нам, сходить за продуктами. Врачи говорят, что в связи с его горем (умерла жена Мария Петровна. – *Прим. Н. И.*) произошёл у него стресс, но положительный, сердце не ослабело, а, наоборот, окрепло. Дай-то бог.

Лежат у меня, Светуля, две летних подборки стихов в обеих редакциях. Если не провороню обзор газет по радио, когда их напечатают, то куплю и пришлю тебе. Внешняя отделка некоторых стихов при внутренней естественности – изящная, например, такая рифмовка: из лука – излука, под солнечным валом – в алом, ветровой – и травой, заостришь – стриж и пр. Убеждён, что стихи (хорошие!) должны быть красивыми. Не какой-то размазнёй, как скажем, у Бориса Слуцкого. Ещё я заботился в последнее время, чтобы ритмика стихов была разнообразной, не монотонной (не только ямб и хорей).

Попроси Мишеньку нарисовать что-нибудь специально для нас и пришли. А когда вернётся Саша, пусть сделает снимки с Михи – фотографировался он уже давненько.

Ну, на этом, моя хорошая, заканчиваю. Большой привет твоим мужчинам, поцелуй их всех за меня.

Крепко обнимаю, целую. Папа.

10 сентября 78 г. Утром. Здравствуй, дорогая Светуля!

...Что это у Вовочки с кровью, почему неважный анализ? Ты, Светуля, постарайся что-нибудь предпринять, чтобы всё у него вошло в норму. А пока, наверно, и в самом деле придётся тебе ещё с годик посидеть с ним – не стоит рисковать с этими яслями.

Я рад, что Мишутка уже освоился дома, не очень скучает о нас, а хорошо, ласково относится к вам и этим осчастлиливает вас.

Сегодня в три часа дня у нас состоится знакомство дяди Гриши с тётей Нюрой Пустоваловой на предмет сватовства. Никак не налаживается у него совместная жизнь и со второй женой (мешает 36-летний сын, пьяница, бродяга, грозит всё время убить дядю Гришу – что за жизнь под ножом).

1-го сентября я по вдохновению часа за два написал пять небольших стихотворений, как цикл «Хлебное поле». Сегодня «Кузбасс» напечатал. Жалею,

что не сделал цикл побольше, дали бы и строк 150 – 200. Это ведь то, что к «злобе дня», что сегодня нужно газете. Верно?

Ну, пока всё, моя хорошая. Крепко целую. Папа. Привет Мишутке, обоим Вовам.

15 октября 78 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Хорошо, что у Мишеньки не оказалось дизентерии. А то мы очень беспокоились, узнав, что он сильно заболел. Рисунки его «о войнушке» храню, хотя и видел такие в десятках вариантов.

А «китаёзка», значит, пошёл? При его комплекции – это большое достижение. Понравится – перестанет опускаться на корточки.

У нас всё по-старому, кроме того, что Вова теперь – в штате, художник в клубе ГРЭС, у Люды (сестры Марии Ивановны. – *Прим. Н. И.*). Почти каждый день заходит к нам обедать, чему мы всегда очень рады.

Именины свои мы отметили хорошо. Были у нас Вова с Таней, Люда, дядя Коля (брат Марии Ивановны. – *Прим. Н. И.*). Стол праздничный был вполне приличный: пельмени, холодец, винегрет, кета, присланная вами (большое спасибо за неё), две бутылки коньяка. Мама и мне разрешила пригубить (впервые после 9-го мая). Компания, как видишь, была хорошая, свои все, и день прошёл незаметно, празднично. Даже дядя Коля ничего не выкинул, потому что не напился.

А у меня, Светуля, неприятность. В облсобесе была ревизия, обнаружили у меня переполучение 395 р. Оказывается, я, как всякий пенсионер (я не знал об этом) не имею права зарабатывать больше трёхсот рублей в месяц, включая в эту сумму 120 р. пенсионных. Теперь до июня включительно будут высчитывать по 50 р. В месяц. На руки – 70 р. Вот и озабочен я теперь, как и где зарабатывать. Выручают обзоры, их печатают регулярно (по 50 – 55 рублей за каждый). Буду прирабатывать в радиокомитете. Помогать-то есть кому. Вот Саша в ноябре поедет на сессию – как он обойдётся одним своим заработком? Не обойтись. Придётся подбросить.

Посылаю один из обзоров. Если не прозеваю, куплю очередной – тоже пришлю. Эту работу я делаю с удовольствием.

Будет что новенькое – напишу. А пока заканчиваю. Привет обоим Володям, Мишутке. Крепко целую. Папа.

19 ноября 78 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Уже два письма было от тебя, а я только сейчас собрался ответить. Что-то приболел, не то грипп, не то простуда – по ночам не дают спать приступы сухого кашля; чтобы не беспокоить маму, ухажу спать на диван. Мама говорит, что это – острые сигналы (подразумевая возможность рака лёгких от интенсивного курения), а посему я решил бросить курить, сегодня шестой день, как оторвался от этой проклятой соски. Отвыкать очень трудно, но надо. Витя Баянов, например, не курит уже два с половиной года. Буду брать пример с него.

Праздник (октябрьский) мы встречали дома. Таня болела, поэтому Вова привозил нам Ваню, жил он у нас три дня. Сильно привык к нам. «Баба» говорит хорошо, а меня вместо «деда» зовёт «де». Малыш очень милый, славный, довольно дисциплинированный, но, как все дети в его возрасте, любит запретное – только мама отвернётся, книжная полка пуста, все мои книги уже на полу. «Алё» (телефон) прячем на полку в стене, иначе без конца будет снимать трубку, «звонить» папе и маме.

Зря Таня всё время кутает его даже в тёплой комнате. Походил у нас Ваня по полу без ботиночек, в носках (с большим удовольствием топал!) и простыл. Больше недели был у него сильный кашель, насморк, температура.

Ты, Светуля, закаляй Вовочку, плохо, когда ребёнок – тепличное растение.

За снимки и Мишины рисунки – большое спасибо. Мы всё дивимся: в кого Вовочка такой китаёза? Что-то долго не может он окончательно «обрусеть». А вообще-то – прелесть мальчуган. Мишутка с возрастом всё больше начинает походить на своего папу, особенно глазами. А красивый – это точно.

В связи с пенсионной историей я стараюсь побольше работать. К Октябрю написал праздничные стихи для телевидения и радио. Слушал по телевидению во время демонстрации – прочитали строк восемьдесят. Наверно, прошло что-нибудь и по радио. Так что рублей сто заработал.

На днях отдал в «Кузбасс» подборку публицистических стихов под общим названием «С думой о Родине». Новый редактор Н. А. Бурый (Бурый Николай Андреевич. – *Прим. Н. И.*), бывший партийный работник, и такие стихи должны ему понравиться. В «Кузбассе» я не печатался давно – со времени публикации «Хлебного поля».

Не везёт мне, Светуля, в издательстве. Недавно Чигарёва на собрании в Союзе писателей знакомила с планом изд-ва на два ближайших года – моего сборника «Лето» нет. Но я не отступился (под лежащий камень вода не течёт), узнаю, в чём дело и, если книгу забраковала опять Глебова, вынесу рукопись на обсуждение собратьев в СП. Не думаю, что Глебову поддержат – стихи-то лучшие, я же признанный пейзажист. Другое дело, если бы это была публицистика, тут я силен лишь как оперативный поэт-трибун.

Книгу «Искусство быть собой» читаешь? Я вчера начал. Очень интересно, а главное познавательно и практически полезно, особенно тем, у кого, как у меня, не совсем крепкая психика. Читать этот труд надо не бегло, а как учебник. Об этом говорит и сам автор. Он, Леви (Владимир Львович Леви, советский и российский писатель, психолог, врач-психотерапевт. – *Прим. Н. И.*), оказывается, не только врач, учёный, но и член Союза писателей (узнал я об этом, заглянув в справочник). Личность в своём роде уникальная.

Вовина Таня сейчас совсем другая – своя. Вчера была у нас, пообедала, дружески поговорила. Человек как человек. Ничего не осталось в ней от прежней – замкнутой и высокомерной. Как изменяют человека жизненные обстоятельства.

Ноябрь у нас тёплый, морозов ещё не было (лишь до 4°).

Ну, на сегодня пока всё. Обнимаю, крепко целую всех. Папа.

11 декабря 78 г. Здравствуй, дорогая Светуля!

Почтовый ящик у нас не закрывается (таким сдали его нам Бердниковы); вчера вечером кто-то вытащил почту, и я очень расстроился: а вдруг от тебя было письмо? Давно ведь не было.

Сейчас ходил в поликлинику на профосмотр. Прошёл рентген, сделали электрокардиограмму. Интересная штука самовнушение. Как только сестра включила свою машинку, я внутренне весь как-то напряглся и чувствовал, что сердце начинает частить. Поэтому спросил потом сестру, когда она рассматривала показания на ленте:

– Ну, как, девушка, шалит сердчишко?

– Да, наверно.

Я так и знал. А вообще-то сердце не так часто беспокоит меня (тьфу, тьфу, тьфу!). Правда, бывает, иногда сжимается от боли, но ненадолго – отпустит. Что же удивляться, как-никак уже полных пятьдесят семь лет. К тому же сильно действующие лекарства всё время принимаю.

Скверное это дело – старость. Душа по-прежнему всё воспринимает, как в молодости, а физически всё хуже и хуже.

Но духом мы с мамой не падаем. Бодримся. Много работаем оба, она – на своём заводе, а я дома.

В работе своей я всё что-то ищу. Надумал я, Светуля, обратиться в стихах к такой форме, как восьмистишие. Коротко надо сказать о многом. С 28 ноября написал уже двадцать восьмистиший.

В книге В. Леви приводится высказывание неизвестного автора: «Всё, что делается истинно, делается легко». Так вот, пишу я только то, что, как говорится, само просится из души. А посему пишется легко, без натуги.

Позавчера, например, мама уехала к старикам. Сказала: ненадолго, а сама задержалась допоздна. Я был сильно обеспокоен, волновался, и минут за десять написал вот это стихотворение:

<i>Вечность жду прихода твоего,</i>	<i>учесть!</i>
<i>Жду твоих шагов за тихой дверью,</i>	<i>От тревоги в сердце нет просвета:</i>
<i>Так легко подвержен суеверью,</i>	<i>Без меня ты, маленькая, где-то,</i>
<i>Страхам всем, сомненьям всем его.</i>	<i>В мире, где опасностей не счесть.</i>
<i>Как я жду – должна же ты</i>	

Темы стихов – самые различные. Думаю в них, вспоминаю что-то, рисую пейзажные картинки. Например:

<i>Узнаешь сквозь сон по приметам,</i>	<i>Чуть светятся лампы в тумане –</i>
<i>Что зимняя стужа теперь:</i>	<i>Окошек квадраты, круги;</i>
<i>В подъезде, неслышная летом,</i>	<i>Пронзительны в утренней рани</i>
<i>Раскатисто бухает дверь;</i>	<i>Скрипучие чьи-то шаги.</i>

Долго обдумывал стихотворение о Сибири (сколько их было!), хотелось коротко, но образно, ёмко сказать об этом крае. И получилось такое:

<i>Была Сибирь судьбиной ссыльной,</i>	<i>незнакомом,</i>
<i>злую,</i>	<i>Что хвастает: «Смотри-ка,</i>
<i>Но с детских лет она – мой отчий</i>	<i>я каков!»,</i>
<i>дом,</i>	<i>Везде я грежу встречей</i>
<i>Где пахнут стены хвойною смолою,</i>	<i>с отчим домом,</i>
<i>А окна – бирюза небес кругом.</i>	<i>С роднѣй моей –</i>
<i>В любом краю – красивом,</i>	<i>семьѣй сибиряков.</i>

Я решил кое-что из написанного показать тебе потому, что неизвестно ещё, когда и где всё это удастся напечатать. На «Кузбасс» надежды – никакой. Недавно я предлагал туда семь публицистических стихотворений. Поинтересовался у Эли Суворовой: как там мои стихи? Она прямо огорошила меня: – Я отдала в секретариат. Но там всех бросает в дрожь, как увидят вашу фамилию. – Это почему?.. – Да всё, мол, одного Небогатова печатаем, часто очень. – Ничего себе – часто. С августа или сентября, после «Хлебного поля», ничего не было... – Ну, значит, раньше часто печатали...

Рассказал об этом маме – она справедливо заметила: если бы, дескать, «Кузбасс» когда-то раньше не печатал часто никого, не было бы у нас ни Небогатова, ни Баянова, ни Буравлёва.

Что верно, то верно. Было время, когда я насчитывал по две – три публикации на неделе (при Бабаянце, Дёмине). А теперь стихи (любого автора) проходят лишь по воскресеньям, да и то лишь, если красиво подвёрстываются на странице.

Эти двадцать восьмистиший я не сегодня – завтра отвезу в радиокомитет. Там отношение к нашему брату совсем другое – доброе, человеческое. А попозже, когда что-то пройдёт по радио, предложу своим друзьям – комсомолятам. Самое лучшее, потому что в «Комс. Кузбасса» я не только поэт, но и учитель, а учителям положено делать всё образцово.

Вот такие, Светуля, мои литературные дела. Буду продолжать писать эти восьмистишия без всякого конкретного прицела (на газету, на альманах, журнал и пр.), просто писать, выговариваться, а что получится из этого – видно будет. Может, книга одних новых стихов.

Мама после разговора с тобой по телефону долго чувствовала себя как бы виноватой. Успокоилась, написав письмо тебе, где уже не звучит в подтексте «не надо», а «приезжайте».

Я тоже соскучился о тебе, о Мишеньке (к «китаёзе» ещё не успел привыкнуть, но и его часто вспоминаю, как он пузком работал). Смотрите, Светуля, сами, как лучше. Хотя мы и неважно себя чувствуем – ничего, приучимся к новому режиму дня, и всем будет хорошо. Квартира у нас тёплая, форточки даже в мороз не закрываем. А у вас, наверно, как прошлой зимой – холодище? Амур с его ветрами не передвинешь на другое место.

Напиши, Светуля, или позвони, как решите насчёт приезда. На этом своё послание заканчиваю. Крепко целую всех.

Папа и деда.

23 декабря 78 г.

Дорогие наши

Светуля, Володя, Мишенька, Вовочка!

Сердечно поздравляем вас с Новым – 1979 – годом, желаем всего самого хорошего и доброго в нём.

Большое спасибо вам за посылку. Все книги – просто драгоценный подарок. Роман-газету обязательно вернём. Лезвий мне теперь хватит до золотой свадьбы, если не отпущу кержацкую бороду. И рыбка пригодится к праздничному столу. А сгущёнку мы, конечно, отдадим Ване – пусть лакомится.

Новогодний вечер думаем встречать без гостей – с ними утомительно. Посмотрим телепередачи, и то ладно. Ничего такого (в рюмочках), наверно, не будет.

Мишенькин альбом – это целое собрание рисунков о войне. Быть ему, видно, художником-баталистом!

Ну, ещё раз – будьте здоровы и счастливы.

Крепко целуем всех вас. Мама, папа.

14 марта 79 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Письмо твоё пришло уже давненько, а ответить собрался только сейчас. Не обижайся, пожалуйста. Причина тут, как говорится, уважительная – не было душевного равновесия. Когда мама была в Речкуновке, одиночество плохо сказалось, произошёл какой-то психический стресс. Тётя Надя не могла придти ко

мне. Но всё же дней десять был не один – жил у меня дядя Гриша, хотя он и выпивал, но помаленьку, и это не тяготило меня. А вдвоём-то нам было веселее.

Почувствовав (сколько «в» в одном слове!) себя неважно, начал усиленно принимать аминазин, целыми днями был какой-то «балдёжный», а результат был хороший. Сейчас мой врач выписал мне новое лекарство (называется амитриптилин), оно, по его словам, ещё лучше, чем седуксен, которого, кстати, не стало, и с первых же приёмов эти слова подтверждаются: самочувствие постепенно приходит в норму. Уже плодотворно работаю (делаю консультации, даже стихи-восьмистишия – сочиняю, завтра собираюсь написать очередной обзор).

А физическое моё состояние такое, что могу работать целый день, а это благоприятный показатель. Вот такие у меня дела в смысле здоровья, о чём ты просила подробно сообщить.

Маме в Речкуновку я посылал два стихотворения, посвящённые ей. Вот одно:

*Захлопнулась автобусная дверца.
Там, за стеклом, глаза твои: –
Пока!
Гляжу я, улыбаясь, а на сердце
Невольная прощальная тоска.*

*И тут же мысль: «Взбодри себя,
а ну-ка!
Отъезд на месяц – это ж ерунда.
Ещё не та, не главная разлука,
Которая – навечно, навсегда».*

А вот второе:

*Я один. В работе дни короче.
В час, когда не спать лишь фонарю,
Говорю тебе: – Спокойной ночи!
– С добрым утром! – утром
говорю.*

*Солнце поднимается всё выше.
В полдень начинает капать
с крыш...
А когда твой голос в трубке слышу,
Кажется: с завода ты звонишь.*

«Голос в трубке» – это наши телефонные разговоры в первые после отъезда дни. Потом испортился кабель, и мы с мамой обменивались только письмами.

Получил я, Светуля, письмо от Глеба Валентиновича Пагирева. Настоятельно советует мне подготовить небольшой, листа на два, сборник для какого-нибудь из московских издательств – для «Современника» или «Советского писателя». Мысль в принципе заманчивая, но много всяких «но»: нет у меня в Москве своей руки, не могу я поехать туда, чтобы «обсудить» рукопись при «деловой» встрече в ресторане и т. д. Пагирев так и пишет: можно, мол, и послать, но было бы совсем хорошо, если бы рукопись кто-то из ваших отвёз сам.

Как бы там ни было, я всё же сделаю такую рукопись (у мамы на работе есть возможность перепечатать всё на хорошей бумаге) и отправлю. Испыток – не убыток.

Посылаю один из обзоров (его напечатали в начале марта). Вова отозвался о нём очень похвально. И ещё стихи, которые в это же время напечатал «Кузбасс». Вчера отнёс туда снова шесть восьмистиший.

Вова и Таня позавчера приехали (вернее – прилетели на самолёте) из Омска – ездили туда за Ваней. Он не отвык от них, хотя не виделись недели три. Говорить так и не говорит. Немтырь. Но умный, всё понимает. Таня всё-таки, несмотря на то, что у Вани диатез, хочет сдать его в ясли и пойти работать. А ты, видно, так и будешь домохозяйкой? Представляю, как устаёшь ты от своих «солдат», когда они по целым дням ходят на головах, «воюя».

Ну, на этом, Светуля, заканчиваю.
Обнимаю, целую. Папа.

Большой привет твоим мужчинам.

P.S. Володя по телефону советовался с нами, куда поехать на работу. И согласился с нами: в Новосибирск, конечно. В Нальчик, Светуля, не стоит, опять вы будете от нас не ближе, чем сейчас.

1 июня 79 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Очень приятно мне было вчера услышать ваши голоса. Мишутка – даже по разговору заметно – сильно повзрослел. С ним мы опять скоро будем вместе. Учиться-то он начнёт у нас (Володя сказал, что так вы решили).

Сейчас – одиннадцать часов утра, а я уже свою дневную норму выполнил: написал стихотворение о весеннем букете, который вчера после концерта привезла нам Надя Сизова. Вот это восьмистишие:

*Цвет черёмушный в жёлтых
накрапах
С огоньками – в букете одном.
Удивительный в комнате запах,
Словно в солнечном мире лесном.*

*Дар природы, подольше нас радуй
Затяжному ненастью назло...
От черёмухи веет прохладой,
Огоньки излучают тепло.*

Почему я решил писать в такой вот краткой форме – сам не знаю. Наверно, тут немалую роль сыграло стихотворение Твардовского, в котором есть, в частности, такие строчки: «Болтливость – старости сестра» и как приказ себе: «Короче. Покороче!»

А ещё на моё решение повлиял тот факт, что в наш век с очень убыстренным темпом жизни длинные, многословные стихи (и поэмы) мало кто читает, даже наш брат литератор. Эта краткость ко всему прочему – проверка своих сил: в восьми строчках надо выразить что-то самое главное. Я, например, очень люблю стихи Сергея Смирнова, но вот прочитал его подборку в последнем номере «Лит. газеты» и остался недовольным: старческая болтливость налицо. В первом стихотворении о зерне чего только нет в качестве метафор: зерно – то-то и то-то, так можно растянуть на сто строк (почитайте эту подборку, сравните своё впечатление с моим).

Пейзажи у меня получаются лучше всего, но пытаюсь и «философствовать». Вот одна из этих вещей:

*Неисчислима звёздная семья.
И, как гласит народное предание,
В том сонме звёзд есть где-то и
твоя,
Твоя со дня рожденья до скончания.
Живой её огонь, смотри, не сглазь.*

*Раз он горит – недаром, видно,
тратится...
Узнать бы, для чего звезда
зажглась,
Предвидеть бы, когда она
закатится.*

В общем, тружусь на совесть. Боюсь только – не вышло бы с этим делом то же, что и с книгой сонетов, которые я писал так же, с огоньком, вдохновением, но потерпел неудачу, книгу забраковали, только незначительное количество сонетов увидело свет.

Ну, хватит о поэзии, поговорим о прозе жизни.

Мама сейчас в том положении, о котором есть присловье: не было у бабы забот, да купила поросё. Всё свободное время проводит в мичуринском саду. Вместе с Людой, с Николаем. Работают все с увлечением. Самое трудоёмкое – это строительство избушки. Скоро приступят к этому. Этот сад уже дал свои «плоды»: с

неделю, если не больше, болел Вова – разгорячённый работой, попил там холодной воды. А у мамы на ноге выскакивал фурункул. Но – охота пуше неволи.

Ваня Вовин начинает много говорить. То звал меня просто «де», а сейчас, по словам Вовы, говорит: поеду к деду Мише.

Дядя Гриша опять подженился, на этот раз на тётке Нюре Пустоваловой. Если не будет пить, союз их может, как нам кажется, быть прочным. Он (этот союз) хорош тем, что теперь с дядей Гришей будет живая душа рядом не только днём (перенесшим инфаркт часто бывает плохо именно по ночам).

Погода у нас стоит холодная, в мае было всего два дня по-настоящему летних. Так и не видим мы в Сибири лета – меньше чем через месяц дни пойдут на убыль.

Посылаю, Светуля, майский обзор и стихи, которые «Кузбасс» опубликовал в День Победы. Если что не так – не стесняйтесь, критикуйте.

Ну, на этом закругляюсь.

Целую. Папа.

Привет Володе, Саше, Мишутке. Володе желаю поправки, а всем – всяческих успехов и радостей. Поцелуй за меня «китаёзу».

13 августа 79 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Мама отпрашивалась в больнице домой, чтобы съездить на мичуринский участок, и принесла письмо – запечатать и отправить. Заодно решил черкнуть и я.

Мишутка у нас сегодня уже пятый день. На время, пока мама в больнице, перешла к нам на житьё тётя Надя, поэтому мы с Мишей не испытываем никаких затруднений, неудобств – есть кому приготовить поесть и я могу куда-то отлучиться по делам. Сегодня, например, с утра ездил в больницу за лекарствами – и Миха был с тётей Надей. Она хорошо покормила его. Миша всё такой же ласковый, послушный. Сядет ко мне на колени и прижимается. Я говорю: ты окалим? Он: а что это такое? Так, говорю, ты называл себя, когда был маленький: т. е. подхалим. Он смеётся.

Тут удивил нас ночной звонок Саши: почему, мол, нет телеграммы о прибытии Миши в Кемерово. А ведь телеграмму-то я дал в день прилёта, в 6 ч. вечера. В ней было: Миша долетел хорошо, чувствует себя нормально. Вот как «хорошо» работает наша почта.

Забот у нас теперь, конечно, прибавится, но ничего. Уже несколько месяцев подряд я пишу свои восьмистишия каждый день, и так, видно, вошёл в норму (рабочую), что и при Мише не нарушал свой график.

Из больницы заезжал сегодня к дяде Грише. Пенсию он получает 8-го числа, вот с этого дня и не просыпается, пьёт. Да ещё как! С одной пол-литры, говорит, не пьянею, приходится за день брать две. Это при инфаркте-то!

Теперь буду писать почаще, чтобы вы с Володей всё знали о «своём сокровище», как ты пишешь.

Ну, всего доброго вам. Привет тёзкам – Володе и Вовочке.

Дорогие мамочка, папочка и Вовочка

(письмо написано рукой Миши, сына Светланы,
и вложено в тот же конверт. – *Прим. Н. И.*)

Поздравляю вас с праздником! Желаю вам здоровья и счастья!

Я учусь хорошо. Веду себя хорошо.

Ваш сын Миша.

9 ноября 79 г.

Здравствуй, дорогая Светуля!

Ты уже, наверно, давно в недоумении: обещал при Мише писать чаще, а на деле – наоборот. Казалось бы, для письма легко выкроить время, но всё наша русская лень-матушка, привычка откладывать что-то на завтра, на потом. А дни-то – и даже месяцы – летят... Больше всего тебя интересует, конечно, житьё-бытьё твоего сынули. С рассказа о нём и начну.

Учёбу он начал с охотой, и потому это дело идёт у него успешно, «троек» почти нет, всё «четыре» и «пять». Это тем более радостно, что, по словам учительницы, половина класса ещё не умеет ни читать, ни писать. Оба с мамой мы заметили, что есть у Мишутки тщеславная струнка, она и стимулирует его на старательность и прилежание. Спросит кто-нибудь: нравится тебе учиться? Он в ответ: нравится «пятёрки» получать!

Не так давно в первых классах был праздник: приём в октябрюта. Миша на этом торжестве был знаменосцем от своего класса «Б». Кроме того, избрали его командиром звена (в звене – четыре малыша). Радует и гордится он этим безмерно.

Между прочим, учёба не шла бы у него так хорошо, если бы не баба. Все уроки они готовят вместе. В это время я то и дело слышу мамины восклицания, упрёки, наставления: – Как сидишь-то? Смотри, куда эту буква вылезла. Перестань ногами болтать!

Да, нервы нужны в эти часы крепкие. Иногда они у мамы не выдерживают – и Миша стоит в углу. Лицом к стене его ни за что не поставишь, поэтому постоит просто так у двери, попоёт или постреляет звуками (тиюфь, вжи – и и пр., на словах не передашь) и, дав обещание слушаться бабу, опять за стол.

В школе у него много интересного. Вот что, например, узнали мы из его рассказа. Есть у них в классе некий Павлик. У него, судя по всему, с малых лет проявляется способность главенствовать. Чем он берёт – трудно сказать, но для Михи и других ребят Павлик – авторитет. Прикажет им: затащите Пирожка (Пирожкова) и Женьку по лестнице и стукните их лбами. Всё исполняется, как приказано. Насколько высоко Миша ставит этого Павлика, можно судить по такой детали. Я говорю: что, он у вас вроде Чапаева? – Нет. Как Ленин! Ну, ладно, говорю ему. Скоро я приду в школу и сброшу этого вашего Павлика с чердака. А Миша: Нетушки! Мы все налетим на тебя, и ты будешь на тридесятном небе! Ясно?

Обобщать этот факт, может быть, не стоит, но невольно призадумался: с детских лет, выходит, мы не можем жить без кумира. А кумиры, если они неглупые, пользуются этим с выгодой для себя. Тот же Павлик начал приносить из дому кое-какие безделушки и делать маленький бизнес, продавать их ребятам: с одного рубль двадцать, с другого (эту сумму ребяташки приносят на недельный завтрак). У другого бы, может, покупать не стали, а тут за честь считают приобрести то, чем владел сам Павлик! Свидетельницей этих денежных операций стала одна родительница, и только после этого он, Павлик, вернул деньги.

Вот вам один из нюансов человеческих отношений в детской среде.

Тщеславную струнку в Мише я стараюсь поддерживать ещё и в направлении физической закалки. Он то и дело подходит ко мне с предложением: – Давай побороемся?! Я ему: – Ну, ты же со мной не справишься, потому что плохо поел и зарядку утром не делал. – Ладно, я сейчас ещё одно яичко съем, и зарядку сделаю. Поест что-нибудь, попросит ещё. Потом начнёт сжимать силомер, делать приседания, сгибать и разгибать руки, т. е. набираться силы. – Попробуй-ка! – и показывает, ощупывая, бицепсы рук. Тогда я сажусь на стул у стены, протягиваю

руки к нему, а он своими начинает нажимать на них, чтобы согнуть и достать стену. Я «изо всех сил» сопротивляюсь, но вот мои казанки коснулись стены – и борьба окончилась Мишиной победой. Он – на седьмом небе.

Купили ему клюшку хоккейную, лыжи. С удовольствием играет и катается во дворе, но одно беспокоит нас – не попал бы случайно под машину (если выбежит на дорогу). Машин у нас из-за «Уюта» – стада, иногда соберётся их столько, что разъехаться не могут. Поэтому одного на улице не оставляем.

С обучением музыке посоветовали нам повременить, отложить это хотя бы на год. И без того в одной школе нагрузка на психику огромная. Для профилактики (после сотрясения мозга) выписали ему таблетки и назначали двадцать уколов. В основном он спокойный, лишь иногда позволяет себе с бабой фамильярничать, показывать характер. Со мной более уважительный. Тут сама мама виновата – всё абсолютно позволяет ему. Надо бы ей быть поостроже, а то он чувствует в ней слабину и не церемонится.

Противоречивости в его характере много. Павлику, например, готов беспрекословно – безвольно – подчиняться, а вообще-то не любит быть вторым. Невзначай обыграю его в шашки – он в слёзы. Расплачется так, что удержу нет. Что ты? – спрашиваем. – Ты хорошо играешь, а я не умею! – и льются ручьём слёзы. (весь в тебя, Света, часто «слёзки на колёсках»). Кое-как успокоится. Дам ему обыграть себя раза два – три подряд – то-то радости, торжества! Всё такой же «полизунчик – тараканчик» – любит, чтобы его приласкали, обняли, поцеловали.

И взрослеет на глазах. Может час и два рассказывать анекдоты. Слышал где-то, когда-то – и запомнил. Память цепкая. В общем живём мы дружно, и пребывание Миши у нас не в тягость нам.

А мама больше двух недель была на бюллетене. Нездоровится ей часто – и хондроз беспокоит, и сердце болит. Даже на вид больная – бледная, глаза, по её выражению, как у больной собаки. Может быть, раньше лета, ещё зимой, возьмёт отпуск. Слабенькая она.

Работа над восьмистишиями у меня что-то застопорилась (с тех пор, как приехал Миха). Тонкое это дело – творчество. Всё время необходимо быть сосредоточенным, собранным, «беспособным». Малейшее отвлечение со стороны выбивает из рабочей формы. Но надеюсь приспособиться и к таким условиям.

На 1981 год наше издательство заключило со мной договор на книгу летних стихов (два печ. листа, до 1400 строк), назвал я её коротко и просто: «Лето». Редактором я взял себе Витю Баянова. Он – очень строгий, требовательный, но не скупой на подсказки своих вариантов строк и строф. Это для меня гораздо лучше, чем работа с Глебовой, которая, как Клавдя у Шукшина, умеет только «косоротиться».

На днях в книжных магазинах должен появиться коллективный сборник стихов, в нём – авторов тридцать. Обязательно пришлю и вам с Володей, и Саше.

Часа два назад звонил дядя Гриша, сообщил новость: пришла телеграмма из Ленинграда, с завтрашним поездом должна приехать гостя, моя сестра Катя (Зятина. – *Прим. Н. И.*). Видать, ещё бодрая старушка, если разъезжает в таком возрасте (она, как и деда с бабой, с 1905 года).

Вот, Света, Вовин адрес: 650099 г. Кемерово, ул. Кирова, д. 28, кв. 19. Они теперь живут в пяти минутах от нас, у стадиона. Самый центр. Одно плохо: первый этаж. Мама говорит, впечатление такое, что ты в этой квартире, как у Дуньки на пупу.

Ну, всего хорошего вам. Целую. Папа.

Большой привет твоим мужчинам-тёзкам!

02.02.80 г.

Дорогая Светуля!

Сердечно поздравляем тебя с женским праздником. Желаем доброго здоровья, бодрого самочувствия, всяческих семейных радостей и благополучия. Одновременно поздравляем с новосельем. Пусть эта квартира будет для вас счастливой.

Обнимаем. Целуем.

Папа, мама.

Привет твоим мужчинам.

03.11.81 г.

Дорогие наши Светуля, Володя,
Мишутка и Вовочка!

Я и мама сердечно поздравляем вас с праздником Октября. Желаем доброго здоровья, мира и согласия в семейной жизни, благополучия, успехов.

Целуем. Папа.

II. ПИСЬМА ОТЦА СЫНУ АЛЕКСАНДРУ

18 июня 76 г.

Здравствуй, дорогой Саша!

Что-то редко мы пишем друг другу. Получили твоё письмо – и как гора с плеч свалилась. Успокоились. А то уж строили всякие предположения – не началось ли старое в смысле выпивок и пр. Но, судя по твоему письму (и по Светиному), держись ты молодцом. Перемена обстановки и на этом пристрастии сказывается благотворно – иногда, умеренно, это ничего. И для себя, и для окружающих.

А я вот уже третий месяц ни капли в рот не беру – ни красненького, ни тем более беленького. И никакой «революции» в организме. Спокойно смотрю, как дядя Гриша опрокидывает стопочки. Часто захожу к ним, захватив с собой бутылочку. Они с большим удовольствием, со вкусом вспоминают последнее твоё посещение их, когда ты выпрашивал у мамы Маруси деньги, а она не давала. «Как это, как это, как это? Ну, дядя Гриша, просто невозможно работать!» Смеются при этом от души.

Мама Маруся начала часто и сильно прибалывать. Вчера я был у них (носил показать твоё и Светино письма), она лежала в лёжку, грудь и спину прохватило как обручем. Главное – потеряла аппетит. Настроена плохо. И мне кажется, что не выкарабкается она, свалят её хвори. Лет-то ей, между нами, уже семьдесят, не меньше.

А в прошлую субботу (был родительский день) набралась сил, съездила с нами на кладбище. Ездили впятером: она, дядя Гриша, тётя Надя, мама и я. Обновили (покрасили) кресты стариков, Ии... (Ия – дочь сестры Небогатова Раи (Ираиды), как и Михаил Александрович, 1921 года рождения. – *Прим. Н. И.*). Идём обратно – навстречу похоронная процессия. Люди мрут, как мухи. Умер Миша Ялин (от рака лёгких), умерла Алла Николаевна Агапова (от кровоизлияния в мозг), ты её, наверно, знал, она одно время, во время ремонта квартиры, жила у Старченко. Энергичная, деятельная женщина была. И ещё не так старая – 49-ти лет не исполнилось... Ну, ладно. «Мёртвый в гробе мирно спи, жизнью пользуйся живущий». Лучше не скажешь. Такова «се ля ви».

Мы с мамой скрипим помаленьку. У неё, правда, обострился радикулит, сам делаю ей массаж – маленько помогает. Часто болит голова – но это у них

наследственное, от бабы. Я только дня три, как перестал принимать «болтушку» (нет в продаже яиц), но вообще-то гастрит свой подлечил. Давно уже не просыпаюсь среди ночи от болей. В целом настроение ничего, работать могу, а это – главное. И всё же возраст сказывается – тяжело стал переносить жару. Апатия от неё, и загорать даже не хочется. Лето нынче у нас очень засушливое, лишь позавчерашней ночью был, по существу, первый хороший дождь. В погожие дни будем с мамой ездить в бор, всё же надо немного бывать на природе.

Мама очень устаёт от работы, поэтому уже продолжительное время я облегчаю ей домашний труд – дважды в неделю «лентяйкой» мою пол во всей квартире, при этом потею ужасно, буквально весь обливаюсь потом. И вижу на себе, какой это непростой труд – простое мытьё полов.

У Ибрагимова вышла книжка. Само уже название – претенциозно: «Буквы одуванчика». А чего стоит предисловие редактора Фазиля Искандера! Например: «пунктир логики в иных местах трудно прослеживается». Заметь: не сама логика, не линия её даже, а только пунктир. Вот какова заушь стихов. Издали их, наверно, потому, что побоялись прослыть профанами, глупцами. Мол, как же можно так – не понимать «гения». Смех и горе.

Полунин (Иван Полунин, кемеровский поэт. – *Прим. Н. И.*) с вологодским поэтом Коротаевым, редактором своим, отношения все порвал. Передал рукопись Махаловой (Тамаре Ивановне, редактору книжного издательства. – *Прим. Н. И.*). Что из этого выйдет – не знаю. Уж больно нетерпимо относится он ко всяким критическим замечаниям, считает себя непогрешимым. Побывал бы на моём месте – поработал с Глебовой, это не редактор, а чистый деспот.

О твоих делах. Приглядишься, осмотришься, а там видно будет. И с уходом из ТАСС тоже всё взвесь хорошенько. Может, ещё привыкнешь. Учти и материальную сторону. Если в газете – преимущество, тогда другое дело. Кстати, какой у тебя оклад, гонорар? Стоит ли овчинка выделки? Хорошо, как говорит Мишка, чо ты сейчас, в новых условиях, пытаешься наладить нормальную жизнь. Ради этого стоило уехать к Свете, в Хабаровск. Духовное возрождение – тут реальное дело.

Ну, будь здоров. Целую. Папа.

Напиши дяде Грише. Они будут очень рады. Адрес помнишь: 650055, Пролетарская, 7, 3.

14 июля 76 г.

Здравствуй, дорогой Саша!

Сегодня решил посвятить день письмам. Пишу тебе, Свете, Марии Илларионовне Твардовской – она прислала письмо с просьбой прислать ей сведения о трудовой (творческой) биографии для комментариев эпистолярного наследия Твардовского. Видно, в его семитомнике, который будет выпущен в этом году, фамилии его корреспондентов расшифруют (вместо М. Н-ву напечатают М. Небогатову). А в конце тома – краткие сообщения, кто таков этот М. Небогатов или другой имярек.

Твои газетные материалы прочитал с интересом. Одно могу сказать, Саша: молодчина! Лишний раз убеждаешься, что газета – твоя родная стихия, что журналистика – твоё призвание. Это уж, как говорят, без булды. Точно. Хорошо, что ты вторгаешься в разные сферы жизни и производства. Помнишь журналистскую заповедь: помаленьку знать обо всём и всё о чём-то одном. Так, кажется? И ещё одно, на что я обратил внимание: видно, что все материалы написаны со светлой головой. А поэтому охотно верю тебе, что выпиваешь умеренно. Так и держись. Мне даже пришла такая мысль в голову: ты в какой-то

мере можешь повторить мою судьбу в работе. Зарекомендуешь себя отлично, будешь делать своё дело старательно, добросовестно – никто не подумает и спрашивать с тебя, есть ли диплом. Сойдёт и десятилетка (как моя семилетка). Способности, талант превыше всяких дипломов. Настраивать тебя на учёбу не хочу, так как вижу: сейчас это почти нереально. Всем своим предыдущим институтским «опытом» ты доказал, что пустая это затея – пытаться куда-то поступать. Многого для этого не хватает (не способностей, нет), а главного – воли, характера, да, наверно, и большого желания, стремления добиться намеченной цели. А коли так – нажимай на работу, поставь перед собой цель: стать профессиональным журналистом, а позднее, со временем – может быть, и литератором. Все врождённые задатки для этого у тебя есть.

Саша, ты по телефону сказал, что заявление о разводе в наш ЗАГС послал. Но никакого заявления там нет. Суть вот в чём. Недавно в клубе ГРЭС был день регистрации браков. Мама попросила Люду поговорить с заведующей ЗАГСом о тебе. Она поговорила. Заведующая обещала дать ход делу. А сегодня она сообщила Люде, что заявления от тебя нет.

Если почему-то ты ещё не послал это заявление, то немедленно сделай это. Напиши, что уже давно не живёте вместе, что детей у вас нет, что брак ваш сейчас является, по существу, пустой формальностью, прошу его расторгнуть. Пошли это прямо на имя заведующей. Она обещала вызвать твою бывшую половину, поговорить с ней и сделать всё возможное, чтобы решить вопрос быстро и как требуется. Неплохо бы попросить, чтобы она осталась Беленькой (Вера Беленькая, кемеровская жена Саши. – *Прим. Н. И.*), а то в настоящее время фамилия Небогатова – для неё вроде козырь. Часто спрашивают: А кто вам поэт Небогатов? – Свёкор. И отсюда, сам понимаешь, все знаки внимания, уважения и пр. В газете держится только на этом авторитете, иначе давно бы выгнали. Обидно, когда твоим именем спекулирует недостойный человек.

Не знаю только, предусмотрено ли законодательством лишение фамилии при разводе. Если нет – жалко.

Меня очень радует, что новой жизнью ты доволен. Я так и предполагал, так и писал тебе, что сам в своё время поразишься, как мог мириться с тем образом жизни, какой вёл. Природная сущность твоя такова, что всё плохое тебе должно быть чуждо, погрязать в омуте – для тебя противоестественно. Это, в принципе, ты знаешь не хуже меня. Именно он, твой здоровый природный инстинкт, побудил тебя «бежать на край света», чтобы начать иную жизнь. И, судя по всему, ты её продолжишь в самом лучшем смысле. Как сказал Есенин: «К старому возврата больше нет».

Кое в чём получается парадоксально: ты, как будто слабохарактерный, решился на такой твёрдый шаг, а Хорошка, более самостоятельный по делам, поступкам, «плавает», вернее, плывёт по течению. Он очень скрытный, молчаливый, но по его настроению я вижу, что и у него семейная жизнь не задалась, а предпринять что-то не решается. Сейчас Таня уехала по туристической путёвке в Армению, ему это не должно быть приятно (молодость, ревность), но смирился. Сам поехал работать по трудовому соглашению в Яйский район. Ничего хорошего. Если хочешь написать ему что-то такое, чтобы вызвать Вову на откровенность, напиши на наш адрес. Надо бы «разговорить» его, и что-то посоветовать. Для нас с мамой он закрыт на замок. А по настроению всегда удручённый, подавленный. Заглянет к нам, и в таком же настроении оставит нас с мамой. Хочется как-то

помочь ему морально, но не знаем, с какой стороны подступиться. По характерам вы с ним – земля и небо...

Дядю Гришу не забываю, нет-нет да зайду к ним. Угощу пол-литровочкой. Сам капли в рот не беру. Мама накануне отъезда в санаторий была у своих стариков, дед ей сказал, что навестит меня, мол, выпьем тут без тебя, а меня это мало радует. Придётся и его угощать, а потом терять время, слушать пьяные разговоры, а если отяжелеет – таскать его в туалет, на диван. Сейчас я, как Лев из басни Михалкова, который пьяных не терпел, сам в рот не брал хмельного... И нисколько не манит, потому что строго внушил себе: нельзя, вредно и для желудка, и для психики.

С неделю назад Люда специально для нас брала в клуб «Красную калину». До чего же талантлив был Шукшин – и как писатель, и как режиссёр и актёр! Диву даёшься, откуда что бралось у него. Много открываешь заново, взять хотя бы сцену: «Народ к разврату готов». Собрались всякие морды, охочие погулять на чужой счёт, и никому в голову не пришло: а может эта пьянка на ворованные деньги? Ненавидел Шукшин город, его обывателей. Егор в этой сцене, вор-рецидивист, гораздо выше их всех. Он – человек, ищущий праздника души, а они – просто животные. И таких сцен, мыслей с глубоким подтекстом в фильме – уйма. На ближайшее время заказал Люде ещё несколько фильмов: «Печки-лавочки», «Ваш сын и брат», «Живёт такой парень». Смотреть их можно по десять раз.

Сейчас телевидение (московское) показывает «Семнадцать мгновений весны». Тихонов, Броневой – восхищают, а вообще в фильме много неправдоподобного. Всё как в сказке.

У меня работа идёт своим чередом. Подготовил и сдал два сборника (Свете пишу об этом подробнее, почитай), делаю консультации, обзоры, и всё – с охотой, с удовольствием. Хорошо, когда есть любимая работа. Жизнь веселее.

Ну, ладно, Саша, на этом закругляюсь. Желаю тебе здоровья, успехов в работе, дружбы с Володей. Пиши.

Целую. Папа.

9 июня 77 г.

Здравствуй, дорогой Саша!

Что, даёт вам прикурить Маринка? Света пишет, что вы по очереди нянчитесь по ночам, недосыпаете. Так будет не меньше месяца – знаю это по недавнему опыту Вовы с Таней. Сейчас Ванюшке уже пятый месяц – и намного легче с ним.

Ты спрашиваешь, Саша, о сборнике в Новосибирске. Появилась маленькая надежда: пришло письмо от члена редколлегии Александра Ивановича Смердова. Он вместе со мной возмущается «пометками», замечаниями на полях рукописи, называет это измывательством. Ещё в прошлом году он, оказывается, выражал протест против такого «рецензирования». Но почему-то к его голосу не прислушались.

В заключение Александр Иванович пишет, что ещё не начинал активных действий в защиту моих стихов, потому что болеет, но как только оклемается, сделает всё зависящее от него, чтобы книга моя вышла. Правда, от одного Смердова зависит не всё. Нужно, чтобы такую же позицию заняли главный редактор «Библиотеки сибирской поэзии» Решетников и член редколлегии Ветлугин, которым я писал. Они что-то молчат, не отвечают.

У Светы скоро декретный отпуск, и я приглашаю её с Михайой к нам. Не знаю, захочет ли приехать. А надо бы, чтобы не так трудно было. Вы бы с Таней и

Маринкой пожили это время у Володи. Я думаю, что он не проявил бы недовольства.

Посоветуйтесь, обсудите всё это и пусть Хохля сообщит своё решение.

Я позволил себе передышку в работе, отдыхаю, загораю на балконе – консультации подождут. Только на днях надо написать июньский обзор. Майский посылаю.

Ну, будьте здоровы, всего хорошего вам. Целую. Папа.

P.S. Дяде Грише получше – уже разрешили прохаживаться. Привет от него.

4 августа 77 г.

Здравствуй, дорогой Саша!

Я не хотел писать вам о драматическом случае с Хорошкой, боялся обидеть его, но раз уж он сам намёком сообщил об этом в письме и тебе, то расскажу всё подробнее.

Пятнадцатого июля в полдень он приехал из Омска, узнал, что обмен квартиры с Бердниковым расстроился, и, видимо, по этому поводу решил «встряхнуться». К вечеру надел новый пиджак, взял портфель и ушёл куда-то. Куда – не сказал. Как выяснилось потом – в кафе «Современник». Со Славой и Геней Бердниковым. Там они, крепко подвыпив, каким-то образом потеряли друг друга. В одиннадцатом часу вечера, – только начало смеркаться, было ещё на улицах многолюдно, – он один возвращался домой. Около старого цирка встретила его компания подростков. Первый же ударил его по лицу, второй – тоже. Будь Вова трезвый, он бы проглотил эти пилюли, не стал связываться с группой хулиганов, но в подпитии не сдержался. Те уже прошли мимо, а Вова догнал их и врезал идущему позади. Тут-то они и отыгрались на нём. Ты спрашиваешь: «Побили его, что ли?» Побили – не то слово. Зверски избили. Чуть не до смерти. Сбили с ног и начали пинать по голове, по лицу (было их человек пять – шесть, все – верзилы).

В одиннадцать часов мы с мамой, не дождавшись его, легли спать. И только легли – стук в дверь. Открываю – и бог ты мой! – передо мной Вова весь окровавленный, левый глаз не смотрит, заплаыл, под глазом – глубокая рана от пинка носком ботинка или туфля. Я буквально взвыл от удивления, испуга, жалости. Первой мыслью было: выбили глаз. А Вова только шагнул в коридор, сказал: – Папа... Акселераты...

Прибежала мама, увела его в ванную, начала отмывать кровь. Как ни пытался он приоткрыть веко левого глаза – не мог. И было неясно – цел ли он. Весь вечер, пока не лёг спать, твердил: – Завтра же пойду устраиваться на работу в милицию. Ох, как я буду бить их, вернее, убивать. Каждый день по штуке. Триста шестьдесят штук в год.

Мы, естественно, не возражали, – видели, что это пьяный бред.

Когда мама смывала кровь, то и на голове обнаружила несколько ран, правда, не очень глубоких. Судя по всему, били насмерть. Придись пинок чуть выше – глаз вытек бы. Или могли угодить в висок. Тоже – конец бы.

Пришёл он без пиджака и портфеля. Эти вещи почему-то оказались у Славы, на завтра он принёс их. И на наши расспросы, как всё было, не мог ничего ответить – не помнил.

Глаз у Вовы приоткрылся лишь на второй день, а рана кровоточила два дня. Я сбегал в аптеку, купил фурацилина, делали примочки. Потом вокруг глаза образовался синий подтёк, пришлось надевать тёмные очки. Через пять дней Вова по телеграмме Тани уехал в Омск. Дело в том, что её родители – на курорте, ей одной с Ванюшкой трудно, вот она и вызвала его: «Плохо чувствую себя».

На сегодня (в 4 часа) заказали с ним телефонный разговор – есть квартирный вариант, где для Вовы предлагается одна полнометражная комната (согласится ли он, надо узнать). Это в самом центре: наша – в доме, где «Уют», над молочным кафе, на втором этаже, а для Вовы – в двух шагах, во дворе, рядом, на третьем этаже, с балконом. Ванюшку могут носить к нам, когда только потребуется сходить в кино или в гости. И в автомат не бегать – можно в любую минуту позвонить от нас. Преимуществ, как видишь, много. Думаю, что Вова согласится на этот вариант.

Вот такие у нас дела.

Ты, Саша, напрасно называешь свои добрые побуждения тщеславием. Пусть даже это тщеславие – оно стимул для всех хороших дел. Уж на что крепко утвердил я в Кузбассе своё имя как поэт, а тщеславие в хорошем смысле слова присуще и мне. Оно подвигает меня на творчество. Так что дело не в этом, а в желании много работать, многого добиваться. Не сворачивай с этой дороги.

Ну, пока у меня всё. Целую. Папа.

Привет Тане.

Приписка с левой стороны страницы: Большой портрет Маринки (Марина, дочь Саши, внучка Небогатова. – Прим. **Н. И.**) я водрузил в книжном шкафу, под стеклом. Всё время смотрит на нас твоими глазами.

III. ПИСЬМА ВЛАДИМИРА НЕБОГАТОВА ОТЦУ

24.12.70 г.

Здравствуйте, мои родные!

Очень радостную весть получил от вас. Наконец-то вернулся «наш сын и брат». А маму, оказывается, нельзя упрекнуть в отсутствии чувства юмора. Очень живо я представил, как папа слетел с кровати, услышав стук. А может быть, мама только над папой привыкла шутить.

Теперь вам будет веселее. Я говорю это без иронии. Надеюсь, наш Санька не будет веселить всех своими старыми методами. Но об этом я ему отдельно напишу.

У меня, к сожалению, ничего новенького нет. Вчера рота была в карауле, а я во внутреннем наряде (по благу). На улице 35°, так что я был даже рад, что в наряде. Попил крепкого индийского (домашнего) чайку, и сонливость как рукой сняло.

Письмо вам написал ещё до этого. Делать нечего. И с дурной головы писать акrostих (так, кажется, называется) начал. Сашка-то знает, как солдаты от нечего делать чем попало занимаются.

*Вот приеду домой по весне я,
Облачусь в свой гражданский мундир,
Выпью рюмочку, чтоб веселее
Как-то было смотреть мне на мир.
А потом уж за ум буду браться,*

*Снова стану я в вуз поступать...
Опротивело жить мне так, братцы.
Лучше дома. Вот где благодать!
Дома стал бы я вновь человеком,
А ведь был же когда-то таким...
Только что вспоминать мне об этом.*

Говорят, кто... тому, мол, секим.

Вот так и живу. А что делать? Настроение не очень-то. Скоро Новый год. Сейчас уж никто ко мне не придет. Но я сам скоро приеду. Между прочим, папа меня чуть «салагой» не назвал. До дембеля ведь не так уж и много, как ты думаешь. Считается до 1-го мая. Значит, 4 месяца, т. е. 16 бань или 3 кг масла.

Но я понимаю, думать надо не о самом дембеле, а что делать потом. Хотя мы, кажется, уже решили всё. Выходит, дело только за министром обороны. Пусть пишет приказ, сволочь.

Ну, я заканчиваю, а то Саньке письмо написать мочи не хватит (сильно спать хочу). До свидания.

Всех крепко целую. Вовка.

Дорогие мои мама, папа, Санька!

От всего сердца поздравляю с Новым годом! Ясно дело, желаю всего самого хорошего: здоровья, отличного настроения и пр. со всеми вытекающими из этого последствиями. Живите радостно и никогда не печальтесь. Я для этого повода не подам.

Будьте счастливы! Ваш Вовка.

15.01.71 г.

Здравствуйте, мои родные!

Вчера получил сразу три письма. Светлана Михайловна сообщила мне, что выходит замуж. Я даже доволен почему-то.

Перед Саней я должен извиниться. Ему уж, наверно, очень надоели мои упрёки.

У вас горячее время. Обсуждаете Хохлин шаг. А обсуждать-то нечего. Как поётся в песне: «Так и должно было случиться...»

Алтайский край что-то совсем зарвался. Из-за ураганов всяких перестали обеспечивать товарами местные магазины. Офицерские семьи голодают, а солдат кормят сухарями. Но это ничего, сухари, говорят, полезны для желудка.

В остальном у нас никаких перемен. Всё так же тревоги каждый день, старшина «блуждает», Беланников бухтит.

Сейчас напишу письма своим братцу и сестрице. Потом лягу спать, чтобы утром (если не будет тревоги) полаяться со старшиной, который имеет дурную привычку будить меня персонально.

Ну, пока до свидания.

Крепко целую всех. Вова.

Что не весел, друг дневальный?

Я тебя не узнаю.

Целый день стоишь печальный...

Вспомнил девушку свою?

За окном метёт позёмка,

распахнула плащ свой ночь.

Побывать в родной сторонке,

видит бог, солдат не прочь.

Замечтался... Вот ребята

на вокзале ждут его.

Все пришли встречать солдата –

друга, брата своего.

Не рассеялись мечтанья.

Только следующей зимой

Старшине он «до свиданья»

Скажет и уйдёт домой.

(подчёркнутые слова – это заданные отцом рифмы. – Прим. Н. И.)

Написал, а потом только додумался, что сочинить надо было лишь 8 строк и употреблять для рифмы только заданные слова. Но ты, папа, понимаешь, что с этими словами у меня уже ничего не получится.

Я тебя уже предупреждал: ничего путного из меня не получится. Хотя бы потому, что мысли у меня какие-то не советские. Воображение совершенно отсутствует. Наблюдательности нет. Разве что взаимоотношения людей меня всегда интересовали. Но опять же, не смогу я их описать как надо. В общем, ничего не получится.

26.01.71 г.

(письмо начинается стихами Володи. – Прим. **Н. И.**)

*Здравствуйте, мои родные!
Я устал, как сатана.
Уж седьмые видел сны я,
Да пришёл вот старишина.
Разбудил всех нас, построил,
Кучу слов наговорил,
Тренировочку устроил.
Дел, короче, натворил.
Он ушёл, а мы остались.
Сон, конечно, всем отбил.
Но по койкам разбежались,
А вот я письмо решил
Написать. Да чтоб всё складно
получилось, по уму.
До стихов-то я не жадный –
Это ясно хоть кому.
Вот пишу, а сам не знаю,
Для чего затеял стих.
Ни черта не понимаю,
а пишу. Какой-то псих!
Надо вам сказать, погода
Препротивная стоит.*

*Из-за этого полгода
Горло у меня болит.
А совсем недавно ухо
на ветру продуло мне.
Я, считай, лишился слуха,
Хоть и не был на войне.
Старишина кричит: «Ефрейтор!
Три наряда объявлю».
Я же слышу голос чей-то
Говорит мне, мол, хвалю.
Уж и делать что, не знаю.
Угасаю на виду.
На глазах, как льдинка, таю
На свою лиху беду.
Пошутил, да видно, хватит.
Несерьёзный стал такой!
Разболтался я некстати.
Скоро ехать мне домой.
До свидания, до встречи.
Крепко всех целую. Ну?
Надоели мои речи?
Скоро я и сам засну.*

Балдею сию. Хотел выполнить папину просьбу насчёт стихотворения о рыбалке. Не получается ничего. Во-первых, уже не помню, что чувствовал, во-вторых, фантазии не хватает. И ещё многого. Мы дома поговорим об этом.

Вчера от папы письмо получил. Каждый день почти получаю. Приятно и неприятно. Новости-то не очень хорошие. От Хохли.

У меня ничего новенького. Простудил только ухо и ничего им не слышу, как будто ватой заложило. В санчасть к коновалам не ходил. Скажут: «Новое ухо мы тебе не поставим» и этим всё кончится. Я их знаю.

Целую всех. Вовка.

(Без даты и подписи. На почтовом штемпеле – смазанная дата, похожая на 30.01.71. – Прим. **Н. И.**)

*Ты лгала мне шёпотом, умело,
Как всегда уверена в себе.
Это для тебя простое дело,
Шрамы оставлять в чужой судьбе.
Дьявола творенье! Всё с начала
Ясно было мне. Но вот беда:
Разума тогда мне было мало,*

*Сердцем же владела ты тогда.
Мне не жаль, что зло
восторжествует.
Только я уверен в этом сам,
Если вдруг шептать мне снова
будет,
Душу ей свою опять продам.*

Меня, как того **В. П.** из твоего обзора (**В. П.** – нерасшифрованные инициалы Владимира Петраша, начинающего поэта из Новокузнецка. – *Прим. Н. И.*) так и подмывает пояснить, что «вылилось из сердца». Но, думаю, это только усугубит мою участь.

Решил, что тянуть нечего. Вот и отправил.

24.02.71

Здравствуйтесь, мои родные!

Вот ведь какое письмо получил нехорошее. Сразу даже ответить не мог. Да и сейчас я ничего не могу сказать вам. Ну, ладно. Трудно мне об этом говорить. Может быть, всё образуется.

О себе мне тоже не хочется говорить. Недавно видел плохой сон. Под его впечатлением попытался написать стих. Хоть не до этого сейчас. И вообще занятие это не для меня. Разве для общего развития... Ведь нужно учиться мыслить.

Не вовремя я с этим, однако, послушайте.

Маме

*Ты не скроешь от меня печали.
Я ведь знаю, думала втайне,
Что не теми дети твои стали,
Что так часто грезилось во сне.
Время вышло, нет уже надежды,
Хоть её ревниво берегла,
И теперь, наверное, как прежде,
Светлый день не ждёшь ты,*

*как ждала.
Я и сам уже в себя не верю,
Но прошу, коль сможешь,
всё забудь,
Только не считай, что мы –
потеря.
Мы себя найдём когда-нибудь.*

В «Советском воине» напечатали стихотворение Стихии Михайловны (Соколовской, журналистки, поэтессы, друга семьи Небогатовых. – *Прим. Н. И.*). Может быть, она даже не знает. Я никого с Днём Советской Армии не поздравил, думая, что дома буду. А сейчас никаких видов не имеется. Хоть поздно, но поздравляю тебя, папа, с нашим кровным праздником. Есенин, наверное, для тебя лучший подарок.

Рублик в письме получил, перевод тоже. Спасибо. Между прочим, не люблю получать переводы. Сухие они какие-то. Вы, конечно, в этом не виноваты. А вообще, не переводите (в смысле, не тратьте) на меня деньги. Вам они нужнее. А я их всё равно на сладости ухаю. Жалко. Да и толстею от пряников.

Пока всё. Крепко целую вас. До скорого. Вовка.

21.04.1971

Здравствуйтесь, мои родные!

С запозданием отвечаю я на ваши письма. Вроде и делать-то особенно нечего. Но мелкая работа мне не нравится. Переключаться потом трудно. Перерывов много, но настроения для писем нет. Тоска. Не знаю, как дожить до дембеля.

Ротный пытается развязать себе руки. Ищет повод для ссоры, но не находит. А ссора ему нужна для того, чтобы иметь лишние рабочие руки. Ну, пусть попробует. Ничего не получится. Я веду себя спокойно. К тому же он мне слишком многим обязан. Совесть, наверное, ещё есть. Так что могу приехать домой с первой партией. А когда её будут отправлять, узнаем попозже.

Папа, ты слишком часто пишешь письма. Это, наверное, отнимает много времени. Во всяком случае, отвлекает от дела. Мне вот можно было почаще писать. А я читаю. Единственное утешение. Читаю без системы. Библиотека у нас бедная. Сегодня, правда, попалась интересная книга «Плачут глухари». Автор какой-то Сапожников. Очень хорошо понимает психологию молодых людей. Читаешь как будто о себе и своих друзьях. Хоть никаких поучительных выводов из его рассказов не делаешь, но ведь – сама жизнь. Прочитаешь рассказ, а потом минут 15 сидишь, уставившись в бесконечность. Почему бы тебе, папа, не начать писать прозу. Мне кажется, у тебя получились бы хорошие лирические рассказы. Это даже по стихам видно: «Русский поклон», «Соседка»...

Спрашиваешь, вдохновляет ли меня весна на стихи. Я прочитал письмо и сразу же сел писать. И вот что получилось.

*Мне говорят, весна пришла,
А мне-то что за дело.
Совсем замучили дела.
Весь день, как ошалелый.
Поверить был бы очень рад
Я воробью на крыше,*

*Мол, принимать у нас парад
Весна идёт, я слышу.
Ах, с высоты ему видней.
Он не терял свободы,
А я из клетки серых дней
Не вижу смен погоды.*

Не мог найти подходящей рифмы для «крыши», но не стал переделывать, потому что написал одним духом, под настроение. Не получается. Рифма сковывает, не могу естественно выразить то, что хочу.

Ну, пишите все. Как мама там. Наверное, очень расстроена, что поездка может сорваться. «Шанец»-то на мир посмотреть уж больно заманчивый.

Я сейчас напишу Хохле письмо и лягу спать. Ещё один день долой.
До встречи. Целую всех. Вовка.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ИЗБРАННОЕ

(Из неопубликованного творческого наследия
М. А. Небогатова)

Эту часть мне хотелось составить из произведений, которым в разное время по разным причинам было отказано в публикации. Возможно, я буду субъективной, но мне показалось, что многое из отклонённого редакторами и критиками имеет право на то, чтобы увидеть свет и предстать перед читателями. Видимо, это будет правильно, если выводы сделают именно читатели – стоила ли, как часто любил повторять Михаил Александрович, овчинка выделки. Поместить сюда всё было бы просто невозможно, поэтому я, ориентируясь на свой вкус, включила в эту часть лишь небольшое количество самых разнообразных произведений, на которые М. Небогатов делал ссылки в своих дневниках и письмах. И из этого малого будет видна разносторонность писательского дарования «старейшего поэта Кузбасса Миши Небогатова».

ПОЭМЫ

НАША ВЕРА

(о героине-партизанке Вере Даниловне Волошиной)

Вступление.

Год девятнадцатый. Зима.
Декабрьские морозы.

В снегах уснувшие дома
Полны немой угрозы.

Огни окошек в поздний час
 Горят, как волчьи очи.
 В домах веселье, песни, пляс,
 Разгулье дни и ночи.
 В углу переднем, у икон,
 В распахнутом мундире
 Сверкает золотом погон
 Незванный гость Сибири.
 Лоснится бритая щека,
 И спирт кипит в стакане.
 – За адмирала Колчака!
 За наше процветанье!
 А на задворках у плетня,
 Там, где сосна ветвиста,
 Змеёй свивается петля
 На горле коммуниста.
 В соседнем доме – полумгла.
 Каратель смотрит чёртом.
 Свистят и стонут шомпола
 Над телом распростёртым...

С утра у бабушки хлопот,
 Как говорится, полон рот.
 Без спросу тесто поползло,
 Горой над миской встало.
 И скалка тоже как назло
 Куда-то запропала.
 Пока нашла пропажу ту –
 Ну, разве не досада! –
 Совсем забыла про плиту,
 Темно кругом от чада.
 И всё бы, впрочем, полбеда,
 Да с внучкой сладу нету.
 – Не надо ль, бабушка, воды?
 Убрать тарелку эту?
 Давай сама очищу лук.
 И вдруг: – Хочу ореха.
 Беда от внучкиных услуг.
 Не помощь, а помеха.
 – Сегодня праздник? А какой?
 (Теперь начнёт экзамен!)
 – Наш, детка. Женский. Твой и мой.
 – И мамин? – Да, и мамин.
 – А папин праздник – Первомай?
 Но бабушка, вздыхая:
 – Ступай-ка, – просит, – поиграй,
 Управлюсь тут одна я.
 Гляди, вон солнышко в окне,
 А в кухне жарко, чадно.

Но рано поднял ты, прохвост,
 Бокал за адмирала!..
 Протарахтел промёрзлый мост,
 Блеснуло сабли жало.
 В сугроб свалился часовой,
 И выстрел грохнул рядом.
 Беги, бандит, пока живой,
 Пока не сбит прикладом!
 Но не уйдёшь наверняка
 В ночном тревожном гуле
 От партизанского штыка,
 От партизанской пули...
 Пропал в Крапивине и след
 Колчаковского лоска.
 Через неделю – алый цвет
 На улицах Щегловска!..
 Был год боёв за нашу власть.
 Тогда-то в полдень серый
 Для новой жизни родилась,
 На свет явилась Вера.

1.

– Нет, расскажи сначала мне
 Про женский праздник. Ладно?
 Ну, что с неё, упрямой, взять.
 Пристанет – не уймётся.
 Придётся, видно, рассказать.
 И бабушка сдаётся.
 Садится с девочкой рядком
 И угощает пирожком.
 – Никак ума не приложу,
 С чего начать толково.
 Ну, как умею, расскажу,
 Поймёшь простое слово.
 Я помню, детка, времена –
 Не только по газете –
 Когда считалось: грош цена
 Всем женщинам на свете.
 Присловье шло из века в век,
 Что курица – не птица,
 А баба, мол, не человек.
 На что она годится?
 Когда была я молодой... –
 Тут внучка перебила:
 – Ты не всегда была такой –
 Старушкой? Это было?
 Глаза у бабушки блестят,
 Самой чудно, похоже.
 – Да, тридцать лет тому назад
 Была я чуть моложе.

О чём, бишь, речь-то я вела?
Да... Женщина, бывало,
От этой печки до стола –
Одну дорожку знала.
Но дождалась хороших дней
При власти-то народной.
Открылись двери перед ней,
Шагай, куда угодно.
Учёной хочешь стать? Учись.
К станку желаешь? Вот он.
Хозяйкой будь. За всё берись,
На чём твой глаз намётан.

Приятно в ясный вечер мая
Шагнуть из будки проходной,
От солнца жмурясь и вдыхая
Прохладу свежести речной.
Река поблизости с заводом,
Лишь подойди вон к той избе.
Недавно гулким ледоходом
Напоминала о себе.
Как ручейки, текут от будки
Людей цепочки. Тут и там
Степенный говор, смех и шутки,
Разноголосый птичий гам.
Взглянув назад у поворота
На пламя рыжее, на дым,
Чумазый парень, вспомнив что-то,
Сказал: – Растёт наш коксохим!
– Растёт, браток, назло буржуям, –
Добавил с гордостью другой. –
Своими силами шуруем!
Не ходим по миру с сумой.
Навстречу бричка пропылила,
Качая плахами, скрипя.
– Готовь гостинчики, Данила,
Вон, дочь бежит встречать тебя.
– Шустра, бесёнок. Ишь, как шибко
Несётся. Пёрышком летит.
Все лица тронула улыбка,
И у отца счастливый вид.
Блестя глазами сквозь прищурку,
Забыв, что в копоты насквозь,
Он подхватил, поднял дочурку
С копной льняных её волос.

Всё тусклей, короче тень
От стены барака.
Где же в жаркий летний день

Сейчас везде, на всей земле
Про женщин наших знают.
На заседаниях в Кремле
Места им уступают.
Хвала, мол, бабоньки, вам, честь,
Смекайте, кто и что вы.
Вот это праздник наш и есть!..
А мы к нему готовы?
Не пригорели пироги?
Проверим-ка давай-ка...
Ну, так и быть уж, помощи.
Ты тоже ведь хозяйка!

2.

Бывала встреча эта знаком:
Данила с девочкой своей
Отсюда свёртывал к баракам
Среди высоких тополей.
– Ну, чем сегодня занималась? –
Он Веру спрашивал, смеясь.
– Сперва я с бабушкой стиралась,
А после с Валькой подралась.
– Из-за чего?
– Из-за качели.
Гляди, синяк-то.
– Где?
– Да вот.
– Ого! Здоровый, в самом деле.
Крепись. До свадьбы заживёт.
А дочь уж в комнату впорхнула.
(У мамы с бабушкой – дела).
Воды из кадки зачерпнула
И полотенце подала.
К её заботам все привыкли.
Поела быстро, ждёт отца,
Чтоб прокатил на мотоцикле
Хоть до соседнего крыльца.
Не станет слушать про усталость,
Упряма – мальчику под стать.
Как ни вертись – придётся малость
Бензин потратить, покатасть.
– И Вальку тоже...
– Вы же в ссоре?
Замялась дочь. В глазах – задор.
Не ваше дело, мол... И вскоре
У стайки фыркает мотор.

3.

Наша забияка?
Ищет бабушка её
Под смешок соседок:

– Ах ты, горяшко моё.
 С ног собьёшься этак.
 Детворы кругом не счесть,
 Веры с Валею – нету.
 На Томи? Ну, так и есть.
 Скрылись по секрету.
 Взгляд у бабушки сердит.
 На прибрежном склоне
 Замерла на миг, глядит
 Вдаль из-под ладони.
 Над водою – бог ты мой! –
 Только головёнки.
 – Эй, Веруська! Марш домой.
 Ну, как там воронки?
 Вот попробуй, утони –
 Будет нахлобучка!
 Назиданья в эти дни
 Часто слышит внучка.
 И кричит она в ответ,
 Не смутясь, не трусая:
 – Здесь песок! Воронок нет.
 К нам иди, бабуся!
 Та ворчит, спускаясь вниз,
 К синей водной кромке.
 – Раздевайся, искупнись! –
 Снова голос громкий.
 Машет бабушка рукой:
 – Плюхайтесь уж, ладно.
 Блеск, сиянье над рекой.
 На душе отрадно.
 По-сибирски широка,
 Вздвигая берег правый,
 Расплескалась Томь-река
 Вольно, величаво.
 Струи звонкие крутя,

Звонко гудит под ногами земля.
 Ветер студёный раздел тополя.
 Между кривых оголённых ветвей
 Небо туманное стало видней.
 Там по утрам, исчезая вдали,
 С криком прощальным плывут журавли.
 Нынче у Веры другие дела.
 Ленточку в косы проворно вплела,
 Галстук скрепила блестящим значком,
 Что-то мурлыча, крутнулась волчком,

В знойной дымке сонной
 На спине своей шутя
 Держит мост понтонный.
 Вера пенит синеву,
 Рада похвалиться:
 – Глянь, бабуся, я плыву!
 – Вижу, озорница...
 Поутру на два часа
 Потерялась снова.
 Вдруг домой приводит пса,
 Грязного, худого.
 – Вот страшилище! Вот зверь!
 Все дивятся. – Чудо!
 Вера юркнула за дверь
 К шкафу, где посуда.
 Тащит миску с молоком,
 Хлебную краюху.
 – Он со мной уже знаком,
 Узнаёт по нюху.
 Смело вынула репей
 Из лохматой шерсти.
 Ешь, барбосик, ешь и пей.
 Цапнет вас! Не лезьте!
 Пёс краюху проглотил,
 Опростал и миску.
 И едва набрался сил,
 Тут же – в мойку, в чистку.
 Увела его к реке,
 Мылом натирала.
 Пёс глядел в немой тоске,
 Огрызался вяло,
 Вырывался, а потом, –
 Как свалилась глыба.
 Став сухим, вильнул хвостом,
 Мол, за всё спасибо!

4.

Сумку взяла – и скорей за порог!
 Надо пораньше прийти на урок:
 Нет ли грязнуль, не умытых со сна.
 Спросят с неё. Санитарка она.
 Бабушка вслед ей: – Пальтишко надень!
 В платье простудишься. Ветренный день.
 – Я закаляюсь! Мне жарко всегда!
 Чмокнула в щёку – и нет уж следа...
 Мать и отец на работе все дни,
 Старый да малый всё больше одни.
 Вот и сегодня, из школы придя,

Вера стряхнула росинки дождя.
 Выпила чаю – и снова к столу.
 Бабушка варежки вяжет в углу.
 Тихо. За мутным оконным стеклом
 Шаркает осень своим помелом,
 Листья сгребают к заборам сырым,
 Лужи рябят холодком дождевым.
 Дверь приоткрылась – и мальчик
 вошёл,
 Взглядом смущённым уставился
 в пол.
 Ватмана лист прижимает к груди.
 Вера к нему: – Проходи, проходи!
 Мальчик ни с места, как будто
 прирос.
 – Сделал заказ? Стенгазету принёс?
 Так же – всё молча – несмело
 шагнул,
 Шумно вздохнул. Опустился на
 стул.
 – Коля, ты что невесёлый такой?
 Поднял он голову, хмурый и злой,
 Лист развернул. – Вот... сидел я
 полдня...

– Мама! Слышишь?.. Дрёмушка ты
 дрёма...
 У тебя сегодня выходной?
 – Выходной. – Ты, значит, будешь
 дома?
 – Дома буду, доченька. С тобой.
 – Ну, тогда поспи ещё немножко –
 Потрепала тёплой рукой.
 Спрыгнув с койки, глянула
 в окошко:
 – Ой, туман на улице какой!
 Ни домов не видно, ни завода...
 – Это к вёдру, – бабушка в ответ. –
 Постоять должна ещё погода.
 Долго что-то заморозков нет...
 Полз туман и таял, словно пена.
 За кисейной белой пеленой
 Открывались дали постепенно
 И высокий купол голубой.
 Поднимала осень ковшик солнца,
 Чтобы брагу лета из него
 Выпить всю до капельки, до донца,
 Не оставя выюгам ничего...
 Хорошо в денёк такой погожий

Этот лентяй... он похож на меня.
 Смотрит и Вера: – Рисунок хорош.
 Правда, – хохочет, – немного похож!
 Сам ты, выходит, продёрнул себя!
 Коля вздыхает, вихор теребя.
 – Вот что, художник: бери-ка тетрадь,
 Будем задачки с тобою решать.
 Ты с арифметикой сильно отстал.
 Как бы весной не случился скандал...
 Добрый, улыбчивый бабушкин
 взгляд
 Мельком нет-нет, да согреет ребят.
 Мальчик серьёзен, а внучка смешит:
 Тоном учительским с ним говорит.
 Строжится, жучит дружка своего
 Так, что аж пот прошибает его.
 Вдруг, забывая наставницы роль,
 Ласково щурится: – Понял, в чём
 соль?
 Ожил дружок. Улыбаясь слегка,
 Шмыгает носом, кивает: – Ага.
 Бойко кричит, выбегая за дверь:
 – Не попаду в стенгазету теперь!

5.

Побродить по парку в тишине.
 Сбросив листья, стал он как-то
 строже,
 Но ещё приветливый вполне.
 Под косыми жёлтыми лучами
 От стволов струится лёгкий пар.
 Шелестящий ворох под ногами –
 Как упавший на землю пожар.
 Воздух полон пряным ароматом,
 Пьёшь его – и хочется ещё.
 Чуть прохладно в парке сыроватом,
 Но пригрето солнышком плечо...
 Наслаждаясь отдыхом, покоем,
 Мать и дочь гуляют здесь вдвоём,
 Дышат крепким лиственным настоем,
 Размышляют каждый о своём.
 Тишь, дремоту парка то и дело
 Нарушает Вера. Вот опять:
 – Что-то я спросить тебя хотела, –
 Начинает вслух припоминать.
 Помолчала, вспомнила – и рада:
 – Оглянись-ка, мама, посмотри.
 Ты не знаешь, что там за ограда?
 Столб какой-то, камень ли внутри.

– Это, дочь, героям-партизанам
 Памятник поставили друзья.
 – А давно герои эти жили?
 – Нет, недавно.
 – Их убили?
 – Да.
 – А за что?
 – За то, что жизнь любили.
 – Кто убил?
 – Бандиты, господа.
 – Расскажи.
 – Рассказ о них короткий...
 Одного я вижу как сейчас.
 В картузе ходил, в косоворотке,
 Русский чуб над искорками глаз...
 Все ребята были молодые.
 – Как наш папа?
 – Да, таких же лет...
 По натуре – смелые, прямые,
 Если да – так да, а нет – так нет.
 Вот когда нагрянули неожиданно
 Беляки, короче, всякий сброд,
 Собрались друзья и – в партизаны –
 За людей бороться, за народ.
 – Как же их убили?
 – Расстреляли...
 Говорят, отбились от своих.
 Окружили их да и подмяли
 Человек пятнадцать – четверых.
 Их бы, может быть, и отпустили,
 Но один герой-то сгоряча
 На допросе, кланяться не в силе,
 Беляка ударил, палача.
 Нет уж их. А память вот осталась.
 Старый парк задумчиво притих.

Совсем незаметно детишки
 Взрослеют у нас на глазах...
 На полке – серьёзные книжки,
 Букварь уже пылью пропах.
 И шёпот с подружкой, и тайна,
 Которой нам знать не дано.
 И мамин берет не случайно
 Примерен – он в пору давно...
 Стемнело за окнами школы.
 Звенит в коридоре звонок.
 И сразу же гомон весёлый
 Сливается с топотом ног.
 Ребята, давно ль это было –

Как же так? А Вере-то казалось,
 Что герои – в сказках лишь одних...
 Не спеша к оградке повернули,
 Где с высокой гордой головой
 Замер тополь, точно в карауле
 Молчаливый, хмурый часовой.
 Настроенье мамы поневоле
 Захлестнуло Веру как волна.
 Губы сжав и морщась, как от боли,
 Молча прутья гладила она.
 Ничего не спрашивала больше,
 Никакой не нужен был рассказ.
 Ей хотелось только, чтоб подольше
 Этот день продлился, не погас.
 А когда опять волной тяжёлой
 Чувство грусти схлынуло, ушло,
 Не могла уж стать она весёлой
 От того, что солнечно, тепло.
 Шли минуты в шорохе и звоне.
 Терял панамку ветерок.
 Припекало сбоку. А в ладони
 От чугунных прутьев холодок.
 Жизни смысл ребёнку непонятен,
 Но зато понятна к ней любовь.
 Глаз не сводит с бурых ржавых пятен,
 Может, то не ржавчина, а кровь?..
 Был тогда, наверно, день погожий,
 Или, может, снег вокруг лежал.
 – Я его ударила бы тоже!
 Пусть меня бы тоже расстрелял.
 Что с её Веруськой сероглазой?
 Лоб нахмурен, взгляд горячий, злой.
 Клавдия Лукьяновна ни разу
 Не видала дочь свою такой.

6.

Не вы ли из класса неслись?
 Штанами лоснили перила,
 Съезжая стремительно вниз.
 Не вы ли в углу затемнённом
 Барахтались – «Куча мала!»
 И окна порою звенели,
 Роняли осколки стекла.
 Дождавшись последнего часа,
 Встаёте, бумагой шурша,
 Выходите дружно из класса,
 Степенно, гуськом, не спеша.
 И девочки смело ступают:
 За косы не дёрнет никто.

У вешалки их не толкают,
 А даже вручают пальто...
 В шумливой ребяческой стае
 У Веры немало друзей.
 Подружке – Мироновой Рае –
 Шепнула она у дверей:
 – Пойдём-ка быстрее, пойдём-ка.
 Я новость тебе расскажу...
 На улице вьётся позёмка,
 Скрывает дороги межу.
 У каждого дома наносы...
 Огни уже вечер зажжёт.
 На плечи, на светлые косы

И вот опять в тылу врага.
 Ноябрь, холодный и буранный,
 Рассыпав чистые снега,
 Забинтовал земные раны.
 Воронок чёрных след исчез.
 Всё в белизне – мосты и гати.
 И куржаком покрытый лес –
 Как воин в белом маскхалате...
 На этот раз не трое их –
 Собрались в путь большим
 отрядом.
 Среди друзей, подруг своих
 Шагала Вера с Зоей рядом.
 Как тень, забота на лице:
 На ней пимы и телогрейка,
 А Зоя в лёгком пальтеце,
 Жжёт сапоги позёмка-змейка.
 Одежду эту не сняла,
 Одно имея на заметке:
 Хотя и меньше в ней тепла,
 Зато удобнее в разведке.
 Ах, Зойка, Зойка. До чего ж
 Упряма ты и своевольна.
 Уже, небось, колотит дрожь,
 А вид такой, что всем довольна.
 Недавно Вера, как могла,
 Решила всё ж поправить дело –
 Ей тёплый свитер отдала,
 Своим теплом её согрела...
 Подполз разведчиком рассвет.
 И тут сказала Вера Зое:
 – Ещё увидимся. Привет!
 Я – в охраненье головное...
 Стояла Зоя, глядя вслед.
 Не знали девушки, не знали,

Ложится, как пудра, снежок.
 Румяные, статные обе,
 Одетые очень легко,
 (Закалка! Пусть тело в ознобе)
 Подружки ушли далеко.
 Была эта новость, похоже,
 Секрету большому под стать:
 Нельзя, чтоб какой-то прохожий
 Хоть слово сумел услышать.
 Вот площадь. Безлюдно, пустынно.
 Мигают одни фонари.
 – Рассказывай. Только не длинно.
 А то я застыну, смотри.

7.

Что дружба их – на много лет:
 Обоим быть на пьедестале...
 Казалось, всё на лад идёт,
 Но через час с пути свернули,
 Когда залаял пулемёт
 И трассу вычертили пули.
 В лесу кричало вороньё,
 Там, где врагов серели трупы...
 Фашисты сделали своё:
 Отряд рассыпался на группы.
 Пускай людей наперечёт –
 Но велика в победу вера.
 – Оружье есть. Пойдём вперёд.
 – Ты наш комсорг – команду, Вера!
 В любой из ближних деревень
 Врагов заклятых волчья стая.
 В лесу таились целый день,
 Дымок жилья с тоской вдыхая.
 Глаза прикроешь – и тотчас
 Их заволакивает дрёма.
 И видит Вера – в сотый раз! –
 Не лес, а парк старинный дома.
 Скользит на лыжах там она
 Среди деревьев стройных парка.
 И в мире – мир, а не война,
 И снег блестит на солнце ярко.
 За парком – берег. Глянешь вдаль –
 Восторг в душе и вдохновенье!..
 Глаза открыла. Ах, как жаль,
 Что эти грёзы – на мгновенье...
 Сгустились сумерки. Пора!
 К деревне двинулись цепочкой.
 А вдруг из тёмного двора
 Смерть лязгнет огненной строчкой?
 Всё может быть, всё может быть...

Нет, видно, подвига без риска.
 Напасть врасплох, взорвать, убить –
 Вот цель, которая так близко.
 Того, кто духом не ослаб,
 Нельзя поставить на колени!..
 Калитка. Дом, в котором штаб.
 Миг – и метнулись к штабу тени.
 Окно чернеет. И туда
 Летит безжалостно граната.
 Ну, как, арийцы-господа,
 Каков подарок азиата?
 Ещё грохочет, а рука
 К другой уж тянется гранате.
 Небось, давали храпака?

...Я знаю, Клавдия Лукьяновна,
 Как трудно вам, приблизив даль,
 Переживать всё это заново –
 Былую радость и печаль.
 Да, было радостью великою
 В кровати дочку пеленать,
 Позднее с тёплой улыбкою
 С порога в школу провожать;
 Чтоб полюбила землю русскую,
 Бродить в полях привольных с ней
 – С резвухой, ласковой
 Веруською,
 Родной, единственной своей.
 Судьбу счастливую без вымысла
 Пророчить маленькой в мечтах;
 Увидеть вдруг, как дочка выросла,
 Невестой стала на глазах...

Вот вам гостинцы. Нате! Нате!
 Расцеловать бы всех ребят,
 Как дружно действуют, орлята.
 На помощь грохоту гранат –
 Скороговорка автомата.
 Скорей обратно, за дворы.
 Здесь пять копён, рубеж окопный.
 Достань термитные шары –
 Пускай горят, пылают копны!
 Пускай у вражеских солдат
 Дрожат поджилки этой ночью.
 Они ведь верят в рай и ад,
 Так вот им ад живой, воочью!

8.

Как было радостно и весело!
 И вот нагрянула война.
 Тяжёлой тучей занавесила
 Зарю июньскую она.
 Горят московские предместия,
 Грохочут пушки день и ночь...
 Страшнее страшного – известие,
 Что смертью храбрых пала дочь.
 Совсем не думая прославиться,
 За счастье Родины в бою
 Русоволосая красавица
 Сложила голову свою...
 Недаром почесть полной мерою
 Мы ей доныне воздаём,
 Как Зою, нежно «нашей Верою»
 Землячку славную зовём.

I/1960 – 19/VI-61 г.

ДНИ И ГОДЫ

1.

Пишу про вас, бывших бойцов,
 Чей путь был многотруден,
 Максим Петрович Кузнецов,
 Иван Кузьмич Прокудин...
 Далёкой юности друзья,
 Рождённые в Кузбассе,
 Они – забыть о том нельзя –
 В одном учились классе.
 Чего греха таить: порой
 Припомним еле-еле,
 С кем мы за партою одной
 Не год, не два сидели.
 Иные встречи – без следа,
 Так, жизни ход обычный.

Сосед по парте – не всегда
 Дружок твой закадычный.
 А этих, если вспомнить вновь,
 Так близких по натуре,
 Сдружила накрепко любовь
 К стихам, литературе.
 – Смотри, Максим, что я достал! –
 И Ваня белобровый
 Сосредоточенно листал
 Какой-то томик новый.
 – Дай погляжу!
 – Постой, сейчас
 Найду одну вещицу. –
 Впивались враз две пары глаз

В заветную страницу.
 Кругом шумели. И звонок
 Звал на урок, а Ваня,
 Весь упоён звучаньем строк,
 Читал, слова чеканя.
 – Вот! Словно сам под синевой
 Идёшь в цветах по лугу... –
 И как подарок лучший свой,
 Вручал он книжку другу.
 О чём учитель говорил,
 В их прилежанье веря, –
 Максим не слышал. Он парил
 В иной, волшебной сфере.
 И вдруг: – Ты что же, Кузнецов,
 Согнулся? Болен, что ли? –
 Лишь тут он с музыкой стихов
 Прощался поневоле...
 Одним союз их был скреплён,
 Да не во всём, однако:
 Иван в Твардовского влюблён,
 Максим, тот – в Пастернака.
 О, этот жаркий спор о том,
 В чём сила – в мысли, в чувстве?
 Их спор о сложном и простом
 В поэзии, в искусстве...

Шумел, гудел, стонал перрон.
 Кто ждал такого часа?..
 За эшелон эшелон –
 На запад из Кузбасса.
 Там, на перроне – горечь слёз,
 Суровость лиц, седины...
 И стук сердец, и стук колёс
 Сливались воедино.
 Груз фронтовой вдвоём нести
 Не так невыносимо,
 Но разошлись тогда пути
 Ивана и Максима.
 Почти полгода ничего
 Не знали друг о друге.
 Уж под Москвой – где прыть его? –
 Хоронят немца вьюги...
 У старой дружбы свой закон:
 Негаданно-нежданно
 В землянку входит почтальон
 С известьем от Ивана.
 И по рукам Максима – ток.
 Волнуясь, словно школьник,
 Он развернул простой листок,

Как убедила жизнь поздней,
 Наверно зряшный спор-то: –
 Лишь простота – для всех людей,
 А сложность – вроде спорта...
 К живому слову не глухи, –
 Ах, юность с парусами! –
 Максим, Иван, любя стихи,
 Писали их и сами.
 Да не пришлось с годами им,
 Хоть был их стих не плоским,
 Ни Пастернаком стать вторым,
 Ни стать вторым Твардовским.
 Кто знает, что тому виной...
 О чём душа мечтала,
 Войною, как взрывной волной
 Внезапно разметало.
 Их строф есенинская звень,
 Со всем своим лиризмом,
 Была в один – июньский – день
 Развеяна фашизмом.
 О, ранней юности запев!
 Ты нёс лучи восхода,
 А зазвучал, как ярость, гнев
 В трагедии народа.

2.

Помятый треугольник.
 А там – всего десяток слов,
 Но свет от них в землянке:
 Мол, всё нормально, жив-здоров,
 Тружусь, как на «гражданке»:
 Вожу на «Эмке» комполка,
 До дней войны – джигита...
 А как твои дела? Пока.
 Жду вести от «пиита»...
 Пиит! Чего лишь не отдашь,
 Чтоб всё вернулось это...
 Скорей берись за карандаш.
 Друг очень ждёт ответа.
 А немец снова озверел –
 Всё громче канонада.
 Добром ли кончится обстрел?
 Успеть ответить надо...
 С тех пор ни даль, ни свист и вой –
 Ничто им не мешало.
 Спасибо почте полевой!
 Она их жизнь сближала.
 Война сжигала всё дотла,
 Но как ни лютовала,

В честь Сталинградского «котла»
Душа салютовала!
Пусть наша мощь ещё врага
С земли родной не стёрла,
А вот уж Курская дуга
Ему сдавила горло.
Что там была за кутерьма –
Максим узнал от друга,
Из строгих строк его письма,
Что прилетело с юга:
«Ну, как воюешь, как живёшь?»
А мне вот грудь прошило.
Дышать дышу, а пуля всё ж –
Она не гвоздь, не шило...
Есть наяву крошечный ад:
Бой танков, рукопашный...
Там брата нашего, солдат,
Легло – подумать страшно.
И командир мой сплосховал:
Открылся весь с пригорка,
Его из танка – наповал.
Аж в ключья гимнастёрка...
Жаль... Ну, а всё ж своё взяла
В той битве наша сила!
Как говорится, силы зла
Изрядно подкосила.
Понять: союзник наш – мороз,
Фриц перестанет. Где там!
Теперь он, глиняный колосс,
Бежит назад и летом.
Оно ему уже не мёд.
И в зной – мороз по коже.
Теперь-то в главном – чья возьмёт?
– Сомнения быть не может...»
Всё так. Не тот фашист теперь.
Бесспорен вывод Ванин.
Но как ещё опасен зверь,
Который тяжело ранен!
Ещё встаёт он на дыбы,
Огонь из пасти мечет...
И взрывов чёрные столбы
Сшибают с ног, увечат.
Пока фашистский страшный зверь
Сомкнёт, издохнув, веки,
Мир не сочтёт людских потерь –
Прольются крови реки...
Не думал выжить и Максим.
Шла мысль за ним повсюду:
Сегодня жив и невредим,

А завтра вряд ли буду...
Лежать останусь в том леске.
Не первый, не последний...
Он на закат глядел в тоске –
Там немцев край передний...
Плыл алый вечер по росе,
Спокойный, тихий, чуткий.
А на ничейной полосе
Синели забывдки.
Их мирный вид глушил тоску
С предчувствием плохого –
Вскипала ненависть к врагу,
С кем завтра схватка снова.
Нельзя предвидеть ничего –
Убьёт тебя иль ранит...
Ещё посмотрим, для кого
Лесок погостом станет!..
А поутру в огне, в дыму,
В снаряжном, минном стоне
Бежал Максим к леску тому –
К немецкой обороне.
Ещё рассвет был смутно сер.
К спине рубаха липла...
Бежал с тяжёлым ПТР,
Дыша надсадно, хрипло.
Бежал за валом огненным
Дорогой, что кровава,
Где после мёртвым и живым –
Одна и честь, и слава.
Как жадно воздух ловит рот!
Уже не ноги – вата!
– Ура – а! За Родину! Вперёд!
За Сталина, ребята!..
Казалось, вал всё стёр в песок,
От фрицев – лишь останки.
Но распроклятый тот лесок
Швырнул навстречу танки.
Ах, сволочь фриц! Ещё ты цел...
Залёг Максим в распадке.
Спокойным должен быть прицел,
А руки – в лихорадке.
Не промахнуться б! Треск ружья –
До боли перепонки.
Танк заелозил, как змея,
В пыли, среди воронок.
Другое бахнуло ружьё,
А слева – третье чьё-то...
Пришла, пришла пора своё
Тебе сказать, пехота!

Был разувериться готов
 Максим в тоске-наитье...
 Вдруг слышит: – Ранен Кузнецов!
 Скорей его в укрыть! –
 Тот крик вернул из забытья
 (Был обморок, похоже).
 Не понял: – Ранило? Меня?
 – Тебя. А то кого же...
 Потом под шёпот ветерка
 Был путь в телеге тряской.
 Горела левая рука
 С пятнистой перевязкой.

Не застит больше белый свет
 Грозы военной хмара.
 Прошло без мала тридцать лет
 С тех пор, с того кошмара.
 Я вёл рассказ про двух юнцов.
 Что с вами в мире буден,
 Максим Петрович Кузнецов,
 Иван Кузьмич Прокудин?..
 Давным-давно пути их врозь.
 Поверить можно сглазу...
 Со школьных лет им не пришлось
 Увидеться ни разу.
 Иван с войны – в Сибирь, домой.
 Максим – на Украину:
 Не мог расстаться с медсестрой,
 Так полюбил дивчину.
 Не раз внушал он ей, томясь,
 Когда гуляли в согре:
 – Я ж инвалид! – Она, смеясь:
 – А обнимаешь добре!..
 Так в дружбе верх любовь взяла.
 Милее то, что близко.
 «Как поживаешь? Как дела?» –
 Вот вся их переписка.
 И та иссякла как-то вдруг.
 Всё. Замолчали оба...
 Лишь юность верит: если друг,
 То он – навек, до гроба.
 А там – свои дела, мечты,
 Заботы... Не до писем.
 От повседневной суеты
 По-рабски мы зависим...
 Но часто случай-господин
 Меняет всё, не спорьте.

Ни ручейка нигде в степи.
 Жжёт жажда, горло шпаря.
 – Попить бы! – Малость потерпи,
 Ужо напьёшься, паря...
 Вот ямка с чёрною водой.
 – Останови-ка, друже! –
 Он спрыгнул, лёг над колеей,
 Припал к прокисшей луже...
 Всё дальше, тише за спиной
 Гремело, грохотало.
 «Смешали фрица там с землёй», –
 Подумалось устало.

3.

Максиму встретился один
 Парнишка на курорте.
 Сказал, представясь, юный друг:
 – Шофёр второго класса...
 – А я – конструктор-металлург,
 Приехал из Донбасса...
 Разговорились, что да как,
 О Шукшине, хоккее.
 – Откуда сам? – Я – сибиряк.
 Кузбассовец, точнее.
 – Да ну! И я в Кузбассе жил!
 Теперь лишь вспоминаю...
 С хорошим хлопчиком дружил.
 А что с ним – знать не знаю.
 Стихи писали... К облакам
 В мечтах взлетали... Странно...
 А нет у вас поэта там
 Прокудина Ивана? –
 Смотрел, надежду затая,
 Не отрывая взора.
 – Поэта?.. Нет. Но знаю я
 Прокудина шофёра.
 – В каких летах? – Не старше вас.
 Такой плечистый дядя.
 И на груди – иконостас,
 Когда он при параде...
 – Кузьмич по отчеству? – Ну да...
 Вот сибиряк попался:
 Сквозь дни, сквозь многие года
 Связным он оказался!
 ...Списались. «Сколько лет и зим
 Мы не встречались, Ваньша?
 Жди в гости, – так писал Максим, –
 Дней через пять иль раньше».

В наш век ракетный, скоростной
(В нём явью стали сказки)
Для самолёта шар земной –
Что глобус для указки.
Едва успеет самолёт
Взлетев, набрать движенье –
И сотни вёрст уже не в счёт:
С крутых высот снижение.
Прошло, наверно, два часа,
Как были на Урале –
Внизу сибирские леса
Объяты простирали.
В душе Максима – тот же свет,
Что рдел на небосклоне.
И от волненья злил запрет:
Курить нельзя в салоне...
Но вот среди шума, голосов
Спустился он по трапу
И, по обычаю отцов,
Снял машинально шляпу.
Пожалуй, сам не думал он –
Был миг необъяснимый, –
Что отдавал в душе поклон
Земле своей родимой.
Здесь безотцовщина его
В детдоме обиталась,
Здесь, кроме друга, никого
Из близких не осталось...
Какой он, Ваня-друг, сейчас?
Что от юнца в помине?
Был белобрыс, голубоглаз,
Всегда румян... А ныне?
Поставь его с другими в ряд –
И не узнаешь. Стар же.
Ведь время – правильно острят –
На нас рисует «саржи».
Румянец, кудри... Глядь – поглядь –
Морщины да плешины...
Летит, шуршит асфальта гладь
Под шинами машины.
Максим (все чувства на виду!)
– Какой же русский, – вспомнил, –
Не любит быструю езду!
Слыхал? – Таксист не понял.
– Нет, больше, я бы так сказал,
Он любит водку трескать. –
Сказал, как пальцем указал:
Ты сам «под мухой», дескать.

4.

Смеёшься, чуть ли не поёшь,
И весь, как на шарнирах.
Учти, мол, нас не проведёшь,
Толк знаем в пассажирах...
А тот: – Есть грех такой пока. –
В окошко бросил спичку. –
Сейчас вот два фронтовика
Поднимут... не водичку.
Считай, не виделись сто лет.
Вот штука, брат, какая... –
Умолк. Притих. «Не пьяный, нет, –
Таксист подумал. – Зря я...»
Он – тоже бывший фронтовик, –
Скупой на рассужденья.
Чутьём угадывать привык
Чужое настроенье.
Чтоб подвести итог всему, –
В душе чуть-чуть философ, –
Ответил: – Ясно, что к чему.
Понятно без расспросов...
День утром солнечным вставал,
Июльский день субботный.
И Кузнецов его встречал
Мальчишки беззаботней.
На всё, что виделось в окне,
Смотрел он с интересом.
Даль на восточной стороне
Зарю венчала с лесом.
А вскоре вид полей, холмов,
Рощ, выемок овражных
Закрыло стенами домов –
Больших, многоэтажных.
Деревья, влажные в тени, –
Так зелены в июле! –
Как светофорные огни,
Путь в город распахнули.
И гербом города того
У главной из окраин
Стоял, как жизни торжество,
Шахтёр – всего хозяин.
Стоял он в полный рост, высок,
С широкими плечами,
А на ладони – уголёк,
Сверкающий лучами.
Хоть символичен свет лучей,
С панно мелькнувший мимо,
Но даже он из новых дней
Приветствовал Максима.

Ты не был в городе родном
И дней и лет – без счёта...
Открылся уличный проём –
Как в новый мир ворота.
Водоворот людей, машин –
Всё как в столице где-то.
В зеркальном отблеске витрин –
И синь и зелень лета.
Теперь попробуй-ка представь,
Смотря на скверы, арки,
Где кособочились тут встарь
Бараки и хибарки.
Припомни, глядя на бульвар
С фонтаном, в птичьей гаме,
Где тут скрипучий тротуар
Качался под ногами.
Нет, и представить не берись,
Что видел здесь мальчишкой...
Вдали безоблачная высь
Пронзилась телевышкой.
Чуть в стороне подъёмный кран,
Что стройку к югу сдвинул,

Роились мысли в голове
Сумбурно, в беспорядке.
Передохнул минуты две
На лестничной площадке.
Достал бумажку: верь не верь,
По всем ориентирам,
Этаж тот самый, эта дверь,
Та самая квартира...
Открыла женщина ему
(Наверно, только встала)
В халате, в тапках. – Вы к кому? –
Спросила как-то вяло.
– Иван Прокудин здесь живёт? –
И замер в ожиданье.
Сейчас окликнет, позовёт: –
К тебе тут гость, мол, Ваня.
В её глазах – не то испуг,
Не то налёт печали...
– Вы с Украины? Школьный друг?
– Так точно! Угадали. –
Хозяйкин взгляд не стал добрей,
В ответ не улыбнулась.
– Ну, что ж стоим мы у дверей...
Идёмте, – повернулась.
И первой в комнату прошла,
В уютную, с балконом,

Не в честь тебя ли, ветеран,
Приветно руку вскинул?
Был город празднично-красив,
Весь в розоватом свете.
Вот так красив «жилой массив»
На красочном планшете...
Притормозили за углом.
Здесь Ванин дом, квартира...
Шофёр сказал, крутнув ключом:
– Вот наша площадь Мира...
И как ни замкнут, не сдержал
Душевного порыва:
Плечо Максима крепко сжал
И пожелал: – Счастливо.
– Спасибо, друже. В добрый путь! –
Максим захлопнул дверцу...
Волнение снова сжало грудь,
К вискам прильнув и к сердцу.
Уж начинало солнце греть.
Короче тень от зданий...
«А город надо посмотреть!
Посмотрим вместе с Ваней...»

5.

Где за прозрачностью стекла –
Двор в пламени зелёном.
Заметив, что несмело он
Мнёт в пальцах сигарету,
Открыла створки на балкон –
Навстречу звукам, свету.
Гость не спускал с хозяйки глаз,
Дивясь её смятению...
– Располагайтесь. Я сейчас. –
И скрылась тихой тенью.
«Приём не больно-то хорош. –
Максим вздохнул невольно. –
Больная, может? Не поймёшь.
Но странная довольно...»
Был озадачен он слегка.
Не ожидали, что ли?
Плыл сладкий запах ветерка
Из летнего раздолья...
Сейчас Иван войдёт сюда.
Ну, здравствуй, гость желанный!
Но было тихо. Лишь вода
Плескалась где-то в ванной.
Потом тупой какой-то звук –
Упало на пол что-то...
Ну, где ж ты там, хозяин-друг?
Что медлишь-то, пехота!

К груди культу прижал Максим –
Так сердце колотилось...
Стук каблучков – и перед ним
Хозяйка появилась.
Спокойный взгляд, стройнее стать,
Цвет платья – строгий, тёмный.
Умеют женщины понять –
Свой облик, самый скромный!
Лицо румяное чуть-чуть,
Высокая причёска.
Всё – любо-дорого взглянуть –
Красиво и неброско.

Молчали долго. Так молчат
Над свежей могилой.
Скорбели, как сестра и брат –
Их эта скорбь сроднила.
Склонясь, не видя ничего,
Он тёр лицо ладонью...
– Да что ж случилось? – Взгляд его
Был мутный, как спросонья.
Сморгнула слёзы с красных век,
Сказала с дрожью в теле:
– Инфаркт... Он модный в наш-то
век...
– Когда? – На той неделе...
С балкона воздуха струя
Дышала терпким зноем...
– Ведь вы с дороги! Что же я...
Давайте стол накроем. –
Ах, руки женщин! Все дела
Спровосят без заминки:
На белой скатерти стола
Готов обед – поминки.
Всё оглядела и, смутясь,
Заметила несмело:
– А вот винцом не запаслась.
Простите. Не успела. –
Встряхнулся гость: – Совсем забыл!
– Нагнулся к чемодану. –
Такой запас я прихватил.
Энзе... Сейчас достану.
Вот фрукты. Шпроты. И винцо...
Да, старость непреклонна, –
Сказал он, зная, что лицо
Набрякло от наклона.
– Какой вы старый. Лишь седой...
Ещё свернёте горы...
– Куда там! – Он махнул рукой. –

И на немой вопрос в ответ
Поникла на диване...
– Вы опоздали. Вани нет...
– А где ж он? – Умер Ваня...
Её слова, как близкий взрыв,
Максима оглушили.
Глядел, по-детски рот раскрыв,
Всё осознать не в силе.
Вдруг стало в комнате темно.
Как будто мрачно-серой
Просвет балконный и окно
Задёрнули портьерой...

6.

И мне... за Ваней скоро...
Сквозь тюль сиял весёлый свет.
Что солнцу ночь, потёмки!
Но невесёлым был обед
И разговор негромкий.
Наполнил рюмочки Максим.
– Как в песне той поётся,
Хотел за здоровье выпить с ним –
За упокой придётся...
Вдова пригубила с глоток.
К тарелке наклонилась.
– И Ваня был плохой питок,
И я не приучилась...
Текли минуты и часы,
Синел и таял где-то
В квадрате светлой полосы
Дымок от сигареты.
А со двора шумок листвы
Порой вплетался тихо
В слова печальные вдовы –
В рассказ про горе-лихо:
– Была я в кухне – мало ль дел, –
А Ваня в это время
У телевизора сидел,
Смотрел программу «Время».
Затем, наверно, шёл футбол.
Впадал тут Ваня в детство.
Опять кричит, я слышу: – Гол!
Забии наконец-то!
Как о футбольном короле,
Твердил всё про Стрельцова:
Мол, это наш второй Пеле,
Игрок, мол, образцовый...
Готовлю ужин, а сама
Посмеиваюсь даже:
Все от футбола без ума,

И ты, чудак, туда же...
А через несколько минут...
И вспомнить это – мука...
По телевизору орут,
А он молчит, ни звука.
Могла ли думать я тогда...
Не придавала значенья...
Вдруг слышу: – Настя! – Я – туда,
А он уж без движенья.
Откинул голову на стул,
Хрипит, глаза – навывкат.
Повисли руки. Всё. Уснул...
Оставил горе мыкать. –
От прочих дум отрешена,
Платок к глазам прижала.
Ах, как же, бедная, она
Всё вновь переживала...
– А хоронили как его!
Велик ли был он чином,
Но словно с города всего
К нам съехались машины.
Когда мы Ваню со двора
На площадь выносили,
Они, молчавшие с утра,
Все враз заголосили.
На все лады тот вой сирен
Звучал надрывно, долго... –
Сомкнув ладони меж колен
И съёжив плечи, смолкла.
А гость холмы военных дней
Припомнил вдруг, печалась:
– Да, это был салют друзей.
Достоин попросились!
– Друзей-то много он имел
В шофёрской автороте.
Что-что, а это он умел –
Душой гореть в работе... –
В другую комнату ушла,
Там что-то искала,
И тут же папку принесла
С коробочкою алой.
– Вот память добрая о нём, –
Сказала как-то робко...
Казалось, вспыхнула огнём
Открытая коробка.
С медалей, знаков, орденов
Блеснули – что им горе! –
И вспышки-зарева боёв,
И мирных буден зори...
Пусть труд вершит свои права,

Пусть вновь бои не грянут! –
Взывали, чудилось, слова
С листов Почётных грамот...
На мир, где солнце, бирюза,
Где смех и птичьи трели,
Со снимков Ванины глаза
Доверчиво смотрели.
А вот он, друг, – хоть не гляди,
Так жутко, до озноба –
Лежит с руками на груди
В дощатом лоне гроба.
– Возьмёте, может быть, с собой?
– Нет, что-нибудь другое.
Где он не мёртвый, а живой...
Живым нужней живое...
Как будто отзвук этих дум,
Тревоживший их души,
Вдруг оживлённый говор, шум
Послышался снаружи.
Что это? Вышли на балкон,
Где солнце так слепило
И так был полдень раскалён,
Что обожгли перила.
Поблёкло горе на момент
В той солнечной полуде:
Внизу, у «Волги» с глянцем лент,
Толпились тесно люди.
А в этой дружной тесноте,
Где все в пылу задорном,
Она – в сквозной своей фате,
И он – в костюме чёрном.
Их целовали. Кто – смеясь,
Кто истово, степенно.
Стрельнули пробки. Полилась,
Шипя, с фужеров пена.
И словно к счастью путь стеля,
Тотчас же на панели
В ногах их брызги хрусталя,
Подпрыгнув, зазвенели...
Защёлкал фотоаппарат
(Мол, будет всем по снимку!).
Застыл жених, усат, кудлат,
С невестою в обнимку...
– Сосед. Из армии весной...
С границы той... с Амура...
– Да, новой бредят там войной, –
Максим кивнул понуро.
Не мог о счастье думать он,
О женихе, невесте,
Представив гроб, рыданье, стон

На этом самом месте.
Вот так же солнышко пекло
И листья шелестели...
Совсем немного дней прошло
С той горестной недели.

Загадка всё же – наша жизнь.
Не мучься: разгадать бы!
Как сложно в ней переплелись
Все дни – поминки, свадьбы...

1975 г.

*** *** ***

ИЗ КНИГИ СОНЕТОВ

1972 – 1973 гг.

Как дерево накапливает соки,
Чтоб вспыхнуть яркой зеленью
весной,
Так копятся в душе поэта строки,
Рождаясь робким замыслом,
мечтой.
Сперва всё смутно, но приходят
сроки
И чувства обретают ясный строй,
И мысли набирают взлёт высокий –

Звонят стихи, как лиственный
прибой!
Потом их ветер со стола срывает,
Уносит – до последнего листа.
Душа молчит, томится, изнывает,
Как сад, раздетый стужей, пуста.
Она без сил как будто. И не знает,
Что вспыхнет вновь, как майский
день, чиста.

Что нужно, чтобы стих создать
хороший?
Всего важнее талант и мастерство.
И труд такой, чтоб не был тяжкой
ношей,
А чтобы с огоньком вершил его.
Хороший стих – не камень, в землю
вросший,
Должно сверкать в нём жизни
торжество –
С ребячьим смехом, с первой

порошей,
С биеньем жарким сердца твоего.
Ведь в сердце – не одна берёзка
в поле
И не одна безоблачность над ней,
А все людские радости и боли,
Все праздники и будни наших дней.
Поэтом быть – счастливее нету доли.
И вместе с этим нет её трудней.

Не горе, если в зрелые года
Поддастся тело вьюгам-завирухам,
Но будет настоящая беда,
Коль вдруг пойму: состарился я
духом.
Весь мир воспринимать начну тогда
Не внутренним, а только внешним
слухом,
Махну на строчки – колоски труда,

Земля, мол, Леты пусть им будет
пухом...
Страшнее нет, наверно, ничего,
Чем вдохновенья юного утрата.
Земной мой мир, как я люблю его –
Леса, поля, журчанье переката!
Неужто всё – без спроса моего –
Во мне, ещё живом, умрёт когда-то?..

Родной язык – как ягода, что росна.
Но лезут – саранчою на луга –
Какие-то «до лампочки»,
«потрясно»,
«Железно», «предки», «чао»,

«на фига».
Где болтовня – куда ни шло, всё ясно,
Но и учёных левая нога
«Волнительно» (волнующе,
прекрасно)

Выводит бойко – мода дорога.
Грязнится речь и терпит всё бумага.
Недаром говорят: язык – мой враг.
Влюблённый в труд – «трудяга»,
«работяга»,

Когда я окрылён, когда пишу –
Не думаю совсем про чьё-то
мнение.
Я просто, словно воздухом, дышу
Стихами, что рождает вдохновение.
Как я часами теми дорожу!
А вдруг, – как страх, шевелится
сомнение, –
Переступлю какую-то межу

Его, когда он вдруг ушёл от нас,
Великим по достоинству назвали.
Сказали то, что надо. Но тотчас
Нашлись эстеты: – Можно ль так?
Едва ли...
А не они ли сами много раз
И слушали, и вслух другим читали
В простых стихах про Тёркина
рассказ,
Где Русь, её характер узнавали.

Есть для души отрада, благодать –
Быть может, у недалекого причала
Страницы жизни вдумчиво листать
От первой корки, с самого начала.
Всё словно повторяется опять –
Как ухал гром, как музыка звучала.
И даже то начнёшь вдруг различать,
Чего душа в былом не различала...
А будущее? Что гадать о нём.

Свои у каждой жизни эпилоги.
Один хороший, а другой плохой.
Не сам ты будешь подводить итоги,
А те, кто знал тебя, кто жил с тобой.
Какие ни пройдёшь пути-дороги,
На них отмечен будет шаг любой...
Но важно ль, что напишут
в некрологе?

Россия, Русь, во многом ты видна:
Врага любого бьём мы смертным
боем,

Достойный одобрения – «нештяк»...
И в толк не взять, откуда эта тяга
Прекрасный наш язык коверкать
так.

И всё иссякнет в горькое мгновенье.
Чем буду я тогда на свете жить?
У каждого заветное есть что-то,
А у меня – в стихи себя вложить,
Да так, чтоб незаметно было пота.
Я научился жизнью дорожить.
Жизнь без труда – как птица
без полёта.

Был первым автор «Книги
про бойца»
Среди собратьев. (Снова слышу:
– Ой ли?).
Да! Шёл с родным народом до конца.
Куда там многим, чьи Пегасы
в стойле...
И, потеряв народного певца,
Смешно гадать: великий он, большой
ли...

Кто знает, что подкатится к порогу.
Чем измерять свой путь – годами,
днём?
Пока лишь ясно: будь готов
в дорогу.
Наверно, счастье главное в одном:
Живёшь, грустишь, поёшь – и слава
богу.

Важней, что говорят, пока живой.
Не соблазняйся славою чужою,
А на своём пути бери разбег.
Пускай высоткой будет небольшою,
Да собственной, своей твой славен
век.
Пусть ни один не покривит душою,
Сказав, что ты – хороший человек.

Во здравье пьём – не морщимся,
до дна,
Начнём дела – работаем запоем.

Республики твои – семья одна,
Свой дом просторный сообща мы
строим.
Известно всем в любые времена,
Что значим в мире мы, чего мы
стоим.
С врагами беспощадны и строги,

В своём труде я вижу путь один:
Из пальца не высасывать ни слова.
Всё брать из сердца, из его глубин,
Оно одно всего первооснова.
Пусть не достигнуть мне больших
вершин
И не добиться крупного улова,
Пусть меряю я всё на свой аршин,

Я под огнём смелей, пожалуй, был,
Чем в день, когда мечты заветной
ради
Редакции порог переступил,
Оправив китель, расчесав все
пряди.
О, счастье, я задание получил.
Мечтал об этом, словно о награде.
И за ночь с вдохновеньем
настроил

Оставив пену где-то там, у скал,
Томь вольно дышит миром
и покоем.
На берегу – высокий пьедестал! –
Встал памятник кузбассовцам-
героям.
В молчанье здесь проходят стар
и мал
И под порошей снежной, и под
зноем.

Поэзия. А что такое это?
Как суть её точней определить?
Никто не даст нам полного ответа,
И так, и этак можно говорить.
Одно лишь ясно – нету в том
секрета,
Одно мы в силах для себя открыть:
Не всяк поэт, кто в звании поэта,

Друзей готовы встретить хлебом –
солью.
Храня девиз «Отчизну береги!»,
Чужую боль своей считаем болью.
Друзья к нам в гости едут. А враги –
Могил их тьма по русскому раздолью!

Но, может быть, и нет пути иного?
Да, мой девиз: быть с правдою
в ладу,
Всё остальное просто неуместно.
Какого я читателя найду,
Найду ль его – пока что неизвестно.
О, если б то, о чём я речь веду,
Кому-нибудь да было интересно!..

Свой первый в жизни очерк –
в полтетради.
А через день фамилию свою
Увидел я... под маленькой заметкой.
Смущённый и растерянный стою.
Но радуюсь, как радуются редко!
Спешу к родным и чуть ли не пою.
Победа будет: удалась разведка!

Вдали от этих мест металл хлестал,
Но памятник – как воин перед боем.
Недаром здесь торжественно стоят
В почётном карауле пионеры.
Они не просто память павших чтят –
Стоят как в день грядущий символ
веры.
Как символ веры в то, что смерти град
Не выбьет эти улицы и скверы.

Не всем стихам дано стихами быть.
Когда в словах, что встретились
впервые,
Находишь что-то кровное, своё,
Когда они, как будто бы живые,
Берут, волнуя, за сердце твоё,
То понимаешь сам: слова простые –
Поэзия и есть. Нашёл её.

*** **

ИЗ ПОЛЕВОЙ ТЕТРАДИ (Черновики, наброски. 1940-е – 1957 г.)

Не всяк поэт на исповедь способен.
Иной портному бойкому подобен:
Кроит стихи, как платья, на заказ.
Рука набита и намётан глаз.
С журналом мод портной
не расстаётся.
Любой фасон на выбор там
найдётся.
Под стать ему ремесленник – поэт:
С утра сидит над кипюю газет.
Отыщет в них статью передовую –

И рад: «Я это мигом зарифмую».
О том, о сём строчит он впопыхах,
Лишь самого поэта нет в стихах.
Вот так же шьёт портной свои
костюмы:
Узнай по ним мечты его и думы.
Но швейный мастер всё-таки
скромней:
Сдаёт заказ без подписи своей...
10 янв. 54 г.

У каждой книги настоящей
Есть свой особый аромат.
Какой-то томик немудрящий
Берут порою нарасхват.
Давно страницы пожелтели,
Иных и вовсе нету в нём,
Но терпеливо – дни, недели –
Своей мы очереди ждём,
Чтоб всей душою наслаждаться,
Читая томик в тишине,

Грустить и плакать и смеяться
С его творцом наедине...
А между тем на видном месте,
Собой довольные весьма,
В обложках ярких, честь по чести,
Стоят красивые тома.
Как все они однообразны –
Не только видом, и нутром!
Пусть их читает критик праздный...

ЧИТАЯ ШАНДОРА ПЕТЕФИ...

Какое наслаждение –
Едва ли выше есть! –
Узнать поэта-гения,
Стихи его прочесть.
И чувств и мыслей мощь его
Являет каждый стих.
Поэты... Сколько общего,
Едино у них...
Люби Отчизну милую,
Свободу, правду, жизнь,
Рази врагов, не милую, –
Вот гордый их девиз.
Враждует зло с поэтами.
Всю жизнь идёт борьба.
И может быть, поэтому
Одна у них судьба:

То травля, то изгнание,
То просто пуля в лоб.
Всеобщее признание –
Венками скрытый гроб...
Нет тяжелее бремени,
Чем то, что им дано.
Сгорая раньше времени,
Не гнутся всё равно.
Одни под гвалт бездарности
Вперёд они идут
И даже благодарности
За подвиг свой не ждут.
Лишь верят, верят искренно –
Пускай сто лет пройдёт, –
Восторжествует истина,
Оценит их народ.

1953 г.

САБАНТУЙ...

Литературные светила
Справляют нынче торжество:
Судьба Твардовского сместила:
Уж нет в редакторах его!
Идеологией чужою
Он засорил такой журнал.
Пускай прочувствует душою,
На что он руку поднимал.
Сам Бабаевский кавалером
Меж баб гуляет. Апогей...
– Кто может быть для всех
примером?
Кто? Мой Тутаринов Сергей!
И Николаева Галина
Творца «Муравии» клеймит:
– Пренеприятнейший мужчина...
Не наш он! Чей-нибудь наймит.
Наглеи не видела нахала.
Так оскорблять невинных дам –

Кусочком хрома, новым сапогом
Поблѣскивает лужа под окном.
Мне скажут: – Что за странное
сравненье!
Оно испортит всё стихотворенье.
С кусочком неба лужу б ты
сравнил,

Сказать, что в «Жатве» зѣрен мало,
Как будто нет навоза там...
– Будь проклят с ним и Померанцев!
Грохочет Мальцев Елизар. –
Он дверь открыл для иностранцев,
Мой дар поставил под удар!
– Учтѣм Твардовского повадки, –
Как кочет, Кочетов хрипит. –
Он хаает метод новой кладки.
Смеѣтся... Тоже мне пиит.
Кричат, беснуются, как шавки.
Их лай ничем не отразить.
Готовят шпильки и булавки,
Желая недруга сразить.
– Вот сабантуй-то ранней ранью, –
Дивится Тѣркин. – Как в аду.
И обратясь к тому собранью,
Справляет малую нужду...

Такой бы образ каждого пленил.
Конечно, небо – образ поэтический,
Зато я ближе к правде прозаичной.
И образ мой по-своему хорош.
Ведь я хожу в ботинках без галош...
21 окт. 54 г.

ВДОХНОВЕНИЕ СОБРАТУ ПО ПЕРУ

Пока живѣт в душе волненье –
Не отрывайся от стола!
И верь: войдут в стихотворенье
Живые люди, их дела.
Всѣ, что искал в другое время
И, может быть, не находил –
Сейчас простора просит теме –
И ты сумеешь. Хватит сил!
Не называй, смотри, ошибкой
Иль самомненьем мой совет,
Не отвечай с кривой улыбкой,
Что кто поэт – всегда поэт.
Считай, чем хочешь, хоть экстазом
Минуты эти – всѣ равно, –
Когда строка ложится разом,
Как след мазка на полотно,
Когда как будто по наитью

Находишь быстро верный ход
Любому факту и событию,
Любому образу – полѣт.
Я этот день благословляю
И дорожу им от души.
Что скажут критики – не знаю,
Сейчас одно – сиди, пиши!
Нет бесконечного на свете.
Пройдет и это. Не секрет.
А нет волнения в поэте,
То никакой он не поэт.
Будь даже мастером со стажем –
Ничьи не тронет он сердца,
Коль не раскроет – прямо скажем –
Свой мир душевный до конца...
1953 г.

Кому стихи даются потом,
Найдёт ли радость он в стихах?
Пусть посвятит себя заботам
О прозаических делах!
Невольно Пушкина вспомняешь:
Как он легко владел стихом!
Сто раз прочтёшь – не перестанешь

Дивиться, сколько силы в нём!
Как мудрый бог, он мог без риска,
Что рифмы вступят в ссору с ним,
Шутя в стихах черкнуть записку
Гусиным пёрышком своим.

18 июля 1957 г.

*** *** ***

ИЗ СТИХОВ О ШАХТЁРАХ

1962 – 1974 гг.

ШАХТЁРАМ-ЗЕМЛЯКАМ

Открыв заветную тетрадь,
Где стих родится скоро,
Сперва хотел я написать
Про знатного шахтёра.
Хотел о том, кто впереди –
Вожак большого строя, –
Кто всем знаком, на чьей груди
Горит Звезда Героя.
Потом подумал об ином –
Так сердце подсказало:
И без меня уже о нём
Написано немало.
Его портрет во всей красе,
Во всём его расцвете
Не раз на первой полосе
Мы видели в газете.
Ну, хорошо, представлю я
Героя в лучшем виде,
А вся шахтёрская семья
Останется в обиде.
Тогда десятки, сотни глаз
Наполнятся укором:
Ты что же, друг, забыл про нас,
Спиной – к простым шахтёрам?
Душой к Кузбассу приобщён,
Я стих дарю любому,
Чей взгляд сегодня обращён
К экрану голубому.
Всем вам, родные горняки –
И знатым, и незнатым –
Я отдаю накал строки
С волнением понятным.
Скромны, общительны, просты,
Вы все гордиться вправе,
Что сокрушаете пласты

В забое или в лаве.
Пусть верхогляды бодро врут –
Не верю басне вздорной,
Что лёгок ваш горняцкий труд
В наш новый век моторный.
Да, всё не так, как в днях былых –
Машин у вас в достатке,
А сколько нужно и при них
Умения и хватки?
Нет, нелегко врубаться в твердь
В движение непрестанном.
Здесь надо бой вести уметь
С завалами, метаном.
Здесь пыль густая от угля,
Что вьётся тучей чёрной –
Не то, что запах ковыля
За синью за озёрной.
Вы постоянно, день-деньской,
С природой в поединке.
Нередко след от битвы той –
И шрамы, и сединки...
Высок, велик ваш гордый труд,
Согретый сердца жаром.
И героическим зовут
Его совсем недаром.
Не зря звучат слова молвы,
Слова стихов и песен
О том, как мужественны вы,
Как подвиг ваш чудесен!
Земля без вашего труда
Была бы мглой одета,
И в дальний космос никогда
Не взмыла бы ракета...
Одна мечта уводит вас
В подземные глубины:

Чтоб на копрах на весь Кузбасс
Сияли звёзд рубины!
Пусть эти звёзды-огоньки
Лучатся незакатно!..

Земной поклон вам, горняки, –
И знатным, и незнатным!

23/VIII-66 г.

Всей душой мы любим город наш
С той поры, как встретились
впервые.
Дорог нам родной его пейзаж –
Зелень улиц, трубы заводские.
И любой у города в долгу,
И знаком с ним плохо – скажем
сразу,
Коль на том, на правом берегу,
Не бывал, по случаю, ни разу.
Там стоят, внушительны на вид,
Даже тёмной ночью величавы,
Терриконы, вроде пирамид,
Вроде гордых памятников славы;
Славы тех, кто сам не на виду,
Кто в бою с подземными пластами,
Но кого мы знаем по труду

И кого зовём мы горняками.
Это им при скромности их всей,
С кем народ навек судьбою связан,
Наш Кузбасс, наш угольный
бассейн
Громким, звучным именем обязан.
Это им подвластен ценный клад –
Чёрный хлеб промышленности нашей.
От труда шахтёрского, как сад,
Расцветает Родина всё краше.
Выйди, солнце, глянь из облаков!
Пусть повеет август синим маем.
Мы сегодня праздник отмечаем
Самых славных наших земляков.

25/VIII-66 г.

*** *** ***

ИЗ СТИХОВ О РОССИИ

1967 – 1982 гг.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Можно с другом старинным
поссориться,
Коли, сделав себе пьедестал,
Пред тобою он стал хорохориться,
Зазнаваться и важничать стал.
Можно с братом – немало
условного! –
Сохранять отношения едва,
Если, кроме семейного, кровного,
Нет у вас никакого родства.
Можно с доброй, любимой
женщиной
Разойтись и не встретиться вновь,
Если чёрной, зловещей трещиной
Разорвётся внезапно любовь.
Самого себя даже, не милую,

Можешь ты невзлюбить, как
врага...
Лишь земля твоя русская, милая
Будет вечно тебе дорога!
Дорога от кленового прутика,
От подсолнуха рядом с окном
До созвездий кремлёвских и спутника,
Пролетевшего в небе ночном.
Дело всякое весело спорится,
Вольно дышится с думой о ней.
Невозможно с Россией поссориться –
С отчим домом, с печалью полей.
Дружба с нею – надёжная, верная.
Может, есть и не хуже края,
Но Россия – любовь твоя первая
И последняя пристань твоя.

РОССИЯ

Страна моя! Россия-мать!
Заветных слов мне нынче мало –
Как рассказать, как передать

То, чем была и чем ты стала.
Доныне в памяти людской,
Как тень, стоит твой день

вчерашний
С мужицкой лапотной тоской,
С лучиной дымной, с барской
пашней,
Со стоном в тёмных рудниках,
С междоусобной страшной битвой,
С разгулом буйным в кабаках,
С проклятьем, плачем и молитвой.

И в этом, прошлом, ты стара...
Я с горькой болью и любовью
Гляжу на мрачное вчера
И нынешней люблюсь новью.
Ведь перед миром и людьми
Ты в новой красоте и силе –
Тебя осмысливает мир,
Как молодость свою, Россия!

ГОРДОСТЬ

Люблю свой край! Горжусь
безмерно
Своей причастностью к нему
И тем, что преданно и верно
Служу народу моему.
Горжусь, что в юности далёкой
На долю выпало мою
В войне участвовать жестокой
И кровь не раз пролить в бою.
В трудах, дерзаннях и бореньях
Встречаем ныне мирный час.
Живём, свидетельств о раненьях
Не выставляем напоказ.
И орден тоже не приколот.
Пусть знамя вьётся впереди!
Пусть мир глядит на серп и молот,
Что у России на груди!

У личной славы мало света.
Россия! Счастье в ней моё.
Штыком бойца, пером поэта
Мы прославляем мощь её.
Какой счастливый, окрылённый
В борьбе за мир в красе земной
Встаю под алые знамёна,
Знамёна партии родной.
Ей, нашей партии любимой,
Мы все обязаны навек.
В грозе и буре нерушимо
Стоит советский человек.
Народ и партия – едины.
Одна сияет им заря.
И потому непобедимы
Завоеванья Октября!

Чтоб к обороне быть готовыми,
Пока есть вражье вороньё,
Должны успехами мы новыми
Крепить могущество своё.
Должны мы в шахте ли, на стройке
ли
Держать рабочей марки честь,
Должны быть мужественно-
стойкими

Там, где преград ещё не счесть.
Порою косности завалами
Дорога в новое полна,
Но мы делами небывалыми
Сметём их – так велит страна.
Мы с ней судьбою общей связаны
В большом и малом навсегда,
И потому нести обязаны
Высоко мирный стяг труда!

*** *** ***

БУКЕТ

Рассказ

Когда Николай Корчуганов открыл глаза и увидел, что за окном совсем светло, в голове его мелькнула испуганная мысль: «Опоздал!» Он спрыгнул с кровати, и только тут вспомнил: сегодня же воскресенье. Спешить некуда.

Николай взял со стула пачку «Беломора», щелчком выбил папиросу, закурил и, поёживаясь со сна, – он был в одних трусах, – снова прилёг, блаженно вытянув поверх одеяла длинные мускулистые ноги.

В кухне хозяйничала Оленька, и, как всегда, неумело – по всей квартире несло чадом.

Прошло полгода со дня их свадьбы, а Николай всё никак не мог освоиться со своим новым положением. Странно было сознавать себя, недавнего фезеошника технического училища, самостоятельным мужчиной, каждый шаг которого зависит от него самого. Вот он лежит на собственной кровати, не в общежитии, а дома, дымит себе в потолок, и никто не крикнет ему: «Это что такое?!»

Ещё более странным казалось то, что по утрам гремит посудой в кухне не мать, как это было в детстве, а Оленька, худошавая веснушчатая девчушка, тоже недавняя ученица училища, которую он привык видеть не в домашнем халате, а принаряженную, немного кокетливую, занятую, по его мнению, одной заботой – обворозить его своими веснушками. Подумать только, Оленька и он – законные супруги! А давно ли были чужими...

По оконному стеклу лениво струились дождинки. Низко над землёй, почти цепляясь за крышу соседнего дома, быстро проплывали взъерошенные пепельные облака. Провожая их задумчивым взглядом, Николай чувствовал, что настроение его неожиданно переменялось. Образ Оленьки как бы растворялся в этих серых осенних облаках, и на месте его возникло что-то неприятное, от чего хотелось отмахнуться. Через минуту Николай сообразил, почему вдруг стало ему не по себе.

Да, ведь он же собирается уйти с участка, где проработал около двух лет. Больше там оставаться не вмоготу!

Николай смял погасший окурок и по старой привычке закинул его под кровать.

«Какая же это работа, – рассуждал он, сердито глядя на струйки дождя, бороздившие окно, – если по целым дням приходится валять дурака. То раствора нет, то шаблон где-то запропал, то за песком хоть на крымский пляж снаряжайся. И какой я бригадир, если не могу обеспечить своих ребят-штукатуров всем, что требуется. Они, конечно, понимают, что не во мне причина – прораб такой попался, недотёпа, – да всё одно, мало утешения. Сколько нервов испортил я с этим прорабом! Начнёшь ему выкладывать, а он: «Не беспокойся, всё будет в ажуре». А сам затылок чешет, не знает, где что взять. Прогулы начались. Это – ажур? Зарботки упали – тоже, по-твоему, порядок?.. Про соревнование толкует. В чём соревноваться-то? У кого больше простоев? Взять хоть маляров. И у них – чехарда. Работу принимают на глазок, краски, сколько надо, не дают, сунут баночку – изворачивайся. Шпаклюют вручную. А почему? Механизмы неисправны. Не раз указывал на это прорабу, будь он неладен – и ухом не ведёт. Только знает огрызаться: «Не твоя забота! Какой ревизионист выискался»...

Эх, то ли дело было раньше, месяца три назад! Вот тогда действительно был ажур. И работа кипела, и финансы не пели романсы...

Нет, уйду! Я теперь человек женатый, скоро, может, семейный буду, мне прохлаждаться нельзя».

Решение было принято окончательно, однако на душе легче не стало. Одобряют ли ребята? Да и бросать их жалко...

За завтраком Оленька предложила:

– Сходим сегодня в кино?

Николай, прежде чем ответить, посмотрел зачем-то на часы-ходики, на пригорелый пирожок.

– Давай лучше почитаем, а?

Оленька отчуждённо пожала плечами, тряхнула рыжеватыми косичками и стала внимательно разглядывать узор на блюде.

– Ты только не дуйся, – заговорил Николай, – не сердись, – поправился он тут же. – Можно и в кино сходить. Но посмотри, какая нудная погода...

– Погода! – голос Оленьки дрогнул. – Ноги боишься промочить? Как это, интересно, не боялся ты простудиться, когда выплясывал передо мной на морозе в ботиночках да в телогреечке...

Оленька встала из-за стола. У молодожёнов явно назревала первая размолвка. И кто знает, как далеко зашли бы рассуждения Оленьки насчёт непостоянства бессердечных ухаживателей, когда они превращаются в мужей, если бы не крепкий поцелуй, который, как печать, скрепил горячие опровержения молодого супруга.

Уладив личный конфликт, мирно обсудили конфликт производственный. Между прочим, наметили и участок, на который Николаю целесообразней перейти – а именно: тот, где малярничает Оленька.

– Теперь я понимаю, почему ты последнее время стал какой-то кислый, – говорила Оленька, весело поблёскивая глазами, и каждая веснушка на её лице, казалось, сияла от этого открытия. – А молчал, чудак. Я уж знаешь что подумала...

Но что она подумала, Оленька не сказала – надела сапоги, схватила продуктовую сумку и, потрепав за волосы виновника своих тайных переживаний, побежала в магазин.

Николай сам перемыл посуду, побродил по комнате. Открыл, было, книгу, но у соседей на нижнем этаже, видимо, собрались гости – там слышался дробный топот, магнитофон в ускоренном темпе визжал голосом, подражающим Руслановой: «Валенки, валенки...» – и это отвлекало.

«Ну, завели шарманку!» – поморщился Николай, отложил книгу и опять начал шагать из угла в угол. «Шарманка» лишний раз напомнила ему о своём: «Так вот и строим иногда, – подумал он с досадой, – изоляция между этажами, как фанерная перегородка. Получается шепоток во весь роток... Скорее бы кончался выходной!»

Кто-то постучал в дверь. Оленька, наверно, шутит. Но это была не Оленька, а незнакомая пожилая женщина. Впрочем, пожилая она или молодая, Николай сразу и не заметил, потому что первое, что бросилось в глаза, когда дверь открылась, был огромный букет живых цветов. Николай даже прищурился, как от солнца.

– Здесь живёт Николай Корчуганов?

– Здесь.

Женщина бережно, как ребёнка, держа букет обеими руками и распространяя запах крепких духов, прошла вперёд и некоторое время молча с любопытством разглядывала хозяина, который растерянно переминался с ноги на ногу.

– Прими, сынок, мой подарок, – сказала, наконец, она и с улыбкой протянула цветы Николаю. Запах духов усилился. «Да это же цветы так пахнут!» – догадался Николай. Всё ещё недоумевая, он буркнул: «Спасибо» и машинально взял тяжёлый букет; бисеринки холодных дождевых капель рассыпались кругом, усеяли тёмными точками рукава белой рубашки. И тотчас почему-то Николай увидел себя со стороны – как он, высокий, плечистый, со спутанной шевелюрой стоит посреди полупустой комнаты перед улыбающейся незнакомой женщиной в голубом свитере и неуклюже прижимает к груди что-то сказочно яркое и красивое. И до того необычной, почти неестественной представилась ему эта сценка, что он торопливо положил цветы на край стола.

– Ничего, ничего, пусть полежит немного, – сказала женщина, любовно глядя на свой подарок. – А после его в водичку, да сахарку туда – он и поживёт ещё. На дворе-то уже заморозки скоро, а тут, в тепле, поживёт.

– Я что-то не понимаю, от кого и за что мне такой подарок? – краснея, спросил Николай.

– От меня, от Веры Лукьяновны Казанцевой, от садовода. За что, говоришь? За хорошую работу.

– Вы, по-моему, ошиблись. Никакой хорошей работы за мной сейчас не числится.

– А дом № 21 на Заводской улице разве не ты обихаживал? – Вера Лукьяновна грузно опустилась на стул. Во взгляде её было столько тепла и света, что Николаю на миг показалось, что не цветы дарила она ему, а частицу своей души – бесконечно доброй и лучисто щедрой. – Я ведь всё разузнала. Ещё прошлый год хотела отблагодарить. И не люди надоумили меня. Право слово... Я про соседей своих говорю. Дом-то то их в одно время с нашим строили, а у них через полгода ремонт, как его... забыла...

– Капитальный? – подсказал Николай.

– Вот-вот. Он самый. Правильное название – капитальный. Сколько капиталу государственного тратится зазря на эти ремонты... Все стены у соседей потрескались, облезли, с потолка течёт, лепёшки грохаются. Угодит в голову – гроб заказывай... А у нас и по второму году всё целёхонько, надёжные руки делали наше жильё... И двери у соседей, и окна давно перекосились. А у нас...

– Я, Вера Лукьяновна, штукатур, – перебил Николай, – дверей и окон не касаюсь...

– Всё равно, штукатур ли, плотник ли, одним словом строитель. Я всё разузнала про тебя. И про тех гавриков, кои соседский дом с рук спихнули. До них я ещё доберусь... А тебе благодарность – и от меня, и от моего старика-пенсионера. Он у меня за сорок-то лет немало почёту заслужил, на химзаводе его до сих пор тёплым словом поминают. Любим мы, когда человек на совесть трудится...

После ухода нежданной посетительницы Николай минут пять остолбенело стоял у стола перед цветами. Тут были и розы, и георгины, и гладиолусы, все такие нежные и хрупкие, что, казалось, от первого неловкого прикосновения могли растаять, как лёгкий многоцветный дымок. Заложив руки за спину, Николай склонился и стал осторожно вдыхать сладковатый, пряный аромат, который издавали ещё не просохшие от дождя синие, алые, жёлтые, оранжевые, белоснежные лепестки. И удивительное дело – вместе с этим ароматом в душу его проникло что-то такое, что и мысли и чувства настроило на иной, светлый лад.

Магнитофон внизу, в который раз, – напевал свои «Валенки», но его звуки уже не раздражали Николая.

А вот и солнце выглянуло в бирюзовом просвете между поредевших облаков, словно ему тоже не терпится полюбоваться той диковинкой, какую только что преподнесли Николаю.

Вскоре вернулась Оленька – и букет был водворён в большую стеклянную банку с водой, которую, по совету Веры Лукьяновны, не забыли подсластить. Глядя, как радуется цветам Оленька, Николай с сожалением подумал, что ему никогда и в голову не приходило подарить ей что-нибудь вроде этого букета...

– Ой, какие славные, какие пахучие! Неужели у нас в Сибири выращивают?

– Как видишь.

– Просто не верится!.. Ты спасибо-то хоть сказал?

– Не помню, – откровенно признался Николай, – как-то чудно всё это случилось...

Через полчаса он, побритый и причёсанный, был всецело во власти Оленьки, которая до удушья затягивала под его подбородком петлю галстука.

– Нет, никуда я не уйду от своих ребят, – говорил он, тщетно пытаясь освободить шею. – Ни в какой кооператив.

– Правильно! Приветствую! – отзывалась Оленька. – Да не верти ты головой... Ну вот, опять узел скособочило...

– Но прорабу житья не дам! – продолжал Николай, ударяя себя по колену здоровенным кулаком. – Я своего добьюсь здесь. И на нашем участке наведём порядок, вот посмотришь.

– Верю, Коля, верю. Ты же у меня молодец!

– Не смейся, добьюсь, как надо. И чтобы... это самое... не мёртвым, а живым цветы дарили!..

3 декабря 1958 г.

*** **

Литературная критика

О РУКОПИСИ ПЕРВОЙ КНИГИ СТИХОВ СТИХИИ СОКОЛОВСКОЙ

Все мы знаем, что в критической литературе существует такой термин – «лирический герой». Не знаю, как воспринимается он другими, а для меня этот термин звучит иногда почти так же, как «стиляга».

В самом деле, не случайно стали модными сборники стихов (особенно, молодых авторов), в которых так называемый лирический герой – не что иное, как манекен, окружённый книжной романтикой. То, что герой – не живая душа, а именно манекен – можно понять, читая названия сборников: «Навстречу ветру», «Ветер в лицо», «Сквозь ливень», «Тяжёлые тропы» и пр., и пр. Авторы подобных сборников считают обязательным показать своего «лирического героя» истинным героем: сделать это нетрудно, так как образцов ситуаций на данный случай хоть отбавляй. И начинается: Мы шли сквозь ливень, бурелом, – повествует лирический герой, – нас было шестеро (а в другом сборнике – трое). Мы спотыкались, падали, но тут же понимались. Ноги увязали в грязи, сучья хлестали по лицу, жажда сушила нам губы. Но мы не сдались. Мужество победило... Потом мы разожгли костёр и жадно пили, обжигая губы, пахучий чай...

Могут спросить: о каком сборнике речь? О многих. Об очень многих. Пишутся они не поэтами, а людьми, которые, несмотря на малый жизненный опыт, знают уже, что надо писать, что предлагать в печать. Благо, есть ширма, за которой можно спрятать убожество своей личной индивидуальности, ширма – «лирический герой». Автор, может быть, и тайги-то в глаза не видел, а в стихах он – заправский таёжник; о целине в газетах только читал, но, не моргнув глазом, рассказывает о том, как мужественно принимал он удары степного ветра, ставил палатки и т. д. Насколько это «убедительно» – нечего и говорить.

Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что выпуску стихотворных сборников, лишённых своеобразия, способствует во многом термин «лирический герой» в той трактовке, в какой он у нас стал утверждаться, штамповаться. Вспомним настоящих больших поэтов. Не будем удаляться вглубь веков, назовём более близких к нам по времени, скажем, Есенина, Исаковского, Твардовского, Симонова. Все они лирики, все их стихи, написанные от первого лица – это авторская исповедь. Ни о каком лирическом герое здесь нет речи. Если поэт

Твардовский пишет: я люблю то-то, читатель не сомневается: да, это любит Твардовский, как человек. Недаром, создавая «Тёркина», он записал в своём дневнике: «Больше самого себя!». А чем и ценен великий поэт, как не своей неповторимостью, человеческой личностью (если, конечно, эта личность незаурядна)...

Всё, что я написал тут, прежде чем сказать своё мнение о сборнике С. Соколовской, не ново, но мне хотелось поделиться моими мыслями, какие приходили в голову как раз во время знакомства с её сборником. Когда мы отредактировали (по нашему мнению) последнее стихотворение, первой моей мыслью было: очень интересная, оригинальная книга написана! Это – авторская исповедь, рассказ об одной человеческой судьбе, о нелёгком, но завидном счастливом пути женщины, познавшей в жизни много хорошего и плохого – любовь и разочарование, тяжесть военной страды и творческую окрылённость в мирном труде, пустоту одиночества в семейном быту и счастье материнства. Живая жизнь, невыдуманный «лирический герой», чья судьба похожа на судьбу многих других женщин, соотечественниц автора. Эта книга – именно дневник, иначе её и не назовёшь. Была в ней когда-то неточная деталь, тень «лирического героя» – С. Соколовская фигурировала в качестве ...агронома. Теперь даже и профессия автора в стихах та же, что и в жизни – газетчик; стёрта последняя пылинка книжности.

С. Соколовская, судя по рукописи, не умудрена (к счастью, на мой взгляд) всякими поэтическими «хитростями». Она пишет просто, как подсказывает ей её поэтическое чутьё, а главное – душа. Взмолвленная и искренняя речь поэтессы подкупает читателя. Да, будем называть вещи своими именами – С. Соколовская предстаёт перед нами в этой книге поэтессой, т. е. автором книги, имеющей прямое отношение к настоящей поэзии.

Было бы наивно полагать, будто все её стихи нравятся всем. У всякого свой вкус, своё мнение. Простой пример: двое читателей одинаково, допустим, любят Есенина. Оба они при всяком удобном случае стараются привить эту любовь и другим, своим товарищам. И вот, листая есенинский томик один с увлечением читает «Чёрного человека», а другой выбирает для «агитации» персидский цикл. Оказывается, и у любимого в целом поэта есть ещё для каждого свои дорогие, любимые стихи. Так и с книгой С. Соколовской – кому-то понравится военный цикл, кто-то отнесётся к нему равнодушно, будет доказывать, что стихи о труде, например, стихотворение «Сталевар», гораздо больше впечатляет, и т. д. Скажу о себе, как о редакторе (официально, правда, ещё не утверждённом). Одно стихотворение нравится мне больше, другое меньше, но я придерживаюсь отнюдь не диктаторского принципа – не нравится, мол, мне это – выбрасывай! Надо же и с автором считаться. Это не значит, что ничего выброшенного нами не было. Любого автора нетрудно убедить, если стихотворение явно слабое, малохудожественное. Если уж он сумел написать что-то, о чём мы говорили: «очень хорошо!», то сумеет понять, когда ему скажем: «очень плохо!»

Возможны возражения против объёма сборника: велик, дескать. Но не надо забывать, что сборник этот – результат работы, проведённой в течение многих лет. Я бы сказал даже, что это – дело всей жизни С. Соколовской. Всю себя вложила она в эту книгу. И, конечно, ни один автор не откажется учесть чьи-то здравые замечания. Они будут только благодарны за это.

Не хочу выступать в роли пророка, однако убеждён, что книга С. Соколовской*, будучи издана, найдёт самый горячий отклик читателей. Не модный

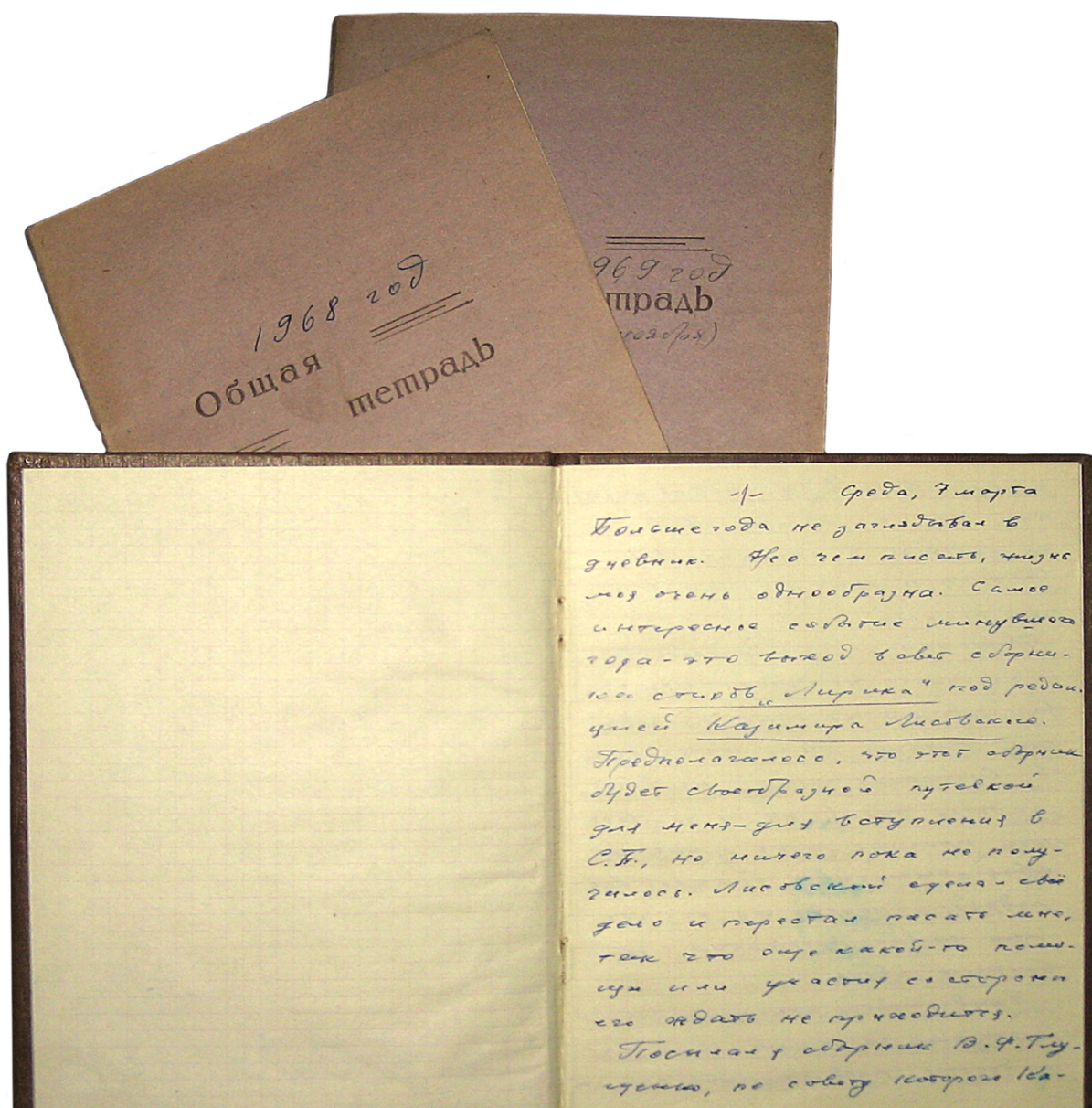
литературный манекен — «лирический герой» появится перед нами, а живой человек, наш советский человек.

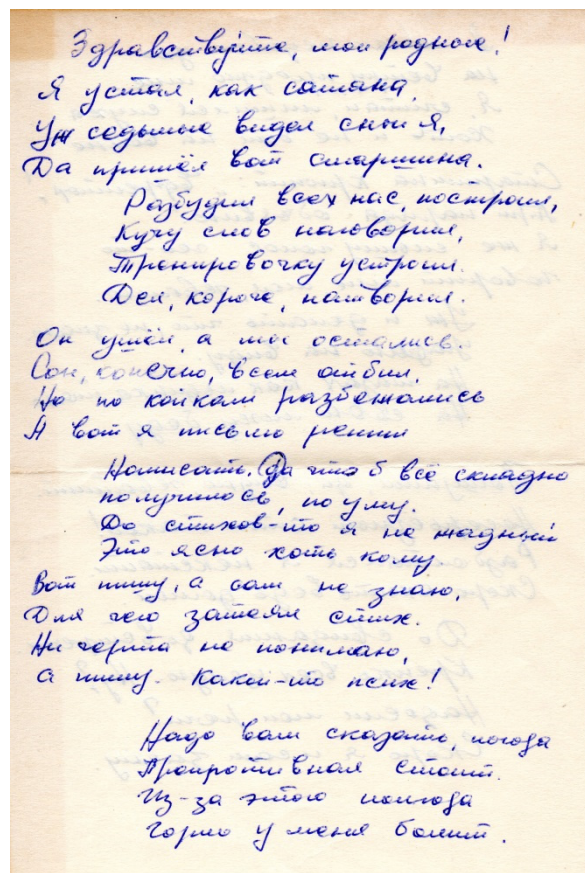
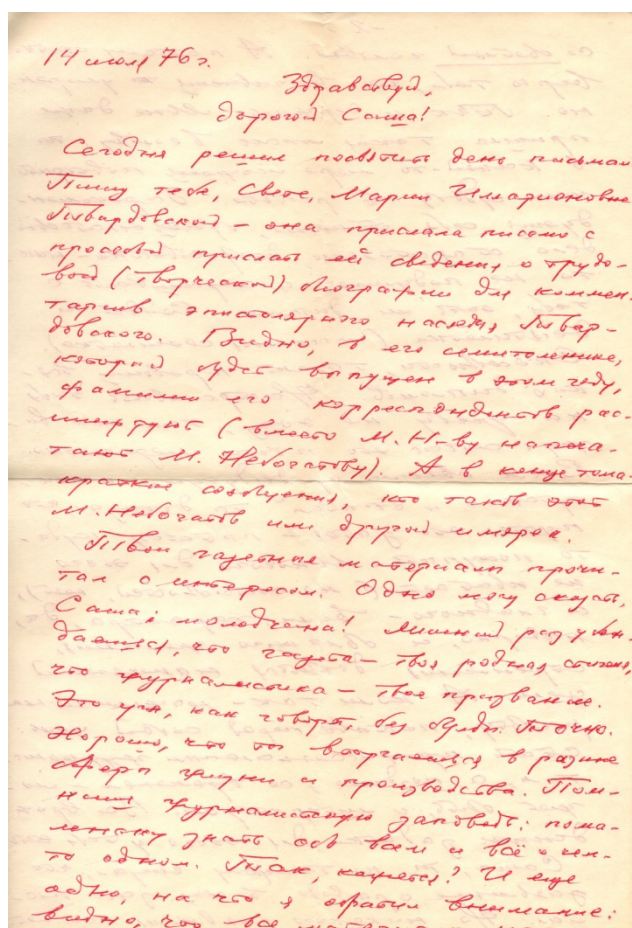
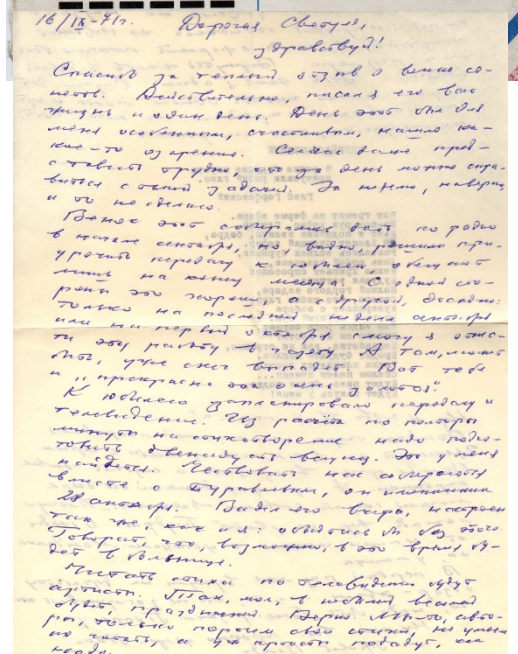
12 октября 1959 г.

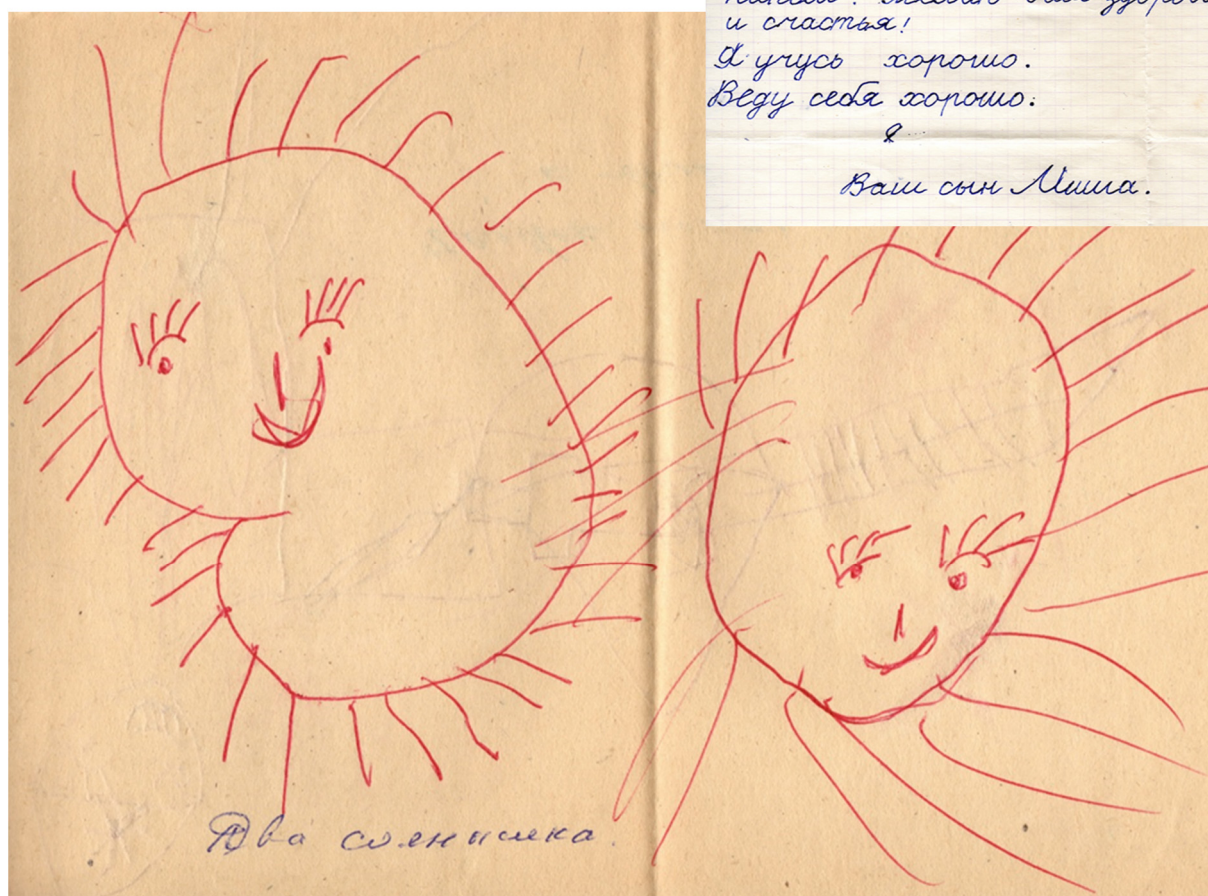
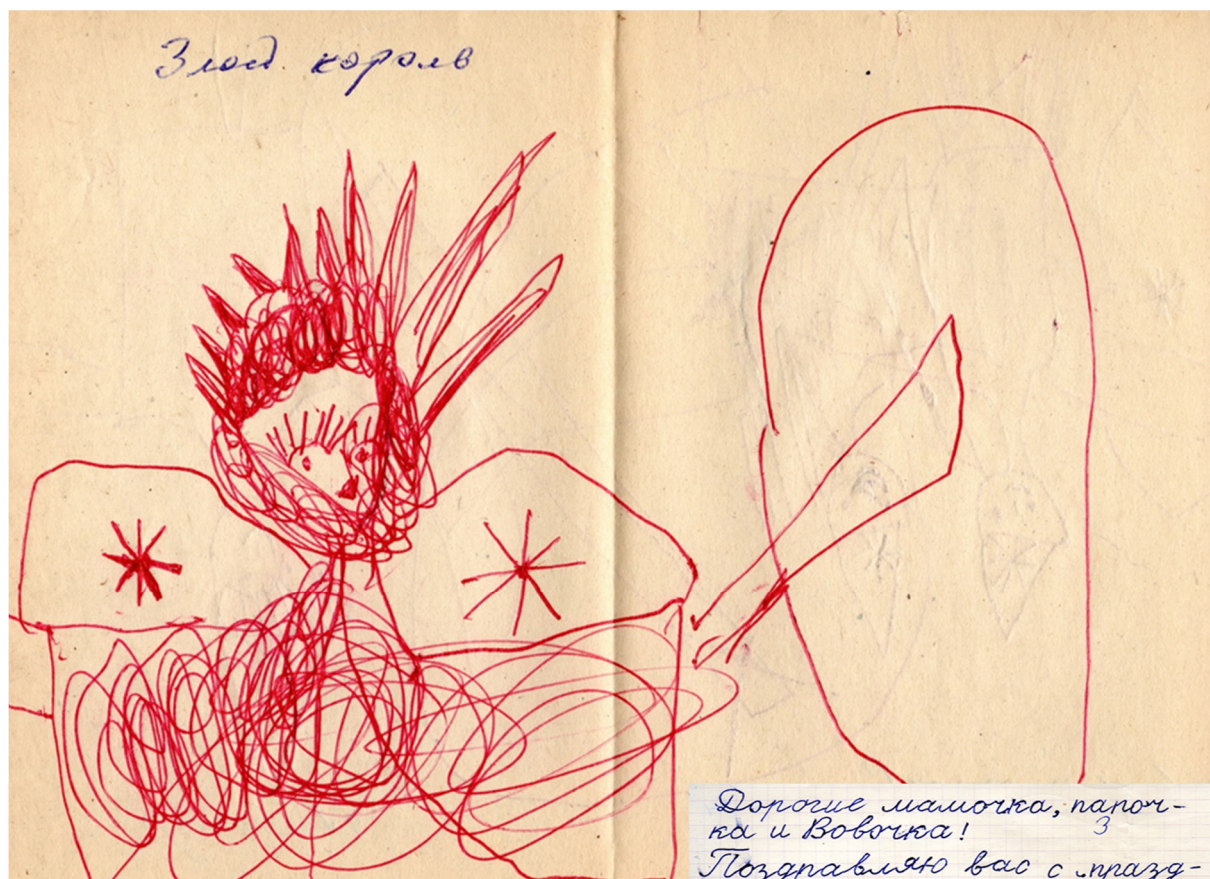
М. Небогатов.

* — Первый сборник стихов Стихии Михайловны Соколовской (журналистки, бывшей фронтовички, дочери партизана) под названием «Лирический дневник» вышел в свет в 1963 году в Кемеровском книжном издательстве в серии «Кузбасс литературный» 3000-м тиражом. Редактор сборника — Борис Ковынёв. Художник — Николай Бурцев. (Прим. Н. И.)

Иллюстрации № 4:



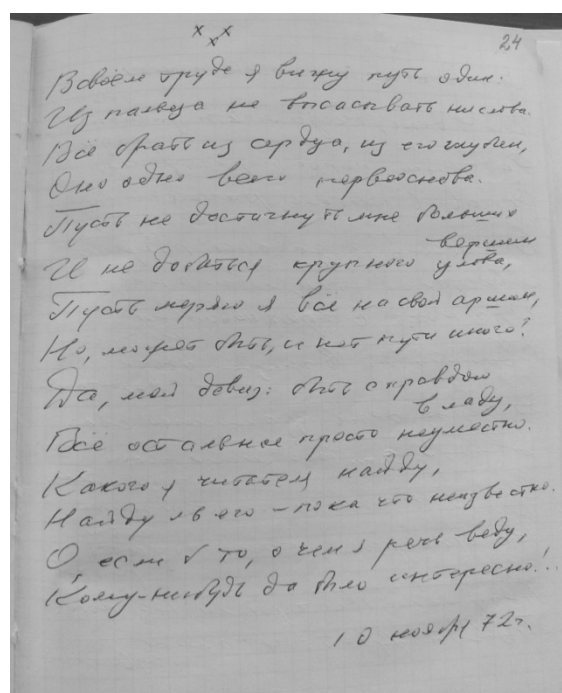
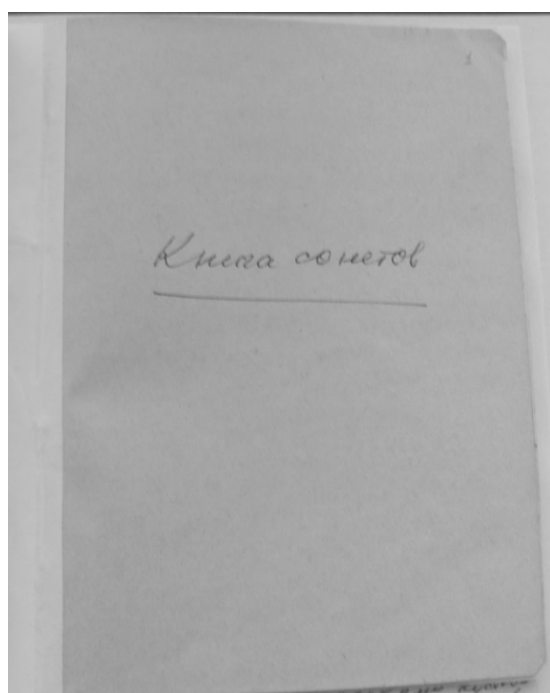




Письмо и рисунки внука – Миши Васильева



Мама Света с Мишуткой 27/II-72 г. (привет с Сахалина)



Мои, ты в народе популярна,
О ком в печати говорят.
Мои, почему известен миру
Мой поэт? Да потому,
Его рецензент, как Шекспир,
Везде хвалу поет ему.
Мои, во мне ни слова ни слова,
Здесь так недорого и дешево.
И не кого-нибудь другого -
Меня бы надо похвалить.
Ну, кому дошло до этих вещей,
А в предисловии - деловых
Почему вопишь не мешало б,
Что корень зла - в его стихах.
Словесно кричишь о них в печати -
Известность ведь им приспешу.
Сидят же мы, заметил котик,
Вносим самый верный суд.
Он знает, кто велик по праву
А кто случайно им снится...
Как на подосаушьях отраву -
Страва здесь, а не мед...
23 окт. 54г.

Савантуй...
Литературные светочи
Справедливо имеют торжество:
Судьба Швардовского счастлива!
Уж не в редакторе его!
Идеологией чуждою
Он засорил такой журнал.
Пускай процветает искусство,
Но это он руку поднимал.
Сам Бадаевский кавалером
Может быть назван. А вот...
- Кто может быть для всех примером?
Кто? Мой Пугариков Сергей.
И Николаева Тамара
отворила "Муравей" кивалет:
- Пренебрежительно и мучительно...
Уже нам от! Тем не менее мы знаем,
Зачем не видела марша.
Оттак оскорблены невинных дам.
Сказано, что в "Мавзе" зеркала
Как будто не навоза там...
- Будет проклят с нами
Томасов.

Зима Вера
Поэма.
Восприятие.
Тот добрый надухавый. Зима.
Декабрьские морозы.
В окнах уюта и тепла
Толпы нашей угрозы.
Они окосели в поздний час
Торго, как волтыжники.
В домах все еще, песни, игры,
Различные дни и ночи.
В углу переднем, у стены,
В распахнутом мундире
Сверкает золотом погони
Небамонд гость Сибири.
Лоскитот рибат шекка,
Испит кинит Батикане.
- За адмирала Колгак!
За наши процветания!
А на дядькорка у плетиз,
Там, где сосна ветвиста,
Зимой свиваются павли
На горле колючих ветвях.
В соседном доме - полумгла.
Караголь смотрит торгово.
Свидетельствуют молчаливо
Над телом распростертым...
Но рано поднялся, прервал,
Вокруг за адмирала!
Протарартея промерзлой морью,
В лесную садию жалею.
В сугробе своем гаснет,
И вострой горечи рздом.
Вет, ванди пако жавой,
Тюка не едет преждом!
Что не удивило на верстка
В ночном тревожном гусе

ТВОРЧЕСТВО ЧЛЕНОВ СЕМЬИ НЕБОГАТОВЫХ

Мария НЕБОГАТОВА

НЕЗНАКОМЕЦ

Рассказ

Рабочий день в заводской поликлинике начался как обычно. Молодой врач Полина Ивановна Ковалёва надела белоснежный халат, прикрыла чепчиком русую косу, уложенную в тугий узел, мельком глянула в зеркало и привычно села у стола.

В дверь постучали.

– Входите, входите, – ответила врач по-девичьи звонким, приветливым голосом.

Вошёл высокий, чернобровый парень. Лицо хмурое, суровое. Не глядя на врача, он сел у стола и молча уставился в пол.

– Что вас беспокоит? – участливо спросила Полина Ивановна.

Парень поднял на неё глаза. И вдруг в них отразилось удивление, мгновенно, как показалось врачу, сменившееся ужасом. Он быстро встал, внимательно и всё также удивлённо глядя на врача, потом опустил глаза и быстро вышел, не говоря ни слова.

– Странно, – сказала Полина Ивановна. А может быть, у него психическое расстройство?

Следующим вошёл пожилой лысый человек с добродушной, светлой улыбкой.

– Вы знаете, кто сейчас вышел отсюда? – спросила у него врач.

– Как не знать. Наш инженер Виктор Иванович.

Полина вышла из проходной, когда воздух был уже свеж от вечерней прохлады. На землю осторожно спускалась синева. Хорошо в такой час идти по аллее. Тишина и такая красота кругом. Лишь редкие прохожие нарушали безоблачные раздумья Полины своим чрезмерно внимательным взглядом. Но к этому она как-то привыкла, как она говорила, «адаптировалась». Ещё с десятого класса мальчишки в шутку называли её королевой школы, а сейчас ей 25, она стала ещё красивей, и заглядываются на неё не только мужчины, но и женщины, не скрывая восхищения.

Со скамейки, что стояла в аллее, встал человек и решительно подошёл к ней.

– Простите, вы помните меня?

– А как же. Сегодня вы были у меня первым пациентом.

– Я не о том. Значит, не помните, – ответил он себе, бросая окурок в стоявшую рядом урну.

– Простите, я спешу, – сказала Полина Ивановна, заподозрив парня в том, что сейчас, как обычно, начнётся объяснение в любви с первого взгляда и тому подобная чепуха.

– Пожалуйста, не уходите, я вам должен всё объяснить. – Но, почувствовав, как она решительно сделала шаг вперёд, он взял её за руку и умоляюще, глядя в глаза, произнёс: – Я вас прошу, выслушайте меня.

Помолчав, он начал, волнуясь: – Мы познакомились с вами шесть лет назад. – Теперь Полина внимательно вгляделась в лицо незнакомца. Нет, она не помнит его. Только оригинальный изгиб чёрных, как смоль, бровей, густо разросшихся на переносице, напомнил что-то далёкое и неясное. Но что?..

– Нет, я вас не знаю, – решительно сказала она.

– Помните? Зима... Новогодняя ночь... Бор...

Полина невольно вздрогнула. Тёмные, словно угли, глаза с колючим взглядом и эти брови с выразительным изгибом сразу показались хорошо знакомыми. Да, она видела и эти глаза, и эти брови.

– Так это вы?

Наступило тягостное молчание. Первым заговорил инженер: – Я хочу вам рассказать... В общем, того парня, с которым вы тогда встретились, его нет... – От волнения инженер нещадно теребил в руках мягкую светлую шляпу.

– Если это так, то я рада, – сказала она, глядя на смущённого парня.

Ей нравилось наблюдать его – большого, мужественного – таким необыкновенно смущённым, растерянным мальчиком.

– Только всё это из-за вас.

– Не понимаю, – улыбнулась Полина, как всегда, одним уголком красивых ярких губ.

– После той встречи я стал видеть вас два раза в день. Утром около общежития, когда вы уходили в институт, и вечером у института, когда вы направлялись в общежитие. Но я ни разу не осмелился подойти к вам. Кажется, впервые в жизни мне отказала моя смелость. До встречи с вами мне казалось, что меня все боятся, и я гордился этим. Стыдно вспомнить, но имя «Граф» в том районе что-то значило. А тут девчонка, пигалица – вы простите меня – и вдруг не испугалась, посмотрела с таким презрением... С тех пор мысль о вас не давала мне покоя. Я каждый день искал встречи с вами, а подойти не мог. И вдруг я почувствовал себя беспомощным. Мой авторитет смельчака, задиры, главаря «Графа» мне стал противен. Так и ходил я за вами. Я был в кино там, где были вы, бывал на концертах, где были вы, а однажды я проник в институт и слышал, как вы пели «Что мне жить и тужить». Кажется, именно в этот день я возненавидел себя. Я сгорал от зависти к тому, кто сидел за пианино, аккомпанируя вам. – Он помолчал. – А утром я уехал из города. Потом всё было трудно. Я начал учиться в 6-м классе. С моим-то «графским» титулом, – усмехнулся он, – работал, и почти все заработанные деньги отдавал учителю, который обучал меня игре на фортепиано. По окончании института я приехал в тот город, где встретил вас, бродил по тому бору (своему «графскому имению»), а в институте мне сказали, что «она давно закончила учёбу», а адреса не могли сказать. След ваш был потерян. Но я всегда верил, что непременно встречу вас. И сегодня вдруг... Так неожиданно...

– Да, это интересно, – сказала она, не смея взглянуть на него.

– Извините, что задержал. Спасибо. За всё спасибо.

Она протянула руку с розовыми ногтями, и он торопливо двумя руками по-медвежьи схватил её и надолго задержал в своих больших тёплых ладонях.

Полина Ивановна шла в тихой задумчивости по улице, шумящей листопадом, и в памяти ярко встала их первая встреча шесть лет тому назад...

Она тогда возвращалась с новогоднего студенческого вечера. Подруги её успели вскочить в переполненный последний трамвай, а она осталась совсем одна. К общежитию надо было пройти по сосновому бору. Полина, не задумываясь, отправилась одна. По дороге она счастливо напевала. По лицу ласково скользили мягкие снежинки. Внезапно перед ней выросла высокая фигура и приказала: «Снимай пальто».

В ней ещё не улеглось праздничное возбуждение, радость и счастье юности так и бурлили в ней. Поэтому она сразу не испугалась. Слова незнакомца показались ей шуткой тоже счастливого человека.

– Ну, чего ещё? Снимай! – снова услышала она, и наивно спросила: – Зачем?

– Она ещё спрашивает, – хохотнул незнакомец, – ну, быстро!

– Так я же замёрзну. Мне ещё далеко идти. – И в её словах не было ни страха, ни злобы, а просто удивление и просьба. За их спиной послышался скрип снега и голоса. К ним приближалась группа студентов, возвращающихся с вечера.

– Не вздумай закричать, – грозно предупредил незнакомец.

Когда студенты подошли, Полина впихнула голову в воротник пальто и отвернулась. Незнакомец не сводил с девушки глаз.

– Эй, парень, заморозишь девчонку! – сказал один из студентов. – Ведь в туфлях стоит. Сам, небось, в валенки залез.

– Любовь, – добродушно заметил другой, и компания удалилась.

– Вот так-то лучше, – одобрил незнакомец и дёрнул её за рукав. – Давай побыстрей, а то и в самом деле отморозишь ноги.

– А без пальто я, по-твоему, не замёрзну?

Парень удивлённо посмотрел на девушку.

– Знаете, идёте до общежития! – неожиданно предложила Полина, – и там я отдам вам пальто.

– Ишь, какая умная, – усмехнулся парень, – «честное слово, отдам». Ишь ты!

После некоторого колебания, незнакомец согласился: – Ладно, пойдём!

Он ещё выше поднял воротник пальто, словно весь ушёл в него, и зашагал рядом с девушкой. Так они и шли рядышком – он в мягких, тёплых валенках, широко шагая, она – в лёгких туфельках, семена.

У подъезда общежития Полина негнушима от мороза пальцами расстегнула пуговицы пальто, быстро сняла его и кинула на руки своему ночному спутнику. На минуту глаза их встретились, и при свете лампочки Полина успела разглядеть чёрные колющие глаза и удивлённо вскинутые дуги бровей.

А наутро техничка тётя Паша вручила Полине пальто.

– У порога валялось, – коротко пояснила она.

Июль, 1968 г.

Светлана НЕБОГАТОВА

Режиссёр по имени жизнь

ИГРУШКА

Новелла

Наверное, ни у кого в этом большом городе не было таких ярко-зелёных сияющих глаз и белозубой улыбки, как у Насти. Но самым привлекательным в ней было то, что она не осознавала своей красоты, не кичилась талантами (а их у неё было много), жила с лёгким сердцем и распахнутой всему миру душой.

Мальчишек-поклонников не высмеивала, но держала на расстоянии, вниманию взрослых мужчин наивно удивлялась. Много читала о любви и ждала своей.

И вот однажды... Володя, которого она видела чуть ли не каждый день, показался ей совсем незнакомым, взрослым и... желанным. Она и не заметила, как из застенчивого мальчугана, который стеснялся своего крупного носа и прикрывал его рукой, он превратился в красивого юношу. Взгляд его ещё был несмел, но мужественность уже проснулась.

Он увидел растерянность Насти и понял её верно.

Любовь её была безрассудной, как стихия. Три счастливых года пролетели, словно один миг. Все, кто их знал, не сомневались, что эта пара так и останется неразлучной. Как говорится, мирком да за свадьбу...

Володя рос в семье, в которой жили трудно. Мама одна кормила-одевала двух мальчишек. И хотя работала она много, изнурительно, нужда всё время стояла у порога.

Володе виделась другая жизнь – достаток, комфорт, влиятельные друзья...

Настю он не любил, лишь позволял любить себя. Порой его тяготила её привязанность, но всё же лестно было обожание такой эффектной девушки. О браке он думал, но видел женой девушку из солидной, обеспеченной семьи.

Маша была хорошенькой инфантильной девушкой, для которой слово родителей – закон. Поэтому она не стала перечить маме, когда та сказала: «Мы с папой нашли тебе жениха». Машин отец работал в институте, где учился Володя, и заметил парня: «Напористый, честолюбивый, видать, такие девчонкам нравятся. Надо будет дочке показать...»

Настя с Машей не были близкими подругами. Маша пригласила Настю на чашку чая. Поговорили о том, о сём, и тут взгляд гостя остановился на сувенире – мягкой игрушке. Игрушка как игрушка, вот только Настя узнала её! Отец привёз из Германии, и она подарила её на день рождения Володе, своему любимому!

– Откуда она у тебя? – не скрывает удивления.

– Да один знакомый подарил, ты его не знаешь. Мой жених... – и назвала имя.

Не помня себя, девушка вышла на улицу. Дома дала волю слезам. И всё же не могла поверить: неужели он обманывал её?

...Он больше не пришёл к ней. Не нашёл мужества объясниться. И это было красноречивее всех слов. Через некоторое время Настя узнала, что Володя женился на Маше, получил хорошее место после окончания института по протекции тестя.

Ребёнок, которого ждала Настя, так и не появился.

А семья у Володи с Машей не сложилась.

Настя после смерти родителей осталась совсем одна. Залечить такую душевную рану не смог даже самый великий лекарь – время.

// Трудовое знамя (газета кемеровской
акционерной компании «Химволокно») –
№ 3 (1116) – март 2001 – с. 4.

Александр НЕБОГАТОВ

ЗИМНЯЯ СКАЗКА

Репортаж с выставки цветов

Вместо предисловия (фрагмент нашей, Нины и Александра, переписки по интернету):

21.05.2014 НИНА: 17:43 Саша, давно хотела спросить: ты случайно не помнишь свой первый очерк "Зимняя сказка"? Об этом так много папиных записей, кое-что встречается и в письмах. Обычно самое первое удачное дело запоминается навсегда. Это не так?

АЛЕКСАНДР 18:10 Не буду лукавить и говорить, что помню, мол, смутно, сколько де-времени прошло... А было это так. Я пришёл из армии 19 декабря 1970 года, и только улеглось шумное веселье по этому поводу, отец продолжил наш разговор, начатый ещё в письмах, о том, стоит ли мне попробовать себя в журналистике. И сразу же предложил тему – написать репортаж о выставке цветов (они с мамой побывали там накануне). Выставка цветов зимой в то время было достаточно редким явлением. В общем, я написал и написал неплохо для первого раза, Репортаж этот появился на областном радио. Его отметил Евгений Кандауров,

тогдашний известный радиийщик. Так что первой пробой пера был не очерк, а репортаж. Он так и назывался – "Зимняя сказка".

Здравствуй, братец!

Вот я уже и дома. Честное слово, даже не верится, что позади два года службы. Кажется, будто только вчера уходил в армию: проводы, эшелон, первый день в части..., а теперь об этом можно только вспоминать.

Постепенно начинаю входить в колею гражданской жизни. Уже два раза был в театре, а про кино и говорить не приходится, смотрю почти каждый день.

А недавно даже побывал на выставке сухоцветов, которая проходит в областном Доме учителя. И ты знаешь, посещение этой выставки оказалось событием, о котором, мне кажется, стоит рассказать поподробней. А чтобы рассказ был более полным, начну с самого начала.

В тот день стоял сильный мороз, и до Дома учителя я бежал чуть ли не вприпрыжку. Сквозь морозный туман кое-как разобрал над дверью надпись: «Добро пожаловать!»

Поднялся на второй этаж, захожу в ленинскую комнату и, понимаешь, в первую минуту даже растерялся. Показалось, что вдруг в один миг изменились времена года. И уже не верилось, что на дворе тридцатиградусный мороз и что минуту назад под ногами скрипел снег. Как будто наступило лето со всеми своими яркими красками, и даже показалось немного странным, что не слышно пения птиц.

Но зима есть зима, и первая же композиция, которая привлекла моё внимание, сразу напомнила мне об этом. «Зимняя сказка», – на первый взгляд, ничего особенного: веточка ёлки, шишки в снегу, несколько разноцветных свечей, – но сделано это с таким вкусом и так умело и оригинально, что чувствуешь – это работа настоящего художника в полном смысле этого слова. По-моему, только человек с тонким художественным вкусом, глубоко понимающий и любящий природу, мог создать такую красоту.

...Чёрная красивая ваза, и в ней несколько пионов, печально склонивших головы. «Памяти узников Бухенвальда» – так называется эта композиция. В ней всё – и скорбь, и торжественность, и клятвенное обещание живых никогда не забывать павших. Поражает, с какой выразительностью автор сумел выразить всё это в нескольких штрихах. Читаю фамилию автора. Кучинская. И знаешь, наверное, по ассоциации с гимнасткой Кучинской, я почему-то подумал, что её обязательно зовут Наташей. И мысленно даже представил, как она выглядит: небольшого роста, белокурая, с большими голубыми глазами.

Но я отвлёкся. Так вот, работ Кучинской, насколько я заметил, здесь довольно много, и все они сразу привлекают к себе внимание своей красочностью, оригинальностью оформлений, красивым сочетанием цветов.

Вот опять её композиция – «Фантазия». Причудливо переплетённые корни и голые стебли цветов действительно вызывают иллюзию чего-то фантастического, невиданного.

Я уже тебе говорил, что в первую минуту был восхищён буквально всем, сама атмосфера выставочного зала поднимала настроение, и это не позволило сразу объективно оценить все композиции. А при более детальном осмотре видишь, как выгодно отличаются от других композиции Кучинской, или, например, Мулловой. Их композиции на общем фоне сразу же выделяются своей выразительностью, оригинальностью замысла, прекрасной компоновкой букетов. Достаточно посмотреть одну композицию Мулловой «53х-летний комсомол». Кажется, ну как

можно показать в букете цветов всё то, что испытал и пережил комсомол за 53 года своей трудной, но славной жизни. А Муллова сумела это показать. Причём с такой убедительностью, что не возникает и тени сомнения, что это нужно было сделать именно так.

В этой композиции 53 цветка. Сначала идут маленькие цветочки с ещё неокрепшими стебельками и крошечными лепесточками, а вокруг них голые чёрные корни, похожие на извивающихся змей, которые так и норовят измять, задушить эти маленькие существа. Но цветы растут, растут на глазах, и вот уже это большие, красивые сильные цветы, твёрдо стоящие на своих крепких стеблях, гордо поднявшие головы.

Вообще, композиции Мулловой отличаются актуальностью тем, которые она выбирает. Взять хотя бы такие композиции, как «Вьетнам непобедим», «Хиросима не должна повториться».

Хорошие работы есть и у других. Очень забавно выглядит, например, ворона, сделанная из обыкновенного корня, но в котором автор сумел увидеть то, чего не увидели другие. И назвал эту композицию удачно – «Призадумалась». Действительно, она напоминает ту самую ворону, у которой лиса только что выманила сыр. Есть над чем призадуматься!

Обо всех композициях в письме, конечно, не расскажешь, их там больше сотни. Даже те, которые я всё-таки постараюсь описать, не вызовут у тебя столько чувств и мыслей, сколько вызвали они у меня. Это нужно увидеть своими глазами, и, честное слово, жаль, что у тебя нет такой возможности.

Ты знаешь, эта выставка меня так заинтересовала, что я решил узнать о ней поподробней: давно ли она открыта, кем организована, чьи работы признаны лучшими? Ответы на все эти вопросы, как мне объяснили, можно было получить у директора Дома учителя Евдокии Андреевны Ефременко. Но прежде, чем направиться к ней, я не удержался, чтобы не высказать своё мнение об увиденном в Книге отзывов, которая находилась тут же в зале. Открываю книгу: разные чернила, разный почерк, но суть всех записей одна, и её можно выразить одним словом: здорово! И некоторые, не найдя нужных слов для того, чтобы передать всё своё восхищение этим поистине чудесным зрелищем, просто так и написали: «Здорово! Молодцы!»

Вот несколько отзывов, которые, по-моему, в полной мере отражают чувства и мысли тех, кто посетил эту выставку.

«Мне очень понравилась выставка. Я никогда не думал, что из обыкновенных цветов, которые мы почти ежедневно видим, можно сделать такие произведения искусства! Иначе это и не назовёшь! И мне кажется, создать их могли только люди с прекрасной душой. С уважением. А. И. Пучеглазов».

«Оригинально и незабываемо. Ходишь по залу и чувствуешь себя Алисой в стране чудес из сказки Кэрролла. Большое спасибо за доставленное удовольствие. С благодарностью. Григорьев. Пенсионер».

Оставив и свою запись в «Книге», я прошёл в кабинет директора. Встретила меня подвижная, сухощавая женщина лет пятидесяти с очень живыми тёмными глазами. Узнав о причине моего визита, она с готовностью согласилась ответить на интересующие меня вопросы.

И вот что я узнал.

Выставка сухоцветов организуется у нас в Кемерове второй раз. Инициаторами этих выставок являются члены клуба «Природа», в который входит более трёхсот человек. В большинстве своём это цветоводы, садоводы и просто

любители природы. Кстати, членом этого клуба является и наш кузбасский писатель-краевед Илья Васильевич Зыков.

В прошлом году, когда такая выставка была организована впервые, её посетило столько человек и было сказано столько тёплых, хороших слов в адрес её участников и организаторов, что было принято решение сделать эти выставки традиционными и проводить каждый год. В этом году она открылась 20 декабря, и вот за эти полмесяца на ней уже побывало больше тысячи человек.

Было назначено специальное жюри для того, чтобы отметить лучшие работы и распределить места по районам.

Наш Центральный район занял первое место. Присудили ему это место за активность. На выставку представили свои работы школы, Дворец пионеров, ГРЭС. В общем, принимал участие весь район. Второе место занял Рудничный район – за красоту в оформлении, третье – Кировский – за эстетическое оформление и большой ассортимент цветов, и последнее, четвёртое место занял Заводской район. И в частности были отмечены работы Кучинской и Мулловой.

Вот тут-то у меня и мелькнула мысль встретиться с кем-нибудь из них. Они – сами участники этой выставки и наверняка смогут рассказать больше, чем администратор.

Узнав у Евдокии Андреевны адрес Мулловой, я в тот же день вечером направился к ней.

...Передо мной сидит пожилая женщина с добрыми, немного усталыми глазами. В гладко причёсанных волосах видна пробивающаяся седина. Типичное лицо русской женщины, прожившей большую трудную жизнь.

– Ну, что я Вам могу рассказать, – смущённо улыбнувшись, начала Александра Демидовна. – Мне 58 лет, и из них половина ушли на воспитание четырёх сыновей. Все они сейчас уже взрослые, трое закончили институт и живут отдельно, а четвёртый, самый младший, учится на последнем курсе...

Ну, а цветы, цветы я люблю с детства, с тех пор, как помню себя. Пожалуй, всё лучшее, что было в моей жизни, связано с цветами. Без них я себя просто не представляю.

Пока растила сыновей, времени для занятий с цветами почти не оставалось. Зато сейчас я могу посвящать им целые дни. В последние годы я даже работала на общественных началах. Сперва председателем секции садоводов Центрального района, а потом руководила кружком «Зимние букеты» во Дворце пионеров.

Первый раз я представила свои работы на выставку в 1962 году, и с тех пор участвую в них каждый год, но в основном составляю букеты, делаю композиции для себя. Достаточно сказать, что вот к этой последней выставке сухоцветов я готовилась всего 2 дня.

– Скажите, Александра Демидовна, как рождается та или иная композиция?

– Видите ли, основа любой композиции – замысел. Так вот, сначала рождается замысел, а потом уже на его основе и сама композиция. Например, как у меня родился замысел композиции «Русское поле». Сижу я однажды дома и вдруг слышу: по радио передают песню «Русское поле». И, знаете, у меня тут же родилась мысль выразить содержание этой песни в букете цветов. Трава, ромашки, полынь, тонкие колоски... Так и появилась эта композиция.

А сейчас я уже начинаю помаленьку готовиться к следующей выставке. Есть замысел сделать композицию «Орлёнок». А пока собираю «материал», засушиваю, обрабатываю, читаю журналы по цветоводству. Недавно вот выписала немецкий журнал «Искусство составления букетов». Очень хороший, интересный журнал. Но

вся беда в том, что на русском языке там только названия статей, а всё остальное – по-немецки. Вот и приходится просить сына перевести ту или иную статью. Но, с одной стороны, это даже хорошо, – улыбнулась Александра Демидовна, – и сыну тренировка, и мне польза. А вот Ларисе Кучинской в этом отношении лучше, она сама переводит всё, что её интересует. Кстати, я бы хотела посоветовать Вам встретиться с ней. Это такая фантазёрка и выдумщица, что просто диву даёшься. По-моему, из всех любителей-цветоводов, кого я знаю у нас, Лариса – самая талантливая составительница букетов. Очень и очень способная девушка. Впрочем, Вы и сами в этом убедитесь, и без моих рекомендаций.

Поблагодарив Александру Демидовну за беседу, я попрощался с ней. А на следующий день я уже ехал к Ларисе Кучинской.

На звонок мне открыла дверь небольшого роста белокурая миловидная девушка, примерно моих лет, в скромном домашнем халате. Это и была Лариса.

Ты знаешь, я почти не удивился, когда увидел её: ведь именно такой я её и представлял. Что это – совпадение, интуиция?

Прохожу в комнату. Можно подумать, что опять попал на выставку – везде и всюду цветы: живые, сухоцветы, букеты, композиции.

– Лариса, что Вы можете рассказать о себе?

– Ну, о себе мне рассказывать нечего – работаю на заводе, заочно учусь на втором курсе химико-биологического факультета пединститута. И весь рассказ. Вот о цветах я могу говорить сколько угодно. Они для меня всё.

Люблю я их с детства, а всерьёз начала заниматься с девятого класса, когда впервые услышала о японском искусстве составления букетов – икебана. Вот тогда я и решила сама попробовать делать цветочные композиции. И тогда же поняла, как это трудно и сложно. Действительно, целое искусство. И учиться ему, как и любому другому, нужно долго и упорно. В Японии, например, существует правило: все женщины без исключения должны обязательно окончить специальные курсы по составлению букетов. А у нас, к сожалению, нет не только таких курсов, а и вообще многие даже не имеют представления об этом искусстве. Но я уверена, что, если бы такие курсы существовали, желающих посещать их было бы очень много. Ведь красиво составленным букетом можно украсить абсолютно всё: и праздничный стол, и витрины магазинов, и фойе кинотеатров.

Люди, по-моему, сами становятся прекраснее, добрее, когда видят прекрасное.

В выставках я участвую всего два раза – в этом году и в прошлом. Специально к ним не готовлюсь. Те работы, которые там представлены, делала для себя. И знаете, ни одной своей композицией, кроме «Памяти узников Бухенвальда», я не удовлетворена. Считаю, что не достигла того, что мне хотелось выразить в них. Да и в целом выставка желала бы оставлять лучшего. Но уже одно то, что она всё-таки организована и что в ней приняло участие столько любителей природы, – радует, и хотелось бы, чтобы такие выставки стали хорошей и доброй традицией. И мне кажется, к участию в них надо привлекать больше молодёжи с их новыми идеями и замыслами.

– Ну, а какие у Вас планы на будущее, Лариса?

– Знаете, на следующий год я хочу представить на выставку не просто композиции, а композиции – картины и силуэтные композиции. Они отличаются тем, что дают возможность ярче выразить мысль, идею задуманного. В основе лежит японское искусство – икебана. И есть у меня мечта – сделать в своей квартире зимний сад.

А недавно появилось новое увлечение – кактусы. У меня их целая коллекция, – не без гордости заметила Лариса. – Хотите посмотреть? – предложила она и, подойдя к окну, раздвинула портьеру. На подоконнике, во всевозможных вазочках, горшочках, коробочках стоял целый лес этих колючих толстячков. Никогда не думал, что существует так много различных видов кактуса. Тут были и большие, и совсем крошечные, круглые и продолговатые, были и совсем не похожие на кактус, но тоже, оказывается, кактусы.

– Их семена приходится выписывать со всех концов Союза, – сказала Лариса, как бы угадав мои мысли. – И вообще, они очень привередливы, требуют каждодневного ухода, определённой температуры. Но я на них не сержусь. – Она засмеялась. – Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Я вышел от Ларисы, когда на улице было уже совсем темно. Редкие прохожие, торопливо обгоняя друг друга, шли, зябко кутаясь в пальто.

Когда я уже подходил к автобусной остановке, навстречу мне попала компания – два пьяных юнца, повиснув на плечах двух таких же пьяных хихикающих девиц, пошатываясь и громко ругаясь, обсуждали вопрос: где ещё можно успеть взять бутылку водки?!

И ты знаешь, я невольно подумал: всё-таки хорошо, что таких людей, как Кучинская, Муллова, несущих людям радость, красоту – большинство, а эта компания, как червь в яблоке, может лишь на миг испортить настроение, и, кроме безгливости, никаких чувств не вызывает.

Ну, вот, собственно, и всё, что я хотел тебе рассказать. Это, так сказать, одна из страниц моей послеармейской жизни. Ну, а как идёт твоя армейская?

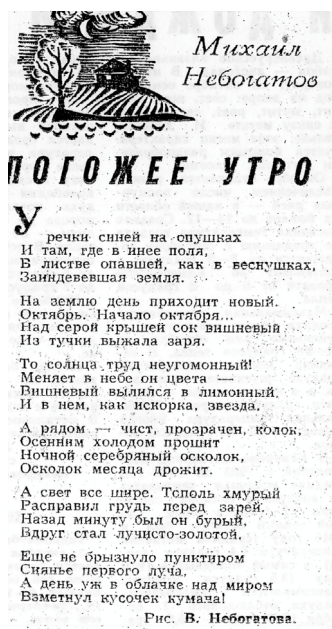
Да, в последнем письме ты писал, что тебе присвоили звание сержанта? Поздравляю, молодец! Ещё одно повышение – и ты догонишь меня. Желаю отличной службы. Твой брат Сашка.

(Приписка рукой отца: Январь – февраль 1971 г.
Первая Сашина журналистская работа. – Прим. Н. И.)

Владимир НЕБОГАТОВ

РИСУНКИ

Из записи в дневнике М. Небогатова (1972 г., среда, 3 февраля): Хорошка перерисовал со снимка Саши портрет большого размера. Здорово вышло. Художник (портретист) он незаурядный, в этом нет сомнения.



// Кузбасс. – 1979. – 2 октября. – С. 4.

Вместо послесловия (фрагменты нашей переписки в интернете):

06.10.2013

АЛЕКСАНДР: Нина, привет! Посмотри в моих фото, я добавил несколько старых снимков.

НИНА: Спасибо за фотографии, такие дорогие и милые сердцу! Мария Ивановна – такая красивая, а Светочка с Вовой – такие, какими я их и видела, и помню. Что это ты на нескольких фотографиях такой грустный?.. А на одном снимке рядом с тобой – портрет. Случайно, не Вовина работа?

АЛЕКСАНДР: Конечно, Вовина, он написал этот портрет с моей фотографии. А я в свою очередь сфотографировался рядом с этим портретом. Чтобы не было сомнений, что это действительно я.

НИНА: Саша, может, сейчас не совсем время для вопроса, но я всё же его задам: не позволишь ли ты кое-какие, понравившиеся мне, фотографии распечатать и передать в комнату-музей небогатовской библиотеки? И кое-что из нашей с тобой переписки озвучить, без интимных подробностей? И ещё. Я еду в Гурьевск 11-го октября. Может, ты что-то библиотеке пожелаешь в их дальнейшей работе по увековечению имени нашего отца? Или какую-то свою статью – любую – передашь им на память, или просто в нескольких словах расскажешь о своей жизни вдали от Кузбасса?

АЛЕКСАНДР: Распечатывай любые снимки и распоряжайся ими по своему усмотрению. А библиотеке – мои самые лучшие пожелания и, главное, побольше читателей. Что касается моих статей, то я, к сожалению моему и многих моих друзей, никогда не делал вырезок из газет, где публиковался, поэтому их попросту нет.

НИНА: Жаль! Можно было бы продемонстрировать твой журналистский талант. А вот Светочкины статьи, новеллы и интервью, а также шуточные подборки, которые она публиковала, я уже подарила Гурьевску. Сделала опись дарений. К слову: мне как-то говорили мои коллеги, знавшие Свету, что она пишет новеллы. Знаешь ли ты об этой стороне её творчества? Может, у тебя что-то осталось на память? Поделишься?

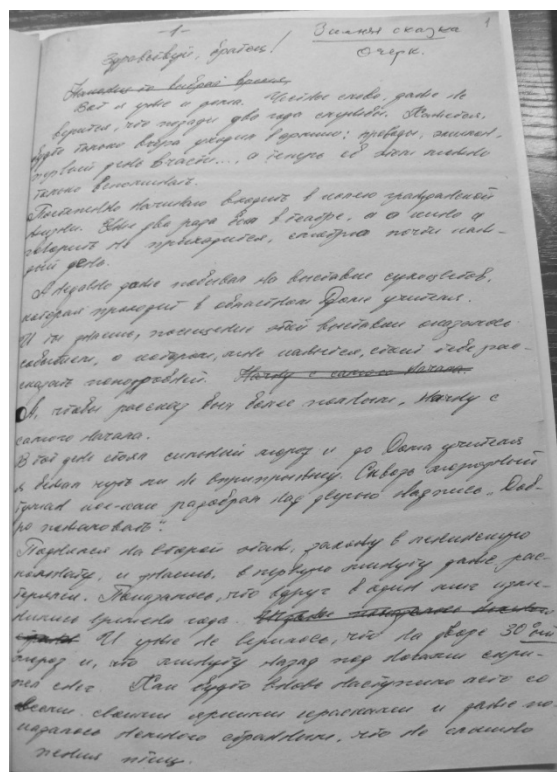
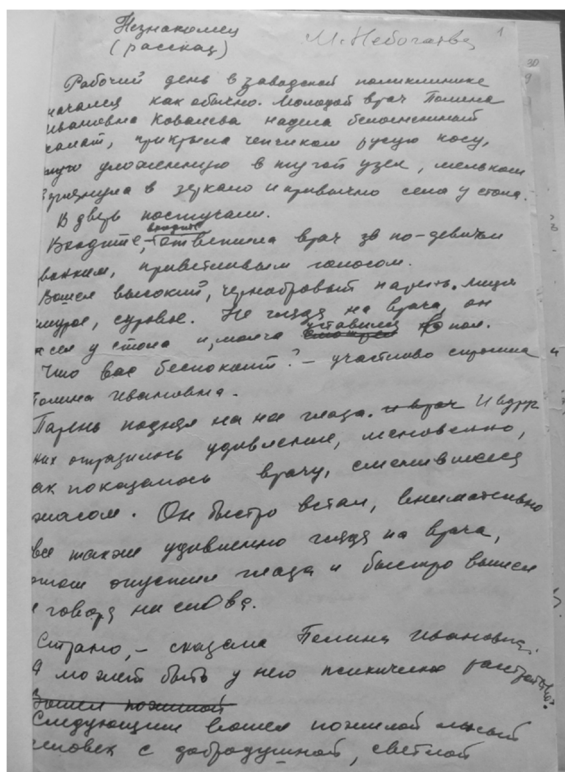
АЛЕКСАНДР: Ты меня озадачила! Я никогда не слышал, что сестра писала новеллы. Может быть, она не рискнула показать мне их, хотя вряд ли такое могло быть. Мы все трое были настолько близки, что знали друг о друге ВСЁ. Кстати, в своем последнем письме Свете я писал, что благодарен богу и родителям, что нас – трое, что это такое счастье – иметь брата и сестру!

02.06.2014 АЛЕКСАНДР: (о первых шагах на журналистском поприще. – *Прим. Н. И.*)

После службы в армии я на некоторое время вынужден был уехать в Новокузнецк. Прожил там два года, учился в пединституте. Кстати, именно там и подружился с Женей Богдановым, Сашей Дмитриевым – учились на одном курсе. Вместе постигали азы журналистики на ФОПе при институте. Но по некоторым причинам я вынужден был оставить учёбу. Вернулся в Кемерово. Вот тут-то отец и решил мне помочь с устройством в газету. Договорился с Г. Р. Умновым и уже через неделю я был на очередной планёрке представлен коллективу редакции газеты «Заря», как новый сотрудник. Честно говоря, было немного страшновато: одно дело писать о чём хочешь и как хочешь, и совсем другое – писать то, чего требуют редакционные планы, правила и жанры. Да и было понятно, что в редакции знают – попал я сюда не с улицы... Накануне моего представления редактор газеты

Григорий Романович Умнов, невысокий, худощавый мужчина с суровым и каким-то очень усталым, хмурым лицом, только поинтересовался, работал ли я когда-нибудь в газете. И услышав отрицательный ответ, ещё больше нахмурился: «Тебе придётся постараться...». А надо сказать, что происходило это накануне Дня Победы, и нужно было готовить материалы к этой дате. Каждый день мы ездили по району, и в одной из таких поездок я познакомился с удивительной супружеской парой. Оба – фронтовики, оба закончили войну в Берлине. А встретились и поженились на фронте. В общем, люди с удивительной и сложной судьбой. Я рискнул написать о них и в результате получился очерк – «Жизнь пройти, не поле...». Очерк опубликовали в праздничном номере и в день выхода, на планёрке Володя Копылов, замредактора и ас журналистики, в прошлом – собкор «Комсомолки» по Томской области, отметив мой очерк, сказал: «Старик, честно говоря, я думал, что ты – сын Небогатова, а ты, оказывается, журналист, с чем я редакцию и поздравляю!» С того самого дня я стал полноправным членом коллектива редакции. Что касается Григория Романовича, то он производил впечатление человека, всё время чем-то озабоченного, а потому и хмурого, немногословного. Он был членом бюро райкома партии, и это, по-видимому, накладывало на него ещё много забот, помимо руководства редакцией. Кстати, где-то в это время вышла его книжка «Совхозные горизонты». Я, правда, её не читал, но думаю, что была она написана по «просьбе» райкома. Ко мне он относился, как и ко всем, ни в чём не делая мне поблажек. За это ему и спасибо – я быстро научился делать материалы оперативно, зная, сколько именно строк требует тот или иной репортаж или заметка. Вообще, работа в «Заре» дала мне очень много, а главное – это был бесценный опыт журналистской работы. Вот коротко и всё о «Заре» – заре моей журналистской юности...

Иллюстрации № 5:



Из семейных фотографий, любезно предоставленных
Александром:



Светлана и Александр Небогатовы



Братья Александр и Владимир Небогатовы

ГЛАВА ШЕСТАЯ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ

«НИЧТО НА ЗЕМЛЕ НЕ ПРОХОДИТ БЕССЛЕДНО...»

В марте 2015 года исполняется уже четверть века, как закончил свой земной путь поэт Михаил Александрович Небогатов. Его нет среди нас, но продолжают жить его стихи, а в них – узнаваемые картинки сибирской природы, любовь к жизни, к женщине, к родине и родному Кузнецкому краю, выраженные простыми, душевными словами, которые глубоко проникают в душу и сердце и остаются там надолго.

Не берусь подсчитывать, сколько же им отдано кузбассовцам доброты, теплоты и искренности, сколько вложено таланта в многочисленные поэтические и прозаические произведения. Главное то, что, как поётся в известной песне: «Ничто на земле не проходит бесследно». Уходя, каждый человек оставляет после себя след, а уж глубокий или нет – не ему судить. У Михаила Небогатова – четырнадцать авторских поэтических сборников, изданных при жизни, два сборника, подготовленных к изданию его вдовой – женой, подругой, Музой – Марией Ивановной, множество публикаций в журналах и коллективных сборниках, а уж в газетах – и не сосчитать... Но арифметика тут ни при чём. Готовя эту книгу, я столкнулась с трудно выполнимой задачей: вместить всё творческое наследие отца в один том, в котором он предстал бы перед читателем таким, каким он был в жизни и в творчестве, оказалось не просто не под силу, а практически невозможно. Иначе, это был бы уже не том, а многотомник.

Поверьте, как много ещё осталось «за бортом»! Ждут своего часа лирические стихи, стихи для детей, литературные пародии и лирические миниатюры, стихи о космосе и космонавтах, сонеты и поэмы, стихи о людях разных профессий, стихи к восьмому марта и новому году, посвящения родным и близким и многое другое. А какие щемящие, сердечные строки написаны в память об ушедших...

Надеюсь, в этой книге, которую ты, читатель, держишь в своих руках, всё-таки удастся увидеть хотя бы штрихи к портрету одного из зачинателей кузбасской литературы. И пусть этот портрет не полный, но представление о личности поэта, как мне кажется, получить всё же можно.

При внимательном чтении не раз возникнет вопрос: как же он, Михаил Александрович, всё успевал? Как смог подчинить всего себя – без остатка – верному и преданному служению единственной цели в жизни – занятию поэзией? И ответ будет безошибочным: Небогатов жил по принципу «Ни дня без строчки!» И это действительно так. Ни разу от этого принципа он не отступил. Находился, как он сам говорил, «в постоянной творческой боеспособности». И ещё одно немаловажное правило соблюдал он на протяжении всей своей жизни: всегда оставаться самим собой, ничего не выдумывать, писать лишь о том, что сам пережил и перечувствовал, о том, что хорошо знает.

В заключение предлагаю ознакомиться с наиболее полной биографией поэта, составленной на основе его автобиографических записей, исследовательского труда главного специалиста Государственного архива Кемеровской области Светланы Степановны Сборщик, родословной Небогатовых, обнаруженной в семейном архиве, и с библиографией, подготовленной для включения во второй том восьмитомника «ПОЭЗИЯ КУЗБАССА. XX – XXI ВЕК» (см. приложения №№ 1 и 2).

НЕБОГАТОВ

Михаил Александрович

БИОГРАФИЯ

Михаил Александрович Небогатов родился 5 октября 1921 года в п. Гурьевск Гурьевского района (с 1938 г. – город Гурьевск). Отец, Александр Алексеевич Небогатов [17 августа 1873 г. р.], работал бухгалтером-счетоводом на металлургическом заводе. Его не стало 31 января 1926 года, когда Михаилу не было ещё и пяти лет: поехал в лес за дровами, стало плохо с сердцем, и он замёрз.

Мать, Клавдия Степановна Небогатова [около 1876 г. р.] (урождённая Дягилева – отца её звали Степан Егорович. Умер 16 июня 1920 г. на 79-м году), была домохозяйкой.

М. А. Небогатов был младшим – тринадцатым – ребёнком в семье. Самая старшая сестра – Серафима Александровна Небогатова (после замужества Штейнгардт) [26 июня 1899 г. р., умерла 4 апреля 1951 г.]. Её в семье называли Сара. Мужем её был приехавший вместе с родителями в Кузбасс в августе 1922 года в составе первой партии американских специалистов специалист-металлург. Вторая сестра Ираида Александровна Небогатова (в семье – Рая) [21 сентября 1900 г. р.] вышла замуж за бухгалтера Всеволода Богословского, обучившего и её этой профессии. Третья сестра Екатерина Александровна Небогатова [1 ноября 1905 г. р.] (после замужества – её мужем был машинист паровоза – Зятина. Впоследствии она с семьёй переехала в г. Ленинград, в настоящее время Санкт-Петербург). Все три сестры жили со своими семьями отдельно от матери.

Брат Григорий Александрович Небогатов [21 декабря 1911 г. р., умер 18 июля 1986 г.] – талантливый человек, самостоятельно научившийся играть на гармонии, баяне, гитаре, балалайке. Очень хорошо рисовал, делал копии с любой картины. Вскоре, женившись, уехал в г. Кемерово. Четвёртая сестра Надежда Александровна Небогатова (после замужества Дулова) [18 августа 1916 г. р.] работала на Гурьевском металлургическом заводе, а потом также переехала в г. Кемерово. С матерью остался один Михаил. Именно мать привила ему любовь к стихам, читая наизусть стихи Николая Алексеевича Некрасова и Алексея Васильевича Кольцова, хорошо чувствуя живое поэтическое слово. Повседневная её речь была насыщена пословицами и поговорками. Она же по книгам выучила сына читать.

С 1929 по 1937 гг. М. А. Небогатов учился в гурьевской образцовой средней школе № 12. Каждый учебный год Михаил жил у одной из сестёр, по очереди, потому что жить вдвоём на пенсию матери было практически невозможно. Одевали, обували, кормили его во время учёбы также сёстры. Тогда же он начал писать стихи. Первый раз послал своё стихотворение во всесоюзную газету «Пионерская правда», когда учился в пятом классе. Стихотворение (после редакторской доработки) было опубликовано. А ещё он очень любил и умел рисовать, успешно делал копии с картин, которые на школьных выставках занимали не последнее место.

Осенью 1937 года, когда Михаилу исполнилось 16 лет, он переехал жить к брату в г. Кемерово и в 1937 – 1938 гг. учился в кемеровской школе № 30 (окончил 7 классов).

Из-за сложного материального положения М. А. Небогатов вынужден был оставить учёбу в школе и пойти работать, по совету брата, техником-инвентаризатором в Кемеровское инвентаризационное бюро гражданских сооружений, где проработал с 29 октября 1938 г. по 15 апреля 1941 г. (согласно записи – единственной в трудовой книжке) копировщиком.

[Около 1939 – 1940 гг.] Михаил Александрович, сняв комнату в частном доме, перевёз в г. Кемерово свою мать Клавдию Степановну. В 1940 г. был принят в члены ВЛКСМ (Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи).

В апреле 1941 г. М. А. Небогатова призвали на службу в РККА (Рабоче-крестьянскую Красную Армию). С мая 1941 г. служил рядовым красноармейцем 270 стрелкового полка 58 стрелковой дивизии, а 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война, и воинская часть, в которой служил М. Небогатов, приняла участие в боевых действиях. В том же 1941 г. Михаил Александрович получил первое тяжёлое ранение. После выздоровления снова попал на фронт. С 1941 по 1943 гг. воевал в Смоленской и Ворошиловградской областях. Весной 1943 г. был направлен на трёхмесячные курсы в военное училище г. Шахты Ростовской области, по окончании которых ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Стал командиром взвода. 4 августа 1943 г. снова был тяжело ранен в правое предплечье, контужен. С 18 августа по 22 ноября 1943 г. находился на излечении в эвакогоспитале № 1568, который располагался в бывшей школе г. Боржоми-Ликани Грузинской ССР. Получил 2-ю группу инвалидности (сведение 2 и 3 и отсутствие 4 – 5 пальцев правой руки). После излечения был демобилизован. В этом же 1943 г. вернулся в г. Кемерово инвалидом 3-й группы.

Вскоре не стало его матери, и Михаил поселился у своей сестры Надежды. К этому времени она уже была вдовой (в 30 лет), матерью троих детей.

И на фронте, и после возвращения домой он даже не думал, что литература может стать его профессией. Поэтому, когда в военкомате предложили работу в ремесленном училище, он согласился. Работал там военруком (военным руководителем) в 1943 – 1944 гг.

В 1944 – 1946 гг. работал культмассовиком в деревообрабатывающей промартели «Память Ленина» Кемеровского горпромсоюза (согласно справке /без номера/ от 29.10.1945 г., – начальником снабжения артели).

Михаил Александрович продолжал писать стихи. В 1945 г. они довольно часто стали публиковаться в областной газете «Кузбасс», а самое первое стихотворение было опубликовано на страницах этой газеты ещё до войны, 6 июня 1939 г. Называлось оно «Весной». М. Небогатов охотно принимал участие в занятиях литературной группы «Среда», и в том же 1945 г. ему предложили перейти на работу в газету.

С 1946 г. М. А. Небогатов – литсотрудник (литературный сотрудник) «Кузбасса». Работа ему нравилась, статьи, которые он готовил, были удачны и все шли в номер. Однажды Михаил Александрович, получив задание редакции, познакомился с Героем Советского Союза лётчиком Василием Лыковым, который после тяжёлого ранения был демобилизован и по возвращении с фронта работал на заводе конструктором. Очерк о нём получился очень хороший, был напечатан в следующем номере газеты и получил одобрение главного редактора газеты Арсена Арсеновича Бабаянца. В воскресных номерах газета давала литературную страницу, и на ней обязательно печатались стихи М. Небогатова. В основном это были стихи о только что прошедшей войне, стихи о любви. Много и оперативно писал он и на «злобу дня», выполняя так называемые социальные заказы редакции. Это было началом серьёзной, осознанной литературной работы.

С октября 1947 по август 1951 гг. Михаил Александрович – корреспондент областного радиокомитета (при исполнительном комитете Кемеровского областного Совета депутатов трудящихся).

С 1953 по 1957 гг. М. А. Небогатов – редактор отдела художественной литературы в областном книжном издательстве.

С 1957 г. занимался профессиональным литературным трудом.

8 октября 1962 года принят в члены Союза писателей СССР (впоследствии – Союз писателей России). Стихи М. А. Небогатова часто публиковались в журналах «Огни Кузбасса», «Сибирские огни», «Советский шахтёр», «Наш современник»,

«Крестьянка», «Огонёк», «Крокодил» и др., в газетах «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «Труд», «Комсомольская правда» и в других изданиях.

Более четверти века (с начала 60-х гг.) был внештатным литературным консультантом в газетах «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса», оказывая большую помощь начинающим поэтам, присылавшим свои стихи в редакции обеих газет. В результате на страницах областной молодёжной газеты появилась рубрика «Факультет молодого литератора» (позже – «Литературная мастерская»), основал которую и многие годы вёл Михаил Александрович. Под этой рубрикой публиковались ежемесячные обзорные статьи с анализом стихов начинающих (непрофессиональных) авторов.

М. А. Небогатов участвовал в работе литературной студии «Притомье», созданной при непосредственном участии и помощи Кемеровского областного комитета комсомола, творческим руководителем которой являлась Кемеровская писательская организация Союза писателей РСФСР. Студия продолжает работу и в настоящее время.

М. А. Небогатов – автор четырнадцати прижизненных и двух посмертных сборников стихов. В авторские сборники вошли стихи (в том числе переводы с шорского и венгерского языков), сонеты, поэмы, пародии, написанные М. А. Небогатовым с 1940 по 1990 гг. Своим учителем в литературе всю жизнь он считал поэта Александра Трифоновича Твардовского.

М. А. Небогатов стал лауреатом премии всесоюзного журнала «Наш современник» за 1986 год за опубликованные циклы стихов: «Сибирское лето» (№ 6) и «Времени река» (№ 11). За участие во всесоюзном конкурсе «Стихи о книге» 5 мая 1987 года Михаил Александрович Небогатов получил благодарность «Всесоюзного добровольного общества любителей книги». В связи с 25-летием образования Кемеровской писательской организации Союза писателей СССР 10 июня 1987 г. он был награждён Грамотой Союза писателей СССР (впоследствии – Союз писателей России).

М. А. Небогатов награждён боевыми и трудовыми наградами: медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (1946 г.), орденом «Красной Звезды» (1952 г.), орденом «Отечественная война» I степени (1985 г.), медалью «Ветеран труда» (1977 г.), юбилейными медалями: «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (1966 г.), «50 лет Вооружённых Сил СССР» (1968 г.), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина» (1970 г.), «70 лет Вооружённых сил СССР» (1988 г.).

Умер Михаил Александрович Небогатов 21 марта 1990 года в г. Кемерово. Похоронен на Центральном кладбище № 1 (так называемом старом). 16 апреля 1993 года на доме по адресу Советский проспект, 67 (теперь это дом № 31) была открыта памятная доска со следующей надписью: «В этом доме жил и работал русский сибирский поэт Небогатов Михаил Александрович – один из зачинателей кузбасской литературы».

С октября 2012 года Центральная городская библиотека г. Гурьевска носит имя своего земляка.

БИБЛИОГРАФИЯ

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

1. «Солнечные дни»: Стихи. – Кемерово, изд-во «Кузбасс», 1952. – 96 с. Редактор П. И. Бекшанский.
2. «На берегах Томи»: Поэма; Стихи. – Кемерово, изд-во «Кузбасс», 1953. – 132 с. Редактор И. А. Балибалов.
3. «Юным друзьям». Стихи для детей. – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1957. – 48 с. Редактор П. И. Бекшанский.
4. «Моим землякам»: Стихи и поэмы. – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1958. – 243 с. Редактор К. А. Шилова.
5. «Лирика». – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1961. – 78 с. Редактор К. Л. Лисовский.
6. «Родные просёлки». – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1963. – 108 с. Общественный редактор В. А. Измайлов.
7. «Майский снег». – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1966. – 86 с. Редактор В. М. Баянов.
8. «Свет в окне»: Стихи. – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1969. – 175 с. Редактор Л. В. Глебова. Предисловие редактора.
9. «Спасибо сентябрю»: Стихи. – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1972. – 78 с. Редактор Л. В. Глебова.
10. «Земной поклон»: Книга лирики. – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1976. – 222 с. Редактор Л. В. Глебова.
11. «Лето»: Лирика. – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1981. – 127 с.: ил., портр. Редактор В. М. Баянов. Предисловие редактора.
12. «Земля моя добрая»: Лирика; Повесть в стихах. – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1984. – 158 с.: ил. Редактор В. М. Баянов. Ведущий редактор Л. В. Глебова.
13. «Перепёлка». – Москва, изд-во «Современник», 1988. – 125 с. Редакторы: В. Н. Рахманов, Р. А. Постоянцева.
14. «Вечерние огни»: Стихи разных лет. – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1989. – 126 с. Редакторы: В. Б. Соколов, В. М. Баянов.
15. «Времени река»: Лирика. Дневники. – Кемерово, Кемеровское книжное изд-во, 1991. – 104 с.: ил. Редактор В. И. Масленников.
16. «Благодарю, благодарю...»: Стихи. – Г. Кемерово, изд-во «Ковчежек», 1995. – 125 с. 167 с. Редактор И. А. Куралов. Предисловие редактора.

ПУБЛИКАЦИИ В СБОРНИКАХ И ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

- Небогатов, М. А. Весной. – Кузбасс. – 1939. – 6 июня. – С. 4.
Небогатов, М. А. Город мой. – Кузбасс. – 1940. – 28 июля. – С. 3.
Небогатов, М. А. Сверстникам. – Кузбасс. – 1945. – 14 ноября. – С. 2.
Небогатов, М. А. Детство. – Кузбасс. – 1945. – 21 ноября. – С. 3.
Небогатов, М. А. Герои наших лет. – Кузбасс. – 1947. – 9 мая. – С. 2.
Небогатов, М. А. Токарь. – Кузбасс. – 1947. – 15 июня. – С. 3.
Небогатов, М. А. Гурьевску. – Кузбасс. – 1947. – 26 июля. – С. 3.
Небогатов, М. А. Под звёздами Кремля. – Кузбасс. – 1947. – 7 сентября. – С. 3.
Небогатов, М. А. В дороге. – Кузбасс. – 1947. – 23 декабря. – С. 3.
Небогатов, М. А. Машинист; После работы. – Сибирские огни. – 1947. – № 3. – С. 38.
Небогатов, М. А. Свет над Сибирью. – Кузбасс. – 1948. – 8 февраля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Русский солдат: [Стихотворение]. – Заря (Орган Мариинского горкома ВКП (б) и городского Совета депутатов трудящихся Кемеровской области). – 1948. – № 22 (184). – 23 февраля. – С. 1.

Небогатов, М. А. Под кремлёвскими звёздами; Советская женщина; Город; Стихи об урожае. – Сталинский Кузбасс. – 1949. – № 1. – С. 91 – 92.

Небогатов, М. А. Дорога в жизнь: [Из поэмы]. – Сталинский Кузбасс. – 1949. – № 2. – С. 171 – 179.

Небогатов, М. А. На рассвете. – Сибирские огни. – 1949. – № 2. – С. 53.

Небогатов, М. А. Агитатор. – Комсомолец Кузбасса. – 1950. – № 1 (самый первый номер газеты). – 1 февраля. – С. 2.

Небогатов, М. А. За рекою, за горою. – Сибирские огни. – 1950. – № 3. – С. 91

Небогатов, М. А. На лесосеке: [Стихи]. – Комсомольская правда. – 1950. – 28 марта.

Небогатов, М. А. Звёзды над копром: [Главы из поэмы]. – В кн.: Молодые силы. Сборник произведений молодых авторов. – Новосибирск. – 1951. – С. 130 – 138.

Небогатов, М. А. На родной земле: [Стихи]. – Сибирские огни. – 1951. – № 6. – С. 42.

Небогатов, М. А. Шофёр: [Стихи]. – Сталинский Кузбасс. – 1951. – № 3. – С. 174.

Небогатов, М. А. Знаменосец мира: [Стихи]. – Сталинский Кузбасс. – 1952. – № 4. – С. 183.

Небогатов, М. А. Стихи для детей: Я уже большая; Бабушкины дни; У приёмника; Певица; Часы; Гость; Прогулка; Цветы; Весна; Лето; Осень; Зима. – Сталинский Кузбасс. – 1952. – № 5. – С. 180 – 183.

Небогатов, М. А. Берёзовая роща: Стихи. – Сибирские огни. – 1953. – № 4. – С. 119.

Небогатов, М. А. Ни взад, ни вперёд... – Сибирские огни. – 1953. – № 6. – С. 105.

Небогатов, М. А. Слово о герое; Яблоня; Шахтёр; Приезжай; Мой сосед; На прогулке; Скворец; Погожий день; Попугай (Басня); Номенклатурный медведь (Фельетон); Страж; Случай в столовой (Фельетон); Со всеми согласный. – В кн.: Цветущая земля: Сборник стихов. Коллектив авторов. – Кемерово, 1954. – С. 80 – 104.

Небогатов, М. А. Номенклатурный медведь: [Сатирические стихи]. – Сибирские огни. – 1954. – № 3. – С. 141.

Небогатов, М. А. «Это было...»; Весна; Первый снег; В сквере: [Стихи]. – Сибирские огни. – 1954. – № 7. – С. 118 – 120.

Небогатов, М. А. Стихи о природе: «Нестареющая, вечная...»; «Вот человек с вокзала...»; «Пропахший травами и хвоей...». – Сибирские огни. – 1955. – № 5. – С. 108 – 109.

Небогатов, М. А. Стихи о природе; О матери. – Огни Кузбасса. – 1955. – № 8. – С. 124 – 130.

Небогатов, М. А. У нас в посёлке. – Огни Кузбасса. – 1956. – № 9. – С. 123 – 127.

Небогатов, М. А. Начало зимы; «Всесильна жизнь!..»; «Из года в год...»; Девичья лирическая: [Пародия]. – Сибирские огни. – 1957. – № 1. – С. 90 – 92.

Небогатов, М. А. Фёкла Ниловна: Рассказ в стихах. – Огни Кузбасса. – 1958. – № 10. – С. 10 – 16.

Небогатов, М. А. Родное поле; На лесосеке. – Огни Кузбасса. – 1958. – № 11. – С. 121 – 123.

Небогатов, М. А. Шахтёрская душа / Памяти Василия Дубского. – Огни Кузбасса. – 1959. – № 12. – С. 58.

Небогатов, М. А. На переднем крае. – Сибирские огни. – 1960. – № 7. – С. 3 – 4.

Небогатов, М. А. Родные просёлки. – Сибирские огни. – 1960. – № 9. – С. 70 – 71.

- Небогатов, М. А. Родные просёлки; Лунной ночью; Апрель; Цветы: [Стихи]. – Огни Кузбасса. – 1960. – № 13. – С. 49.
- Небогатов, М. А. Отчий край; Звёздочка; Здравствуй, день!: [Новые стихи]. – Огни Кузбасса. – 1961. – № 14. – С. 14.
- Небогатов, М. А. «Хочу я верить, радости не спрятав...»: [Стихи]. – Сибирские огни. – 1961. – № 1. – С. 3 – 4.
- Небогатов, М. А. На проспекте; Ёлки. – Кузбасс. – 1961. – 2 апреля. – С. 4.
- Небогатов, М. А. На высоте. – Кузбасс. – 1961. – 30 апреля. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Голос жизни. – Кузбасс. – 1961. – 7 мая. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Шахтёр. – Сибирские огни. – 1961. – № 5. – С. 42.
- Небогатов, М. А. Ровесники времени. – Советский шахтёр. – 1961. – № 8. – С. 26 – 27.
- Небогатов, М. А. Рождение песни: [Стихи]. – Огни Кузбасса. – 1963. – № 15. – С. 32.
- Небогатов, М. А. Родство; Телефон. – Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 9 февраля. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Время; Красота. – Кузбасс. – 1963. – 29 сентября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Бессмертная книга. – Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 29 октября.
- Небогатов, М. А. Много их... – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 22 марта. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Встреча с поэтом. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 22 марта. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Много их...; Время; Встреча с поэтом: [Стихи]. – Сибирские огни. – 1964. – № 3. – С. 35 – 36.
- Небогатов, М. А. Заря в городе. – Кузбасс. – 1964. – 12 апреля. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Зиму увозят. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 26 апреля. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Солнце – рядом. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 31 мая. – С. 3.
- Небогатов, М. А. О графоманах. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 14 июня. – С. 3.
- Небогатов, М. А. В гостях у детства. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 5 июля. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Рыбалка. Я привёз... – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 19 июля. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Неповторимость. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 2 августа. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Август. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 30 августа. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Письмо от осени. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 13 сентября. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Октябрьское утро; Туман. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 18 октября. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Это всех касается; Пустобрёх; Магия бумаги; В «Детском мире»; Случай с Суворовым. – В кн.: Смехом по огрехам. Сатирические стихи и эпиграммы. Коллективный сборник. – Кемерово, 1965. – С. 3 – 6.
- Небогатов, М. А. Морозный день. – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 24 января. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Агроном. – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 24 января. – С. 3.
- Небогатов, М. А. За чертой. «Большое умень...»: [Стихи]. – Огни Кузбасса. – 1965. – № 1. – С. 17.
- Небогатов, М. А. Солнце – рядом; «В пролёте сумеречной улицы...»; «Я привёз...»: [Стихи]. – Сибирские огни. – 1965. – № 1. – С. 52 – 53.

Небогатов, М. А. Солдаты России; «Мы по-пластунски – носом в пыль...»; «Сказать мне слово доброе охота...» (В подборке «О подвигах, о доблести, о славе»). – Кузбасс. – 1965. – 23 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. «Не удивлять, а удивляться...»; «Зори вёсен со мною...»; «Я очень завидую звёздам...» – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 14 марта. – С. 3.

Небогатов, М. А. Первый шаг. – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 20 марта.

Небогатов, М. А. «Как важно смолоду найти...»: (Из новой книги). – Кузбасс. – 1965. – 4 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. «В огненной горячей круговерти...» – Кузбасс. – 1965. – 8 мая. – С. 1.

Небогатов, М. А. Из цикла «Под Красным знаменем»: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1965. – 16 мая. – С. 3.

Небогатов, М. А. «Есть видимость цветения...». Встреча. «О чём-то мне подумалось когда-то...»: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1965. – 19 июня. – С. 4.

Небогатов, М. А. Сон. – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 4 июля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Дни. – Кузбасс. – 1965. – 4 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Счастье. – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 18 июля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Газон. – Кузбасс. – 1965. – 21 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Клёны. – Кузбасс. – 1965. – 31 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Зной; Скупой дождь. – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 8 августа.

Небогатов, М. А. Воспоминания; А жизнь идёт... – Кузбасс. – 1965. – 21 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Терриконики. – Кузбасс. – 1965. – 29 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Сельская учительница. – Кузбасс. – 1965. – 1 сентября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Люблю. – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 10 октября. – С. 3.

Небогатов, М. А. В дороге; Забывать об осени не надо...; Ветер (Осенние стихи). – Кузбасс. – 1965. – 15 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Идут года... – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 27 октября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Радуга на столе (Варваре Гурьевне Ульдиной). – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 27 октября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Дорогой гость (Алексею Архиповичу Леонову). – Кузбасс. – 1965. – 5 ноября. – С. 1.

Небогатов, М. А. Мать и сын. – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 26 декабря. – С. 3.

Небогатов, М. А. Оттепель. – Кузбасс. – 1965. – 26 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. Виктору Баянову («Есть у меня поэт любимый...») – В книге: МАЙСКИЙ СНЕГ. – 1966. – С. 53.

Небогатов, М. А. В гостях у детства; Встреча; «О чём-то мне подумалось когда-то...». – В кн.: Сибирь поэтическая. – Кемерово, 1966. – С. 129 – 132.

Небогатов, М. А. Паровозный гудок. – Кузбасс. – 1966. – 9 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. Вечер в посёлке; В январе. – Комсомолец Кузбасса. – 1966. – 16 января. – С. 3.

Небогатов, М. А. «Есть видимость цветения...»; «О чём-то мне подумалось когда-то...»: [Стихи]. – Сибирские огни. – 1966. – № 1. – С. 97 – 98.

Небогатов, М. А. Заячий промах. – Кузбасс. – 1966. – 6 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Две Руси. – Кузбасс. – 1966. – 3 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Дела (Новые стихи). – Кузбасс. – 1966. – 24 апреля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Пилот. – Кузбасс. – 1966. – 18 августа. – С. 1.

Небогатов, М. А. Шахтёрская песня. – Кузбасс. – 1966. – 28 августа. – С. 4.

- Небогатов, М. А. Всё ясно?: [Сатирические стихи]. – Крокодил. – 1966. – № 14. – С. 14.
- Небогатов, М. А. «Мы сообща слагаем даже строчки...»; «Ты в первый раз уехала далеко...»; «Есть у меня поэт любимый...»: [Стихи]. – Огни Кузбасса. – 1966. – № 1. – С. 34 – 35.
- Небогатов, М. А. Мой друг. – Комсомолец Кузбасса. – 1966. – 4 сентября.
- Небогатов, М. А. Пока живём... – Кузбасс. – 1966. – 25 сентября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Жизнь (Новые стихи). – Кузбасс. – 1966. – 16 октября. – С. 3.
- Небогатов, М. А. На октябрьской орбите: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1966. – 6 ноября. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Ненастье. – В кн.: Антология сибирской поэзии. – Иркутск. – 1967. – С. 297 – 298.
- Небогатов, М. А. Высокая роль (Артистам, создавшим на сцене образ В. И. Ленина). – Кузбасс. – 1967. – 22 апреля. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Россия; Луг заливной (Новые стихи). – Кузбасс. – 1967. – 31 мая. – С. 4.
- Небогатов, М. А. О простоте; Жизнь: [Стихи]. – Сибирские огни. – 1967. – № 5. – С. 59 – 60.
- Небогатов, М. А. Из цикла «Лето». – Кузбасс. – 1967. – 23 июля. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Богатыри земли: Стихи. – Труд. – 1967. – 3 августа.
- Небогатов, М. А. Землякам – шахтёрам. – Комсомолец Кузбасса. – 1967. – 27 августа.
- Небогатов, М. А. Соседка: [Стихи]. – Сибирские огни. – 1967. – № 10. – С. 125.
- Небогатов, М. А. Его Величество. – Кузбасс. – 1967. – 6 октября. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Стога: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1967. – 2 декабря. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Из лирической тетради: «С давних лет с природою мы дружим...»; «Да, всякая бывает жалость...»; Вечер в посёлке. – Огни Кузбасса. – 1967. – № 19. – С. 48 – 49.
- Небогатов, М. А. Отчий край: [Песня о Кузбассе. Музыка Б. Ковбасова]. – В сборнике: Песни нашего края. – Кемерово. – 1967. – С. 26 – 29.
- Небогатов, М. А. Улица Советская: [Музыка Б. Ковбасова]. – В сборнике: Песни нашего края. – Кемерово. – 1967. – С. 16 – 21.
- Небогатов, М. А. На переднем крае (К 25-летнему юбилею Кемеровской области): [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1968. – 26 января. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Бесснежная зима: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1968. – 1 февраля. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Фронтальная дружба. – Кузбасс. – 1968. – 23 февраля. – С. 4 (а также вкладка «Журналисты Кузбасса». – С. 1).
- Небогатов, М. А. Кленовый листок. – Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 15 июня. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Кленовый листок. Стога. – Сибирские огни. – 1968. – № 6. – С. 74 – 75.
- Небогатов, М. А. Помню... – Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 6 июля. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Россия: Стихи. – Огни Кузбасса. – 1968. – № 2. – 2-я с. обл.
- Небогатов, М. А. На гребне дней. – Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 7 сентября. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Краски сентября. – Кузбасс. – 1968. – 15 сентября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Золото. – Кузбасс. – 1968. – 13 октября. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Старые большевики; Звёздный путь: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1968. – 6 ноября. – С. 3.

- Небогатов, М. А. Сельский мир. – Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 5 декабря. – С. 2.
- Небогатов, М. А. Родина. – Кузбасс. – 1968. – 5 декабря. – С. 1.
- Небогатов, М. А. День за днём. – В кн.: Родная природа. – Кемерово. – 1969. – С. 14 – 15.
- Небогатов, М. А. Жаворонок / Памяти Анатолия Саулова. – В книге: СВЕТ В ОКНЕ. – 1969. – С. 40.
- Небогатов, М. А. Река / Александру Пинаеву. – В книге: СВЕТ В ОКНЕ. – 1969. – С. 138.
- Небогатов, М. А. «Много в мире прекрасного...» (в подборке стихотворений «Кузбасские поэты – женщины»). – Кузбасс. – 1969. – 8 марта. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Небесная глубина; На заре (Весенние стихи). – Кузбасс. – 1969. – 24 апреля. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Сентябрьское солнце (в 4-х частях). – Кузбасс. – 1969. – 20 сентября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Песни: Осень золотая (Урожайная); Есть у нас в Тяжине (Шуточная). – Кузбасс. – 1969. – 12 октября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Сельский мир; «Отпыляет осень золотая...». – Кузбасс. – 1969. – 22 октября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. «Аврора». – Кузбасс. – 1969. – 6 ноября. – С. 2.
- Небогатов, М. А. Соседка; Жаворонок. – В кн.: День поэзии. – Кемерово. – 1970. – С. 61 – 62.
- Небогатов, М. А. Нам светит дружба (посвящение дружбе Кемеровской и Ноградской (Венгрия) областей). – Кузбасс. – 1970. – 4 апреля. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Праздник труда (посвящение Всесоюзному ленинскому коммунистическому субботнику). – Кузбасс. – 1970. – 11 апреля. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Великий юбилей (К 100-летию со дня рождения В. И. Ленина). – Кузбасс. – 1970. – 21 апреля. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Майские строки. – Кузбасс. – 1970. – 1 мая. – С. 1.
- Небогатов, М. А. На гребне дней (Посвящение 50-летию комсомола). – Кузбасс. – 1970. – 28 мая. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Ранний гость; Гроза; Время: [Из лирической тетради]. – Кузбасс. – 1970. – 15 июня. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Митю видел?; Полдень; Хлеба: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1970. – 2 августа. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Дочь Родины (Посвящение отважной бортпроводнице Наде Курченко). – Кузбасс. – 1970. – 22 октября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Из осеннего цикла (В 4-х частях). – Кузбасс. – 1970. – 4 ноября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. «Томь ли вешним шумит половодьем...» (Стихи к фотоплакату В. Грызыхина к 53-й годовщине Великого Октября). – Кузбасс. – 1970. – 6 ноября. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Дорогие имена (Иван Ерошин, Пётр Замоиский). – Комсомолец Кузбасса. – 1970. – 24 ноября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. «Сентябрь шагает, тучу нахлобучив...»; «Над лугами где-то...»; «Как всё-таки природа к нам добра...». – В кн.: Родная природа. – Кемерово. – 1971. – С. 15, 35 – 36.
- Небогатов, М. А. «По весне, когда благоуханно...»; «Да, важно смолоду найти...»; «Не суди о людях понаслышке...»; «Когда о человеке знаешь суть...»; Дружок; Время; Дела. – Огни Кузбасса. – 1971. – № 3. – С. 9 – 11.

Небогатов, М. А. Весенний привет (К женскому празднику). – Кузбасс. – 1971. – 7 марта. – С. 1.

Небогатов, М. А. Картинки букваря; Я привёз...; Родные просёлки: [Стихи]. – Знамя Ильича (Орган Гурьевского ГК КПСС и Горсовета депутатов трудящихся). – 1971. – № 67. – 5 июня. – С. 4.

Небогатов, М. А. Пройдут года...; «Когда ты спишь...»; Прохожий; «Нельзя давать душе своей покой...» (Из новой книги). – Кузбасс. – 1971. – 31 июля. – С. 3.

Небогатов, М. А. «Изо всех профессий величавых...» (Ко Дню шахтёра). – Кузбасс. – 1971. – 29 августа. – С. 1.

Небогатов, М. А. Три сонета. – Кузбасс. – 1971. – 26 сентября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Партии. – Кузбасс. – 1971. – 6 ноября. – С. 1.

Небогатов, М. А. «Иногда я думаю о том...»; «Война не только всё губила...»; «В юности не знал ты никогда...» (Из лирической тетради). – Кузбасс. – 1971. – 21 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. Венок сонетов. – Кузбасс. – 1972. – 23 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Победа. Мир. Весна... (акrostих). – Комсомолец Кузбасса. – 1972. – 9 мая. – С. 2.

Небогатов, М. А. Золотая осень; «В огне, в дыму прошла моя весна...»; «Прекрасно утро мирной тишиною...»; «Немалый путь – полвека за спиною...»: [Стихи]. – Сибирские огни. – 1972. – № 5. – С. 96 – 97.

Небогатов, М. А. Ягоды; День прошёл; Змей: [Из лирической тетради]. – Кузбасс. – 1972. – 30 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Богатыри земли (Ко Дню шахтёра). – Кузбасс. – 1972. – 27 августа. – С. 1.

Небогатов, М. А. Хлебное поле: Лирический репортаж. – Кузбасс. – 1972. – 28 сентября. – С. 2.

Небогатов, М. А. В семье единой (К 50-летию образования СССР). – Кузбасс. – 1972. – 11 декабря. – С. 1.

Небогатов, М. А. К светлым далям... (К ленинскому коммунистическому субботнику). – Кузбасс. – 1973. – 21 апреля. – С. 1.

Небогатов, М. А. Весенние сонеты. – Кузбасс. – 1973. – 30 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. «Ещё когда босые по ромашке...»; «Случайно в мемуарах генерала...»; «Всю жизнь перед глазами, как живой...»: [Сонеты]. – Сибирские огни. – 1973. – № 6. – С. 143 – 144.

Небогатов, М. А. Летние сонеты. – Кузбасс. – 1973. – 1 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Светлы награды сентября. – Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 22 сентября. – С. 1.

Небогатов, М. А. Осень: «Ещё в листве деревьев...»; «Когда огни зажгутся в окнах...»; «Как ладонь с полосками морщин...» – Кузбасс. – 1973. – 23 сентября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Гнев (о событиях в Чили). – Кузбасс. – 1973. – 29 сентября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Предзимье: «Уж снег кружился многократно...»; «Как глуха предзимняя околица...» – Кузбасс. – 1973. – 1 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Зимнее: «Лётом, бегом – всё село...»; «Зима светло и без корысти...»; «За строй берёз и сосен...» – Кузбасс. – 1973. – 25 ноября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Россия; «Я привёз...»; «Не удивлять, а удивляться...»; Рождение песни; «Нет мысли, думы, чувства...»; Стога; Август. – В сборнике: Встреча. Будапешт – Кемерово. – 1974. – С. 66 – 74. На рус. и венг. языках.

Небогатов, М. А. «Как часто кажется, что дни...»; «Судьбе говорю я спасибо...»; «За какое бы дело...»; «Не браните бесталанных...»; «Каждый день – как новая ступень...». – Огни Кузбасса. – 1974. – № 2. – 2-я с. обл., с. 16 – 17.

Небогатов, М. А. «Гляжу на женщину-красавицу...»; «Вхожу ли в зал...»: [Из лирической тетради]. – Кузбасс. – 1974. – 8 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Мирный день: [«Он с фотокарточки смеётся...»; «Годы в сердце живут без прописки...»; «Война не только всё губила...»]. – Огонёк. – 1974. – № 9. – С. 6.

Небогатов, М. А. Воины России. – Кузбасс. – 1974. – 9 мая. – С. 3.

Небогатов, М. А. Наш Пушкин. – Комсомолец Кузбасса. – 1974. – 8 июня.

Небогатов, М. А. Из цикла «Творчество»: [«Одной фамилией «Есенин»...»; «Если некие дела...»; «Когда душа полна словами...»; «С грустью и вздохом читаю поэта...»; «Нежданно краткая открытка...»]. – Кузбасс. – 1974. – 18 августа. – С. 3.

Небогатов, М. А. Встреча солнца (Ко Дню шахтёра). – 1974. – 30 августа. – С. 1.

Небогатов, М. А. Россия: «Не припомню я, когда...»; «Осени и вёсны...»; «С рассвета колёса...»: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1974. – 6 октября. – С. 3.

Небогатов, М. А. «Весна и осень...»; «Как горечь и сладость...»; «Как часто в ход пускают лесть...»; «Жизнь – словно лес...»; «Любить – не значит беспрестанно...»: [Из лирической тетради]. – Кузбасс. – 1974. – 20 октября. – С. 3.

Небогатов, М. А. «Как опрометчиво порою...»; «Железная дорога...»; «О жизни все по-разному мы судим...»: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1974. – 15 декабря. – С. 3.

Небогатов, М. А. «За строй берёз и сосен...»: [Стихи]. – В сборнике: Земля Кузнецкая. – Кемерово. – 1975. – С. 53.

Небогатов, М. А. «Каким себе ты кажешься невзрачным...». – В сборнике: Земля Кузнецкая. – Кемерово. – 1975. – С. 37.

Небогатов, М. А. «Клён ветрами раздет...»; «Как одуванчик солнце в небе светлом...»: [Стихи]. – В сборнике: Земля Кузнецкая. – Кемерово. – 1975. – С. 62 – 63.

Небогатов, М. А. «Осину не любит никто...». – В сборнике: Земля Кузнецкая. – Кемерово. – 1975. – С. 86.

Небогатов, М. А. «Проснёшься оттого, что под ресницы...»: [Стихи]. – В сборнике: Земля Кузнецкая. – Кемерово. – 1975. – С. 30.

Небогатов, М. А. Старый солдат; «Случайно в мемуарах генерала...»; На переднем крае; «Война не только всё губила...»: [Стихи]. – В кн.: Гремели бои. – Кемерово. – 1975. – С. 46 – 47.

Небогатов, М. А. «Он помнит то знойное лето...»; «Идут года, но ратных ветеранов...». – Огни Кузбасса. – 1975. – № 1. – С. 68.

Небогатов, М. А. Вступая в Новый год... – Кузбасс. – 1975. – 1 января. – С. 2.

Небогатов, М. А. «Когда с людьми испорчу отношения...»; «Свой каприз у сердца моего...»: [Из лирической тетради]. – Кузбасс. – 1975. – 12 января. – С. 3.

Небогатов, М. А. Сокровенное слово / Памяти Василия Шукшина. – Кузбасс. – 1975. – 29 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. «Учитесь жить у стариков...»; «Мы любим восход и закат...»: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1975. – 2 марта. – С. 3.

Небогатов, М. А. Строки любви: «Как это славно и мудро...»; «Как я скучаю по тебе...» – Кузбасс. – 1975. – 8 марта. – С. 3.

Небогатов, М. А. Я привёз... (Из книги стихов поэтов областей-побратимов – Кемеровской и Ноградской (Венгрия) областей «Встреча»). – Кузбасс. – 1975. – 2 апреля. – С. 3.

Небогатов, М. А. О матери; Первая любовь; Певица (Из новой книги). – Кузбасс. – 1975. – 8 июня. – С. 3.

Небогатов, М. А. Аккордеон: Лирическая поэма. – Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 12 июля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Раздумья о молодых: «Здравствуй, боевая наша смена...»; «Молодёжь! Она на гребне жизни...»: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1975. – 20 июля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Летние стихи: Солнце; Над рекой. – Кузбасс. – 1975. – 10 августа. – С. 3.

Небогатов, М. А. «Ещё в листе зелёной нет просвета...»; «Как ладонь с полосками морщин...»; «Зима светло и без корысти...»; «Как в отступлении войска...»; «За строй берёз и сосен»: [Стихи]. – Огни Кузбасса. – 1975. – № 4. – С. 13.

Небогатов, М. А. Озарение; На опушке; В лесу (Из новой книги). – Кузбасс. – 1975. – 14 сентября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Сельский мир (Осенние стихи). – Кузбасс. – 1975. – 10 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Юным (то же стихотворение, что и «На гребне дней»). – Кузбасс. – 1975. – 29 октября. – С. 3.

Небогатов, М. А. «Аврора». – Кузбасс. – 1975. – 6 ноября. – С. 1.

Небогатов, М. А. Предзимье: Строки из новой книги стихов. [«В предзимней серости и сырости...»; Первый снег». – Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 25 ноября.

Небогатов, М. А. Так было; Пленные; Пуля: [Стихи о войне]. – Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 25 ноября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Рассвет. – Кузбасс. – 1975. – 7 декабря. – С. 3.

Небогатов, М. А. Как будто впервые. – Кузбасс. – 1976. – 1 февраля. – С. 3.

Небогатов, М. А. На горке; Весеннее (Из новой книги). – Кузбасс. – 1976. – 16 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Весна: Лирическая поэма (в пяти частях). – Кузбасс. – 1976. – 17 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Майские стихи (в двух частях). – Кузбасс. – 1976. – 1 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. Достойны ли... – Кузбасс. – 1976. – 9 мая. – С. 3.

Небогатов, М. А. Из лирики: [«Когда бывало в обороне...»; «Не виноваты мы перед друзьями...»; «Пока живём, нужны мы многим людям...»; «Как-то раз, простой и свойский...»; «Какой-то посёлок, разрушенный в прах...»; На постое; «О, свет далёких отроческих дней!»: Стихи]. – Огни Кузбасса. – 1976. – № 3. – С. 13 – 16.

Небогатов, М. А. С покоса; Зной; Скупой дождь: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1976. – 18 июля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Солнце – первый новосёл. – Кузбасс. – 1976. – 8 августа. – С. 3.

Небогатов, М. А. «Как ты мною любима...»: Из книги лирики «Земной поклон». – Комсомолец Кузбасса. – 1976. – 2 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Земной поклон («Бессмертен мир, и вечен праздник жизни...»). – Кузбасс. – 1976. – 10 октября. – С. 1.

Небогатов, М. А. Строки любви: «Нечаянно словом обидел...»; «Говорю, приветствуя весну...»; «Есть костёр, что не греет...»; «Бывало в жизни нашей всяко...»; «Хорошей, славной называю...»; «За то тебя благодарю...» (Из новой книги). – Кузбасс. – 1976. – 5 ноября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Морозный день. – Кузбасс. – 1976. – 1 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. Мирный день: [Стихи]. – В кн.: Рабочие плечи Кузбасса. – 1977. – С. 193 – 194.

Небогатов, М. А. Под знаменем багряным: [Стихи]. – В кн.: Рабочие плечи Кузбасса. – 1977. – С. 462 – 463.

Небогатов, М. А. Гость желанный (фрагмент новогоднего стихотворения). – Кузбасс. – 1977. – 1 января. – С. 1.

- Небогатов, М. А. Сердцу милая пора. – Кузбасс. – 1977. – 1 мая. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Младшие лейтенанты (из цикла «Воспоминания»): [Стихи о войне]. – Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 7 мая. – С. 3.
- Небогатов, М. А. В походе. – Кузбасс. – 1977. – 9 мая. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Из цикла «Лето». – Кузбасс. – 1977. – 1 июля. – С. 4.
- Небогатов, М. А. «Бранят тебя иные, молодёжь...»; «Все знаем: на земле мы только гости...»; «С каким азартом наши мужики...»; «Мальчишкою я был совсем не хилый...»; «О мудрости пословиц, поговорок...»: [Сонеты]. – Комсомолец Кузбасса. – 1977. – 10 сентября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Лирика: «Как важно, если кто-нибудь, любя...»; «Бывает неприязнь чернее кошки...»: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1977. – 2 октября. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Книга жизни. – Кузбасс. – 1978. – 1 января. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Барзас; Шуринка; В детстве; Васильки; Змей; Августовский рассвет. – Огни Кузбасса. – 1978. – № 2. – С. 34 – 36.
- Небогатов, М. А. Встречай улыбки наши... – Кузбасс. – 1978. – 1 мая. – С. 1.
- Небогатов, М. А. «Нет, душой не ожирели...»; «Прохладно в доме, как зимой...»; «Всю ночь сегодня грозно грохотало...»; «Вспоминается часто такое...»; «День в лазоревой рубашке...»: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1978. – 9 июля. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Когда шахтёр спускается в забой. – Кузбасс. – 1978. – 27 августа. – С. 3.
- Небогатов, М. А. Рождение песни; «Есть видимость цветения...»; «Всю жизнь перед глазами, как живой...»; Вечный огонь; Уроки войны; Родные просёлки; «Нет мысли, думы, чувства...»; На постое («Хаты белые в садах...»); Соседка; Русский поклон; Родник поэзии; Перепёлка; Осенние думы; Стога; Воспоминание («Мы жили с весны на степном полигоне...»); Встреча; «Сколько раз берёзка возле прясла...»; «На поле пала тень...»; Спасибо сентябрю; «Нестареющая, вечная...»; «Туман клубится над долиною...». – В кн.: Дыхание земли родимой: [Стихи]. – Кемерово, 1979. – С. 156 – 170.
- Небогатов, М. А. Дружба; Шахтёр; Россия: [Стихи]. – В кн.: Руку дружбы подали. – Донецк; Кемерово. – 1979. – С. 42 – 45.
- Небогатов, М. А. Свет добра. – Кузбасс. – 1979. – 1 января. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Воспоминание. – Кузбасс. – 1979. – 23 февраля. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Пейзажи. Из летнего цикла: [Стихи]. – Огни Кузбасса. – 1979. – № 2. – С. 38: портр.
- Небогатов, М. А. В лучах славы. – Кузбасс. – 1979. – 1 мая. – С. 1.
- Небогатов, М. А. Призывники; 22 июня. – Кузбасс. – 1979. – 9 мая. – С. 3.
- Небогатов, М. А. «Зной, как вино в бокале дня...»; «Что-то спать этой ночью не хочется»; «Ещё не рассвет, а намёк на него...»; «В саду перед домом одни воробышки...»; «Надоело солнцу печь...». – Комсомолец Кузбасса. – 1979. – 4 августа. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Река; Удачи; Одарённость: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1979. – 5 августа. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Осенние мотивы: Равновесие; В начале осени; «Не объяснить никак...»; Костры; На стерне. – Кузбасс. – 1979. – 28 сентября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Погожее утро. – Кузбасс. – 1979. – 2 октября. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Под сенью кумача. – Кузбасс. – 1980. – 1 января. – С. 1.
- Небогатов, М. А. «Как жгучий воздух щёки режет!» (Календарная страница. Январь). – Кузбасс. – 1980. – 3 января. – С. 4.
- Небогатов, М. А. Нет-нет и капля упадёт... (Календарная страница. Февраль). – Кузбасс. – 1980. – 1 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Хрусталь сосуллек над окном... (Календарная страница. Март). – Кузбасс. – 1980. – 1 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Облака черёмух... (Календарная страница. Май). – Кузбасс. – 1980. – 2 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. Кепка; Удивляло немногих...; Кинохроника; Тревожен мир. – Кузбасс. – 1980. – 9 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. Лес берендеевой сказкой... (Календарная страница. Июнь). – Кузбасс. – 1980. – 1 июня. – С. 4.

Небогатов, М. А. «На самой задушевной ноте...»: Из цикла стихов о творчестве [«Очень трудный жребий у поэта...»; «Говорю себе: время не трать!»; «Привыкаем за жизнь ко всему...»; «Не любому доступны вершины...»; «Гении» непризнанные... Жаль их...»; «Если чувства запустишь...»; «Жизнь у всех по-разному поётся...»]. – Огни Кузбасса. – 1980. – № 3. – С. 54 – 55.

Небогатов, М. А. Дождинкам мир цветущий рад: «Как из десятков сотен сит...»; «Как в речку невода...»; «Надоело солнцу печь...» (Календарная страница. Июль). – Кузбасс. – 1980. – 1 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. В добрый час! (Олимпиаде-80). – Кузбасс. – 1980. – 19 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Пламенем заката (Календарная страница. Август). – Кузбасс. – 1980. – 1 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Родство. – Кузбасс. – 1980. – 31 августа. – С. 1.

Небогатов, М. А. Столько красок... (Календарная страница. Сентябрь). – Кузбасс. – 1980. – 2 сентября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Тепла не будет... (Календарная страница. Октябрь). – Кузбасс. – 1980. – 1 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. И светится природы новизна... (Календарная страница. Ноябрь). – Кузбасс. – 1980. – 1 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. В стужу... (Календарная страница. Декабрь). – Кузбасс. – 1980. – 4 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. Лирические миниатюры. – Кузбасс. – 1981. – 1 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. От рассвета до вечера... (Календарная страница. Январь). – Кузбасс. – 1981. – 3 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. Родина. – Огни Кузбасса. – 1981. – № 1. – С. 3.

Небогатов, М. А. Снега алеют... (Календарная страница. Февраль). – Кузбасс. – 1981. – 1 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Сибирские кедры. – Кузбасс. – 1981. – 23 февраля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Не счесть лучей... (Календарная страница. Апрель). – Кузбасс. – 1981. – 1 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Цвет черёмушный (Календарная страница. Май). – Кузбасс. – 1981. – 1 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. Памяти Александра Волошина. – Комсомолец Кузбасса. – 1981. – 23 мая.

Небогатов, М. А. Запах незабудок (Календарная страница. Июнь). – Кузбасс. – 1981. – 2 июня. – С. 4.

Небогатов, М. А. Земляничным соком... (Календарная страница. Июль). – Кузбасс. – 1981. – 1 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Голубые зеркала... (Календарная страница. Август). – Кузбасс. – 1981. – 1 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Год за годом: [Подборка стихотворений разных лет (с 1938 по 1981 гг.): «Как юность, просто и лучисто...»; «Все войны свой конец имели...»; «Творцы картин, симфоний, книг ли...»; «Если чувства, как спички, растрочены...»;

Перепёлка; «Нет мысли, думы, чувства...»; «Всю жизнь перед глазами, как живой...»; В ночь на 22 июня 1941 года; «Покидают тихо жизни праздник...»; «И прадеды наши сильнее всего...»; «Безбрежно, вольно на небе высоком...»; «Новый стих – как ясное окно...». – Огни Кузбасса. – 1981. – № 3. – С. 3 – 6.

Небогатов, М. А. Души огонь... (Календарная страница. Сентябрь). – Кузбасс. – 1981. – 1 сентября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Последние листочки (Календарная страница. Октябрь). – Кузбасс. – 1981. – 1 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Когда тебе все люди хороши... / Михаилу Небогатову – 60: [Стихи-миниатюры]. – Комсомолец Кузбасса. – 1981. – 3 октября: фото.

Небогатов, М. А. «Наверно, не раз на войне вам...»; «Фронтовые письма-треугольники...»; «Редкий дом обошла похоронка...»; «Эвакуаций спешных суетня...»; «Друг-солдат, познавший тьму невзгод...»; «Столько лет без войны...»; «Фронтовик со «знаком ветерана»...»; «Однокашники лет грозových...»; «На побывку прибыл юный воин...»; «Мир утренней заре...»; «Как старались немцы силы выжать...»; «Прижал нас к полю свист сквозной...»; «Как жаль: из строя вывело раненье...»: [Из военной тетради]. – Кузбасс. – 1981. – 4 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Лирика зимы (Календарная страница. Ноябрь). – Кузбасс. – 1981. – 1 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Год кончает свой путь... (Календарная страница. Декабрь). – Кузбасс. – 1981. – 1 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. Родные просёлки; «Нестареющая, вечная...»; На восходе. – В кн.: Песнь о Сибири: [Стихи]. – Кемерово, 1982. – С. 185 – 188.

Небогатов, М. А. В куржак разоде́тый... (Календарная страница. Январь). – Кузбасс. – 1982. – 3 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. Минуты; Всё в сердце моём; Твои дела... – Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 28 января. – С. 3.

Небогатов, М. А. Родной газете; Памяти друга, журналиста Ю. Д. Баландина (Из лирического дневника: Цикл стихотворений к 60-летию газеты «Кузбасс»). – Кузбасс. – 1982. – 28 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. Последний буран. – Кузбасс. – 1982. – 3 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Огонь зари и поля белизну... (Календарная страница. Март). – Кузбасс. – 1982. – 3 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Окрыляет сердца (К женскому празднику). – Кузбасс. – 1982. – 8 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Весенние сонеты (Календарная страница. Апрель). – Кузбасс. – 1982. – 1 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Праздник труда (посвящение Всесоюзному ленинскому коммунистическому субботнику). – Кузбасс. – 1982. – 18 апреля. – С. 1.

Небогатов, М. А. Синева, синева... (Календарная страница. Май). – Кузбасс. – 1982. – 2 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. Воины России. – Кузбасс. – 1982. 7 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. Он пришёл, как первый друг... (Календарная страница. Июнь). – Кузбасс. – 1982. – 1 июня. – С. 4.

Небогатов, М. А. Звенит, звенит покосом... (Календарная страница. Июль). – Кузбасс. – 1982. – 1 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Жаркое лето любя... (Календарная страница. Август). – Кузбасс. – 1982. – 1 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Счастливая; Прощение; На словах; Совесть; Жизнь (Новые стихи). – Кузбасс. – 1982. – 22 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Косяк журавлиный (Календарная страница. Сентябрь). – Кузбасс. – 1982. – 1 сентября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Радость; Песня; На выданье; Великодушие; Если бы... – Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 9 сентября.

Небогатов, М. А. Певец природы (Николай Рыленков). – Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 9 сентября.

Небогатов, М. А. «Редкий дом обошла похоронка...»; «Эвакуаций спешных суетня...»; «Фронтовик со Знаком ветерана...»; «На побывку прибыл юный воин...»; «Прижал нас к полю свист сквозной...»; «Как жаль: из строя вывело раненье...»; «Кто бы ни был ты племенем, родом...»: [Из военной тетради]. – Огни Кузбасса. – 1982. – № 3. – С. 21 – 23.

Небогатов, М. А. Лучик солнца (Календарная страница. Октябрь). – Кузбасс. – 1982. – 1 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Гроздь рябин... (Календарная страница. Ноябрь). – Кузбасс. – 1982. – 2 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. «Аврора». – Кузбасс. – 1982. – 7 ноября. – С. 1.

Небогатов, М. А. Письма; Сердце и разум; Так давно...; Утром; Гурьевск. – Кузбасс. – 1982. – 16 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Зимнее... (Календарная страница. Декабрь). – Кузбасс. – 1982. – 1 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. Богатство России: [Первополосное стихотворение]. – Кузбасс (спецвыпуск к 60-летию образования СССР). – 1982. – 17 декабря.

Небогатов, М. А. Слово снежный звездопад... (Календарная страница. Январь). – Кузбасс. – 1983. – 4 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. В том далёком году (К юбилею Кемеровской области). – Кузбасс. – 1983. – 26 января. – С. 1.

Небогатов, М. А. Уже сосульки и проталинки... (Календарная страница. Февраль). – Кузбасс. – 1983. – 1 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Берега; Слово и дело; В юности; Немногим дано...: [Лирика]. – Кузбасс. – 1983. – 6 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. И синий ковш Большой Медведицы... – Кузбасс. – 1983. – 1 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. След ваш добрый светится везде... (С Днём восьмого марта). – Кузбасс. – 1983. – 8 марта. – С. 1.

Небогатов, М. А. Вербных веток дымок... (Календарная страница. Апрель). – Кузбасс. – 1983. – 1 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Под старость; Время. – Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 7 апреля.

Небогатов, М. А. Судьба; Слава; Чьё-то горе (Новые стихи). – Кузбасс. – 1983. – 23 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Солнечные строчки (Календарная страница. Май). – Кузбасс. – 1983. – 2 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. Слава сибиряков. – Кузбасс. – 1983. – 9 мая. – С. 1.

Небогатов, М. А. Под незакатным небосводом... (Календарная страница. Июнь). – Кузбасс. – 1983. – 1 июня. – С. 4.

Небогатов, М. А. Рассыпаться росам... (Календарная страница. Июль). – Кузбасс. – 1983. – 1 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Слово; Свойство; Птичья флейта: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1983. – 3 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Он звенит ещё птичьим щебетом... (Календарная страница. Август). – 1983. – 2 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. На таёжной станции; Лунной ночью; Всё чаще; Жду писем: [Сонеты]. – Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 11 августа.

Небогатов, М. А. Берёзовский: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1983. – 28 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Краток летний срок... (Календарная страница. Сентябрь). – Кузбасс. – 1983. – 1 сентября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Сердце и разум; Прощение; Совесть; Песня; На выданье; В ночной степи: [Лирика]. – Огни Кузбасса. – 1983. – № 3 (июль – сентябрь). – С. 42.

Небогатов, М. А. Бегут облака... (Календарная страница. Октябрь). – Кузбасс. – 1983. – 1 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Из поэмы «Хозяин земли». – Кузбасс. – 1983. – 7 октября. – С. 1.

Небогатов, М. А. И снегопад, и солнце... (Календарная страница. Ноябрь). – Кузбасс. – 1983. – 1 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Морозный пожар. (Календарная страница. Декабрь). – Кузбасс. – 1983. – 1 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. Плохое и хорошее; Мгновенья; Преклоняюсь...; Поговорка: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1983. – 4 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. И свет и сумрак...; Сердце – сердцу; Не люблю; Мать одна. – Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 8 декабря.

Небогатов, М. А. Я привёз...; Стога; «Нестареющая, вечная...». – В кн.: Рабочая мелодия Кузбасса: [Стихи о родном крае]. – 1984. – С. 61, 143 – 145, 160 – 161.

Небогатов, М. А. Бойкий морозец румяный... (Календарная страница. Январь). – Кузбасс. – 1984. – 3 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. Берёзовский; Интервью бригадира; О сталеваре; Памяти Александра Волошина. – Огни Кузбасса. – 1984. – № 1 (январь – март). – С. 45 – 46.

Небогатов, М. А. Высотка: [Сонет]. – Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 12 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Часы; Берёзовский: [Из двенадцатой поэтической книги «Земля моя добрая»]. – Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 12 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Свети нам всегда. – Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 1 мая.

Небогатов, М. А. Весеннее. – Кузбасс. – 1984. – 1 мая. – С. 1.

Небогатов, М. А. Огонь! – Кузбасс. – 1984. – 9 мая. – С. 1.

Небогатов, М. А. Наш край; Берёзовский; Памяти Александра Волошина: [Стихи]. – Сибирские огни. – 1984. – № 6. – С. 100 – 101.

Небогатов, М. А. Грусть; Ты прилетаешь!; Стихи ветеранов. – Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 19 июля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Пристань; Лишь вспомню тебя; После дождя; Идут года: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1984. – 12 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Памяти Александра Волошина: [Стихи]. – В кн.: Небогатов М. Земля моя добрая. – Кемерово, 1984. – С. 57 – 58.

Небогатов, М. А. Воздушный обстрел; В полдень: [Из солдатского блокнота]. – Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 24 ноября.

Небогатов, М. А. Одному поэту; Песня далёких лет; Столько лет...; Долг; Годы летят: [Новые стихи]. – Кузбасс. – 1984. – 29 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. С думой о Победе. – Кузбасс. – 1985. – 1 января. – С. 1.

Небогатов, М. А. Слово о юбиляре (К 50-летию Кемеровского ордена «Знак Почёта» областного драматического театра имени А. В. Луначарского). – Кузбасс. – 1985. – 25 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. Голос сердца: [Венок сонетов]. – Комсомолец Кузбасса. – 1985. – 21 февраля.

Небогатов, М. А. [Из фронтового дневника]: Воздушный обстрел; С Западного фронта; Госпиталь в г. Соль-Илецке: 1. Брату Григорию. 2. Подруге. 3. В полдень; Ещё письмо; Огонь! – Огни Кузбасса. – 1985. – № 1-2 (январь-февраль). – С. 36 – 38.

Небогатов, М. А. Весенний сонет (Календарная страница. Март). – Кузбасс. – 1985. – 1 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. В полдень (Календарная страница. Апрель). – Кузбасс. – 1985. – 2 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Мир, Весна (Календарная страница «Край родной». Май) – Кузбасс. – 1985. – 2 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. В Салаире (Календарная страница «Край родной». Июнь). – Кузбасс. – 1985. – 2 июня. – С. 4.

Небогатов, М. А. Моё поколение; Смертная метка: [Из солдатского блокнота]. – Комсомолец Кузбасса. – 1985. – 22 июня.

Небогатов, М. А. Над рекой (Календарная страница «Край родной». Июль). – Кузбасс. – 1985. – 2 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Август (Календарная страница «Край родной»). – Кузбасс. – 1985. – 1 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Сентябрьский вечер (Календарная страница «Край родной»). – Кузбасс. – 1985. – 1 сентября. – С. 4.

Небогатов, М. А. За туманом (Календарная страница «Край родной». Октябрь). – Кузбасс. – 1985. – 1 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. «Солнце землю, видать, разлюбило...» (Календарная страница «Край родной». Ноябрь). – Кузбасс. 1985. – 1 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Прибудет день... (Календарная страница «Край родной». Декабрь). – Кузбасс. – 1985. – С. 4.

Небогатов, М. А. Наше заветное. – Кузбасс. – 1986. – 1 января. – С. 1.

Небогатов, М. А. Люблю тишину снегопада (Календарная страница «Край родной». Февраль). – Кузбасс. – 1986. – 1 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Всего обидней; В наступлении; В магазине: [Из военной тетради]. – Кузбасс. – 1986. – 23 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Вечерняя заря (Календарная страница «Край родной». Март). – Кузбасс. – 1986. – 1 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Ранним утром (Календарная страница «Край родной». Апрель). – Кузбасс. – 1986. – 2 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. В поле (Календарная страница «Край родной». Май). – Кузбасс. – 1986. – 2 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. По пути к передовой; Даты; Ветеранам: [Из военной тетради]. – Кузбасс. – 1986. – 9 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. Сибирское лето [Цикл стихов: Клеверное поле; Перепёлка; «Ласточки летают высоко...»; «Вижу с поля, где роса ещё...»; «Прямо за околицей дорога...»; «На поле пала тень...»; «Да, нынче дней засушливых в избытке...»; С покоса; Змей; Голос в поле; «Неисчислима звёздная семья...»]. – Наш современник. – 1986. – № 6. – С. 32 – 34.

Небогатов, М. А. В ночь на 22 июня 1941 года. – Кузбасс. – 1986. – 22 июня. – С. 4.

Небогатов, М. А. Под стать богатырю. – Комсомолец Кузбасса. – 1986. – 30 августа.

Небогатов, М. А. В предзимье (Календарная страница «Край родной». Октябрь). – Кузбасс. – 1986. – 1 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Белое затишье (Календарная страница «Край родной». Ноябрь). – Кузбасс. – 1986. – 1 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Времени река [Цикл стихов: О России; Русский поклон; В магазине; Неверная; Родные просёлки; Время; «О чём-то мне подумалось когда-то...»; «Нет мысли, думы, чувства ли такого...»; Встреча; «Есть видимость цветения...»]. – Наш современник. – 1986. – № 11. – С. 30 – 32.

Небогатов, М. А. Зимней ночью (Календарная страница «Край родной». Декабрь). – Кузбасс. – 1986. – 2 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. В таёжном посёлке (Календарная страница «Край родной». Февраль). – Кузбасс. – 1987. – 1 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Аккордеон: Поэма памяти брата Григория (Из будущей книги). – Кузбасс. – 1987. – 22 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Луг заливной (Календарная страница «Край родной». Апрель). – Кузбасс. – 1987. – 1 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. На закате лета (Календарная страница «Край родной». Август). – Кузбасс. – 1987. – 1 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. На октябрьской орбите. – Кузбасс. – 1987. – 7 ноября. – С. 1.

Небогатов, М. А. Только гость (Календарная страница «Край родной». Декабрь). – Кузбасс. – 1987. – 1 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. Единоборство. – Наш современник. – 1988. – 2-я с. обл.

Небогатов, М. А. Победа. Мир. Весна (акrostих). – Кузбасс. – 1988. – 9 мая. – С. 1.

Небогатов, М. А. Строки памяти. Современник: Памяти А. Т. Твардовского. «Творцы картин, симфоний, книг ли...»; Случай с Суворовым; Псевдоним. – Кузбасс. – 1988. – 4 сентября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Слово о женщине. – Комсомолец Кузбасса. – 1990. – 8 марта. – С. 1: рис.

Небогатов, М. А. Не застойное, не застольное – корвалольное: Фельетон. – Комсомолец Кузбасса. – 1990. – 13 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Светлое будущее; Насчёт пенсий; Приснилось мне...: [Публикация М. И. Небогатовой]. – Литературный Кузбасс. – 1990. – № 3. – С. 63.

Небогатов, М. А. «В пути, раздумьем раненный...»; «Зори вёсен со мною...». – Литературный Кузбасс. – 1992. – № 3-4. – С. 3 – 4.

Небогатов, М. А. С рабочего стола поэта: [«Нет прекраснее родины...»; Он помнит; После кино; Твой враг; Если бы не солнце...; «Поверь: поэту многого не надо...»; Стихи. Публикация М. И. Небогатовой]. – Родник сибирский. – 1993. – № 13 (октябрь). – С. 5.

Небогатов, М. А. «Когда ты спишь...»; В ночь на 22 июня; «Насильно замуж выдали её...»; «Бор – зелёная обитель...»; «Как это славно и мудро...». – В кн.: Дороже серебра и злата: [Стихи]. – Кемерово, 1994. – С. 118 – 122.

Небогатов, М. А. «Отгрохотав, гроза ушла на север...»; «Бор – зелёная обитель...»; Апрель 1941-го; Пахарь; «Редкий дом обошла похоронка...»; После боя; На постое («Он на ночь здесь...»); «Он был на фронте все четыре года...»; «В поэзии готов стоять горой...»; Тайна; Насчёт пенсий. – День поэзии. Фёдоровские чтения в Кузбассе / Приложение к журналу «Литературный Кузбасс». – 1994. – С. 76 – 78.

Небогатов, М. А. Русский человек; Танки; Когда пройдёт в душе невзгода: Полдень; На передовой; Встреча с Героем Советского Союза; После боя. – Литературный Кузбасс. – 1995. – № 1. – С. 3, 11, 39.

Небогатов, М. А. В ночь на 22 июня 1941 года; «Путь отступления постыл...»; На передовой; «Всю жизнь перед глазами, как живой...»; «Недвижны орудья и траки...»; Пуля («Едва рванулись мы за лог...»); В наступлении («Мы наступали дружно, смело...»); На постое «Он на ночь здесь...»). – Огни Кузбасса. – 1995. – С. 20 – 22.

Небогатов, М. А. В ночь на 22 июня 1941 года; Путь отступления постыл...; На передовой. – В кн.: Кемеровчане в годы войны 1941 – 1945 гг.: Документально-художественный репортаж. – 1996. – С. 246 – 248.

Небогатов, М. А. «Недвижны орудья и траки...»; «Всю жизнь перед глазами, как живой...»; «Ночью был об отходе приказ...»; «Он был на фронте все четыре года...»; В разлив; «И дождь, и слякоть, и туман...»; «Бездонно в небе вольном и высоком...»; После рыбалки; «Лежу в траве на берегу пологом...»; «Пушкин – наше небо...»; В лесу; «За селом, где стога...»; «В пути, раздумьем раненный...». – После 12. – 1996. – № 2. – С. 46 – 48.

Небогатов, М. А. «Зори вёсен со мною...». – [В статье Светловой (Небогатовой) С. «Не удивлять, а удивляться я в этот светлый мир пришёл...»]. – АиФ. – 1996. – № 7 (февраль). – С. 7: фото.

Небогатов, М. А. Родной город («Где ты, радость детская...»). – В кн.: Кемерово. Графика. Поэзия. / Литературно-художественное миниатюрное издание. – Кемерово. – 1998. – С. 12 – 14.

Небогатов, М. А. Стихотворения разных лет: «Нестареющая, вечная...»; Начало зимы; Вечерний дождь; «Пропахший травами и хвоей...»; Перепёлка; «Новый день! Он будет долог...»; «Читатель! Друг мой неизвестный...»; Мои друзья; «Зори вёсен со мною...»; «Зорьки первый мазок...»; Рассветное; Дом в роще; «На поле пала тень...»; «Когда с людьми испорчу отношения...»; Ягоды; «Бор – зелёная обитель...»; Я привёз...; На исходе дня; Колосок; «С давних лет с природою мы дружим...»; Ротный; «О, сладкое слово команды: «Привал!»; На постое; «Рано поколенью моему...»; «Всю жизнь перед глазами, как живой...»; «Творцы картин, симфоний, книг ли...»; «Неисчислима звёздная семья...»; «Есть видимость цветения...»; «Легко на воле дышится...»; «Как это славно и мудро...»; «Вхожу ли в зал...»; «Говорю, приветствуя весну...»; «Нет ничего безликого на свете...»; «Я люблю, как всякий русский...»; Свет в окне; «О чём-то мне подумалось когда-то...»; «Странная натура у меня...»; С покоса]. – В кн.: Михаил Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет / Сост. Небогатова С. – Кемерово. – 2006. – С. 160 – 182.

Небогатов, М. А. «Читатель! Друг мой неизвестный...»; «Короче день, длиннее тень...». – [В статье Инякиной Н. «И всё острее душ родство...»]. – Наши земляки. Кузбасс. – 2011. – № 10. – 14 октября. – С. 14.

Небогатов, М. А. Осенние цветы; Майский снег; «Не удивлять, а удивляться...»; «Всю жизнь перед глазами, как живой...»; «Он был на фронте все четыре года...»; «В огненной горячей круговерти...» (Н. И. Масалову); «Опустело на просёлке...»; «Долго мучает ночами...»; «Посетив места родные...»; «Много в мире прекрасного...»; «Как сказать об этом покороче...»; «Пропахший травами и хвоей...»; [В воспоминаниях вдовы поэта Марии Ивановны Небогатовой «Как научиться жить?»]. – Огни Кузбасса. – 2012. – № 2. – С. 147 – 149.

Небогатов, М. А. Красота земли родной: [«Читатель! Друг мой неизвестный!»; «Нестареющая, вечная...»; «Не удивлять, а удивляться...»; «Свой каприз у сердца моего...»; «Всё меньше в наши дни в России...»; О тщеславье; Июльский день; Оттепель; Взглянуть со стороны; Первый дождь; «Если ты каким-то делом...»; «В серебристом, чистом инее...»; Своя песня; «А вечерами тишь какая!...»; «Тебе бы постигать ещё азы...»; «Зори вёсен со мною...»; «На поле пала тень...»; «Бор – зелёная обитель...»; Я привёз; «Неисчислима звёздная семья...»; «Есть видимость цветения...»; Стихи]. – Университет Культуры: литературно-художественный журнал. – 2012. – № 1-2. – С. 174–179: фото.

Небогатов, М. А. Сибирские кедры; Кинохроника; Победа, мир, весна (акrostих); Воины России: [Из военной тетради]. – В статье Инякиной Н. «О войне – пронзительно. – Наши земляки. Кузбасс. – 2013. – № 18 (91). – 3 мая. – С. I (13).

Небогатов, М. А. «Помню первый свой в жизни стишок...»; Тропинка; «Сосновый бор – живой зелёный храм...»: [Из «Летних сонетов»]. «Бор – зелёная обитель...: В статье «Чувство родины, чувство природы...» ко Дню города и Первым небогатовским чтениям. – Знаменка. Газета Гурьевского района. – 2013. – № 30. – 26 июля. – С. 8.

Небогатов, М. А. «Свой каприз у сердца моего...»: [Стихотворение]. – Университет Культуры: литературно-художественный журнал. – 2013. – №1-2. – С. 232.

Небогатов, М. А. Воспоминания солдата: [Слова песни, положенные на музыку Эдуарда Казакова в 1985 г.]. – (В статье Милютиной Н. «И то надолго память сберегла...»). – 2014. – № 21 (145). – 23 мая. – С. 5.

ПЕРЕВОДЫ

Торбоков С. Русский язык; Лыжи. [Перевод с шорского]. – Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 5 декабря. – С. 3.

Торбоков С. Дорога; Изба. [Перевод с шорского]. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 5 декабря. – С. 3.

Торбоков С. Счастье старого учителя. [Перевод с шорского]. – Кузбасс. – 1965. – 14 января. – С. 4.

Торбоков С. Счастье старого учителя. [Перевод с шорского]. – Сибирские огни. – 1965. – № 7. – С. 74.

Торбоков С. Той. Раздумье. [Перевод с шорского]. – Сибирские огни. – 1966. – № 6. – С. 141.

Торбоков С. Ливень. [Перевод с шорского]. – Сибирские огни. – 1967. – № 11. – С. 69.

Торбоков С. Был у нас кайчи... [Перевод с шорского]. – Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 14 декабря. – С. 3.

Торбоков С. Кузница в лесу. [Перевод с шорского]. – Сибирские огни. – 1969. – № 3. – С. 114.

Торбоков С. Москве; Кузница в лесу; Душа зовёт; Таёжная речка. [Перевод с шорского]. – Кузбасс. – 1969. – 23 августа. – С. 4 (со вступительным словом М. А. Небогатова об авторе).

Торбоков С. Кузбассу. [Перевод с шорского]. – Кузбасс. – 1970. – 5 декабря. – С. 4.

Торбоков С. Наша сила. [Перевод с шорского]. – Кузбасс. – 1973. – 9 января. – С. 2.

Карой Йоббадь. Звёзды, звёзды. [Перевод с венгерского]. – Кузбасс. – 1971. – 20 ноября. – С. 3.

Карой Йоббадь. Свет и пламя; Лирическое путешествие; На русской земле; О, русский язык...; Москва I – II; Плач по тебе; Освобождение. [Перевод с венгерского]. – В кн.: Встреча. Будапешт – Кемерово, 1974, с. 239 – 253.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАРОДИИ

Небогатов, М. А. Загадки (на Сергея Острового) ; Местожителство великих (на Евгения Евтушенко). – В кн.: Смехом по огрехам. Сатирические стихи и эпиграммы. Коллективный сборник. – Кемерово, 1965. – С. 6 – 7.

Небогатов, М. А. Догадайтесь! (на Валентина Махалова); Полезные истины (на Николая Старшинова); «Эге» на Селенге (на Дмитрия Смирнова). – Кузбасс. – 1968. – 3 марта. – С. 3.

Небогатов, М. А. «Огоньки» подмигивают. – Сибирские огни. – 1968. – № 8. – С. 189.

Небогатов, М. А. «Огоньки» подмигивают. Анатолию Поперечному. – Сибирские огни. – 1969. – № 1. – С. 189.

Небогатов, М. А. Пересол; Неравнота; Бурундук. – Огни Кузбасса. – 1969. – № 2. – С. 74, 76.

Небогатов, М. А. Гордость (на Павла Майского). – Кузбасс. – 1970. – 19 июля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Местожительство великих; Качка; Гордость; Из чего человек; Догадайтесь!; То ли будет. – Огни Кузбасса. – 1971. – № 2. – С. 98 – 100.

Небогатов, М. А. Я и эпоха (на Игоря Киселёва); Судьба коварна (на Валентина Махалова). – Кузбасс. – 1973. – 23 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Всё по-божески (на Виталия Крёкова). – Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 6 января. – С. 3.

Небогатов, М. А. У бабусеньки (на Павла Майского). – Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 31 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Я помню истоки...: Как бы написали некоторые поэты о своей работе в газете: Геннадий Юров; Владимир Матвеев; Валентин Махалов. – Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 5 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. В лесу родилась ёлочка: Как бы написали на эту тему кузбасские поэты Виктор Баянов, Геннадий Юров, Валентин Махалов. – Комсомолец Кузбасса. – 1984. – 3 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. Пародии. – Огни Кузбасса. – 1985. – № 3. – С. 88.

Небогатов, М. А. Чем пахнет водка (на Владимира Державина). – Комсомолец Кузбасса. – 1985. – 21 декабря. – С. 4.

СТАТЬИ М. НЕБОГАТОВА О ЛИТЕРАТУРЕ И ПОЭТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. РЕЦЕНЗИИ

Небогатов, М. А. О творчестве начинающих поэтов. – Кузбасс. – 1946. – 25 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Совершенствовать литературное мастерство: Заметки о стихах местных авторов: Косаря, Полозовой, Белова, Измайлова и др. – Кузбасс. – 1954. – 21 ноября.

Небогатов, М. А. Поэт мыслит образами (По страницам рукописей). – Кузбасс. – 1957. – 6 марта. – С. 3.

Небогатов, М. А. О стихах и простом читателе. – Сибирские огни. – 1958. – № 8. – С. 3.

Небогатов, М. А. Человечность. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 10 мая. (О сборнике стихов Геннадия Юрова «Синий факел»).

Небогатов, М. А. Поэзия переднего края. – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 4 октября. – С. 3.

Небогатов, М. А. «Моя работа – моя любовь» (Об одноимённой книге Евгения Буравлёва). – Комсомолец Кузбасса. – 1964. – 1 ноября. – С. 3.

Небогатов, М. А. О будничном – поэтично. – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 21 марта. – С. 3.

Небогатов, М. А. Слово о друге – поэте. – Кузбасс. – 1965. – 9 апреля. (О сборнике стихов В. Баянова «За рекой Талиновой»).

Небогатов, М. А. Познавательное и поэтично (О географе и натуралисте Илье Васильевиче Зыкове и его новой книге этюдов и рассказов о природе «Соболиный след»). – Кузбасс. – 1965. – 29 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Поздравляем, Виктор! (Поздравление Виктора Баянова с принятием в члены Союза писателей РСФСР). – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 17 октября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Сын Шории (О Степане Торбокове). – Комсомолец Кузбасса. – 1965. – 5 декабря. – С. 1.

Небогатов, М. А. «Я здесь свой...» (О новом сборнике стихов Владимира Измайлова). – Комсомолец Кузбасса. – 1966. – 20 февраля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Доброго пути! (Представление молодой поэтессы Марии Платовой с её стихотворениями). – Кузбасс. – 1966. – 31 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Слово о молодых / Критика и библиография. – Огни Кузбасса. – 1967. – № 1. – С. 104.

Небогатов, М. А. В добрый путь! (Представление поэта Николая Пискаева и подборка его стихотворений). – Кузбасс. – 1968. – 13 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. «Я стою за тебя, доброта!» (О новой книге Игоря Киселёва «Ярославна»). – Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 17 сентября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Я полюбил вот эту землю. – Комсомолец Кузбасса. – 1968. – 5 октября. (О поэте Викторе Баянове).

Небогатов, М. А. Критика и библиография: «Добыть свою жар-птицу...» (О поэтической кассете пяти молодых кузбасских стихотворцев Виталия Юречко, Вениамина Безрукова, Виктора Чурилова, Василия Завьялова и Дмитрия Глазова). – Кузбасс. – 1968. – 29 ноября. – С. 3.

Небогатов, М. А. «Какой земле принадлежим...» / Слово – критике. – Огни Кузбасса. – 1969. – № 1. – С. 63. (Тема патриотизма в творчестве кузбасских поэтов.)

Небогатов, М. А. Второе рождение (О творчестве поэта Геннадия Юрова). – Комсомолец Кузбасса. – 1969. – 1 февраля. – С. 3.

Небогатов, М. А. Певец Сибири (Казимиру Лисовскому – 50 лет). – Кузбасс. – 1969. – 28 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Память сердца / Слово – критике (О поэте Михаиле Борисове). – Огни Кузбасса. – 1970. – № 3. – С. 80 – 82.

Небогатов, М. А. Критика и библиография: Большая любовь (О творчестве Зинаиды Чигарёвой и её книге рассказов «Золотые холмы детства»). – Кузбасс. – 1971. – 13 января. – С. 3.

Небогатов, М. А. Новые стихи (О поэте Сергее Донбае с его стихами «Электросварщик» и «Архитектор»). – Кузбасс. – 1972. – 10 сентября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Критика и библиография: «Грядёт высокое горенье» (О поэте Геннадии Гадёнове и его книге «В краю тридцати ёлок»). – Кузбасс. – 1972. – 17 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Доброго пути! (Напутствие молодому поэту Александру Мишукову с представлением подборки его стихов). – Кузбасс. – 1972. – 29 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Поиски и находки / Критика и библиография (О поэте Владимире Матвееве). – Кузбасс. – 1973. – 26 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. «Я всего лишь ручей...»: [Предисловие к книге Анатолия Саулова «Я боюсь опоздать»]. – В кн.: Саулов А. Я боюсь опоздать. Стихи. – Кемерово, 1974. – С. 5 – 8.

Небогатов, М. А. Хорошее начало (О первой книге стихов Любови Никоновой «Скрипичный ключ»). – Кузбасс. – 1974. – 13 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Сокровенное слово (О Василии Макаровиче Шукшине). – Кузбасс. – 1975. – 29 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. Память хранит: К 30-летию Победы (Обзор редакционной почты). – Кузбасс. – 1975. – 19 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Критика и библиография: «Согреть – не только греться...» (О книге Александра Родионова «Начало поля»). – Кузбасс. – 1975. – 23 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Неотложная служба души (О новой книге стихов Игоря Киселёва «Человек приходит к человеку»). – Комсомолец Кузбасса. – 1975. – 14 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Знакомьтесь: Иван Полунин (Представление поэта и подборка его стихов). – Кузбасс. – 1975. – 26 октября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Критика и библиография: Берег удачи (О Геннадии Юрове и его новой книге «Долина в сентябре»: Поэмы). – Кузбасс. – 1976. – 22 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. Уроки А. Т. Твардовского. – Огни Кузбасса. – 1976. – № 4. – С. 90 – 93.

Небогатов, М. А. Доброго пути в поэзию! (Представление поэта-шахтёра Николая Попова и подборка его стихов). – Кузбасс. – 1976. – 29 августа. – С. 3.

Небогатов, М. А. Издано в Кемерове: Хороший подарок (О поэте Викторе Баянове и его новой книге лирики «Гость»). – Кузбасс. – 1977. – 16 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. Критика и библиография: Слова, идущие от сердца (О поэте Иване Полунине). – Кузбасс. – 1977. – 19 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. В добрый путь! Знакомьтесь: Валентина Минькова (О молодой поэтессе с подборкой её стихотворений). – Кузбасс. – 1977. – 4 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. Истинный лирик (Штрихи к портрету Николая Пискаева). – Комсомолец Кузбасса. – 1980. – 3 января. – С. 4.

Небогатов, М. А. Как в чистой горнице... (О первой книге стихов Алексея Томилова «Красно яблоко»). – Комсомолец Кузбасса. – 1980. – 4 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. Своей дорогой (О первой книжке стихов поэта Виталия Крёкова «Лицо твоё»). – Комсомолец Кузбасса. – 1980. – 15 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. «Какой земле принадлежим...» (Поэзия на страницах «Комсомольца Кузбасса»). – Кузбасс. – 1980. – 20 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. От Пушкина никуда не уйти... (Отзыв о последней работе Александра Ибрагимова – поэме «Прогулка»). – Комсомолец Кузбасса. – 1981. – 17 января. – С. 3.

Небогатов, М. А. Радостное единство (О поэте Валерии Зубареве). – Комсомолец Кузбасса. – 1982. – 16 марта. – С. 4.

Небогатов, М. А. Поэтическая рубрика: С болью в сердце (Представление поэта Ивана Арсиенко и его стихов). – Кузбасс. – 1982. – 9 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. И в шутку, и всерьёз. – Журналист Кузбасса. – 1982. – № 9. – С. 13 – 14. (О поэте-сатирике Владимире Матвееве).

Небогатов, М. А. Доброго пути! (Представление юной сочинительницы стихов Наташи Вишневской и её стихотворений). – Кузбасс. – 1982. – 6 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Любовь и боль... (О книжке Павла Майского «Высокие туманы»). – Комсомолец Кузбасса. – 1983. – 2 июня. – С. 3.

Небогатов, М. А. Разными гранями... / Критика и библиография (О книжках стихов молодых кузбасских поэтов Ивана Полунина, Николая Колмогорова, Александра Ибрагимова и Валерия Ковшова). – Кузбасс. – 1983. – 8 сентября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Стеною встанем! (Представление самодеятельных поэтов в обзоре писем в рубрике «Неделя действий за разоружение»). – Кузбасс. – 1983. – 26 октября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Знакомьтесь: Наталья Пономарёва (О молодой поэтессе с подборкой её стихотворений). – Кузбасс. – 1983. – 18 декабря. – С. 4.

Небогатов, М. А. В нашей поэтической рубрике (О поэте Владимире Зулине с подборкой его стихотворений). – Кузбасс. – 1984. – 28 апреля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Виктору Баянову 50 лет. – Огни Кузбасса. – 1984. – № 3. – С. 3.

Небогатов, М. А. Поэтическая рубрика: Доброго пути! (О поэтессе Надежде Ма Динь с представлением её стихотворений). – Кузбасс. – 1984. – 21 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Поэтическая рубрика: Лирика Светланы Чинаховой (Представление молодой поэтессы и её стихотворений). – Кузбасс. – 1984. – 22 ноября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Мой друг, собрат, ровесник... – В кн.: Евгений Буравлёв. Биография начиналась так... Стихи; Поэмы; Воспоминания о поэте. – Кемерово, 1985. – С. 236 – 240.

Небогатов, М. А. «К тебе приду в весенний ясный день» (Поэт Анатолий Козлов и его стихи). – Кузбасс. – 1985. – 1 мая. – С. 4.

Небогатов, М. А. Издано в Кемерове: Свет правды (О поэте Владимире Мамаеве). – Кузбасс. – 1985. – 23 августа. – С. 4.

Небогатов, М. А. Поэтическая рубрика: Знакомьтесь: Александр Иванов (О поэте с представлением его стихотворений). – Кузбасс. – 1985. – 24 сентября. – С. 4.

Небогатов, М. А. Поэзия ни о чём? / Точка зрения (Полемическая реплика на рецензию Василия Попка на кассету стихов кузбасских литераторов «Первый горизонт»). – Комсомолец Кузбасса. – 1985. – 3 октября. – С. 3.

Небогатов, М. А. Издано в Кемерове: «Создаю портрет родного края...» (О поэте Геннадии Юрове и его однотомнике «Доверчивое русло»). – Кузбасс. – 1987. – 14 июля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Никогда не поздно...: [Предисловие к книге Анатолия Козлова «Тонкорунные снега»]. – В кн.: Козлов А. М. Тонкорунные снега: Стихи / В кассете «Не разлюби!..». – Кемерово, 1988. – С. 3 – 4.

Небогатов, М. А. «Незаметно дни идут за днями...»: Заметки из дневников 1952, 1958 гг. [Публикация М. И. Небогатовой]. – Литературный Кузбасс. – 1991. – № 1. – С. 82 – 87.

Небогатов, М. А. От ученичества к творчеству. ФМЛ: обзоры стихов начинающих поэтов / Сост. Н. М. Инякина. – Кемерово: Печатный двор Кузбасса, 2013. – 331 с.: ил. – (Сер. Известный неизвестный Небогатов).

ОЧЕРКИ. ПУБЛИЦИСТИКА. ЗАРИСОВКИ

Небогатов, М. А. Он был волшебником [Слово об учителе Владимире Павловиче Алентове]. – Кузбасс – 1966. – 2 октября. – С. 2.

Небогатов, М. А. Дети есть дети [Миниатюры – результат наблюдений над повседневной жизнью ребят]. – Кузбасс. – 1968. – 7 июня. – С. 3.

Небогатов, М. А. Он был волшебником: [По воспоминаниям автора] (Слово об учителе Владимире Павловиче Алентове). – Знамя Ильича (Орган Гурьевского ГК КПСС и Горсовета депутатов трудящихся). – 1971. – № 67. – 5 июня. – С. 4.

Небогатов, М. А. «Человек строит город»: [Очерк о Викторе Пуце в рубрике «Октябрь в нашей судьбе»]. – Кузбасс. – 1977. – 8 июля. – С. 2.

Небогатов, М. А. Славные вехи: [Автобиографический очерк в рубрике «Октябрь в нашей судьбе»]. – Кузбасс. – 1977. – 7 ноября. – С. 2.

Небогатов, М. А. Я хочу, чтобы был жив лейтенант! – Огни Кузбасса. – 1985. – № 1-2. – С. 38 – 39.

Небогатов, М. А. Читает Надежда Ладыгина: [Штрихи к творческому портрету]. (О мастере художественного слова, артистке Кемеровской филармонии). – Кузбасс. – 1985. – 20 февраля. – С. 4.

Небогатов, М. А. Читая редакционную почту: Люди крепкого сплава (Обзор писем). – Кузбасс. – 1985. – 3 марта. – С. 2.

О ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ М. А. НЕБОГАТОВА

- На «среде» литгруппы: [Обсуждение стихов М. Небогатова]. – Кузбасс. – 1945. – 5 декабря. – С. 8.
- Павловский А. Стихи М. Небогатова. – Комсомолец Кузбасса. – 1954. – 4 июля. – С. 3.
- Микешин А. Поэзия края молодости. – Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 10 июля. – С. 3.
- Небогатов М. О себе. – В кн.: Майский снег. – Кемерово. – 1966. – С. 82 – 84.
- Простота и задушевность. – В кн.: Абрамович А. Ф. На своей земле. Очерки творчества кузбасских писателей. – Кемерово, 1968. – С. 135 – 143.
- Михаил Александрович Небогатов. – В кн.: Писатели Кузбасса. – Кемерово, 1968. – С. 32 – 33.
- Микешин А. Очерки творчества кузбасских писателей (в рубрике «Критика и библиография»). – Кузбасс. – 1968. – 20 декабря. – С. 4.
- Абрамович А. Поэты Кузбасса. Год 1969-й (Заметки литературного критика). – Кузбасс. – 1969. – 20 декабря. – С. 3.
- Абрамович А. Кузбасс литературный, 1971 год. 2. Поэзия. – Кузбасс. – 1972. – 9 апреля. – С. 3.
- [М. Небогатову – 50 лет]. – Огни Кузбасса. – 1971. – № 3. – 2-я стр. обложки.
- Борисов А., Зулин В. Если сердце любовью согрето... / Поэту Михаилу Небогатову – 50 лет). – Кузбасс. – 1971. – 3 октября. – С. 4.
- Микешин А. Веление времени (Заметки о литературной критике в Кузбассе). – Кузбасс. – 1972. – 7 сентября. – С. 2-3.
- Матвеев В. «Ищу, где видимость, где суть...». – Кузбасс. – 1973. – 17 января. – С. 4.
- Попок Л. Кузбасс литературный в школе. – Кузбасс. – 1973. – 15 июня. – С. 4.
- Небогатов Михаил Александрович. [Биогр. справка]. – В сб.: Встреча. – Budapешт – Кемерово. – 1974. – С. 338 – 339. На рус. и венг. языках.
- Баландин Ю. К жизни, к людям! (Собрание областной писательской организации). – Кузбасс. – 1974. – 7 февраля. – С. 4.
- Небогатов Михаил Александрович. – В кн.: Русская литература Сибири. 1917 – 1970 гг. Библиогр. указатель. Ч. II. – Новосибирск. – 1977. – С. 283 – 284.
- Матвеев В. Где видимость? Где суть? – Огни Кузбасса. – 1977. – № 3. – С. 95 – 101.
- Баянов В. Поэту Михаилу Небогатову 60 лет. – Огни Кузбасса. – 1981. – № 3 (июль – сентябрь). – С. 3.
- Поздравляем! Поэту Михаилу Небогатову – 60 лет (Предисловие к подборке стихов «Из военной тетради»). – Кузбасс. – 1981. – 4 октября. – С. 4.
- Матвеев В. Верность родному слову / Штрихи к творческому портрету поэта М. Небогатова). – Кузбасс. – 1981. – 17 октября. – С. 4.
- Из лирического дневника (Предисловие к подборке стихов – воспоминаний о газете «Кузбасс», давшей поэту М. Небогатову путёвку в большую литературу). – Кузбасс. – 1982. – 28 января. – С. 4.
- Мазаев В. Познание человека (О задачах литературы в рубрике «Художник и время»). – Кузбасс. – 1982. – 7 марта. – С. 4.
- Яковлева И. Кузбасс поэтический. – Кузбасс. – 1984. – 28 июля. – С. 4.
- Казаркин А. Славить жизнь... (Михаил Небогатов). – В кн.: Пульс времени. Этюды о поэтах Кузбасса. – Кемерово, 1985. – С. 22 – 33.
- Дроздов В. «Рабочая мелодия Кузбасса»: Стихи о родном крае (В рубрике «Издано в Кемерове»). – Кузбасс. – 1985. – 23 января. – С. 4.

Казаркин А. Величание Сибири. Русский поклон. – Огни Кузбасса. – 1985. – № 3. – С. 79 – 81.

Матвеев В. Высокое предназначение: С собрания писателей Кузбасса. – Кузбасс. – 1985. – 3 сентября. – С. 4.

Глебова Л. Книга о кузбасских поэтах (О книге А. Казаркина «Пульс времени» – в рубрике «Издано в Кемерове»). – Кузбасс. – 1985. – 15 декабря. – С. 4.

Хорольский В. О лирике и лириках. Заметки о книге А. Казаркина «Пульс времени. Этюды о поэтах Кузбасса». – Кузбасс. – 1986. – 16 января. – С. 4.

Дёмин Ф. Россия начинается от сердца... / Поэту Михаилу Небогатову – 65 лет. – Комсомолец Кузбасса. – 1986. – 18 октября. – С. 4.

Из будущей книги (предисловие к поэме «Аккордеон»). – Кузбасс. – 1987. – 22 февраля. – С. 4.

Юров Г. Голос Кузнецкого края (Сегодня Кемеровской областной организации Союза писателей РСФСР исполняется 25 лет). – Кузбасс. – 1987. – 14 июня. – С. 4.

Окунева (Инякина) Н. «Обидно мне за простоту...». Неюбилейные заметки о творчестве кузбасского поэта Михаила Небогатова. – Родник Сибирский. – 1993. – № 13 (октябрь). – С. 2: фото.

Кемеровчане – поэты фронтового поколения: Предисловие к подборке стихов М. А. Небогатова. – В кн.: Кемеровчане в годы войны 1941 – 1945 гг.: Документально-художественный репортаж. – Кемерово. – 1996. – С. 245: фото.

Ляхов И. Такой, как есть, такой, как был (К 75-летию со дня рождения Михаила Небогатова). – Кузбасс. – 1996. – 5 октября.

Грошева Е. «Провинциальный классик русской литературы» (К 75-летию со дня рождения Михаила Небогатова). – Знамянка (Гурьевск). – 1996. – 31 октября. – С. 6, 8.

Светлова (Небогатова) С. Михаил Небогатов: Не удивлять, а удивляться я в этот светлый мир пришёл... – АиФ. – 1996. – № 7 (февраль). – С. 7: фото.

Глебова Л. Славить жизнь (К 75-летию со дня рождения Михаила Небогатова). – Земляки. – 1996. – № 46. – С. 5.

Небогатова С. Михаил Небогатов. Год 43-й: фронтовые строки. – Кузбасс. – 2000. – 6 мая. – С. 4.

Небогатова С. «Не удивлять, а удивляться я в этот светлый мир пришёл...». – Кемерово (Специальный выпуск к 55-летию Победы). – 2000. – С. 9.

Небогатова С. «Не удивлять, а удивляться я в этот светлый мир пришёл...». – Губернские ведомости (Новокузнецк). – 2001. – № 49 (22 марта). – С. 9.

Небогатова С. Свет в окне согревал его душу (К 80-летию поэта Михаила Небогатова). – Кемерово. – Кемерово. – 2001. – 21 сентября. – С. 14.

Ляхов И. «Ложилось на листок за словом слово...» (К 80-летию поэта Михаила Небогатова). – Кузбасс. – 2001. – 1 октября. – С. 4.

Небогатова С. «Я поэт. Иного пути нет...» (К 80-летию поэта Михаила Небогатова). – Кузнецкий край. – 2001. – 2 октября.

Пусть много лет сияет мир весёлый (К 80-летию поэта Михаила Небогатова). – Земляки. – 2001. – 25 – 31 октября. – С. 8.

Михаил Александрович Небогатов. [Имя в истории. К 60-летию Кемеровской области]. – Кузбасс. – 2002. – 21 ноября. – С. 1: фото.

Ольховская Л. Осенний лист, кружась, упал в строку... (К 85-летию со дня рождения Михаила Небогатова). – Земляки. – 2006. – № 40 (6 октября). – С. 13: фото.

Михаил Небогатов. Поэт. Дневниковые записи разных лет / Составитель Светлана Небогатова, дочь М. А. Небогатова. – Кемерово. – ООО «АРФ». – 2006. – 300 с.

Инякина Н. Моим открытиям нет предела (О книге Светланы Небогатовой «Михаил Небогатов. ПОЭТ. Дневниковые записи разных лет». – Кемерово. – 2006. – 300 с.). – Кузбасс. – 2006. – 29 декабря. – С. I («Круг чтения»): стихи, фото, рисунок.

Арнаутов В. Из дневников Михаила Небогатова (45 лет Союзу писателей Кузбасса). – Огни Кузбасса. – 2007. – № 2. – С. 63 – 68.

Арнаутов В. Поэт, наставник, хроникёр. (К 90-летию со дня рождения). – Огни Кузбасса. – 2011. – № 5. – С. 145 – 152.

Спицын С. Славит жизнь его строка. (К 90-летию со дня рождения). – Кузбасс. – 2011. – 8 октября. – С. 5.

Небогатова М. Как научиться жить? [Воспоминания вдовы поэта]. – Огни Кузбасса. – 2012. – № 2. – С. 135 – 149: стихи, фото.

Кузнецова О. У Гурьевской библиотеки новое имя. – Знаменка. Гурьевская районная газета. – 2012. – № 43 (1649). – 26 октября. – С. 6.

Инякина Н. О войне – пронзительно. – Наши земляки. Кузбасс. – 2013. – № 18 (91). – 3 мая. – С. I: фото.

Ольховская Л. Все его ученики: [Вышла в свет книга «От ученичества к творчеству. ФМЛ» с подзаголовком «Известный неизвестный Небогатов»]. – Кемерово. – 2014. – № 60 (1327). – 1 августа. – С. 23.

ЛИТЕРАТУРА ОБ ОТДЕЛЬНЫХ КНИГАХ

Солнечные дни (1952)

Маковкин Л. Глубже изучать жизнь. – Кузбасс. – 1952. – 27 сентября.

Мостков Ю. «Солнечные дни». – Сибирские огни. – 1952. – № 5. – С. 176 (подпись М. Юмов.).

Мальцев Ф. Первый сборник / Критика и библиография. – Огни Кузбасса. – 1953. – № 6. – С. 223.

Смердов А. Стихи о кузбасских шахтёрах. – Сибирские огни. – 1954. – № 1. – С. 170.

На берегах Томи (1953)

Смердов А. Стихи о кузбасских шахтёрах. – Сибирские огни. – 1954. – № 1. – С. 170.

Павловский А. Стихи М. Небогатова. – Комсомолец Кузбасса. – 1954. – 4 июля.

Павловский А. За правдивость и мастерство. – Кузбасс. – 1954. – 31 октября.

Моим землякам (1958)

Блюменфельд В. Заметки о языке и стиле / Критика. Литературоведение (О творчестве А. Волошина и М. Небогатова). – Огни Кузбасса. – 1959. – № 12. – С. 91 – 97.

Ветлугин И. «Один куплет на сотни строк...». – Сиб. огни. – 1960. – № 2. – С. 183 – 186.

Лирика (1961)

Измайлов В. Если сердце любовью согрето. – Кузбасс. – 1961. – 2 сентября.

Фоломин В. Говорить своим голосом... – Литература и жизнь. – 1962. – 22 июля.

Родные просёлки (1963)

Баянов В. По родным просёлкам / Поэт читает поэта. – Комсомолец Кузбасса. – 1963. – 22 декабря. – С. 3.

Махалов В. Доброта чувств (о творчестве М. Небогатова и его сборнике «Родные просёлки» в рубрике «Критика и библиография»). – Кузбасс. – 1964. – 4 февраля. – С. 3.

Свет в окне (1969)

Глебова Л. «Я сроднился навек с полевою тропой...»: [Предисловие редактора]. – В кн.: Свет в окне. / Под ред. Л. В. Глебовой. – Кемерово. – 1969. – С. 3 – 7.

Спасибо сентябрю (1972)

Дёмин Ф. Новый сборник стихов М. Небогатова. – Кузбасс. – 1972. – 30 сентября.

Матвеев В. «Ищу, где видимость, где суть...» – Кузбасс. – 1973. – 17 января. – С. 4.

Юров Г. Особое родство с землёй. Кузбасская поэзия. 1972. – Комсомолец Кузбасса. – 1973. – 27 января. – С. 3.

Земной поклон (1976)

Петраш В. Исповедь поэта. – Кузнецкий рабочий (г. Новокузнецк). – 1977. – 9 июня.

Лобанова Р. «Не боясь счастливо повториться...». – Кузбасс. – 1977. – 12 июня. – С. 4.

Матвеев В. «Где видимость? Где суть?» – Огни Кузбасса. – 1977. – № 3. – С. 95 – 101.

Курбатов В. Быть может, за новым порогом. – Сибирские огни. – 1978. – № 1. – С. 181 – 188.

Лето (1981)

Баянов В. О сборнике лето: [Предисловие редактора]. – В кн.: Лето. / Под ред. В. М. Баянова, Л. В. Глебовой. – Кемерово. – 1981. – С. 4 – 6.

Дёмин Ф. Новая книга Михаила Небогатова (о книге «Лето»). – Кузбасс. – 1981. – 5 сентября. – С. 4.

Карлагин Н. «Чтоб многое на свете полюбить...». – Огни Кузбасса. – 1982. – № 4. – С. 66 – 67.

Земля моя добрая (1984)

Дёмин Ф. Отчая земля поэта (о книге «Земля моя добрая»). – Кузбасс. – 1984. – 10 июня. – С. 4.

Перепёлка (1988)

Дёмин Ф. Свет в окне (о тринадцатой книге поэта «Перепёлка» – в рубрике «Издано в Москве»). – Кузбасс. – 1989. – 5 марта. – С. 6.

Вечерние огни (1989)

Дёмин Ф. Как хороша земля моя родная! – Кузбасс. – 1989. – 3 августа. – С. 4.

Благодарю, благодарю... (1995)

Куралов И. Певец земли, известной миру: [Предисловие редактора]. – В кн.: Благодарю, благодарю. / Под ред. И. А. Куралова. – Кемерово. – 1995. – С. 5 – 6.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Детство и юность. Первые шаги на литературном поприще:	4
М. Небогатов. Стихи из неопубликованной книги сонетов	4
М. Небогатов. Он был волшебником (Слово об учителе)	6
В. Цеханович. Из воспоминаний о Михаиле Небогатове.	7
М. Небогатова. Неоконченная рукопись о муже и его жизни.	8
Иллюстрации № 1	16
ГЛАВА ВТОРАЯ. Война и поэзия:	21
М. Небогатов. Из рукописного сборника «Стихи 40-х годов».....	22
М. Небогатов. Из сонетов о войне.....	29
М. Небогатов. Стихи, посвящённые Дню победы, о мире и войне	30
Иллюстрации № 2	33
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. История о том, как двое могли, да не стали счастливыми:	36
М. Небогатов. Из дневниковых записей 40-х – 60-х гг.	36
Иллюстрации № 3	45
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. «Зеркало покойного – его архив»:	48
Часть первая: Из дневниковых записей 1950 – 1970 гг.	49
Часть вторая: Переписка 1970 – 1980 гг. (Из неопубликованного семейного архива Небогатовых).....	126
Часть третья: Избранное (Из неопубликованного творческого наследия М. А. Небогатова)	235
Поэмы: Наша Вера	235
Дни и годы.....	242
Из книги сонетов	250
Из полевой тетради (Черновики, наброски. 1940-е – 1957 гг.)	253
Из стихов о шахтёрах (1962 – 1974 гг.).....	255
Из стихов о России (1967 – 1982 гг.).....	256
БУКЕТ: Рассказ (3 декабря 1958 г.)	257
О рукописи первой книги стихов Стихии Соколовской: Литературная критика	261
Иллюстрации № 4	263
ГЛАВА ПЯТАЯ. Творчество членов семьи Небогатовых:	268
Мария Небогатова. НЕЗНАКОМЕЦ: Рассказ (июль, 1968 г.)	268
Светлана Небогатова. ИГРУШКА: Новелла (март, 2001 г.).....	270
Александр Небогатов. ЗИМНЯЯ СКАЗКА: Репортаж с выставки цветов (январь – февраль, 1971 г.).....	271
Владимир Небогатов. РИСУНКИ (1972, 1979 гг.).....	276

Иллюстрации № 5	278
ГЛАВА ШЕСТАЯ, ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ. «Ничто на земле не проходит бесследно...»	280
Небогатов, М. А. БИОГРАФИЯ: Приложение № 1	281
Небогатов, М. А. БИБЛИОГРАФИЯ: Приложение № 2	284

Литературно-художественное издание

Небогатов Михаил Александрович

«ТАКОЙ, КАК ЕСТЬ...»

Очерк жизни и творчества поэта
к 95-летию со дня его рождения



От составителя: «Мы положили в основу новой книги дневниковые записи, письма, произведения не только самого поэта, но и членов его семьи. Думается, читатели увидят и сумеют оценить, насколько творческой и талантливой была вся семья Небогатовых».

